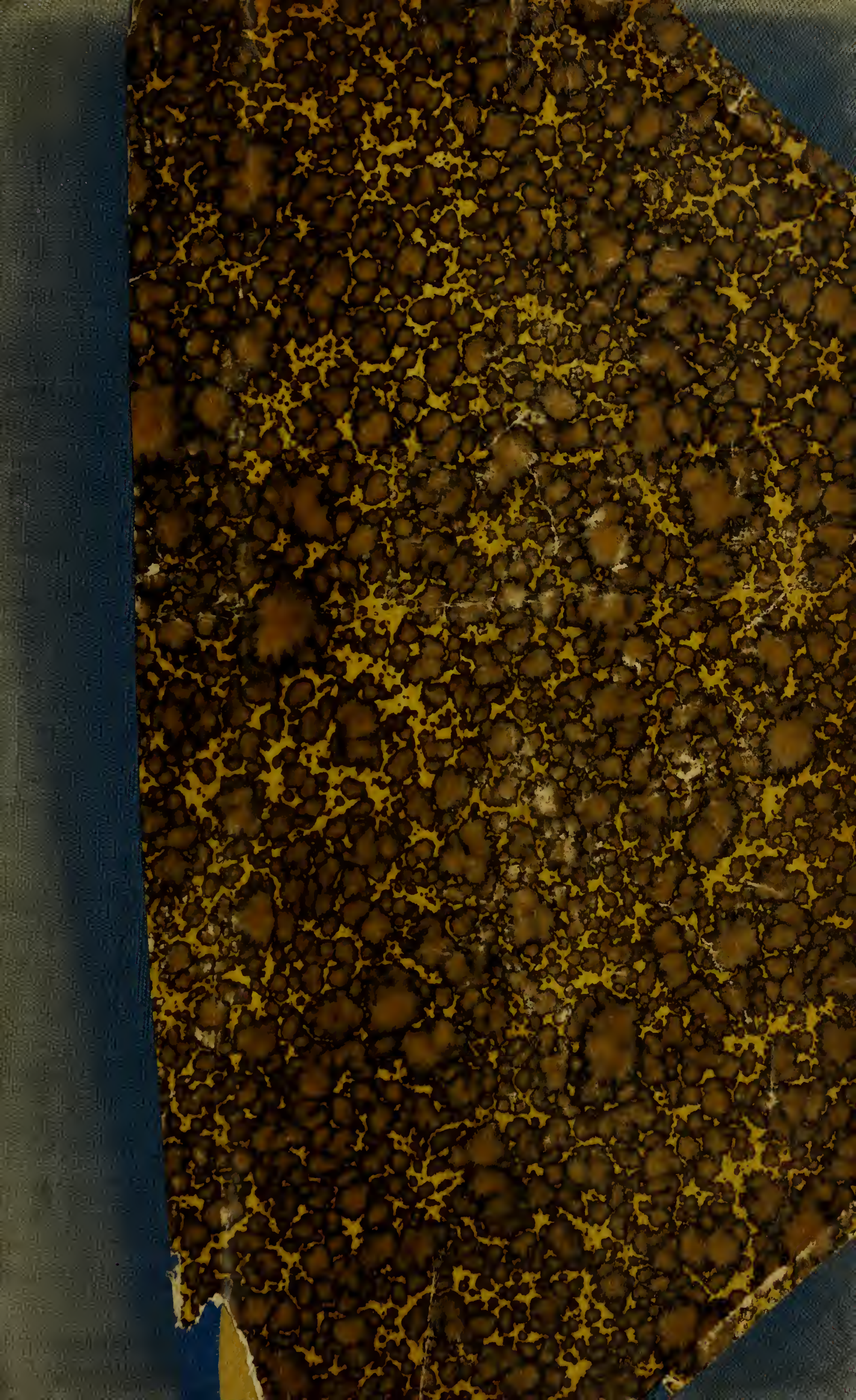
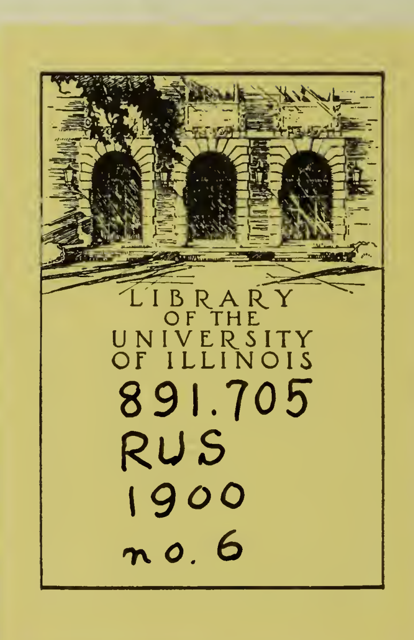




РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

1900.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.
1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВѢЧНЫЙ ГОРОДЪ *).

(Итоги пережитого).

V.

Ватиканъ въ концѣ вѣка.

Послѣдніе двадцать лѣтъ римской куріи.—Отношеніе къ ней русскихъ.—Мои экскурсіи въ ея область.—Наша миссія.—*Русскій* католическій патеръ—старожилъ Рима.—У Доминиканцевъ.—Отецъ Ванутелли.—У іезуитовъ.—Префектъ Пропаганды.—Мой чтецъ-репетиторъ.—Аудіенція у статсъ-секретаря, кардинала Рамполла.—Визитъ кардиналу Винченцо Ванутелли.—Его воспоминанія о Москвѣ.—Служба въ 66-ю годовщину священства папы.—Торжество въ св. Петрѣ.—Публика и ея поведеніе.—Частная аудіенція у его священства.—Внутренніе покои папы.—Церемоніалы.—Любимыя темы Льва XIII.—Содержаніе нашей бесѣды.—Юбилейное торжество въ Сикстинской капеллѣ.—Церковный бытъ Рима.—Унія восточныхъ церквей.—Разноязычныя службы въ недѣлю „Веѳапа“.—Заключительные выводы.

Ватиканъ сдѣлался для всѣхъ и внѣ католичества чѣмъ-то совсѣмъ инымъ въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ. И достигъ этого тотъ первосвященникъ, который передъ отъѣздомъ моимъ изъ Рима, въ мартѣ 1898 года, праздновалъ двадцатилѣтній юбилей своего восшествія на папскій престолъ.

Кто бы подумалъ въ ноябрѣ 1870 года, когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Римъ, два мѣсяца послѣ вступленія итальянскихъ войскъ, что не пройдетъ и тридцати лѣтъ, и не въ одномъ Римѣ, а по всей Италіи, въ Миланѣ, гдѣ когда-то восторженно встрѣчали Виктора-Эммануила съ Гарибальди, даже въ Туринѣ, бывшей резиденціи Савойскаго дома, подниметъ голову движеніе во имя папы, какъ непримиримаго противника теперешняго режима единой и освобожденной Италіи.

Тогда, въ первые мѣсяцы добровольнаго «плѣненія» папы Пія

*) *Русская Мысль*, кн. X, 99 г.

IX, только одна черная братія и ея кліенты, присмирѣвъ до поры до времени, предавала пришельцевъ-иновѣрныхъ всѣмъ духамъ тьмы. Не надо забывать, что плебисцитъ, утвердившій власть короля Италіи, произведенъ былъ безъ всякаго внѣшняго давленія. Онъ далъ почти единогласное признаніе жителями Рима новаго правительства. Противъ было ничтожное до смѣшного число голосовъ. Тѣ, кто не желалъ мириться, не участвовали въ голосованіи. Но ядро такихъ приверженцевъ папскаго режима все росло. Не мѣшаетъ припомнить и то, что когда итальянцы проломили брешь около Porta Pia и вошли въ Римъ, то командиръ отряда, вѣрный соглашенію съ папой, не занималъ праваго берега Тибра, предоставляя этимъ всю зарѣчную часть Трастевера и citta Leonina папскому правительству. Коренные жители Рима, самые стародавніе подданные его святѣйшества, возмутились противъ него, и кардиналъ Антонелли принужденъ былъ, отъ имени папы, обратиться самъ къ начальнику итальянскихъ войскъ съ форменной бумагой и призвать его на защиту Ватикана.

Вотъ что несомнѣнно *было*. Но это скоро вывѣтрилось изъ общей памяти. Та свобода и то единство, къ которымъ вся Италія такъ долго и такъ, повидимому, пламенно стремилась, все блѣднѣло и блѣднѣло. И съ конца 70-хъ годовъ, когда папскую тіару возложилъ на себя кардиналъ графъ Джоахино Печчи, обаяніе ватиканскаго плѣнника начало все расти.

При Піѣ IX-мъ Ватиканъ, упершись въ свое «non possumus»— политически притихъ, но не сдавался, и послѣ догмата непорочнаго зачатія утвердилъ и непогрѣшимость папы, какъ такой же основной догматъ католичества, хотя оно жило осьмнадцать вѣковъ и безъ него.

Но еще въ половинѣ 70-хъ годовъ обѣ державы Рима, послѣ смерти короля «galantuomo», отлученнаго отъ церкви, при всей напряженности этого сожительства, всетаки кое-какъ уживались. Папа не хотѣлъ мириться; но и не умѣлъ создать себѣ особаго положенія въ Европѣ, не умѣлъ или не хотѣлъ и пользоваться разладомъ политическихъ соціальныхъ интересовъ.

Я хорошо помню тогдашнее настроеніе. Молодая королевская чета была популярна въ Римѣ. Вся страна тѣшилась сознаніемъ того, что Римъ достался наконецъ объединенной націи. Къ столицѣ Италіи приливали со всѣхъ сторонъ и люди, и денежныя средства. Только что начинали обстраивать городъ, проводить новыя улицы, очищать Тибръ, проектировать цѣлые кварталы, приступать къ

продолжительнымъ монументальнымъ работамъ. Впереди стоялъ миражъ большой столицы, быть можетъ, въ милліонъ жителей.

Тогда Ватиканъ и въ самомъ Римѣ, и внѣ его, по Италіи и во всей остальной Европѣ, кромѣ клерикальныхъ сферъ, казалось, *доживалъ* свой вѣкъ, какъ твердыня свѣтской власти папы. Серьезно объ этомъ никто не думалъ и не говорилъ ни въ частныхъ бесѣдахъ, ни въ печати. Папа—уже болѣзненный старикъ—съ тихимъ упорствомъ игралъ свою роль узника. Онъ не показывался нигдѣ и на торжественныхъ службахъ; Ватиканъ вмѣстѣ со св. Петромъ теряли для туристовъ прежній интересъ. Совсѣмъ и не тянуло изъ простого любопытства попасть въ Сикстинскую капеллу, на обѣдню, когда будетъ присутствовать папа или самъ служить ее.

Къ этой сторонѣ тогдашней Римской жизни я—какъ навѣрно и большинство русскихъ—оставался равнодушенъ. И вплоть до второй половины 80-хъ годовъ Ватиканъ, или лучше сказать, личность папы, его идеи, стремленія, внутренняя и внѣшняя политика не захватывали всеобщаго интереса, какъ это сдѣлалось въ послѣдніе десять лѣтъ.

И тутъ надо воздать должное автору романа «Римъ» за то, что онъ схватилъ въ своей трилогіи городовъ новый поворотъ борьбы между католичествомъ и освободительными идеями въ наукѣ, политикѣ, философіи, между громадной организаціей вселенской іерархіи и тѣмъ, что̀ XIX вѣкъ выработалъ и укрѣпилъ въ самыхъ просвѣтленныхъ умахъ и энергическихъ характерахъ.

Ватиканъ никогда еще не былъ такъ силенъ, какъ въ послѣдніе десять лѣтъ, воспользовавшись всѣмъ, что̀ только могло служить ему по доброй волѣ или не желая того.

У насъ къ католичеству до самаго послѣдняго времени принято было относиться или съ полнымъ пренебреженіемъ, или въ закоренѣло-охранительномъ — чтобы не сказать враждебномъ духѣ. Та статья русскаго уголовнаго положенія находится до сихъ поръ въ силѣ, по которой каждый, производящій совращеніе православнаго въ какое-либо другое *христіанское* исповѣданіе, подвергается лишенію особенныхъ правъ и ссылкѣ въ мѣста достаточно отдаленныя. И нечего удивляться тому, что въ природномъ русскомъ обществѣ, состоящемъ исключительно изъ православныхъ, не было никогда интереса къ «инославнымъ». Исповѣданіямъ, какъ принято у насъ переводить слова «ἑτεροδοξος», вопреки прямому его смыслу «иновѣрій», такъ какъ тутъ коренное слово «δόξα» значитъ «вѣро-

ванie», «мнѣнie», а не «слава», на что не разъ указывалъ въ печати покойный Н. С. Лѣсковъ.

Обращенiя въ католичество бывали у насъ крайне рѣдко, и почти исключительно въ высшемъ барскомъ обществѣ: за цѣлое столѣтie нѣсколько барынь, вродѣ княгини Зинаиды Волхонской и другихъ, да дюжина—другая мужчинъ. Изъ нихъ стали извѣстны тѣ, кто пошелъ въ iезуиты, вродѣ Балабина и Гагарина, или того старичка, котораго я нашелъ въ Римѣ, въ званiи капеллана польскаго костела, принадлежащаго нашему правительству.

Не мало я живу на свѣтѣ, а, право, не припомню, чтобы гдѣнибудь, въ свѣтской гостиной, или въ кабинетѣ крупнаго чиновника, въ редакцiи журнала или на сходкѣ молодыхъ людей, въ женскихъ или мужскихъ кружкахъ, заходилъ серьезный разговоръ на тему свободы совѣсти, государственной церкви, обязательнаго для русскихъ подданныхъ православiя, а главное—католичества, его розни отъ греческаго закона, его дѣйствительнаго значенiя въ христiанствѣ, или еще менѣе о возможности того «соединенiя вѣры», о которомъ молятся каждый день за обѣдней.

Мнѣ кажется, что огромное большинство нашей «интеллигенцiи» остается, на всю жизнь, съ тѣми свѣдѣнiями и аргументами, какie имъ преподаютъ въ школахъ изъ церковной исторiи, въ «билетѣ» объ отпаденiи западной церкви отъ восточнаго исповѣданiя. Сохранилось въ памяти слово «filioque», какъ вставка въ символъ вѣры, и того довольно. А потомъ кое-какie обрывки изъ всеобщей исторiи объ индульгенцiяхъ, объ инквизицiи, о безпутствѣ такихъ папъ, какъ Александръ VI, о нравахъ холостыхъ священниковъ, а главное объ iезуитахъ.

Никто какъ будто не задумывался у насъ хоть надъ тѣмъ фактомъ, что въ предѣлахъ имперiи постоянно живетъ до *двѣнадцати* миллiоновъ католиковъ—русскихъ подданныхъ. Изъ нихъ многie женятся на православныхъ и *обязаны* крестить своихъ дѣтей по православному обряду. Въ народѣ несомнѣнно русскаго происхожденiя, признавшемъ унiю, это *возсоединенie* съ католичествомъ до сихъ поръ тайно исповѣдуется. Господствующему племени, въ лицѣ его интеллигенцiи, точно и въ голову не приходитъ вопросъ объ освобожденiи совѣсти. И какъ бы кто ни смотрѣлъ на чистоту христiанской традицiи въ той или иной церкви, врядъ ли достойно образованнаго общества быть до такой степени равнодушнымъ къ дѣлу такой важности. Развѣ это не показываетъ, что наше общество едва ли не самое индифферентное въ духовномъ смыслѣ? Народъ—другое дѣло! Въ немъ сильна потребность вѣры.

Но это равнодушіе не можетъ быть вѣчно и стало извѣстно, даже въ печати, что съ нѣкоторыхъ поръ замѣчается движеніе идей по направленію къ Риму. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ публицистовъ, любимецъ читающей публики, давно уже отдавался вполнѣ искренно вопросу «единенія вѣры», напечаталъ за границей книгу рѣшительныхъ итоговъ по этому вопросу и ни отъ кого не скрываетъ своего взгляда на значеніе римскаго первосвященника. Извѣстны и другія «оказательства», вродѣ книги на такую же тему русской княгини, жены сановника, недавно похороненной въ Петербургѣ по католическому обряду. Разнеслась повсюду и молва о томъ русскомъ священникѣ дворянскаго происхожденія, который въ самомъ Римѣ, служа православную обѣдню, молился за «епископа римскаго». Его лишили сана и онъ живетъ теперь за границей, какъ уніатскій священникъ. Этотъ сторонникъ «возсоединенія» дѣлалъ попытку и въ Москвѣ собрать около себя паству, признающую главенство папы, даже среди простого народа и, кажется, не безуспѣшно. Вѣдь наши начетчики, и внѣ раскола, знающіе хорошо «Прологъ», могутъ останавливаться на вопросѣ: что же сталось теперь съ папами и почему послѣ стольких папъ, признаваемыхъ святыми и православной церковью, вдругъ какъ отрѣзало и никто о нихъ никогда даже и не упоминаетъ?

И вотъ какъ разъ въ послѣднее двадцатилѣтіе отживающаго вѣка папа Левъ XIII, своей личностью, идеями и заявленіями съ пастырской каѳедры, поднялъ обаяніе духовной власти до небывалой высоты. Наше общество также не осталось равнодушнымъ къ тому, что исходило изъ Ватикана. Въ особенности двѣ энциклики—объ единеніи церквей и объ отношеніи къ трудовой массѣ—вывели нашу публику изъ ея индифферентизма или враждебности. Небывалый у насъ фактъ: тексты энцикликъ появились въ переводѣ не только въ газетахъ, но и въ толстыхъ журналахъ. Сколько я себя помню грамотнымъ, ничего подобнаго еще не случалось.

Признаюсь, и я до самыхъ послѣднихъ годовъ не присматривался поближе къ вопросу о теперешнемъ католичествѣ. Я знаю Италію болѣе двадцати пяти лѣтъ, жилъ въ Римѣ два раза до послѣдней моей поѣздки, но не дѣлалъ изъ Ватикана предмета изученія,—настолько же, насколько интересовался памятниками, обществомъ или уличной жизнью. Во Флоренціи, гдѣ я жилъ всего больше, тридцать почти лѣтъ, съ 1870 года, католическій міръ стоялъ отъ меня вдали, и только посѣщая церкви, я присутствовалъ на службахъ, видалъ погребальныя шествія и крестные ходы;

но съ духовными не имѣлъ случая да и охоты знакомиться и проникать въ ихъ сферу.

Обдумывая програму послѣдней поѣздки въ Римъ, я ввелъ въ нее Ватиканъ, какъ одну изъ главныхъ статей. Она имѣла для меня во все мое почти полугодовое житье въ Римѣ едва ли не первенствующій интересъ. Мнѣ хотѣлось не по слухамъ и по газетамъ, а воочію ознакомиться съ тѣмъ, какъ живетъ Ватиканъ; если возможно будетъ, видѣть папу и на церковныхъ торжествахъ, и въ его внутреннихъ покояхъ, имѣть случай бесѣдовать съ выдающимися кардиналами, начиная съ кардинала статсъ-секретаря, присмотрѣться къ тому, что̀ составляетъ Пропаганду, проповѣдующую за границей, включая сюда и вопросъ о соединеніи церквей. Надо было лично познакомиться и съ тѣми духовными, кто больше занимался Россіей и ея церковью. Нельзя было и оставить безъ вниманія то, какъ Ватиканъ и его сторонники дѣйствуютъ внутри страны и въ самомъ Римѣ, и въ церквахъ, и внѣ ихъ, въ школѣ и обществѣ. Религіозный духъ въ Римѣ, какъ центрѣ католичества, въ простомъ народѣ и образованныхъ классахъ, среди иностранцевъ, просто туристовъ и паломниковъ, характеръ благочестія, бытъ церквей, высшее и низшее духовенство, то, въ чемъ проявляется обыденная набожность,—все это входило въ мою програму. И я выполнялъ ее за все время моего житья, насколько позволяли мнѣ мои силы, средства и знакомства.

Проникать въ католическія сферы, т.-е. въ то, что стоитъ внѣ обыкновенной церковной жизни, всѣмъ доступной,—и чужимъ, и своимъ,—есть два пути: дипломатическое представительство и ходы черезъ духовныхъ. Я пользовался и тѣмъ, и другимъ. Еще до пріѣзда въ Римъ, живя въ Германіи, я запасся нѣсколькими письмами къ патерамъ отъ одного парижскаго ученаго іезуита и одного русскаго профессора. Добылъ я письма и къ полякамъ, у которыхъ всегда есть сношенія съ Ватиканомъ, и они мнѣ пригодились для аудіенціи у того кардинала, къ которому и русская миссія не могла бы мнѣ дать рекомендаціи. Читатели увидятъ дальше, кто этотъ кардиналъ.

Наша миссія при Ватиканѣ существуетъ опять съ царствованія Александра III. При Піѣ IX сношенія были рѣзко оборваны. Предшественнику теперешняго министра-резидента удалось установить *modus vivendi,* разумѣется, и благодаря характеру и общему тону куріи, съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ ея стоитъ Левъ XIII и его любимецъ, усердный исполнитель всѣхъ его предначертаній, кардиналъ Рамполла.

У меня были рекомендаціи и въ миссію, и въ посольство. Въ Римѣ это два вѣдомства совершенно раздѣльныя и какъ бы игнорирующія другъ друга. Такъ повелось у всѣхъ правительствъ, имѣющихъ въ Римѣ двоякое представительство; а при Ватиканѣ акредитованы дипломаты отъ всѣхъ большихъ странъ и государствъ Европы и Новаго Свѣта. Обычай требуетъ, чтобы, наприм., русскій (или другой какой) посолъ при королѣ не встрѣчался нигдѣ на оффиціальныхъ пріемахъ или обѣдахъ, вечерахъ съ министромъ-резидентомъ при Ватиканѣ. Они видаются только какъ знакомые интимно или на вечерахъ чисто-свѣтскихъ; да и то министръ при папѣ не приметъ приглашенія на вечеръ или обѣдъ, гдѣ можетъ встрѣтиться съ министромъ короля. Ватиканскіе дипломаты, составляя особый міръ, всего больше видятся между собою и старательно избѣгаютъ всякой встрѣчи съ лицами, прикосновенными къ Квириналу. Они вѣдь (если говорить попросту) акредитованы при главѣ *крамольной* (и притомъ фиктивной) власти, находящейся въ постоянномъ государственномъ заговорѣ противъ существующаго, всѣми признаннаго правительства страны. Всѣ эти китайскія тонкости—въ Римѣ необходимыя—на свѣжаго человѣка производятъ на первый взглядъ довольно забавное впечатлѣніе.

Въ первые два мѣсяца по пріѣздѣ моемъ я не могъ еще воспользоваться любезностью нашего резидента. Онъ пріѣхалъ только къ Новому году. Секретарь миссіи, исполнявшій должность повѣреннаго въ дѣлахъ, первый облегчилъ мнѣ доступъ въ Ватиканъ, переговоривъ обо мнѣ съ кардиналомъ Рампòллой.

Но сначала я пошелъ по патерамъ съ моими письмами изъ разныхъ источниковъ.

Раньше другихъ видѣлся я съ тѣмъ русскимъ патеромъ, который вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ живетъ въ Римѣ, былъ долго іезуитомъ, преподавалъ въ ихъ школахъ, потомъ сталъ неладить съ орденомъ и попалъ въ опальные, прошелъ черезъ большую нужду и теперь коротаетъ вѣкъ безбѣдно, благодаря мѣсту капеллана при польской церкви св. Станислава, находящейся подъ русскимъ начальствомъ.

Объ этомъ эксъ-іезуитѣ писали не такъ давно въ русскихъ газетахъ, и въ весьма сочувственномъ тонѣ, объ его искренности и религіозномъ пылѣ. Онъ перешелъ въ католичество еще въ Россіи, когда только что кончилъ курсъ въ университетѣ (а ему теперь за семьдесятъ лѣтъ), около того же времени, какъ и русскіе, сдѣлавшіеся болѣе извѣстными своимъ обращеніемъ, вродѣ отцовъ Балабина, Гагарина, Мартынова.

При церкви св. Станислава (Via delle Bottegle Oscure) вблизи Капитолія, находится и домъ, на доходы съ котораго и содержится, кажется, причтъ, въ лицѣ единственнаго священнослужителя. Каждый день тамъ идетъ обѣдня, но безъ прихожанъ. Поляки не ходятъ въ эту церковь, такъ какъ она оффиціально русская, а у мѣстнаго люда и безъ того много мѣстъ, куда идти молиться.

Судя по тому, что я читалъ объ этомъ русскомъ патерѣ, я ожидалъ найти старца съ наружностью аскета-мистика. А когда я вошелъ во дворикъ церковнаго дома и какой-то малый окликнулъ его, изъ оконца надъ дверью выглянуло лицо довольно сохранившейся старушки съ совсѣмъ еще темными волосами. Я назвалъ себя, и патеръ А. попросилъ меня пройти въ ризницу, куда и сбѣжалъ самъ по крутой лѣстницѣ, очень быстро для своихъ преклонныхъ лѣтъ.

Наши бесѣды и происходили всегда въ этой ризницѣ, подъ портретомъ кардинала поляка, строителя церкви. Отецъ А. и въ сорокъ съ лишкомъ лѣтъ заграничной жизни не забылъ русскаго языка. У него очень отчетливая дикція и говоръ, напоминающій манеру нѣкоторыхъ московскихъ стариковъ изъ англійскаго клуба.

Принципіальныхъ преній о вѣрѣ я съ нимъ не имѣлъ. Я ознакомился съ его катехизисомъ, изданнымъ за границей на русскомъ языкѣ, съ цѣлью показать основное единство православной и римской церкви; зналъ и объ его сочиненіяхъ по догматамъ непорочнаго зачатія и непогрѣшимости папы (терминъ этотъ о. А. произноситъ «безошибочность» и настаиваетъ на немъ) и не нахожу себя достаточно компетентнымъ въ богословіи, чтобы вступать въ какую-либо полемику. Предупреждаю только тѣхъ изъ моихъ соотечественниковъ, кто хотѣлъ бы найти въ такомъ русскомъ патерѣ *полезнаго собесѣдника* въ вопросѣ о соединеніи церквей, что его ждетъ разочарованіе. Отецъ А.—католикъ, такъ сказать, крайней правой. Такимъ онъ долженъ показаться каждому, кто бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ считаетъ себя стражемъ самой чистѣйшей римско-католической доктрины, по Ѳомѣ Аквинату, убѣжденъ, что едва ли не онъ одинъ безошибочно толкуетъ новые догматы непорочнаго зачатія и непогрѣшимости папы, и я сомнѣваюсь, чтобъ ему было по душѣ многое, исходящее изъ Ватикана, подъ непосредственнымъ вліяніемъ куріи. Поэтому онъ не можетъ сочувствовать и тому, чему въ Ватиканѣ постоянно сочувствуютъ, т.-е. единенію двухъ церквей. Папа Левъ XIII съ каждымъ годомъ своего царствованія все чаще и чаще заявляетъ о своемъ желаніи, чтобы всѣ испове-

данія греческаго закона сохраняли свои мѣстныя традиціи. Онъ совсѣмъ не добивается обращенія итальянскихъ грековъ, армяно-грегоріанъ, сирохалдеевъ, малороссовъ-уніатовъ или коптовъ въ правовѣрныхъ *латинцевъ*. И эта терпимость, эта широта отношенія къ восточному обряду врядъ ли можетъ быть любезна сердцу такихъ *латинцевъ,* какъ о. А. Ему слишкомъ дорога вся внѣшность латинскаго культа, одежды, обличья.

Припомню маленькій эпизодъ одной изъ нашихъ бесѣдъ въ ризницѣ церкви св. Станислава. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ о. А., противъ меня, висѣлъ портретъ кардинала — основателя церкви. Когда мой собесѣдникъ ужъ очень брезгливо выразился о «бородахъ» греческо-русскаго духовенства, я указалъ ему головой на кардинала въ красномъ облаченіи и съ окладистой бородой, по модѣ XVII вѣка, когда ни папы, ни простые священники—никто не пренебрегалъ этимъ украшеніемъ мужского лица.

Такіе прозелиты латинства не опасны въ дѣлѣ соединенія церквей, т.-е. признанія главенства папы. Если они о чемъ мечтаютъ или чему вѣрятъ въ будущихъ судьбахъ католичества, такъ это чему-нибудь вродѣ обращенія цѣлаго народа авторитетомъ высшей власти (какъ при императорѣ Константинѣ),—обращенія полнаго и нераздѣльнаго, съ принятіемъ самаго строгаго латинства, безъ всякихъ уступокъ традиціямъ греческо-русскаго христіанства.

Ихъ роль въ сущности совершенно безобидная. Они могутъ полвѣка выжить въ центрѣ католичества и врядъ ли обратятъ въ чистое латинство больше дюжины православныхъ, да и въ такой цифрѣ я сомнѣваюсь. Ихъ будутъ приглашать русскія барыни въ гости, оказывать имъ уваженіе, выслушивать повѣсть ихъ мытарствъ и гоненій, но едва ли въ состояніи будутъ одолѣть такой «Катехизисъ», какъ тотъ, который отецъ А,—изъ чистѣйшей преданности католицизму,—сочинялъ долгіе годы и напечаталъ отъ своихъ скудныхъ средствъ. Всякій, кто стоитъ за свободу совѣсти, долженъ почтительно относиться къ такимъ русскимъ, сдѣлавшимъ исканіе религіозной истины идеаломъ всей своей жизни; но въ вопросѣ отношеній между двумя церквами такіе поборники латинства, повторяю, совершенно не опасны. Напротивъ, они—противники всякаго соглашенія, внѣ самаго абсолютнаго перехода въ латинство. Ихъ личная жизнь можетъ быть интересна для хроникера или беллетриста; но ихъ пребываніе въ Римѣ не представляетъ для насъ серьезнаго интереса.

Совсѣмъ другое нашелъ я у отца Винченцо Ваннутелли, кото-

раго называю полнымъ именемъ, потому что его положеніе иное, чѣмъ русскаго католическаго патера, отца А.

Къ Ваннутелли я имѣлъ два письма: отъ парижскаго іезуита и отъ одного знатока Рима, русскаго ученаго, живавшаго тамъ подолгу.

О. Ваннутелли — двоюродный братъ двухъ братьевъ кардиналовъ. Изъ нихъ одного многіе прочатъ въ будущіе папы. Онъ считается въ Римѣ знатокомъ греческой церкви, ѣздилъ на востокъ, пробирался и по Россіи, живалъ на Аѳонѣ, много читалъ и слышалъ о нашихъ церковныхъ дѣлахъ, русскомъ обществѣ и народѣ, издалъ два большихъ тома съ заглавіемъ *Россія*, русскими буквами (вмѣсто *я* стоитъ подъ конецъ буква *а*, потому что въ Римѣ, даже въ многоязычной типографіи Пропаганды не нашлось буквы *я*) и брошюрки, составляющія второе приложеніе къ его огромной серіи этюдовъ, подъ общимъ заглавіемъ *Sguardi d' Oriente*. Чего только тутъ нѣтъ: Св. Земля, гора Аѳонъ, Морея, Константинополь, Патмосъ, Іерусалимъ, гора Ливанъ, берега Дуная, Архипелагъ, Албанія, Черногорія, Карпатскія горы, греко-итальянскія колоніи, евхаристическій конгрессъ въ Іерусалимѣ въ 1893 году, религіозный вопросъ на востокѣ, миссія латинцевъ на востокѣ и, наконецъ, послѣдній этюдъ *La Russia e la chiesa cattolica*.

И по наружности о. Ваннутелли—полный контрастъ съ капелланомъ церкви Св. Станислава. Это—рослый, широкій въ плечахъ доминиканецъ, съ очень большою сѣдѣющею бородой, немного уже павшій на ноги и стѣсненный въ своей походкѣ, но бодрый, оживленный, чрезвычайно обходительный и тароватый на бесѣду. Онъ живетъ въ домѣ, принадлежащемъ ордену, на площади, противъ церкви S. Maria Maggiore. Говоритъ онъ свободно по-французски и наша бесѣда велась на обоихъ языкахъ.

Кому попадется въ руки книжка *La Russia e la chiesa cattolica* (изданіе 1895 г.), тотъ найдетъ въ ней выраженіе идей, желаній, выводовъ и оцѣнокъ, которые этотъ подвижный и плодовитый доминиканецъ нисколько не скрываетъ и въ разговорѣ съ русскимъ, даже если онъ и видитъ въ немъ настоящаго «схизматика», ни мало не склоннаго къ латинству. Отецъ Ваннутелли—монахъ пропагандистъ новаго типа. Онъ проникнутъ духомъ теперешняго Ватикана, терпимаго и гостепріимнаго къ вопросу о греческомъ обрядѣ и даже различіи нѣкоторыхъ существенныхъ догматовъ.

— Бойтесь этихъ нынѣшнихъ! — скажетъ вамъ иной ревнитель —Они опаснѣе всякихъ іезуитовъ!

Съ точки зрѣнія государственнаго исповѣданія, пожалуй! Такіе сыны западной католической церкви могутъ вполнѣ искренно желать «единенія вѣры» и всячески уравнивать всѣ шероховатости, устранять и болѣе существенныя препятствія, и ихъ объединительныя pia desideria, разумѣется, не могутъ быть пріятны поборникамъ ни православія, ни строгаго латинства.

Книжечка отца Ваннутелли трактуетъ, въ сжатой формѣ, о всѣхъ самыхъ коренныхъ вопросахъ, важныхъ для всякаго, кто мечтаетъ о присоединеніи многомилліонной массы русскаго народа къ тѣмъ послѣдователямъ восточныхъ исповѣданій, которые уже признаютъ вселенское главенство папы. Онъ кратко, но, такъ сказать, «выразительно» касается *сути* (entita) православной Руси, ея религіозности и набожности, національнаго развитія нашего народа, греческаго обряда, раздѣленія церквей, теперешней степени культуры народа господствующей церкви, раскола и сектантства; разбираетъ роль Россіи на востокѣ и передъ Западной Европой и кончаетъ вопросомъ о католическомъ единеніи, т.-е. уніи.

На унію о. Ваннутелли смотритъ, разумѣется, какъ католическій монахъ во всемъ, что касается ея исторіи, въ предѣлахъ Россіи. Въ мою программу совсѣмъ не входило вдаваться съ римскими духовными въ пренія. Въ лицѣ этого бывалаго и живого доминиканца передо мной былъ поборникъ «единенія», который и въ своихъ книжкахъ, и въ бесѣдѣ смотритъ на Россію безъ малѣйшаго предубѣжденія, говоритъ искреннимъ тономъ о ея могуществѣ, о ея культурѣ, о ея миссіи, какъ христіанской державы, которая «призвана» просвѣтить весь востокъ, о необычайной религіозности нашего народа, его евангельскихъ чувствахъ и традиціяхъ. Прежде такъ не смотрѣли на наше отечество сторонники латинства. Да и теперь сомнѣваюсь, чтобы, наприм., префектъ Пропаганды, о которомъ рѣчь будетъ ниже, раздѣлялъ такое отношеніе къ русскому народу, исповѣдующему православіе.

О. Ваннутелли не употребляетъ даже слова «схизма». Онъ замѣняетъ его словомъ «dissidio» — разномысліе, — и утверждаетъ, что *формальной* «схизмы» никогда и не было, а только отчужденіе, въ которомъ, по его толкованію, народъ ни въ чемъ не повиненъ, а виноваты были нѣкоторые его пастыри.

По-русски онъ, кажется, не знаетъ, по крайней мѣрѣ, не высказывалъ знанія русскаго языка въ нашихъ бесѣдахъ. Отъ него и впослѣдствіи отъ другихъ я узналъ, что изъ итальянскихъ духовныхъ, въ Ватиканѣ или въ Пропагандѣ, никто не считается знаю-

щимъ по-русски. Есть два ученыхъ, состоящихъ при библіотекѣ, а въ католическихъ высшихъ школахъ,—и спеціально въ Пропагандѣ,—все русское проходитъ черезъ руки польскихъ патеровъ или настоятеля уніатской церкви—руссина, т.-е. по нашему малоросса изъ Галиціи.

Такой сторонникъ уніи, какъ о. Ваннутелли слишкомъ хорошо знаетъ, какія препятствія лежатъ на пути къ «соединенію вѣры». Но служители католичества никогда не теряютъ надежды, тѣмъ болѣе, что за послѣднее время имъ извѣстны стали факты, указывающіе на поворотъ въ церковныхъ идеяхъ нѣкоторыхъ русскихъ, склонныхъ видѣть въ папѣ вселенскаго главу христіанства. А вѣдь вся суть вопроса въ этомъ и сидитъ, гораздо больше, чѣмъ въ новыхъ догматахъ. Вамъ это скажетъ всякій понимающій дѣло, и въ Ватиканѣ, и гдѣ хотите, вплоть до русскихъ чиновниковъ, прикосновенныхъ къ этимъ сферамъ. Съ русской, государственно-церковной точки зрѣнія, служители римской церкви, какъ о. Ваннутелли, всего менѣе желательны. Его обвиняютъ въ томъ, наприм., что онъ способствовалъ священнику Толстому въ его переходѣ въ унію. Съ нимъ водятъ знакомство всѣ, кто склоненъ къ принятію главенства папы. Можетъ быть, оно и такъ. Но это вполнѣ естественно и понятно. Стоитъ только перевернуть дѣло, предположить, что въ Москвѣ или Петербургѣ живетъ и дѣйствуетъ духовный, много ѣздившій за границу, изучавшій латинство изъ первыхъ рукъ, и съ нимъ будутъ водить знакомство католики, склонные къ принятію греческаго обряда. Развѣ онъ не началъ бы дѣйствовать въ духѣ «обращенія» въ православіе? И всѣ бы его одобряли. И про о. Ваннутелли, кажется мнѣ, никакъ уже нельзя сказать, что онъ производитъ тайную пропаганду. Онъ такъ много пишетъ и публично говоритъ, что тутъ нѣтъ и подобія чего-нибудь келейнаго. Кромѣ своихъ книгъ и брошюръ, онъ каждую зиму читаетъ публичныя лекціи въ залѣ академіи «Arcadia», той старинной академіи, куда и Гёте попалъ въ почетные члены. Доступъ на ежедневныя лекціи (лекторы или духовные, или преданные Ватикану педагоги и писатели), вполнѣ свободный и безплатный. По средамъ Ваннутелли бесѣдуетъ о востокѣ въ разныхъ смыслахъ, въ томъ числѣ и о церковныхъ вопросахъ, связанныхъ и съ русскимъ православіемъ. Но и на этихъ публичныхъ бесѣдахъ онъ все также сочувственно говоритъ о Россіи и нашей народной массѣ. Въ его аудиторію могутъ попадать и русскіе, мужчины и женщины. Его любятъ. Говоритъ онъ свободно, горячо, не читаетъ, а импровизи-

руетъ и скрашиваетъ свои лекціи картинками и анекдотами изъ своихъ поѣздокъ на востокъ, на Аѳонъ и въ Палестину, Грецію и Константинополь.

Не отъ него одного знаю я, что греческое высшее духовенство, да и простые священники и монахи, только формально держатся съ нами заодно; но въ сущности весьма недолюбливаютъ русскую самостоятельную церковь, находятъ ее полной разныхъ новшествъ, не одобряютъ обрядовыхъ особенностей, особенно возстаютъ противъ нашего «концертнаго» пѣнія.

— Если бы греческіе іерархи, — говорятъ вамъ католическіе патеры, побывавшіе на Востокѣ,—не заискивали въ вашемъ отечествѣ, какъ въ самой могучей державѣ, отдѣлившейся отъ Рима въ своемъ исповѣданіи, они бы трактовали васъ едва ли лучше, чѣмъ своего рода схизматиковъ.

Провѣрить этого я не могъ, потому что не ѣзжалъ на Востокъ и не допытывался, какъ греческое православное духовенство смотритъ на русскую церковь. Но развѣ еще въ Московской Руси наши предки, бывая на Востокѣ, не находили, что греки, подъ турецкимъ игомъ, отпали отъ строгихъ обрядовъ греко-русскаго православія? Они называли ихъ даже «обливанцами».

Отъ парижскаго іезуита, ученаго о. Пирлинга, извѣстнаго и русской публикѣ, уроженца Петербурга, съ рожденія католика, я имѣлъ рекомендацію къ отцу Г., французскому іезуиту, занимавшему въ разныхъ городахъ Франціи каѳедры въ коллегіяхъ своего ордена. Отецъ Г. жилъ года два въ австрійской Польшѣ, выучился тамъ по-польски, можетъ читать и по-русски. Когда я въ первый разъ посѣтилъ его въ домѣ на улицѣ Ripetta недалеко отъ Piazza del Popolo, гдѣ живетъ много іезуитовъ (и въ томъ числѣ тѣ, кто составляетъ редакцію журналовъ Ватикана), на его письменномъ столѣ лежала извѣстная книга священника Морошкина *Іезуиты въ Россіи*. Онъ живетъ въ Римѣ временно, работая въ архивѣ Ватикана по исторіи своего ордена. Предметъ его особенныхъ изученій: исторія изгнанія іезуитовъ изъ разныхъ европейскихъ странъ въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX-го. Стало быть, онъ изслѣдуетъ и судьбы ордена въ Русской Имперіи, съ Екатерины до Александра I включительно.

Входя къ нему въ скромный номеръ, гдѣ стояли желѣзная кровать и простого дерева столъ, я вспомнилъ невольно всѣ тѣ ужасы, какіе Зола напустилъ въ свой *Римъ* насчетъ ордена, прибѣгающаго будто бы и къ отравленіямъ даже въ послѣдніе годы XIX вѣка. Ко

мнѣ навстрѣчу съ пріятнѣйшею улыбкой и протянутою рукой подходилъ одинъ изъ этихъ пугалъ, благообразный, съ открытымъ, гладко выбритымъ лицомъ, рослый, одѣтый въ сутану, съ беретомъ на головѣ,—въ комнатѣ было свѣжо,—съ тономъ и манерами говорить свѣтски воспитаннаго француза, профессора или прелата.

Съ іезуитами,—насколько я къ нимъ присматривался,—сношенія всегда очень пріятныя. По нѣкоторымъ вопросамъ нельзя отъ нихъ требовать полной откровенности. Они осторожны и, когда нужно, уклончивы, необычайно вѣжливы и обходительны, окажутъ вамъ всякую услугу въ предѣлахъ дозволеннаго, сообщатъ вамъ все то, что васъ интересуетъ.

Съ особымъ оживленіемъ всей своей физіономіи скажетъ вамъ такой умный іезуитъ какъ ихъ орденъ благословляетъ память великой императрицы. Екатерина II приняла ихъ въ предѣлы Русской имперіи, когда ихъ гнали отовсюду. Ея личныя слабости и грѣхи они прекрасно знаютъ; но какъ же имъ обличать ее, какъ грѣшницу, когда она такъ благоволила къ ордену, какъ и ея сынъ императоръ Павелъ. Они вамъ сообщатъ, что въ ватиканскомъ архивѣ есть подлинные документы, показывающіе, что не только Павелъ, но и Петръ Великій готовы были, будто бы, признать главенство папы.

От. Г. ознакомилъ меня съ тѣмъ, какъ ведется въ Римѣ высшее духовное преподаваніе на богословскихъ факультетахъ, руководимыхъ каждый особенно іезуитами (gregorianum) и доминиканцами. Онъ водилъ меня въ архивъ Ватикана, познакомилъ съ монсиньоромъ-директоромъ изъ нѣмцевъ и съ нѣсколькими учеными французами и поляками, съ которыми при мнѣ довольно свободно объяснялся на ихъ языкѣ.

Домъ, гдѣ онъ проживаетъ, старинное палаццо съ внутреннимъ садикомъ. Въ одинъ ясный январьскій день мы прогуливались по немъ. От. Г. не допустилъ меня подниматься наверхъ и даже ожидалъ моего прихода внизу, въ сѣняхъ, выказывая и въ этомъ, и во многомъ другомъ такую вѣжливость, какую вы рѣшительно ни у кого не найдете, даже въ Римѣ, гдѣ вообще всѣ гораздо вѣжливѣе, чѣмъ въ другихъ столицахъ Европы.

Мы прогуливались вокругъ площадки, приподнятой надъ почвой, съ запущенными деревцами и кустами. Надъ нами по разнымъ комнатамъ жили и работали служители всесильнаго ордена. Вся публицистика Ватикана въ ихъ рукахъ, а также и проповѣдь на самыя животрепещущія темы, въ духѣ теперешняго соціально-католическаго движенія.

— Вотъ тамъ живетъ патеръ Дцокки,—указалъ мнѣ мой хозяинъ на одно изъ оконъ, выходившихъ въ садикъ.

Какъ и что проповѣдуетъ этотъ краснорѣчивый іезуитъ, мы еще увидимъ ниже.

И разговоръ перешелъ на *новыя идеи* Ватикана, исходящія съ высоты папскаго престола. Іезуитовъ считаютъ закорузлыми фанатиками латинства, тайными руководителями всего, что дѣлается въ католичествѣ реакціоннаго и нетерпимаго. А въ словахъ моего собесѣдника я слышалъ нѣчто совсѣмъ другое. И какъ говорилъ онъ, должны говорить болѣе или менѣе всѣ члены ордена. Имъ не полагается мудрствовать на свой салтыкъ.

Онъ изумлялся душевной бодрости верховнаго главы католичества.

— Le souverain pontif est une nature extraordinaire!—повторялъ онъ съ блескомъ въ глазахъ.—Въ тѣ года, когда другіе уже застыли въ неподвижныхъ взглядахъ, онъ все идетъ впередъ и нельзя поставить предѣла развитію его идей.

И всѣ эти идеи іезуиты поддерживаютъ. Они дѣятельно отзываются на запросы дня, не боятся того, что ихъ будутъ уличать въ соціализмѣ или въ опасныхъ новшествахъ чисто-церковнаго характера. Когда такой отецъ Г. говоритъ о широкомъ отношеніи папы къ восточной церкви, его лицо, жесты и интонація, все дышитъ сочувствіемъ такой удивительной эволюціи въ воззрѣніяхъ «святого отца».

Рѣчь заходила у насъ, конечно, и о соединеніи церквей. Отецъ Г. «далъ мнѣ понять, что это pium desiderium каждаго католика нуждается въ болѣе дѣятельномъ участіи всѣхъ, кому «то вѣдать надлежитъ», какъ говорятъ у насъ, намекая на то, что въ ближайшемъ антуражѣ его святѣйшества довольствуются больше выраженіемъ своего сочувствія его «мечтѣ», но на этомъ дѣло и стоитъ.

Поживя въ Римѣ, я сталъ и самъ приходить къ такому же выводу.

Кромѣ этихъ представителей двухъ самыхъ вліятельныхъ орденовъ, іезуитскаго и доминиканскаго, у меня нашлись и еще ходы въ міръ «черной братіи». Одинъ собратъ по перу, давно живущій въ Италіи, обратилъ меня къ русской дамѣ съ обширнымъ знакомствомъ въ этихъ сферахъ. Она еще недавно жила въ Россіи, открыто приняла католичество, сдѣлалась даже въ статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ защитницей всѣхъ интересовъ римской куріи. Мы съ нею до сихъ поръ не встрѣчались. Въ Римъ она не прі-

ѣзжала, но, зная меня только по имени, какъ писателя, она, безъ всякихъ цѣлей пропаганды, старалась всячески помочь мнѣ въ расширеніи моихъ знакомствъ съ духовными, присылала мнѣ рекомендаціи и къ сторонникамъ Ватикана (въ томъ числѣ къ одному командору «di spada e di cappe», какъ называютъ патеры кавалеровъ при церемоніяхъ), и къ проповѣднику папы, и къ духовнику королевы, и къ кардиналу-викарію, и въ дома, гдѣ собираются «черные», какъ въ Римѣ зовутъ тѣ стародворянскія фамиліи, которыя остались вѣрны Ватикану. И все это, повторяю, безъ всякой задней мысли. За долгую практику заграничнаго шатуна я еще не знавалъ такой истинно-обязательной соотечественницы. Она, въ своихъ письмахъ, давала мнѣ характеристики тѣхъ лицъ, съ какими я сбирался знакомиться, указанія и совѣты съ какою, такъ сказать, «contenance» къ нимъ являться.

— Il faut choisir une contenance!—повторяла она въ своихъ письмахъ.—Это народъ занятой, вставленный въ извѣстныя рамки своимъ положеніемъ, надо имѣть подходящую тему для бесѣдъ съ ними.

И моя корреспондентка указывала мнѣ, опять-таки на вопросъ «соединенія церквей», какъ на тему всего болѣе умѣстную. Но я не скажу, чтобы эта тема была всегда самая желанная, раскрывающая уста. Кое-гдѣ она оказывалась даже щекотливою и заставляла моихъ собесѣдниковъ уходить въ свое оффиціальное «я».

Это случилось со мною въ разговорѣ съ префектомъ Пропаганды, кардиналомъ Ледоховскимъ. Я попалъ къ нему раньше, чѣмъ въ Ватиканъ, къ кардиналу статсъ-секретарю и потомъ къ папѣ.

Пріемъ этотъ доставилъ мнѣ полякъ. При кардиналѣ состоитъ правой его рукой монсиньоръ М—кій. Онъ и вводилъ меня къ его эминенціи.

Положеніе этого духовнаго сановника, какъ префекта Пропаганды, одно изъ самыхъ вліятельныхъ. Но ни для кого не тайна, въ Римѣ, что между направленіемъ Ватикана и его взглядами и симпатіями есть значительный антагонизмъ. Врядъ ли папа съ особеннымъ удовольствіемъ видитъ гр. Ледоховскаго на такомъ посту; но тотъ держится за него крѣпко. Да и для внѣшней политики такой преданный теперь слуга германской имперіи, когда-то посаженный Бисмаркомъ въ тюрьму, въ разгаръ Kultur-Kampf'а, не можетъ быть persona grata. И все-таки кардиналъ, единственный славянинъ во всей св. коллегіи, руководитъ самымъ важнымъ учрежденіемъ латинства

Для каждаго, кто интересуется вопросомъ взаимнаго соглашенія между западной и восточной церковью, было бы весьма цѣнно ознакомиться съ порядками Пропаганды. Но простому смертному, да еще не принадлежащему къ лону католичества, это мудреная задача. Я не пытался проникать въ школу, гдѣ готовятся миссіонеры для разныхъ экзотическихъ странъ. Меня предупредили, что этого добиться очень трудно. Но и разговоръ на тему, въ какой степени глава Пропаганды сочувствуетъ духу знаменитой энциклики о восточныхъ церквахъ показалъ мнѣ, что кардиналъ Ледоховскій уклоняется отъ того обмѣна мнѣній и желаній, какого не избѣгаютъ другіе его коллеги. Конечно, въ его спеціальномъ положеніи такая дипломатическая осторожность понятна. Позволительно, однако, предположить, что онъ и не можетъ сочувственно смотрѣть на широкое отношеніе къ иновѣрческимъ исповѣданіямъ, даже если ихъ послѣдователи и будутъ признавать главенство папы.

Кардиналъ, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною «porporati»—самаго осанистаго, барственнаго вида. Въ немъ чувствуется польскій аристократъ, между тѣмъ, какъ многіе его коллеги вида весьма демократическаго. Въ св. коллегіи нѣтъ теперь, кажется, и ни одного римскаго знатнаго «nobile». И Золя взялъ на свою писательскую душу грѣхъ, сочинивъ кардинала Бокканера. Такихъ «князей церкви» въ настоящее время не имѣется. Не знаю, попадетъ ли префектъ Пропаганды въ намѣстники св. Петра; но онъ былъ бы очень представителенъ въ тіарѣ и папскомъ облаченіи. Это большого роста старикъ, свѣжій въ лицѣ, съ тонкой, неискренней усмѣшкой, красивыми сѣдинами подъ красной шапочкой, весьма старательно одѣтый, и у себя дома, въ изящную сутану. Его лаковые башмаки съ пряжками такъ и лоснились.

Онъ живетъ въ самомъ зданіи «Propaganda fidae», на углу Piazza di Spagna и двухъ небольшихъ улицъ, идущихъ къ подъему Porta Pinciana. Этотъ буро-красный огромный домъ, тяжелой архитектуры, прекрасно знаютъ всѣ туристы, жившіе въ кварталѣ иностранцевъ. Занимаетъ кардиналъ верхній этажъ, съ парадной лѣстницы. Двери кардинальскихъ помѣщеній всегда обиты краснымъ сукномъ или кожей, иногда и тѣмъ, и другимъ. У него анфилада просторныхъ комнатъ, богато отдѣланныхъ, лакеи, какъ въ свѣтскихъ барскихъ домахъ, но безъ ливреи. Вообще, обстановка гораздо наряднѣе и въ большемъ стилѣ, чѣмъ, наприм., у самого— перваго, послѣ папы, лица — кардинала Рамполлы, живущаго въ Ватиканѣ, надъ помѣщеніемъ папы.

Принималъ меня хозяинъ утромъ, въ 11 часовъ, въ воскресенье, въ небольшомъ кабинетѣ, съ очень оригинальной отдѣлкой. Ему, вѣроятно, сообщили уже о томъ, что я давно изучаю польскую литературу и читалъ лекціи о «Панѣ Тадеушѣ» Мицкевича. Тонъ его былъ очень любезный и совершенно свѣтскій. По-французски говорилъ онъ прекрасно и еслибъ не его сутана съ красной выпушкой, красная шапочка и такіе же чулки, то его никакъ бы нельзя было принять за «владыку», какъ привыкли звать у насъ архипастырей. Икстати будетъ замѣтить вотъ что: никто изъ этихъ «князей церкви» не носитъ никакихъ «знаковъ отличія», кромѣ наперснаго креста. Ихъ одежда, по покрою, та же священническая сутана съ нѣкоторыми маленькими отличіями. Пурпуръ надѣваютъ они только при церковныхъ торжествахъ и большихъ выходахъ въ Ватиканѣ.

Бесѣда шла чрезвычайно гладко до того момента, когда русскій писатель повернулъ ее въ сторону нѣкотораго вопроса,—того самаго, какой моя обязательная соотечественница считаетъ самымъ подходящимъ «pour avoir une contenance». Тутъ сейчасъ же я зачуялъ не высшаго сановника римской куріи, а католика той славянской расы, для которой рознь религіи до сихъ поръ сливается съ національно-политической враждебностью.

Говоря такъ, я знаю, что меня не заподозрятъ ни въ какой расовой нетерпимости. Польскому народу, лучшимъ его сторонамъ, я всегда сочувствовалъ и искренно желалъ бы видѣть поскорѣе другія времена, когда въ предѣлахъ нашего отечества два родственныхъ славянскихъ племени будутъ жить въ ладу. Но что же дѣлать! Такъ оно было. Въ кабинетѣ префекта Пропаганды не клеится такая бесѣда, которая весьма и весьма свободно потечетъ въ кабинетахъ другихъ эминенцій, такъ же легко, какъ и въ томъ кабинетѣ, куда я входилъ уже мѣсяца три спустя и гдѣ глава всего католичества удостоилъ меня частной аудіенціи.

Разумѣется, я не сталъ настаивать и удовольствовался дипломатически-любезнымъ пріемомъ польскаго магната.

«Il faut choisir une contenance!»

Эта формула обязательной русской дамы навела меня въ Римѣ на вопросъ, который едва ли многіе мои соотечественники задавали себѣ.

Неужели только изъ «контенанса» позволительно вглядѣться попристальнѣе въ дѣло вѣры сотенъ милліоновъ своихъ ближнихъ? Мы всѣ, за ничтожными исключеніями, слишкомъ равнодушны къ

нему. И я также, какъ и другіе русскіе долгіе годы и въ Россіи, и въ Италіи, и въ самомъ Римѣ, гдѣ жилъ раньше два раза, никогда не останавливался на такихъ темахъ.

Соединеніе церквей!... Довольно и того, что дьяконъ на обѣднѣ помолится объ этомъ; но это «до насъ не касается». И вотъ старецъ, живущій въ Ватиканѣ, пустилъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, свою энциклику, обращенную ко всему христіанству; ее прочли всѣ грамотные и у насъ, ею взволновалась восточная церковь и черезъ годъ константинопольскій патріархъ (вскорѣ смѣщенный) отвѣчалъ на нее въ духѣ стародавней распри, повторяя всѣ общеизвѣстные доводы противъ главенства папы, не удостоивая его даже титула «святѣйшества».

Не всѣ богословы, чтобы рѣшать безповоротно, кто правъ, кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Но мнѣ кажется, всякій развитой человѣкъ, кому дорога, первѣе всего, *свобода совѣсти*, можетъ, не желая нисколько для самого себя подчиненія главенству римскаго первосвященника,—допускать, что въ дѣлѣ вѣры не должно быть никакихъ стѣсненій.

Сколько разъ во время моего житья въ Римѣ, я слышалъ такіе русскіе возгласы:

— Помилуйте! Развѣ тутъ дѣло въ истинѣ, въ несомнѣнности тѣхъ или иныхъ догматовъ? Тутъ только захватъ Рима, порабощеніе всего міра папѣ! Развѣ мыслимо такое плѣненіе для стомилліоннаго русскаго народа?

Вопросъ, однако, не въ томъ, господа! Ни вы, ни сотни тысячъ и даже милліоновъ не пожелаютъ уніи, т.-е. признанія верховнаго главенства *непогрѣшимаго* папы. Не всѣ будутъ доказывать, что такое возсоединеніе (желательно илъ) необходимо, коли держаться истинной традиціи вселенской церкви. Но завелись уже несомнѣнно русскіе, если не въ народѣ, то въ нашей интеллигенціи, которые склонны къ такой уніи. Сколько ихъ—это не существенно. Можетъ быть, десять человѣкъ, а можетъ и сто, и тысяча—мы съ вами проникать въ чужую душу не будемъ. Въ самомъ Римѣ, за исключеніемъ того священника, который былъ недавно лишенъ въ Россіи своего сана—я такихъ русскихъ не встрѣчалъ. Но они могутъ впослѣдствіи объявиться. И предположите, что образуется небольшая, на первыхъ порахъ, община православныхъ, признающихъ главенство римскаго епископа. Для Рима въ этомъ не будетъ ничего необычайнаго. Здѣсь живутъ служители чуть не цѣлыхъ десяти разноязычныхъ церквей по восточному обряду, вплоть

до южнорусско-уніатской церкви. Такая община великороссовъ могла бы открыто и безпрепятственно отправлять въ Римѣ публичное богослуженіе въ какой угодно католической церкви и въ своей моленной, устроенной по греческому образцу, съ иконостасомъ. Но по возвращеніи членовъ такой общины на родину, что ждетъ ихъ, и въ особенности тѣхъ, кто будетъ заподозрѣнъ въ совращеніи въ унію?

Вотъ въ этомъ-то и состоитъ весь вопросъ. Моя точка зрѣнія чисто объективная, въ интересахъ свободы совѣсти. Я такъ и велъ всѣ свои бесѣды на эту тему и съ русскими, и съ католическими духовными, вплоть до самыхъ высшихъ сановниковъ куріи и до главы католичества. Не всѣ русскіе соглашались съ этой точкой зрѣнія; но католики рѣшительно всѣ, кромѣ развѣ тѣхъ, кто требуетъ полнѣйшаго отреченія отъ всякихъ преданій и обрядовъ восточной церкви и безусловнаго перехода въ латинство.

Теперь надѣюсь, мои читатели поймутъ, на какой почвѣ я стою. Да и внѣ вопросовъ чисто-церковныхъ—развѣ не правда, что мы, русскіе, слишкомъ узко и нетерпимо смотримъ на всякое «инославное» исповѣданіе, въ особенности же на католичество?

Мы, русскіе, можемъ попадать въ Римъ, разъѣзжать по нему, входить въ церкви, изучать ихъ архитектуру, убранство, религіозныя картины знаменитыхъ мастеровъ, добиваться билетовъ на торжественныя службы въ Ватиканѣ и въ св. Петрѣ. Но очень рѣдкій изъ насъ пожелалъ посмотрѣть на Римъ, какъ на центръ духовной жизни двухсотъ милліоновъ христіанъ, признающихъ главою своей церкви папу. Можно быть совершенно свободнымъ отъ всякаго налета католическихъ взглядовъ, быть даже свободнымъ мыслителемъ, ревниво охранять свое научно-философское міросозерцаніе и все-таки войти мыслью и пониманіемъ въ цѣлый огромный міръ человѣческихъ чувствъ, упованій, традицій, учрежденій. Намъ ни оправдывать, ни обличать не приходится. Гораздо пристойнѣе и занимательнѣе оглядѣть съ разныхъ сторонъ то, что Римъ, какъ всемірный религіозный центръ, представляетъ характернаго, не потерявшаго силы и значенія до послѣднихъ дней.

Разъ вы стали на такую почву, вы будете свободны въ вашихъ изученіяхъ католическаго Рима. Вамъ легче будетъ распознавать, въ чемъ, до сихъ поръ, состоитъ сила этой организаціи, захватившей половину христіанскаго населенія земли, чѣмъ она держится и почему, въ послѣднія двадцать лѣтъ, она и въ другихъ частяхъ свѣта привлекаетъ къ себѣ, и въ Европѣ пользуется по-

литической и соціальной борьбой, общимъ недовольствомъ и паденіемъ идеаловъ, чтобы увеличивать ряды сторонниковъ римской куріи, возлагающихъ на нее всяческія надежды. Тутъ теперь окажутся и патріоты объединенной Италіи, и соціалисты, и республиканцы.

Чтобы быть возможно болѣе au courant того, что дѣлается въ столицѣ католичества—я подыскалъ себѣ репетитора изъ духовныхъ, молодого приходскаго священника,—un rettòre, какъ называютъ здѣсь настоятеля церкви. Мнѣ рекомендовалъ его одинъ нѣмецъ-книгопродавецъ, добродушный хозяинъ магазина, куда много ходитъ всякаго народа. Я предложилъ моему аббатику освѣжить мой латинскій языкъ, главнымъ образомъ на текстахъ св. Писанія, а также на трактатахъ, какіе преподаютъ въ семинаріяхъ и на богословскихъ факультетахъ. Онъ говорилъ свободно по-французски, читалъ по-нѣмецки, спеціально изучалъ греческій языкъ (не особенно процвѣтающій въ итальянскомъ духовенствѣ) и даже интересовался русскимъ языкомъ. Домъ Д. (такъ титулуются въ Римѣ священники) оказался кореннымъ римляниномъ, передъ богословской своей выучкой былъ въ свѣтскомъ пансіонѣ, хорошо знаетъ городъ, и внѣ его религіозной жизни, любознательный и живой, еще очень молодой для званія настоятеля. Онъ ходилъ ко мнѣ цѣлые пять мѣсяцевъ по два раза въ недѣлю, рано утромъ, послѣ своей обѣдни; а по вечерамъ я просилъ его, довольно часто, читать мнѣ вслухъ итальянскія книги. Наши утренніе уроки состояли въ чтеніи текстовъ Вульгаты, богословскихъ трактатовъ, энцикликъ папы и тѣхъ документовъ о восточной церкви, которые печатаетъ спеціальный журналъ *Bessarione*, гдѣ энциклики появляются и въ греческихъ переводахъ. Читали мы и всѣ латинскія стихотворенія Льва XIII вплоть до самаго послѣдняго, появившагося также въ *Bessarione*.

Мой репетиторъ-чтецъ, каждый разъ, и во время утреннихъ занятій, и за вечернимъ чтеніемъ, знакомилъ меня со всѣми сторонами церковнаго быта, школьнаго обученія, порядковъ въ различныхъ конгрегаціяхъ епархіальнаго управленія, сообщалъ какія гдѣ будутъ службы, проповѣди, юбилеи, торжества или сборища. Все, что вращалось вокругъ хроники Ватикана, входило также въ наши бесѣды.

Прошло уже около мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я былъ принятъ префектомъ Пропаганды. Секретарь нашей миссіи еще до пріѣзда министра-резидента предложилъ мнѣ быть представленнымъ кар-

диналу статсъ-секретарю, а черезъ него имѣть доступъ въ Ватиканъ, въ тѣ дни, когда папа самъ служитъ обѣдню, а когда будетъ удобное время, то и для частной аудіенціи.

Меня многіе предупреждали, что кардиналъ статсъ-секретарь не особенно разговорчивъ. Иные называютъ его «сфинксомъ». О его наружности я могъ только судить по карточкамъ, до того вечера, когда я попалъ къ нему. На фотографическихъ кабинетныхъ портретахъ, какіе продаются въ эстампныхъ и книжныхъ магазинахъ, на *Piazza di Spagna* и *Via Condotti*, кардиналъ Рамполла снятъ нѣсколько лѣтъ назадъ; лицо на нихъ совсѣмъ еще молодое, неправильное, но вдумчивое, интересное. Судить по нимъ о его теперешней наружности и, главное, о фигурѣ и ростѣ—трудно.

Репутація «сфинкса» и «молчальника» могла смущать передъ визитомъ къ первому сановнику римской куріи, Веніамину Льва XIII. Но та же русская дама, которая такъ заботилась о моихъ римскихъ знакомствахъ, писала мнѣ: «Кардиналъ Рамполла кажется замкнутымъ и почти суровымъ; но это человѣкъ мягкій и добрый, отзывчивый на все хорошее».

Пріемный часъ его—вечеромъ, передъ обѣдомъ, отъ 6 до 7 часовъ. Секретарь миссіи сообщилъ мнѣ, что въ такой-то день кардиналъ будетъ меня ждать у себя. Никакихъ формальностей для доступа не нужно, а надо только у калитки тѣхъ воротъ, которыя ведутъ къ Cortile S. Damaso, сказать часовому, что вы имѣете аудіенцію у кардинала статсъ-секретаря.

Кто бывалъ въ Ватиканѣ только съ двухъ сторонъ—тамъ, гдѣ бронзовыя двери ведутъ вверхъ въ Станцы, Сикстинскую капеллу и Пинакотеку, и особый проѣздъ, позади Петра вверхъ къ музею скульптуры, тотъ видалъ внутренній квадратъ двора S. Damaso, гдѣ подъѣздъ къ папѣ, только съ галлереи рафаэлевскихъ ложъ. Оттуда весь этотъ дворъ какъ на ладони. И къ нему ѣдутъ сначала по тому же пути, какъ и къ музею. И когда поворачиваютъ влѣво, чтобы подняться на пригорокъ, вправо большія ворота, къ вечеру затворенныя, и рядомъ маленькая кордегардія.

Фіакръ остановился. Подошелъ унтеръ-офицеръ, швейцарецъ, въ фуражкѣ блиномъ (вродѣ нашихъ солдатскихъ) и въ сѣрой шинели—въ видѣ халата.

Отъ него шелъ довольно явственный спиртной запахъ. Разговоръ произошелъ, разумѣется, по-нѣмецки.

— Есть у васъ билетъ дипломата?—спрашиваетъ унтеръ, держа въ рукѣ фонарь.

Никакого у меня билета не было. Я объяснилъ, что имѣю аудіенцію у кардинала Рамполлы черезъ русскую миссію.

— Какъ же безъ билета? Мы не можемъ пропустить.

Я повторилъ, что его эминенція назначилъ мнѣ быть у него отъ 6 до 7 вечера.

Унтеръ помялся. Но видя, что я съ нимъ шутить не буду, сказалъ, смягчая тонъ.

— Извините... Это наша обязанность.

Фіакръ надо было оставить за воротами: на Cortile S. Damaso пускаютъ только двуконные экипажи, безъ извозчичьихъ номеровъ.

Унтеръ отрядилъ со мною солдата безъ ружья, въ такомъ же сѣромъ балахонѣ поверхъ разнокусочнаго своего мундира, по рисунку Микель Анджело. Верзила швейцарецъ, съ такимъ же граубюнденскимъ акцентомъ, какъ и у унтера, предложилъ мнѣ подняться на лифтѣ. Я отказался и сталъ подниматься по мраморнымъ лѣстницамъ папскаго подъѣзда. На каждой площадкѣ расхаживалъ швейцарецъ съ алебардой и его шаги звонко раздавались среди могильной тишины стѣнъ Ватикана. По лѣстницѣ стоитъ умѣренный свѣтъ, отражающійся на блескѣ желтоватыхъ стѣнъ. На каждой площадкѣ я говорилъ часовому:

— Я иду къ кардиналу статсъ-секретарю.

И швейцарецъ указывалъ рукой наверхъ и говорилъ, сколько еще поворотовъ.

Вотъ и стеклянная дверь въ парадную кордегардію папы. Отъ нея надо продѣлать еще два длинныхъ поворота. Все та же тишина, почти жуткая.

Въ передней кардинала одинъ жандармъ и старичокъ служитель въ ливрейномъ फракѣ.

Старичокъ, когда я ему отдалъ карточку, проговорилъ мнѣ, какъ вездѣ, въ «хорошихъ» домахъ:

— Si accomodi, signore!

И пошелъ въ пріемную, куда, сейчасъ же вернувшись, пригласилъ и меня. Тамъ, за большимъ столомъ, подъ лампой, дежурилъ кругленькій, благообразный молодой брюнетъ въ сутанѣ. Онъ очень любезно попросилъ подождать и скорой, легкой походкой, точно женщина въ черной юбкѣ, скрылся налѣво, гдѣ начинается такая же анфилада залъ, какъ и у префекта Пропаганды.

Меня попросили подождать въ одной изъ залъ, гдѣ происходятъ засѣданія вокругъ овальнаго стола, покрытаго сукномъ, съ цѣлымъ рядомъ чернильницъ на клеенчатыхъ подножкахъ. Отдѣлка этой и

другихъ комнатъ отзывалась началомъ вѣка: суховатая мебель, потемнѣлыя картины, распятіе.

Черный попикъ стушевался. На порогѣ гостиной, со штофной мебелью, не обширной и не высокой комнаты, какъ и всѣ остальныя пріемныя, стоялъ кардиналъ статсъ-секретарь, протягивая мнѣ руку.

По портретамъ нельзя видѣть, что онъ большаго роста, по крайней мѣрѣ, такого же, какъ префектъ Пропаганды кардиналъ Ледоховскій, съ лицомъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ темными, совсѣмъ еще не сѣдѣющими волосами, скорѣе худой, чѣмъ полный.

Черты лица, съ годами, раздались и вообще крупныя, на щекахъ какъ будто слѣды оспинокъ. Взглядъ ласковый и немного улыбающійся. Типъ южный, а не римскій.

Кардиналъ ввелъ меня въ гостиную и усадилъ рядомъ съ собою на диванъ, противъ двери. Онъ былъ въ подержаной сутанѣ, какъ трудовой, необычайно-занятой человѣкъ, про котораго говорятъ всѣ, что онъ занимается цѣлый день, съ пяти часовъ утра до поздней ночи.

Говоритъ онъ молодымъ голосомъ, по-французски, своеобразно, съ акцентомъ. Съ первыхъ его фразъ я, прислушиваясь и взглядывая на него сбоку, все ждалъ «сфинкса» и «молчальника», но ни того, ни другого что-то не являлось.

Со мной бесѣдовалъ тихо, просто, благосклонно очень обходительный и скорѣе разговорчивый хозяинъ. И я себя сразу почувствовалъ съ нимъ гораздо свободнѣе и уютнѣе, чѣмъ съ любымъ изъ «особъ» военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, удостоивающимъ васъ «пріема», даже если вы къ этимъ особамъ находитесь въ отношеніяхъ равнаго къ равному.

Уже и то было очень мило, что первое лицо послѣ папы не требуетъ вовсе, чтобы къ нему являлись непремѣнно во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Въ миссіи мнѣ сказали, что это не нужно, и сюртука совершенно достаточно.

Кардиналъ заговорилъ со мной сейчасъ же, какъ съ писателемъ, и въ своемъ любезномъ обращеніи ко мнѣ нѣсколько разъ повторилъ, что «работники умственнаго труда служатъ своему отечеству не менѣе другихъ и что ему особенно было бы пріятно, чтобы я, поживъ въ Римѣ, вынесъ вѣрное представленіе о желаніи Римской куріи сохранить съ моимъ отечествомъ самыя лучшія отношенія».

Конечно, рѣчь сама собою коснулась «св. отца», его энцикликъ, его широкихъ взглядовъ на восточныя церкви.

Какъ разъ въ это время случился въ Петербургѣ одинъ инцидентъ. Сдержанно, но безъ всякой лишней уклончивости, кардиналъ говорилъ о томъ, какъ св. отцу прискорбны всѣ такіе факты и какъ Ватиканъ не перестаетъ внушать своему духовенству, въ предѣлахъ Россіи, что не слѣдуетъ къ вопросамъ вѣры и культа примѣшивать антагонизмъ расовый и политическій.

Мнѣ было такъ легко бесѣдовать съ молчальникомъ, что я рѣшительно недоумѣвалъ, почему у него такая репутація. «Сфинксъ» тоже отсутствовалъ. Вѣроятно, онъ выступаетъ тогда, когда надо чего-нибудь добиться опредѣленнаго на дѣловыхъ пріемахъ, но въ разговорѣ общаго характера ничего напоминающаго это миѳическое существо я не находилъ.

Все съ той же улыбкой во взглядѣ, дѣлая мягкое движеніе рукой, сверху внизъ, кардиналъ самъ предложилъ устроить мнѣ все то, что могло бы меня интересовать въ Ватиканѣ, напомнилъ,— спросивъ сколько я еще пробуду въ Римѣ,—что 3 марта его святѣйшество будетъ праздновать двадцатилѣтній юбилей своего восшествія на папскій престолъ и обѣщалъ мнѣ билетъ, прибавивъ, что и о частной аудіенціи онъ постарается.

На это я замѣтилъ, что не считаю себя вправѣ просить о ней, такъ какъ я совершенно частный человѣкъ.

Кардиналъ опять выразился чрезвычайно лестно о званіи писателя. Въ глазахъ его мелькнула тонкая усмѣшка, которая могла значить приблизительно слѣдующее: «Его свѣтѣйшество затруднился бы принять романиста, отъ котораго вправѣ былъ бы ждать неумѣстныхъ нескромностей или принципіально враждебнаго отношенія къ св. Престолу».

Но ни однимъ словомъ онъ не намекнулъ на автора романа «Римъ». Со стороны мнѣ безпрестанно говорили, что Ватиканъ сторонился господъ романистовъ и раньше появленія этой книги, а теперь и подавно. Этого нельзя однако было замѣтить ни въ тонѣ кардинала, ни въ какомъ-либо намекѣ. Напротивъ, все его обхожденіе и весь смыслъ его рѣчей значили: «мы здѣсь, въ Ватиканѣ, будемъ рады, если русскій писатель самъ увидитъ, въ какихъ мы чувствахъ и намѣреніяхъ находимся во всемъ, что касается Россіи».

Французскій языкъ у него, какъ я сказалъ, очень характерный. И въ особенности одна фраза, которой онъ васъ все хочетъ успокоивать. Онъ любитъ повторять:

— Laissez faire! Laissez faire!

Эта формула экономистовъ имѣетъ у него смыслъ: «дайте срокъ, не безпокойтесь, мы все уладимъ».

Было уже около семи, когда я сталъ откланиваться. Кардиналъ, пожимая мнѣ руку, довелъ меня до пріемной, гдѣ сидѣлъ кругленькій брюнетъ, и на прощаніе сказалъ:

— Вы видите сами, какъ мы желаемъ здѣсь мира и согласія съ вашимъ отечествомъ.

Меня попросили записать свое имя и адресъ и сановитый метръ д'отель въ черномъ фракѣ, появившійся изъ дальнихъ покоевъ, подалъ мнѣ пальто.

И опять, на безконечной лѣстницѣ, тишина обхватила меня. Тамъ гдѣ-то, въ первомъ этажѣ, старецъ, весь въ бѣломъ, сидя въ своей рабочей комнатѣ, пишетъ или читаетъ, одинъ въ этихъ сотняхъ старинныхъ залъ и переходовъ. И только грузные шаги швейцарцевъ на площадкахъ также звонко раздаются снизу вверхъ.

Дворъ *S. Damaso* стоялъ совсѣмъ пустой, ни одной кареты. Изъ полутьмы выставлялись двѣ треугольныя шляпы жандармовъ. Къ одному изъ нихъ я обратился, чтобы онъ мнѣ указалъ выходъ къ той калиткѣ, гдѣ стоялъ мой фіакръ.

«Этотъ Ватиканъ съ десяткомъ тысячъ покоевъ, развѣ онъ не тюрьма, гдѣ содержатъ взаперти главу католичества?» можетъ спросить меня вѣрный сынъ римской куріи.

Что на это отвѣтить? Тихо, почти мертвенно во дворцѣ его святѣйшества, даже и въ ранніе вечерніе часы. Въ этотъ часъ, когда я спускался по мраморнымъ лѣстницамъ въ полномъ безмолвіи—въ городѣ жизнь. Корсо залито электрическимъ свѣтомъ, вездѣ ѣзда и движеніе столицы. Живи тутъ, въ Ватиканѣ, какъ прежде, до 1870 года, глава правительства цѣлой области въ четыре милліона подданныхъ, развѣ такой парадной темницей смотрѣлъ бы этотъ дворецъ въ такой непоздній часъ?

Не знаю, я не попадалъ въ Римъ, когда Пій IX еще царствовалъ. Но и при немъ, въ Ватиканѣ, объ эту пору, могло бы быть такъ же тихо. Да и теперь, возстанови папа Левъ XIII свою свѣтскую власть, въ его лѣта, при его скромныхъ привычкахъ, нелюбви къ роскоши и пышнымъ празднествамъ было бы такъ же тихо, въ тѣ часы, когда нѣтъ пріемовъ, депутацій, министерскихъ докладовъ.

Плѣненіе папы—фикція или *добровольное* заключеніе. Онъ и теперь, въ Ватиканѣ, не просто епископъ римскій и глава всего католичества, а *государь*. Никто у него не отнялъ аттрибутовъ независимой, неприкосновенной особы. То обширное мѣсто, гдѣ сто-

итъ его усадьба—государство въ государствѣ, въ полномъ смыслѣ: у него свои министерства, свой придворный штатъ, своя стража, свои финансы. При немъ акредитованы, какъ при государѣ, дипломаты всѣхъ странъ, гдѣ есть католики. Мало того, зданія въ городѣ, гдѣ помѣщаются разныя части его духовной администраціи и его матеріальнаго хозяйства, пользуются гарантіей *эксъ-территоріальности*, совершенно такъ, какъ дома иностранныхъ посольствъ и миссій.

Нѣтъ! Ватиканъ не тюрьма, а твердыня, подъ которую надо подкапываться вѣками, и она рухнетъ только тогда, когда сотни милліоновъ католиковъ повернутъ въ другую сторону свою потребность въ духовномъ идеалѣ, свою жажду искупленія и вѣчнаго блаженства—не раньше!

И это тюремное положеніе, совершенно добровольное, только подняло обаяніе папы на весь католическій міръ, сдѣлало его царство гораздо болѣе «не отъ міра сего», освободило его отъ всякихъ нареканій, которыя тяготѣли на его предшественникахъ, указало ему верховное мѣсто всеміpнаго посредника и примирителя, подняло и его международный авторитетъ до небывалаго уровня. Никакого болѣе драгоцѣннаго подарка никто не могъ сдѣлать куріи, какъ тотъ, который сдѣлалъ ей отлученный отъ церкви король Викторъ-Эммануилъ, пославшій своихъ солдатъ брать вѣчный городъ, но, не забывайте, только одного лѣваго, а не праваго берега Тибра!

Кардиналъ Рамполла, узнавъ въ нашемъ разговорѣ о моемъ желаніи познакомиться съ его коллегой, кардиналомъ Винченцо Ваннутелли, бывшимъ въ Россіи, предложилъ мнѣ предупредить его при первомъ же свиданіи съ нимъ. Какъ разъ этотъ Ваннутелли (другого многіе въ Римѣ прочатъ въ папы) былъ въ Россіи въ качествѣ папскаго если не нунція въ тѣсномъ смыслѣ, то легата или чрезвычайнаго посла, на коронаціи Александра III, послѣ того, какъ сношенія съ Ватиканомъ опять стали налаживаться.

Живетъ онъ вмѣстѣ съ другимъ кардиналомъ, занимающимъ бель-этажъ, въ домѣ, принадлежащемъ куріи (Palazzo Falconieri) въ самомъ концѣ той улицы *Julia*, гдѣ Золя помѣстилъ палаццо фамиліи Бокканера. Эта узковатая, но прямая (когда-то считавшаяся великолѣпной) улица идетъ параллельно съ набережной Тибра, по сю сторону рѣки, отъ церкви S. Jovanni dei Fiorentini. Я и раньше обошелъ ее, взадъ и впередъ, отыскивая тотъ старинный домъ, который могъ послужить моделью романисту, и нашелъ его. Теперь онъ принадлежитъ фамиліи Саккети (въ Петербургѣ живетъ

преподаватель эстетики того же имени), а былъ когда-то построенъ Antonio da Sangallo для себя. По обѣимъ сторонамъ воротъ я узналъ барельефы, описанные Золя. По той же сторонѣ улицы, которую папа Юлій II провелъ и обстраивалъ, стояла и тюрьма *Carceri Nuovi,* возведенная Инокентіемъ X.

Кардиналъ Винченцо Ваннутелли занимаетъ должность администратора Пропаганды, но въ его рукахъ только матеріальная часть.

На видъ онъ такой же моложавый, какъ и Рамполла, и такого же крупнаго роста, и съ такимъ же отсутствіемъ изысканности въ своемъ костюмѣ. Живетъ онъ въ довольно большомъ помѣщеніи, обычнаго итальянскаго типа, съ пріемными комнатами, обставленными парадной мебелью. Въ одной изъ нихъ въ шкафахъ стоятъ разныя цѣнныя подношенія. Я ихъ разсматривалъ, пока лакей ходилъ докладывать обо мнѣ. Было это днемъ. Принялъ меня кардиналъ очень радушно и заговорилъ зычнымъ голосомъ, весело и шумно. У него есть въ манерѣ говорить и въ жестахъ что-то родственное съ его двоюроднымъ братомъ доминиканцемъ. Лицо простое, демократическое, некрасивое, похожее по типу на много физіономій патеровъ, видѣнныхъ много въ Италіи. Разговоръ шелъ по-французски и объясняется онъ на этомъ языкѣ свободно, но съ чисто итальянскимъ привкусомъ.

Я не счелъ удобнымъ спрашивать у этого хозяйственнаго администратора Пропаганды, въ какой степени онъ сходится или расходится во взглядахъ съ префектомъ, но и безъ всякихъ подходовъ можно было сейчасъ же распознать въ немъ сторонника идей Ватикана по вопросу восточныхъ исповѣданій. Кардиналъ Винченцо, какъ и его тезка доминиканецъ, говорилъ со мной о Россіи, государствѣ, обществѣ, религіозныхъ преданіяхъ и духѣ христіанской морали съ весьма изліятельной симпатіей. Его дипломатическая миссія въ Москвѣ, на коронаціи, оставила въ немъ самыя отрадныя и лестныя воспоминанія. Онъ разсказывалъ мнѣ съ выразительной миной лица и широкими жестами, какъ онъ въ Москвѣ видѣлъ вездѣ, даже въ простомъ народѣ, неизмѣнно почтительное отношеніе къ нему, какъ къ духовной особѣ. Его трогала набожность нашей народной массы и духъ, проникающій его благочестіе. Въ памяти его остались и подробности пріема, оказаннаго ему въ одномъ изъ женскихъ монастырей.

По-русски кардиналъ Винченцо совсѣмъ не знаетъ. Въ Москву онъ бралъ съ собою одного изъ тѣхъ библіотечныхъ ученыхъ, которые считаются знатоками нашего языка. Но ученый этотъ ока-

зался чистымъ теоретикомъ и для объясненій по разнымъ житейскимъ надобностямъ, на нашемъ языкѣ, совершенно неподготовленнымъ. Кардиналъ добродушно разсмѣялся, разсказывая мнѣ это. Вообще, я въ первый разъ видѣлъ такого веселаго и оживленнаго «князя церкви», свободнаго отъ какой-либо условной важности или святости, такъ знакомыхъ намъ съ дѣтства.

Время шло. Въ концѣ 1897 года я еще не имѣлъ случая видѣть папу, хотя бы только во время службы. Онъ по воскресеньямъ, рано утромъ, служилъ самъ, въ маленькой капеллѣ, куда допускается и публика, по особымъ билетамъ, въ самомъ ограниченномъ числѣ. Секретарь нашей миссіи еще до пріѣзда министра далъ мнѣ письмо къ тому прелату, который завѣдуетъ всѣмъ, что относится къ пріемамъ, аудіенціямъ и допущеніямъ. Онъ носитъ титулъ «maestro di casa» и живетъ въ Ватиканѣ, въ той части зданія, куда надо подниматься сейчасъ справа, если вы входите черезъ бронзовыя двери. Утромъ, часу въ десятомъ, онъ принимаетъ ежедневно. Но мнѣ не было удачи. Какъ разъ въ этотъ часъ случилась аудіенція у папы, при которыхъ онъ долженъ состоять. Я долго ждалъ, и его секретарь, аббатъ-французъ, совѣтуя мнѣ придти въ другой день, замѣтилъ, не безъ интонаціи, что мѣстъ въ той капеллѣ, гдѣ служитъ его святѣйшество, мало и католики, разумѣется, имѣютъ предпочтеніе передъ «схизматиками».

Мнѣ сталъ немного надоѣдать неизбѣжный вопросъ русскихъ, съ какими я встрѣчался за это время:

— Вы видѣли папу? Васъ принималъ папа?

Точно будто я обязанъ былъ непремѣнно добиваться этого. Кто-то еще изъ Петербурга пустилъ слухъ, что я пишу романъ изъ римской жизни, гдѣ Ватиканъ «будетъ выведенъ», — какъ говорятъ еще нѣкоторые читатели.

На частную аудіенцію у папы я не разсчитывалъ и не домогался ея, не признавая за собою никакого права на это. А изъ простого любопытства проникать въ пріемную гостиную главы католичества считалъ совершенно непристойнымъ. Другое дѣло, видѣть такое историческое лицо, какъ Левъ XIII, наравнѣ съ сотнями и тысячами его духовныхъ подданныхъ и иностранцевъ, желающихъ доставить себѣ это развлеченіе.

Къ этому времени одна русская дама прислала мнѣ письмецо къ командору А., кавалеру «di capa e di spada», на торжествахъ Ватикана и св. Петра. Я сдѣлалъ ему визитъ и черезъ два дня онъ прислалъ мнѣ билетъ на новогоднюю службу въ Ватиканѣ, въ залѣ *Беатификацій*, гдѣ папа будетъ самъ «говорить» обѣдню.

Этотъ розовый билетъ давалъ входъ въ особыя мѣста членовъ общества «Gioventù cattolica» (и я попалъ въ число такихъ «юношей») и былъ за подписью того «maestro di casa» монсиньора ди Адцеведо, котораго я лично узналъ уже два мѣсяца спустя, во внутреннихъ покояхъ Льва XIII.

На эту новогоднюю службу въ залѣ, описанной въ романѣ Золя эффектно, но не совсѣмъ вѣрно (она гораздо уже и бѣднѣе отдѣлкой) набралось множество народа—разныя общества и братства, вся клерикальная знать и буржуазная, депутаціи изъ провинцій и, разумѣется, иностранцы изъ всѣхъ отелей Рима. Билетами всегда промышляютъ и даже поддѣлываютъ ихъ, по увѣренію знатоковъ здѣшней жизни. Тутъ я впервые видѣлъ папу и довольно близко, и когда его несли на креслѣ красные служители и во время всей *первой* обѣдни, которую онъ служилъ. Во время второй (такъ всегда бываетъ) онъ только сидѣлъ на креслѣ и съ той именно стороны слѣва, гдѣ я стоялъ среди «Gioventu cattolica», во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ. Въ остальной публикѣ всѣ почти были въ сюртукахъ и даже визиткахъ. И мой *commendatore* предупредилъ меня, что фрака не нужно.

Отъ нѣсколькихъ духовныхъ слышалъ я, до этой новогодней службы, что папа часто бываетъ очень слабъ, такъ что тѣ, кто помогаетъ ему въ службѣ, держатъ его крѣпко за обѣ руки. И отъ дипломатовъ узналъ я за нѣсколько дней до новаго года, что лейбъ-медикъ Льва XIII боялся за него, если онъ будетъ служить обѣдню съ колѣнопреклоненіемъ, боялся и головокруженія, когда его понесутъ въ креслѣ. Но его святѣйшеству угодно было настоять на своемъ желаніи, также какъ и на тѣхъ двухъ торжествахъ, куда я попалъ позднѣе: пріемѣ богомольцевъ въ св. Петрѣ и праздновании двадцатилѣтняго юбилея въ Сикстинской капеллѣ.

Показались носилки, и надъ толпой, кричавшей «Viva il papa», а въ нѣкоторыхъ группахъ и «il papa - rè», при рукоплесканіяхъ, которыя намъ русскимъ кажутся всегда неприличными, высилась голова старца, съ пергаментнымъ лицомъ и рѣзкимъ профилемъ, въ бархатной скуфьѣ и пелеринѣ такого же темно-краснаго цвѣта, опушенной горностаемъ. Этой службой праздновалась и 60-ти лѣтняя годовщина священства Льва XIII. Онъ кончалъ свой 88-й годъ жизни. Въ такой возрастъ старость уже теряетъ свои оттѣнки. Но противъ того, какое лицо у него на фотографіяхъ и большихъ въ натуральную величину, и альбомныхъ — разница огромная. Вы ожидаете также, судя по портретамъ, что папа порядочнаго роста; а въ дѣйствительности онъ оказался сгорбленнымъ отъ лѣтъ ста-

ричкомъ, роста менѣе средняго, когда его облачили тутъ же, передъ публикой, и онъ поднялся къ алтарю, придѣланному къ стѣнѣ залы, на нѣкоторомъ возвышеніи. Служилъ онъ въ обыкновенномъ священническомъ облаченіи изъ бѣлаго глазета и безъ тіары, а въ бѣлой шапочкѣ, которую одинъ изъ ассистентовъ въ фіолетовыхъ сутанахъ и рубашкахъ безпрестанно то снималъ, то надѣвалъ, ловко беря за кисточку. Обѣдня была такъ называемая у французовъ «messe basse», т.-е. обыкновенная, произносимая священникомъ вполголоса, а не нараспѣвъ, безъ діаконовъ, музыки и пѣнія. Только при вносѣ папы и по окончаніи службы пѣлъ хоръ, помѣщенный на балконѣ, по одной изъ боковыхъ стѣнъ.

Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, была очень хорошо видна вся фигура папы во время первой обѣдни. Она длилась немного больше получаса и началась въ три четверти девятаго утра. Папа двигался передъ алтаремъ, согбенный, маленькими шажками, дѣлалъ всѣ повороты и опусканія колѣнъ, какъ заурядный священникъ. Я зорко слѣдилъ за тѣмъ, держатъ ли его ассистенты за руку или подъ локоть; заполненнаго пространства между его плечомъ и фигурой ассистента—справа и слѣва—не было замѣтно. Его нисколько не придерживали, даже и тогда, когда онъ въ концѣ обѣдни произнесъ молитву, стоя на обоихъ колѣнахъ, и довольно долго. Для 88-ми лѣтняго старика это изумительно! И свою «тихую» обѣдню произносилъ онъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, довольно громко, глухимъ, низкимъ голосомъ, съ характерными интонаціями гласныхъ, причемъ у него въ нихъ слышится какое-то придыханіе. Мнѣ говорили, что онъ и латинскіе стихи декламируетъ также.

Этотъ подъемъ силъ для исполненія скромныхъ обязанностей священника въ такой преклонной старости долженъ былъ бы вызывать въ вѣрующихъ гораздо болѣе умиленное чувство. А публика, не считая разноплеменныхъ иностранцевъ, присутствовала на этой годовщинѣ 60-ти лѣтняго священства папы—просто какъ на зрѣлищѣ. Не хотѣлось бы мнѣ поправлять моего знаменитаго собрата—автора романа «Римъ». Можетъ быть, на томъ пріемѣ богомольцевъ изъ Франціи, въ той самой залѣ «Беатификацій» онъ и видѣлъ пароксизмы восторженной вѣры и поклоненія главѣ католичества; но тутъ ничего такого не было. Аплодисменты и крики «Viva il papa-rè» отзывались спектаклемъ и много-много политической демонстраціей. Нигдѣ я не замѣтилъ ни одного умиленнаго лица: ни въ членахъ разныхъ католическихъ обществъ, ни въ патерахъ, ни даже въ женщинахъ изъ мелкой буржуазіи, плоховато одѣтыхъ. А кажется времени для наблюденій было до-

вольно: я пріѣхалъ еще до восьми часовъ, служба началась въ три четверти девятаго и съ церемоніей послѣ второй обѣдни все длилось добрыхъ два часа.

Отслуживъ обѣдню, папа скрылся на минуту за драпировку слѣва. Ему послѣ принятія причастія можно подкрѣпиться. Люди, знакомые хорошо съ порядками Ватикана, разсказываютъ, что онъ въ этихъ случаяхъ выпиваетъ чашку бульона и рюмку вина. Вторую обѣдню служилъ молодой каноникъ. Папа сидѣлъ въ креслѣ. Потомъ началось представленіе депутацій и обществъ, съ цѣлованіемъ туфли. Почти каждому онъ что-нибудь говорилъ.

Понесли его обратно тѣмъ же путемъ черезъ всю залу и дальше по *sala Regia* во внутренніе покои. Онъ смотрѣлъ еще очень бодро, лицо улыбалось; благословляетъ онъ не такъ, какъ нашъ владыко, а округленнымъ движеніемъ обѣихъ рукъ, въ бѣлыхъ вязаныхъ полуперчаткахъ (митенкахъ) съ огромнымъ камнемъ на перстнѣ правой руки. Отъ времени до времени онъ привѣтствовалъ публику и одной рукой, какъ дѣлаютъ вообще итальянцы, ото рта кнаружи. На немъ не было уже короткой мантильи и скуфьи съ оторочкой, а сверхъ бѣлой сутаны длинная красная мантія съ пелериной, накинутая на плечи.

Только это несеніе и красиво. Въ остальномъ торжествѣ не было ничего внушительнаго. Зала слишкомъ узка, въ видѣ длиннѣйшаго коридора, и съ плоховатымъ свѣтомъ. Дворъ и стража вблизи производятъ впечатлѣніе чего-то не «всамдѣлишнаго», какъ говорятъ обыкновенно дѣти. *Guardia nobile* и въ этотъ разъ, и въ другія два торжества, не надѣвала самыхъ парадныхъ мундировъ. «Кавалеры шпаги и мантіи», надзирающіе за порядкомъ и одѣтые испанцами XVI вѣка, съ фрезами вокругъ шеи и цѣпями, смахиваютъ на театральныхъ кавалеровъ, хотя костюмы сами по себѣ и живописны.

И расходилась публика совершенно какъ изъ театра. Жандармы, въ треуголкахъ, а не въ мѣховыхъ шапкахъ (какъ они были потомъ въ св. Петрѣ) образовали цѣпь и стали полегоньку выпирать публику изъ залы, а потомъ къ лѣстницѣ, изъ той проходной залы, откуда слѣва ходъ въ Сикстинскую капеллу. Внизу, въ огромномъ проходѣ сѣней, у вѣшалокъ, была такая же толкотня, какъ въ нашихъ концертахъ и театрахъ. И служители при нихъ напоминали тѣхъ обшарканныхъ артельщиковъ, какіе бываютъ въ плохихъ зрѣлищахъ.

Къ тому дню, когда незадолго до торжества двадцатилѣтней годовщины царствованія Льва XIII была большая служба съ пріемомъ

богомольцевъ со всей Италіи, собравшихся поздравить его, пріѣхалъ въ Римъ нашъ министръ-резидентъ при Ватиканѣ. Онъ прислалъ мнѣ билетъ на торжество въ св. Петрѣ. Часъ былъ назначенъ менѣе ранній, чѣмъ въ тотъ разъ, въ залѣ Беатификацій, къ 10 часамъ; но началось, конечно, по-итальянски (или по-русски, если хотите) часомъ позднѣе. Богомольцевъ насчитывали до пятнадцати, а римской публики впущено было, конечно, до сорока тысячъ. Во всѣхъ отеляхъ можно было свободно доставать билеты, кромѣ тѣхъ, которые давали ходъ въ трибуны, вблизи главнаго алтаря. Мелкій людъ промышляетъ такими билетами, подлинными и поддѣльными.

Когда я подъѣхалъ къ возвышенію, ведущему къ Петру, весь этотъ обширный полукругъ между фонтанами Бернини былъ оцѣпленъ двумя баталіонами королевской пѣхоты. Это зрѣлище не лишено было пикантности: папское торжество охраняло войско ненавистнаго и отлученнаго Квиринала. И масса полиціи разнаго сорта виднѣлась на площади и у колонады справа. Подъ порталомъ церкви, въ дверяхъ, устроена была загородка для билетовъ разныхъ цвѣтовъ. Весь полъ былъ усѣянъ грудами рваныхъ билетовъ—ихъ сейчасъ же отбирали. Отдѣльно впускали имѣющихъ доступъ въ трибуны богомольцевъ и два разряда публики; въ первый изъ нихъ и я попалъ съ моимъ билетомъ свѣтло-персиковаго цвѣта.

Церковь такъ велика, что когда я вошелъ въ нее, конечно, набралось уже болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, а первый сегментъ—поперекъ—былъ еще совсѣмъ свободенъ. Я нарочно смѣшался съ толпой въ лѣвомъ проходѣ, чтобъ еще разъ оцѣнить настроеніе массы, гдѣ на одного иностранца не католика приходилось, конечно, десять, а то и больше духовныхъ подданныхъ его святѣйшества. Сбѣжался весь Римъ улицы и отелей съ преобладаніемъ мелкой буржуазіи. Множество мальчишекъ, какіе пристаютъ къ вамъ на Корсо. Гдѣ они добывали свои билеты — это ихъ дѣло. Но они вели себя совершенно какъ на улицѣ. Даже хуже: взбирались на пьедесталы колоннъ, карабкались одни на другихъ, болтали, пихали другъ друга, не смущаясь мѣховыми гренадерскими шапками жандармовъ и проходившихъ мимо церковнослужителей. Масса была итальянская, но иностранные языки слышались отовсюду. И настроеніе еще менѣе благоговѣйное, чѣмъ въ Ватиканѣ, на папской обѣднѣ. Тутъ уже ясно было, что всѣ сбѣжались смотрѣть на зрѣлище, ничего больше.

Правый проходъ отъ серединнаго корабля былъ затянутъ цвѣтнымъ коленкоромъ. Оттуда должны были идти процессіи. Сначала

пилигримы, потомъ папская стража, кардиналы, чины двора, весь персоналъ такихъ торжествъ. Надъ средними дверьми въ трибунѣ помѣстились трубачи, которые грянули старинную фанфару, когда изъ-за перегородки показались носилки съ креслами папы. Фанфара эта архаическая, но не особенно пріятная.

Несли папу въ концѣ процессіи тѣ же служители въ короткихъ красныхъ кафтанахъ изъ рытаго бархата и въ тѣхъ же креслахъ, что и въ Ватиканѣ, но подъ опахаломъ изъ страусовыхъ перьевъ, въ ризѣ и въ епископской бѣлой митрѣ, а не въ тіарѣ, такъ какъ торжество это было всенароднымъ празднованіемъ его священства, а не царствованія.

Папа самъ не служилъ, а только присутствовалъ при службѣ, послѣ которой началась церемонія его чествованія.

Но какъ только пронесли его по церкви и масса публики наглядѣлась на это шествіе, сейчасъ же начался отливъ и продолжался все время, пока тамъ, у алтаря, служили. Тутъ уже мотивъ одного любопытства слишкомъ рѣзко бросался въ глаза. И въ этой отхлынувшей къ дверямъ волнѣ народа католики безусловно преобладали. Я не подмѣтилъ ничего похожаго даже на политическую демонстрацію, кромѣ криковъ «Viva il papa-re!»—когда папу вносили. Просто праздная, разноязычная толпа, желающая поскорѣе уйти *до давки,* какъ на любомъ сборищѣ, гдѣ тысячи народа. Побужденіе понятное, но уже отнюдь не благоговѣйное. Даже тѣ, кто бросился вонъ тотчасъ послѣ прохода процессіи, должны были двигаться густою вереницей и не прямо на площадь, а черезъ ватиканскія сѣни, въ обходъ.

Нашъ министръ при Ватиканѣ еще въ концѣ января спросилъ кардинала Рамполла, когда будетъ удобное время для моей аудіенціи у папы. Они условились на послѣднія числа февраля, за недѣлю до торжества двадцатилѣтней годовщины восшествія на престолъ, причемъ онъ нашелъ полезнымъ еще разъ успокоить его эминенцію насчетъ моихъ плановъ, говоря, что я не сбираюсь писать романа изъ ватиканской жизни. Впрочемъ, онъ нашелъ, что Рамполла крайне расположенъ сдѣлать для меня все, что онъ можетъ, и обѣщалъ дать знать прямо въ миссію, когда его святѣйшеству угодно будетъ принять меня.

Кардиналъ статсъ-секретарь ни о чемъ не забылъ и выполнилъ свое обѣщаніе въ точности. Я получилъ отъ нашего министра письмо съ извѣщеніемъ, что папа приметъ меня 25 (13) февраля въ своихъ внутреннихъ покояхъ, въ 12½ часовъ дня.

Старый привратникъ отеля *Beau-Site,* гдѣ я жилъ въ Римѣ до

самаго отъѣзда, когда я, наканунѣ, поручалъ ему нанять двуконный экипажъ, хотѣлъ сдѣлать для меня экономію и, вмѣсто того, чтобы подрядить карету, какія можно имѣть въ «ремизахъ» безъ извозчичьихъ номеровъ, со всѣми признаками барскаго экипажа, удовольствовался парнымъ ландо съ биржи.

Извозчикъ, услыхавъ, что надо ѣхать въ Ватиканъ «dall'Papa», а у него на фонаряхъ и на кузовѣ номера, изъ-за которыхъ насъ могутъ и не пустить на дворъ S. Damaso, сейчасъ же досталъ изъ-подъ своего сидѣнья горшечекъ съ черной краской и замазалъ номеръ, а переднія стекла изъ фонарей вынулъ. Все это было продѣлано быстро, какъ тому и быть слѣдуетъ. Мы со старикомъ привратникомъ невольно разсмѣялись.

Сталъ накрапывать дождь. Верхъ спереди и сзади подняли и превратили коляску въ четырехмѣстную карету. Одна лошадь прихрамывала. Можно было опасаться, что мы опоздаемъ. Безъ номеровъ ландо не возбудило въ стражѣ никакого подозрѣнія, и часовой взялъ даже ружьемъ «на караулъ». Ландо въѣхало во дворъ, гдѣ у папскаго подъѣзда стояли двѣ кардинальскія кареты. Прежде «князья церкви» ѣздили въ раззолоченныхъ колымагахъ, а теперь въ скромномъ ландо и двумѣстныхъ купе. Но ихъ легко узнавать по обязательному *трауру:* лошади непремѣнно вороныя, какъ и кучера въ черныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ.

Весь пріемъ у папы я, вернувшись, записалъ въ тотъ дневникъ, который велъ все время житья въ Римѣ. Но другими записями я только пользовался, дополняя или сокращая ихъ; а эту приведу цѣликомъ.

Истина—прежде всего! Не желая придираться къ автору романа *Rome,* долженъ буду и тутъ дѣлать поправки по адресу моего собрата. Онъ не виноватъ, что не былъ у папы. Его туда не допустили, хотя онъ и хлопоталъ объ этомъ даже черезъ одного вліятельнаго кардинала. А разъ онъ не проникалъ во внутренніе покои, все его описаніе вечерней аудіенціи аббата Пьера написано, какъ выражаются итальянскіе художники, «di maniera», а французы говорятъ «de chic», т.-е. по-русски—«отъ себя». Вся сцена папы съ аббатомъ прекрасно написана въ смыслѣ изображенія и красокъ, хотя она и грѣшитъ невѣрностью деталей. Но мы теперь не въ области романа, а въ трезвой дѣйствительности.

Мое ландо съ замазаннымъ номеромъ подъѣхало къ крыльцу. На ступенькахъ никого. *Швейцара* въ обыкновенномъ смыслѣ съ булавой и въ ливреѣ у св. отца, должно быть, не было. Сейчасъ, на узкой площадкѣ, гдѣ справа и слѣва по чуланчику, стоитъ жан-

дармъ въ шинели. И какой-то индивидъ въ штатскомъ выглянулъ изъ одного чуланчика. Я сказалъ жандарму, что у меня аудіенція у его святѣйшества и этого было довольно. Никакихъ билетовъ у меня никто не спрашивалъ—ни внизу, ни наверху, въ самыхъ покояхъ. Папскіе жандармы—не швейцарцы, а чистокровные итальянцы—рослый, красивый, чрезвычайно вышколенный народъ, говорящій на хорошемъ итальянскомъ языкѣ.

Я уже зналъ, на какой площадкѣ входъ къ папѣ. Огромная стеклянная дверь ведетъ въ первую залу, съ высокимъ расписаннымъ плафономъ, въ стилѣ Возрожденія, съ нѣкоторымъ средневѣковымъ оттѣнкомъ. Тутъ стоятъ швейцарцы съ алебардами. Вы и и проходите вправо и попадаете въ обширную переднюю съ монументальнымъ каминомъ, около котораго на очень простыхъ, самыхъ дешевыхъ соломенныхъ стульяхъ сидятъ нѣсколько служителей, тѣхъ самыхъ, что носятъ папу, въ свѣтло-малиновыхъ короткихъ кафтанахъ, чулкахъ и башмакахъ.

Одинъ изъ нихъ, старикъ, спросилъ меня, что мнѣ угодно, и когда я сказалъ, что имѣю у папы аудіенцію, то онъ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, переглянулся съ остальными, попросилъ мою карточку и пошелъ съ ней налѣво. Остальные встали съ обычнымъ возгласомъ:

— Si accomodi, signore!

Это все заслуженные лакеи, напоминающіе нашихъ театральныхъ капельдинеровъ своими бритыми лицами. Пальто, шляпу и трость они тутъ же положили на высокій столъ.

Въ миссіи меня предупредили, что этикетъ требуетъ только одну руку имѣть въ перчаткѣ. Но потомъ оказалось, что перчатокъ совсѣмъ не полагается, вопреки всякому другому этикету въ соотвѣтственныхъ пріемахъ.

Малиновый служитель вернулся и попросилъ меня въ слѣдующую комнату небольшихъ размѣровъ, съ прекрасными гобеленами. Въ третьей залѣ встрѣтилъ меня дежурный камергеръ—«cameriere participante»—въ фіолетовомъ подрясникѣ съ точно такими длинными помочами, какія носятъ въ Римѣ семинаристы разноязычныхъ коллегій. Здѣсь, у окна, дожидался усатый господинъ во фракѣ и маленькаго роста кардиналъ. Въ залѣ—балдахинъ и посрединѣ покоемъ составлены были диваны.

Камергеръ объяснилъ мнѣ, что это—тронная зала, гдѣ папѣ вручаютъ посланники свои вѣрительныя грамоты и бываютъ болѣе торжественные пріемы. Но частныя аудіенціи и дипломатамъ, и высокимъ особамъ, даже и коронованнымъ, папа даетъ въ той го-

стиной, куда меня должны были ввести. Этотъ фіолетовый придворный отрекомендовался въ разговорѣ. Онъ—маркизъ X. и, кажется, духовнаго сана не носитъ, молодой человѣкъ, свѣтскаго тона и манеръ, успѣлъ сообщить мнѣ, что его братъ женатъ на русской графинѣ Б. изъ семейства, давно живущаго во Флоренціи. Сегодня въ этой самой залѣ была великопостная проповѣдь. Папа слушаетъ своего проповѣдника и на диванахъ сидятъ кардиналы.

Показался «maestro di casa», тотъ самый, у кого я былъ и не дождался,—монсиньоръ, въ сутанѣ съ темно-малиновой выпушкой и такимъ же кушакомъ. Онъ долженъ быть при всѣхъ аудіенціяхъ, но къ папѣ не вводитъ и въ гостиной его не остается, а только слѣдитъ за очередью. Вышло маленькое замѣшательство. Хотѣли впустить меня, но тотчасъ пригласили кардинала съ плотнымъ господиномъ въ усахъ, смахивавшимъ на нѣмца. Аудіенція ихъ продолжалась не больше пяти минутъ. Maestro di casa и camериere participante дожидались со мной въ послѣдней проходной гостиной, около того покоя, гдѣ былъ папа. Въ этотъ салонъ вводятъ не всѣхъ. Обыкновенно дожидаются своей очереди въ тронной залѣ.

Не знаю, кто давалъ автору романа *Римъ* подробное описаніе тѣхъ покоевъ, черезъ которые проникъ въ рабочую комнату папы аббатъ Пьеръ; но въ дѣйствительности этихъ залъ совсѣмъ не такъ много и онѣ не производятъ такого впечатлѣнія, даже если бы дѣло происходило и вечеромъ, при слабомъ освѣщеніи. Тутъ опять работа «de chic».

Еще въ тронной залѣ фіолетовый камергеръ попросилъ меня снять перчатку и съ лѣвой руки. Дожидаясь конца первой аудіенціи, мы втроемъ разговорились по-французски. Они меня разспрашивали, какъ я себя чувствую въ Римѣ, говорили о маляріи и объ инфлуенцѣ, особенно сильной въ эту зиму. Maestro di casa поразилъ меня своимъ сходствомъ съ однимъ—теперь покойнымъ—цензоромъ (Кейзеромъ), который десятки лѣтъ цензировалъ въ Петербургѣ наши пьесы. Усатый господинъ и маленькій кардиналъ вылетѣли отъ папы съ возбужденно-радостными лицами и простились съ обоими придворными. Пришла и моя очередь.

Фіолетовый повелъ меня вслѣдъ за maestro di casa, который у двери стушевался; а камергеръ отворилъ двойную легкую дверь съ обивкой, сталъ разомъ на оба колѣна и потомъ пропустилъ меня, а самъ исчезъ.

Русскому можно ограничиться тѣмъ, что при входѣ и посрединѣ комнаты сдѣлать по низкому поклону, безъ преклоненія ко-

лѣнъ. Папа этого не требуетъ и даже не дѣлаетъ никакого жеста, похожаго на благословеніе.

Гостиная — въ два окна, узковатая, не очень высокая, съ отдѣлкой, какая бываетъ въ любомъ палаццо. Полъ у правой стѣны отъ входа возвышенъ и на немъ ставится въ нѣкоторые пріемы его кресло. Но въ этотъ разъ кресло—обыкновенное, штофное съ позолотой—приставлено было къ камину, занимающему глубину комнаты. По бокамъ его драпировки. На каминѣ канделябръ, вазы и много разныхъ экрановъ и коробокъ. Отъ большого кресла въ два ряда идутъ золотыя низкія креслеца.

Дверь, противъ входной, ведетъ въ спальню, около которой молельня, библіотека и комната прислуги: такъ говорили мнѣ люди свѣдущіе, но туда я не попадалъ.

Папа сидѣлъ одинъ въ креслѣ и поклонился мнѣ издали; а когда я подошелъ къ нему, указалъ мнѣ на ближайшее креслецо, отъ себя вправо.

Одѣтъ онъ былъ такъ: на головѣ бархатная скуфья съ мѣховой оторочкой, ниже и шире, чѣмъ обыкновенная папская скуфья, всѣмъ извѣстная по портретамъ Льва X и Юлія II, и цвѣтъ бархата алый, а не темно-красный. Какъ будто скуфья покрывала бѣлую шапочку, которая надѣвается назадъ. Изъ подъ скуфьи выступали двѣ волнистыхъ пряди совсѣмъ бѣлыхъ волосъ. На немъ, снизу, бѣлая сутана, такого почти покроя, какъ у кардиналовъ, а сверхъ сутаны родъ пальто съ отворотами и длинными обшлагами изъ бѣлаго муаръ-антика. На плечи слегка накинута та красная мантія, какою облачали его, когда несли обратно изъ церкви, когда онъ служилъ обѣдню въ залѣ Беатификацій. Внизу мантія эта, изъ шерстяной матеріи, ложилась красивыми складками, съ подбоемъ краснаго атласа. Ноги въ шитыхъ золотомъ туфляхъ, темно-малиноваго бархата. Поверхъ чулокъ надѣтъ еще родъ вязаныхъ бѣлыхъ штиблетъ для тепла. На рукахъ бѣлыя митени и огромный перстень на одномъ изъ пальцевъ правой руки. Въ ней онъ держалъ фуляровый платокъ, темнозолотистаго цвѣта, большой и смятый, и коротвую бочковатую табакерку. На шеѣ золотой епископскій крестъ и никакихъ другихъ украшеній.

Не знаю, можетъ быть, у себя за-просто, въ спальнѣ, да еще вечеромъ (когда аббатъ Пьеръ былъ принятъ папой) Левъ XIII и не отличается безупречностью своихъ сутанъ, будто бы часто со слѣдами нюхательнаго табаку; но на этотъ разъ все на немъ было точно съ иголочки, новое и весьма изящное, можно бы даже ска-

зать франтоватое, особенно эти отвороты и обшлага изъ бѣлаго муаръ-антика.

Первое впечатлѣніе при взглядѣ на него: *очень* древній старецъ; старше мнѣ и не случалось видѣть вблизи, кромѣ императора Вильгельма I, въ Эмсѣ, въ курзалѣ. Но лицо его менѣе восковое и кожа менѣе похожа на пергаментъ, чѣмъ казалось издали, хоть и не на очень большомъ разстояніи. Черты не такъ рѣзки и крупны, какъ на большинствѣ портретовъ, и нѣтъ совсѣмъ той слишкомъ напряженной улыбки его широкаго рта. Вообще лицо болѣе интересное и подходящее къ его сану. Глаза черные, но совсѣмъ не такіе, какихъ ждешь, если вѣрить описанію Золя. У него они выходятъ огромные. Ничего этого нѣтъ, глаза маленькіе, узкіе, но, правда, живые и моложавые, съ острымъ взглядомъ, когда онъ блеснетъ ими и приподниметъ брови. Улыбка во весь ротъ; сбоку она даетъ очень характерную складку при такомъ крупномъ носѣ. Брови, почти голыя, часто движутся и тогда взглядъ сейчасъ же дѣлается строгимъ. Зубы еще есть. Въ голосѣ нѣтъ старческаго шамканья. Голосъ низкій, слабый, въ началѣ разговора нѣсколько вздрагивающій. Нервный трепетъ замѣчается и въ рукахъ, привыкшихъ къ широкимъ, круглымъ жестамъ.

Вначалѣ, минуты такъ три-четыре, онъ произносилъ слова тихо и медленно, съ паузами, какъ бы затрудняясь въ выраженіяхъ, хотя по-французски говоритъ свободно и съ умѣреннымъ акцентомъ, почти безъ ошибокъ, кое-когда съ возгласами по-итальянски: «e altro!» или «e già!». Въ эти первыя минуты онъ мнѣ показался гораздо дряхлѣе, чѣмъ я ожидалъ. Но прошло еще нѣсколько минутъ, и онъ одушевился, все почти время говорилъ самъ, съ болѣе ускореннымъ темпомъ и безъ длинныхъ паузъ. Онъ спросилъ меня о моемъ писательствѣ, занимаюсь ли я исключительно беллетристикой или и другими отраслями литературы. Узнавъ, что я не исключительно беллетристъ, онъ освѣдомился, не нужно ли мнѣ бывать въ архивѣ Ватикана, на что я отвѣтилъ, что работаю вотъ уже болѣе семи лѣтъ надъ книгой по исторіи европейскаго романа въ XIX столѣтіи, считая и русскій.

Попавъ на тему Россіи, Левъ XIII еще замѣтнѣе оживился и сталъ говорить быстрѣе и характернѣе по выбору словъ и выраженій.

— Вотъ вчера,—началъ онъ,—вашъ министръ-резидентъ (онъ произноситъ его имя по-итальянски) сидѣлъ тутъ, и я ему говорилъ о моемъ неизмѣнномъ желаніи поддерживать съ Россіей самыя дружественныя отношенія. Никогда я не упускаю случая вну-

шать католическимъ духовнымъ въ предѣлахъ вашего отечества, что не надо смѣшивать вопросовъ вѣры съ политикой, а слѣдуетъ держаться наставленій церкви. Сколько есть на востокѣ іерарховъ, признающихъ главу католичества,—при этомъ папа улыбнулся,— и я имъ всегда внушаю, что всякая власть отъ Бога и что они обязаны повиноваться своему законному государю—султану.

При этомъ онъ привелъ сейчасъ же текстъ изъ посланія апостола Павла о повиновеніи властямъ, разумѣется, на латинскомъ языкѣ.

Незамѣтно онъ попадалъ на одну изъ своихъ любимыхъ темъ съ русскими: о томъ, какъ было бы желательно соглашеніе двухъ высочайшихъ авторитетовъ въ старомъ свѣтѣ—духовной власти (при этомъ на словахъ «moi, comme chef de la catholicité» онъ опять неожиданно и очень добродушно улыбнулся) и единственно твердой въ Европѣ свѣтской власти русскаго государя.

Видно, что это одна изъ тѣхъ сладкихъ грезъ, съ которыми онъ кончитъ свое земное поприще.

— О, тогда,—продолжалъ онъ, одушевляясь и широко разводя руками,—можно было бы побѣдоносно бороться со всѣми разрушительными движеніями и съ нигилизмомъ,—выговорилъ онъ строже и глаза его блеснули,—и съ соціализмомъ... нѣмецкимъ,—многозначительно прибавилъ онъ и брови его сдвинулись. Это слово— «allemand» пришло ему не сразу.

«А соединеніе церквей?—подумалъ я.—Неужели о немъ не зайдетъ рѣчь?» Я зналъ, что Левъ XIII не пропускаетъ никогда случая поговорить на эту тему, причемъ съ грустью замѣчаетъ:

— Moi, je n'entrerai pas dans le pays de Chanaan! Je suis trop vieux pour cela!

Другими словами: я не доживу до вожделѣнной минуты, когда то «соединеніе вѣры», о которомъ провозглашаютъ у насъ во время обѣдни, осуществится!

Задавать его святѣйшеству вопросы не полагается и я не сбирался играть роль репортера. Можно было только незамѣтно навести его на эту тему, что я и попробовалъ, воспользовавшись направленіемъ разговора въ сторону Россіи и отношеній куріи къ русской власти.

Было умѣстно упомянуть о томъ интересѣ, какой въ русской публикѣ вызвали двѣ его знаменитыхъ энциклики: и та, гдѣ онъ призываетъ западное христіанство къ болѣе великодушнымъ чувствамъ во всемъ, что касается трудовой, меньшой братіи, и та, гдѣ онъ обращается къ восточнымъ церквамъ съ словами примиренія.

Это замѣтно понравилось ему, въ особенности, когда я упомянулъ о тѣхъ фактахъ, которые прямо показываютъ, что папѣ принадлежитъ почнинъ возстановленія греческаго обряда въ Италіи, въ самомъ Римѣ и его окрестностяхъ, какъ, напримѣръ, въ монастырѣ *Grotta Ferrata*, гдѣ онъ приказалъ вернуться и къ преподаванію въ школѣ на греческомъ языкѣ, и къ древнему богослуженію, даже настоялъ на передѣлкѣ церкви по православному типу, съ иконостасомъ, тогда какъ она еще недавно была совсѣмъ латинская.

Рѣчь его потекла еще оживленнѣе. Видно, что ему особенно пріятно говорить объ этой «землѣ Ханаанской», куда онъ не надѣется самъ войти.

Для него это дѣло вполнѣ осуществимое.

— Конечно, есть разногласія,—соглашается онъ. И онъ перечислилъ извѣстные намъ со школьной скамьи пункты, которые греческая церковь ставила въ вину латинской. Но все это не составляетъ неодолимаго препятствія по его мнѣнію. Всякая церковь, держащаяся христіанскихъ преданій, можетъ сохранять свои особенности, только бы она не отвергала самаго принципа іерархіи.

Тутъ онъ улыбнулся глазами и сдѣлалъ маленькую паузу.

— Съ удовольствіемъ,—продолжалъ папа,—замѣчаю я, что даже Англія въ послѣднее время совсѣмъ иначе относится къ римской церкви. Конечно, съ протестантизмомъ соглашеніе не возможно, потому что онъ отрицаетъ іерархію, преемственность благодати. А гдѣ этого нѣтъ, тамъ нѣтъ и принципіальной невозможности.

Каждый знакомый съ нашей дѣйствительностью могъ бы поставить передъ главой католичества тѣ преграды, которыя дѣлаютъ соединеніе немыслимымъ до тѣхъ поръ, пока Римъ не откажется отъ своего вселенскаго главенства.

Левъ XIII прекрасно сознаетъ, что въ этомъ вся суть, но врядъ ли онъ можетъ войти анализомъ въ коренную несогласимость такого принципа съ тѣмъ, какъ сложилась русская церковь и въ какомъ она положеніи стоитъ къ государству.

О новыхъ догматахъ, созданныхъ при его предшественникѣ, папа не упомянулъ, перечисляя пункты того, что отецъ Ваннутелли называетъ «il dissidio». Развѣ онъ можетъ отказаться отъ догмата непогрѣшимости иначе, какъ если самъ *ex catedra* отмѣнитъ его? Но каждый разъ, какъ онъ называлъ себя «le chef de la catholicité», его улыбка имѣла весьма своеобразный и очень милый оттѣнокъ. Она какъ бы говорила:

«Вѣдь я не виноватъ, что облеченъ такой властью. Не я самъ это установилъ».

Аудіенція длилась около получаса. Когда я откланивался папѣ и отдавалъ поклонъ, наклонившись къ нему (у нашихъ дипломатовъ въ обычаѣ цѣловать руку), онъ сказалъ мнѣ, опять безъ всякаго благословляющаго жеста:

— Je vous serre la main, monsieur!

Есть обычай послѣ аудіенціи идти наверхъ къ кардиналу статсъ-секретарю. Онъ меня сейчасъ же принялъ. Я поблагодарилъ его за вниманіе ко мнѣ: безъ его участія такой пріемъ не обходится. Онъ обѣщалъ прислать мнѣ прямо билетъ на юбилейное торжество 3 марта, въ Сикстинской капеллѣ и, провожая меня опять до передней, повторилъ свою любимую фразу:

— Вы видите, какія чувства мы имѣемъ къ Россіи и русскимъ.

Дорогой, перебирая въ головѣ это путешествіе въ Ватиканъ, я воображалъ себя въ кожѣ русскаго писателя передъ какой-нибудь «особой» въ предѣлахъ нашего отечества. Меня сейчасъ принималъ какъ-никакъ глава двухсотъ милліоновъ католиковъ, для которыхъ онъ чуть не «земной богъ», и не только первосвященникъ, вѣщающій безусловную истину, но и государь. Какъ къ государю относятся къ нему представители иностранныхъ державъ, въ томъ числѣ и наши. Не знаю, всѣмъ ли извѣстно, что пакеты, идущіе отъ русскаго правительства въ Ватиканъ, надписываются (на русскомъ языкѣ) такъ: «Его святѣйшеству, епископу Римскія церкви, *Державному Папѣ*». Какъ ни оберните, духовный властелинъ чуть не половины христіанскаго населенія земного шара—и онъ такъ простъ въ обращеніи, бесѣдуетъ съ такой искренностью, ведетъ себя съ вами такъ, точно вы его младшій по лѣтамъ собратъ.

Припомнились мнѣ пріемы разныхъ особъ, ихъ важничанье, сухость и гримасы, ихъ умышленное пренебреженіе къ званію писателя. Да что ужъ говорить о себѣ. Случалось мнѣ слышать отъ И. С. Тургенева разсказы о томъ, какихъ «пріемовъ» удостоивали его особы, власть имѣющія на оффиціальныхъ аудіенціяхъ. Слышалъ я и передачу, въ лицахъ, сцены у одного петербургскаго правителя съ А. Г. Рубинштейномъ, явившимся къ нему сообщить о томъ кружкѣ, который, въ началѣ 70-хъ годовъ, затѣвался по инициативѣ его и Тургенева.

— Что вамъ угодно?—сурово кинулъ ему правитель. Чуть не спросилъ: «Да вы кто такой?»

— Такъ-то и такъ-то, ваше превосходительство.

— Хорошо-съ!... Я приму къ свѣдѣнію.

И повернулъ направо кругомъ.

Имъ бы всѣмъ — вотъ такимъ — поступить въ выучку къ его святѣйшеству, епископу «Римскія церкви».

Въ моемъ дневникѣ бесѣда въ гостиной папы записана возможно точно. Во взглядахъ на союзъ духовной и свѣтской власти онъ остается вѣрнымъ традиціямъ своего сана. Нельзя и ждать отъ римскаго папы чего-то гораздо болѣе передового, радикальнаго. И энциклика «меньшей братіи» вовсе не манифестъ соціалистической морали. А о «единеніи вѣры» папа мечтаетъ съ неизмѣнной увѣренностью въ томъ, что все можетъ быть улажено, если только признаютъ главенство римскаго первосвященника.

Льву XIII пошелъ тогда восемьдесятъ девятый годъ. Въ такія лѣта, въ его положеніи, со множествомъ дѣлъ, которыя онъ желаетъ всегда дѣлать самъ, въ высшей степени любезно и благодушно удѣлить изъ своего времени хотя бы и полчаса на совершенно частную бесѣду.

Черезъ недѣлю я получилъ отъ кардинала статсъ-секретаря билетъ на торжество двадцатилѣтней годовщины восшествія Льва XIII на папскій престолъ.

Опять съ утра потянулись кареты и изящные фаэтоны къ Тибру изо всѣхъ концовъ Рима. Съѣздъ былъ еще больше, чѣмъ тогда, въ юбилей 60-лѣтняго священства папы. Но войска на площади передъ Тибромъ уже не было, а только большой нарядъ полиціи. Я уже впередъ зналъ, что придется ждать долго до начала церемоніи. Но надо было занять мѣсто. Сикстинская капелла—довольно просторный ящикъ; но въ ней не помѣстить *свободно* болѣе тысячи человѣкъ. Въ пространствѣ до рѣшетки устроены двѣ временныя трибуны, въ видѣ площадокъ на столбахъ, и подъ ними стоячія мѣста для мужчинъ. Наверхъ допускаются только дамы. Между трибунами проходъ, по которому пойдетъ кортежъ и понесутъ папу. Далѣе идутъ скамьи вплоть до возвышенія, гдѣ алтарь, подъ адомъ Микель-Анджело, для кардиналовъ, придворнаго штата дипломатовъ, римскаго дворянства и «знатныхъ иностранцевъ».

Уже съ девятаго часа Sala Regia была набита публикой, которая не допускалась въ Сикстинскую капеллу, весьма разношерстной, смахивающей на богомольцевъ. Ее сдерживали загородки и ряды «guardia palatina», въ старомодныхъ мундирахъ николаевскаго покроя, съ фалдами. Вся эта масса дожидалась только процессіи. Дверь въ капеллу держали прикрытой все время, и до проноса папы, и послѣ него. Билеты отбирали камергеры и для порядка топтались cavalieri di capa e di spada, въ томъ числѣ и мой благообразный командоръ съ орденомъ на шеѣ.

Трибуны и подклѣти подъ ними быстро наполнились. Мужчинъ пускали налѣво и часамъ къ десяти все уже такъ набилось, что нельзя было двигаться. Дамы прибывали и скоро имъ уже не достало мѣста.

Для папскихъ аудіенцій и службъ дамы являются, какъ извѣстно, въ черномъ, съ головой, покрытой кружевнымъ вуалемъ. Но не воображайте себѣ, что женскій полъ, допускаемый на такія торжества, отличается изяществомъ. Туалеты кое-какіе, первое попавшееся черное или темное платье и тряпочка на головѣ. Не скажу, чтобъ и жены римскихъ принчипе и дипломатовъ поражали въ этотъ разъ благообразіемъ и стилемъ туалетовъ. Да и мужская половина почетныхъ гостей не блистала особенной представительностью. Во второй разъ видѣлъ я церемоніи въ Ватиканѣ и находилъ ихъ лишенными чего-либо грандіознаго. Для процессій нѣтъ достаточно мѣста, слишкомъ тѣсно, нѣтъ стройности и блеска. Есть только усердіе стражи и придворныхъ въ сутанахъ и мундирахъ, не допускать туда, куда билетъ не даетъ права проникать.

До самой процессіи дальняя половина капеллы туго наполнялась привилегированными гостями. Но у насъ, подъ лѣвой трибуной, въ мужскомъ курятникѣ дѣлалось уже нестерпимо душно. Стоять приходилось плечо къ плечу. Недовольство было всеобщее, особенно у иностранцевъ, англичанъ и нѣмцевъ, явившихся, разумѣется, со всѣми своими регаліями.

Раздаются клики «Viva il papa-re» и рукоплесканія въ *Sala Regia*. Кортежъ двинулся изъ внутреннихъ покоевъ. Тутъ лишь раскрыли двери. Показался отрядъ швейцарцевъ, красныя облаченія кардиналовъ, а потомъ и носилки, все съ тѣмъ же кресломъ. Кто-то захлопалъ; но ему шикнули. Но въ самой капеллѣ никакихъ кликовъ не было. Папу несли, какъ и въ Петрѣ, подъ опахалами. Онъ казался бодрымъ, но не улыбался такъ, какъ въ первый юбилей, въ залѣ Беатификацій. Вмѣсто епископской митры голову его покрывала, немного впередъ, тіара. Разсказываютъ, что у Льва XIII тіара особенная, только позолоченная и самая легкая.

Пѣвчіе на балконѣ правой стѣны грянули гимнъ.

Въ третій разъ слушалъ я папскую капеллу (не считая ватиканскаго хора въ Петрѣ, во время большихъ службъ) и позволю себѣ не восхищаться ею. Я не стану входить въ разборъ достоинствъ старинной церковной музыки, употребительной въ Римѣ,— говорю только объ исполненіи. Оно положительно ниже пѣнія пѣвческой капеллы, митрополичьихъ или синодальныхъ хоровъ Москвы и Петербурга. Пѣніе униссонное и совсѣмъ намъ русскимъ не по

вкусу; но и хоровое-концертное рѣзче, крикливѣе, съ оперныхъ, страстнымъ оттѣнкомъ. Дисканты не имѣютъ нашей мягкости и воздушности, а альты отзываются чѣмъ-то прямо жуткимъ для слуха русскихъ. Здѣсь еще царитъ традиція *кастратовъ* и они еще водятся въ Римѣ. Это—мужскіе альты съ женскимъ оттѣнкомъ звука, довольно-таки непріятнымъ, не по фальши, а по примѣси чего-то совсѣмъ не божественнаго и не благоговѣйнаго. И какъ это дико кажется каждому русскому: въ его отечествѣ ссылаютъ въ Сибирь за оскопленіе другихъ, а въ Римѣ кастрированіе всегда поощрялось папами, и обычай скопческаго пѣнія прошелъ споконъ вѣку изъ церкви въ оперный театръ, гдѣ еще держался въ началѣ XIX вѣка.

Началась служба. Папа сидѣлъ на тронѣ, вбокъ отъ алтаря, почти спиной. Одинъ русскій, бывшій на этомъ торжествѣ, говорилъ мнѣ потомъ, при встрѣчѣ:

— Замѣтили вы: всѣ кардиналы, монсиньоры, каноники передъ распятіемъ подгибаютъ одно колѣно, а передъ его святѣйшествомъ становятся на оба.

Духота и давка все усиливались въ капеллѣ, а снаружи, въ *Sala Regia*, тотчасъ по проходѣ шествія, начался отливъ публики къ лѣстницѣ. И тутъ опять все сводилось къ зрѣлищу: поглядѣли на папу, на кардиналовъ, на гвардейцевъ, крикнули «Viva», и по домамъ. Энтузіазма къ самой особѣ папы, который такъ вкусно описываетъ Золя, я рѣшительно не видалъ ни въ залѣ Беатификацій, ни въ Петрѣ, ни тутъ.

Въ нашемъ курятникѣ такъ стало тѣсно, что я съ трудомъ протискался, въ глубинѣ, къ лѣсенкѣ на трибуну, гдѣ на всѣхъ ступенькахъ торчало по дамѣ. Небольшая дверка вела черезъ сѣнцы на главную лѣстницу; но черезъ нее впускали только ватиканскую публику. Два дежурныхъ аллебардиста (по-старинному, протазаньщика) стояли для охраны. Съ однимъ изъ нихъ, молодымъ малымъ изъ Граубюндена я, въ ожиданіи пропуска, разговорился. Онъ мнѣ отвѣчалъ сначала съ оттяжкой, потомъ довольно свободно сталъ разсказывать про ихъ службу. Ихъ сто человѣкъ; жандармовъ до шестидесяти; еще рота Guardia Palatina человѣкъ въ триста, не считая Guardia Nobile. Изъ своихъ кантоновъ швейцарцы уходятъ въ Римъ свободно, уклоняясь отъ военной службы.

— Какъ же это?—спросилъ я.

— Wir sind doch freie Schweizer! — выразилъ съ вызывающей усмѣшкой глуповатый протазаньщикъ.

Служба у нихъ скучная, но легкая, черезъ день они свободны и ходятъ по городу въ партикулярномъ платьѣ.

Служба все шла. Въ ней не было ничего особенно занимательнаго. Предвидѣлась еще большая духота. Я спросилъ у швейцарца, нельзя ли скрыться черезъ маленькую дверку? Онъ кивнулъ головой въ каскѣ съ бѣлымъ султаномъ совершенно такой формы, какія носили у насъ въ кавалеріи при Николаѣ. Я попалъ прямо на лѣстницу и спустился по ней къ большимъ сѣнямъ, гдѣ у вѣшалокъ было уже множество народа, дожидавшагося пропуска въ Sala Regia.

На площади, послѣ дождя, все блестѣло отъ утренняго, уже вешняго солнца. Толпа стояла подъ колоннами. И теперь еще входили въ бронзовыя ворота. Тутъ опять сказывалось отсутствіе порядка: впускали и выпускали въ одно время.

Папскія торжества въ Ватиканѣ и Петрѣ дополнили для меня пеструю картину римской церковной жизни. Она раскинулась по вѣчному городу въ видѣ сотенъ храмовъ всякихъ эпохъ и стилей. Я не мало ходилъ по нимъ съ пріѣзда до самыхъ послѣднихъ дней моего житья въ Римѣ. Черезъ моего репетитора Дома Д. я своевременно зналъ, гдѣ будетъ какая служба въ разные праздники и не пропустилъ, кажется, ни одного такого дня съ октября по конецъ марта. На Пасху я не остался. Теперь, когда папа считаетъ себя плѣнникомъ, служба въ Петрѣ не привлекаетъ уже такъ иностранцевъ, какъ въ былое время, когда Святая и Карнавалъ были альфа и омега римскаго сезона.

О службахъ на Святой (по нашему Страстной) недѣлѣ много писали на разныхъ языкахъ. Но грѣшный человѣкъ: я не очень-то довѣряю авторамъ слишкомъ красивыхъ или умиленныхъ описаній. Я достаточно видѣлъ всякихъ торжественныхъ службъ и въ Ватиканѣ, и въ Петрѣ, и въ другихъ самыхъ значительныхъ церквахъ Рима. Всѣ онѣ на одинъ ладъ. Въ нихъ декоративная часть преобладаетъ и она, право, весьма сомнительной красоты и истовости. Начать съ того, что въ дни празднованія святыхъ или крупныхъ праздниковъ (я былъ даже на торжествѣ прославленія двухъ *новыхъ* святыхъ, канонизированныхъ папой Львомъ XIII) внутренность церкви обтягиваютъ красной матеріей съ позументомъ и глазетовою бахромой, и это неизбѣжное украшеніе прямо дурного вкуса. Множество канделябръ, паникадилъ, лампадъ, золоченое «око» позади алтаря, искусственные цвѣты, драпировки, декораціи, раскрашенныя фигуры Богоматери, Христа, святыхъ — все это дѣйствуетъ нехудожественно и врядъ ли можетъ и вѣрующаго настраивать въ духѣ проникновеннаго благочестія.

Не знаю, какъ это могла героиня романа братьевъ Гонкуръ, г-жа Жервезе, отъ свободомыслія обратиться къ католичеству подъ обаяніемъ здѣшнихъ церковныхъ службъ. Дѣйствіе ихъ на русскихъ барынь сомнительно, почему, вѣроятно, такъ мало у насъ и переходитъ въ латинство. Извѣстная помпа церемоній въ Петрѣ, вродѣ того юбилея, на которомъ я былъ, въ роскошной рамкѣ собора не лишена красивости, но чисто религіознаго настроенія она не даетъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вы и не видите въ многотысячной толпѣ, сбѣжавшейся отовсюду, никакого умиленнаго или восторженнаго чувства.

Думаю, что и всегда такъ было или очень-очень издавна. Не только Гёте въ концѣ XVIII вѣка, но еще Монтань на рубежѣ XVI и XVII уже находили, что въ Римѣ нечего искать религіознаго чувства на его церковныхъ торжествахъ. Праздники, прославленные по всему католическому міру, всѣ похожи на гулянья въ стѣнахъ церкви. Большія обѣдни, съ хоровымъ пѣніемъ и музыкой, въ богатыхъ церквахъ обставлены пышно, съ большимъ персоналомъ служащихъ, иногда съ хорошими голосами и талантливою игрой органиста. Но и тутъ зрѣлище на первомъ планѣ, а въ характерѣ пѣнія—куплетный стиль съ запѣвалой-теноромъ, который беретъ ноты точно въ «Трубадурѣ» или «Травіатѣ».

Для любителя старины, для художника-жанриста, для иностранца, жаднаго до всякой couleur locale—въ Римѣ въ теченіе года бываютъ службы съ мѣстнымъ букетомъ; но опять-таки онѣ не могутъ настраивать васъ такъ, какъ бы вамъ хотѣлось, если вы ищете въ церкви не спектакля, а убѣжища для души.

На Рождествѣ, въ древней церкви *Ara Coeli*, я слышалъ, какъ дѣти съ четырехлѣтняго возраста проповѣдовали передъ капеллой, отдѣланной «вертепомъ», съ яслями и декоративными фигурами Богоматери, Іосифа, волхвовъ. Это — древній обычай, очень курьезный, но совсѣмъ уже не помогающій обаянію латинскаго культа. Иной мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, еще прокричитъ довольно эффектно вызубренную имъ тираду, но дѣвчурки пяти-четырехъ лѣтъ,—когда ихъ поднимутъ на эстраду,—конфузятся, сбиваются и толпа кругомъ добродушно хохочетъ и остритъ.

Или въ S. Maria Maggiore—тамъ на святкахъ вы видите, какъ изъ будочекъ-исповѣдаленъ протягиваются длинныя палки. Патеръ сидитъ и изъ нея ткнетъ кого-нибудь изъ проходящихъ, особенно тѣхъ, кто становится на колѣни. Это полная индульгенція на извѣстный срокъ.

Неужели г-жа Жервезе этого не видала, а если видѣла, то не-

ужели такіе традиціи и пріемы спасенія души не разстраивали ея религіозныхъ настроеній?

Въ Римѣ вы не попадаете нигдѣ въ воздухъ горячей, беззавѣтной молитвы народной толпы, съ ея страданіями и немощами, какъ, наприм., гдѣ-нибудь у насъ, у Троицы, около раки угодника.

По крайней мѣрѣ мнѣ не приходилось находить въ Римѣ такихъ богомольцевъ. На парадныхъ службахъ бываетъ много народа; но это—гульбища, и рѣшительно вездѣ. Въ простые дни, когда служатъ тихія обѣдни, въ церкви обыкновенно нѣсколько человѣкъ или кучка у алтаря, гдѣ священникъ въ облаченіи. Такая обѣдня не дѣлаетъ прихожанина участникомъ литургіи, потому что она глухая. Изрѣдка въ нѣкоторыхъ службахъ есть обычай отвѣчать священнику въ униссонъ латинскія слова. Но вообще католическая паства живетъ богослуженіемъ гораздо меньше, чѣмъ православная, гдѣ и обыкновенная обѣдня вся громко произносится и поется или протестантская, гдѣ толпа сама участвуетъ въ пѣніи молитвъ и псалмовъ.

Церковный бытъ латинства (и въ Римѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо) гораздо менѣе строгъ, чѣмъ въ православіи и евангелизмѣ. Войдите въ любую церковь, въ праздникъ или будни, въ парадную службу или въ «messe basse», и вы сейчасъ почувствуете, какъ здѣсь все «вольготнѣе», по выраженію нашихъ простолюдиновъ. Приходятъ, разговариваютъ, садятся куда попало; спиной къ алтарямъ, приводятъ собакъ. Только въ Петрѣ видѣлъ я запрещеніе приводить собакъ, но во всѣ другія церкви имъ свободный ходъ.

Но въ этой «вольготности» заключается также и эластичность католицизма. Онъ снисходительнѣе, мягче, даетъ разрѣшеніе грѣхамъ сколько угодно, постъ—умѣренный, множество всякаго рода послабленій. Священники не только могутъ нюхать табакъ, но и курить; имъ разрѣшается ходить въ концерты въ сутанѣ, а въ театры въ партикулярномъ платьѣ. Свѣдущіе люди увѣряютъ, что имъ даются индульгенціи и по части седьмой заповѣди.

Цѣлыхъ почти полгода присматривался я въ Римѣ къ клерикальному міру. Постоянно занимаясь и бесѣдуя съ приходскимъ священникомъ, я могу хоть и не въ видѣ окончательнаго приговора опредѣлить главныя черты «черной братіи».

Безбрачіе—дѣло рискованное, и за абсолютную чистоту католическихъ духовныхъ никто поручиться не можетъ. Сами патеры, въ разговорѣ на эту тему, скажутъ вамъ, что, наприм., въ Испаніи и Мексикѣ священники открыто живутъ съ подругами, и епископы и самъ папа это прекрасно знаютъ и смотрятъ на такіе

нравы снисходительно. А въ Бразиліи даже такъ повелось: деревня до тѣхъ поръ не пуститъ къ себѣ новаго священника, пока онъ не приведетъ съ собою конкубины.

Въ Римѣ, да и вообще въ Италіи, ничего подобнаго нѣтъ. По всему тому, что писалось о Римѣ въ прошломъ столѣтіи и раньше— нравы и высшаго и низшаго духовенства стали чище и строже. Обѣтъ безбрачія не даромъ введенъ такимъ умнымъ папой, какъ Гильдебрандтъ. Если у католическаго патера хоть капля вѣры и преданности церкви и ея главѣ, онъ въ силу этого безбрачія—въ десять разъ болѣе усердный слуга и той и другого. Его личныя потребности сводятся къ очень малому. Онъ все свое время можетъ отдавать паствѣ и, главное, работать надъ majorem ecclesiae gloriam. Судя по тѣмъ образчикамъ римскаго духовенства, съ какимъ я водился—они гораздо болѣе, чѣмъ въ восточной церкви, входятъ въ жизнь общества, вліяютъ на воспитаніе, на семейный бытъ и не представляютъ собою замкнутой касты. Всѣ они по необходимости— дѣти прихожанъ, а не людъ духовнаго званія. Нѣтъ пропасти между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ. Епископомъ и папой можетъ сдѣлаться только бывшій священникъ, а не монахъ. Іезуитъ не попадетъ никогда въ епископы, пока онъ завѣдомый членъ ордена. Ихъ честолюбіе—крупнѣе размѣромъ, потому что Римъ дѣйствительно правитъ доброю половиной всего христіанства. Не только въ монсиньорѣ, дѣлающемъ карьеру, и въ простомъ священникѣ вы находите человѣка, гораздо ближе стоящаго къ вамъ по своему умственному развитію, вкусамъ, привычкамъ, языку, понятіямъ.

Занимаясь съ моимъ аббатикомъ, я приглядывался къ нему и спрашивалъ себя: къ кому можно его приравнять у насъ, не то, что уже въ провинціи, а въ столицахъ? Ни къ какому духовному, хотя бы тотъ былъ и ученый «магистръ». Это молодой человѣкъ, прекрасно воспитанный, чрезвычайно живой и любознательный, безъ малѣйшаго фанатизма, интересующійся всѣми общественными вопросами, литературно-начитанный, *свободно* говорящій о всѣхъ вопросахъ религіи, іерархіи, порядкахъ своей церкви, безъ малѣйшей забитости или подобострастности. И такихъ, вѣроятно, не пять, не десять, а сотни и въ Римѣ, и внѣ его.

Но—скажутъ—если въ массѣ народа не замѣтно ни глубокой набожности, ни даже внѣшнихъ формъ благочестія—развѣ это не вина священниковъ? Ихъ вліяніе до сихъ поръ въ силѣ, но оно совсѣмъ другое, чѣмъ, наприм., въ протестантизмѣ. Тамъ религія входитъ въ интимную жизнь прихожанъ. Каждый читаетъ Еванге-

ліе и разсуждаетъ о религіи. А въ латинскомъ культѣ народъ не понимаетъ языка службы и чтеніе библіи «in vernaculo», т.-е. на доступномъ языкѣ не поощряется.

Римъ—центръ латинства, силенъ не тѣмъ, какъ народъ или буржуазія подготовлена для истинно-религіозной жизни, а тѣмъ, что отсюда идетъ жизненный духъ іерархіи, пріемовъ пропаганды, единообразіе обряда и навыка; здѣсь генеральный штабъ и высшая школа всемірной рати служителей католической церкви.

Если вы хоть недолго прожили въ Римѣ, навѣрно вы встрѣчали въ извѣстные часы студентовъ богословія и семинаристовъ, попарно, длинными рядами, въ сутанахъ всякихъ покроевъ съ разноцвѣтными выпушками, красными, малиновыми, голубыми, съ мантильками и безъ мантилекъ. Прислушайтесь къ ихъ говору: это—французы, нѣмцы, англичане, испанцы, поляки, наши хохлы (уніаты, русины), копты, сирохалдеи, болгары, армяне. Вы помните, конечно, и студентовъ въ красныхъ балахонахъ. Ихъ рисуютъ на всевозможныхъ картинкахъ изъ римскаго быта. Это воспитанники нѣмецкой коллегіи изъ католическихъ странъ: Австро-Венгріи, Рейнскихъ провинцій, нѣмецкихъ кантоновъ Швейцаріи. Это все будущіе епископы, архіепископы, всего лучше подготовленные у себя дома, до пріѣзда сюда, въ Римъ.

Сообразите, какая цѣпь накинута на весь христіанскій людъ въ видѣ этихъ разсадниковъ латинства, работающихъ потомъ по всему міру—по строго установленнымъ правиламъ, съ безусловнымъ повиновеніемъ верховному владыкѣ.

Вотъ гдѣ вселенская сила католичества и его универсальное положеніе, которое скорѣе возрастаетъ, чѣмъ падаетъ. И восточные культы Римъ давно пріурочилъ себѣ, а при Львѣ XIII, съ его широкимъ отношеніемъ къ «инославнымъ» обрядамъ—это можетъ пойти еще дальше.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, надо въ недѣлю Богоявленія (Befana) походить въ церковь S. Andrea della Valle, на Corso Vittorio-Emanuele. Тамъ цѣлыхъ восемь дней сряду бываетъ рано утромъ служба какого-нибудь восточнаго обряда на національномъ языкѣ; а позднѣе проповѣдь на пяти или шести европейскихъ языкахъ. Проповѣди говорятъ нѣмцы, французы, ирландцы, испанцы, поляки; но эти священники (иногда и епископы) всѣ католики. А по утрамъ служба—исключительно восточная, со всѣми особенностями мѣстнаго богослуженія.

Въ январѣ 1898 года обѣдни эти происходили въ такомъ порядкѣ: сиро-маронитская, сирійская, халдейская (съ епископомъ),

греческая (торжественная архіерейская) епископская болгарская, коптская, гребо-русинская (на церковно-славянскомъ языкѣ, литургія нашего обряда), армянская—епископская. Изъ нихъ я не попалъ только на двѣ—сиро-маронитскую и сирійскую. А остальныя всѣ шесть выстоялъ, послѣ чего оставался и на проповѣди.

Каждый изъ туристовъ можетъ наглядно убѣдиться въ томъ, что къ Риму присоединились въ разное время и церкви, сохранившія свой обрядъ. И куріи какъ бы дѣла нѣтъ до того, какъ онѣ молятся, только бы онѣ не представляли изъ себя схизмы въ смыслѣ протеста противъ главенства римскаго первосвященника.

Въ церкви S. Andrea della Valle—одной изъ самыхъ посѣщаемыхъ въ Римѣ, всѣ эти обѣдни служатъ у главнаго алтаря, разумѣется, открытаго. По случаю праздниковъ Рождества Христова за алтаремъ—декоративная картина съ фигурами, въ человѣческій ростъ, изображающими поклоненіе царей и волхвовъ въ вертепѣ; декорація совершенно театральная, грубовато сдѣланная. Этотъ рядъ служеній называется, въ особыхъ афишахъ: «святой осьмидневницей Богоявленія Господа нашего Іисуса Христа»—«dell'Epifania di N. S. Iesu Cristo». Внизу, на листѣ значится, что его святѣйшество, брэвомъ отъ 11 августа 1887 года, даруетъ «Indulgenza Plenaria», т.-е. полное отпущеніе грѣховъ тому, кто будетъ присутствовать на пяти изъ этихъ обѣденъ, исповѣдуется и причастится.

Собиралось на эти службы всегда человѣкъ сто-двѣсти разнаго народа: иностранцы, въ особенности англичанки, патеры, монахи, семинаристы и случайная уличная публика, мелкіе лавочники, старухи, типа нашихъ салопницъ, подростки. Эта публика, ничего не понимая, выражала свое любопытство вставаньемъ на стулья и разглядываньемъ того, что дѣлается передъ алтаремъ, какъ дарового зрѣлища. Но для итальянцевъ все это было, въ то же время, какъ бы нѣчто свое. Не понимать службы католики привыкли. Не все ли равно: латынь или греческій языкъ, или церковно-славянскій. Служатъ у большого алтаря; и въ этотъ же часъ, въ капеллахъ, справа и слѣва, идутъ свои обѣдни, безпрестанно раздается звонъ колокольчика, и по церкви, туда и сюда, проходятъ священники въ облаченіи, а гдѣ идетъ служба, видны молящіеся.

«Вселенскій» характеръ такихъ службъ несомнѣненъ. Другое дѣло — какъ толковать ихъ съ точки зрѣнія чистаго православія или протестантства; но и сама по себѣ такая серія разноязычныхъ обѣденъ по восточному обряду любопытна и характерна.

Всего ярче выступаетъ разница богослуженія противъ латин-

скаго обряда въ такихъ службахъ, какъ халдейская или коптская. Допустить ее въ католическомъ храмѣ—доказательство большой терпимости или тонкой политики. Копты (а стало быть и абиссинцы) поютъ свою обѣдню до такой степени дико для европейскаго уха, что мѣстами мнѣ и вчужѣ дѣлалось жутко, почти какъ бы неприлично за мѣсто служенія. Такъ вѣдь должны служить и абиссинцы, которыхъ вѣра сходна съ коптской. Недурно выходитъ и у халдейцевъ! Дальше нельзя идти въ соблюденіи полной обрядовой обстановки разныхъ восточныхъ церквей, какъ дѣлаетъ это Римъ.

Армянское духовенство, отъ епископа до причетниковъ и служекъ (ихъ было много) красиво облачается, въ стихаряхъ съ наплечниками, вродѣ бармъ русскихъ царей. Но пѣніе не далеко ушло отъ халдейскаго. На востокѣ чѣмъ своеобразнѣе служеніе обѣдни, тѣмъ вокальный элементъ его—обязательнѣе. Поэтому, выраженіе итальянскихъ католиковъ «пѣть обѣдню» гораздо вѣрнѣе, чѣмъ французскій терминъ «dire la messe», который, впрочемъ, примѣняется больше къ «messe basse».

Русскій простолюдинъ или баринъ (русскій языкъ я слышалъ на нѣкоторыхъ службахъ) долженъ былъ всего «чуднѣе» чувствовать себя, когда шли два служенія: греческое архіерейское и уніатское на церковно-славянскомъ языкѣ.

Греческіе уніаты живутъ издавна въ Италіи, въ Неаполитанской области и Сициліи. Это или потомки настоящихъ грековъ, или албанцевъ, употребляющихъ въ богослуженіи греческій языкъ. Въ Римѣ есть и особое духовное училище для такихъ «возсоединенныхъ» православныхъ.

Служба, съ которой я началъ, была наша архіерейская служба съ епископомъ въ сакосѣ и митрѣ, съ дикиріями и трикиріями, съ иподьяконами и протодьякономъ, съ пѣніемъ на клиросѣ хора, съ облаченіемъ владыки, какъ оно у насъ происходитъ. Есть, вѣроятно, кое-какія измѣненія, но они не бросаются въ глаза и русскому, знакомому съ литургіей. И произношеніе наше, какое употребляется въ семинаріяхъ, близкое къ новогреческому, съ *этой* звучащей какъ *и* и съ *бэтой* какъ *вэ*. Когда епископъ выговаривалъ молитвенныя слова, съ крестообразнымъ движеніемъ своихъ свѣтильниковъ, хоръ пѣлъ ему, какъ у насъ *исъ поля итй*, *дѐспота!* возгласъ, сохранившійся въ греческомъ текстѣ и въ русскомъ архіерейскомъ служеніи. Просто глазамъ и ушамъ своимъ можно было не повѣрить, что вы въ Римѣ, въ католической приходской церкви, среди толпы латинскихъ католиковъ.

Стало быть, здѣсь фактически существуетъ *православная* община, пріемлющая главенство папы, не *уніатская*, въ нашемъ (т.-е. польскомъ) смыслѣ, а коренная «грекокаѳолическая», удержавшая всѣ преданія восточной церкви, между тѣмъ какъ южнорусскіе уніаты много утратили подъ давленіемъ іерархіи въ культурныхъ условіяхъ, какія существуютъ въ Галиціи.

У русиновъ (т.-е. по-просту австрійскихъ хохловъ) я уже побывалъ гораздо раньше, въ ихъ церкви, при уніатскомъ духовномъ коллегіи. Церковь эта какъ бы домовая, но ходъ въ нее съ улицы. Она во имя *S. Sergio e Bacco*. При Львѣ XIII въ ней уладили иконостасъ, но общій пошибъ остался латинскій. Настоятель коллегія, отецъ Л., галиційскій хохолъ. Мы съ нимъ объяснялись такъ: онъ по-малорусски, я—по-русски. Но и у него, и у другихъ священниковъ, уніатовъ и семинаристовъ видъ латинскій. Они носятъ сутаны, брѣются и подъ гребенку стригутъ волосы, что уже совсѣмъ нейдетъ къ греческому облаченію. Обѣдню, при мнѣ, въ ихъ церкви служилъ молодой священникъ, «префектъ» коллегія. Служба, хотя и греческая по уставу, но съ общимъ латинскимъ налетомъ. Священникъ оставался въ католическомъ беретѣ, и даже фелонь сидѣла на немъ не по нашему. Произносилъ онъ всѣ молитвы и возгласы за себя и за дьякона съ разными, странными для нашего уха акцентами и перемѣнами гласныхъ, вмѣсто «Дѣво»—«Диво», вмѣсто «помолимся»—«помолймся». Также пѣлъ и хоръ, помѣщавшійся на балкончикѣ, надъ входными дверьми. Эти галиційскіе южно-русскіе парни, одѣтые въ римскихъ семинаристовъ, поютъ совершенно такъ, какъ въ пьесахъ изъ малорусскаго репертуара, въ труппахъ Кропивницкаго и Саксаганскаго. Напѣвы ничего общаго съ нашими не имѣютъ и звучатъ чѣмъ-то пѣсеннымъ, даже обыкновенный «Господи помилуй». Частенько они и сбивались, когда пѣли концертъ передъ раскрытіемъ царскихъ вратъ.

То-же случилось съ ними и на обѣднѣ, которая шла въ *S. Andrea* «соборне». Служилъ настоятель Л. съ двумя, если не тремя, священниками и двумя дьяконами. Дьяконы съ ораремъ обращаются не по нашему, не препоясываются крестъ на крестъ, а только перехватываютъ ихъ съ одного плеча на другое. Хоръ помѣщался на эстрадѣ надъ органомъ, а церковь очень просторная, съ большой соборъ въ губернскомъ городѣ. Семинаристы то и дѣло опаздывали на полминуты, а въ концертѣ фальшивили, сильно кричали и, когда у нихъ не хватило текста, стали распѣвать «аллилуия», совершенно на пѣсенный ладъ, точно хоръ парубковъ изъ «Не ходы Грицю та на вечерныци».

Но все-таки православному заѣзжему человѣку чудно было слышать въ Римѣ, въ католической церкви, у открытаго алтаря, съ цвѣтами и скульптурными фигурами, голосъ священника, произносящій привычныя слова: «Благословеніе Господне на васъ» или возгласы дьякона: «Паки, паки миромъ Господу помолимся». Дьяконы говорятъ нараспѣвъ, какъ и священники, и высокимъ голосомъ, а не басовыми нотами.

Публика смотрѣла и на эту службу съ тѣмъ же любопытствомъ и бросилась по окончаніи къ проходу причта въ ризницу. Въ фелоняхъ и стихаряхъ эти священники и дьяконы смотрѣли несомнѣнно латинянами, бритые, въ беретахъ, вмѣсто камилавокъ. У настоятеля Л. беретъ былъ свѣтло-малиновый.

Но всѣ эти «оказательства» латинства идутъ отъ польскаго духовенства, а не отъ папы Льва XIII. Онъ, напротивъ, стоитъ за чистоту восточнаго обряда и ужъ никакъ не сталъ бы требовать бритья бородъ. Обратись къ нему, сегодня или завтра, община православныхъ, желающихъ служить обѣдню на церковно-славянскомъ языкѣ такъ, какъ ее служатъ каждое воскресенье въ русской посольской церкви, онъ, конечно, далъ бы на это разрѣшеніе съ полнымъ удовольствіемъ и даже приказалъ бы отдѣлать одну изъ капеллъ въ S. Andrea delle Valle или въ другой церкви по восточному образцу, съ иконами византійскаго пошиба.

И болгарскій архіерей служилъ при мнѣ, но не «соборне», а одинъ, съ дьякономъ и псаломщикомъ и, какъ мнѣ казалось, обѣдню вродѣ «messe basse», почти безъ пѣнія. Онъ пришелъ въ монашескомъ облаченіи, какъ бы нашъ іеромонахъ, и облачился потомъ передъ алтаремъ въ сакосъ и митру.

Да, универсальность римскаго «захвата»,—скажутъ у насъ,—очевидна! Вѣдь не силой же тащили всѣхъ этихъ коптовъ, болгаръ, грековъ, халдейцевъ и армянъ въ Римъ. Ихъ, на иной взглядъ, «соблазнили», т.-е. умѣли добиться отъ нихъ признанія главенства папы, но отсюда до насилія очень далеко.

Насиліе можетъ быть лишь тамъ, гдѣ церковь прибѣгаетъ къ силѣ, исходящей отъ государственной власти. Еще прежде у папы она была, да и то въ предѣлахъ папской области, т.-е. распространялась на четыре не полныхъ милліона итальянцевъ. Но теперь сила сдѣлалась чисто духовной и въ самомъ Римѣ. Ватиканъ ни отъ кого не зависитъ и все, что дѣлается въ католичествѣ, происходитъ въ лонѣ церкви, не признающей никакого другого авторитета, кромѣ главенства папы. Въ этомъ основная пружина латинства. И съ тѣхъ поръ, какъ въ Римѣ бокъ-о-бокъ живутъ двѣ враждебныя

власти: національно-государственная и ватиканская, папа свободенъ отъ всякихъ привязокъ мірского характера. Если въ Ватиканѣ не перестаютъ стремиться къ востановленію свѣтской власти, это — «aus Prinzip», какъ говорятъ нѣмцы. Но о большей свободѣ внутри государства, къ которому курія стоитъ въ положеніи чистой крамольницы, и мечтать нельзя.

Въ послѣднія десять лѣтъ антиправительственная пропаганда подъ разными флагами—федерализма, республиканства, даже соціализма, приняла огромные размѣры. Подъ предлогомъ обсужденія своихъ интересовъ духовно-нравственныхъ, въ церквахъ, по всей Италіи, просто-на-просто происходятъ революціонныя сходки клерикаловъ, произносятся возмутительныя воззванія. Дошло до того, что въ Миланѣ архіепископъ запретилъ выставлять флаги въ дни національныхъ торжествъ. При мнѣ въ день Статута, въ мартѣ, когда вся патріотическая Италія праздновала иллюминаціей новую эру конституціонной Италіи, зданія, принадлежащія куріи, всѣ умышленно стояли темными. А попробуйте, зайдите на проповѣдь или «конференцію» иного проповѣдника хотя бы, наприм., въ церковь іезуитовъ, и вы тамъ убѣдитесь, какой свободой пользуется духовенство, всенародно, на глазахъ полиціи, которая прогуливается тутъ же, для порядка, такъ какъ церкви, кромѣ Петра и еще нѣкоторыхъ, объявлены «національной собственностью».

Попалъ я на конференцію іезуита Zocchi, въ Gesu, въ дообѣденное время. Вся обширная церковь была биткомъ набита. Іезуитъ краснорѣчивъ, импровизируетъ свободно, говоритъ съ паѳосомъ и обиліемъ жестовъ. Тема его была: празднованье воскресенья въ интересахъ трудового люда. Патеръ Дзокки считается соціалистомъ въ неокатолическомъ духѣ.

Вначалѣ онъ цѣлую четверть часа взывалъ къ своимъ слушателямъ, изображая имъ картину «постыднаго плѣненія и рабства», въ которомъ находится церковь, и такъ «костилъ» правительство, что его не то что ужъ въ странѣ съ абсолютной властью, а въ любомъ католическомъ государствѣ съ республиканскимъ правленіемъ, конечно, притянули бы къ отвѣтственности.

И такихъ «конференцій» и проповѣдей произносится и въ Римѣ, и въ остальной Италіи безъ конца. Вселенская сила католичества не боится свѣтской власти. Она боится одного—духа времени, свободнаго мышленія, отрицанія ея традицій. Не даромъ каждый сторонникъ Ватикана считается, прежде всего, съ масонствомъ. Намъ это кажется страннымъ. А въ Италіи и Франціи масонство

также сила, и прямо антиклерикальная, и черная братія знаетъ, что она для нея всего опаснѣе.

Тѣ, кто видитъ въ папствѣ прямое продолженіе римской имперіи съ захватомъ всего міра (въ томъ числѣ и авторъ романа «Римъ»), правы только на половину. Владычество куріи твердо до тѣхъ поръ, пока она пользуется психическимъ настроеніемъ темной массы, а въ руководящихъ классахъ находитъ себѣ союзниковъ, отстаивающихъ старый порядокъ или же желающихъ разрушенія новаго.

Мнѣ будутъ долго памятны слова знаменитаго историка профессора Вилляри, во Флоренціи, когда мы говорили о возрастающемъ обаяніи Ватикана:

— Тѣ, кто сохраняютъ еще христіанскія вѣрованія, начинаютъ находить, что лучше имѣть одного духовнаго главу, чѣмъ ударяться въ сектантство.

Но и это еще не главное. Человѣкъ, его творческая способность еще долго будутъ нуждаться въ томъ, что позволило папамъ создать въ Римѣ всесвѣтное учрежденіе, сила котораго—въ воздѣйствіи на духовныя потребности массъ, не нашедшей еще себѣ другого русла.

П. Боборыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕСНА *).

Романъ 90-хъ годовъ. Пера Гальстрема.

Переводъ со шведскаго.

X.

Черезъ нѣсколько дней Гербертъ уже устроилъ все. Онъ выбралъ мѣсто довольно далеко на сѣверѣ, гдѣ весна не могла подвигаться съ такой быстротой, на низменномъ берегу, который привлекъ его мягкостью линій, рѣдко встрѣчающейся у шхеръ. Онъ нанялъ себѣ комнату у самаго берега и нашелъ по близости помѣщеніе для Элизы въ маленькой семьѣ, состоящей изъ двухъ сестеръ старушекъ, у которыхъ когда-то была школа въ Стокгольмѣ. Теперь уже не встрѣтишь такой типичной мелко-буржуазной школы съ строгими манерами, сидѣніемъ на вытяжку, старательнымъ коверканіемъ французскаго языка и педантичной аккуратностью въ рукодѣліи и каллиграфіи. Незначительное число ученицъ послѣдняго выпуска убѣдило сестеръ, что жизнь переросла такія школы. Въ области естествовѣдѣнія были сдѣланы нѣкоторыя удивительныя открытія вродѣ того, что летучая мышь не птица, хотя и летаетъ, что у рыбъ красная кровь, хотя цѣлыя поколѣнія прожили жизнь въ увѣренности, что она бѣлая, и воспитанію женщинъ были предъявлены новыя требованія. Разсудивъ хорошенько, сестры рѣшили бросить занятіе, сдѣлавшееся слишкомъ сложнымъ для нихъ. Онѣ склонились къ этому тѣмъ охотнѣе, что благодаря крайней экономіи и прилежанію, могли осуществить теперь мечту всей жизни—пріобрѣсти домъ и клокъ земли вдали отъ всякихъ новшествъ и завести куръ и кошку. Несмотря на нѣкоторую разочарованность, которую онѣ вынесли изъ своего дѣла, онѣ сумѣли,

---

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1900 г.

благодаря той же экономіи, устроить себѣ послѣ всѣхъ утратъ довольно безпечальное существованіе, которое омрачалось лишь безпокойствомъ за погоду, неизбѣжно связаннымъ со всякимъ владѣніемъ земельною собственностью.

Повидимому, не легко было убѣдить ихъ пріютить у себя дѣвушку, которой покровительствуетъ мужчина, да притомъ еще не родственникъ. Но Герберту удалось добиться своего упорствомъ, любезностью и намеками на то, какую великую услугу окажутъ онѣ искусству и въ какое цвѣтущее, сравнительно, состояніе придетъ ихъ скромное хозяйство отъ такого добавленія. Спасовавъ въ минуту слабости передъ всѣми этими высказанными и невысказанными аргументами, онѣ согласились и потомъ уже не могли взять слова назадъ.

Герберту были мучительны эти переговоры. Только представить себѣ: Элиза и всѣ эти мелкія и грязныя подозрѣнія на ея счетъ. Но это въ порядкѣ вещей, и чтобы выйти побѣдителемъ, необходимо терпѣть. Добродушіе сестеръ, которое легко было подмѣтить, внушало ему увѣренность, что все уладится хорошо.

Элиза, съ своей стороны, должна была сообщить рѣшеніе родителямъ. Мать не имѣла привычки стараться вникнуть во что бы то ни было: она давно оставила это, какъ непроизводительную трату времени, которое очень дорого, когда у человѣка полны руки работы. При каждой непогодѣ она опускала голову и поднимала ее тогда, когда гроза проходила. Такъ она сдѣлала и теперь, но ей трудно было удержаться и не взглянуть. То, что она увидѣла, такъ поразило ее, что она потеряла всякую нить, ослѣпленная слезами. Новое рискованно и нерадостно, но и въ старомъ нѣтъ ничего, за что бы стоило держаться: медленно убивающая забота, холодъ и лишенія, что̀ дали они ей самой? что дадутъ ея ребенку? Къ тому же гордый и рѣшительный характеръ дочери всегда внушалъ ей робкое почтеніе, какъ нѣчто, далеко превышающее ея пониманіе. Элиза, навѣрно, знаетъ, что дѣлаетъ: все это рѣшено и неизмѣнно. Но когда она увидѣла, что Элиза плачетъ, это показалось ей чуть ли не безумнымъ счастьемъ, и она совсѣмъ растерялась, а потомъ уже некогда было разбираться. Скудный заработокъ, который приносила дочь, будетъ возмѣщенъ, сама она, быть можетъ, еще вернется. Все это можно перенести и слѣдовательно надо перенести.

Съ Арвидсономъ дѣло было еще проще. Онъ устроилъ сцену, разыгралъ разсерженнаго отца, пустивъ входъ всѣ сценичные пріемы, сохранившіеся у него въ памяти еще съ молодости. Онъ пре-

исполнился огня и паѳоса, выкрикивалъ слова высокимъ теноромъ, удивляясь самъ себѣ, и въ концѣ концовъ пришелъ въ прекрасное настроеніе. Когда онъ хотѣлъ перейти къ проклятіямъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что сбился съ тона, и замолчалъ. Его недостойный взглядъ на дѣло только прибавилъ Элизѣ гордости и увѣренности въ себѣ. Въ сущности отецъ всегда побаивался ее и потому порѣшилъ оставить дочь въ покоѣ, якобы омывъ руки, а въ дѣйствительности преисполнился, благодаря своему сангвиническому темпераменту, надеждой, что все это можетъ послужить къ его выгодѣ.

Такимъ образомъ Элиза покончила съ прошлымъ и обратила свой глубокій взглядъ къ неизвѣстному будущему.

Въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ Гербертъ и Элиза ѣхали на пароходѣ и смотрѣли на проносившіеся мимо берега мысы, такіе похожіе другъ на друга своими темными зубчатыми контурами хвойныхъ лѣсовъ, выдѣлявшимися на холодномъ небѣ. Отраженіе мягкой, нѣжной зелени прибрежныхъ березъ колыхалось въ водѣ, разбиваемое морскою зыбью. То суживающійся, то снова расширяющійся горизонтъ, бухта съ шумнымъ прибоемъ, шхеры, поросшія свѣжимъ мохомъ,—все это чередовалось, точно рядъ наступающихъ дней; что они принесутъ съ собой? Здѣсь весна была еще едва замѣтна; во всемъ была разлита неувѣренность, ожиданіе. Смутное ощущеніе обновленія и свободы усыпляло всѣ другія чувства.

Когда пароходъ, сдѣлавъ поворотъ, въѣхалъ въ широкую бухту, солнце уже почти зашло. На западѣ меркли краски. Холодный, точно стеклянный, зеленоватый оттѣнокъ поглощалъ послѣдній золотой отблескъ, и надъ всѣмъ разстилалось спокойствіе. Засвѣтилась большая звѣзда, блѣдная на блѣдномъ фонѣ, точно бѣлая искорка въ сѣрѣющей синевѣ перламутра. Погаснетъ ли она, или, выдержавъ морозъ весенней ночи, убаюкивающей безчисленные зародыши жизни, разгорится яснѣе и дождется мягкихъ ночей?

На пристани ихъ встрѣтили старухи сестры, повидимому, успокоенныя робкой красотой и молодостью дѣвушки. Солнце уже сѣло; но все выступало отчетливо въ блѣдныхъ сумеркахъ и смотрѣло навстрѣчу ночи широко раскрытымъ, грустнымъ взглядомъ. Ни зыби на поверхности воды, ни шороха въ прошлогоднемъ желтомъ камышѣ. Надъ низкими лугами вставалъ легкій, бѣлый туманъ, изъ березовой рощи лился свѣжій ароматъ. Все было величественно и прекрасно въ своей юной, нѣжной красотѣ.

XI.

На слѣдующій же день Гербертъ принялся за работу съ лихорадочной энергіей. Такъ много надо было успѣть схватить на лету; каждый день приносилъ съ собой перемѣны, каждый часъ могъ что-нибудь у него украсть. Надо было ловить настоящее, непрочное, какъ пыль на крыльяхъ бабочки. Теперь, когда уже насталъ мигъ творчества, воспоминаніе о зимнемъ безсиліи и жаждѣ волновало его до дрожи.

Онъ нашелъ тотъ видъ, на которомъ остановился. Роща липъ, вязовъ и кленовъ спускалась по склону холма и останавливалась передъ свѣтло-зелеными полями и лугами, тянувшимися по не совсѣмъ еще горизонтальной поверхности. Все здѣсь было такъ, какъ въ его первой мечтѣ въ тотъ сентябрьскій вечеръ, когда онъ встрѣтилъ Элизу. Куча камней покрыта сѣровато-синими пятнами дерна и моха; рядомъ вырисовываются листья ландышей и папоротника; горизонтальная цѣпь облаковъ сливается вдали съ полосой рощи; въ свѣтло-голубомъ воздухѣ дрожатъ трели жаворонка. Здѣсь все, о чемъ мечталъ Гербертъ, но охлажденное уже тѣмъ, что это дѣйствительность, что все неподвижно, все остается такимъ же красивымъ, даже когда онъ отворачивается, не дышитъ въ тактъ приливамъ и отливамъ его крови. Здѣсь недоставало только самаго главнаго — ея, создавшей видѣніе. Только тогда, когда онъ привелъ ее сюда, почувствовалъ онъ и самого себя, только тогда картина стала его, подчинилась могучей силѣ его настроенія. Съ нея долженъ былъ онъ начать, на нее смотрѣть, чтобы придать стиль и единство картинѣ. Она была ея душой.

Только это и видѣлъ онъ въ ней, только это ловилъ въ ея наклоненной фигурѣ, въ изгибѣ линій и ликовалъ, когда ему удавалось передать это на полотнѣ съ той безсознательной легкостью, которая создаетъ мастерскія произведенія. Какъ измѣнилось ея лицо со вчерашняго дня, этого онъ не замѣчалъ; волосы начали виться отъ влажнаго морского воздуха, блѣдныя щеки освѣтились точно внутреннимъ огнемъ, глаза стали больше и блестѣли ярче. Окружающее казалось ей такимъ удивительно новымъ, и сознаніе, что она сама участвуетъ во всемъ этомъ, что она должна присутствовать здѣсь, охватывало ее всякій разъ сладкимъ ощущеніемъ счастья. Она не уставала стоять неподвижно, какъ онъ просилъ. Да, не двигаться пока и только чувствовать и ждать, какъ ждутъ молодыя деревья цвѣтовъ, листвы и трепетнаго порханія и пѣнія птицъ въ вѣтвяхъ. Что Гербертъ былъ такъ молчаливъ, такъ по-

глощенъ работой—это ей было безразлично, она даже чувствовала потребность въ молчаніи, чтобы ждать спокойно, чтобы ничто не нарушало серьезности наступающей минуты.

Такъ прошло нѣсколько дней въ тихомъ сказочномъ счастьи. Картина подвигалась впередъ, и уже можно было предвидѣть, какъ она будетъ хороша. По вечерамъ они гуляли вмѣстѣ и осваивались съ этимъ міромъ. Здѣсь было такъ много новаго. Темный хвойный лѣсъ отступалъ далеко, поля мягко спускались къ песчанымъ окраинамъ берега; низкіе холмы были покрыты лиственными рощами. Здѣсь преобладала липа съ своими мягкими контурами. Почки лопались на деревьяхъ, и ихъ прозрачныя чешуйки посыпали тропинки, словно блѣдными цвѣтами. Тонкія вѣтви вырисовывались, какъ черный бархатъ, на свѣтломъ фонѣ свѣжей листвы. Ароматъ и пѣніе свободно распространялись въ свѣжемъ, легкомъ воздухѣ.

По мѣрѣ того, какъ на деревьяхъ развертывались свѣтлые листки, на холмѣ, гдѣ Гербертъ рисовалъ картину, появилась тѣнь—сперва дрожащая и залитая дождемъ солнечныхъ пятенъ, потомъ все гуще и гуще. Наконецъ, она достигла и того мѣста, гдѣ сидѣла Элиза, и уже часто охватывала ее легкою дрожью. Пораженный и ослѣпленный свѣтомъ и широкимъ кругозоромъ взоръ Элизы снова обратился внутрь,—счастья уже не было.

Гербертъ не замѣчалъ этого. Весь отдавшись напряженной торжествующей борьбѣ, какую представляетъ собой творчество, онъ ничего не видѣлъ и ни о чемъ не думалъ, кромѣ своего произведенія. Внѣшнія впечатлѣнія, которыя онъ ловилъ быстрымъ, какъ молнія, взглядомъ, существовали только для того, чтобы вторить его мечтѣ. Онъ не могъ улавливать ничего новаго, онъ видѣлъ только рѣзче и отчетливѣе измѣнчивые прежде образы своей фантазіи. Все слилось для него съ нимъ самимъ. Даже дѣвушка, слегка склонившаяся въ своей усталости, была для него только его собственнымъ я, душою его души, создавшею его картину въ минуту грусти и тоски. Теперь эти чувства были далеко, замѣнились радостью достигнутой цѣли. Онъ видѣлъ, что время летитъ, но ему удалось схватить почти все, это ему было надо; оставалось только отодвинуть въ Элизѣ форму на задній планъ, уловить самую суть и передать ее на полотнѣ. Потомъ все будетъ докончено медленно и постепенно, выраститъ само собой, безсознательно, какъ выростаетъ растеніе, когда наступаетъ тепло, и свѣтитъ солнце.

Элиза должна была сидѣть неподвижно, пока онъ ее рисовалъ. Она устала и чувствовала свое одиночество тяжелѣе и холоднѣе,

чѣмъ прежде—она содрогалась не только отъ тѣни. Она чувствовала на себѣ его взглядъ и въ то же время знала, что самъ онъ далекъ и недоступенъ, что онъ смотритъ не на нее, что онъ теперь дальше, чѣмъ когда-либо. Она понимала это, точно все время слышала его слова, когда онъ въ первый разъ сказалъ, зачѣмъ она ему нужна. Повторяясь всякій разъ съ прежнею силой послѣ промежутковъ забвенія и счастья, чувство это влекло за собой безнадежную покорность чему-то предрѣшенному, неизбѣжному, какъ сама жизнь и судьба. Оно не прорывалось наружу въ видѣ протеста, потому что бороться было не съ чѣмъ, оно только закаляло ее, дѣлало ее еще неподвижнѣе, придавало еще болѣе рѣзкій характеръ линіямъ ея молодого тѣла. При одномъ словѣ Герберта это проходило, но настолько, что она могла улыбнуться однѣми только губами, но не глазами.

Однажды они остались дольше обыкновеннаго. Солнце низко освѣщало деревья и далеко въ рощѣ свѣтились желтые и серебристо-бѣлые стволы; длинныя и легкія облака надъ полями становились плотнѣе при вечернемъ освѣщеніи. Чириканье птицъ разносилось все дальше, по мѣрѣ того, какъ росли тѣни, и солнце спускалось. Жаворонки съ быстротою стрѣлъ падали внизъ и отдыхали въ воздухѣ, распластавъ крылья и взявъ послѣднюю ноту строфы. Это было ласковое и медленное прости, такое близкое, что глазъ, казалось, могъ видѣть, какъ струится въ воздухѣ пѣснь.

Элиза долго стояла молча и прислушиваясь. Взглядъ ея терялся на горизонтѣ. Она не чувствовала самой себя: точно въ ней думало и жило все то, что она слышала кругомъ. Когда она заговорила, не поворачивая головы, голосъ зазвучалъ какъ будто издали, какъ тихое эхо, въ которомъ слились всѣ едва слышные и робкіе звуки ожиданья.

— Вѣдь эти птицы летятъ издалека, издалека—не правда ли?

— Да, съ юга. Это перелетныя птицы.

— Какъ онѣ собирались! Безпокойныя, чирикающія... и цѣлыми тучами понеслись за море въ темную ночь. Вверху неподвижныя звѣзды, внизу шумящій мракъ и ни единаго проблеска луча! А какъ онѣ стремились сюда, жаждая звуковъ, для многихъ изъ нихъ первыхъ звуковъ, и радости, которая ждала ихъ здѣсь. Что можетъ быть прекраснѣе? Каждый вечеръ подвигаться впередъ въ темнотѣ съ растущей увѣренностью, въ ожиданіи. Здѣсь такъ свѣтло и спокойно! И только представить себѣ всѣ эти маленькія, трепещущія существа при погасающемъ вечерѣ и пурпурной утренней зарѣ... Голоса ихъ такъ чисты и молоды—въ нихъ нѣтъ и слѣда

того, что должны онѣ были пережить въ бурю надъ моремъ и темными полями. Такъ и весна: въ ней нѣтъ воспоминаній, потому-то она такая веселая. Но тѣ, у кого есть воспоминанія, тѣмъ нѣтъ въ ней мѣста.

Гербертъ не отвѣчалъ, и она не ждала отвѣта: она просто думала вслухъ.

Но вдругъ изъ рощи, гдѣ сумерки сгустились подъ деревьями, какъ у входа въ гротъ, раздалась громкая, звучная пѣснь. Казалось, она несла въ себѣ свѣжесть и холодъ изъ самой глубины, тоску, прорывавшуюся наружу и нарушающую тишину. Это голосъ лѣтней ночи. Одна нота, потомъ еще одна, потомъ трель, которая разлилась вокругъ слезами радости, крикомъ страданія, спокойствіемъ глубокаго счастья, ликованіемъ и печалью, сливавшимися въ одно.

— Слушайте!—сказалъ Гербертъ.—Это черный дроздъ. Какъ поздно онъ прилетѣлъ сюда.

Дѣвушка затрепетала, хотѣла поднять руку къ сердцу, но вспомнила, что ее нельзя шевелить, и остановилась. Неподвижная, дрожащая, какъ слишкомъ сильно натянутая струна, для того чтобъ издать звукъ, она снова почувствовала себя: это — ея тоска, ея страданія и ея надежда поютъ вокругъ нея и плачутъ. Вотъ зачѣмъ она здѣсь: это—ея голосъ, ея пѣсня, нарушившая оцѣпенѣніе долгихъ, холодныхъ ночей. Но сама она нѣма, у нея нѣтъ звуковъ, и она должна будетъ только ждать болѣе холодныхъ и продолжительныхъ сумерекъ.

Гербертъ замѣтилъ ея подавленное волненіе и нетерпѣливо прервалъ работу.

— Что съ вами? — спросилъ онъ, и такъ какъ отвѣта не послѣдовало, подошелъ къ ней и заставилъ ее обернуться. Лицо ея было все въ слезахъ.

— Я устала,—сказала она.—Мнѣ нехорошо. Лучше кончить на сегодня.

Гербертъ сразу понялъ ее и зналъ, что̀ можетъ быть единственнымъ отвѣтомъ на это. Но, какъ и всегда, его удерживало раздвоеніе. Въ немъ двѣ жизни: своя личная и жизнь художника. Любовь ли это или только состраданіе? Опасно ошибиться. Имѣютъ ли эти чувства что-нибудь общее или совсѣмъ исключаютъ одно другое? Состраданіе—это живые корни, пробивающіеся въ землѣ и проникающіе въ самую глубину. Они встрѣчаютъ въ темнотѣ другіе корни и понимаютъ все по ихъ трепетанью, имъ не надо даже видѣть. Любовь—это цвѣтокъ, распускающійся на солнцѣ. Отъ одного ли

и того же ствола растутъ они? Представляетъ ли для него Элиза что-нибудь другое, кромѣ души его картины? Только такою нужна она ему, какая она теперь, не сказавшая еще ни слова, застывшая въ неясномъ стремленіи,—такою нужна она его творчеству. Прикасаться нельзя, чтобы не нарушить очарованія — все остальное должно ждать. И что бы съ нимъ ни случилось, что бы онъ ни чувствовалъ, онъ тоже долженъ ждать, пока произведеніе его будетъ окончено вчернѣ. Еще нѣсколько дней, и онъ будетъ свободенъ, а пока надо забыть все. Эта двойственность требованій искусства и личной жизни измучила его. Ему казалось недостойнымъ говорить полуправдивыя слова и воображать, что говоришь правду. Потому онъ позволилъ заговорить въ себѣ только состраданію. Онъ утомилъ ее, теперь они отдохнутъ; вечеръ прекрасенъ. Она была благодарна ему и снова успокоилась. И когда Элиза вернулась домой, сирень, расцвѣтшая подъ ея окномъ свѣтло-голубыми цвѣтами, пахнула на нее своимъ свѣжимъ ароматомъ, — она уже не знала, отчего она грустить.

XII.

Два слѣдующихъ за тѣмъ дня работа подвигалась съ лихорадочной поспѣшностью. Говорили мало и расходились задолго до того, какъ наступалъ вечеръ и дроздъ начиналъ свою пѣснь. Прекратились также и общія прогулки послѣ работы.

Элиза страдала и упрекала себя. Она сама разбила то, что теперь, при взглядѣ назадъ, казалось ей такимъ счастьемъ, лучшимъ мигомъ, какой только можетъ выпасть ей въ жизни. Она сама разбила это, теперь оставалось только подавить и скрыть свое отчаяніе, чтобы не испортить картину. Прежде картина внушала ей ревнивое чувство, но теперь она начала любить ее: тамъ въ краскахъ еще свѣтитъ солнце, которое уже зашло для нея.

Но Гербертъ началъ ненавидѣть свою работу. Она раздвоила его жизнь, произвела въ немъ разладъ, который измучилъ его, заставляя его бороться съ самимъ собой и проклинать самого себя. Она—плодъ того проклятія, которое тяготѣетъ надъ художникомъ и не позволяетъ ему отдаться ни одному чувству просто и цѣльно, а съ постоянной оглядкой, съ мыслью, какъ передать то-то и то-то, заставляетъ вѣчно держать зеркало передъ собой, иногда только для того, чтобы видѣть въ немъ страданіе. Но картина все-таки сохранила власть надъ нимъ, какъ хозяинъ надъ ворчливымъ слугой, который не можетъ не ворчать, хотя повиновеніе давно уже

вошло у него въ инстинктъ. Энергія его еще была нервно напряжена, рука двигалась по привычкѣ такъ, какъ будто онъ всѣмъ сердцемъ участвовалъ въ работѣ.

Наконецъ, нарисовано все, что надо было уловить—и Гербертъ свободенъ. Но что оставила въ немъ эта борьба? Что значитъ та дрожь, которую онъ почувствовалъ, когда отложилъ кисть? Жалкое ли это торжество побѣды или неувѣренность передъ испытаніемъ, которое ждетъ его, или просто робость, слабая, какъ послѣдній пароксизмъ болѣзни?

Когда онъ взглянулъ на Элизу, въ первый разъ безъ желанія найти въ ней то, что ему было надо, она показалась ему совсѣмъ незнакомой, такой новой, точно онъ былъ слѣпъ все время. Это уже было не созданіе его собственной фантазіи, не часть его самого—это было таинственное существо, которое должно ворваться въ его жизнь, уже переставшую быть одинокой. И все вокругъ нея было ново и незнакомо. Онъ испытывалъ такое ощущеніе, какое овладѣвало имъ, когда онъ мечталъ: онъ чувствовалъ суть того, чего не могъ схватить умомъ. Что такое этотъ легкій шелестъ листьевъ на деревьяхъ? О чемъ онъ говоритъ? Отчего такъ холоденъ, неподвиженъ и тяжелъ гранитъ скалы? Что скрыто въ этомъ вѣчномъ движеніи облаковъ? А она? Что чувствуетъ она къ нему? И онъ къ ней? Въ первый разъ совершенно покорно, безъ оглядки, идя навстрѣчу жизни, онъ почувствовалъ, что она схватываетъ его, какъ схватываетъ улитку волна, шумъ которой слабымъ эхомъ повторяется въ извилинахъ ея раковины. Неужели весна, которую онъ думалъ только нарисовать, придетъ теперь для него? И какъ?

— Готово! — сказалъ онъ. — Мнѣ больше не за чѣмъ утомлять тебя.

Элизѣ показалось, что все кончено, и она готова была плакать о своихъ прошедшихъ мукахъ. Они условились сойтись вечеромъ. «Это будетъ прощанье,—думала она,—теперь всему конецъ».

— Можно мнѣ посмотрѣть картину?—тихо спросила она. Она молча и покорно прощалась со своимъ бѣднымъ счастьемъ, готовая упасть на колѣни и молиться на свое собственное изображеніе, въ которомъ было передано все то, что онъ нашелъ достойнымъ передать. Въ послѣдній разъ взглянула она на картину съ завистью, смѣшанной съ любовью, какъ на болѣе счастливую сестру. Какъ немногаго ждала она когда-то, теперь и этого уже нѣтъ, а будущее, которое ее ждетъ, кажется передъ этой картиной такимъ сѣрымъ и пустымъ, какъ пепелъ передъ сіяніемъ горящихъ углей. Не смѣя взглянуть другъ на друга, они разстались.

Вечеромъ Гербертъ пришелъ на мѣсто свиданья задолго до того времени, когда могъ ожидать Элизу. Это было на берегу. Съ одной стороны возвышались темныя ольхи, плотной стѣной отдѣлявшія усадьбы съ красными домиками, дремлющими, безъ признака дыма надъ трубами. Впереди разстилалась свѣтлая поверхность бухты, а на другой сторонѣ надъ лѣсомъ взошелъ мѣсяцъ, довольно уже большой, слегка позлащеный, но еще теряющій свой блескъ въ прозрачномъ воздухѣ. Въ извилистыхъ линіяхъ воды скользило уже бѣглое сіяніе. Вечерняя звѣздочка вспыхнула блѣдною искоркой сквозь свѣтлую весеннюю листву дуба. Надъ всѣмъ витала полужизнь сна, когда вся кровь отливаетъ къ мозгу, чтобы питать видѣнія, и пульсъ бьется слабо. Протяжными, тихими вздохами доносилось издали послѣднее волненіе моря.

Но Гербертъ не былъ спокоенъ, все быстрѣе и быстрѣе ходилъ онъ взадъ и впередъ, прислушивался къ своимъ шагамъ по песку и слышалъ даже удары своего сердца.

Придетъ ли она? Съ каждою минутой это казалось ему все невѣроятнѣе. Безпокойство его росло, но оно дѣлало его только счастливѣе. Эта внутренняя дрожь, эта слабость и головокруженіе, темные круги передъ глазами и напряженный слухъ, старающійся уловить каждый звукъ вдали и всетаки всецѣло поглощенный внутренней музыкой,—тутъ не можетъ быть ошибки — это жизнь, наконецъ-то сама жизнь! Элиза, которую онъ ждалъ, прислушиваясь и замирая, была для него совершенно новая, незнакомая, потому что прошлаго, такого мелкаго, некрасиваго и недостойнаго вниманія, уже не было; не было ничего, кромѣ удивительнаго настоящаго.

Придетъ ли она? Онъ услышитъ ее издали по шороху раздвигавшихся вѣтвей. Онъ будетъ знать, гдѣ именно раздвинутся вѣтви, какъ свѣтъ упадетъ на ея блѣдное лицо. Но больше онъ ничего не будетъ знать, не будетъ знать, что принесетъ она ему и что она чувствуетъ къ нему. Прежде онъ былъ увѣренъ, глупо и равнодушно увѣренъ: теперь, когда онъ понялъ, что въ этомъ счастье, онъ ничего не зналъ,—да и кто могъ бы быть въ такомъ случаѣ увѣренъ?

Вотъ она идетъ тихо и нерѣшительно—это не плавная походка человѣка, несомаго желаніемъ. Вотъ она стоитъ блѣдная и точно испуганная послѣ темноты фантастическимъ освѣщеніемъ.

Гербертъ пошелъ къ ней навстрѣчу. Одинъ взглядъ, и она поняла все, охваченная счастьемъ, которое, благодаря своей неожи-

данности, болью сжало сердце, и молчаливые, не нуждающіеся въ словахъ, бросились они другъ къ другу.

Такъ они нашли, наконецъ, другъ друга въ этомъ удивительномъ молчаливомъ мірѣ, гдѣ ничто не было похоже на дѣйствительность, напоминало собой мечту. Это должно было случиться много раньше и совсѣмъ иначе. Жизнь скупа на дары, и то, что оттолкнешь одинъ разъ, никогда не представится вновь. Вокругъ нихъ, хотя они и не замѣчали этого, носились призраки прошлаго: ея чувства, замерзшія отъ прикосновенія къ его абстракціямъ, ея желанія, получившія уже смертельную рану. Теперь они ничего этого не сознавали, теперь они чувствовали только трепетъ счастья—надолго ли, этотъ вопросъ не относился къ міру настоящаго. Они подошли къ самой бухтѣ, обмѣниваясь тихими и отрывистыми словами. Влажные слѣды ихъ блестѣли слабыми отблесками золотистой луны. Но что это встаетъ такое таинственное и грозное за ихъ счастьемъ и смотритъ на нихъ? Они не видятъ этого, они не оглядываются назадъ.

XIII.

Нѣтъ ничего проще счастья, нѣтъ ничего, что̀ бы дѣлало весь міръ такимъ понятнымъ. Надъ нимъ свѣтитъ солнце, и оно видитъ только освѣщенныя мѣста. Вся жизнь представляется огромною равниной, залитой однѣми свѣтлыми красками, спокойной и законченной, такой понятной своей гармоніей. Даже самаго закоренѣлаго резонера счастье дѣлаетъ ребенкомъ: онъ чувствуетъ, живетъ и дѣйствуетъ, становится наивнымъ и беззаботно отбрасываетъ всякія размышленія.

Такъ было съ Гербертомъ и Элизой въ слѣдующія за тѣмъ недѣли. Жизнь ихъ была такъ же спокойна и беззаботна, какъ жизнь природы въ это свѣтлое время года. Только солнце придавало ей разные оттѣнки. Пробужденіе чудеснаго обновленія міра, освѣщеннаго низкими утренними лучами, чередовалось съ вѣчно возвращающимся вечернимъ спокойствіемъ и короткимъ ночнымъ отдыхомъ.

Лѣто, это большое дитя, разсказывало имъ свою сказку, и въ грустныхъ и страшныхъ мѣстахъ она становилась имъ еще вдвое интереснѣе. Такъ бывало, когда тучи собирались въ грозу и загоняли ихъ въ какую-нибудь хижину пережидать непогоду. Они сидѣли у окна и смотрѣли сквозь крошечныя стекла, потемнѣвшія отъ времени и непогоды и переливавшія цвѣтами радуги. Небо принимало

сѣровато-свинцовый оттѣнокъ съ прозрачнымъ мѣднымъ отливомъ. Синевато-сѣрыя воды бухты безпокойно колыхались, обрамленныя свѣтло-зеленой полосой у береговъ. Лѣсъ шумѣлъ, точно дикій, неудержимый потокъ. Они замирали въ ожиданіи перваго раската грома. И когда онъ раздавался, имъ казалось, что они летятъ въ безконечную глубину, и они хватали другъ друга за руки въ восторгѣ, что они вмѣстѣ. Стуча по гонтовой крышѣ, дождь об щался въ могучій потокъ, въ страшную сказочную стихію, и они чувствовали себя такими безпомощными, какъ въ дѣтствѣ.

Какъ весело бывало послѣ этого возвращеніе въ міръ влаги и блеска.

Надъ тропинками свѣшивались отяжелѣвшія вѣтви. Въ чистомъ воздухѣ эхо раздавалось вдвое звучнѣе и лѣсъ казался вдвое шире. Бѣлые цвѣты старыхъ мшистыхъ кустовъ боярышника блестѣли, украшенные ослѣпительными каплями. Въ природѣ не было ничего мертваго и стараго, все было молодо, какъ они.

Даже старухи, у которыхъ жила Элиза, попали въ этотъ сказочный міръ, обратившись въ сѣдыхъ мудрыхъ и добрыхъ фей, которыя понимали все и добродушно молчали.

Въ дѣйствительности же онѣ, къ своему благополучію, не подозрѣвали ничего. Онѣ привязались къ Элизѣ и перестали бояться Герберта съ тѣхъ поръ, какъ видѣли его чаще. Въ своемъ доброжелательствѣ онѣ дошли до того, что предложили давать Элизѣ уроки, замѣтивъ, что она плохо освѣдомлена въ нѣкоторыхъ областяхъ, чего онѣ не въ состояніи были переносить спокойно. Элиза не замѣтила церемоннаго тона ихъ предложенія и ликовала отъ радости. Все досталось ей сразу, каждая область, которая была закрыта для нея, открывалась теперь передъ нею и манила къ себѣ. Она будетъ учиться, какъ учатся всѣ. Съ дѣтской добросовѣстностью вбивала она себѣ въ память устарѣвшія прямолинейныя теоріи, которыя должны были дать ей знаніе жизни, и отогнала на время свои мучительныя, безпокойныя мысли. Для нея было наслажденіемъ начать жить съ начала и думать, что прошлое было лихорадочнымъ бредомъ съ обостренными чувствами и что теперь она очнулась и узнаетъ правду. Шмели и пчелы жужжали во время уроковъ надъ блѣдными гвоздиками мебельной матеріи и со свойственной этимъ умнымъ насѣкомымъ вдумчивостью и основательностью старались разсмотрѣть, настоящіе ли это цвѣты или нѣтъ. Элиза же, убаюкиваемая монотонными голосами и полуденной дремотой, чувствовала себя счастливой и глупой. За кустами каприфоли она видѣла легкій дымокъ сигары Герберта и знала, что онъ

ждетъ ее и уносится въ облака въ своихъ свѣтлыхъ мечтахъ. А за дребежащимъ фортепіано, съ котораго начались первые опыты изящнаго воспитанія, она окуналась въ такой блѣдный и старый міръ чувствъ, что у нея навертывались слезы. Это тоже относилось къ сказкѣ и отвлекало мысль къ прошлому, къ тому, что когда-то было, цвѣло и завяло.

Но настоящее манило, настоящее захватывало. Они не могли навсегда остаться дѣтьми. Все ближе и ближе надвигался часъ, когда игра обнаружила свое содержаніе, и ихъ снова охватило серьезное—слѣпая могучая страсть. Элиза не знала ни минуты сомнѣнія, страха. Она уже отдалась, отдалась давно, назадъ не было возврата. Чтò бы съ ней ни случилось, все рѣшено уже раньше: и хорошее, и дурное, и радость, и горе.

Это не измѣнило рѣзко ихъ жизни, она стала только глубже. Это уже была не игра и свѣтлыя мечты, это была дѣйствительность—огромная и сложная со всѣми своими требованіями, но еще понятная, освѣщенная счастьемъ.

XIV.

Однажды въ серединѣ лѣта Гербертъ поѣхалъ въ Стокгольмъ по дѣламъ. Изъ товарищей онъ былъ только у Аннеруса, остальные разъѣхались или перемѣнили квартиры. Аннерусъ поблѣднѣлъ отъ городского воздуха. При всякомъ словѣ, которое волновало его, онъ метался взадъ и впередъ мелкими шажками по своей маленькой комнаткѣ. Видъ у него былъ нехорошій.

— Какъ ты поживаешь?—спросилъ Гербертъ.

Аннерусъ взглянулъ на него.

— Что это, любезность? Или ты, правда, хочешь знать, какъ я живу? Это долгая исторія, но я постараюсь быть покороче. Я могъ бы, конечно, произнести тебѣ длинную рѣчь о современной дряблости, но вѣдь это только приличная форма, которой всѣ пользуются, для того чтобы сознаться въ своемъ собственномъ безсиліи. Мы уже достаточно прибѣгали къ этому въ нашемъ кружкѣ. Вы дѣлали это безо всякаго умысла, просто потому, что надо было что-нибудь обвинять, у меня же это было серьезно. Я не хочу быть тряпкой. Я не могу довольствоваться цѣльностью, купленной цѣной $^9/_{10}$ моего *я*, какъ довольствуется большинство. У меня есть своего рода манія величія — сдѣлаться человѣкомъ, а не спеціалистомъ.

— Манія довольно-таки непритязательная.

— Наоборотъ, ужасно дерзкая, безумно дерзкая! Легче стать такъ называемымъ великимъ человѣкомъ, чѣмъ просто человѣкомъ, для этого стоитъ только выбрать себѣ спеціальность и заняться ею толкомъ. Но находиться каждую минуту въ собственномъ центрѣ, ходить безъ наглазниковъ и постоянно видѣть, гдѣ находишься, не только знать, куда хочешь идти, быть здоровымъ, когда всюду лелѣется болѣзнь, и безъ иллюзій, безъ узости—это довольно трудно. Самое худшее, что становишься узкимъ. Все, что было дорого, понемногу теряетъ цѣну и отбрасывается. Напримѣръ, теперь мнѣ противны стихи, для меня это просто компромиссъ между риѳмой и правдой. Мнѣ противно исбусство, потому что оно на одну треть состоитъ изъ чувства красоты и на двѣ трети изъ тщеславія. Мнѣ противна наука.

Гербертъ хотѣлъ возразить, но Аннерусъ прервалъ его. Не принимай только буквально парадоксовъ. Вѣдь я не Фаустъ, думавшій глубоко надъ культурами всѣхъ временъ, но по своимъ силамъ я думалъ довольно интенсивно. Помнишь ли ты тотъ вечеръ, когда мы однажды въ мартѣ собрались у тебя и рисовались своими планами? Съ тѣхъ поръ, да, впрочемъ, даже раньше, я старался жить только дѣйствительностью. Она даетъ скудную пищу, подъ конецъ приходится почти глодать самого себя. Послѣднее время я занимался своими науками—положительными, вѣрными. Ты не можешь себѣ представить, сколько приходится изучать болѣзней, красиво систематизированныхъ, какъ растенія гербарія. Часть человѣка можно иногда излѣчить, но цѣлое единственно, что достойно интереса, если оно заболѣетъ.

Герберту было странно слушать его. Теперь онъ былъ здоровъ и уже забылъ, что такое болѣзнь, почти не вѣрилъ въ возможность быть больнымъ. Для него все было такъ просто, какъ само счастье. Но онъ не могъ говорить о себѣ. Чтобы перемѣнить разговоръ, онъ спросилъ о товарищахъ, пользуясь тѣмъ, что рѣчь коснулась того мартовскаго вечера, такого далекаго и непонятнаго теперь. Гдѣ прежде всего Лео!

— Лео? О, вездѣ и нигдѣ, строитъ планы и ловитъ идеи. Сейчасъ онъ, кажется, въ Тросѣ или еще гдѣ-то. Онъ — воплощенное «Современное Обозрѣніе», гдѣ всѣ говорятъ сразу, боясь только одного, какъ бы кто-нибудь не успѣлъ сказать раньше. Это счастливый человѣкъ, его ничто не угнетаетъ. Онъ живетъ въ будущемъ и порхаетъ, какъ бабочка, привлекаемая всякими пустяками, которые давно заставили бы всякую болѣе основательную голову окуклиться. Онъ вѣритъ въ себя, какъ всякій изслѣдователь: каждый

личный недостатокъ для него орудіе, которымъ онъ работаетъ, каждый мозоль онъ обращаетъ въ геніальную шишку. Онъ ускользаетъ отъ всякаго сомнѣнія, оно не можетъ коснуться его, онъ умретъ молодымъ въ полномъ невѣдѣніи.

— А Гультъ и Гольмъ, гдѣ они?

— Забились куда-то въ уголъ, не видятъ ничего и ищутъ красивую форму для своихъ больныхъ мыслей.

— А маленькій Генрикъ?

Аннерусъ вскочилъ.

— Да, да, о немъ-то и забыли. Помнишь ты, что онъ разсказывалъ въ тотъ вечеръ? Помнишь, какъ я предостерегалъ его, и вышло серьезнѣе, чѣмъ я хотѣлъ? Маленькій Генрикъ здѣсь. Сейчасъ разскажу. Ему вѣдь жилось довольно хорошо. Никто, конечно, не думалъ, чтобы онъ далеко пошелъ. Съ нимъ шутили, иногда довольно грубо, но его любили. Да и что можетъ быть невиннѣе наблюдателя-психолога, который никогда не жилъ, у котораго такъ мало крови, что онъ даже не можетъ окунуться въ чужую жизнь. Онъ нанизываетъ себѣ на ниточку то, что ему попадется, вѣритъ и надѣется, что изъ этого что-то выйдетъ. Право, жестоко, что такихъ не оставляютъ въ покоѣ. Ты помнишь женщину, отъ которой мы его предостерегали. Онъ наткнулся на самое обыденное, самое жалкое явленіе, самый глупый человѣкъ понялъ бы это инстинктомъ. Но тутъ замѣшалась весна, и ему обошлось это слишкомъ дорого—онъ влюбился. У него оказалось сердце, кто бы могъ подумать? И она отозвалась, сперва, вѣроятно, шутя, просто, чтобы поиграть. Но замѣтивъ свою власть, она продолжаетъ дѣлать эксперименты надъ экспериментаторомъ, и въ концѣ концовъ это такъ ее забавляетъ, что она хочетъ дойти до конца. Повидимому, она скоро сдѣлаетъ это, не знаю только, какъ это будетъ.

— Но развѣ нельзя убѣдить его, удержать?

— Я пробовалъ, я убѣждалъ, пока мнѣ, наконецъ, стало стыдно, да и онъ счелъ себя прямо-таки въ правѣ презирать меня. Онъ все предвидѣлъ. Онъ такъ спокойно говорилъ о преувеличеніяхъ любви, онъ такъ ясно понималъ, что это значитъ. Представь себѣ человѣка, въ которомъ такъ мало жизни, мнѣ всегда казалось, что у него нѣтъ ничего, кромѣ кровообращенія, и что ему, какъ рыбѣ, суждено плавать въ точно такой же прохладной температурѣ, и вдругъ въ немъ пробуждается инстинктъ. Это происходитъ такъ постепенно, что онъ не можетъ даже быть напуганъ, а между тѣмъ у него нѣтъ никакого противовѣса—онъ вѣдь ничто. Конечно, инстинктъ овладѣваетъ имъ всецѣло и представляется ему чѣмъ-то

возвышеннымъ, потому что владычествуетъ одинъ. Если бы малый былъ поэтомъ, онъ былъ бы гордъ и счастливъ, но онъ не поэтъ, и всѣ тѣ слова, которыми онъ игралъ въ качествѣ критика, овладѣваютъ имъ теперь какъ духи неопытнымъ ученикомъ колдуна. Онъ создаетъ себѣ idée fixe, и всѣ мелкія хорошія качества его мягкой дѣтской натуры обращаются ему въ погибель. Онъ не можетъ работать и забыться, не можетъ заглянуть въ свою собственную пустоту, его неудержимо тянетъ навстрѣчу катастрофѣ.

Гербертъ слушалъ съ тѣмъ бо́льшимъ состраданіемъ, что его собственное счастье было такъ полно въ эту минуту.

— Пойдемъ къ нему,—предложилъ онъ.

— Ладно. Я только пріодѣнусь. Но мы почти окончили обзоръ, начавъ съ меня, а какъ твой планъ? Готово ли твое великое произведеніе?

Слова эти заставили Герберта замереть. Въ одинъ мигъ всплыла передъ нимъ картина, о которой онъ почти забылъ, которая стояла недоконченная, прислоненная къ стѣнѣ, а съ нею воскресло и все то, что было связано съ нею, всѣ его зимнія мечты и двойственность его чувства. Старая рана затянулась, но не зарубцевалась. Онъ вспыхнулъ при одномъ предположеніи, что она можетъ остаться неоконченной, что и этотъ планъ окажется такой же болтовней, какъ и все другое. Гербертъ отвѣтилъ уклончиво и взглядъ его потемнѣлъ. Теперь опять должно настать время работы, беззаботное счастье уже миновало.

Они вышли, но въ сѣняхъ встрѣтили самого Генрика. Ихъ поразила необыкновенно эластичная походка и красное лицо. Маленькій Генрикъ долго пожималъ имъ руки и заглядывалъ въ глаза неестественно веселымъ взглядомъ.

— Такъ Гербертъ тоже въ городѣ?—голосъ его звучалъ напряженно и невѣрно.—Да я прямо-таки счастливецъ. Ну идемте же, идемте. Мы сдѣлаемъ славную прогулку, и намъ будетъ очень весело. Я уже ѣздилъ далеко, но извозчикъ говоритъ, что лошадь можетъ еще везти. У меня тамъ дрожки.

Такъ какъ Гербертъ и Аннерусъ колебались, маленькій Генрикъ сейчасъ же перешелъ въ мольбу, перемежающуюся съ короткимъ, нервнымъ смѣхомъ.

— Пойдемте, пойдемте! Не будьте жестоки. У меня тамъ прекрасный извозчикъ, превосходный малый. Мы съ нимъ ѣздили, и мнѣ никогда не бывало такъ весело. Мы выпили бутылку коньяку, мы пили брудершафтъ, мы обнимались и пожимали другъ другу руки. Это самая честная душа, какую я только встрѣчалъ. Мы такъ

хохотали, какъ вы никогда въ жизни не хохотали. Всю дорогу его лицо свѣтило мнѣ какъ луна. Я не понимаю, какъ онъ правилъ. Онъ говоритъ, что видитъ спиной.

Маленькій Генрикъ хохоталъ неудержимо, но не встрѣтивъ отклика, онъ снова перешелъ въ слезливый тонъ.—Она,—всхлипывалъ онъ,—не хочетъ больше знать, обчистила меня, наигралась со мной, высосала изъ меня кровь. Она сказала мнѣ это сегодня. Я хотѣлъ ѣхать топиться, но мнѣ попался этотъ извозчикъ—такая добрая, преданная, любящая душа. Я очаровался имъ. Человѣческая душа! Знаете ли вы, что это значитъ: найти безкорыстную человѣческую душу?

Гербертъ и Аннерусъ выглянули въ окно. Извозчикъ сидѣлъ, обернувшись къ нимъ своимъ синевато-краснымъ лицомъ и глядѣлъ на нихъ, широко осклабясь. Онъ былъ сильно выпивши.

— Такъ, значитъ, ты раскусилъ ее наконецъ?

Маленькій Генрикъ снова сталъ серьезенъ.

— Вы думаете,—сказалъ онъ съ удареніемъ,—что мои чувства измѣряются тѣмъ, какая она? Вы стоите слишкомъ низко, чтобы понимать ихъ. Какъ разъ наоборотъ: любовь тогда-то и великолѣпна, когда направлена на что-нибудь недостойное. Вся суть въ хмѣлю, а не въ томъ, что̀ пьешь. Отдѣлаться отъ всякихъ побочныхъ мыслей, забыть все, зажечь домъ, чтобы погрѣть руки, въ этомъ все дѣло. Я былъ великолѣпенъ, великолѣпенъ...—голосъ его повысился до крика; онъ размахивалъ руками, развязно жестикулируя; жилы на вискахъ напряглись.

— Другіе только разсуждали, а я чувствовалъ. Я ползалъ сегодня передъ ней и самъ себя обожалъ за это. Я все зналъ, я былъ умнѣе всѣхъ, и все я бросилъ съ презрѣніемъ. Я попалъ въ долги, ихъ цѣлая сѣть. Теперь я хочу быть извозчикомъ: найму его за 12,000 кронъ въ день и буду сидѣть рядомъ съ нимъ на козлахъ, пока не научусь этому дѣлу, а тогда буду возить кого угодно въ море. Пойдемте же, пойдемте!

И онъ опять началъ упрашивать и умаливать.—Аннерусъ отвѣтилъ:

— Гербертъ не можетъ идти сейчасъ, у него дѣла, но я пойду съ тобой, мы подождемъ его у тебя,—онъ отвелъ Герберта къ двери.—Ты видишь,—прошепталъ онъ,—кризисъ уже наступилъ. Ступай за докторомъ и приходи.

Когда Гербертъ вышелъ на улицу, извозчикъ нагнулся съ козелъ.—Господинъ, вы ихъ знакомый?—крикнулъ онъ хриплымъ

голосомъ.—Я ѣзжу уже три часа и не получилъ еще ни за часъ... и потомъ на водку...

Гербертъ махнулъ любвеобильному малому и пошелъ дальше, не обращая вниманія на его справедливыя жалобы. Онъ отыскалъ доктора и былъ свидѣтелемъ ужасной сцены. Больной ни за что не хотѣлъ согласиться, что онъ боленъ и что его надо лѣчить. Гербертъ ушелъ въ томъ же подавленномъ настроеніи и долго видѣлъ передъ собой своего бѣднаго друга, который казался такимъ смѣшнымъ въ этой мелкой трагедіи съ своими поисками любви и симпатіи.

Докторъ надѣялся, что болѣзнь пройдетъ, и маленькій Генрикъ поправится, если только будетъ очень остороженъ.

Гербертъ уѣхалъ въ деревню, взявъ слово, что ему будутъ давать знать.

XV.

Скоро наступилъ конецъ и лѣту. Герберта не оставляла мысль о работѣ, она росла и уже начала бросать отъ себя тѣнь. Достаточно было одного взгляда на картину, чтобы видѣть, какъ много еще оставалось сдѣлать, чтобы довести ее до конца. Надо собрать всю энергію, всѣ лучшія силы души!

Элиза опять часто чувствовала себя одинокой: это ей было вдвойнѣ горько теперь, когда она извѣдала счастье. Иногда среди веселья, которое стало такимъ же неувѣреннымъ и робкимъ, какъ и прежде, она содрогалась отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка, когда набѣгала туча и наступалъ мракъ.

Герберту скоро стало ясно, что здѣсь уже ничего нельзя сдѣлать съ картиной, такъ все измѣнилось за это время. Надо было переѣхать въ городъ, нанять мастерскую, изолироваться отъ дѣйствительности, вернуть прошлое въ мечтахъ, воскресить его въ памяти.

Для Элизы опять наступила полоса страданія. Около этого времени они рѣшили повѣнчаться. Прежде это казалось ей почти недостижимымъ счастьемъ, но теперь даже и это не давало особой радости. Это произошло серьезно и просто. Они отдались другъ другу, и это должно было вылиться въ ту форму, которая создавала жизнь для такого союза. Они оба были слишкомъ горды и правдивы, чтобы соглашаться на мелкую ложь и притворство, которое въ противномъ случаѣ ожидало ихъ. Какое блаженство жить только для него, быть постоянно съ нимъ! Но теперь все уже было ясно,

не оставалось никакихъ иллюзій. Какъ есть, такъ и будетъ. Элиза отдастъ все свое, все, что только можно отдать другому, и получитъ за это довольно много, много больше, чѣмъ она могла ждать. Но нераздѣльность требуетъ въ отвѣтъ нераздѣльности, и если вслушаться хорошенько, въ ней только одна нота, передъ которой все другое слабо. Элиза инстинктивно понимала всю разницу между собою и имъ, обожаемымъ и боготворимымъ и всетаки такимъ бѣднымъ въ сравненіи съ ней. Его душа раздѣлялась на двѣ части, и когда онъ заглядывалъ въ себя, онъ видѣлъ пропасть въ промежуткѣ. Она же, наоборотъ, чувствовала все сильнѣе свое единство и замыкалась въ себя все глуже. Это давало ей счастье огромное, глубокое счастье жертвы. Но какое оно серьезное и блѣдное передъ возможнымъ расцвѣтомъ тѣхъ силъ, которыя она въ себѣ ощущала!

Но временами бывало совсѣмъ, какъ прежде, и послѣдній вечеръ, который они провели въ деревнѣ, былъ одинъ изъ лучшихъ ихъ вечеровъ.

Солнце стояло еще высоко, но полнеба было покрыто огромными тучами, которыя придавали вечернему свѣту желтый блескъ. Это заходило ихъ лѣто съ своей могучей прелестью пережитого— такое далекое, великое и ясное въ трепетѣ каждаго листка, въ колеблющихся искрахъ каждой волны. Молча, охваченные общимъ спокойствіемъ, думали они о своихъ лучшихъ часахъ, когда они такъ полны другъ другомъ. Элиза высказала одну изъ тѣхъ мыслей, которыя заставляли Герберта преисполниться удивленіемъ передъ глубиной ея пониманія и умѣніемъ передать настроеніе: —Не правда ли,— сказала она тихо,— точно вмѣстѣ съ свѣтомъ заходитъ и красота. Ей такъ же необходимъ отдыхъ, какъ и всему другому.

Такъ они простились съ беззаботнымъ, свѣтлымъ временемъ, и на слѣдующій день, въ сѣрое туманное утро, поѣхали они въ свой новый домъ, слегка содрогаясь передъ неизвѣстнымъ будущимъ.

Они наняли просторную мастерскую съ нѣсколькими прилегающими къ ней крошечными, темными комнатками, образующими что-то вродѣ альковов. Освѣщалась вся квартира стеклянной стѣной, выходящей на улицу, куда только рано утромъ проникало солнце.

Нѣсколько дней у нихъ было много дѣла съ приведеніемъ всего въ порядокъ и приготовленіями къ свадьбѣ. Время шло весело и быстро. Они нѣсколько разъ ходили домой къ Элизѣ. Отецъ, услыхавъ великую новость, встрѣтилъ ихъ съ шумной привѣтливостью,

которая легко обнаруживала его личные разсчеты на будущее; мать, съ робкимъ почтеніемъ, съ чувствомъ классоваго различія, которое только усиливалось при всякой попыткѣ сгладить его. Все это еще рѣзче подчеркивало одиночество Элизы, ея полную зависимость отъ Герберта и дало еще яснѣе почувствовать, какая стѣна отдѣляетъ ее отъ ея сѣраго прошлаго. Но это сближало ихъ еще тѣснѣе и увеличило бы ихъ счастье, если бы они не были ясновидящими и не чувствовали бы такъ тонко, что кроется въ каждомъ безпокойномъ звукѣ.

Въ тотъ день, когда квартира была наконецъ готова, Гербертъ долженъ былъ рано вернуться домой, но онъ встрѣтилъ кое-кого изъ товарищей и задержался, заговорившись объ искусствѣ, о своихъ планахъ и разныхъ мысляхъ, которыя были такъ хорошо знакомы ему еще съ прежнихъ осеннихъ переѣздовъ въ городъ, но которымъ онъ всетаки отдавался съ увлеченіемъ. Когда онъ пришелъ, былъ уже вечеръ. У Элизы былъ усталый взглядъ, который придаетъ долгое напрасное ожиданіе и одинокія мысли. Она купила цвѣтовъ, чтобы украсить квартиру, ходила и все переставляла и переставляла ихъ, пока они наконецъ собрались всѣ вокругъ большой картины, которая стояла посреди комнаты.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ.

— Ахъ, они прежде были не здѣсь, но я такъ ждала, волновалась и все думала о тебѣ, такъ они и попали сюда, сперва только самые красивые, а потомъ и всѣ. Мнѣ казалось, что они должны быть тамъ, у тебя.

Цвѣты были приколоты букетами по краямъ полотна, образуя что-то вродѣ рамки. Своими поблекшими за день красками они составляли красивый контрастъ съ свѣтлой и легкой зеленью картины. Гербертъ заглядѣлся на нихъ, и когда Элиза снова заговорила, онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

Она сѣла на маленькую кушетку въ углу, въ тѣни, въ той же позѣ, въ которой она сидѣла въ одиночествѣ, и заговорила, точно продолжая свои мысли вслухъ.

— Они всѣ должны быть тутъ. Комната эта мнѣ кажется такъ похожа на церковь. Свѣтъ такой бѣлый и холодный. Тамъ алтарь, тамъ ты долженъ стоять и молиться. А здѣсь точно мѣсто для маленькой могилы, и время отъ времени ты долженъ заглядывать сюда.

Она скрестила руки совершенно невольно и лежала, какъ лежатъ мертвые, глядя прямо впередъ.

Гербертъ вздрогнулъ при видѣ ея. Предчувствіе охватило его

такимъ ужасомъ, что у него не нашлось ничего, кромѣ упрековъ, зачѣмъ она напугала такъ его. Потомъ шевельнулось состраданіе къ ея одиночеству и досада, что онъ оставляетъ ее одну. Потомъ имъ обоимъ захотѣлось примиренія. Они крѣпко и тепло прижались другъ къ другу, но ощущеніе дрожи сохранилось надолго.

XVI.

Осень наступила рано и сразу. Лишь только Гербертъ началъ углубляться въ свою работу, имъ овладѣло старое безпокойство и самоанализъ, и его «я» снова ускользнуло изъ его рукъ. Картина уже не росла сама собой, какъ въ первыя недѣли нервной работы, когда надо было ловить мимолетную красоту и когда его безсознательно толкала впередъ жажда свободы. Теперь это была постоянная оглядка, критика и боязнь, что чувства его выйдутъ сентиментальны, что онъ не сумѣетъ достаточно владѣть ими. Настроеніе его страдало отъ этого, и все рѣже становились часы непосредственной, дѣтской радости—единственнаго богатаго источника вдохновенія.

Вокругъ него опять собрался кружокъ товарищей. Тотъ же безплодный рефлексъ, тотъ же голодъ безъ аппетита, проклятіе переходнаго времени безъ связующихъ идей, времени всеобщаго броженія и слабости личности. Самъ Гербертъ жилъ остатками лѣтней силы. Картина его подвигалась медленно, исподволь, снова образуя за собой грозящую пустоту. Остальные всѣ были вѣрны себѣ, не доставало только двоихъ.

Одинъ изъ нихъ былъ Аннерусъ. Онъ все угрюмѣе замыкался въ самого себя и точно засыпалъ въ своемъ недовѣріи ко всякимъ словамъ, кромѣ самыхъ обыденныхъ, грубѣлъ въ полномъ отсутствіи всякихъ иллюзій, въ культѣ будущаго и въ желаніи сдѣлаться практически полезнымъ. Другой былъ маленькій Генрикъ. Его всѣмъ недоставало. Онъ выздоровѣлъ, хотя и не совсѣмъ, и продолжалъ, какъ и всѣ, катиться по своей старой колеѣ. Онъ зарылся въ книги, осторожно копалъ свои ходы, боясь свалиться въ нихъ, не рѣшаясь уже играть, и потерялъ всю поэзію тѣмъ, что пересталъ быть комичнымъ.

Странное явленіе представляла собою среди нихъ Элиза. Она входила въ комнату и выходила, занятая своими дѣлами, молчаливая, всякій разъ замедляя на порогѣ свою легкую поступь. О чемъ они говорили, она даже не старалась вдуматься или вслушаться, но она присматривалась къ тѣмъ, кто сидѣлъ молча. И взглядъ ея

сѣрыхъ глазъ долго преслѣдовалъ ихъ потомъ въ воспоминаніи, какъ упрекъ неизвѣстно за что. Когда они уходили, она бывала иногда такая усталая, точно въ жизни ея не было никакой радости, и въ глазахъ ея темнѣло что-то, какъ въ глубокой водѣ.

Такъ наступила осень, сразу, въ одну ночь — ясную, морозную, залитую бѣлымъ сіяніемъ мѣсяца. Утромъ легкій, влажный туманъ поднялся надъ рѣкой, солнце спряталось и не чувствовалось ни вѣтерка. Густая зелень деревьевъ почернѣла и опала, какъ сброшенная одежда. Наступило долгое и тяжелое ожиданіе. Но, наконецъ, однажды къ вечеру повѣяло зимнимъ холодомъ. Голубой дымъ вился изъ всѣхъ трубъ. Все замерло въ отблескѣ желтаго заката, ожидая перваго снѣга.

Для Герберта и его жены это принесло мало перемѣнъ: для нихъ внѣшнее почти не существовало, ихъ жизнь все болѣе и болѣе концентрировалась вокругъ картины. Чѣмъ ближе было окончаніе ея, чѣмъ осязательнѣе воплощалось неизвѣстное въ дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе поглощала она ихъ. Все, что ихъ связывало, создавала картина. Сохранится ли эта связь, когда картина не будетъ больше требовать ея? Смогутъ ли они снова зажить беззаботно? Придетъ ли для нихъ новая весна, когда творчество не будетъ высасывать кровь?

Даже для Герберта картина сдѣлалась какимъ-то враждебнымъ существомъ, ненасытнымъ, требующимъ сверхъ его силъ. Каждое утро манила она его тѣмъ, что уже сдѣлано, каждый вечеръ мертвѣла и блѣднѣла, становясь все безпомощнѣе со своимъ нѣмымъ крикомъ о жизни. Онъ ненавидѣлъ ее, боролся съ ней, подгоняя себя, чтобы испытать скорѣе ликующее чувство побѣды. Наконецъ, когда онъ уже не въ силахъ былъ что-нибудь прибавить, онъ отодвинулъ ее на нѣсколько дней, отвернувъ къ стѣнѣ, прежде чѣмъ дать окончательный приговоръ.

Въ одно январьское утро, когда раздался воскресный благовѣстъ, Гербертъ заторопился уйти, встревоженный голосомъ новаго года, въ которомъ ему слышалось предостереженіе и угроза. Они жили высоко, и звонъ казался такъ близко, точно лился волнами въ самую комнату изъ невидимой колеблющейся глубины — сперва свѣтлый тонъ, потомъ мрачный, опять и опять, вызывая въ памяти всѣ пережитые часы, дни и ночи, цѣлый годъ надежды и отчаянія.

Элиза остановила Герберта. Тихо и медленно подошла она къ нему, точно въ тактъ звону. Она была блѣдна, только теперь Гербертъ вспомнилъ, что она уже давно блѣдна. Она прошла къ картинѣ.

— Пора посмотрѣть,—сказала она,—какова бы она ни была: теперь какъ разъ пора.

Они начали вдвоемъ поворачивать ее къ свѣту. Элиза была сегодня такъ похожа на такую, какою Гербертъ видѣлъ ее въ первый разъ, что онъ вздрогнулъ, какъ передъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Та же затаенная боль и сдерживаемое волненіе, тотъ же широкій взглядъ, всматривающійся во что-то грозное, неизвѣстное. Колокола продолжали еще звонить. Съ трудомъ отвернулся Гербертъ отъ нея и взлянулъ на свое произведеніе. Оно казалось ему далекимъ, точно онъ видѣлъ сквозь туманъ.

Это было что-то совсѣмъ новое и все-таки такое знакомое: это была не картина, которую онъ отдѣлывалъ по частямъ и надъ которой страдалъ, это было его первое видѣніе, такое, какимъ создало его вдохновеніе, когда онъ забылъ о себѣ и чувствовалъ только ея жизнь. Это была весна со всѣмъ тѣмъ, что она принесла, и со всѣмъ тѣмъ, что могло быть. Свѣтлая роща цвѣтовъ и аромата, воздухъ, полный трелей жаворонка, глубокій сводъ въ область неизвѣстнаго, радости и горя, и за нимъ широкое спокойствіе горизонта. Начать жить съ начала, съ начала пройти путь, не мучась болѣе неизвѣстностью, когда побѣда позади, когда ничто не мѣшаетъ имъ ловить счастье! Онъ обернулся къ Элизѣ, чтобы привлечь ее къ себѣ, и въ обрывистыхъ словахъ излилъ все, что думалъ: какъ досадовалъ на то, что было, какъ радовался, слыша звонъ новаго надъ собой.

Но Элиза стояла блѣдная и вздрагивала.

— Моя жизнь уже не моя,—сказала она и прошептала остальное.—Я не могла говорить объ этомъ, ты былъ не такой, я не смѣла, но теперь, теперь... Это новое наступаетъ не для насъ, оно уже не наше, оно принадлежитъ другому.

И, ослѣпленная брызнувшими вдругъ слезами, она начала пристально смотрѣть на картину, которая темнѣла въ ея глазахъ.

Даже и для Герберта она померкла. Слова Элизы звучали такъ торжественно, точно отвѣтъ на все. Весна не только для нихъ, не только для счастья и радости. Будущее забывается, кажется, что настоящее существуетъ для настоящаго. Но будущее такъ близко, оно скрыто въ свѣтлыхъ цвѣтахъ, для него празднуется праздникъ. Оно приближается и становится все увѣреннѣе. Остальное все блѣднѣетъ и замерзаетъ, только одно будущее существуетъ. Произведеніе Герберта показалось ему опять чѣмъ-то такимъ маленькимъ. Ему удалось то, на что онъ отдалъ жизнь... вѣдь это одни слова: онъ всетаки живетъ. Но то, что ждетъ Элизу, это дѣйстви-

тельно можетъ стоить смерти,—всесильной, непонятной смерти, для которой нѣтъ фразъ. Неужели *это* видитъ она передъ собой на картинѣ? Неужели *въ этомъ* отвѣтъ на всю эту сіяющую красоту? И потомъ ребенокъ? Его? Какъ тяжело подумать! Онъ самъ стоитъ съ такимъ неразрѣшеннымъ вопросомъ передъ жизнью, неувѣренный даже въ томъ, любилъ ли онъ или просто хотѣлъ сохранить спокойную совѣсть... И вдругъ послѣ него зажигается искра, чтобы мерцать въ вѣтрѣ, въ ночи, которая никогда не смѣнится свѣтомъ.

XVII.

На годичной выставкѣ картина имѣла огромный успѣхъ. Люди, одержимые непоколебимымъ чувствомъ превосходства надъ всѣми, неспособные взволноваться ничѣмъ, кромѣ личной непріятности и экономическаго интереса, восторгались, подбѣгали другъ къ другу, чтобы подѣлиться тѣмъ, что они чувствуютъ, и также торопливо возвращались назадъ, чтобы снова перечувствовать то же самое. Въ беззвучныхъ голосахъ, въ которыхъ слышится обыкновенно только благородный скептицизмъ, зазвучали задушевныя ноты убѣжденія, и многіе изъ тѣхъ, кто въ теченіе полугода не думалъ ничего, кромѣ того, что такой-то или такой-то сортъ сигаръ предпочтителенъ передъ другимъ, думали теперь такъ много, что присаживались на диваны отдохнуть. Въ газетахъ на цѣлыхъ столбцахъ прославлялся вновь открытый талантъ. Восклицательные знаки густымъ дождемъ окружали диѳирамбы его темпераменту. Для полноты картины явилась и противоположная партія, проявившая такую горячность, какую только могутъ вызвать подобные спорные вопросы. Она заговорила на первыхъ страницахъ, въ передовицахъ, прикрываясь намеками, но не умѣя скрыть своего презрѣнія. Національный оптимизмъ, широко раскрывъ свои голубые глаза, мечталъ о наступленіи новой эры послѣ этой удачной картины. Если бы только Гербертъ хотѣлъ, онъ могъ бы стать знаменитымъ человѣкомъ. Но ему врядъ ли приходило это въ голову. Онъ даже не измѣнилъ своего обычнаго туалета и не показывался на прогулкахъ.

То, что давало ему успѣхъ, казалось ему такимъ пустымъ. Къ этому присоединилось еще недовѣріе и отвращеніе къ самой картинѣ. Онъ зналъ, чего она ему стоила, и почти стыдился, что создалъ только это. Вотъ онъ стоитъ позади другихъ и смотритъ на картину, боясь быть замѣченнымъ. Картина исчезаетъ передъ его пристальнымъ взглядомъ, и передъ нимъ встаетъ цѣлый годъ луч-

шей поры его жизни, того времени, которое должно принести плоды. Вотъ что оно дало.

Удивленіе?... Оно было нужно ему, какъ воздухъ для дыханія, временами ему было больно, когда онъ его не встрѣчалъ. Но такого рода удивленіе не давало радости. Почему? То, что онъ далъ этимъ людямъ, не было настоящее: онъ взволновалъ ихъ только по поверхности, — стоило имъ только отойти отъ картины и забыть то, что они говорили, и они опять были точь-точь такими, какъ прежде. Картина задѣла въ нихъ нѣсколько струнъ воспоминаній, но новаго они ничего не получили. Гдѣ же взять его, это новое, котораго жаждутъ такъ многіе, даже не сознавая этого? Если этого совсѣмъ нельзя добиться искусствомъ, такъ къ чему же оно?

Гербертъ опять ходилъ къ товарищамъ, сидѣлъ въ ихъ кружкѣ, такой же неудовлетворенный, какъ и всѣ, прислушиваясь къ безпокойнымъ словамъ, анализируя самого себя и ища, на чемъ остановиться.

Однажды онъ зашелъ къ Аннерусу.

Онъ былъ встрѣченъ недовѣріемъ и ироніей.

— Здравствуй, великій человѣкъ. Ты экспонировалъ свою бѣдность, и бѣдняки ѣли крошки съ твоего стола. Я былъ и видѣлъ картину — очень хороша. И денежки ты за нее получилъ — это еще лучше. Но все же ты вѣренъ себѣ, ты не смотришь сытымъ: такъ твой голодъ былъ настоящимъ?

Гербертъ отвѣтилъ уклончиво.

— Что ты теперь подѣлываешь? — спросилъ онъ.

— Я хожу въ школу. Я хочу вернуться назадъ до того перекрестка, откуда я въ первый разъ пошелъ по невѣрному пути. По дорогѣ я сбрасываю кое-что изъ моего багажа: пока доберусь, останусь почти что съ пустыми руками. Я ищу дорогу къ народу. Но это только подготовка, понимаешь ты? Я хочу стать народнымъ докторомъ и надѣюсь, что мои паціенты когда-нибудь вылѣчатъ меня. Хочешь, пойдемъ сегодня вечеромъ на собраніе?

— А какая тема?

— Да ничего особеннаго. Собраніе, которое вовсе ни къ чему не поведетъ: масса разговоровъ и словъ, которыхъ тебѣ вовсе не къ чему слушать, но ты можешь раскрыть глаза и смотрѣть.

Они сговорились сойтись. Элиза тоже должна была идти съ ними.

Это было собраніе протестующихъ противъ рѣшенія риксдага. Тысячи легкихъ, соединившись вмѣстѣ, должны были создать иллюзію коллективизма и единодушія, хотя бы ему суждено было просуществовать только одинъ вечеръ. Локаломъ служилъ салонъ,

въ которомъ обыкновенно давались концерты и спектакли. Онъ былъ декорированъ съ банальной и рѣжущей пестротой. Занавѣсъ не былъ спущенъ. На сценѣ стоялъ маленькій столикъ и за нимъ лысый человѣчекъ, который долженъ былъ регистрировать результаты собранія. Это была точно пародія на парламентъ.

Но самое собраніе не производило впечатлѣнія пародіи. Въ воздухѣ, сгустившемся уже отъ выдыханій столькихъ человѣкъ, носился особенный запахъ, присущій рабочему люду,—запахъ пота, пыли съ какимъ-то металлическимъ оттѣнкомъ. Ряды лицъ, расположенныхъ террасой, точно какія-то блѣдныя и грязныя пятна въ туманѣ, но характерныя и выразительныя въ своемъ напряженномъ ожиданіи, широкія, темныя руки на балюстрадахъ — все это напоминало собою цѣпь, которая, казалось, ждала только толчка, чтобы сомкнуться.

Гербертъ и Элиза разсматривали лица ближайшихъ сосѣдей, выраженіе которыхъ не стушевывалось темнымъ пространствомъ. Имъ казалось, что они никогда не видѣли такихъ лицъ: рѣзкія, выразительныя, энергичныя черты, косматые бороды и волосы, ни слѣда блеска и лоска, свойственнаго обычнымъ посѣтителямъ этого мѣста, выдающіеся мускулы, грубая кожа съ рѣзкими тѣнями, воля въ глазахъ и въ выдающихся заостренныхъ подбородкахъ— во всемъ сквозитъ голодъ, сознаніе этого голода и недоумѣніе, зачѣмъ онъ долженъ быть. За этими честными неподвижными лицами, привыкшими медленно думать и медленно говорить, кроется твердое, непреклонное убѣжденіе.

— Не правда ли,—замѣтилъ Аннерусъ, наклоняясь къ нимъ,— это что-то новое? Надо забыть, что каждая изъ этихъ головъ могла бы сдѣлаться такой, какія хорошо знакомы намъ; все собраніе вмѣстѣ на это неспособно, а съ нимъ-то мы и имѣемъ дѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ,—тихо отвѣтила Элиза,—они неспособны на это, они не того хотятъ. Чего же они хотятъ? Но что бы это ни было, когда-нибудь это должно исполниться,—она нагнулась ближе къ Герберту, голосъ ея дрожалъ.—Это мой народъ. Я къ нимъ принадлежу. Отчего мы такъ далеки отъ нихъ? Я въ своемъ одиночествѣ жажду и томлюсь, всматриваюсь пристально въ темноту и не вижу ничего. Это должно быть что-нибудь великое, потому что это правда.

Гербертъ взглянулъ на ея хрупкую фигуру, поймалъ въ ея позѣ такую знакомую ему тревогу ожиданія, вспомнилъ свою картину и почувствовалъ, что руки его безпомощно опускаются. Что далъ онъ ей? Что понялъ? Что онъ можетъ дать и чѣмъ будетъ жить

самъ, болѣе одинокій, чѣмъ когда-либо? Для нея и для нихъ долженъ онъ былъ работать, а онъ не зналъ ихъ и не находилъ, что дать.

Начались рѣчи. Онѣ были не блестящи, отзывались газетнымъ паѳосомъ, громкими словами, неестественнымъ тономъ, напоминали библейскій языкъ повтореніями и параллелизмомъ мысли. Но аплодисменты были неподдѣльны, въ нихъ было содержаніе. Усталыя, грубыя рабочія руки ударяли, точно молотъ по наковальнѣ. Здѣсь, въ этомъ театральномъ локалѣ, они производили необыкновенный эффектъ: эти громкіе, раскатистые взрывы казались почти дѣйствіемъ.

Это былъ ребенокъ, которому разсказываютъ сказку. Онъ хочетъ слышать все одну и ту же, и всякій разъ она кажется ему все такой же интересной и новой. Что за бѣда, если разсказчикъ плохъ: важны искры въ глазахъ слушателей, фантазія и жажда творчества оратора.

Всѣ такъ воодушевились, что готовы были отдать свою жизнь, такъ бурно прорвалось ликованіе. Передъ Гербертомъ сидѣлъ маленькій человѣчекъ въ косматой шапкѣ. Глаза его горѣли, и онъ такъ неистово стучалъ обѣими ногами, точно рубилъ говядину. Другой—типъ ремесленника, блѣдный, какъ бываютъ люди, работающіе въ тѣсномъ запертомъ помѣщеніи, съ свѣтло-голубыми глазами фанатика, трясъ бородой и бормоталъ что-то послѣ каждаго намека оратора на угнетеніе.

Аннерусъ отгадалъ мысли Герберта и прошепталъ ему отвѣтъ:

— Это будетъ еще не скоро, можетъ быть, это никогда и не случится такимъ образомъ, все это старыя слова. Этотъ человѣкъ умретъ въ своей постели, увѣренный, что встрѣтитъ Лазаря. Но желаніе, которое мы видимъ здѣсь, съ нимъ во всякомъ случаѣ надо считаться, потому что иначе нѣтъ смысла въ желаніи.

Элиза схватила Герберта за руку.

— Пойдемъ,—прошептала она,—мнѣ нехорошо.

Они проводили Элизу до дому, но такъ какъ она чувствовала себя лучше, они оставили ее одну, а сами пошли назадъ вдоль рѣки, въ темной массѣ которой тающій ледъ звенѣлъ и ломался. Свѣтъ фонарей у моста и на площади отражался отъ темныхъ тучъ красноватымъ блескомъ, и не трудно было себѣ представить, какъ мерцалъ онъ издали надъ темными улицами и деревьями. Фигуры прохожихъ выплывали при свѣтѣ фонарей и снова исчезали, разговоры и смѣхъ доносились обрывками. Въ одномъ потокѣ сливались всѣ разнообразные оттѣнки свѣта, въ одномъ общемъ шумѣ всѣ голоса. Весь городъ казался чѣмъ-то неподвижнымъ и мерт-

вымъ. Жилъ только свѣтъ, мерцающій на фонѣ тучъ и гаснущій на открытомъ и ясномъ звѣздномъ небѣ, свѣтъ, льющійся изъ цѣлыхъ тысячъ человѣческихъ жилищъ, собранный въ одно цѣлое, трепещущій, дышащій.

Когда Гербертъ вернулся домой, Элиза встрѣтила его въ дверяхъ. Она обняла его. Лицо ея трепетало радостью и слезами, щеки были красныя, глаза влажные, свѣтящіеся.

Она долго ждала его, и напряженное ожиданіе дошло до лихорадочнаго безпокойства. Она сидѣла и думала о немъ и погружалась въ воспоминанія, пока память не отказывалась служить и настоящее снова охватывало ее. Она прошептала взволнованно:

— Ты далъ мнѣ радость и мое лучшее горе. Только благодаря тебѣ я живу. Спасибо, спасибо! Ты здѣсь, ты пришелъ. Какіе люди неблагодарные: они забываютъ о томъ, что имѣютъ. Будущее невѣрно, будущее рисковано, а къ нему прислушиваются и забываютъ, что такъ богаты, такъ богаты въ настоящемъ. Тебѣ тепло со мной, что за дѣло намъ до всего остального? Люби меня теперь, держи меня крѣпко! Смотри только на меня! Я вижу одного тебя. Помнишь наше лѣто? Оно было также короткое. Теперь оно опять вернулось, теперь мы его не упустимъ. Слушай, какъ шумитъ высоко, высоко въ деревьяхъ! Чѣмъ я была, пока ты не пришелъ? Что у меня было? Только желаніе, которое изводило меня, только тяжесть на сердцѣ. Я даже не жила, я спала. Теперь я проснулась, я чувствую, что живу, я хочу жить!

Гербертъ держалъ ее крѣпко въ объятіяхъ, испуганный ея возбужденнымъ тономъ. Онъ чувствовалъ лихорадочную сухость ея кожи. Но онъ упивался ея искрящимся взглядомъ, и упреки себѣ, которые пробудила ея благодарность, исчезли, тяжелое впечатлѣніе вечера сгладилось, и они шептали другъ другу обрывистыя, безсвязныя слова.

Вдругъ Элиза вздрогнула, точно отъ сильнаго толчка. Щеки ея поблѣднѣли, виски стали прозрачны до синевы. Она вся дрожала и разразилась бурными слезами.

— Что это съ тобой было?—спросилъ Гербертъ, когда она наконецъ успокоилась.

Элиза все еще плакала.

— Я не знаю... такъ закружилась голова... такой туманъ... мнѣ кажется, что я умру!—она опустила голову и прислушалась, задержавъ дыханіе. Слезы остановились, вокругъ рта легло выраженіе глубокой серьезности.—Теперь я знаю, это нашъ ребенокъ началъ жить.

XVIII.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, миновали весна и лѣто. Каждый день казался такимъ медленнымъ и длиннымъ, каждый прошедшій мигъ пугалъ своимъ холодомъ и пустотой. Гербертъ и Элиза жили оба ожиданіемъ, половинчатой, бездѣятельной жизнью. Они поселились въ деревнѣ, гдѣ жили годъ тому назадъ, но это только усилило ихъ безпокойное настроеніе: прошлое вставало передъ ними, такое богатое впечатлѣніями, и настоящее блѣднѣло передъ нимъ. Ихъ соединяла мысль о будущемъ, но она же и раздѣляла ихъ: они не могли чувствовать одинаково. Для Элизы все сосредоточилось вокругъ ребенка. По ночамъ ей снилось, что она уже держитъ его въ своихъ объятіяхъ, днемъ она была вся поглощена инстинктомъ охраненія ребенка: не допустить до него ни одной грубой или грустной мысли, лелѣять его въ воображеніи. Вся ея жизненная сила была обращена на это. У самой у нея было не много радости, пусть тѣмъ болѣе будетъ у ея ребенка. До нея свѣтъ достигалъ ослабленный, поблѣднѣвшій, утративъ уже свое лучшее тепло, вокругъ ребенка онъ долженъ сіять утреннимъ блескомъ. Холодомъ и горечью вѣяло на нее отъ жизни, обращенной къ ней серьезной стороной,—силой и бодростью должна она охватить новое существо. Такъ мечтала Элиза о жизни, не черпая изъ нея силъ, а только теряя власть надъ нею и забывая все время свою личность.

Это придало особый отпечатокъ ея внѣшности: обращенный внутрь взглядъ посвѣтлѣлъ, ротъ былъ не такъ плотно сжатъ. Она казалась теперь еще болѣе хрупкой, чѣмъ раньше. Она неохотно выходила, много сидѣла за работой въ комнатѣ, гдѣ на полу волнами игралъ свѣтъ, прерываемый тѣнью густыхъ деревьевъ, колеблемый точно безпокойнымъ пульсомъ времени.

Гербертъ работалъ надъ разными сюжетами и бросалъ ихъ, одержимый своимъ безпокойнымъ настроеніемъ. Прежде онъ могъ отдѣлываться отъ дѣйствительности и находить успокоеніе въ себѣ самомъ, теперь она не оставляла его и требовала разрѣшенія. Пока дѣло касалось его одного, онъ могъ воображать, какъ и другіе, что достаточно съ него служенія искусству. Теперь на немъ лежала отвѣтственность за другого. Все, что онъ отбрасывалъ, какъ слишкомъ рѣзкое и осязательное, было какъ разъ то, изъ чего состояла жизнь. Съ ней надо примириться, потому что дать ребенку въ наслѣдіе только свое собственное безпокойство онъ не хотѣлъ. Но несмотря на свои старанія, онъ мало подвинулся

впередъ. Онъ презиралъ свою слабость и дошелъ до того, что гналъ всякую мысль въ инстинктивной надеждѣ, что новое само принесетъ съ собой разрѣшеніе загадки.

Случилось это осенью, уже въ городѣ, въ одинъ изъ удивительно сѣрыхъ и ничѣмъ не отличающихся дней. Сознаніе опасности внезапно пробудило въ немъ пониманіе того, что̀ поставлено на карту, что̀ у него есть, что̀ онъ можетъ потерять и чего это должно сто̀ить, купленное такой дорогой цѣной. Вечеромъ, когда огни горѣли такъ спокойно и торжественно, потому что улеглись колебанія воздуха, явилось новое чувство—состраданіе къ безпомощному и плачущему существу, сперва только состраданіе, но оно должно обратиться въ любовь и, можетъ быть, уже обратилось, потому что здѣсь у нихъ одни и тѣ же корни. Въ любви лежитъ разрѣшеніе всего, потому что въ ней нѣтъ ничего мелкаго и несто̀ющаго, всему старому и обычному она придаетъ интересъ новизны.

Гербертъ никогда не представлялъ себѣ такого свѣтлаго чувства, какое онъ испыталъ, когда ему позволили войти. Ему казалось, что всякое сомнѣніе исчезло. Даже его досада на то, что было, заслонилась чувствомъ радости и надежды. Онъ ласкалъ безсильныя руки матери и блѣдное, сіяющее лицо. Онъ видѣлъ ее опять такою, какою рисовалъ ее, и за ней всю ихъ безпокойную весну, которая казалась ему полной ненужной боязни, ненужной тѣни.

Элиза была очень слаба слѣдующіе дни и такъ блѣдна, точно потеряла всю кровь. Это могло бы внушать тревогу, если бы взглядъ ея не былъ такъ свѣтелъ и не придавалъ сіянія всему лицу. Но даже и во взглядѣ опытный человѣкъ нашелъ бы основаніе для опасеній: въ немъ все время было одно и то же выраженіе, которое бываетъ у человѣка, только что отдѣлавшагося отъ безграничной боли—выраженіе свободы, покоя и неподвижности. Элиза говорила немного и совсѣмъ не касалась себя, даже не отвѣчала на вопросы о себѣ, они вызывали въ ней какую-то особенную дрожь. Ребенокъ поглотилъ всѣ ея мысли съ правомъ безпомощнаго существа. Она такъ отдавалась ему, что, глядя на нее, пропадало всякое безпокойство.

Мать ея приходила ежедневно. Это было уже не робкое, неизвѣстное существо другого класса, какъ до сихъ поръ, а дѣятельная женщина, счастливая, что можетъ быть полезной един-

ственнымъ доступнымъ ей образомъ. Можно уже было думать, что всякая опасность миновала.

Однажды послѣ обѣда, когда день началъ уже склоняться, Гербертъ сидѣлъ около постели Элизы. Онъ думалъ, что она спитъ: она лежала неподвижно, отвернувшись отъ него лицомъ. Онъ смотрѣлъ на ребенка и вдругъ почувствовалъ, что и ея взглядъ покоится на немъ. Глаза ея были широко открыты, и по выраженію ихъ Гербертъ могъ видѣть, что она смотритъ уже давно. Она улыбнулась ему какъ-то особенно, точно издали, и остановилась взглядомъ на маленькой головкѣ, какъ будто звала за собой его мысли къ будущему.

Элиза заговорила низкимъ и сдержаннымъ голосомъ, который былъ такъ слабъ, что Гербертъ испугался. Онъ старался остановить ее, напоминалъ, что ей запрещено говорить. Но она отвѣтила, не глядя на него:

— Говорить, это не можетъ утомить меня. Лежать, думать и молчать—вотъ что меня изнуряетъ, мысли давятъ меня,—и она продолжала говорить, какъ начала, остановивъ взглядъ на ребенкѣ:—Когда она начнетъ смѣяться и улыбаться въ первый разъ слабой, мимолетной дѣтской улыбкой, ты обрати на это вниманіе. Ты долженъ улыбаться ей въ отвѣтъ ласково и весело, чтобы она научилась смѣяться.

— А ты? Ты сама?

— О, я... не обо мнѣ рѣчь. Ты долженъ хорошенько научить ее смѣяться: это такъ красиво, такъ украшаетъ жизнь. Я никогда не умѣла смѣяться какъ слѣдуетъ и страдала отъ этого...—Элиза полежала молча, задумавшись, потомъ опять встрепенулась.—Когда она начнетъ ходить, ты танцуй съ ней побольше. Это такъ облегчаетъ жизнь, есть много такого, чего не испытываютъ люди, которые не танцуютъ—это все равно, что летать. Ты танцуй съ ней побольше, и пусть кто-нибудь играетъ что-нибудь веселое.

— Но ты? ты сама?

— Ахъ, мнѣ, можетъ быть, тогда не будетъ времени, кто знаетъ: я такъ утомляюсь... Когда она начнетъ говорить, ты разговаривай съ ней мягко и ласково. Она будетъ повторять, и у нея будетъ мягкій и ласковый голосъ, пѣвучій, звучный. Мягкіе голоса такъ красивы, особенно, когда они легко смѣются. Ты долженъ говорить съ ней очень, очень ласково.

— Но ты? но ты сама? Въ тонѣ его звучалъ безотчетный страхъ. Она замѣтила это, но продолжала, какъ прежде.

— Мнѣ, можетъ быть, тогда нечего будетъ сказать. Можетъ

быть, я не найду словъ, это такъ часто бываетъ со мной. Даже и сейчасъ это такъ. Я слышу ихъ, они носятся вокругъ меня, какъ летучія мыши—помнишь, тамъ по вечерамъ онѣ проносились, какъ стрѣлы, такія черныя на блѣдной зелени. Я едва успѣваю поймать нѣкоторыя мысли. Я въ бѣломъ, оттого онѣ бросаются на меня.

Рѣчь ея стала невѣрна. Она говорила какъ бы ощупью, слова путались, въ голосѣ слышалось лихорадочное волненіе. Она глубже улеглась въ подушки и тихо лежала, не опуская взгляда. Потомъ она снова заговорила, еще сдержаннѣе, чѣмъ прежде, медленно, точно охлажденная борьбой. Удивительныя эти мысли; онѣ могутъ быть совершенно, какъ цвѣты. Видѣлъ ли ты когда-нибудь ребенка въ саду около тюльпановъ, которые высоко поднимаютъ свои головки, и когда ребенокъ проходитъ, они касаются его головки и волосъ и потомъ качаются. Такъ должно быть и съ ея мыслями. Ты долженъ сдѣлать, чтобы онѣ ласкали ее, были веселыя и легкія.

— Но ты? но ты? Гербертомъ овладѣлъ ужасъ. Что хочетъ сказать Элиза? Что видятъ ея широко-раскрытые глаза? Что значитъ этотъ сухой блескъ въ нихъ? Она отвѣтила также спокойно и неподвижно.

— Мои мысли не таковы, никогда такими не были. Когда-то я была голодна, какъ ребенокъ—ты не знаешь, что это значитъ. Тогда моя фантазія была такая легкая, тогда я чувствовала, какія могутъ быть мои мысли. Но потомъ никогда.

— Ты была голодна? И ты никогда не говорила объ этомъ?

— О чемъ же я говорила? О чемъ ты спрашивалъ? Тебѣ было некогда. Она уклонилась отъ этого разговора и вернулась къ прежнему:—Но нѣтъ, нѣтъ, ты не долженъ будить въ ней только свѣтлыя мысли, онѣ завядаютъ. Мысли не должны быть какъ цвѣты, а какъ звуки—звуки тоже легкіе, даже еще легче, но они все-таки глубоки и прекрасны. Ты долженъ сказать ей... Но мысли мои путаются... я не могу ихъ связать... Ты самъ придумай, что сказать. Скажи ей, что мать ея умерла отъ счастья, а если бы она не умерла, то умерло бы счастье. Скажи ей, что, когда я была маленькая, я всегда молилась стихами, которые кончались такъ: «Счастье приходитъ, счастье уходитъ, никто счастья не находитъ». Но пусть для нея будетъ иначе. Пусть она никогда не ходитъ въ бѣломъ вечеромъ, а то мысли спускаются въ темнотѣ на человѣка вихремъ, и тогда уже ничего не видно. Знаешь ты, что я сейчасъ вижу?

Гербертъ понялъ, что она бредитъ. Онъ не могъ ничего отвѣтить, схватилъ ее за руки и вздрогнулъ, такъ онѣ были горячи.

— Я вижу себя на постели рядомъ съ собой. Не знаю, что это значитъ.

Гербертъ вспомнилъ то, что слышалъ еще въ дѣтствѣ, и его охватило такимъ же леденящимъ ужасомъ, какъ и тогда: это значило смерть.

— Вижу себя около себя, точно я лежу и смотрю сама себѣ въ глаза. Они такіе странные, я ихъ совсѣмъ не понимаю. Она,— страшнѣе всего было слышать это слово «она», точно Элиза говорила о комъ-то другомъ,—она такая блѣдная и холодная, она не переживетъ ночи. Она прижимаетъ руки къ сердцу, точно хочетъ что-то удержать, у нея такой видъ, точно она ни съ кѣмъ никогда не говорила, точно ее никто не знаетъ. Жаль, что она должна умереть—правда вѣдь? да? Но это такъ хорошо... тогда ее не будетъ здѣсь... ее здѣсь теперь не надо, потому что у меня есть ребенокъ.

Гербертъ позвалъ женщину къ больной, а самъ выбѣжалъ послать за докторомъ. Когда онъ вернулся въ залу, тамъ горѣли всѣ свѣчи. Вокругъ остроконечныхъ дрожащихъ искорокъ носилось что-то непроницаемое, леденящее ужасомъ. Когда огни потухнутъ, мракъ наполнитъ все. Изъ спальни доносились безсвязныя слова Элизы о какомъ-то бѣдномъ слѣпомъ существѣ, бредущемъ ощупью. Гербертъ не могъ войти туда, ходилъ взадъ и впередъ мимо двери и всякій разъ ловилъ полутемное отраженіе зеркала, напоминающее взглядъ большихъ остановившихся глазъ. Потомъ мелькала она сама, бѣлая на бѣломъ, съ чуждыми движеніями, чуждыми словами—почти уже ушедшая.

Пришелъ докторъ. Его спокойствіе передалось Герберту настолько, что онъ рѣшился войти за нимъ. Онъ не вѣрилъ слабой надеждѣ, которую докторъ старался внушить своими словами, но онъ крѣпко держался за нее, чтобы смѣть стоять тамъ, чтобы и не уходить назадъ, чтобы видѣть ее, пока можно, чтобы собраться со всѣми чувствами передъ той ужасной пустотой, когда уже ничего не будетъ нужно. Мысль его работала быстро, неудержимо, занятая прошлымъ, имъ самимъ, блуждающая, какъ мечта, по тропинкамъ, которыя онъ оставилъ за собой непройденными, и создавая призрачный видъ дѣйствительности. Элиза, умирающая, была его весной, давно и горячо ожидаемой, поздно наступившей и почти еще неизвѣданной—такой мимолетной.

Ночь прошла въ все усиливавшемся отчаяніи. Иногда лѣкарства успокаивали на время, но въ общемъ оставляли горькое сознаніе безполезности. Въ словахъ Элизы не было никакого смысла— это былъ какой-то бурный, темный, страшный вихрь, который

уносилъ ее. Подъ утро, когда бываетъ особенно холодно, и все поднимается изъ мрака и содрогается при сѣромъ свѣтѣ восхода, она утихла и поднялась на постели. Ея широко-раскрытые, неподвижные глаза смотрѣли на то мѣсто, гдѣ стояла обыкновенно колясочка ребенка. Теперь ее вывезли. Элиза всматривалась, всматривалась и ничего не могла понять. Потомъ она задрожала, лицо исказилось, глаза раскрылись шире и въ нихъ отразился ужасъ, что между нею и любимымъ существомъ уже стѣна, что она его не видитъ, что она не принадлежитъ уже къ этому міру, что она одинока въ безконечной темнотѣ. Герберъ подбѣжалъ къ ней, хотѣлъ схватить ее, забормоталъ что-то и застоналъ. Ужаса уже не было въ ея глазахъ, не было и бреда. Элиза все видѣла и понимала и упала безжизненная, какъ камень, во мракъ, въ неизвѣстное, быть можетъ, для того, чтобы ждать новаго солнца, новой весны, новой борьбы.

XIX.

Похороны были очень просты. Дроги, заваленныя тяжелыми осенними цвѣтами, попорченными морозами, одинъ экипажъ для Герберта и ея родителей, одинъ—для пастора и одинъ—для сидѣлки—вотъ и вся свита. Зеленыя вѣтви на улицѣ привлекли, какъ всегда, любопытныхъ; точно стая воронъ стояли они въ сѣрыхъ сумеркахъ и ждали. Старухи терли глаза и назидательно вздыхали. У дѣтей лица свѣтились любопытствомъ.

Медленно подвигалась процессія по тому пути, по которому прошло уже столько подобныхъ. Мучительная пустота, ни мысли, ни чувства.

На кладбищѣ собрались товарищи Герберта. Онъ забылъ дать имъ знать, но не удивился, встрѣтивъ ихъ. Онъ пожалъ имъ руки, заглядывая въ ихъ лица, застывшія въ ожиданіи, участливыя и грустныя, и вдругъ ему вспомнилось, что и они видѣли и знали Элизу, и ему показалось, что и они пришли сюда схоронить все, что они видѣли лучшаго въ жизни. Ему стало такъ жаль ихъ, что они столько утратили, и въ сочувствіи къ нимъ горе его въ первый разъ вылилось въ слезахъ. Съ ними вернулись и мысли, и воспоминанія—далекія, манящія, полныя значенія, но такія мимолетныя. Въ первый разъ онъ сознаъ, что время не остановилось, что онъ долженъ продолжать жить, и что *это* станетъ для него эпизодомъ. Красные кленовые листья падали, свѣтясь на густомъ фонѣ воздуха и усыпали ему путь. Онъ шелъ къ чему-то необъяснимо-

му, но вѣрному и неизбѣжному. Но онъ никогда не будетъ такъ одинокъ, какъ теперь; потомъ вернутся воспоминанія и останутся съ нимъ навсегда. А тамъ въ этой холодной могилѣ, въ этомъ желтомъ пескѣ, смѣшанномъ съ камнями, будетъ лежать она, одинокая цѣлый день среди мертвыхъ, съ ихъ горькимъ правомъ собственности на землю, которая давитъ ихъ, но не одинокая ночью, когда темнота сглаживаетъ всѣ различія, когда все сливается съ прошлымъ и оживаетъ въ сновидѣніяхъ,—не одинокая и зимой, когда снѣгъ окутываетъ все холоднымъ бѣлымъ и ровнымъ покровомъ.

Неужели эта земля закроетъ ее? Герберту казалось, что это самое важное, чего ему оставалось ждать: увидѣть, убѣдиться, что это можетъ случиться. И это случилось, случилось такъ же просто, такъ же жестоко, какъ и все дѣйствительное. Земля сыпалась громко, съ глухимъ стукомъ.

Гербертъ ловилъ каждый звукъ и все, что происходило вокругъ. Красные кленовые листья крутились въ воздухѣ и падали, можетъ быть, на ея уста, на сердце. Мать стояла и тихо плакала, вздрагивая мучительно. Отецъ—такой ребенокъ: изливался облегчающими душу слезами. Самъ Гербертъ не плакалъ, только прислушивался къ этому тяжелому стуку, далеко разносящемуся въ пустотѣ, которую онъ чувствовалъ вокругъ себя.

Пока Элиза лежала мертвая дома, Гербертъ не могъ думать о ней, онъ думалъ только о томъ, что она умерла; на этомъ все обрывалось. Теперь онъ видѣлъ ее въ сотнѣ повседневныхъ вещей: въ подушкѣ, забытой на диванѣ, въ свѣтѣ лампы, падавшемъ на незанятое мѣсто. Но чаще всего онъ представлялъ ее себѣ изъ того времени, когда не обладалъ ею, когда знакомство ихъ было еще ново—все позднѣйшее исчезало, какъ слишкомъ осязательное, чтобы останавливать на себѣ фантазію,—оно пугалось мысли и анализа.

То время, когда онъ въ первый разъ встрѣтилъ Элизу въ сумеркахъ и такъ мало увидѣлъ и понялъ, жило для него своею особой живой жизнью. Опять и опять возвращался онъ къ нему, оно носилось передъ нимъ призракомъ, и онъ могъ среди дня отдаваться видѣніямъ, доступнымъ только полубодрствующимъ чувствамъ и наполняющимъ собою сумерки—яснымъ, какъ сонъ, рельефнымъ, сохраняющимъ не только цвѣтъ и форму матеріи, но и теплоту и холодъ, тяжесть и легкость. Для бодрствующаго ума такія видѣнія мертвы и непонятны. Элиза была вездѣ, но Гербертъ не

оборачивался туда, гдѣ она была, потому что тогда она исчезала— онъ только чувствовалъ ее во всемъ.

Вотъ уже раннее утро передъ восходомъ солнца. Тихъ и холоденъ воздухъ, и шаги его по камнямъ мостовой раздаются далекимъ эхомъ. Кто-то еще идетъ съ нимъ, кто-то ждетъ. Блѣдный синевато-стальной воздухъ наполняетъ промежутки между сѣрою массой домовъ, звѣзды становятся меньше и меркнутъ, остроконечное пламя фонарей вспыхиваетъ блѣдно. Кто-то ждетъ. Тишина полна этимъ ожиданіемъ, какъ раковина улитки свистомъ. Вѣтви серебристыхъ тополей дрожатъ надъ каменною оградой, трепещутъ этимъ ожиданіемъ. Это первая жажда весны, это сѣрый городъ, мечтающій о свѣтѣ и солнцѣ, звонкое пѣніе птицъ въ клѣткѣ. Въ своей бѣдной кроваткѣ лежитъ она съ открытыми глазами, блѣдными, синевато-стальными глазами. Она думаетъ о немъ, и въ ней въ первый разъ пробуждается надежда и ожиданіе. Прежде она только разсѣянно смотрѣла вокругъ, гордая, замкнутая—теперь она прислушивается, теперь она чувствуетъ, какъ что-то растетъ у нея въ душѣ, теперь она ждетъ, почти увѣренная въ счастьѣ, которое онъ дастъ ей.

Вотъ уже пришла весна. Густыя верхушки деревьевъ парка свѣтятся на голубомъ фонѣ, кусты покрыты остроконечными зелеными листьями, лужайки сіяютъ при свѣтѣ низкаго послѣобѣденнаго солнца. Гербертъ видитъ около себя лицо съ полузакрытыми отъ свѣта глазами и слышитъ глубокое, быстрое и безпокойное дыханіе.

Тяжелѣе всего было носить въ памяти это время, когда пробудилась первая радость, смѣненная потомъ сомнѣніями и давящимъ горемъ. То, что Гербертъ прежде чувствовалъ смутно, о чемъ только догадывался, стояло теперь передъ нимъ живое съ молчаливымъ упрекомъ. Послѣ онъ все-таки былъ около нея, и его близость давала ей нѣкоторое успокоеніе, какъ чужое прикосновеніе къ лихорадочно-сухой рукѣ. Но тогда, когда впервые раскрылось все ея существо и изнывало въ сомнѣніяхъ, надеждѣ и предчувствіи горя, когда она сплетала съ мыслями о немъ свои мечты о счастьѣ, свои нерѣшительныя и робкія желанія, гдѣ былъ онъ тогда? Онъ жилъ своей неприступной жизнью идей, за стеклянной стѣной, сквозь которую онъ видѣлъ все, но ничего не чувствовалъ. Онъ самъ и картина — вотъ все, что существовало для него, и онъ торжествовалъ, что все яснѣе и рельефнѣе представляетъ себѣ свое произведеніе, сочетаетъ въ гармонію всѣ тоны и звуки, которые съ каждымъ днемъ кажутся ему все глубже и богаче.

Такъ онъ жилъ, когда кругомъ цвѣла весна, слѣпой, какъ бываетъ слѣпъ слишкомъ напряженный, пристальный взглядъ. Такъ онъ прошелъ мимо ея пробуждающейся жизни, когда она воспринимала не одними только глазами, а каждымъ нервомъ. Онъ все это оттолкнулъ отъ себя, не отъ избытка, а отъ слабости, не далъ ей ничего, что могъ бы дать.

Гербертъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ и смотрѣлъ на фотографію своей картины, подперевъ високъ рукой, сидѣлъ, смотрѣлъ на знакомыя черты и всетаки не видѣлъ ихъ, только думалъ и чувствовалъ, отдавался своему настроенію. Это она, это то, что осталось отъ нея. Какое это было богатое время, когда онъ ее рисовалъ. Такъ должно было быть, чтобы трепетъ жизни чувствовался въ этой картинѣ, которая даже не была ея портретомъ, только тѣнью ея тѣни.

Что здѣсь создалъ онъ и что принадлежало ей самой?

Шея ея, грудь и голова также, но самое лицо? О, все, все ея. Только стиль придалъ онъ ей—нѣтъ, и стиль не его, и стиль былъ въ ней, въ молчаливой, невысказавшейся, въ ея мечтахъ и мысляхъ. И въ ней онъ былъ гораздо богаче. Гербертъ схватилъ только одну его сторону, то, что можно поймать взглядомъ, который ничего не знаетъ. Все, что въ этомъ есть души—все это ея. Но и душа не вся здѣсь. Кто можетъ схватить душу? Здѣсь только часть ея—такая незначительная и бѣдная. Вотъ, что дала картина.

И Гербертъ снова погружался въ свои мрачныя, далекія мысли, между тѣмъ, какъ тѣнь росла вокругъ него.

Но никогда, никогда не приходило ему въ голову, что лучше было бы не встрѣчать ее совсѣмъ, только бы быть другимъ, чѣмъ онъ былъ. Они должны были быть вмѣстѣ, другого ничего онъ не могъ себѣ представить.

Гербертъ, усталый, бросился на диванъ и старался перестать думать. Сознаніе то покидало его на мгновеніе, то возвращалось снова и, наконецъ, совсѣмъ исчезло. Такъ птица, пролетая надъ водой, касается крыльями поверхности, погружая ихъ все глубже въ холодную и спокойную воду, и, наконецъ, замираетъ въ ней съ чувствомъ довольства.

Ему приснился сонъ:

Онъ шелъ по широкой, тихой равнинѣ съ сѣровато-коричневой почвой, поросшей сѣрымъ ивнякомъ. Замерзшіе листья крѣпко держались на вѣтвяхъ, хотя вѣтеръ непрестанно колыхалъ ихъ. Это былъ какой-то особенный, сильный, но безжизненный, призрачный

вѣтеръ. Гербертъ совсѣмъ не чувствовалъ его,—онъ самъ несся съ такой же быстротой,—онъ только видѣлъ, какъ колеблются листья по воздуху, да бѣлый тростникъ склоняется передъ его ногами. Складки его одежды не подымались кверху и не опускались внизъ, поддерживаемыя вѣтромъ въ безпокойномъ колебанія. Гербертъ шелъ не одинъ: правой рукой, откинутой назадъ, онъ держалъ маленькую, хорошо знакомую ему ручку, которая крѣпко и робко прижималась къ его пальцамъ. Онъ не оборачивался и не смотрѣлъ на свою спутницу, но чувствовалъ ее около себя, въ широкомъ одѣяніи, съ распущенными по плечамъ волосами. Онъ чувствовалъ, что и ее влечетъ тотъ же порывъ вѣтра, что взглядъ ея обращенъ впередъ, и въ немъ отражается блѣдно-зеленая горящая полоса на горизонтѣ, сдавленная длиннымъ, темнымъ облакомъ, предвѣстница солнца.

Герберту хотѣлось обернуться, онъ такъ жаждалъ видѣть ее, какъ жаждетъ воды истекающій кровью человѣкъ, но онъ зналъ, что этого нельзя. По временамъ онъ слышалъ ея голосъ:

— Не оглядывайся, все погибнетъ, при малѣйшемъ колебаніи вѣтерка я должна буду улетѣть отъ тебя, если я почувствую дуновеніе на своей щекѣ, это будетъ холодъ смерти. Не оглядывайся, пока мы не дойдемъ туда, тамъ солнце, тамъ ты опять увидишь меня.

— Но я такъ давно не видѣлъ тебя!—молилъ Гербертъ.—Мнѣ кажется, что я никогда тебя не видѣлъ. Я хочу видѣть, что у тебя во взглядѣ! Я никогда этого не зналъ.

— Одна любовь у меня во взглядѣ, что же еще? Но не оглядывайся, пока не настало время—впередъ, впередъ! Тамъ ребенокъ, тамъ свѣтитъ солнце, сюда оно не достигнетъ.

Все также быстро шли они впередъ долгое, долгое время. Какое счастье чувствовать ея руку! Какія муки цѣпенѣть въ этомъ пространствѣ, которому, казалось, не будетъ конца.

Наконецъ, къ нему опять вернулся голосъ:

— До меня уже достигъ свѣтъ, онъ колеблется леденящимъ холодомъ вокругъ меня, по землѣ за мной слѣдуетъ тѣнь, не пора ли?

— Свѣтъ долженъ стать яснѣе, тѣнь чернѣе, не оборачивайся.

— Я слышу шаги, тишины уже нѣтъ, я вижу свѣтъ, наконецъ-то!

И Гербертъ обернулся въ такомъ головокружительномъ счастьи, что вся кровь отлила отъ сердца. Онъ обернулся и увидѣлъ ея лицо. Оно сіяло радостью, но радость исчезла, открытыя уста задрожали,

большіе влажные глаза потемнѣли, рука высвободилась изъ его руки. Одну секунду Элиза стояла передъ нимъ рельефная, болѣе чѣмъ тѣлесная. Онъ чувствовалъ каждую ея мысль, прежде чѣмъ она заговорила:

— Все погибло... я ухожу...

Ея уже не было. Гербертъ проснулся и ничего не понималъ. Элиза была здѣсь, онъ видѣлъ ее въ свѣтѣ окна, теперь тамъ стоитъ человѣкъ. Какой ужасъ! Онъ разразился бѣшеными слезами, не стараясь удержать ихъ.

Человѣкъ у окна былъ Аннерусъ. Гербертъ узналъ его смущенный голосъ:

— Меня пустили, мнѣ сказали, что ты совсѣмъ спокоенъ. Я не зналъ, что ты спишь. Я хотѣлъ позвать тебя съ собой, погода такая прекрасная. Говорятъ, что ты все время сидишь дома.

Но Гербертъ плакалъ передъ нимъ, не давая отвѣта. Успокоившись, онъ взглянулъ сострадательно въ смущенное лицо друга. Оно показалось ему такимъ блѣднымъ.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ,—я только промою глаза, чтобы они не были такъ красны.

Они шли молча по улицамъ. Аннерусъ былъ подавленъ взрывомъ малодушія, которому онъ былъ свидѣтелемъ. Гербертъ вспоминалъ свой сонъ, ея взглядъ, въ которомъ, какъ разъ въ ту минуту, когда она исчезала, отразилось такое пониманіе, дрожь, которую онъ испыталъ; неужели это было только ощущеніе холода?

За городомъ осенній ландшафтъ былъ залитъ солнцемъ. Былъ сильный вѣтеръ, почти буря. Холодный воздухъ и быстрая ходьба освѣжили ихъ, и они заговорили сперва о безразличныхъ вещахъ, потомъ понемногу вернулись къ старой темѣ.

Это была та самая дорога, по которой Гербертъ шелъ съ Элизой весною, когда у нихъ вышло объясненіе. Воспоминанія ни на минуту не покидали его. Слова и чувства того времени точно эхомъ раздавались за всѣмъ тѣмъ, что онъ слышалъ и говорилъ теперь.

Все было теперь совсѣмъ другое. Желтыя и пестрыя деревья парка качались по вѣтру, быстро проносились облака, въ воздухѣ былъ какой-то особый темный блескъ переходнаго времени. Сквозь порѣдѣвшую листву кустарника далеко была видна чаща. Было что-то веселое въ танцѣ и шумѣ поблекшей листвы. Здѣсь властвуетъ не одна только смерть, буря не только срываетъ то, что отжило свое время, она разбрасываетъ и сѣмена. Весь воздухъ полонъ ими. Они крутятся спиралями, поднимаются и опускаются, точно одухотворенныя желаніемъ.

Гербертъ и Аннерусъ думали оба одно и то же. Настало великое время осеннихъ посѣвовъ. Теперь разсѣваются милліоны жизней, которыхъ достанетъ, чтобы создать новыя рощи, одѣть новый міръ. И все-таки все останется такимъ, какъ было. Немного прибавится, немного убавится растеній разныхъ возрастовъ, въ этомъ вся перемѣна. Все обновляется по частямъ.

— Удивительное наше поколѣніе,—сказалъ Аннерусъ,—оно полно жажды дѣятельности, оно, пожалуй, одарено больше, чѣмъ другія, и все-таки ничего не выходитъ, у него нѣтъ силы, чтобы что-нибудь поднять. Это одни цвѣты, ствола нѣтъ. Но посмотри, посмотри!

Тяжелая туча закрыла солнце. За нею несся новый, болѣе сильный порывъ бури, который потрясъ всѣ деревья. Въ чернѣющемъ воздухѣ крутились листья и сѣмена, носясь, по вѣтру, какъ ширококрылыя существа, какъ стая птицъ, исчезающихъ въ темнотѣ.

Гербертъ призвалъ всѣ силы. Ему хотѣлось крикнуть, вылить въ этомъ крикѣ всю тоску объ утраченномъ и о своей погубленной веснѣ. Въ чемъ она прошла? Въ мечтахъ и фантазіяхъ? Что осталось отъ нихъ?

Но онъ удержался. Туча промчалась, и передъ нимъ открылся видъ на залитое солнцемъ поле. Вдали еще зеленые дубы и клены съ красными верхушками, свѣтящимися и блестящими, какъ металлъ съ бронзовыми и золотистыми переливами. Линія, которую образовали ихъ верхушки, казалось, заключала въ себѣ движеніе, не могла стоять неподвижно, точно выступала впередъ подъ звуки марша, веселаго, ликующаго, побѣдоноснаго, хотя онъ звалъ къ смерти.

— Посмотри,—сказалъ онъ,—развѣ ты не слышишь марсельезу въ окраскѣ и ритмѣ? Какъ это прекрасно, какъ это гармонируетъ съ нашимъ настроеніемъ! Это будетъ повторяться каждый годъ, какъ повторяются цвѣты. Я уже не увижу ихъ совсѣмъ такими, но для другихъ это придетъ.—И возвращаясь къ темѣ, онъ заговорилъ сдержаннымъ, спокойнымъ тономъ.—Да, ты правъ. Я говорю о себѣ: то, что я создалъ, не можетъ жить, потому что въ немъ нѣтъ величія, нѣтъ ни настоящей радости, ни настоящаго горя. Радость могла быть, если бы я только сразу понялъ ту, которая умерла, если бы я молился на нее, поднялъ ее къ свѣту. Этого не было. Но горе у меня осталось, моя весна не была напрасна.

Аннерусъ взглянулъ на него вопросительно.

— Ты не понимаешь этого? Ты не испыталъ, что значитъ стоять такъ близко къ смерти отъ горя.

Аннерусъ горько улыбнулся.

— О, отъ горя не умираютъ, люди не такъ созданы. Можно умереть отъ огорченія, отъ оскорбленія, иногда и отъ маленькаго счастья, когда оно приходитъ слишкомъ неожиданно, но не отъ горя—это только красивыя слова.

Гербертъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, почти съ презрѣніемъ. Что понимаетъ онъ въ этомъ.

— Ты никогда не зналъ горя. Ты не зналъ, что значитъ любить. Ты сухая вѣтвь, не все ли равно высоко ли она растетъ, или низко? Я научился страдать. Когда я прислушиваюсь къ прошлому, я слышу и понимаю многое, что могло быть, и я знаю, что это будетъ, если и не для меня. Теперь я могу любить покорно и безпритязательно. Я не презираю ничего, что было: все, что было, было хорошо въ своемъ родѣ. Если это было безформенное, колеблющееся—это въ природѣ весна. Тебя это оттолкнуло, ты хотѣлъ держаться прямо, и ты закоченѣлъ. Я столкнулся съ жизнью, и она привязала меня къ себѣ самими крѣпкими узами—горемъ. Теперь я люблю жизнь и согласенъ принимать отъ нея все: и хорошее, и дурное. У меня осталось мое горе и ея ребенокъ. Она говорила о немъ въ послѣднюю минуту. Многое ей не удалось сказать, но она говоритъ мнѣ еще и теперь въ каждомъ воспоминаніи, въ каждомъ упрекѣ, и теперь я понимаю.

О. А.

АРКАШИНЪ МІРОКЪ*).

Повѣсть.

(Посвящается моему лучшему другу, Г. В. Л.)

Безповоротное рѣшеніе.

Лагерные сборы уже окончились, офицеры возвратились на зимнія квартиры, но Древній мало оживился съ прибытіемъ войскъ, потому что настали холодные, дождливо-пасмурные дни ранней осени, вовсе не располагающіе къ пріятнымъ прогулкамъ и общему захватывающему веселью...

Въ нашемъ домѣ тоже было невесело. Я не могла привыкнуть къ отсутствію Насти и постоянно была въ дурномъ расположеніи духа. Впрочемъ, была другая причина, гораздо важнѣе первой, сильно тревожившая меня. Съ нѣкоторыхъ поръ я замѣтила, что съ Аркашей происходило что-то необыкновенное. Всегда разговорчивый, оживленный, теперь онъ, точно улитка, ушелъ весь въ свой внутренній міръ и сталъ молчаливъ, задумчивъ и грустенъ.

Не желая быть навязчивой, я не вызывала его на откровенность, а все прислушивалась и присматривалась, не случилось ли чего съ нимъ непріятнаго по службѣ, или не произошло ли чего-нибудь особеннаго съ кѣмъ-нибудь изъ его товарищей. Но все, повидимому, съ этой стороны обстояло благополучно. Я недоумѣвала и ждала, пока Аркаша самъ не заговоритъ со мной, что и случилось какъ-то вечеромъ совершенно неожиданно для меня. Почтальонъ принесъ Аркашѣ письмо. По размѣру конверта и по почерку я узнала, что оно было отъ его невѣсты, Тани Миленко, нашей сосѣдки по имѣнію, считавшейся сначала просто его другомъ дѣтства. Это была хотя некрасивая, но очень симпатичная,

---

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1900 г.

добрая и степенная дѣвушка, занятая постоянно хозяйствомъ и озабоченная ухаживаніемъ за больной матерью. Уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ Аркаша сдѣлалъ предложеніе Танѣ, но, по его молодости и неустановившейся еще служебной карьерѣ, свадьба все откладывалась на неопредѣленное время. Теперь же, наконецъ, была назначена ихъ свадьба, и Аркаша долженъ былъ на-дняхъ уѣхать къ Миленко, куда и я собиралась, устроивъ окончательно въ Древнемъ квартиру для новобрачныхъ. Сначала Аркаша съ какой-то лихорадочной поспѣшностью покупалъ мебель, бездѣлушки для своего будущаго гнѣздышка и помогалъ мнѣ въ устройствѣ новой квартиры, а затѣмъ... Затѣмъ онъ не только прекратилъ всѣ свои заботы по этому вопросу, но даже часто какъ-будто сердился и раздражался, когда я обращалась къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ относительно обивки мебели, или чего-нибудь подобнаго. Это казалось мнѣ страннымъ, подозрительнымъ и наводило меня на тревожныя размышленія. Можетъ ли его безпокоить теперь, передъ самой свадьбой, вопросъ о его будущей жизни съ Таней? Вотъ почему я съ особеннымъ интересомъ слѣдила за выраженіемъ лица его, когда онъ взволнованно, грустно пробѣгалъ письмо своей невѣсты...

Его блѣдность и задумчивость, съ какой онъ какъ бы машинально отбросилъ отъ себя мелко исписанный листокъ почтовой бумаги, поразили меня теперь настолько, что я, наконецъ, рѣшилась спросить его:

— Что новаго пишетъ Таня?...

— Ничего... ждетъ меня...—произнесъ онъ какимъ-то подавленнымъ тихимъ голосомъ.

— Ну, что жъ, скоро увидитесь...—сказала я, пытливо смотря на него, не зная, чѣмъ объяснить его блѣдность и какую-то растерянность при моемъ вопросѣ о Танѣ...

— Нѣтъ, Маруся! Я не поѣду больше никогда къ Танѣ: сегодня я отослалъ ей всѣ ея письма... Наши отношенія должны быть порваны навсегда!... Я не могу на ней жениться...—тихо, но рѣшительно и взволновано произнесъ онъ, не подымая на меня своихъ глазъ.

Я молча слушала его, пораженная, убитая его словами, его неожиданнымъ рѣшеніемъ. Какъ можетъ онъ не жениться на Танѣ, когда вся наша семья и самъ Аркаша давно уже сроднились съ этой мыслью?... Таня была всѣми нами любима, какъ уже близкая намъ, какъ будущая жена нашего общаго баловня, и теперь вдругъ разрывъ, полный разрывъ!... Почему?... Какія причины вызвали

эту перемѣну въ Аркашѣ? Что случилось съ нимъ? Все это страшно поразило меня, ошеломило, и я, съ большимъ трудомъ сдерживая слезы, едва слышно спросила его:

— Но... отчего же ты не можешь жениться на Танѣ?...

— Отчего?... А вотъ отчего, Маруся... выслушай меня! — сказалъ онъ, сильно волнуясь и то краснѣя, то блѣднѣя. Съ полной искренностью разсказалъ онъ мнѣ о знакомствѣ съ какой-то молодой вдовой, обворожительной, красивой и умной, которую онъ полюбилъ всей душой, полюбилъ первой, неподкупной, горячей любовью. На ней, на этой вдовѣ, а не на Танѣ—я женюсь, Маруся. Пусть проститъ меня Таня, но я не могу лгать, не могу побороть чувства, такъ сильно и властно охватившаго меня всецѣло!... Я люблю Вѣру Николаевну, люблю настоящей, полной любовью, люблю и хочу назвать ее своей женой!...

Мнѣ жаль было Тани, этой скромной довѣрчивой дѣвушки, такъ терпѣливо ожидавшей много лѣтъ своего Аркашу, котораго она любила тихой и ровной любовью. Она его ждала въ самые лучшіе годы своей жизни и вѣрила ему, что онъ ее не обманетъ, не оставитъ. Какъ же могъ онъ, честный, правдивый—обмануть ея ожиданія?. Какъ могъ онъ, всегда осторожный, тактичный, солидный допустить себя до такого сильнаго увлеченія какой-то вдовой, должно быть, какой-нибудь интриганкой, искательницей приключеній, и отказаться отъ Тани, съ которой онъ былъ бы такъ счастливъ!... Къ чему, наконецъ, онъ всего какихъ-нибудь двѣ-три недѣли, какъ обмѣнялся съ Таней кольцами, назначилъ день свадьбы, нанялъ новую квартиру и накупилъ столько мебели?

— Господи, опутала тебя эта вдова своими сѣтями, завлекла тебя!... Ахъ, что ты сдѣлалъ, Аркаша! Я на колѣняхъ готова просить ее, эту ужасную женщину, отказаться отъ тебя, оставить тебя въ покоѣ! Аркаша, голубчикъ, опомнись, забудь эту... вдову!...—рыдая, съ полнымъ отчаяніемъ, наконецъ, произнесла я.

— А я, Маруся, буду на колѣняхъ умолять эту «ужасную» вдову, не отказываться отъ меня и быть моей женой! —горячо, съ непоколебимой рѣшимостью въ голосѣ, произнесъ Аркаша и посмотрѣлъ на меня долгимъ взоромъ.

И въ этомъ взорѣ я прочла столько нравственной муки, что теперь только мнѣ стало понятно и ясно, сколько выстрадалъ Аркаша за все это послѣднее время и какъ велика была у него борьба между долгомъ къ Танѣ, какъ къ своей невѣстѣ, и любовью охватившей его впервые такъ властно!... Стало мнѣ теперь понятно многое...

— А если она... эта вдова... гадкая, безнравственная женщина, — несмѣло начала я, — если она погубитъ тебя, обманетъ твои надежды, разобьетъ всю жизнь твою... что тогда будетъ съ тобой, мой хорошій?... Что будетъ со всѣми нами?...—отрывисто, задыхаясь, говорила я, обнимая и цѣлуя брата.

— Что будетъ со мною — не знаю! Но и тогда я стану на колѣни передъ ней и буду благодарить ее, что она сумѣла разбудить во мнѣ такое сильное, всеобъемлющее чувство!... Буду благодарить за то, что она, имѣя столько недостатковъ, которые ты ей, Маруся, приписываешь, могла такъ очаровать меня, плѣнить, обворожить!... Но, Маруся, этого нѣтъ... и не можетъ быть!... Если бы ты знала ее, ты не говорила бы такъ!—восторженно, взволнованно и громко говорилъ Аркаша, поминутно заглядывая мнѣ въ глаза и пожимая мою похолодѣвшую руку.—Вотъ, смотри, Маруся, какая она!... Это—ея внѣшность, наружность, а если бы ты знала еще ея внутренній міръ!...—произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, поспѣшно вынимая изъ письменнаго стола большой кабинетный портретъ.

Затаивъ дыханіе, съ сильно бьющимся сердцемъ, я взяла портретъ въ руки.

Красивая, пышная женщина, закутанная въ испанскія черныя кружева, задумчиво и грустно смотрѣла мнѣ прямо въ глаза и какъ бы ждала моего страшнаго приговора. Я тревожно всматривалась въ лицо этой незнакомой красавицы, въ эти темные съ поволокой глаза, желая проникнуть въ ея душу, узнать ее, изучить, но... что могъ мнѣ сказать портретъ?

— Ну, что, Маруся? — также восторженно и выжидательно спросилъ меня Аркаша.

Но я все еще молчала, мысленно сравнивая это прекрасное лицо съ некрасивымъ, простенькимъ и покрытымъ веснушками лицомъ Тани. А глаза ея? Что выражаютъ эти грустные, загадочные глаза? Таня смотритъ всегда открыто, въ ея глазахъ сразу читаешь всю душу, а эта? Какая глубина взора, какая задумчивость, непроницаемость! Почему она такъ смотритъ? Да, она очень хороша, молода и... даже симпатична, но... это вѣрно какая-то свѣтская, пустая женщина! Къ чему эти кружева, къ чему открытый лифъ? Кто она? Актриса, а можетъ быть... балерина? Вѣдь ей уже, вѣрно, лѣтъ тридцать, а Аркашѣ всего двадцать шесть! Впрочемъ, вѣдь и Таня старше Аркаши... ей тоже подъ тридцать... Но... Нѣтъ, нѣтъ! Эта женщина несимпатична, ненатуральна!...

Что-то есть дѣланное въ ея лицѣ, въ ея глазахъ, даже въ поворотѣ ея лица и этой красивой шеи!...

— Ну, что же ты молчишь, Маруся? Правда, она очень хороша?—нетерпѣливо спросилъ Аркаша.

— Что же тебѣ сказать, мой другъ? Она красива, безспорно, но... кто она? Актриса?

— Что ты! Вѣра Николаевна никогда не была на сценѣ! Она вдова учителя и живетъ теперь у своихъ родныхъ.

— Она, должно быть, пустая, свѣтская женщина,—грустно и тихо замѣтила я.

Аркаша молча, саркастически улыбнулся и тихо, но съ полнымъ восторгомъ, озарившимъ все его повеселѣвшее лицо, сказалъ мнѣ:

— Сегодня, если только пожелаешь и разрѣшишь, я уговорю Вѣру Николаевну, гуляя, зайти къ намъ, и ты сама увидишь ее. Хорошо, моя дорогая?

Очевидно, мы теперь съ Аркашей смотрѣли на все различными глазами, не понимали другъ друга, но каждый эгоистично хотѣлъ дѣлать то, что ему было пріятно, дорого. Я хотѣла бы обнять, приласкать Таню и стереть съ лица земли такъ неожиданно затмившую нашъ свѣтлый семейный горизонтъ вдову; а Аркаша, отправивъ письма бѣдной Танѣ, съ восторгомъ смотрѣлъ на портретъ этой красавицы и, не проникнувъ въ мой внутренній міръ, жаждалъ встрѣчи съ ней, стремился къ нашему знакомству, желалъ нашего сближенія. И съ каждой минутой я все больше и больше приходила къ заключенію, что теперь уже все потеряно! Поздно возвратиться назадъ! Я хорошо знала Аркашу. Онъ долго, какъ и всегда это бываетъ съ нимъ въ серьезныхъ дѣлахъ, боролся, колебался и, наконецъ, рѣшилъ порвать всѣ отношенія съ Таней! А его рѣшенія всегда бывали обдуманы и непоколебимы. Я вспомнила, какъ онъ, по окончаніи университета, послѣ продолжительныхъ колебаній, взвѣшиваній и обсужденій, рѣшилъ безповоротно поступить въ военную службу, и никакія наши просьбы, доводы и слезы не измѣнили его желанія. А теперь борьба была труднѣе, мучительнѣе, тяжелѣе. Да развѣ то обстоятельство, что онъ спѣшилъ обмѣняться съ Таней кольцами и назначилъ день свадьбы, не значило, что онъ боролся, что онъ всѣми силами старался заглушить любовь къ вдовѣ? И вотъ кольца и письма возвращены, и онъ, «вѣроломный» женихъ Тани, увлекается, теряетъ голову, безумствуетъ!... Онъ, Аркаша, такой разсудительный, тактичный, честный, осторожный!... Что же это все значитъ?... Съ

болью сердечной, помимо своего желанія, я не могла не сознаться, не видѣвъ еще вдовы, что она — привлекательнѣе, лучше Тани... Она просто обворожительна!... И мнѣ такъ захотѣлось скорѣе увидѣть ее, взвѣсить все, оцѣнить и провѣрить свое впечатлѣніе, что я, послѣ долгаго молчанія, тихо, грустно отвѣтила Аркашѣ:

— Ну, что-жъ дѣлать, голубчикъ, зайдите. Я буду васъ ждать съ чаемъ. Видно, врагъ силенъ!... Охъ, отыметъ она у насъ нашу бѣдную Таню!

Аркаша, какъ бы не слыша моей послѣдней фразы, восторженно цѣловалъ меня и, съ сіяющей улыбкой на взволнованномъ, веселомъ лицѣ, благодарилъ меня въ самыхъ нѣжныхъ, ласковыхъ выраженіяхъ.

Аркашинъ выборъ.

Руки у меня дрожали, я чуть не уронила на полъ чайника, когда увидѣла на порогѣ нашей прихожей довольно высокую, эффектную и очень красивую брюнетку, въ плюшевомъ коричневомъ пальто и въ круглой широкой шляпѣ съ темнымъ перомъ.

Она быстро вошла въ переднюю и, увидѣвъ меня, смущенная, раскраснѣвшаяся, остановилась у порога и вопросительно смотрѣла то на раздѣвающагося Аркашу, то на меня.

Я сознавала, что, какъ хозяйка, я должна ее встрѣтить и быть съ ней любезной, привѣтливой, но волненіе мое настолько было сильно, а слезы такъ душили меня и туманили мои глаза, что я чуть слышно, съ трудомъ проговорила, протягивая ей руку:

— Здравствуйте... Очень рада... познакомиться...

Она еще больше покраснѣла и смутилась.

— Страднева. Простите, что побезпокоила васъ, да еще въ такое неурочное, позднее для визитовъ время — проговорила она поспѣшно, какъ бы поборовъ свое смущеніе, груднымъ, пріятнымъ голосомъ. — Но это Аркадій Александровичъ виноватъ...

— Да, да, это я уговорилъ Вѣру Николаевну заглянуть къ намъ, въ наше гнѣздышко, зная, какая ты, Маруся, добрая и гостепріимная! — весело, восторженно заговорилъ Аркаша, помогая ей сбросить пальто.

— Очень рада... очень рада... — говорила я, чувствуя, что слова мои неискренни, а положеніе мое, да и ея, крайне неловкое, натянутое...

Одинъ Аркаша, съ восторгомъ смотрѣвшій на ея моложавое, красивое лицо, не замѣчалъ нашего общаго смущенія и волненія. Да развѣ онъ могъ теперь что-либо замѣчать, видѣть и анализи-

ровать? Онъ былъ счастливъ вблизи нея и это счастье свѣтилось въ его влюбленныхъ глазахъ, оживленномъ лицѣ, милой улыбкѣ, его порывистыхъ движеніяхъ и въ его молодой, немного торопливой походкѣ... Онъ весь какъ будто преобразился и видѣлъ только одну ее, наслаждался ея близостью. Да, такимъ я его еще никогда не видѣла! Онъ сѣлъ рядомъ съ Вѣрой Николаевной и, не спуская съ нея глазъ, предлагалъ ей то печенье, то закуску.

Вѣра Николаевна почти отъ всего отказывалась и, низко наклонивъ надъ чашкой красивую голову, небольшими глотками медленно пила чай. Казалось, она была совершенно покойна и вполнѣ овладѣла собой; а между тѣмъ лицо ея постоянно вспыхивало яркимъ румянцемъ, то покрывалось внезапной блѣдностью.

Разговоръ завязался между нами самый обыденный.

Я говорила совсѣмъ мало, а все смотрѣла на Вѣру Николаевну, желая во всемъ—въ ея костюмѣ, въ ея наружности, въ манерѣ и въ обхожденіи съ Аркашей и со мной—найти что-нибудь непріятное, отталкивающее, предосудительное... А между тѣмъ я, сама не отдавая себѣ отчета, любовалась ею...

Чѣмъ больше я слушала ее, тѣмъ мнѣ становилось яснѣе, что рѣшеніе Аркаши основательно и безповоротно. Разница между Вѣрой Николаевной, красивой, умной, свѣтской женщиной, и простенькой, некрасивой Таней, была чрезвычайно рѣзкая, судя, конечно, по первому моему впечатлѣнію. Во всемъ перевѣсъ былъ на сторонѣ Вѣры Николаевны.

А что, если первое впечатлѣніе обманчиво? Что если она окажется недостойной Аркаши?... Таня не обманетъ, не разлюбитъ... Таня не умѣетъ притворяться: всѣ ея безкорыстныя желанія, помыслы и ея чувства къ Аркашѣ—сроднились съ ея простой, честной натурой. Мысли мои путались, мнѣ неизмѣримо стало жаль бѣдной Тани. Неизбѣжно безповоротное рѣшеніе Аркаши приводило меня снова въ какой-то трепетъ, содроганіе.

Вѣра Николаевна, какъ будто не замѣчала моего волненія, моихъ слезъ и оживленно говорила Аркашѣ, продолжая начатый разговоръ.

— Я не танцую: танцы на мой взглядъ—быть можетъ, очень своеобразный,—дикая забава!... Я не могу забыться, увлечься бальной обстановкой и музыкой настолько, чтобы... плясать!... Кромѣ этого, откровенно говоря, меня даже оскорбляетъ тотъ фактъ, что каждый, желающій со мной танцовать, получаетъ право обнять меня за талію... Но отчего вы не танцуете, вы такой молодой?

— Я молодъ, но по убѣжденіямъ,—я старикъ!—смѣясь отвѣтилъ Аркаша.

— Нѣтъ, не смѣйтесь! Не шутя, меня поражаетъ ваша солидность... Откуда у васъ такая серьезность, вдумчивость!... Вы говорите почти всегда языкомъ старика... конечно, въ серьезныхъ вопросахъ... Это, въ вашихъ лѣтахъ особенно, большая рѣдкость.

— Таковъ ужъ складъ моего характера—и только!... Заслуга, какъ видите, не велика... Маруся, что съ тобой?... Ты плачешь?... вдругъ спросилъ меня взволнованно Аркаша, завидя мои крайне неумѣстныя слезы.

Я вся вздрогнула и, стараясь улыбнуться, чуть слышно проговорила:

— Нѣтъ... Ничего... Это пройдетъ... Нервы у меня немного расходились...

Но тутъ со мной произошло что-то непонятное: я болѣзненно застонала и горько, неутѣшно начала рыдать. Я имъ такъ была благодарна, что они все время не замѣчали моего волненія, или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что не замѣчали, Аркаша же своимъ участливымъ вопросомъ переполнилъ чашу моихъ страданій и поставилъ меня передъ Вѣрой Николаевной въ страшно-мучительное, неловкое положеніе.

Аркаша куда-то побѣжалъ, вѣрно за какими-нибудь успокоительными каплями, а я осталась вдвоемъ съ Вѣрой Николаевной и все продолжала плакать.

— Простите меня, Марія Александровна!—вдругъ услыхала я тихій ласковый голосъ Вѣры Николаевны,—я догадываюсь о причинѣ вашихъ слезъ, потому... потому, что я вѣдь все знаю!... Можетъ быть, моя откровенность покажется вамъ неумѣстной, но я не хотѣла... не думала васъ огорчить такъ своимъ посѣщеніемъ! Намъ всѣмъ нелегко переживать... эту перемѣну въ жизни Аркадія Александровича... по различнымъ для насъ причинамъ. Натянутость, недоговоренность, неискренность только мѣшаютъ намъ прямо взглянуть другъ другу въ глаза!... А между тѣмъ, вы глубоко любите вашего брата... я его тоже полюбила. Мы обѣ должны быть искренни и... откровенны, чтобы сдѣлать его счастливымъ, а мы... простите!—мы только причиняемъ себѣ незаслуженныя страданія и... сами слишкомъ страдаемъ...

Она близко присѣла ко мнѣ, взяла меня за руку и ласково вытерла слезы.

Сначала мною овладѣла горькая обида, помутившая мой разсудокъ и задѣвшая страшно мое самолюбіе. А затѣмъ, мнѣ просто

стало стыдно за себя, за свои слезы, за свою безтактность. Я мало-по-малу перестала плакать и вслушивалась въ ея тихій говоръ. Прикосновеніе ея нѣжной, похолодѣвшей руки и этотъ ласковый, взволнованно-пріятный голосъ дѣйствовали на меня теперь такъ хорошо, такъ успокоительно. Ея искренность подкупила меня. Я крѣпко пожала ея руку и, совершенно переставъ плакать, но чувствуя себя въ сравненіи съ ней такой маленькой, такой малодушной, сказала прямо, смотря ей въ глаза:

— Да, да, вы правы! Кто любитъ искренно, тотъ долженъ жалѣть, стараться понимать и... прощать. А я до сихъ поръ не сумѣла его понять и простить ему. За что я караю его?... Развѣ онъ виноватъ во всемъ случившемся?... Въ своемъ прошломъ онъ тоже не виноватъ. И тогда, и теперь онъ дѣйствовалъ правдиво и искренно. Онъ не измѣнился, обстоятельства лишь измѣнились и, кажется, къ лучшему... Да, къ лучшему, потому что... его выборъ...

Я не успѣла договорить послѣдней фразы, такъ какъ въ это время въ комнату вбѣжалъ блѣдный и растерянный Аркаша, держа въ рукахъ цѣлую аптеку. Увидя насъ такъ ласково разговаривающими, онъ застылъ на мѣстѣ и смотрѣлъ на насъ обѣихъ недоумѣвающимъ, пытливымъ взглядомъ.

— Теперь я въ свою очередь должна спросить тебя, Аркаша, что съ тобой?—сказала я, улыбаясь, но все еще находясь въ какомъ-то возбужденно-нервномъ состояніи: успокойся, все... недоброе... прошло... Я очень виновата передъ Вѣрой Николаевной и тобой, мой другъ!... А теперь скажу... и, кажется, не ошибусь, что твой выборъ—мнѣ по душѣ!... Пусть будетъ то, что Богу угодно!

Побѣдила!

Вѣра Николаевна взяла съ меня слово непремѣнно посѣтить ее какъ можно скорѣе.

— Я жду васъ въ воскресенье на обѣдъ, приходите на цѣлый день. Аркадій Александровичъ, вѣрно, будетъ свободенъ отъ службы и, если ничто вамъ, Марья Александровна, не помѣшаетъ, то надѣюсь вы исполните мою просьбу. Я познакомлю васъ со своими родными, Страдневыми, у которыхъ я теперь живу, и со своею дочуркой, Асей,—говорила она мнѣ привѣтливо, уходя отъ насъ.

И я согласилась на ея просьбу. Да развѣ я могла не согласиться, когда она, будущая жена Аркаши, такъ заинтересовала меня и произвела такое сильное впечатлѣніе! Я такъ хотѣла провѣрить

это первое свое впечатлѣніе, такъ хотѣла увидать, какъ она живетъ, чѣмъ занимается и что ее окружаетъ.

Страдневъ, Владиміръ Борисовичъ, родной братъ мужа Вѣры Николаевны, еще нестарый отставной полковникъ, жилъ со своей семьей въ красиво обставленной обширной квартирѣ. Вѣра Николаевна занимала лишь одну небольшую угловую комнату, выходящую окнами въ прекрасный тѣнистый садъ.

— Вотъ здѣсь мой любимый уединенный уголокъ!—сказала Вѣра Николаевна, входя со мной въ свою комнату, когда мы съ Аркашей пришли къ Страдневымъ,—я здѣсь одна, моя Ася спитъ у бабушки. Это ихъ обоюдное желаніе, основанное, конечно, на обоюдной безграничной любви другъ къ другу... Посидимъ, Марія Александровна, пока до обѣда, немного у меня.

— Съ удовольствіемъ! — сказала я, осматривая гнѣздышко Вѣры Николаевны, убранное съ большимъ вкусомъ и изяществомъ.

Впрочемъ, убранство этой комнаты нѣсколько удивило меня: противъ входной двери стоялъ красивый дамскій письменный столъ; надъ столомъ висѣлъ небольшой вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, перевязанный широкою голубою лентой, съ непонятной для меня надписью: «Благодарныя дѣти талантливой исполнительницѣ». Далѣе на креслахъ и фантастическихъ столикахъ виднѣлась масса различныхъ вышивокъ; на стѣнахъ висѣли пейзажи, нарисованные акварелью; въ одномъ углу стояли крошечные пяльцы, а въ другомъ—маленькій мольбертъ съ начатымъ букетомъ бѣлыхъ лилій и ландышей. Піанино, шкафикъ съ книгами, изящная кровать и цѣлый садъ цвѣтовъ и душистыхъ букетовъ на двухъ большихъ окнахъ—довершали убранство комнаты. Несмотря на такое разнообразіе и, какъ будто, даже дисгармонію—въ комнатѣ было очень уютно и красиво.

Да и сама Вѣра Николаевна, въ свѣтлой легкой кофточкѣ, безъ шляпы, оживленная, привѣтливая и улыбающаяся, показалась мнѣ на этотъ разъ еще красивѣе, еще моложавѣе. Она съ торопливой откровенностью, какъ бы желая поскорѣе убить во мнѣ тревожныя мысли, сомнѣнія и колебанія, знакомила меня со своими ежедневными занятіями въ этомъ укромномъ уголкѣ, со своими воззрѣніями и симпатіями.

Во мнѣ происходила мучительная борьба, но я не могла не чувствовать, что врагъ мой очень силенъ!

«Вотъ-вотъ,—думала я,—побѣда будетъ за ней, за этой женщиной, красивой и милой собесѣдницей!»

— У меня, какъ видите, много цвѣтовъ,—между тѣмъ свобод-

но, просто говорила она, указывая на окна,—я ихъ очень люблю! Цвѣты будятъ во мнѣ мысли о чемъ-то высшемъ въ мірѣ, идеальномъ, недоступномъ нашему пониманію. Меня поражаетъ ихъ строеніе, ихъ ароматъ, ихъ красота. Цвѣты въ моемъ пониманіи что-то чистое, совершенное... это—сама поэзія. Вы, Марья Александровна, не смѣйтесь надъ моей наивной, доморощенной философіей!... Мы, женщины, какъ мнѣ кажется, вообще плохіе философы. Женщины-философы—это большая, по-моему убѣжденію, рѣдкость... Ну, а я, простая смертная, и подавно не могу быть философомъ!... Не смѣйтесь, Марья Александровна!... Я говорю только то, что чувствую.

— Нѣтъ, съ чего вы взяли?... Я не смѣюсь,—замѣтила я ласково и хотѣла еще добавить: «а любуюсь вами!»—но промолчала, боясь показаться ей льстивой.—А вотъ у васъ здѣсь стоитъ фортепіано... вы играете?...

— Какъ же, какъ же, это мой другъ, цѣлитель моихъ душевныхъ мукъ,—задумчиво произнесла Вѣра Николаевна,—я сажусь за піанино, когда мнѣ бываетъ не по себѣ... Музыка и пѣніе—успокаиваютъ меня.

— Такъ вы, Вѣра Николаевна, можетъ быть, и поете?

— О, да! Впрочемъ, играю я, какъ «любительница», а пою немного лучше этого... Хотя пѣніемъ я занимаюсь много и очень часто участвовала въ концертахъ. Послѣдніе два года, въ силу очень печальныхъ событій въ нашей семьѣ, я почти совсѣмъ не пѣла... Не до того мнѣ было!... Играла чаще... Шуманъ, Шопенъ и Бетховенъ особенно мнѣ были по душѣ... Раньше, когда моя Ася была еще совсѣмъ маленькая, я очень много времени удѣляла пѣнію. А еще раньше, въ первый годъ окончанія мной педагогическаго класса и выхода замужъ, я даже думала, что это мое призваніе, моя дорога... То былъ періодъ еще вполнѣ неустановившихся моихъ желаній, идей и стремленій, періодъ броженія. Тогда я то занималась, до полнаго утомленія, въ школѣ съ малыми крестьянскими дѣтьми, зачитываясь Руссо и Песталоцци и увлекаясь Фребелемъ... то... то по цѣлымъ часамъ, не переставая, пѣла вокализы, разучивала оперныя партіи и, съ юнымъ пыломъ, съ полнымъ запасомъ силъ и свѣтлыхъ надеждъ, приготовлялась поступить на сцену. И школа, и эти приготовленія къ артистической дѣятельности одинаково увлекали меня, но... не удовлетворяли, не наполняли всецѣло моей жизни. Мнѣ этого было мало: я все еще чувствовала избытокъ силъ и не знала на что лучше, полезнѣе расходовать ихъ... Многіе удивлялись моему броженію, моей ненасытно-

сти и указывали мнѣ на Асю, но... Ася была еще такая малютка, уходъ за ней, какъ за груднымъ ребенкомъ, хотя я и сама ее кормила, былъ такъ еще однообразно-скученъ и несложенъ, что у меня еще много, много оставалось времени, силъ и желаній. Конечно, Ася дѣлала мою жизнь небезцѣльной, но мнѣ многаго еще недоставало.

Вѣра Николаевна замолчала, грустно взглянула на меня и, медленно, задумчиво открывъ небольшой альбомъ, указала мнѣ на портретъ худощаваго, довольно красиваго блондина.

— Вотъ портретъ моего покойнаго мужа,—тихо, какъ-то глухо, произнесла она,—я часто тревожила его своимъ исканіемъ «живого» дѣла... Подчасъ я завидовала ровнымъ, спокойнымъ натурамъ, умѣющимъ мириться съ тихой семейной жизнью, которая вполнѣ удовлетворяетъ ихъ, закрываетъ отъ ихъ взора весь остальной міръ и погружаетъ въ какую-то... животную спячку. Онѣ, эти тихія, невозмутимыя жены, даютъ семейное счастье своимъ нетребовательнымъ мужьямъ... И какъ имъ живется хорошо, покойно, тихо!... Я часто хотѣла быть такой же, часто ломала себя, бичевала и заставляла съ полной стойкостью исполнять всѣ мелочи домашней жизни, такой обыкновенной, будничной. Я старалась превращаться въ домовитую хозяйку и хлопотала, суетилась. Физически я достигала цѣли, неразумно и неэкономично проработавъ весь день, но... другія силы, духовныя и умственныя, не имѣли тогда дѣла, не имѣли выхода... И знаете, Марья Александровна, куда я ихъ тогда направляла, на что расходовала?—съ новымъ оживленіемъ заговорила Вѣра Николаевна, какъ бы отгоняя тяжелыя воспоминанія всего пережитого.

— Не знаю... вѣрно, опять на школу?—серьезно спросила я.

— Нѣтъ, школа была тогда уже дѣломъ прошлымъ. Мы жили тогда далеко отъ деревни, въ большомъ губернскомъ городѣ. Нѣтъ, я расходовала свои силы на менѣе полезное и серьезное занятіе, но на болѣе сильное, захватывающее. Я съ полнымъ жаромъ, всецѣло, безъ оглядки, безъ разсужденій всю, всю отдавала себя драматическому искусству, исполняя въ любительскихъ спектакляхъ самыя потрясающія, захватывающія, сильныя роли!.. Вотъ вѣнокъ, полученный мной отъ учащихся... О, съ какимъ наслажденіемъ я играла, сознавая, что я снова своими трудами приношу хотя посильную помощь бѣднымъ дѣтямъ!...

Вѣра Николаевна на мгновеніе замолчала, пристально, пытливо взглянула на меня и снова заговорила быстро, оживленно:

— Я васъ, Марья Александровна, испугала своимъ разска-

зомъ?... Вы такъ удивленно, тревожно смотрите на меня!... Вы думаете, вѣрно: «бѣдный Аркаша, развѣ можно себя связывать съ такой... бурей!» Да?... Правда?... Угадала?... Вѣдь я васъ, дорогая, хорошо знаю по разсказамъ Аркадія Александровича! Вотъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, я не одинъ вечеръ просидѣла съ нимъ такъ долго, долго, откровенно дѣлясь съ нимъ всѣмъ пережитымъ когда-то, давно, и теперь!... Нѣтъ, нѣтъ!... Не бойтесь меня!... Я давно нашла свое, коренное дѣло. Эти спектакли тоже дѣла прошлыхъ, далекихъ дней. Броженіе вѣдь не долго бываетъ. Жизнь беретъ свое: она ломаетъ, учитъ и водворяетъ каждаго на мѣсто, часто, правда, не на свое мѣсто, но во всякомъ случаѣ дѣлаетъ осѣдлымъ.

Я давно уже въ періодѣ осѣдлости!... Давно я поняла, въ чемъ заключается жизненный секретъ, въ чемъ кроется вся задача разумной жизни женщины честной, дѣятельной, трудолюбивой: въ умѣломъ соединеніи силъ и въ равномѣрной ихъ затратѣ. Нужно было выработать правило, усвоить идею: олицетворить хорошую жену, мать, хозяйку и общественную дѣятельницу...

И я добилась своего!... Тогда только я почувствовала полноту жизни!... Я принадлежала и дому, и обществу въ одинаковой степени и равномѣрно отдавала имъ свои силы... А вотъ эти картины акварелью, эти рукодѣлія, музыка, цвѣты, всѣмъ этимъ я занималась охотно между дѣломъ, въ минуты отдыха...

Да, да, я старалась и стараюсь ни одной минуты не прожить праздно!... Это такъ важно, такъ пріятно и такъ интересно!...

Вѣра Николаевна снова замолчала и, послѣ небольшой паузы, сказала грустно и задумчиво:

— Правда, былъ тогда еще значительный пробѣлъ въ моей жизни, мѣшавшій моему взаимно-полному счастью, но теперь я искренно вѣрю и надѣюсь, что его не будетъ. Да, не будетъ, потому что этотъ пробѣлъ произошелъ случайно въ силу моей юной пылкости, неопытности. О немъ я не буду говорить теперь: для этого мы еще все же... мало знаемъ другъ друга. Однако, я удалилась отъ главнаго центра, такъ сказать, моей жизненной задачи, удалилась отъ того, что уравновѣшиваетъ мой нравственный и умственный міръ... Смотрите! Вотъ что часто и подолгу приковываетъ меня къ этому маленькому уголку, смягчая жизненныя неудачи и заставляя забывать даже тяжкое горе!... Вотъ почему я теперь не мечусь изъ стороны въ сторону!... Куда бы теперь ни забросила меня судьба, что бы ни послала мнѣ для испытанія, мнѣ кажется, я всегда буду безропотна и никогда не предамся малодушію!...

Вѣра Николаевна быстро поднялась съ мѣста, торопливо подошла къ небольшому орѣховому шкафчику и, открывъ обѣ дверцы, указала на кипу тетрадей.

— Что это такое?—спросила я,—какія-нибудь ученыя сочиненія, что ли?...

— Нѣтъ, нѣтъ!... Это... только не смѣйтесь, Марья Александровна, не удивляйтесь!... Это все мои собственныя рукописи, мои... сочиненія...

— Господи, какая же вы талантливая!—восторженно сказала я.

— Нѣтъ, нѣтъ, не приписываете мнѣ того, что пока еще въ туманѣ!... Да, въ туманѣ, такъ какъ я еще не пріобрѣла литературнаго имени, а моя работа,—почти вся еще покоится на этихъ полкахъ!... Я малоизвѣстная писательница, пресса еще не замѣчаетъ меня. Да я и рада этому: мнѣ такъ покойнѣе, лучше!... Хотя я пишу съ первыхъ дней своей грамотности, съ первыхъ дней слабаго проблеска во мнѣ сознательной жизни, но печатать свои труды я долго не рѣшалась, считая ихъ сизифовой работой, а потому даже не говорила никому изъ окружающихъ, что я пишу... Мнѣ всегда такъ стѣснительно, такъ непріятно было, когда кто-нибудь изъ знакомыхъ узнавалъ о моихъ литературныхъ трудахъ!... Многіе смѣялись мнѣ прямо въ лицо и беззастѣнчиво говорили: «Какими глупостями вы занимаетесь! Бросьте это писаніе: оно вамъ хлѣба не дастъ»!... Я не имѣла друзей въ литературномъ мірѣ, а потому часто, чувствуя потребность къ критической оцѣнкѣ моего труда, я рѣшалась обратиться къ тому, кто мнѣ казался стоящимъ выше остальнаго уровня... И какъ мнѣ бывало больно, какъ казалось дико услыхать даже отъ такого человѣка что-нибудь въ этомъ родѣ: «Вы все рисуете мрачныя картины! Охота вамъ описывать такую нищету, такія страданія!... Лучше напишите что либо во французскомъ духѣ, веселенькое»!... Да мало ли чего еще не говорили мнѣ!... Но время шло, силы мои крѣпли, и я перестала слушать различные толки о моихъ литературныхъ занятіяхъ! Я продолжала работать, изучая людей и жизнь, наблюдая за теченіемъ общественныхъ интересовъ, и я достигла того, къ чему стремилась!... Быть можетъ, мои искреннія немногія напечатанныя строки не унизятъ меня въ глазахъ тѣхъ, кто смѣло, самоотверженно идетъ на помощь ближнему!... Лучше въ сердцахъ этихъ энергичныхъ рѣдкихъ людей найти хотя искру сочувствія твоему дѣлу, чѣмъ, ничего не дѣлая, пользоваться поклоненіемъ окружающей обыденной среды!...

Какъ ни интересно мнѣ было слушать Вѣру Николаевну, но бесѣда наша прекратилась, потому что въ комнату вошелъ Аркаша, неся въ рукахъ какія-то книги.

— Вотъ вы куда забрались!... А я въ это время успѣлъ побывать въ штабѣ и, кстати, захватилъ съ собой давнообѣщаннаго вамъ, Вѣра Николаевна, Джона Рескина...

— Вотъ хорошо! Вотъ спасибо!...—сказала она, подавая ему руку:—вы пришли какъ разъ вó-время, а то я здѣсь... такъ много наговорила Маріи Александровнѣ, такъ ее утомила и напугала, что... чего добраго вы, дорогая, какъ безгранично любящая сестра, не отдадите мнѣ... вашего Аркаши?...

Она мило, кокетливо улыбнулась и крѣпко, по-дружески пожала мнѣ руку...

— Нѣтъ, Вѣра Николаевна, вы убили во мнѣ всякую способность къ протесту!—ласково и взволнованно отвѣтила я:—такой безсильной, но счастливой этимъ безсиліемъ, я никогда еще не бывала!... Вотъ вамъ мое искреннее, послѣднее и неизмѣнное слово!...

Современный человѣкъ.

Я сидѣла въ своей небольшой гостиной, погруженная въ глубокую задумчивость. Вѣра Николаевна побѣдила меня всецѣло! Весь вчерашній день былъ для меня днемъ пріятныхъ открытій. Вѣра Николаевна—писательница!... И какая неугомонная, богатоодаренная натура! Ея чудное пѣніе, которымъ она услаждала насъ весь вечеръ,—такъ и звучало въ моихъ ушахъ. Я такъ теперь была покойна за будущее Аркаши!... Оба они—люди дѣла, оба разумные, серьезные и неугомонные. Аркаша вѣдь тоже не умѣетъ мириться съ сѣренькой будничной жизнью и вѣчно стремится достигнуть «высоты» своихъ знаній. Вотъ и теперь онъ готовится въ академію. Вѣрно, это сходство въ натурахъ, во вгзлядахъ и стремленіяхъ и сблизило ихъ! Ну, а Ася?... Не будетъ ли она помѣхой ихъ счастью?... Нѣтъ, нѣтъ, Аркаша и теперь уже любитъ ее, какъ родную дочь; а она, эта хорошенькая, симпатичная дѣвочка, такъ привязалась къ нему, такъ ласкается, такъ довѣрчиво смотритъ на него! Нѣтъ, и она не помѣшаетъ ихъ личному счастью!...

Но тутъ мысли мои были прерваны совершенно неожиданнымъ приходомъ гостя: въ гостиную вошелъ очень высокій и худощавый офицеръ. Онъ подходилъ ко мнѣ какой-то неувѣренной поступью, какъ будто плохо видѣлъ, а держался такъ, точно его голову, шею

и весь корпусъ что-то тянуло внизъ. Лица его я сразу не могла хорошенько разсмотрѣть, потому что день былъ пасмурный и свѣтъ отъ окна падалъ за его спиной; но все же онъ мнѣ показался довольно красивымъ, хотя очень ужъ онъ былъ лысый и, должно быть, близорукій, судя по его неувѣренной походкѣ и потому, что онъ былъ въ очкахъ.

— Позвольте вамъ представиться: товарищъ вашего брата, Аркадія Александровича. Вмѣстѣ съ нимъ были въ московскомъ военномъ училищѣ... Рисковѣцъ!—проговорилъ онъ громовымъ голосомъ.

— А, очень рада познакомиться съ вами!... Помню, мой братъ часто вспоминаетъ о васъ... Садитесь, пожалуйста,—сказала я.

Онъ сѣлъ на ближайшій стулъ, и неуклюже придерживая одной рукой шашку, другой порывисто обмахивалъ скомканнымъ носовымъ платкомъ раскраснѣвшееся лицо. На его густыхъ черныхъ усахъ блестѣли и дрожали росинки, должно быть, отъ растаявшихъ снѣжинокъ падающаго перваго снѣга, и мнѣ невольно думалось, что онъ вотъ-вотъ сотретъ ихъ носовымъ платкомъ. Но онъ, очевидно, совсѣмъ не замѣчалъ этихъ капелекъ, а можетъ быть и не предполагалъ о ихъ неумѣстномъ существованіи.

— Я нѣсколько разъ заходилъ къ Аркашѣ, но все не заставалъ его дома. И сегодня его, кажется, нѣтъ?

— Да, но онъ долженъ скоро возвратиться.

— Ну, какъ онъ чувствуетъ себя въ Древнемъ полку? Готовится ли въ академію?

— О, да, онъ не оставляетъ этой мысли! Если же не попадетъ въ академію, то тогда, вѣроятно, перейдетъ въ кадетскій корпусъ, воспитателемъ.

— Академію я одобряю, но корпусъ нѣтъ! Тяжелая служба! И каждый день все одно и то же, одно и то же, по одному шаблону, по одному, разъ заведенному порядку! Къ тому же, жизнь въ казенныхъ стѣнахъ, постоянная осѣдлость не въ моей натурѣ. Въ моихъ жилахъ хотя и не течетъ цыганская кровь, но я не могу жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Я, какъ номадъ, всюду ношу съ собой свою палатку, и гдѣ мнѣ привольно, легко и свободно, тамъ я раскидываю ее... А чуть мнѣ становится душно, тоскливо и тѣсно, я двигаюсь дальше... И такъ всю жизнь, всю жизнь, безъ конца! Вездѣ я ищу свободы, захватывающаго, интереснаго дѣла, всюду ищу полезнаго, всепоглощающаго труда.

— Конечно, съ такой неугомонной жаждой невѣдомаго вамъ

самому дѣла, трудно заняться педагогической дѣятельностью!— замѣтила я.—Это удѣлъ болѣе спокойныхъ натуръ.

— Вы правы, Марья Александровна! 15-ти лѣтъ отъ роду я былъ выгнанъ изъ родительскаго дома отцемъ моимъ за разныя художества, приходилось и обученіемъ промышлять!

— Немного неосторожно съ вашей стороны, при первомъ знакомствѣ, говорить о себѣ такъ откровенно! Если бы я васъ не знала по разсказамъ Аркаши, то можно было бы подумать, что вы Богъ знаетъ чтò дѣлали въ родительскомъ домѣ!

Но онъ какъ-то безразлично и молча махнулъ рукой и, вставъ съ мѣста, началъ ходить по комнатѣ, вѣрнѣе сказать, «топтаться» потому что онъ все вертѣлся на одномъ и томъ же мѣстѣ и, казалось, мысли его работали быстро, усиленно, нервно.

— Я теперь живу съ тремя сестрами и, знаете ли, 18 лѣтъ я жилъ самостоятельно, одинокимъ, свободнымъ человѣкомъ, а потому теперь мнѣ какъ-то странно и даже непріятно жить семейно! Сестры меня какъ-то стѣсняютъ, раздражаютъ, мѣшаютъ!

— А вотъ женитесь, такъ тогда совсѣмъ почувствуете себя несвободнымъ человѣкомъ,—сказала я, смѣясь,—вѣдь семейная жизнь накладываетъ обязательныя цѣпи.

— Ну, что же! То—жена, совсѣмъ другое дѣло. Впрочемъ, я никогда такой глупости не сдѣлаю. Да и на комъ жениться? Какъ посмотришь на всѣхъ нашихъ барышень, такъ буквально поражаешься ихъ безсодержательностью! Пустыя, неидейныя, шаблонныя!... Я часто въ обществѣ валяю дурака: забьюсь этакъ въ какой-нибудь уголъ и наблюдаю. И ничего отраднаго, интереснаго не нахожу! Только и слышно: «Хи, хи, хи да ха, ха, ха!» Какой-нибудь юнкеръ или прапоръ остритъ, а онѣ, барышни, заливаются— и только! Право, я не удивляюсь, что многіе мужчины заинтересовывались Ольгой Палемъ, или петербургской Семеновой!. Пусть будетъ хоть психопатка, да что-нибудь выходящее изъ общаго уровня! А то буквально не на кого вниманія обратить!...

— Однако, какой вы требовательный и строгій критикъ. А когда влюбитесь, то и забудете критиковать,—замѣтила я, шутя.

— Нѣтъ, Марья Александровна, я уже переросъ тотъ возрастъ, когда влюбляются!—махнувъ рукой, проговорилъ Рисковецъ серьезно.

— А помните мудрое изреченіе: «Любви всѣ возрасты покорны?»—пошутила я.

— Нѣтъ, я чѣмъ больше живу, тѣмъ мнѣ труднѣе увлечься!

— Труднѣе—да, но это не значитъ, что вы совершенно гаран-

тированы отъ увлеченія. Психопатокъ у насъ очень много. Авось, кто-нибудь изъ нихъ произведетъ на васъ такое сильное впечатлѣніе, что вы и влюбитесь!

— Да, да! Психопатки мнѣ нравятся, я ихъ даже ищу. По этому поводу мнѣ невольно вспомнилось одно дѣло изъ недавней моей судебной практики... Въ одномъ изъ здѣшнихъ полковъ застрѣлился вольноопредѣляющійся и оставилъ записку, въ которой, между прочимъ, я нашелъ слѣдующее: «Люблю я эту дѣвицу, но за что—и самъ того не знаю»... Въ моемъ воображеніи сейчасъ нарисовался образъ...

— Психопатки?—перебила я.

— Да, да... но все же... идеальный образъ дѣвушки, воздушный, нѣжный, чудный и заманчивый, какъ мечта!... Или, думаю я, можетъ быть, это женщина бальзаковскаго возраста, красивая, обольстительная, жгучая и страстная! И я рѣшилъ найти ее. Немедленно отправляюсь я на поиски и, къ моему ужасу, нахожу ея квартиру гдѣ-то у чорта на куличкахъ... Примѣта, ничего отраднаго не предвѣщающая! Вхожу въ сѣни, запахъ гнилой капусты такъ и ударилъ мнѣ въ носъ. Стучу въ дверь, звонка тоже, конечно, не полагается... выходитъ какой-то босой мальчишка и, ковыряя въ носу пальцемъ, спрашиваетъ меня какимъ-то безразличнымъ голосомъ:

— Что вамъ треба?

— Здѣсь живетъ,—спрашиваю я,—Дарья Ивановна?

— Здѣся...

И мальчикъ исчезъ.

— Pardon, я перебью васъ,—сказала я Рисковецу,—а какъ фамилія этой Дарьи Ивановны?

— Извините, я не могу вамъ этого сказать! — заторопился онъ,—ни докторъ, ни священникъ, ни судебный слѣдователь не должны разглашать того, что касается ихъ служебной дѣятельности: это тайна!

— Да, да, знаю, простите. Продолжайте, очень интересно!—сказала я.

— Да... на чемъ же я остановился?... Да, вспомнилъ... Слышу, женскій голосъ спрашиваетъ мальчика довольно раздражительно:

— Хто тамъ такій?

— Го-ро-до-вой,—меланхолично отвѣчаетъ мальчикъ, дѣлая на каждомъ слогѣ особенно рѣзкое удареніе на «о».

— Чего ему!

— Або я знаю!

— Дурень!

— Вслѣдъ за этимъ поднялась какая-то неопредѣленная возня, послышался пискъ и даже, какъ мнѣ показалось, кто-то началъ тихо всхлипывать. Затѣмъ, въ дверяхъ показалась женская фигура неопредѣленныхъ лѣтъ. Лицо широкое, какъ у моржа, выдающіяся скулы, глаза на выкатѣ, щеки корявыя, волосы на лбу въ папильоткахъ, на плечахъ возмутительно-грязный платокъ... Однимъ словомъ, безобразіе!

Увидя меня, офицера, а не го-ро-до-во-го, она издала совсѣмъ неблагозвучное «ахъ!»—и своими красными широкими руками безпокойно, смущенно мяла возмутительный платокъ.

— Вы—Дарья Ивановна?—недоумѣвая, спросилъ я.

— Да, я, а що?—все еще довольно смущенно спросила она.

— Я пришелъ къ вамъ по дѣлу вольноопредѣляющагося N-скаго... Вы знали таковаго?—брезгливо спросилъ я.

— Знала... Пожалуйте въ «гостыную»!—уже болѣе развязно предложила она.

— Я не стану описывать этой «гостыной», а только замѣчу коротко, что она была такъ же изящна, какъ и ея хозяйка.

— Я хотѣлъ васъ спросить, гдѣ вы впервые изволили познакомиться съ N-скимъ: на Турхановомъ островѣ или въ залѣ Людвиковскаго *)?—нетерпѣливо и довольно нахально спросилъ я, въ недоумѣніи разсматривая моржеообразное лицо дѣвицы.

— Нѣтъ, я съ «нымъ» познакомилась черезъ одного «охвицера»,—съ нѣкоторымъ кокетствомъ сказала она и постаралась стыдливо опустить глаза внизъ.

— Что же, вы его любите? Вамъ жаль его?

— Чого? Якъ бы онъ «бувъ» моимъ женихомъ, да «бувавъ» у пасъ, а то... чого-жъ?... Такъ себѣ, знакомый...

— А гдѣ же вы съ нимъ видѣлись, если онъ у васъ не бывалъ.

— Такъ, «гуляючи»...

— Гдѣ же, однако, «гуляючи»! На задворкахъ, что ли?

— «Забула вже»...

Послѣ сдѣланныхъ мной еще нѣсколькихъ необходимыхъ вопросовъ я удалился съ самымъ безотраднымъ чувствомъ.

Во время своего разсказа, переданнаго торопливо, громко, нервно, Рисковецъ постоянно вставалъ со стула, топтался подлѣ столика, трогалъ разные предметы, попадавшіе ему подъ руку, жести-

*) Мѣста увеселенія низшаго сорта въ Древнемъ.

булировалъ и даже иногда заикался, въ силу излишней торопливости. Когда же онъ говорилъ о наружности Дарьи Ивановны, то невольно вздрагивалъ и раздувалъ свое лицо, желая наглядно представить все безобразіе моржеобразной дѣвицы, сумѣвшей, однако, обворожить юнаго N-скаго.

— Очень интересные случаи встрѣчаются вамъ для «наблюденія и изученія нравовъ!» Но вообще обязанность судебнаго слѣдователя непріятная, безпокойная!... Нужно имѣть крѣпкіе нервы, чтобы хватило силы воли переносить потрясающія картины преступленій, чтобы смотрѣть на трупы, присутствовать при ихъ анатомированіи и прочее. Все же слѣдователь—не медикъ. Онъ не привыкъ къ подобнымъ зрѣлищамъ...

— Помилуйте!—громко и нетерпѣливо перебилъ онъ меня.— Эти зрѣлища пріятны и достойны вниманія всякаго любознательнаго человѣка! Я очень люблю анатомію: по крайней мѣрѣ, изучаешь самого себя... познаешь...

— И никогда не познаешь!—въ свою очередь перебила я его.

— Да, не познаешь души своей, вы правы! Это дѣло философовъ; пусть они тамъ мудрствуютъ, да толкуютъ на всѣ лады, что такое душа? Что такое мысль? и прочее. Нѣтъ, я говорю о физической, такъ сказать, сторонѣ человѣка, о тѣлѣ его, обо всемъ организмѣ. По крайней мѣрѣ, знаешь, если у тебя что заболитъ съ правой, съ лѣвой стороны, что у тебя болитъ? Не скажешь вмѣсто печени—легкое, вмѣсто сердца—почки и прочее.

— Да развѣ это важно? Лучше пусть ничего не болитъ, а если заболитъ, то для этого есть спеціалисты: они хотя помогутъ, а вы сами себѣ ничего не поможете, несмотря на ваши знанія, пріобрѣтенныя при вскрытіи труповъ. Нѣтъ, я съ вами не согласна. Меня положительно возмущаютъ тѣ женщины, которыя идутъ въ анатомическій театръ ради зрѣлищъ!

— Ну и хорошо, хорошо! Пусть ихъ смотрятъ! Пусть хотя въ эти минуты потрясающихъ, сильныхъ ощущеній поработаетъ ихъ сонная мысль! А я съ наслажденіемъ смотрю, какъ рѣжутъ трупъ.

— Довольно, довольно! — почти закричала я, нервно вздрагивая.

— Чего вы содрогаетесь! Самое обыкновенное дѣло! А зрѣлище даже довольно отрадное, по крайней мѣрѣ, знаешь, что человѣкъ избралъ самоубійство разумное, а не глупое!

— Какъ такъ... разумное?—удивилась я.

— Видите ли, Марія Александровна, вотъ что, — сказалъ съ

нѣкоторою разстановкой Рисковецъ,— отравить себя, застрѣлить тамъ, что ли, — это разумное самоубійство, а жениться, напримѣръ,—это самоубійство глупое!

— Какое странное и смѣшное умозаключеніе!

— Нисколько! Прослѣдите всѣ наши браки, разберите ихъ детально, вдумайтесь хорошенько во взаимныя отношенія супруговъ и вы увидите, что я правъ! Въ другое время я вамъ разовью подробнѣе мою теорію объ этихъ ежедневныхъ добровольныхъ самоубійствахъ, а пока представлю вамъ маленькую, короткую иллюстрацію одного изъ нихъ. Во время моего послѣдняго пребыванія въ Одессѣ я встрѣтился со своимъ бывшимъ ученикомъ,—ну, назову его хотя Ваней. Это былъ сынъ богатыхъ родителей, избалованный, недалекій, слабохарактерный юноша. Малоспособный, исключенный изъ IV класса гимназіи за неуспѣхи, онъ успѣлъ уже побывать во всѣхъ соусахъ и компотахъ, то-есть во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ чего я еле-еле приготовилъ его въ юнкерское училище. Вотъ онъ-то въ 23 года вышелъ офицеромъ и сейчасъ же женился. Какъ-то на каткѣ онъ встрѣтилъ красивую оберъ-офицерскую дочь и сразу влюбился въ нее. Ужъ эти мнѣ оберъ-офицерскія дочки!... Сапожки сверху съ глянцемъ, а снизу безъ подметокъ! Вотъ и эта была такая же, хотя окончила гимназію, много читала, какъ будто интересовалась многими вопросами научной и житейской мудрости. Вообще она была много умнѣе Вани.

— Голубчикъ, Петръ Александровичъ, я женюсь!—восторженно сказалъ онъ мнѣ какъ-то, а самъ чуть не танцуетъ отъ радости.

— На комъ?—спрашиваю.

— На образованной, красивой!... На дочери оберъ-офицера!

— Что ты дѣлаешь, безумный!—говорю я ему.—Какъ же ты можешь на такой жениться?

— Какъ... «на такой?» — недоумѣваетъ онъ.—Да вѣдь она, Петръ Александровичъ, умная, хорошая... она гимназію окончила!

— Въ томъ-то и бѣда! Какъ же ты, недоучка, такой глупый, да женишься на умной? Вѣдь она сразу почувствуетъ себя несчастной съ тобой, съ дуракомъ!

— Что вы, что вы! Развѣ я уже въ самомъ дѣлѣ... Нѣтъ, мы будемъ счастливы, вотъ увидите! Не сердитесь, не ругайтесь, дорогой, Петръ Александровичъ, и будьте моимъ шаферомъ!

— Ну, вижу, что никакіе совѣты, доводы, убѣжденія не подѣйствуютъ на Ваню, я съ сердечной болью согласился быть шаферомъ. И сдѣлалъ это больше для его семьи,—впрочемъ, я и Ваню любилъ. Добрый онъ былъ малый, но глупый и безалаберный.

Рисковецъ на мгновеніе замолчалъ, откашлялся и продолжалъ съ возрастающимъ воодушевленіемъ:

— И вотъ я первый разъ въ жизни, а, можетъ быть, и послѣдній, очутился въ каретѣ со своей «дружкой» то же съ оберъ-офицерской дочерью. Имѣлъ глупость взять, какъ шаферъ, карету, впрочемъ, не изъ дорогихъ. Ну, ужъ испыталъ удовольствіе, нечего сказать! Чуть не лишился чувствъ! Въ каретѣ невозможная духота, какое-то дребезжанье. Отъ моей сосѣдки несетъ самыми отчаянными двадцатикопеечными духами, отъ которыхъ меня тошнило и кружилась голова. А здѣсь еще, подлѣ церкви, собралась такая толпа, что выйти изъ кареты невозможно. Эй, разойдитесь вы!—кричу я, обливаясь потомъ, высунувъ голову въ окно кареты. — Чего собрались! Хотите посмотрѣть на чужое самоубійство, что ли! Разойдитесь!

— И что же, какъ бы вы думали, вышло изъ этого брака?— заговорилъ онъ грустно, смотря куда-то вдаль. — Прежде всего — полное непониманіе другъ друга, разногласіе, недовольство и каждый день сцены. Такъ промучился Ваня года три, а затѣмъ... жена, оставя ему двухъ дѣтей, сбѣжала отъ него куда-то и «съ кѣмъ-то»... Да проститъ ей Богъ, такъ какъ она очень скоро послѣ этого умерла. И остался мой Ваня разочарованнымъ, измученнымъ супружеской жизнью молодымъ вдовцомъ съ двумя маленькими дѣтьми, которыхъ онъ, конечно, и воспитать не сумѣетъ, если не возьметъ ихъ подъ свое покровительство умѣлая, опытная рука.

— Ну, вы берете случай, когда женихъ и невѣста были неподходящіе другъ къ другу; и затѣмъ, передъ бракомъ вѣдь они совершенно не знали другъ друга,—замѣтила я.

— А развѣ можно когда-нибудь узнать другъ друга, особенно, когда въ интересахъ обѣихъ сторонъ—выказывать лишь хорошее!—заговорилъ Рисковѣцъ громко и нервно.—А дурное... дурное узнается послѣ, когда изучать приходится другъ друга при горькой, совмѣстной жизни! Такое изученіе слишкомъ позднее, несвоевременное... Самоубійство уже невозвратимо и непоправимо!

— О, вы слишкомъ большой скептикъ! А все же выборъ Вани—не примѣръ вамъ. Или вы такъ боитесь ошибокъ, заблужденій, что этотъ Ваня больше всего останавливаетъ васъ жениться?— спросила я.

— Положимъ, — сказалъ онъ съ нѣкоторой разстановкой, — я, предполагаю, могъ бы сдѣлать выборъ много осмотрительнѣе Вани...

Неопредѣленная улыбка освѣтила на мгновеніе все его взвол-

нованное, раскраснѣвшееся лицо, и онъ заговорилъ снова съ прежней горячностью:

— Да, повторяю, не изъ кого сдѣлать выборъ! Какъ-то недавно я былъ приглашенъ къ моему бывшему полковому командиру на званый обѣдъ... Мать-командирша таинственно повѣдала мнѣ, что обѣдъ у нихъ устраивается ради богатѣйшей «владѣтельной» княжны Усовой и... услужливо усадила меня рядомъ съ ней. Сѣлъ я этакъ подлѣ княжны, поправилъ усы, подвинулъ поближе къ столу стулъ и при этомъ задѣлъ какъ-то ногой ея платье, толкнулъ невзначай, но чувствительно, ее въ бокъ и... Не скажу, чортъ возьми, чтобъ я чувствовалъ себя хорошо подлѣ этой аристократки!

— Воображаю, какъ вы смутились, толкнувъ княжну! — замѣтила я.

— Да, да!... Но, тѣмъ не менѣе, я пробормоталъ какое-то извиненіе, даже на французскомъ языкѣ, — впрочемъ, съ нижегородскимъ выговоромъ, — что ее немного смягчило и она довольно умиленно взглянула сначала на мой академическій значокъ, а послѣ и на меня... Удостоила!... Наши взоры впервые встрѣтились и... передо мной сидѣла прехорошенькая дѣвица, расфранченная въ пухъ и прахъ, съ утонченными манерами и съ восхитительнымъ букетомъ живыхъ цвѣтовъ, приколотыхъ на груди. Цвѣты издавали такой чудный ароматъ, что я, по забывчивости, наклонилъ голову и хотѣлъ понюхать букетъ, да къ счастью вò-время опомнился и, крякнувъ довольно громко, спросилъ княжну:

— Вы постоянно живете въ Питерѣ?

— Да, постоянно...—еле-еле процѣдила она сквозь зубы.

— Часто бываете въ Эрмитажѣ?

— Н...нѣтъ, я тамъ не была ни разу.

— Странно... Почему же это?

— Да просто потому, что... Ахъ, у меня такъ мало свободнаго времени!

— Гм... Чѣмъ же вы заняты, княжна? — полюбопытствовалъ я, радуясь въ душѣ, что встрѣтилъ такую дѣльную, поглощенную какимъ-то еще невѣдомымъ мнѣ трудомъ дѣвушку.

— Утромъ—визитирую вмѣстѣ съ maman...—медленно, протяжно начала княжна,—или принимаемъ у себя визиты... Затѣмъ ѣздимъ по магазинамъ, разсматривая и покупая nouveautés модъ и туалетовъ... А тамъ—обѣдъ... Вечеромъ—въ театръ или на балъ... Можно бы вотъ послѣ обѣда поѣхать туда, да вечеромъ Эрмитажъ закрытъ.

— Тэкъ-съ!—разочарованно произнесъ я и замолчалъ. Слышу,

хозяйка дома, послѣ разныхъ панегириковъ княжнѣ, начала восхищаться ихъ петербургской квартирой.

— Да, она хороша,—снова процѣдила княжна,—но для насъ она мала... всего 14 комнатъ...

— А семья ваша велика? — какъ-то невзначай спросилъ я княжну такъ громко, что она даже вздрогнула и изъ ея букета, какъ снѣжинки, посыпались лепестки бѣлой розы, покрывая ея длинныя, нѣжныя руки.

— Maman, сестра, я и братъ,—отвѣтила она.

— Помилуйте! И вамъ мало 14-ти комнатъ? — удивился я. — Чего же вамъ недостаетъ?

— Трехъ гостиныхъ: голубой, красной и желтой... — процѣдила княжна.

Я возмутился, озлился и, едва сдерживая гнѣвъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности, какъ бы про себя, замѣтилъ:

— Какъ различны на свѣтѣ бываютъ вкусы, привычки и требованія!

Княжна навострила ушки и вслушивалась, сдѣлавъ легкій граціозный наклонъ головы въ мою сторону.

— Вотъ, когда я еще былъ ребенкомъ, мальчишкой, — продолжалъ я,—то мы—мой отецъ, мать и семь братьевъ—жили въ двухъ тѣсныхъ комнатахъ и въ одной кухнѣ! И ничего, хорошо было, не жаловались на тѣсноту!

— Ah!... Quelle horreur!...—блѣднѣя, воскликнула княжна и подалась всѣмъ корпусомъ въ противоположную отъ меня сторону.—А гдѣ же... помѣщалась прислуга?

— Прислуга?—громко, злорадно переспросилъ я.—Да у насъ не было никакой прислуги! Мы сами все дѣлали!

— Какъ же это... сами? — съ широкооткрытыми глазами, обмахиваясь пушистымъ вѣеромъ, спросила брезгливо княжна.

— Очень просто! Сами-съ, самолично исполняли все. Утромъ подымалась у насъ такая возня, что чертямъ было бы жарко!... Одинъ сапоги чиститъ, другой лохань выноситъ, третій...

Но мнѣ не дали распространиться дальше въ этомъ духѣ: мать-командирша, дѣлавшая давно мнѣ какіе-то непонятные знаки, да и самъ командиръ, раскраснѣвшійся, какъ ракъ, стали наперерывъ любезно предлагать мнѣ разные лакомства и напитки и закидывали меня сладкими словцами утонченной вѣжливости и гостепріимства... И я долженъ былъ, щадя ихъ репутацію, скромно замолчать и, какъ ни въ чемъ не бывало, охотно осушать рюмки и опустошать тарелки... А я, грѣшный человѣкъ, люблю поѣсть, не

даромъ меня въ училищѣ Аркаша и другіе товарищи прозвали крокодиломъ за мое обжорство и умѣніе глотать быстро большіе куски съѣдомаго. Должно быть, и теперь я изображалъ собой нѣчто похожее на крокодила, потому что княжна какъ-то брезгливо откинулась на спинку стула и, прищуривъ глазки, недовѣрчиво, насмѣшливо посматривала на мой академическій знакъ. «И пустили же этакого неотесаннаго mauvais ton'а... mauvais genre'а въ приличное общество!... fi-donc!»—вѣрно думала она, потому что ужъ очень она презрительную сдѣлала гримаску, смотря на меня!... Я бы ей еще многое отчиталъ, да пощадилъ хозяевъ: все же мои старые знакомые!... Но здѣсь какъ-то случайно, помимо моей воли, вышелъ маленькій инцидентъ, показывающій всю пылкость моей натуры. Въ это время «maman» княжны разсказывала о женитьбѣ своего кузена, барона Икса, на одной красавицѣ. Совершенно неожиданно въ моихъ ушахъ прозвучала знакомая фамилія. Я даже пересталъ опустошать тарелки и, не вѣря своимъ ушамъ, спросилъ «maman»:

— Вы говорите о дочери генерала Чеканова? А позвольте узнать, какъ имя его дочери?

— Инна... Инна Львовна!—важно отвѣтила княгиня: — вы развѣ ее знаете?

— Да, какъ не знать!... Инна, Инночка! Такая красавица! Даже влюбленъ былъ въ нее, жениться хотѣлъ, да она меня не захотѣла. Впрочемъ, больше всего отецъ здѣсь помѣшалъ, бестія!... Онъ помѣшалъ, этотъ заржавѣлый осколокъ стараго времени, вносящій всюду лишь одинъ гнусный раздоръ! Самъ, видите ли, жидъ, выкрестъ, изъ кантонистовъ, продувная шельма, кучу денегъ накралъ различными тамъ способами, такъ не захотѣлъ, чтобы я, честный, но бѣдный офицеръ, женился на Инночкѣ, на его дочери! Слишкомъ я, значитъ, для его дочери мелкотравчатый женихъ! Такъ онъ за барономъ погнался, за титуломъ!... Вишь, чего захотѣлъ, чтобы его Инночка баронессой стала! А этотъ баронъ Иксъ, проходимецъ, захудалый потомокъ баронскій, промотавшійся кутила, и тогда уже вертѣлся подлѣ Инночки!... Вотъ чего онъ добивался: двухсотъ тысячной невѣсты, да еще красавицы!... Жаль, очень жаль Инночку!...—Всю эту тираду я выпалилъ, такъ сказать, однимъ залпомъ, безъ оглядки!... И не замѣтилъ, какъ «maman», услыхавъ такія откровенныя словца, полулежала въ обморокѣ, а княжна окаменѣла на стулѣ и, блѣдная, какъ мраморное изваяніе, испуганно уставила въ меня свои неподвижные, широко открытые глаза. Хозяева трепетали, извинялись за меня, охали, ахали... И ихъ однихъ, признаться, немно-

го мнѣ было жаль. Что же касается этихъ надменныхъ аристократовъ, то я очень былъ радъ, что немного, хотя невольно, помялъ ихъ!... Пусть не уносятся подъ небеса! Пустота этакая! Такъ не изъ ихъ ли среды прикажете выбирать себѣ жену?

— Ну, если Инна Львовна не захотѣла выйти замужъ «за честнаго, но бѣднаго, офицера», то княжна, да еще богатая, и подавно не посмотритъ на него!...—замѣтила я, улыбаясь.—А вы ищите себѣ невѣсту все же изъ среды «интеллигенціи средней руки», или изъ своей офицерской семьи.

— Боже меня сохрани жениться на оберъ-офицерской дочери, да еще, можетъ быть, играющей на фортепіано! Не переношу этой музыки, гдѣ правая рука не знаетъ, что играетъ лѣвая!... Мои нервы не выдерживаютъ такой прелести!... Нѣтъ, откровенно говоря, я, если только когда-нибудь женюсь, то прямо на кухаркѣ!—съ апломбомъ, громко произнесъ Рисковѣцъ.

— Это еще почему?—удивилась я.

— Во-первыхъ,—началъ онъ торопливо,—ужъ навѣрное не будетъ играть на фортепіано; а во-вторыхъ, не заведетъ себѣ друга дома какого-нибудь юнца-юнкера или прапора, который непремѣнно разскажетъ о своемъ сожительствѣ съ чужой женой своимъ товарищамъ. И всѣ, кромѣ, конечно, меня, будутъ знать о проказахъ моей жены... Кухарка же, если и будетъ имѣть «друга», то непремѣнно «кума-пожарнаго», который не посмѣетъ никому разсказать, въ силу дисциплины, что онъ живетъ съ офицерской женой; а если и разскажетъ, то своему брату-пожарному... Итакъ, тайна жены моей тамъ и умретъ, не дойдя до высшихъ слоевъ общества.

Я отъ души посмѣялась надъ выводами Рисковѣца и замѣтила ему, продолжая нашъ разговоръ объ исканіи невѣсты:

— Вы все берете примѣры отрицательные... А посмотрите сколько свѣтлыхъ, самоотверженныхъ натуръ есть среди нашей интеллигенціи! Вы все любите нападать и не хотите остановиться на отрадныхъ примѣрахъ... Наша русская образованная женщина умѣетъ работать и отказывать себѣ во всемъ для блага своего ближняго! Также сумѣетъ полюбить достойнаго мужа и дать ему счастье! Ищите жену не на вечерахъ, среди танцующихъ, не на званныхъ обѣдахъ, а въ домовитой трудящейся семьѣ.

— Да, откровенно и серьезно говоря, у меня не было еще времени хорошенько поискать себѣ подругу жизни!...—скоро, громко и торопливо заговорилъ Рисковѣцъ, перебивая меня.—Все время у меня шло, конечно, не на визиты, а на ученіе и на исканіе «насущнаго хлѣба». Гимназія, кондиціи, университетъ, частная работа,

военное училище, служба въ полку, опять кондиціи, академія и, наконецъ, служба по судейской части!... Трудъ и трудъ!... Хотя впечатлѣній пережито—масса! Вѣдь я объѣздилъ почти всю Россію и, кажется, нѣтъ того, болѣе или менѣе выдающагося русскаго города, гдѣ бы я не жилъ!

— Отчего же вы такъ много ѣздили?—спросила я.

— То сама жизнь кидала меня во всѣ концы Россійской имперіи, то самъ я ищу, гдѣ лучше, гдѣ больше дѣятельности, пользы и жизни!

— Ну, теперь вы у насъ въ Древнемъ, вѣрно, какъ у тихой пристани, поселитесь на долго?

— Ну, нѣтъ, не думаю! Древній—еще глубокая провинція, какой-то патріархальный городъ, гдѣ каждый тебя знаетъ, каждый тобой интересуется и знаетъ чуть не всю твою жизнь прошлую, настоящую и даже... будущую!... Да и скучно здѣсь, тѣсно, какъ-то мрачно! Нѣтъ, не нравится мнѣ этотъ городъ!... Вотъ поживу въ Древнемъ еще годикъ, много два, а затѣмъ опять поплыву, куда занесетъ меня жизненная волна.

— Какой вы неугомонный! Все вамъ тѣсно, скучно, мрачно!

— Да!... И хочется мнѣ простора, свободы и дѣла!... И нигдѣ я не засижусь долго! Не даромъ и фамилія моя—Рисковѐцъ!... А вотъ только у васъ, Марья Александровна, засидѣлся долго!—сказалъ онъ, подымаясь:—вѣрно, не дождусь я Аркаши!... Жаль... А гдѣ это онъ пропадаетъ?

— Вѣрно, у своей невѣсты.

— А, вотъ новость!... Аркаша женится!... А вѣдь онъ много меня моложе... На комъ же?

— На Страдневой.

— Можетъ быть, на Вѣрѣ Николаевнѣ?

— Да. А вы развѣ ее знаете?

— Еще бы! Прекрасная личность и при томъ красавица!... Вотъ только горда не въ мѣру!... Какъ Аркашѣ, однако, везетъ!... На такой я и самъ женился бы! Ну, теперь я не уйду отъ васъ, пока не дождусь Аркаши! Чортъ возьми, какъ это ему везетъ! Что же это... самому, что ли, напроситься мнѣ къ нему въ шафера? Стойкій я въ своихъ убѣжденіяхъ, но, въ данномъ случаѣ, можно, можно сдѣлать исключеніе!... Потому что этотъ бракъ, зная Аркашу и Вѣру Николаевну, могу сказать, какъ рѣдкое исключеніе, не будетъ самоубійствомъ!... Вотъ то новость, такъ новость!...

Ю. Левицкая-Пащенко.

Окончаніе слѣдуетъ).

Море.

I.

Жарокъ полдень. Море сонно.
Раскаленна глубь небесъ.
Какъ цикады монотонно
Оглашаютъ сонный лѣсъ!

Желты скалы, желты горы...
Искры сыплетъ неба сводъ.
И напрасно бродятъ взоры
По простору синихъ водъ.

Не мелькнутъ тамъ чаекъ крылья,
Не бѣлѣютъ паруса...
Спятъ въ истомѣ сномъ безсилья
Горы, море, небеса.

Лишь въ заливѣ, чуждый зною,
По недвижной глади водъ,
У обрыва, подъ горою
Въ гавань входитъ пароходъ.

Глубь бурля винтомъ проворнымъ,
Онъ идетъ, а трубный дымъ
Въ блескѣ дня дракономъ чернымъ
Вьется медленно надъ нимъ.

II.

Желтой цѣпью горы...
Пыльный лѣсъ оливъ.

Легкихъ пальмъ узоры,
Между горъ — заливъ.
Вдоль воды зеркальной
Отмели песокъ.
Изъ скалы — хрустальной
Лентой ручеекъ.
Тучки въ небѣ роемъ.
Въ мглистой дымкѣ даль...
И горячимъ зноемъ
Дышущій мистраль.

III.

Какъ грустно меркнетъ даль! За гладью голубою —
Тѣснятся облака причудливой каймою...
Ползутъ они, растутъ... Какъ сизо-черный дымъ,
Кайма ихъ ширится надъ моремъ голубымъ.
Клубятся сонмы тучъ... По ихъ груди волнистой
То яркій блескъ мелькнетъ, скользя струей огнистой,
То громъ прокатится—сердитый, гулкій громъ...
Гудитъ онъ, а вокругъ все спитъ тяжелымъ сномъ.
Томится въ духотѣ нѣмая глубь долины;
Грустны и склоны скалъ, и дальнихъ горъ вершины;
И скорбью дышитъ высь пылающихъ небесъ...
Но вотъ сорвался вихрь... На мигъ качнулъ онъ лѣсъ,
Травою зашумѣлъ, завихрилъ пыль дороги,
Затихъ,—и снова сонъ... Въ тоскѣ нѣмой тревоги
Лишь зыблется вдали морская бирюза.
Все ярче молній блескъ... Все пламеннѣй гроза...
Обрывки тучъ бѣгутъ... За бурой ихъ толпою
Вотъ скрылся солнца лучъ,—и все затмилось мглою.

IV.

Мутно-сѣрая сѣтка вдали
Къ лону водъ, чуть дымясь, опустилась,
Закачалась, дошла до земли,—
И природа отъ сна пробудилась.

Встрепенулся встревоженный лѣсъ...
Блещутъ капли серебряной влаги.
Черезъ сводъ омраченныхъ небесъ,—
Бороздятъ его молній зигзаги.

Налетитъ буйный вихря порывъ,—
Пальмы гнутся, трепещутъ чинары;
Звонче капли средь листьевъ оливъ;
А вверху — все зловѣщѣй удары.

Вспышки молній, рокочущій громъ...
Шумъ потоковъ, бѣгущихъ по кручамъ...
Волны моря, смѣшавшись съ дождемъ,
Рвутся къ небу, къ сверкающимъ тучамъ.

V.

Дождь прошелъ. На смѣну бури —
Вѣтерка живыя ласки...
Глубь сверкающей лазури;
Освѣженной дали краски.

На груди утесовъ мшистыхъ—
Пальмъ веселыя короны.
Вдоль залива —горъ кремнистыхъ
Ярко блещущіе склоны.

Отъ тревогъ былого горя
Только слезъ вокругъ блистанье,
Да вдали, за ширью моря,
Мирной радуги сіянье.

П. А. Тулубъ.

НА РОДИНѢ.

Разсказъ.

Волшебный лучъ любви и возрожденья,
Я звалъ тебя во снѣ и на яву:
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья,
Я звалъ тебя... теперь ужъ не зову!
Н. Некрасовъ.

Это было осенью 189... года.

— У васъ все готово, Мина Францовна? — торопливо надѣвая пальто, спросилъ Владимiръ Михайловичъ Балдинъ, довольно крупный банковскiй чиновникъ.

— Все,—отвѣтила вышедшая его проводить нѣмка-бонна, толстая особа лѣтъ подъ тридцать пять, съ красными, лоснящимися щеками и взбитымъ хохломъ рыжеватыхъ волосъ надъ узкимъ лбомъ. — Вы взойдите, посмотрите: мнѣ очень прiятно, если все хорошо и вамъ понравится, — добавила она.

Владимiръ Михайловичъ взялъ съ вѣшалки шляпу и быстрымъ шагомъ вернулся въ столовую, гдѣ на большомъ кругломъ столѣ былъ поставленъ чайный приборъ, фрукты, печенье и свѣжiй букетъ цвѣтовъ. На стѣнѣ, противъ стола красовались двѣ огромныя буквы В. и Б., сплетенныя изъ позднихъ, кое-гдѣ уже пожелтѣвшихъ астръ. На полу, перебирая игрушки, сидѣлъ толстый мальчикъ лѣтъ шести; другой, постарше, при входѣ бонны быстро отошелъ отъ чайнаго стола и, опустившись рядомъ съ братомъ, началъ очень скоро и преувеличенно-весело что-то ему разсказывать. Это были дѣти Балдина—Сережа и Митя.

— Ай, ай, ай! — вдругъ заговорила Мина Францовна своимъ медленнымъ выговоромъ, необыкновенно отчетливо произнося слова и протягивая гласныя. — Это кто взялъ? Это вы, Митенька?

— Что взялъ? — спросилъ Балдинъ.

и его семейства ученики и подмастерья могутъ быть подвергнуты аресту отъ 3 до 7 дней (ст. 1374 Улож.), такимъ же наказаніемъ законъ грозитъ имъ за самовольную отлучку болѣе 7 дней (ст. 1373 Улож.) и т. д.

Такое положеніе вещей, представляющее собою наслѣдіе крѣпостническихъ отношеній добраго стараго времени, разумѣется, не можетъ быть долѣе терпимо, и реформа въ этой области является самой настоятельной необходимостью. Послѣднему съѣзду русской группы международнаго союза криминалистовъ были предложены по этому вопросу четыре доклада: гг. Обнинскаго, Герарда, Тютрюмова и Левенстима. Наиболѣе интересный изъ нихъ докладъ П. Н. Обнинскаго, съ которымъ знакомитъ насъ *Сѣверный Курьеръ*.

Г. Обнинскій справедливо находитъ, что бороться съ эксплуатаціей дѣтскаго труда можно успѣшно лишь путемъ поднятія экономическаго и нравственнаго уровня населенія, но такъ какъ этотъ путь трудный и медленный, то остается обратиться, въ видѣ палліатива, къ усовершенствованію законодательной охраны дѣтской личности. Но эта охрана не должна быть взвалена на одно только государство, такъ какъ правительственный надзоръ всегда слабѣе надзора общественной благотворительности. «Громадная заслуга этого добровольнаго содѣйствія, оказаннаго государству частной благотворительностью въ недавней борьбѣ его съ голодомъ и холерою,— говоритъ г. Обнинскій,—всѣми оцѣнена по достоинству. Обѣ силы въ этой борьбѣ не могли обойтись одна безъ другой». Въ виду этого и къ надзору за положеніемъ беззащитныхъ дѣтей слѣдуетъ наравнѣ съ правительственными учрежденіями привлечь общественныя и благотворительныя учрежденія.

Кромѣ того, слѣдуетъ измѣнить и порядокъ уголовнаго преслѣдованія за обнаруженныя въ ремесленныхъ заведеніяхъ злоупотребленія. Преслѣдованіе «хозяевъ» должно быть предоставлено не усмотрѣнію ученика или его родителей, которые никогда не осмѣливаются это сдѣлать, а должно вестись въ порядкѣ публичнаго обвиненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимы и измѣненія въ области матеріальнаго права. Здѣсь раньше всего слѣдуетъ ограничить власть родителей, совершенно у насъ безграничную. Правда, и нашъ законъ знаетъ нѣкоторые случаи ограниченія родительской власти, но эти случаи слишкомъ рѣдки, а главное — законодатель принимаетъ при этомъ въ соображеніе не интересы страдающей дѣтской личности, а такія случайныя обстоятельства, какъ осужденіе родителей за преступленія или желаніе дѣтей слѣдовать или не слѣдовать за ссылаемыми родителями. «Игнорируя всѣ требованія элементарнаго правосудія,— говоритъ г. Обнинскій,—приложеніе къ ст. 103 т. X, 1 ч. (п. 4—5), оставляетъ рѣшеніе вопроса о прекращеніи родительской власти на произволъ самихъ осужденныхъ родителей и ихъ дѣтей. Отецъ, растлившій свою малолѣтнюю дочь, сохраняетъ свою власть надъ нею, если она «пожелаетъ» за нимъ слѣдовать, а мать, въ припадкѣ отчаянія убившая соблазнителя своей нѣжно любимой дочери, утрачиваетъ эту власть. Ссылаетъ общество по проискамъ вліятельнаго члена неугоднаго ему человѣка, примѣрнаго отца семейства—послѣдній лишается своей власти надъ дѣтьми, а извергъ, му-

чающій въ томъ же обществѣ своихъ дѣтей, сохраняетъ ее, если даже судъ покараетъ его за это отдачей въ исправительное отдѣленіе».

Въ то же время ст. 190 Улож. о нак. по формально-религіознымъ основаніямъ разрушаетъ семью, хотя бы безукоризненно добропорядочную во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Предусматриваемое этою статьей отобраніе дѣтей и безсрочная разлука ихъ съ родителями является, по мнѣнію г. Обнинскаго, мѣрой весьма суровой, «такъ какъ она лишаетъ ребенка родной семьи, родного крова, родительской власти и обрекаетъ его на проживаніе по чужимъ людямъ. Такую мѣру не можетъ оправдывать стремленіе охранить православное вѣроученіе, ибо всякое вѣроученіе можетъ охраняться лишь внутреннимъ и поэтому свободнымъ, не поддающимся никакой регламентаціи, убѣжденіемъ совѣсти человѣческой. Эта истина давно уже успѣла обратиться въ труизмъ, а между тѣмъ до сихъ поръ существуетъ законъ, примѣненіе котораго вноситъ горе и смуту въ заповѣдную область семейной любви и покоя, какъ это имѣло мѣсто въ извѣстномъ недавнемъ случаѣ насильственнаго отобранія дѣтей у сектантовъ на югѣ Россіи».

Въ заключеніе своего доклада г. Обнинскій высказывается за слѣдующія измѣненія въ дѣйствующемъ законодательствѣ по отношенію къ дѣтямъ, отдаваемымъ родителями въ обученіе ремеслу или искусству:

1. Налагаемыя на основаніи 1377 ст. уложенія на малолѣтнихъ ремесленниковъ наказанія розгами должны быть отмѣнены по причинамъ достаточно уже выясненнымъ въ обширной литературѣ вопроса о вредѣ тѣлесныхъ наказаній.

2. Ст. 1378, 1380, 1384 улож. о наказ. должны быть распространены на содержателей хоровъ, цирковъ, театровъ, акробатовъ и нищихъ, безжалостно эксплуатирующихъ дѣтскую личность.

3. Установленіе уголовной и гражданской отвѣтственности за обремененіе дѣтей работою свыше узаконенной нормы рабочихъ часовъ и сокращеніе этой нормы до возможнаго минимума.

И далѣе:

4. Узаконеніе разрѣшаемаго пока въ административномъ порядкѣ попечительнаго надзора за бытомъ малолѣтнихъ въ ремесленныхъ и тому подобныхъ заведеніяхъ.

5. Установленіе коронпаго порядка обвиненія по всѣмъ нарушеніямъ правилъ ремесленнаго устава, охраняющихъ дѣтскую личность.

6. Ограниченіе родительской власти.

7. Отмѣна ст. 190 улож. о наказ.

8. Отмѣна 39 и 57 ст. уст. о предупр. и пресѣч. преступленій.

9. Признаніе за благотворительными обществами, пекущимися объ охранѣ дѣтства, права, предоставленнаго земскимъ учрежденіямъ «ходатайствовать передъ правительствомъ о пользахъ и нуждахъ призрѣваемаго и защищаемаго ими дѣтства» и огражденіе этого права отъ тѣхъ стѣсненій, какія ставитъ земству мѣстная администрація.

Несомнѣнно, что мѣры, рекомендуемыя г. Обнинскимъ, могутъ принести

много пользы, но для болѣе или менѣе усиленной борьбы со зломъ нужно измѣненіе самой системы ремесленнаго ученичества. Въ западной Европѣ открываютъ въ интересахъ ремесленнаго ученичества спеціальные ремесленные классы и учебныя мастерскія. Намъ, конечно, едва ли приходится мечтать о скоромъ введеніи ремесленныхъ классовъ и учебныхъ мастерскихъ, но и у насъ могли бы быть приняты сейчасъ такія мѣры, какъ распространеніе круга компетенціи фабричныхъ инспекторовъ на ремесленныя заведенія или же учрежденіе для надзора за ремесленными заведеніями особыхъ инспекторовъ, обязательное обученіе ремесленныхъ учениковъ въ извѣстные часы въ общихъ школахъ, улучшеніе гигіеническихъ условій въ мастерскихъ и т. д.

Въ связи съ законодательными измѣненіями, рекомендуемыми г. Обнинскимъ, всѣ эти мѣры могли бы внести хоть лучъ свѣта въ темное царство ремесленнаго ученичества.

Недавно въ петербургскомъ окружномъ судѣ разсматривалось интересное дѣло о нарушеніи типографщикомъ Тихоновымъ цензурнаго устава. Преступленіе Тихонова заключалось въ томъ, что онъ отпечаталъ безъ предварительнаго разрѣшенія цензуры двѣ книги: «Національзація земли, ея необходимость, цѣли и способы осуществленія» (по статьямъ Спенсера, Милля, Уоллеса и др. Перев. и изд. Муратова) и «Очерки экономической и соціальной исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ» (статьи изъ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. Перев. В. Дена, изд. Водовозовой). Подсудимый оправдывался 6 ст. законовъ о печати, разрѣшающей печатать безъ предварительной цензуры книги объемомъ не менѣе 20 печатныхъ листовъ, но инспекторъ столичныхъ типографій Сафоновъ, указавъ на циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 24 сентября 1896 г., объяснилъ, что по установленному этимъ циркуляромъ толкованію 6 ст. ценз. устава книги, выпущенныя Тихоновымъ, подлежали предварительной цензурѣ. Окружный судъ, не войдя въ разсмотрѣніе правильности циркуляра 1896 г., приговорилъ Тихонова къ штрафу въ 50 руб. и трехнедѣльному аресту при полиціи.

На основаніи 6 ст. изданныхъ въ 1865 г. временныхъ правилъ о цензурѣ и печати освобождены были отъ предварительной цензуры въ обѣихъ столицахъ всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ и всѣ переводы не менѣе 20 печатныхъ листовъ. Въ теченіе 31 года статья эта толковалась и примѣнялась цензурнымъ вѣдомствомъ въ томъ смыслѣ, что всѣ сборники оригинальныхъ статей болѣе 10 листовъ и переводныхъ статей болѣе 20 листовъ, хотя бы и различныхъ авторовъ, не подлежатъ предварительной цензурѣ. И только въ 1896 г. бывшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати г. Соловьевъ, въ числѣ прочихъ стѣснительныхъ для печати мѣропріятій, издалъ циркуляръ, въ которомъ разъяснилъ, что *буквальный смыслъ* 6 ст. ценз. уст. требуетъ, чтобы отъ предварительной цензуры освобождались только такія книги опредѣленнаго за-

кономъ объема, которыя представляютъ *одно какое-либо сочиненіе*. 31 годъ примѣнялась 6 ст. ценз. уст., а между тѣмъ никто и не догадывался объ ея буквальномъ смыслѣ...

Достаточно, однако, краткой исторической справки для того, чтобы убѣдиться, что не предшествующая тридцатилѣтняя цензурная практика, а именно циркуляръ 1896 г. представляетъ собою извращеніе и буквальнаго смысла, и духа, и разума 6 ст. ценз. уст.

Еще коммиссія 1862 г. подъ предсѣдательствомъ кн. Оболенскаго, впервые проектировавшая освобожденіе отъ предварительной цензуры книгъ объемомъ 20 листовъ, мотивировала свой проектъ тѣмъ, что книги крупнаго объема не распространяются съ такой легкостью, какъ брошюры, листки и т. д., и попадаютъ въ руки читателей серьезныхъ, которые умѣютъ критически отнестись къ содержанію книги. Кромѣ того, легче остановить вредъ, приносимый такой книгой, чѣмъ быстро распространяющейся брошюрой. «Внѣшній признакъ,—писала коммиссія,—представляетъ то удобство, что не можетъ подлежать спору и сомнѣнію». Конечно, принятая норма объема въ 20 печатныхъ листовъ совершенно произвольная, но законодатель часто вынужденъ прибѣгать къ произвольному опредѣленію сроковъ и мѣръ въ томъ или другомъ случаѣ. «*Для избѣжанія необходимости оцѣнивать содержаніе каждой* являющейся въ свѣтъ *книги*, законъ можетъ опредѣлять по своему усмотрѣнію внѣшній предѣлъ, за которымъ цензурное изслѣдованіе представляется ненужнымъ».

Проектъ коммиссіи впослѣдствіи нашелъ себѣ мѣсто въ правилахъ 1865 г. съ той разницей, что 20-листный размѣръ былъ оставленъ только для переводныхъ сочиненій, а для оригинальныхъ былъ принятъ 10-листный размѣръ.

Такимъ образомъ исторія происхожденія 6 ст. ценз. уст. такъ же, какъ и ея буквальный смыслъ, трактующій лишь объ *объемѣ* книги, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что статья эта устанавливаетъ только внѣшній признакъ для освобожденія книги отъ предварительной цензуры и вовсе не касается ея содержанія. Такимъ путемъ коммиссія 1862 г. надѣялась избѣжать споровъ и недоразумѣній, неизбѣжныхъ при оцѣнкѣ содержанія сочиненія, но, какъ мы видимъ, коммиссія ошиблась, и недоразумѣнія все-таки возникли.

Любопытно, что въ числѣ прочихъ мотивовъ къ изданію циркуляра 1896 г. послужило и то соображеніе, что безъ предварительной цензуры печатаются и сборники скабрезнаго содержанія пѣсенъ, куплетовъ, шансонетокъ и т. п. произведеній, разсчитанные на широкое распространеніе среди народа. Но много ли такихъ сборниковъ выходитъ и какое они имѣютъ распространеніе *среди народа?* Что мѣшало главному управленію по дѣламъ печати, именно противъ нихъ и направить свой циркуляръ? Цензурное вѣдомство, наконецъ, имѣетъ право вовсе не выпускать подобныхъ сборниковъ на основаніи 4 ст. ценз. уст.

Надо надѣяться, что высшія судебныя инстанціи отмѣнятъ приговоръ петербургскаго окружнаго суда и возстановятъ правильное толкованіе 6 ст.

— Вотъ яблоко и немного винограду, — отвѣтила бонна, указывая на большую хрустальную вазу, съ одной стороны которой, видимо, нарушена была симметрія.

— Митя, поди сюда! — позвалъ отецъ.

Съ пола неохотно поднялся узкоплечій мальчикъ съ блѣднымъ лицомъ съ широкой плоской переносицей, на которомъ рѣзко выдѣлялись припухшія, синія подглазицы. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, тупо устремивъ въ неопредѣленное пространство небольшіе, некрасивые сѣрые глаза безъ бровей.

— Ближе! Еще ближе! Ну, еще! — сказалъ Балдинъ, раздражаясь тѣмъ, что лицо и походка Мити обличали несомнѣнную его виновность. — Ты взялъ фрукты?

Митя вытянулъ шею и наклонилъ голову. Черты его лица приняли непонимающее, идіотское выраженіе.

— Я тебя спрашиваю, ты это или нѣтъ? Ну?—говорилъ Балдинъ, теребя сына за рукавъ.

Мальчикъ молчалъ.

— Я вѣдь знаю, что ты. Больше некому. Говори сейчасъ, не то плохо будетъ! Ну! Кто это сдѣлалъ?

— Я... — произнесъ Митя плаксиво и протяжно.

Отецъ слегка оттолкнулъ его и опустился, стиснувъ руки, на близъ стоящій стулъ.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, зачѣмъ?—сказалъ онъ, страдальчески наморщивъ брови и смотря прямо въ глаза сыну.

— Не знаю... — отвѣчалъ тотъ тѣмъ же тономъ.

— Или тебѣ не даютъ?

— Даютъ...

— Такъ зачѣмъ же ты воруешь?

— Захотѣ-ѣлось...

— А спросить не могъ?

— Мо-огъ...

— Такъ зачѣмъ же укралъ?

— Не знаю-ю...

— Ахъ, Боже мой, Боже!—проговорилъ Балдинъ въ отчаяніи.— Что мнѣ съ тобой дѣлать?

— Ишь, Митенька, какой смирненькій стоитъ,—сказала, внося самоваръ, молодая, краснощекая горничная Анна. — А я хотѣла вамъ на него пожаловаться, баринъ. Чуть Мина Францовна отвернутся—отъ него проходу нѣтъ. Вы съ нимъ до бѣды доживете. Выбѣжалъ давеча на улицу, набралъ гдѣ-то камешковъ, во всѣхъ швыряетъ. Извозчика одного лошадь чуть не понесла. Ужъ онъ какъ

и обругалъ его нехорошо... страсть! Да и Митенька дурными словами ругается. Придетъ къ намъ въ кухню и ругается. Дарья смѣется, а онъ-то радуется, думаетъ, нивѣсть какъ хорошо. Нѣтъ! Этакъ, Митенька, стыдно: любить никто не станетъ. Утромъ нынче насилу оттащила его отъ Аксютки. Филимоновскаго кучера дочка это. Мать ее поучить захотѣла маленько, дала шлепокъ-другой. Митенька, гдѣ бы пожалѣть, на нее же кинулся, на Аксютку, колотитъ ее, кусаетъ, инда визжитъ. Насилу отняли.

— Ахъ, да будетъ вамъ!—простоналъ Балдинъ.—Иди!—обратился онъ къ сыну, все также неподвижно и тупо смотрѣвшему впередъ.

— Иди скорѣе! — позвалъ игравшій на полу Сережа. — Ну, садись...

«И на этого подобныя исторіи не производятъ никакого впечатлѣнія: ни удивленія, ни негодованія,—подумалъ Балдинъ, вглядываясь въ такое же некрасивое, но живое лицо младшаго сына.— Зоветъ идти играть скорѣй...»

Дѣти опрокидывали другъ друга на полъ, приговаривая все одно и то же: «зовутъ его зовуткой, а величаютъ уткой». Одинъ начиналъ говорить тогда, когда кончалъ другой. Въ этомъ состояла вся игра. Митя громко кричалъ и хохоталъ. Отецъ посмотрѣлъ на него въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ и съ горечью отвернулся.

«И въ кого они такіе?—думалъ онъ.—У насъ въ эти годы были уже свои идеалы и любимцы... Митя—это какой-то уродъ... именно уродъ, больной волей. Для того, чтобъ онъ чего-нибудь захотѣлъ, ему необходимо возбужденіе: онъ хочетъ рисовать только тогда, когда увидитъ карандашъ, ѣсть, когда увидитъ ѣду или услышитъ ея запахъ. Но разъ онъ захотѣлъ, желаніе его должно быть удовлетворено. Какъ онъ теперь потихоньку таскаетъ сладкое, такъ, современемъ, быть можетъ, пойдетъ на величайшія преступленія. И неужто мои мелкіе, дѣтскіе пороки отразились на немъ такъ ужасно?»

— Вы опоздаете на вокзалъ, Владиміръ Михайловичъ,—осторожно замѣтила Мина Францовна.

Балдинъ тяжело вздохнулъ, надѣлъ шляпу, которую держалъ все время въ рукахъ, и направился къ двери.

— Что я теперь скажу о тебѣ мамѣ?—обратился онъ было къ Митѣ, но, встрѣтивъ мгновенно дѣлавшійся тупымъ взглядъ мальчика, не кончилъ и, махнувъ рукой, вышелъ.

Когда, заперевъ за нимъ дверь, Анна проходила въ столовую, изъ-за двери выскочилъ на нее Митя. Онъ былъ неузнаваемъ.

глаза его горѣли, черты лица приняли вызывающее, залихватское выраженіе.

— Ты что все на меня жалуешься?—закричалъ онъ, ударивъ дѣвушку съ разбѣгу обоими кулаками въ животъ.—Я еще и не то сдѣлаю.

— Стыдно этакъ, Митенька. Всѣ надъ вами смѣяться станутъ.

— А тебѣ что? Не ты меня родила: не твоя бѣда.

— Митя! Мина Францовна ушла!—звонко оповѣстилъ Сережа.

— Ушла?!

Митя поднялъ плечи, высунулъ языкъ и, перегибая голову то направо, то налѣво, пошелъ по комнатѣ, ломаясь и бормоча непонятныя слова. Сережа смотрѣлъ на него съ видимымъ удовольствіемъ и хохоталъ.

Владиміръ Михайловичъ сѣлъ на дрожки и велѣлъ везти себя на вокзалъ. Черезъ полчаса съ нимъ должно было произойти огромное и радостное событіе: онъ долженъ былъ встрѣтиться съ женой, отбывшей шестилѣтній срокъ ссылки и возвращавшейся домой. И онъ радовался, но не столько сердцемъ, сколько головой. Думая о томъ, что для жены окончились лишенія ссылки, что она опять будетъ полноправнымъ членомъ общества, вновь найдетъ семью и друзей, онъ испытывалъ пріятное чувство удовлетворенія и только. Мысль о предстоящемъ свиданіи не могла даже заглушить впечатлѣнія отъ послѣдняго Митинаго поступка. «Да, для нея начнется теперь новая жизнь, — думалъ онъ, машинально всматриваясь въ идущихъ и ѣдущихъ.—И, навѣрное, у Вѣры есть уже всѣ данныя для такой жизни, навѣрное, у нея есть новый, а можетъ быть и старый, но дополненный символъ вѣры, который она настоятельно будетъ исповѣдовать. Она не похожа въ этомъ случаѣ на меня и никогда не отойдетъ отъ жизни. А какъ это случилось со мной, что я отошелъ? Или я никогда не жилъ въ полномъ смыслѣ этого слова? Вѣрнѣе, что такъ. Жить идеями можно только тогда, когда съ ними неразрывно связано собственное существованіе человѣка, когда работаешь для осуществленія чего-нибудь или во имя искорененія чего-нибудь. А я всегда былъ мыслящая и грустящая середина. Мы не завоюемъ городовъ, но это мы представляемъ начала гуманности и справедливости въ обществѣ, судѣ, администраціи; мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ разрѣзываемъ вновь вышедшую книжку журнала; при жизни писателей, проповѣдующихъ слова любви и свободы, пишемъ имъ адресы, а послѣ ихъ смерти возлагаемъ вѣнки на ихъ прахъ... Я возмутился бы, если бы поставилъ себѣ цѣлью жизни вкусно обѣдать, но не возмущаюсь тѣмъ, что ѣмъ

сытно и вкусно, когда другой, быть можетъ, умираетъ съ голоду. Прежде я мирился со многимъ безсознательно, теперь мирюсь сознательно. Мнѣ противна утробная жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ во мнѣ нѣтъ и капли какого бы то ни было, не только что юношескаго, энтузіазма. Моя жизнь теперь—въ дѣтяхъ. Какъ-то отнесется къ нимъ Вѣра? Въ какую форму отольются наши отношенія? Да... Въ моей жизни нѣтъ ни малѣйшаго самообмана и никакой иллюзіи, что, какъ говорятъ, и составляетъ правду и жизнь. Въ оно время Вѣрочка называла такихъ людей, какъ я, порядочными, потому что они не таскаютъ носовыхъ платковъ изъ кармановъ. Тогда она не знала, что ея мужъ такой же. Впрочемъ, я никогда ее не обманывалъ, и она любила меня отдѣльно отъ прочихъ своихъ увлеченій, такъ сказать, мимоходомъ... Бѣдная, какъ она должна была измучиться. Письма ея въ послѣднее время сдѣлались такія сухія, короткія. Какъ хорошо, что она, наконецъ, успокоится. Странно все-таки немного любящимъ мужчинѣ и женщинѣ встрѣчаться послѣ шестилѣтней разлуки... Какъ таковые, они непремѣнно должны отвыкнуть другъ отъ друга. Разумѣется, мы встрѣтимся пока только какъ старые друзья»...

Поѣздъ уже пришелъ. Къ широкому крыльцу вокзала безпрестанно подъѣзжали принимавшіе пассажировъ извозчики; въ дверяхъ стояла обычная давка. Владиміръ Михайловичъ хотѣлъ войти вслѣдъ за другими въ залу, но навстрѣчу ему изъ-за толпы разнохарактерныхъ особъ мужского и женскаго пола мелькнула знакомая тонкая и прямая фигура, выдѣлилось смуглое, блѣдное лицо. Онъ отступилъ въ сторону и черезъ секунду былъ уже около молодой еще женщины въ черномъ кашемировомъ платкѣ и толстомъ драповомъ пальто. Въ ея уродливой касторовой шляпѣ, грубой обуви и покроѣ платья сказывалось полное отсутствіе желанія нравиться. Она могла бы казаться красивой съ правильнымъ оваломъ своего лица и изящнымъ разрѣзомъ глазъ, если бы всѣ черты ея не носили на себѣ печати мрачной неподвижности и въ глазахъ не вспыхивалъ по временамъ острый и злой огонекъ. При видѣ жены Балдинымъ овладѣло волненіе, на которое онъ не разсчитывалъ, какъ будто бы всѣ прожитые годы сразу встали въ его памяти и наполнили ее—одни воспоминаніемъ шумной молодости бурь и надеждъ, другіе—холодомъ одиночества и усталостью жизни. На его глазахъ навернулись слезы, вызванныя самыми разнородными ощущеніями, соединенными вмѣстѣ.

— Вѣрочка!—заговорилъ онъ, протягивая впередъ обѣ руки.— Вѣрочка! Какъ я радъ! Насилу-то...

Онъ хотѣлъ тутъ же обнять и поцѣловать ее, но неподвижное, не измѣнившееся лицо жены, когда она взглянула на него, удержало его отъ этого движенія. Онъ понялъ, что его волненіе не раздѣлено и ограничился тѣмъ, что крѣпко пожалъ руку жены, широко улыбаясь и блестя просвѣтлѣвшими глазами.

— Ну, я очень, очень радъ,— повторилъ онъ еще разъ.— Я думаю, какъ ты измучилась дорогой?

— Немного устала. Ты какъ поживаешь, Владиміръ Михайловичъ? Дѣти что? Здоровы?

— Здоровы, здоровы... они тамъ собственноручно сплели твой вензель. Вѣдь оба уже давно читаютъ... Что же мы? Поѣдемъ. Гдѣ билетъ на твой багажъ? Сейчасъ я найму извозчиковъ.

Владиміръ Михайловичъ занялся добываніемъ багажа и наймомъ извочиковъ, и эта возня въ связи съ непривѣтливой встрѣчей жены значительно расхолодили его настроеніе. Черезъ нѣсколько минутъ оба Балдины уже сидѣли на затасканой пролеткѣ, дребезжавшей по мокрымъ красноватымъ булыжникамъ губернской мостовой.

— Мы испытываемъ теперь странное, хотя и обычное явленіе. Люди, долго не видѣвшіеся другъ съ другомъ и которымъ есть много о чемъ поговорить, совершенно не могутъ въ первые минуты свиданія собраться съ мыслями и начать говорить. Чтобы не было неловкости,—пока не разговоримся, будемъ болтать о томъ, что придетъ въ голову,—сказалъ Владиміръ Михайловичъ, взглядываясь въ блѣдный профиль жены.

Нельзя было узнать и онъ не узнавалъ прежней Вѣрочки съ порывистыми движеніями, звонкимъ смѣхомъ и горящимъ энергіей взглядомъ въ этой старообразной женщинѣ съ неподвижнымъ лицомъ, на которомъ погасъ оживлявшій его огонь внутренней жизни, съ медленной, злорадной рѣчью и рѣзкими тѣлодвиженіями, потерявшими прелесть молодости и живости. Даже обращенія къ нему жены: «Владиміръ Михайловичъ» вмѣсто прежняго «Балдинъ» или въ веселыя минуты «Володька» непріятно его поразило.

— Да и потомъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—ты такъ мало, такъ рѣдко писала, а въ послѣднее время...

— Какъ ты торопишься съ очисткой своей и моей внутренности,—замѣтила Вѣра Антоновна съ нехорошей, чуть замѣтной усмѣшкою тонкихъ, съ опущенными углами губъ.—Дай хоть кончиться этой невыносимой тряскѣ и грому.

Супруги молчали вплоть до самаго подъѣзда того дома, гдѣ жилъ Балдинъ.

— Gnädige Frau! Ахъ, многоуважаемая Вѣра Антоновна, мы

такъ сердечно рады, что имѣемъ, наконецъ, удовольствіе васъ видѣть,—пропѣла Мина Францовна, давно уже дожидавшаяся въ прихожей пріѣзда Балдиныхъ. — Митенька, Сережа, дѣти! Вотъ мамаша. Подойдите, поцѣлуйте ей ручку.

Мальчики стояли рядомъ, не двигаясь и съ любопытствомъ оглядывали мать. Глаза ея блеснули, когда она, отвѣтивъ небрежнымъ кивкомъ головы на привѣтствіе Мины Францовны, слегка прикоснулась своими твердыми, нераскрытыми губами къ головкамъ дѣтей.

Владиміръ Михайловичъ, ожидавшій, что она присядетъ къ нимъ на полъ, обниметъ ихъ, покроетъ поцѣлуями, заплачетъ, былъ удивленъ и обиженъ. Теперь онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что жена его не только измѣнилась, но даже какъ будто совсѣмъ переродилась. Новое, чуждое и непріязненное ему существо сказывалось во всей ея особѣ въ томъ, какъ она оборвала мужа дорогой и какъ встрѣтила дѣтей.

Они вошли въ столовую, гдѣ кипѣлъ подогрѣваемый уже въ третій разъ самоваръ и яркій букетъ цвѣтовъ издавалъ сильный, чуть-чуть прѣлый запахъ.

— Вели внести вещи въ мою комнату,—сказала Вѣра Антоновна, садясь къ столу и не обращая никакого вниманія на видимую торжественность обстановки, которой хотѣли знаменовать ея прибытіе.—Надѣюсь, у меня отдѣльная комната?

— Разумѣется,—отвѣтилъ Балдинъ, съ неудовольствіемъ взглядывая на вазу съ печеньемъ и букетъ. Въ суровомъ лицѣ жены было кромѣ невниманія и нѣчто такое, что вдругъ заставило его понять смѣшную сторону убогой роскоши своихъ приготовленій. Особенно неумѣстны показались ему буквы изъ астръ, темнѣвшія на стѣнѣ неправильнымъ пятномъ. Въ присутствіи Вѣры Антоновны можно было думать о нѣжности, пріятныхъ сюрпризахъ и какихъ бы то ни было идиліяхъ столько же, сколько о соблюденіи приличій передъ умирающимъ человѣкомъ.

— Да ты здорова? — спросилъ онъ нетерпѣливымъ, немного раздраженнымъ голосомъ.

— Совершенно и попрежнему не терплю разспросовъ о здоровьѣ.

— Вы устали съ дороги, многоуважаемая Вѣра Антоновна, позвольте я налью вамъ чашку чая,—предложила Мина Францовна.

— Налейте,—согласилась Балдина, взглядывая прямо въ лицо нѣмки холодно - презрительными глазами. Мина Францовна была очень мало чувствительна, но этотъ взглядъ вдругъ заставилъ ее

почему-то подумать о своихъ подкрашенныхъ бровяхъ, о томъ, какія средства она употребляла для того, чтобы женить на себѣ знакомаго канцелярскаго чиновника, о подаваемыхъ Владиміру Михайловичу счетахъ, и густо покраснѣть. Дѣти, ставшія было у стола въ ожиданіи конфетъ и пирожнаго, соскучились ждать и ушли въ дѣтскую, куда съ видомъ оскорбленной невинности послѣдовала за ними и Мина Францовна. Горничная Анна и кухарка Дарья осторожно подошли къ дверямъ столовой, желая поздравить господъ и, увидя ихъ, сидящихъ молча и серьезно другъ противъ друга, еще осторожнѣе ретировались въ кухню. Долженствовавшая быть веселой и радостной встрѣча скорѣе походила на возвращеніе съ похоронъ, любимая жена и мать—на строгого и незваннаго судью, подъ холоднымъ и подозрительнымъ взглядомъ котораго всѣ сторонились и сжимались. Вѣра Антоновна не замѣчала производимаго ею впечатлѣнія, или не хотѣла замѣтить или не могла принудить себя быть иной. Владиміръ Михайловичъ, обиженный, встревоженный и недоумѣвающій, изрѣдка взглядывалъ на нее, не зная, какъ и съ чего начать разговоръ. Ему досадно было на себя за свои приготовленія и волненія, на жену—за то, что она испортила чистую, хорошую радость ихъ встрѣчи. Изъ-за досады надвигалось другое тяжелое и темное чувство томительной неизвѣстности, не обѣщавшее ничего хорошаго.

— Ты не хочешь ли осмотрѣть наше помѣщеніе,—сказалъ онъ, наконецъ, видя, что жена давно выпила свою чашку чая и сидитъ, глубоко задумавшись.

— Зачѣмъ?—спросила Вѣра Антоновна не то удивленно, не то презрительно.

— Такъ не хочешь ли ты лечь отдохнуть съ дороги? Уже девять часовъ. Не до поздняго же часа сидѣть намъ здѣсь и молчать,—продолжалъ Владиміръ Михайловичъ съ маленькимъ невеселымъ смѣхомъ.

— Зачѣмъ же молчать? Давай, поговоримъ,—возразила Вѣра Антоновна. Черты ея лица оживились; губы сложились въ насмѣшливую усмѣшку и глаза блеснули вызывающимъ и злымъ огонькомъ.—Ну какъ же ты здѣсь поживаешь?

— Этотъ вопросъ слѣдовало бы задать не мнѣ. Я остался болѣе или менѣе при старыхъ жизненныхъ условіяхъ и писалъ тебѣ безконечныя письма, гдѣ говорилъ рѣшительно о всемъ. Я, кажется, и не перемѣнился, а ты, ты вотъ перемѣнилась ужасно. Если кому и разсказывать о себѣ, такъ тебѣ.

— Я, какъ видишь, жила и живу.

— Что ты хочешь сказать?

— Только то, что сказала, ни больше ни меньше. Жизнь есть безпрепятственное совершеніе химическихъ процессовъ. Совершаются они во мнѣ и я живу, какъ живутъ всѣ. Вотъ и все.

— Да развѣ въ этомъ жизнь?

— А развѣ она въ чемъ-нибудь другомъ?—переспросила Вѣра Антоновна язвительно.

Нѣсколько минутъ Балдинъ молчалъ.

— Ты по старому меценатствуешь, читаешь журнальчики, пригрѣваешь гимназистиковъ,—спросила Вѣра Антоновна и по старому благословляешь передъ выпускомъ молодое поколѣніе, цвѣтъ молодежи, надежду отечества, а потомъ дѣлаешь большіе глаза, когда цвѣтъ окажется пустоцвѣтомъ, и изъ надежды отечества—ни одного порядочнаго человѣка.

Она перестала улыбаться и говорила медленно, безъ насмѣшки, съ холоднымъ любопытствомъ разглядывая лицо мужа, какъ нѣчто неодушевленное.

— Вмѣсто отвѣта я вотъ что тебя спрошу, Вѣра,—возразилъ, слегка покраснѣвъ, задѣтый за живое Балдинъ.—Скажи мнѣ, что такое случилось съ тобой? Я тебя не узнаю.

— И это тебѣ прискорбно и по своему прекраснодумію, потому что у тебя хорошее пищевареніе и всѣ органы отправленія въ порядкѣ, ты грустишь обо мнѣ? Изволь, я тебѣ скажу, что со мной сдѣлалось. Я исключила на нѣкоторое время свое «я» съ его страстями и желаніями изъ общей жизни, посмотрѣла на эту жизнь со стороны и увидѣла ее въ томъ свѣтѣ, разсмотрѣть который мнѣ мѣшала моя принадлежность къ ней.

— При этомъ случаѣ ты потеряла много дорогихъ тебѣ вѣрованій.

— Потеряла? Наоборотъ, пріобрѣла!—отвѣтила Вѣра Антоновна съ легкимъ, насмѣшливымъ трепетаніемъ ноздрей, являвшимся въ то время характернымъ признакомъ ея страстной, подвижной натуры.—Ты мнѣ не отвѣтилъ на мой вопросъ,—добавила она.

— Да, я живу по старому и по старому нахожу, что такой образъ жизни наиболѣе подходящій ко мнѣ.

— Есть у тебя кружокъ?

— По странной случайности въ N опять собралось много прежнихъ.

— Я слышала.

— Тебѣ, я думаю, тоже пріятно будетъ встрѣтить родныхъ по убѣжденію людей?

— Полно, пожалуйста,—прервала Вѣра Антоновна съ брезгливымъ нетерпѣніемъ.—Родныхъ по убѣжденію ты говоришь? Да развѣ у кого-нибудь изъ насъ были убѣжденія? У однихъ было желаніе порисоваться и ненасытная жажда отличиться, у другихъ пылкое воображеніе, у третьихъ отсутствіе собственной воли и соединенный съ нимъ инстинктъ стадности; у четвертыхъ просто хорошо приспособленные организмы, умѣющіе при всякомъ положеніи вещей сдѣлаться нужными тѣмъ, къ кому они прилаживаются... Я еще по дорогѣ все узнала. Валюковъ занимается здѣсь тѣмъ, что закладываетъ по порученію имѣнія въ различные банки; Пахлицкій съ женой завели книжную торговлю и типографію и дѣла ихъ, говорятъ, весьма недурны и обдѣлываютъ они ихъ ловко; Галовецъ съ Ефимовой, тѣ прямо взялись за нормальную гостиницу, родъ семейной столовой съ легонькимъ канканцемъ.

— Ты все говоришь, однако, про Валюкова, про Пахлицкаго и забываешь про такихъ личностей, какъ Самуйленко, Мокотинъ...

— Неизвѣстно еще каковы бы они стали теперь и какія бы у нихъ были убѣжденія? Да и потомъ Самуйленко, Мокотинъ, развѣ это настоящіе люди? Они сумасшедшіе...

Выраженіе, съ которымъ Вѣра Антоновна сказала эти слова, было такъ просто и серьезно, что мужъ только молча вскинулъ на нее глаза.

— Разумѣется сумасшедшіе, маніаки,— повторила она съ вспыхнувшимъ на выдавшихся скулахъ румянцемъ. Какъ это ты не слѣдишь за послѣднимъ словомъ науки, за тѣмъ, что такъ усердно популяризируется въ массахъ? Если ужъ всякій геній, всякій талантъ есть отчасти помѣшанный, то тѣмъ болѣе помѣшаны такіе люди, какъ Самуйленко. Во всѣ вѣка были подобные сумасшедшіе. Что-жъ! Все это совершенно въ порядкѣ вещей. Здоровые люди, думающіе о томъ, какъ бы имъ хорошо поѣсть, поспать и развести потомство, совершенно правы, оберегая себя отъ безумцевъ.

— И какъ они кончили,—заговорила она, помолчавъ, тихимъ упавшимъ голосомъ.—Махотинъ дошелъ до послѣдней степени униженія, готовъ былъ за рюмку водки ползать въ грязи... съ нимъ погибъ и его огромный талантъ, сулившій ему славу, милліоны,— все что есть привлекательнаго на свѣтѣ. Не сумасшедшій ли? Промѣнять все это на какія-то идеи? Филиппова осуждена на каторгу за нанесеніе тяжкихъ ранъ перочиннымъ ножомъ одному негодяю; Самуйленко пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Агаѳонова при насъ... при всѣхъ...

Вѣра Антоновна не кончила. Глухія, полныя безотраднаго отча-

янія, подавленныя рыданія подымали ея грудь; изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ медленно текли по щекамъ крупныя слезы. Мужъ посмотрѣлъ на нее участливымъ, соболѣзнующимъ взглядомъ и бережно дотронулся своею рукой до ея дрожащихъ, сведенныхъ пальцевъ. Это прикосновеніе привело въ себя Вѣру Антоновну. Она разжала руки, подняла голову и взглянула прямо въ лицо Владиміру Михайловичу. Слезы на ея глазахъ изсчезли какъ по волшебству.

— Я знаю, что ты сейчасъ думаешь,—сказала она, пронизывая мужа насмѣшливымъ, холоднымъ взглядомъ. «Вѣра страшно озлоблена, раздражена, разстроена, почти психически больна, но она можетъ плакать и стало-быть еще не все потеряно». Въ этомъ же смыслѣ и терминахъ ты, навѣрное, будешь разсказывать обо мнѣ Валюкову и компаніи, людямъ «роднымъ по убѣжденію».

— Я не знаю, зачѣмъ ты пріѣхала въ N.—возразилъ Владиміръ Михайловичъ,—если все, что въ немъ находится, не исключая и меня, такъ тебя раздражаетъ?

— Зачѣмъ я пріѣхала?—повторила Вѣра Антоновна.—Я хочу взять къ себѣ своихъ дѣтей.

— Своихъ?—переспросилъ Владиміръ Михайловичъ, съ натянутой улыбкой.—Они вѣдь, кажется, и мои.

— Никто этого и не отрицаетъ. Но они пожили съ тобой достаточно, пусть побудутъ теперь у меня, хотя бы для того, чтобы вылѣчить меня отъ ипохондріи,—добавила она съ мимолетной, жесткою усмѣшкой.

— О дѣтяхъ я хотѣлъ переговорить съ тобой болѣе обстоятельно,—началъ Владиміръ Михайловичъ послѣ недолгаго молчанія, задумчиво помѣшивая ложечкой остывшій чай.—Я за нихъ очень радовался твоему пріѣзду въ N. Мнѣ мечталось—мы поселимся вмѣстѣ и вмѣстѣ будемъ ихъ воспитывать. Кажется, эта мечта врядъ ли можетъ осуществиться.

Вѣра Антоновна утвердительно кивнула головой.

— Мнѣ очень жаль и больно за нихъ. Видишь ли, я пришелъ къ убѣжденію, что воспитывать своихъ дѣтей, несовершенства которыхъ такъ больно бьютъ по сердцу—тяжелая задача. Между нами и помину нѣтъ о той авторитетности старшихъ, въ которой воспитывались мы, ни о той дружеской простотѣ въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, которую я помню лѣтъ двадцать тому назадъ. Они меня возмущаютъ и мучатъ, я, какъ они ни малы, всегда становлюсь имъ поперекъ дороги. Иногда просто голову съ ними теряешь. Проявляются вдругъ неизвѣстно откуда такія черты,

такіе задатки, которые они уже никакъ не могутъ воспринять изъ окружающей среды. Оба они ужасно нервные, въ особенности Митя. А поймаешь его на мѣстѣ преступленія—сдѣлаетъ тупой, непонимающій взглядъ, раскроетъ ротъ и смотритъ мнѣ прямо въ лицо. Въ такія минуты я понимаю, что есть нѣчто хуже всѣхъ средневѣковыхъ пытокъ. Митя—это наказаніе за грѣхи. Сережа лучше, даже много лучше, но въ обоихъ нихъ поражаетъ слабость воли, совершенно неподдающаяся воспитательнымъ мѣрамъ. Очень мало похожи они на дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно мало развиты. Нельзя сказать, чтобы они мало знали или читали, для своего возраста даже много, но знаніе скользитъ по поверхности ихъ души, не задѣвая и не облагораживая ее.

— Какъ же ты все это объясняешь?

— Ужъ и самъ не знаю,—промолвилъ Владиміръ Михайловичъ, вздыхая.—Я думаю въ направленіи ихъ развитія большую роль играло отсутствіе женскаго вліянія, не наемной женской души.

— Кто же мѣшалъ тебѣ дать его имъ?

Владиміръ Михайловичъ взглянулъ на жену съ удивленіемъ.

— Если ты опасался нанять къ нимъ кого-нибудь, хотя я вижу—что нанялъ,—продолжала Вѣра Антоновна холодно и спокойно, такъ вѣдь жилъ же ты съ какой-нибудь женщиной во все это время? Вотъ и взялъ бы ее къ себѣ. Она, если бы и не любила твоихъ дѣтей, то старалась бы увѣрить себя и тебя, что любитъ ихъ. Что ты смотришь на меня съ такимъ ужасомъ? Или я не знаю, какое утѣшеніе въ жизни то, что, обыкновенно, какъ будто игнорируется: ѣда, правильное пищевареніе, отношеніе мужчины къ женщинѣ и наоборотъ? Что же и тебя утѣшило послѣ моей ссылки и общаго разгрома, какъ не это? Человѣкъ можетъ пережить и переживаетъ очень часто свои такъ называемыя нравственныя потребности, а потребности тѣла—никогда. Тургеневъ правду говоритъ, что безутѣшнаго горя нѣтъ: пообѣдалъ человѣкъ и вотъ, уже извините, явилось утѣшеніе на первый разъ.

Она взглянула еще разъ на свѣжія, крѣпкія щеки мужа, его румяныя, полныя губы, и вдругъ вся фигура ея отъ съёжившихся плечъ и до подтянувшихся губъ приняла брезгливое, оберегающее себя положеніе. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ она смотрѣла на молодое лицо мужа взглядомъ невыразимаго физическаго отвращенія и, наконецъ, медленно отвела глаза. Владиміръ Михайловичъ покраснѣлъ отъ обиды и негодованія, какъ молодая дѣвушка. Онъ едва удержался, чтобы не произнести рѣзкаго, обиднаго слова.

— Какъ же ты устроишься, если я отдамъ тебѣ дѣтей?—спросилъ онъ взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Какъ найду лучшимъ. Я вѣдь теперь богата. Мнѣ досталось большое наслѣдство отъ тетки, сестры отца. Ты говоришь «если». Знай, что я пойду на все, чтобы взять ихъ къ себѣ.

— Я полагаю, что до этого дѣло не дойдетъ. Неужто намъ нельзя сговориться безъ угрозъ и недоразумѣній? Но, согласись сама, мнѣ бы хотѣлось знать, какъ ты устроишь ихъ, какъ намѣрена вести ихъ воспитаніе, что вообще ты хочешь сдѣлать и съ собой и съ ними?

— Я не спрашивала у тебя объ этомъ, когда оставляла ихъ на твое попеченіе. Да и потомъ, неужто ты думаешь, что я способна желать или дѣлать своимъ дѣтямъ то, что я не считаю для нихъ лучшимъ?

Послѣднія ея слова прозвучали убѣжденно и искренно, живо напомнивъ Владиміру Михайловичу прежнюю Вѣрочку.

— Зачѣмъ вынимать каштаны изъ огня сырыми, бить тревогу, волноваться? Поживешь съ ними и со мной, осмотришься, можетъ быть, перемѣнишь свое намѣреніе,—проговорилъ онъ, смягченный.

— Я не разсчитываю остаться въ N., — возразила Вѣра Антоновна твердо, хотя безъ тѣхъ непріязненныхъ нотокъ въ голосѣ, которыя такъ непріятно дѣйствовали на ея мужа.

— А ты ни о комъ изъ родныхъ и не спросишь,—заговорилъ онъ, послѣ недолгаго молчанія.—Они всѣ тобой такъ интересуются, такъ хотятъ видѣть.

— А!—промолвила Вѣра Антоновна равнодушно.

— Мама еще жива... все такая же. Зина три года какъ окончила курсъ и теперь земскимъ врачомъ въ Оглоблинѣ. У Алексѣя каждый годъ дѣти и онъ значительно остепенился. Я думаю, ты тоже захочешь ихъ видѣть. На этой недѣлѣ Зинины именины. Я обѣщался съѣздить къ ней. Ты не поѣдешь ли вмѣстѣ со мной? Она была бы очень рада.

Вѣра Антоновна молчала, устремивъ въ неопредѣленное пространство неподвижный взглядъ. Сказавъ еще двѣ-три фразы, Владиміръ Михайловичъ всталъ.

— Ну... я не думалъ, чтобы наша встрѣча вышла такой,—сказалъ онъ съ грустью.

— Покажи мнѣ мою комнату, — перебила Вѣра Антоновна, вздрагивая и словно просыпаясь отъ сна.

— Вотъ здѣсь рядомъ... ты такъ меня изумляешь и огорчаешь,—сказалъ онъ, нерѣшительно и испытующе смотря на жену,

взглядомъ какъ бы прося ее въ послѣдній разъ быть откровеннѣе и добрѣе. Но холодное, жесткое выраженіе не сходило съ застывшихъ чертъ Вѣры Антоновны. Суровые равнодушные глаза, смотрѣвшіе въ лицо Владиміру Михайловичу и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто мимо него, не смягчались.

— Спокойной ночи. Ты не имѣешь привычки ужинать,—закончилъ Владиміръ Михайловичъ дрожащимъ, дѣланно равнодушнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, прощай!—отвѣтила Вѣра Антоновна на ходу.

Ей пересѣкла дорогу Мина Францовна съ дѣтьми.

— Пожелайте доброй ночи мамашенькѣ.

Мальчики шаркнули ножкой и наклонили головы, слегка разставивъ руки, какъ учила ихъ бонна. Мать кивнула имъ слегка. Сережа вдругъ оставилъ руку Мины Францовны и выступилъ впередъ.

— Ты вѣдь моя мама?—спросилъ онъ, поднимая глаза, осмысленный и живой взглядъ которыхъ освѣтилъ и скрасилъ его некрасивое круглое личико.

— Да, я твоя мать,—отвѣтила Вѣра Антоновна серьезно и проникновенно.

— Что же ты меня не поцѣловала! Или ты насъ не любишь?

Мать молча наклонилась, приложила губы ко лбу сына и, молча, скрылась за дверью.

«Бѣдные, бѣдные дѣти! я былъ правъ, думая, что мать можетъ подѣйствовать на вашу душу, а вы, кажется, нашли ее только для того, чтобы снова потерять», подумалъ Владиміръ Михайловичъ, смигивая набѣжавшія на глаза слезы.

Вѣра Антоновна раздѣлась, причесала волосы, умылась, дѣлая все медленно, разсчитанно съ безучастнымъ, почти тупымъ выраженіемъ лица.

Но какъ только она потушила огонь и легла въ постель, мысли и воспоминанія, словно рой грозныхъ видѣній, окружили ее и овладѣли, противъ воли, ея душой. Въ тысячный разъ переживала она пережитое, все глубже и глубже проникая въ сокровенныя причины явленій, все ярче разоблачая ихъ непригляднуюю сторону, все ожесточеннѣе срывая съ нихъ пестрыя, привлекающія взглядъ украшенія. Все, что она видѣла, что чувствовала, давало только новую пищу разрушительной работѣ ея разбора.

Не оставалось ни одного побужденія ни въ ея душѣ, ни въ поступкахъ близкихъ ей людей, которое она не подвергла бы безпощадному анатомированію, и вездѣ перводѣйствующею причиной она

находила удовлетвореніе низменныхъ инстинктовъ, корыстолюбіе, тщеславіе. Въ ея душѣ какъ будто поселился демонъ, грязнившій и уничтожавшій все, къ чему онъ прикасался, превращавшій золото въ песокъ и слезы въ грязь.

Вѣра Антоновна вспомнила и тотъ вечеръ, въ который демонъ разрушенія и скорби впервые взошелъ въ ея сознаніе и заполонилъ его. Не было ничего новаго въ тѣхъ мысляхъ, которыя пришли ей тогда въ голову, новы были вызванныя ими и всецѣло овладѣвшія ею чувства!

Это случилось въ далекомъ, глухомъ, маленькомъ городкѣ, куда Вѣрѣ Антоновнѣ было позволено изрѣдка ѣздить. Стояла влажная, весенняя ночь. Въ отворенное настежь окно изрѣдка долеталъ съ темной площади грохотъ запоздалаго экипажа или крикъ ночного сторожа.

Задуваемое вѣтеркомъ слабое пламя свѣчи неясно освѣщало выбѣленныя стѣны, старинную лежанку у печи и деревянные стулья комнаты, гдѣ помѣщалась Вѣра Антоновна. И вдругъ гдѣ-то, она не могла разобрать гдѣ, но близко заиграли на скрипкѣ. Первые звуки этого дивнаго въ рукахъ мастера инструмента, волшебные, страстные, таинственные звуки, заставили ее вздрогнуть отъ неожиданности. Играли легенду Венявскаго, — отчетливо, сильно, страстно. Жажду воли, счастья, любви пробуждали эти мощные и въ то же время нѣжные звуки.

Вѣра Антоновна чувствовала, что ей душно въ комнатѣ, что она молода и жаждетъ жизни, что сейчасъ расплачется. Артиста, должно быть, прервали. Онъ круто оборвалъ на полунотѣ и ужъ больше не игралъ. Вѣра Антоновна не могла оставаться въ комнатѣ, вышла на улицу и присѣла на тумбу. И что-то странное сдѣлалось съ ней. Недавнее возбужденіе, жажда наслажденія и любви, потускли, ушли куда-то вдаль, уступая мѣсто вдругъ нахлынувшему безпричинному отвращенію ко всему міру. Потянулся рядъ безотрадныхъ мыслей. Царство лжи, насилія и обмана, поруганныя мечты, голодныя женщины, продающія свое тѣло изъ-за куска хлѣба, обжорство, развратъ, нищета, искусственно возбуждаемые нервы, — вотъ настоящая жизнь. Жалки и ничтожны показались Вѣрѣ Антоновнѣ собственныя волненія и печали и уже не слезы пріятнаго раздраженія и молодой грусти показались на ея глазахъ, а слезы безсилья, жгучей ненависти и неотомщенной обиды. Разъ пріобщившись этой ненависти, Вѣра Антоновна уже не могла сбросить съ себя ея иго.

Пробило два часа ночи. Вѣра Антоновна лежала въ той же позѣ,

въ которой она легла нѣсколько часовъ назадъ съ закинутыми за голову руками, съ широко раскрытыми, не мигающими глазами. Не одну уже ночь проводила она такъ безъ сна, холодѣя и замирая подъ непосильнымъ бременемъ разъѣдающаго отчаянія. «Я могла бы впрыснуть себѣ морфію или принять хлоралу,—думала она, и заснула бы, успокоилась. Но я не сдѣлаю этого. До конца хочу я выпить чашу жизни и до конца обладать собою. Пусть все это такъ, пусть слова: честь, справедливость, свобода—только слова, пусть управляетъ людьми только желаніе пить, ѣсть и производить себѣ подобныхъ и ради удовлетворенія этихъ потребностей пусть попираютъ они подъ ноги боговъ, и жертвенники, и пустыя, или же выдуманныя побрякушки, вродѣ права, закона и великодушія, но зачѣмъ же, зачѣмъ вложено въ насъ тогда сознаніе, что на свѣтѣ есть правда, есть любовь, есть вѣчная истина? Зачѣмъ насъ обманули, измучили, истерзали и сдѣлали негодными къ здоровой жизни, къ безпечальному проявленію своихъ исконныхъ наклонностей?»

Въ воображеніи Вѣры Антоновны живо всталъ сѣрый, пасмурный день, бой барабановъ. Она застонала отъ прилива невыносимой внутренней боли.

— За что я такъ мучусь?—прошептала она, вытягивая и ломая руки.—За что? А главное—зачѣмъ? Нѣтъ ни правды, ни неправды, ни добра, ни зла, а есть только человѣкъ съ удовлетвореніемъ своихъ потребностей. Пусто небо, пуста земля; вмѣсто тѣла—геометрическія фигуры, вмѣсто красокъ и жизни—химическія соединенія; задѣнетъ землю бокомъ какая-нибудь шальная планета и все полетитъ вверхъ дномъ въ хаосъ, въ вѣчный мракъ и разрушеніе. А пока живи и веселись, люби, выдумывай тончайшіе виды наслажденій.

Вѣра Антоновна тяжело и часто дышала, нестерпимая горечь сжимала и запирала ей горло, грудь разрывалась и болѣла. Ей чудилось, какъ будто она лежитъ, распростертая въ пыли, и наглая, торжествующая толпа, покрытая грязью и кровью, съ крикомъ, съ хохотомъ, съ оскаленными бѣлыми зубами мчится впередъ, попирая и давя ее ногами. Она вскочила и сѣла на кровати.

— Но я отомщу, отомщу тебѣ,—шептала она съ сверкающими глазами, соединяя въ одномъ невѣдомомъ, но ясно сознаваемомъ врагѣ и жизнь, и людей, и отдѣльныя явленія.—Ты еще не знаешь, что есть у меня. Я уйду изъ-подъ твоей власти, я не позволю тебѣ больше мучить меня. Я отомщу тебѣ за свое поруганіе, за свои муки.

Въ незавѣшанныя окна брезжился сѣрый, тусклый свѣтъ осен

няго утра. Вѣра Антоновна, обезсиленная, лежала попрежнему безъ сна. Медленныя, крупныя слезы тихо скатывались съ ея блѣднаго лица. Выраженіе безысходной тоски и страданія глубоко запечатлѣлось въ морщинахъ ея лба и въ складкахъ поблекшихъ, пересохшихъ губъ.

Утромъ Вѣра Антоновна вышла къ чаю такая же блѣдная, какъ была наканунѣ, и такая же спокойная и холодная. Послѣ чая мужъ позвалъ ее въ свой кабинетъ.

— Намъ надо поговорить, Вѣра, — объявилъ онъ, опускаясь въ кресло и беря въ руки первую попавшуюся вещичку.

— Говори, я слушаю.

— Прости меня, пожалуйста, но меня удивляетъ твое равнодушіе въ виду того, что намъ приходится рѣшать такіе важные и капитальные вопросы. Позволь прежде всего тебя спросить,—Владиміръ Михайловичъ вспомнилъ вчерашній взглядъ жены и покраснѣлъ,—отчего ты не хочешь жить со мной и съ дѣтьми.

— На это я тебѣ не отвѣчу, — промолвила Вѣра Антоновна глухо,—и надѣюсь, ты не станешь добиваться отвѣта.

— Положимъ. Но зачѣмъ же ты хочешь отнять ихъ у меня, лишить семьи, лишить моего попеченія и любви? Я не скрывалъ и не скрываю, что иногда дѣти мнѣ въ тягость, что постоянно они, въ особенности Митя, мучатъ и терзаютъ меня своими дурными наклонностями. По разнымъ причинамъ, которыхъ я и самъ-то не сумѣю хорошенько объяснить, меня не манитъ уже ничто въ жизни. Меня не интересовали бы даже и дѣти, если бы, кромѣ любви, я не испытывалъ по отношенію къ нимъ чувства долга. Я не сталъ бы перечить тебѣ ни единымъ словомъ, если бы наши дѣти были образцовыми дѣтьми, здоровыми, съ хорошими задатками, которые обезпечивали бы имъ счастливую жизнь. Теперь же, когда ихъ ожидаютъ впереди разочарованія, неудачи, общая нелюбовь, разныя непріятности, я не могу, не въ силахъ ихъ оставить. Если ты испытываешь по отношенію къ нимъ то же самое, что и я, кто мѣшаетъ намъ, оставаясь чужими, ничѣмъ другъ другу не мѣшая, жить только въ нихъ и для нихъ? Если я не сдѣлаю для нихъ всего, что нахожу лучшимъ, я прямо буду чувствовать себя нечестнымъ человѣкомъ.

Вѣра Антоновна слушала мужа съ пылающими глазами и выступившимъ на щекахъ лихорадочнымъ румянцемъ.

— А ты не думаешь,—возразила она,—что и по отношенію къ роднѣ, къ обществу ты связанъ такимъ же чувствомъ долга.

— Нѣтъ и нѣтъ. Я, по крайней мѣрѣ, не испытываю этого и

уже, слава Богу, вышелъ изъ того возраста, когда люди неизвѣстно зачѣмъ насильно навязываютъ себѣ разныя чувства. Пусть голодаютъ и благоденствуютъ, грустятъ и веселятся, совершаютъ огромныя подлости и великія дѣла, я буду грустить съ одними и улыбаться другимъ, причемъ никогда не улыбнусь низости и грязи и не порадуюсь проявленію мракобѣсія, но я не чувствую себя обязаннымъ посвятить свое время, трудъ, жизнь никому, кромѣ дѣтей.

— Я испытываю то же, что и ты, и думаю также, — произнесла Вѣра Антоновна съ волненіемъ, — и поэтому, надѣюсь, что ты отдашь мнѣ дѣтей.

— Право, я не вижу, отчего это выходитъ? Что же ты намѣрена сдѣлать съ собой и съ ними?

— Пока я хочу уѣхать куда-нибудь съ ними изъ N. Мнѣ тяжело здѣсь, Владиміръ Михайловичъ! Я вѣдь не отнимаю ихъ у тебя совсѣмъ, мнѣ хочется только побыть съ ними одной и не здѣсь.

Владиміръ Михайловичъ пристально взглянулъ на жену и задумался.

— Отчего ты не хочешь сказать мнѣ, что случилось съ тобой?—заговорилъ онъ наконецъ.— Что перевернуло съ основанія всѣ твои чувства, воззрѣнія и настроенія.

— Ахъ, неужто тебѣ не приходятъ никогда въ голову тѣ самыя мысли, которыя я высказывала вчера,—возразила Вѣра Антоновна, стараясь улыбнуться и опуская глаза, которые, она чувствовала, смотрѣли тревожно и жестоко.—Я только говорила съ большей страстностью, чѣмъ ты заговорилъ бы, если бы началъ. Скажи, — прибавила она съ внезапнымъ порывомъ, — неужто ты иногда не думаешь, какъ хорошо было бы умереть?

— Нѣтъ, я часто думаю, какъ хорошо было бы не родиться,— отвѣтилъ Владиміръ Михайловичъ грустно.

«Конечно! Развѣ ты можешь хотѣть умереть,—подумала Вѣра Антоновна, ринувъ на мужа исполненный презрѣнія и ненависти взглядъ.—Вѣдь на свѣтѣ есть вкусныя блюда и аппетитныя женщины».

Онъ замѣтилъ выраженіе лица жены, но истолковалъ его по своему.

— Я всегда, даже во время нашей взаимной любви, говорилъ тебѣ, Вѣра, что я не герой, что во мнѣ нѣтъ темперамента, способности бросаться очертя голову, куда бы то ни было.

— Ты всегда остаешься на берегу?

— Именно. Я бы могъ и теперь вступить въ такъ называемую дѣйствительную жизнь: вѣдь у насъ тутъ и земское самоуправле-

ніе и въ немъ разныя столкновенія, борьба партій, жгучіе интересы, чуть не дуэли, и разные любительскіе кружки и въ нихъ то же самое и, наконецъ, даже то учрежденіе, въ которомъ я служу... Все это, право, такъ скучно, что я предпочитаю быть Обломовымъ и оставаться на берегу. И имѣю дерзость думать, что не дѣлаю никакой подлости, живя такъ, какъ живу, не удаляясь въ колонію интеллигентныхъ хлѣбопашцевъ, не надрывая горло въ преніяхъ о томъ, построить ли мостъ черезъ рѣчку Негодяйку или нѣтъ...

— Ты уже высказывалъ мнѣ все это, — перебила Вѣра Антоновна угрюмо. — Я нахожу, что мы очень далеко уклонились отъ первоначальной темы нашего разговора. Я спрашиваю тебя: ты мнѣ отдашь дѣтей или нѣтъ?

— Я сегодня послѣ обѣда ѣду къ Зинѣ, — сказалъ Владиміръ Михайловичъ вмѣсто отвѣта.—Ты не поѣдешь ли вмѣстѣ со мной?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ ты убѣгаешь общества, отчего не хочешь видѣть людей, которые искренно къ тебѣ расположены?

— Владиміръ Михайловичъ, отвѣть мнѣ: ты отдаешь мнѣ дѣтей или нѣтъ?

— Я подумаю,—отвѣтилъ онъ, нахмурясь и вставая.

Къ вечеру Балдинъ уѣхалъ, Вѣра Антоновна ушла въ свою комнату и просидѣла тамъ все время одна, не зажигая лампы и не вставая съ кресла. Мина Францовна, очень обезпокоенная вначалѣ пріѣздомъ хозяйки дома, успокоилась. Дѣти играли и шумѣли.

— Барыня-то, мотри, испорчена! — рѣшила въ этотъ вечеръ кухарка Дарья.

— Нешто ихъ разберешь, господъ-то? Они всѣ чудные,—возразила дворничиха.

О. Рунова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОДЪ ЛИПАМИ *).

Романъ изъ современной Берлинской жизни.

Рудольфа Штратца.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

VIII.

Въ субботу на биржѣ подтвердился слухъ о несостоятельности ванъ-Лоока и въ теченіе дня облетѣлъ весь городъ.

Сначала онъ проникъ въ тѣсный кругъ финансистовъ. На скачкахъ въ Шарлоттенбургѣ онъ не нашелъ на этотъ разъ благодарной арены, такъ какъ ужасная погода свела число посѣтителей до minimum'а. Но въ «Вѣнскомъ кафе», въ Пассажѣ, у Бауера и въ Кейзергофѣ, гдѣ собираются преимущественно биржевики, финансисты, спекулянты по пріобрѣтенію земельныхъ участковъ и постройкѣ доходныхъ домовъ, уже раннимъ вечеромъ шелъ за маленькими столиками возбужденный разговоръ и шепотъ.

Оттуда печальная вѣсть, подобно змѣѣ, тяжело и беззвучно поползла далѣе, въ «Театръ на Шпре», куда первое представленіе, какъ всегда, привлекло добрую половину биржи. Въ переполненныхъ ложахъ видны были блѣдныя лица. Въ ярко освѣщенномъ фойе гораздо менѣе говорилось о спектаклѣ, чѣмъ о непріятной новости. Изъ одной ложи въ другую перекидывались вопрошающими взглядами; въ отвѣтъ пожимали плечами; не глядя на сцену, наклонялись къ уху сосѣда и озабоченно шептались.

Очевидно, обстановка для распространенія слуха была самая благопріятная; но появленіе въ ложѣ ванъ-Лоока поколебало увѣренность. Банкиръ за безумныя деньги купилъ у барышника три переднихъ мѣста литерной ложи. Мѣста справа и слѣва остались

---

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1900 г.

пустыми, такъ что его, предусмотрительно занявшаго среднее мѣсто, было отовсюду видно.

Лицо его было невозмутимо, какъ всегда. Казалось, онъ съ интересомъ слѣдилъ за пьесой, принималъ участіе въ апплодисментахъ; въ антрактахъ, подавляя зѣвоту, разсматривалъ въ бинокль туалеты дамъ, кивалъ то въ ту, то въ другую сторону знакомымъ. Однимъ словомъ, обнаруживалъ желѣзную волю, и безплотный призракъ банкротства, который часами преслѣдовалъ его, повидимому, еще не въ силахъ былъ овладѣть имъ и неувѣренно, но неотступно, какъ трусливый хищникъ, караулилъ жертву.

Незадолго до конца спектакля ванъ-Лоокъ оставилъ ложу и велѣлъ кучеру ѣхать въ Эденъ-театръ. Англичанинъ сдѣлалъ глупую физіономію, складывая попоны лошадей и недоумѣвая, что нужно его господину въ десятомъ часу вечера въ Эденъ-театрѣ.

Вскорѣ печальное извѣстіе направилось вмѣстѣ съ публикой изъ театра въ рестораны, клубы, кафе, забрело даже въ пивныя, гдѣ, впрочемъ, скоро расплылось въ дымѣ сигаръ и запахѣ пива, въ шумѣ и хохотѣ безшабашной толпы; но всего увѣреннѣе заструилось оно безчисленными ручейками по газетнымъ редакціямъ. Тамъ въ этотъ часъ армія была во всеоружіи. Хотя большая часть утренняго выпуска была уже готова, но тѣмъ не менѣе наборщики поминутно бѣгали съ новыми депешами.

Нелегкую задачу представлялъ для редакторовъ новый слухъ. Они знали его еще съ утра, но теперь пришлось стать лицомъ къ лицу съ вопросомъ о преданіи его гласности. Конечно, пріятно сообщить свѣжую новость за нѣсколько дней впередъ; но съ финансовыми вопросами шутить нельзя. Кому охота ссориться съ денежными тузами; у многихъ есть на то особенно вѣскія причины. А если слухъ не оправдается, тогда грозитъ процессъ и возмѣщеніе убытковъ пострадавшей фирмы!

Эти соображенія смущали всѣхъ! Рѣшено было подождать до понедѣльника и, когда въ полночь зданіе типографіи содрогнулось подъ шумъ и грохотъ ротаціонной машины, въ газетѣ не отпечаталось ни слова о предстоящемъ крахѣ банкирскаго дома ванъ-Лоокъ и К°.

Для ванъ-Лоока это было вдвойнѣ счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, такъ какъ на слѣдующій день было воскресенье. Въ этотъ день не бываетъ биржи, не появляются курсовые бюллетени; можно не показываться въ кафе и ресторанахъ. Для колеблющейся фирмы двадцать четыре часа могутъ быть огромнымъ выигрышемъ.

Такъ думалъ ванъ-Коокъ, пока экипажъ его катился по опустѣлымъ улицамъ.

Въ воскресенье утромъ должно было придти письмо, котораго онъ ожидалъ. Если оно принесетъ ему желанную помощь изъ Лондона, если газеты пощадятъ его до понедѣльника, то спасеніе возможно.

Экипажъ остановился передъ Эденъ-театромъ.

Спектакль давно кончился. Тѣмъ не менѣе многочисленныя окна сіяли огнями; изъ глубины зданія доносились музыка и пѣніе.

Шло повтореніе генеральной репетиціи «Сатаниллы», которая въ первый разъ прошла не особенно удачно. На слѣдующій день, въ воскресенье вечеромъ, назначено было первое представленіе; утромъ можно было сдѣлать бѣглое повтореніе ролей безъ костюмовъ.

Поэтому рѣшено было ночью повторить генеральную репетицію. Кое-кто поворчалъ; но привести серьезные доводы противъ было трудно. Всѣмъ до послѣдняго рабочаго извѣстно, что въ берлинскомъ театральномъ мірѣ ведется непрестанная, тяжелая борьба за существованіе. Ни для кого не было тайной, что первое представленіе имѣетъ рѣшающее, роковое значеніе для судьбы театра и всѣхъ прикосновенныхъ къ нему лицъ. Надо было собрать всѣ силы и не постоять передъ безсонной ночью. Тѣмъ болѣе, что всѣ были убѣждены въ огромномъ успѣхѣ пьесы.

Дирекція съ своей стороны постаралась облегчить ночной трудъ. Въ сторонкѣ на сценѣ былъ устроенъ для солистовъ буфетъ съ холодною закуской, коньякомъ и сельтерской водой. Около лежалъ боченокъ мюнхенскаго пива. Хору и статистамъ также дали пива.

Въ театрѣ было душно. Воздухъ, испорченный за вечернее представленіе людскимъ дыханіемъ, не очистился, только сталъ нѣсколько свѣжѣе. Все зданіе было слегка освѣщено; только сцена сіяла огнями.

Странное зрѣлище представлялъ партеръ. Точно тамъ готовились къ карнавалу. Средина зала была занята посѣтителями, «своими людьми» или считавшими себя таковыми. Тутъ были родственники актеровъ, поставщики и рабочіе, содержатель пивной съ семействомъ и друзьями; назади сидѣли служащіе при гардеробѣ, портнихи, группы театральныхъ дѣтей, которыя выступали только въ апоѳеозѣ, а пока сидѣли съ разинутыми ртами и болтали ногами; по временамъ появлялись кельнеры въ грязныхъ фракахъ.

Вся эта misera plebs держалась въ почтительномъ разстояніи отъ первыхъ рядовъ партера, гдѣ сидѣлъ директоръ съ режиссеромъ

и машинистомъ. Крупныя капли пота катились по его довольному красному лицу. За нимъ помѣщались два-три театральныхъ агента, репортеры, которые усердными рекламами завоевали себѣ право присутствія. Капельмейстеръ сидѣлъ спиною къ сценѣ и тупо смотрѣлъ въ партеръ, помахивая дирижерской палочкой.

Въ лѣвомъ проходѣ, опершись на рампу ложи, стоялъ дежурный офицеръ, котораго, повидимому, спектакль очень забавлялъ. По временамъ онъ съ усмѣшкой посматривалъ на причудливо наряженнаго сказочнаго короля, который сидѣлъ въ партерѣ и съ серьезнымъ лицомъ бралъ изъ табакерки щепотку табаку. За королемъ два чертенка, дѣвушки лѣтъ пятнадцати, въ ярко-красныхъ нарядахъ, скрестивъ ножки по-балетному, усердно болтали вполголоса.

Въ зрительномъ залѣ, то тутъ, то тамъ виднѣлись подобныя группки. На сценѣ было нѣсколько солистовъ и Эрнести; поэтому незанятые рѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы взглянуть на водевиль въ качествѣ зрителей и полюбоваться движущейся декораціей послѣдней сцены. Въ одномъ углу необычайно свирѣпый мефистофель на отчаянномъ діалектѣ болталъ съ двумя монахинями; прелестная фея, вся окутанная бѣлымъ газомъ, сидѣла возлѣ агента и о чемъ-то горячо спорила; два бравыхъ гусара женскаго пола, у которыхъ сабли путались въ ногахъ, а шпоры за все зацѣпляли, пробирались между рядами; толстый мужчина въ костюмѣ бургомистра XVIII ст. съ брыжжами на шеѣ и длинной палкой въ рукахъ благосклонно провожалъ ихъ взоромъ.

За кулисами сидѣлъ цѣлый рядъ пожилыхъ женщинъ, одѣтыхъ фуріями въ сѣрыя платья и сѣрыя вуали. Онѣ вязали чулки, однотонно болтая и время отъ времени прихлебывая изъ пивныхъ кружекъ. Иногда съ этой-же цѣлью подбѣгалъ одинъ изъ многочисленныхъ чертенятъ. Прикурнувшіе на полу амурчики, лѣтъ семи-восьми, съ недѣтскими, испорченными лицами, дремали въ ожиданіи. Видно было, что ихъ тянуло къ постели.

Ванъ-Лоокъ велѣлъ отпереть себѣ ложу бенуара и съ усталымъ видомъ опустился на кресло. Онъ обѣщалъ Эрнѣ пріѣхать на генеральную репетицію полюбоваться ея костюмомъ и прослушать куплеты. Но его все это очень мало интересовало. Чрезмѣрно веселая, нѣсколько сомнительнаго остроумія пьеса не забавляла его, несмотря на игривую мелодію вальса и роскошные костюмы. Директоръ съ подобострастною миной и грубыми манерами былъ ему противенъ... а главное—въ головѣ было совсѣмъ другое, о чемъ онъ не смѣлъ никому намекнуть, чего не рѣшился бы никому повѣрить.

Банкиръ уже съ недѣлю почти не спалъ. Утомленіе перешло всѣ границы. Но онъ зналъ, что покоя ѐму не найти въ своемъ роскошномъ помѣщеніи, въ спальнѣ, гдѣ съ высокаго потолка спускается голубой фонарь, бросая блѣдный свѣтъ на персидскіе ковры и драпировки, широкую рѣзную кровать и дорогія картины на стѣнахъ. Опять придется безпокойно ворочаться, какъ предыдущія ночи: вставать, садиться къ письменному столу и при слабомъ мерцаніи свѣчи считать, считать безъ конца; потомъ блуждать по комнатамъ съ сигарою во рту и дойдя, до послѣдней, съ завистью слушать храпъ своего камердинера. А потомъ опять ненавистная постель и возлѣ нея старуха забота съ безконечнымъ вязаньемъ... Нѣтъ, ужъ лучше здѣсь! Онъ откинулся на спинку кресла и уставился на сцену. Точно во снѣ проносились передъ его глазами блестящіе образы; они пѣли и прыгали подъ ласкающую слухъ музыку; изъ-за пестрыхъ кулисъ появлялись все новыя и новыя нарядныя фигуры, которыя смѣшивались съ прежними; пѣніе становилось громче, звукъ оркестра полнѣе... Точно пестрый, поющій калейдоскопъ закружился передъ глазами ванъ-Люока; онъ склонилъ голову на грудь и заснулъ,—заснулъ глубокимъ сномъ безъ сновидѣній, такимъ, какой наступаетъ послѣ тяжелаго душевнаго потрясенія.

Директоръ убѣждалъ актеровъ подтянуться, и показать себя во всемъ блескѣ передъ господиномъ ванъ-Лоокомъ, который далъ возможность поставить пьесу. Въ промежуткахъ между пѣніемъ и танцами любопытные бросали взоры въ ложу бенуара; но тамъ во мракѣ виднѣлось только слабое очертаніе человѣческой фигуры.

Всѣ эти балерины, драматическіе артисты, пѣвцы, даже сама Эрнести и не подозрѣвали, что ихъ искусство могло дать несчастному милліонеру только крупицу того счастья, которое природа полными горстями расточаетъ измученному рабочему. Блескъ и мишура, царившіе на сценѣ, были обязаны своимъ существованіемъ его кошельку. Но онъ охотно далъ бы въ десять разъ болѣе за минуту покоя, за полное забвеніе.

Вѣсть объ угрожающей ему опасности еще не проникла сюда. Эрнести была благоразумна. Они узнаютъ о его несчастьи, когда оно попадетъ въ газеты и, какъ долго тлѣвшій огонь, вспыхнетъ яркимъ пламенемъ.

Ванъ-Лоокъ проснулся въ первомъ часу ночи. Капельдинеръ оберегалъ его отъ посѣтителей, предупреждая, что «баронъ желаютъ быть одни». Прислушавшись, онъ въ недоумѣніи оглядѣлся. Банкиръ не могъ сразу догадаться, гдѣ онъ и что съ нимъ. Онъ взгля-

нулъ на ярко освѣщенную, кишащую народомъ сцену: апоѳеозъ близился къ концу. Его разбудили трубы и барабаны оркестра.

Ванъ-Лоокъ быстро поднялся съ кресла, бросилъ бѣглый взоръ на партеръ, гдѣ всѣ повскакали съ мѣстъ и съ жаромъ апплодировали, и поспѣшно, пользуясь удобнымъ моментомъ, вышелъ изъ ложи. Всунувъ десять марокъ въ руку бдительно охранявшаго его сонъ капельдинера, банкиръ вышелъ на улицу.

Онъ чувствовалъ себя освѣженнымъ и подкрѣпившимся. Холодный ночной воздухъ благотворно подѣйствовалъ на него. Миновавъ нѣсколькихъ прохожихъ, которые съ изумленіемъ смотрѣли на ярко-освѣщенный театръ, онъ сдѣлалъ знакъ кучеру ѣхать домой, а самъ безцѣльно зашагалъ впередъ по тротуару.

Ванъ-Лоокъ не могъ преодолѣть себя и вернуться домой. Онъ прекрасно зналъ, что до утра будетъ бѣгать по комнатамъ, въ ожиданіи письма изъ Лондона, о которомъ былъ увѣдомленъ телеграммою. Зачѣмъ подвергать себя этой мукѣ? Лучше искать забвенія, убивать такъ или иначе время.

Передъ однимъ изъ ночныхъ кафе Потсдамскаго квартала, онъ на минуту остановился, подумалъ и пошелъ черезъ переднія, мало занятыя комнаты въ заднее отдѣленіе. Тутъ стояли ломберные столы, за которыми небольшія группы людей играли въ карты. Оффиціально азартныя игры не допускались.

Ванъ-Лоокъ зналъ многихъ присутствующихъ по биржѣ. Онъ подошелъ къ такъ называемому «столу милліонеровъ», за которымъ сидѣла пестрая группа адвокатовъ, потасканный японецъ, нѣсколько земельныхъ собственниковъ, агентовъ и другихъ сомнительныхъ личностей, и, отвѣтивъ на полусмущенные, полуподобострастные поклоны, присѣлъ къ нимъ.

Въ другое время такая смѣшанная компанія не была бы ему по вкусу. А теперь все равно. Лишь бы играть! Онъ велѣлъ кельнеру подать себѣ бутылку коньяку и принялся понтировать. Ему пріятно было проигрывать. Онъ умышленно рисковалъ, изъ страха, чтобы остальные не прекратили игру. Часъ проходилъ за часомъ, но никто не отходилъ отъ стола. Изъ переднихъ комнатъ давно исчезли послѣдніе гости, давно погасили огонь, заперли двери и всѣ до послѣдняго кельнера ушли спать... остались одни игроки; механически мѣшаютъ они карты, сдаютъ, ходятъ, а за окнами ночь смѣнилась сѣренькимъ утромъ, на улицѣ зазвонила конка, загремѣли телѣги съ молокомъ, загудѣли голоса, зашумѣли экипажи.

Въ девятомъ часу игра, наконецъ, кончилась. Ванъ-Лоокъ про-

игралъ все, что съ нимъ было чистыми деньгами. Это его не волновало. Не все ли равно?

Когда онъ вышелъ на улицу, тамъ сѣялъ мелкій, осенній дождикъ. Рабочій-каменщикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на элегантнаго господина. Улыбка пробѣжала по его грубому лицу.

На улицахъ, по которымъ медленно шелъ ванъ-Лоокъ, уже кипѣла работа. Метельщики усердно мели улицы; мальчишки изъ булочной и мясной поспѣшно перебѣгали отъ одного дома къ другому, шутили съ дѣвушками, которыя шли на рынокъ съ корзинами на рукахъ. Женщины-поденщицы мыли тротуары и лѣстницы; заспанные извозчики позѣвывали на козлахъ; собаки тащили на рынокъ телѣжки съ овощами.

Всюду жизнь и движеніе. Ванъ-Лоокъ чувствовалъ себя подавленнымъ. Онъ ускорилъ шаги, но немного пройдя опять остановился. Невольный страхъ приблизиться къ письменному столу, на которомъ уже навѣрное лежало рѣшеніе судьбы, парализовалъ его движенія.

Наконецъ, онъ въ коридорѣ своей квартиры.

— Пришла почта?—спросилъ онъ равнодушно лакея, снимавшаго съ него пальто.

— Да, сударь... писемъ много; все въ кабинетѣ на столѣ.

Долго сидѣлъ ванъ-Лоокъ молча и курилъ сигару. Наконецъ, взялъ ножницы и разрѣзалъ конвертъ, по маркѣ и почтовому штемпелю, изъ Лондона.

Въ немъ было нѣсколько строкъ отъ дяди-милліонера, Августа Т. ванъ-Лоока.

Короткое письмо—плохой признакъ.

Банкиръ нервно закрылъ глаза; затѣмъ выпрямился и съ рѣшимостью сталъ читать роковыя строки.

«Ты требуешь моей помощи, потому что, благодаря банкротству фирмы «Lejeune Frères et C-ie» въ Парижѣ, затрудняешься платежами. Я бы помогъ тебѣ. Но ты сообщаешь также, что приходится выдавать обратно вклады. Куда же дѣлись они? Растрачены тобой или кѣмъ-либо другимъ?

Значитъ, ты мошенникъ, а съ мошенниками никогда не ведетъ дѣлъ

твой дядя

Августъ Т. ванъ-Лоокъ».

Конецъ!

Ванъ-Лоокъ бросилъ письмо на столъ и уставился въ пространство. Спасенія нѣтъ. Немыслимо добыть въ теченіе дня такую

сумму, чтобы удовлетворить первый приливъ публики въ понедѣльникъ утромъ. А что же дальше?

Ему представилась маленькая, тѣсная камера въ предварительной тюрьмѣ Моабита. Потомъ рядъ строеній близъ Берлинскихъ воротъ съ желѣзными рѣшотками и каменными стѣнами. И онъ, поживщій жуиръ, въ арестантскомъ халатѣ съ обритой головой.

Невозможно!

Бѣжать?

Куда?... Въ столѣ у него были деньги, тысячъ двадцать марокъ.

Съ ними далеко не уѣдешь. Работать въ чужой странѣ, бороться за существованіе, терпѣть трудъ и лишенія и находиться подъ вѣчнымъ страхомъ быть арестованнымъ.

Оставался *одинъ* выходъ.

Пока Лоокъ обдумывалъ свое прошлое, у него было чувство, точно онъ возвращается съ маскарада домой.

Пестрый, шумный маскарадъ. Масса красивыхъ дѣвушекъ и женщинъ, паяцевъ и величественныхъ рыцарей въ блестящихъ латахъ встрѣчались ему на пути. Онъ бражничалъ съ веселыми трубадурами, издѣвался надъ педантами, отъ времени до времени нашептывалъ любезности легкомысленной Коломбинѣ или игривой Пьереттѣ.

Вокругъ него вертѣлись пары, искрилось шампанское, визжали цыганскія скрипки; когда онѣ на минуту умолкали, съ его глазъ точно спадала пелена, и сквозь блестящіе костюмы и мишуру онъ видѣлъ жалкихъ, усталыхъ людей, которые, подобно ему, въ блескѣ и шумѣ ищутъ забвенія.

Усталые люди!... вѣрное названіе! Каждый маскарадъ когда-нибудь кончится. Выйдешь въ сѣни, набросишь плащъ и пойдешь на улицу, гдѣ обхватитъ тебя глубокая, черная ночь.

— Прикажете подать завтракъ?—спросилъ слуга.

Ванъ-Лоокъ вздрогнулъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, вставая,—нѣтъ... я иду спать... и чтобы мнѣ никто не мѣшалъ... понимаете... никто...

— Слушаю-съ!

Слуга вышелъ. Въ комнатѣ водворилась полная тишина. З окнами чирикали воробьи; по тротуару позѣвывая прохаживался взадъ и впередъ сосредоточеннаго вида человѣкъ: агентъ одной частной банкирской конторы, которому наканунѣ вечеромъ дано было тайное предписаніе слѣдить за ванъ-Лоокомъ.

Около двухъ часовъ пополудни графъ Парсеновъ настойчиво потребовалъ, чтобы его впустили къ банкиру. Онъ не хотѣлъ слушать доводовъ лакея, который увѣрялъ, что уже многимъ господамъ отказано.

Но графъ не желалъ разговаривать съ лакеемъ, оттолкнулъ его въ сторону и прошелъ въ прихожую.

— Гдѣ спитъ вашъ господинъ?—спросилъ онъ коротко.

— Графъ... я не отвѣчаю за... мнѣ не велѣно...

— Гдѣ вашъ господинъ?

Голосъ Парсенова звучалъ грозно.

— Здѣсь!—смущенный слуга указалъ на дверь. Посѣтитель постучалъ.

— Господинъ ванъ-Лоокъ!

Никакого отвѣта.

— Господинъ ванъ-Лоокъ... это я... графъ Парсеновъ.

Никакого отвѣта.

Слуга смотрѣлъ испуганно. Господи, что же это? Обыкновенно у господина такой чуткій сонъ.

— Господинъ ванъ-Лоокъ! —Графъ стоялъ у двери и прислушивался.

Затѣмъ, въ смущеніи обратился къ слугѣ.

— Когда вашъ господинъ ложился спать, вы не замѣтили въ немъ ничего особеннаго?

И прежде чѣмъ лакей успѣлъ отвѣтить, графъ съ силою налегъ на ручку, крѣпко ударилъ колѣнкою въ дверь, такъ что задвижка подалась.

Прежде всего графу бросилось въ глаза лицо банкира, неподвижно лежавшаго въ постели. Ему знакомъ былъ этотъ цвѣтъ лица, эта прозрачная, восковая желтизна.

Сильный запахъ горькаго миндалю наполнялъ комнату.

— Синельная кислота...—задумчиво сказалъ Парсеновъ.

Лакей что-то бормоталъ въ смертельномъ испугѣ.

Графъ обернулся къ нему.

— Вашъ господинъ умеръ... отравленіе синельною кислотой... пошлите за родственниками, а здѣсь оставьте все, какъ было.

— Господи, Господи!—стоналъ несчастный лакей. Онъ уставился впередъ, какъ сумасшедшій. Наконецъ, придя въ себя, онъ нашелъ естественное прибѣжище всякаго нѣмца—полицію. Дрожа всѣми членами, побѣжалъ онъ къ воротамъ.

Парсеновъ не рѣшился остаться въ квартирѣ покойника. Онъ бросилъ бѣглый взглядъ на лицо умершаго и, разстегнувъ пальто,

вышелъ на улицу, откуда поспѣшно входили въ домъ полицейскій съ лакеемъ.

На противоположной сторонѣ, рядомъ съ серьезнымъ агентомъ стоялъ Кракауэръ и взоромъ хищнаго звѣря смотрѣлъ на завѣшанныя окна.

— Вы были у ванъ-Лоока, графъ!—закричалъ онъ и чуть не бѣгомъ пустился черезъ улицу къ Парсенову.

— Что?

— Вы были у ванъ-Лоока? Меня къ нему не пустили.

— Да... я былъ... у него...

— И... и... что же?—со страхомъ спросилъ Кракауэръ.

— Благодарю за участіе,—холодно отвѣтилъ Парсеновъ, ванъ-Лоокъ чувствуетъ себя хорошо... очень хорошо!

— Слава Богу,—пробормоталъ Кракауэръ... вы съ нимъ долго разговаривали?

— Нѣтъ, я съ нимъ не говорилъ.—Парсеновъ почти весело смотрѣлъ на противника—Ни слова...

— Да... но почему же?

— Потому что ванъ-Лоокъ вообще не говоритъ болѣе. Онъ умеръ...

Наступило продолжительное молчаніе.

Кракауэръ молча вертѣлъ палку по мостовой.

— Восемь тысячъ талеровъ полетѣло къ чорту!—сказалъ онъ наконецъ.

— У васъ есть на ванъ-Лоока вексель?

— Да... на восемь тысячъ,—голосъ Кракауэра звучалъ болѣзненно.—Со вчерашняго дня я поручилъ сторожить его, чтобы быть увѣреннѣе! Но этого я не оградилъ.

— Да, плакали ваши денежки,—съ ѣдкой насмѣшкой замѣтилъ Парсеновъ.—Или вы, можетъ быть, думаете, что у него что-нибудь осталось?

— Ничего!—Кракауэръ съ отчаяніемъ покачалъ головой.—Повѣрьте мнѣ, ничего!... Два процента самое бо̀льшее.

— Вы думаете?

— Знаю навѣрное, это вполнѣ ясно. Такая старая лиса, какъ ванъ-Лоокъ, даромъ не сдастся.

— Вы правы!

— A propos!—Кракауэръ подозрительно поглядѣлъ на графа.—*Вы* также заинтересованы въ его смерти... Я хочу сказать, что деньги m-e фонъ-Бранекъ у...

— Все состояніе m-e фонъ-Бранекъ было у ванъ-Лоока,—

сказалъ Парсеновъ, взялся за край цилиндра и, любезно раскланявшись, пошелъ прочь.

Финансистъ стоялъ, какъ громомъ пораженный. Онъ получилъ страшный ударъ, такъ какъ Парсеновъ былъ ему долженъ громадную сумму.

Кракауэръ глубоко вздохнулъ.

— Ну, жизнь!—пробормоталъ онъ и сѣлъ въ экипажъ.

Гильда съ утра уѣхала съ отцомъ въ Потсдамъ къ родственникамъ, желая сдѣлать имъ визитъ и кстати осмотрѣть достопримѣчательности романтическаго, казарменнаго города.

Они намѣревались возвратиться поздно вечеромъ и, можетъ быть, даже заночевать.

Такимъ образомъ весь день былъ въ распоряженіи Парсенова, и онъ могъ надосугѣ обдумать дальнѣйшій образъ дѣйствій.

Графъ вернулся домой, бросился въ качалку, вытянулъ ноги и закурилъ папиросу.

Время шло. Комната наполнилась синеватымъ дымомъ ароматическаго бессарабскаго табаку. Легкая дымка окутала весь обликъ графа, неподвижно, молча сидѣвшаго въ креслѣ.

Что бы онъ съ собой ни дѣлалъ, мысли его опять и опять возвращались къ событіямъ послѣднихъ дней, къ неизбѣжной альтернативѣ. Или онъ останется джентльменомъ, чѣмъ считалъ себя самъ и всѣ окружающіе. Въ такомъ случаѣ нельзя отказываться отъ женитьбы, потому что улетучилось приданое. А безъ приданаго придется работать.

Дикая фантазія! Человѣкъ, ничего не дѣлавшій юношей, долженъ въ зрѣлые годы зарабатывать на жену и дѣтей! Это показалось ему злой ироніей судьбы, наказаніемъ за то, что онъ послѣдовалъ модѣ и накинулся на «богатую партію».

Положимъ, такихъ партій еще много. Для него ничто не потеряно: стóитъ только получить свободу, потребовать себѣ свободу!

Графъ сердито вскочилъ. Ему стало совѣстно за такую мысль. Въ немъ созрѣло твердое рѣшеніе, ни при какихъ обстоятельствахъ не отказываться отъ Гильды, если бы она даже сама, какъ онъ былъ убѣжденъ, возвратила ему слово.

Парсеновъ поспѣшно написалъ майору письмо, гдѣ въ короткихъ словахъ сообщалъ о смерти ванъ-Лоока и о всѣхъ проистекающихъ отсюда печальныхъ послѣдствіяхъ и заключилъ его просьбой, съ разрѣшенія Гильды, назначить, какъ можно скорѣе, день свадьбы.

Тяжело вздохнувъ, онъ отдалъ письмо лакею и приказалъ отнести его въ отель, гдѣ жилъ майоръ.

Ему не сидѣлось въ комнатахъ. Онъ безцѣльно вышелъ на улицу, гдѣ почти уже стемнѣло.

Графъ остановился передъ столбомъ съ объявленіями и къ величайшему изумленію увидѣлъ, что сегодня вечеромъ въ Эденъ-театрѣ идетъ обстановочный водевиль «Сатанилла».

Онъ взглянулъ на часы. Еще есть время. И почему бы не пойти? Развѣ не все равно, гдѣ убивать время.

Не глядя по сторонамъ, направился Парсеновъ къ театру. Что ему за дѣло до окружающихъ, этой праздничной толпы, переполнявшей улицы, нарядныхъ кухарокъ подъ руку съ гренадерами, комми и приказчицъ, лавочниковъ съ семьями и всѣмъ домашнимъ скарбомъ, ремесленниковъ и фабричныхъ, разнаряженныхъ по-праздничному. Въ воздухѣ царилъ запахъ слежавшагося платья и плохихъ сигаръ.

Графу стало противно. Онъ ускорилъ шагъ.

Вдругъ Парсеновъ остановился, такъ что шедшая сзади парочка почти наткнулась на него.

Какъ ревъ голодныхъ волковъ, несся по улицѣ безсвязный, неопредѣленный гулъ, прорывавшійся сквозь шумъ толпы. Онъ подвигался все ближе и ближе. Можно было отличить перекрикивающіе другъ друга голоса.

— Свѣжая новость!

Разносчики газетъ быстро бѣжали по обоимъ тротуарамъ, размахивая только что отпечатанными листками особыхъ приложеній, звонко выкрикивая:

— Свѣжая новость!

— Банкротство и самоубійство!—ревѣлъ конкуррентъ, желая перекричать соперника.

— Свѣжая новость!—звучали хоромъ дикіе голоса. Прохожіе затыкали уши, моля небо о наступленіи дня, когда воскресный шумъ затихнетъ.

Парсеновъ позвалъ разносчика, сунулъ ему десять пфенниговъ и около газоваго фонаря развернулъ листокъ. Внизу стояло имя издателя: «Дворянинъ Ксаверій фонъ-Кроцевичъ».

О смерти ванъ-Лоока листокъ не прибавлялъ ничего новаго, но сообщалъ, что въ банкирской конторѣ не было найдено ни акцій, ни другихъ цѣнностей.

Кракауэръ хорошо зналъ положеніе дѣлъ. Банкиръ боролся до послѣдней возможности.

Парсенова больше ничто не поражало. Поспѣшно пробѣжалъ онъ послѣднія строки, гдѣ дворянинъ Ксаверій фонъ-Кроцевичъ съ благороднымъ негодованіемъ описывалъ раздраженіе и отчаяніе всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Графъ скомкалъ листокъ и бросилъ на тротуаръ. Да, больше не было сомнѣній.

— Свѣжая новость!—все еще неслся по улицамъ крикъ; онъ продолжалъ отдаваться въ ушахъ графа, даже когда тотъ вошелъ въ фойе Эденъ-театра.

Извѣстіе о самоубійствѣ ванъ-Лоока, какъ бомба, налетѣло на театръ. Леденящій ужасъ разомъ охватилъ все сіяющее огнями зданіе.

Долгое время не знали, состоится ли вообще представленіе, потому что за десять минутъ до начала Эрна лежала въ истерикѣ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она начала гримироваться, ей подали изъ цвѣточнаго магазина картонъ. Она была увѣрена, что это букетъ отъ ванъ-Лоока и въ ужасѣ отскочила, поднявъ крышку: въ картонѣ лежалъ свѣжій вѣнокъ на гробъ и вечернее приложеніе къ газетѣ, гдѣ всѣ выдающіяся мѣста заботливо подчеркнуты были синимъ карандашомъ.

Неизвѣстная подруга, пославшая ей такой подарокъ, достигла цѣли! Эрнести и безъ того нервно-возбужденная первымъ представленіемъ, пришла въ такое состояніе, что всѣ усилія театральнаго врача, директора и безпомощно стоящей кругомъ прислуги не оказывали никакихъ результатовъ.

Наконецъ, режиссеру пришла счастливая мысль; онъ спросилъ Эрнести, неужели она дастъ восторжествовать завистливой соперницѣ и испортитъ свою лучшую роль. Это подѣйствовало. Дрожа отъ злобы и страха, Эрна дала одѣть себя и вышла на сцену.

Какъ хорошо чувствовала бы она себя въ другое время въ атмосферѣ легкомысленнаго веселія и двусмысленно-пикантныхъ намековъ, сомнительныхъ остротъ своей роли! Теперь она была подавлена и смущена! Точно всѣ члены ея были парализованы.

Блѣдный призракъ банкира становился между ней и публикой. Когда она дѣлала отчаянную попытку пустить въ ходъ страстныя нотки, особенно влiявшія на публику, передъ глазами ея появлялся вѣнокъ и звуки не шли изъ горла.

Не одна она была виною, что пьеса расхолаживала публику, и блестящій, роскошно обставленный финалъ былъ встрѣченъ гробовымъ молчаніемъ. Въ зрительномъ залѣ также блуждалъ призракъ

несчастнаго банкрота. Онъ садился по временамъ въ одну изъ пустыхъ ложъ,—владѣльцамъ ихъ было не до «Сатаниллы»; они возбужденно толковали, собравшись въ своихъ частныхъ конторахъ о томъ, какъ оградить себя въ понедѣльникъ отъ грозной биржевой паники, и до глубокой ночи переѣзжали изъ дома въ домъ по кварталу Тиргартена;—онъ съ холоднымъ смѣхомъ хлопалъ по плечу разгуливающаго въ фойэ биржевика, которому водевиль, несмотря ни на что, казался забавнымъ; тотъ вздрагивалъ, и вся пестрая толпа актеровъ представлялась ему въ видѣ цифръ, платежей, векселей и расписокъ.

Потомъ призракъ спускался въ партеръ и устремлялъ свой пронзительный взоръ то на того, то на другого изъ зрителей, хранившихъ свои деньги въ банкирскихъ конторахъ. Можетъ быть, и они обанкротятся и не видать имъ больше своихъ скудныхъ сбереженій. Холодный потъ выступалъ у несчастныхъ на лбу, и они переставали смотрѣть на блестящую картину, созданную искусствомъ декоратора и машиниста.

Пьеса не имѣла успѣха. Когда послѣ перваго дѣйствія опустился занавѣсъ, въ партерѣ и въ ложахъ было полное безмолвіе. Только на галереѣ шумѣла многочисленная «клака», слегка ободряемая единичными клакерами, разсѣянными по театру.

Подавленное молчаніе публики подѣйствовало удручающимъ образомъ на шумящихъ, и, точно пристыженные, клакеры скоро замолкли.

Все затихло. Только изъ оркестра неслись нестройные звуки настраиваемыхъ инструментовъ.

Когда музыка заиграла шумное вступленіе къ третьему акту, изъ боковой двери театра вышелъ на улицу, весь согнувшись высокій мужчина. Директоръ Эденъ-театра ощупалъ боковой карманъ, гдѣ тщательно спрятаны были всѣ вырученныя въ теченіе дня деньги и, пройдя нѣсколько шаговъ, позвалъ извозчика.

— На вокзалъ Фридрихштрассе!

Онъ поспѣлъ какъ разъ къ ночному курьерскому поѣзду, отходившему въ Гамбургъ. Путешественникъ сѣлъ въ купэ I класса и поѣхалъ въ неизвѣстную даль.

Уже днемъ замыслилъ онъ бѣгство. Провалъ «Сатаниллы» окончательно утвердилъ его рѣшеніе. Онъ не въ состояніи былъ уплатить по векселямъ, выданнымъ поставщикамъ, за штемпелемъ конторы ванъ-Лоокъ и К°. Катастрофа была неизбѣжна!

Пускай-ка безъ него повертятся въ театрѣ! Онъ увозилъ съ со-

бой нѣсколько тысячъ талеровъ, на первое обзаведеніе въ Новомъ свѣтѣ. Когда поѣздъ поравнялся со станціей, бѣглецъ уже видѣлъ себя въ мечтахъ владѣтелемъ бойкаго кафе съ музыкой, въ Чикаго, гдѣ разнохарактерные джентльмены, сдвинувъ цилиндры на затылокъ и поминутно сплевывая, пьютъ и ѣдятъ, пользуясь услугами кельнеровъ-негровъ.

Парсеновъ также рано ушелъ изъ театра. Сегодня ему нигдѣ не сидѣлось. Внутреннее безпокойство гнало его съ одного мѣста на другое.

Когда графъ шагалъ по Фридрихштрассе, ему пришла новая мысль. Онъ удивился, что не напалъ на нее раньше. Парсеновъ завернулъ въ ближайшій ресторанъ.

Онъ усѣлся въ углу за маленькимъ столикомъ, велѣлъ подать себѣ бутылку бургундскаго и съ жадностью выпилъ два стакана.

Это его нѣсколько успокоило. Онъ снова принялся размышлять и обдумывать, какъ устроить будущее.

Работать!... Чуждо, почти угрожающе звучало это слово. Онъ не представлялъ себѣ подъ нимъ ничего опредѣленнаго; ему даже становилось смѣшно, когда онъ воображалъ себя занимающимъ какую-либо изъ извѣстныхъ ему должностей. Букмекеръ?... для этого нужны деньги и кромѣ того можно попасть подъ судъ... Завѣдующій конюшнями или владѣлецъ манежа... или агентъ страхового общества... комми-вояжеръ отъ виннаго или табачнаго фабриканта...

Онъ презрительно разсмѣялся. Глупо, невозможно! Въ сущности въ этомъ нѣтъ даже нужды. Можно жить съ Гильдой въ имѣніи майора, помогать ему въ сельскомъ хозяйствѣ, играть съ сосѣдями въ вистъ, пересыпая его плоскими остротами и запивая краснымъ виномъ; когда майоръ умретъ, онъ можетъ продолжать управленіе имѣніемъ для лейтенанта въ качествѣ бѣднаго родственника, который старается чѣмъ-нибудь отблагодарить за даровые хлѣба. Онъ мысленно видѣлъ себя огрубѣвшимъ, опустившимся, въ высокихъ сапогахъ, полинявшей курткѣ,—опростившійся дворянинъ, предметъ остротъ для мужчинъ и сожалѣнія для женщинъ. А дальше?... когда придетъ старость, когда ему самому будетъ казаться страннымъ, что онъ былъ нѣкогда блестящимъ свѣтскимъ человѣкомъ, отчаяннымъ спортсменомъ, извѣстнымъ прожигателемъ жизни?

Ужасъ охватилъ его. Безнадежнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ въ стаканъ, гдѣ искрилось бургундское. Кто укажетъ ему выходъ?

Шумъ въ сосѣдней комнатѣ заставилъ его оторваться отъ печальныхъ размышленій. Тамъ, за перегородкой у стола, очевидно, помѣстилось большое общество. Онъ не могъ видѣть лицъ, но хорошо слышалъ голоса,—тѣ хриплые носовые звуки, которымъ такъ хорошо подражаютъ талантливые актеры, изображая высшее общество сѣверной Германіи. Компанія, очевидно, только что пріобрѣла вечернее приложеніе къ газетамъ. Графъ слышалъ, какъ читали вслухъ отдѣльныя предложенія и разсуждали по поводу нихъ. Вдругъ до него долетѣла знакомая фамилія.

— Знаете ли, что̀ мнѣ разсказывалъ этотъ молодецъ... Кракауэръ? — сказалъ густой грубый басъ.—Я заходилъ къ нему поговорить о продажѣ имѣнія... Онъ божился, что m-me фонъ-Бранекъ, благодаря ванъ-Лооку, потеряла все состояніе.

— О! — съ сожалѣніемъ протянулъ свѣжій голосъ.

Парсеновъ узналъ его. Говорилъ Вендлау. Остальные молчали.

— Ну, а Парсеновъ?

— П-хе! Тотъ найдетъ другую, — послышался хорошо знакомый, нѣсколько хриплый голосъ.—Проще ничего быть не можетъ!

— Что вы, Штейнингенъ... вѣдь это было бы... — отозвалось нѣсколько голосовъ.

Но хриплый баритонъ покрылъ всѣ голоса.

— Что еще было бы? Заурядная дамочка, ей-Богу... и безъ денегъ... На что она баловню судьбы вродѣ Парсенова?

Князь фонъ-Штейнингенъ рѣзко оборвалъ рѣчь, точно подавился; лицо сразу сдѣлалось бурымъ; невыразимый ужасъ сжалъ ему сердце.

Высоко поднявъ голову, стоялъ передъ нимъ Парсеновъ и быстро махалъ снятою перчаткой передъ лицомъ.

На минуту водворилась мертвая тишина. Остолбенѣвъ отъ изумленія, стоялъ кельнеръ, держа въ рукахъ блюдо съ устрицами; посѣтитель, сидѣвшій невдалекѣ отъ компаніи, поднялся и вышелъ вонъ.

— Жду секундантовъ, ваше сіятельство! — сказалъ хладнокровно Парсеновъ; затѣмъ, взглянувъ вдоль стола, обратился къ офицеру: —Дорогой Вендлау, не откажите мнѣ...

Маленькій гусаръ вскочилъ, одновременно польщенный и испуганный.

— Можетъ быть, баронъ Хоркъ будетъ любезенъ, съ вами вмѣстѣ... на минутку...

Графъ взялъ гусара подъ руку и отвелъ въ сторону. Хоркъ, пожилой господинъ, послѣдовалъ за ними.

— Настаивайте, господа, пожалуйста, на томъ, чтобы поединокъ былъ завтра утромъ. Это не въ обычаѣ, но дѣло ясно, какъ Божій день; а главное — оно уже огласилось. Отсюда только что вышелъ человѣкъ, который, можетъ быть, снесетъ свѣжетрепещущую новость въ одну изъ редакцій... Вы, конечно, согласитесь, что непріятно драться, когда о случившемся затрубятъ всѣ газеты, и слухъ дойдетъ до моей невѣсты.

— Употребимъ всѣ усилія, графъ!

— Прошу васъ поставить самыя тяжелыя условія... это само собой разумѣется, въ виду того, что съ моей стороны нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ. Жду васъ у себя, Вендлау... Добраго вечера, господа!

Графъ ушелъ.

Вендлау и Хоркъ долго толковали съ двумя секундантами Штейнингена въ квартирѣ гусара. Они спорили, вносили поправки, дѣлали замѣтки на листкѣ бумаги, затѣмъ снова вычеркивали написанное, пока, наконецъ, придя къ соглашенію, составили протоколъ. Допивъ свои стаканы, собесѣдники простились. Гусаръ поспѣшно направился къ графу.

Онъ засталъ Парсенова на диванѣ съ сигарою во рту.

— Какъ дѣла?—закричалъ тотъ, увидавъ входившаго.

— Какъ вы желали, — отвѣтилъ нервно спортсменъ; голосъ его дрожалъ отъ возбужденія. — Дуэль назначена завтра, въ семь часовъ утра, въ Груневальдѣ. Хагеновъ, секундантъ Штейнингена, считаетъ болѣе удобнымъ не удаляться отъ шоссе... изъ-за экипажа... чтобы на обратномъ пути ему не пришлось слишкомъ долго скакать по корнямъ...

— А условія?—прервалъ его Парсеновъ, точно прослушавшій послѣднія слова.

— Пятнадцать шаговъ разстоянія, пять шаговъ барьеръ, неограниченное время для прицѣла, пять выстрѣловъ съ каждой стороны...

— Прекрасно, — задумчиво произнесъ Парсеновъ и закурилъ новую сигару. — Вы будете добры, въ три четверти шестого заѣхать за мной, фонъ-Вендлау.

— Къ вашимъ услугамъ, — чуть не сказалъ гусаръ, до такой степени на него дѣйствовало хладнокровіе Парсенова. Но, опомнившись, онъ ограничился серьезнымъ поклономъ.

— Удивительное дѣло, — сказалъ онъ, минуту спустя.

— Въ чемъ, дорогой Вендлау?

— Вы, повидимому, совсѣмъ не волнуетесь.

— Нимало!

— Вы имѣете скорѣе даже довольный видъ!

Графъ звонко разсмѣялся.

— Это вѣрно, дорогой мой!... И отчего мнѣ не быть довольнымъ?

— Ну, все-таки... передъ такимъ дѣломъ!

— Думаете, непріятно предписать глупому князю курсъ молчанія?

— Да... но если... — Лейтенантъ неувѣренно взглянулъ въ глаза собесѣднику. На смугломъ, тонкомъ лицѣ Парсенова отражалась такая ѣдкая иронія. — Положимъ, вы замѣчательный стрѣлокъ... но развѣ можно всегда ручаться...

— За исходъ дѣла? Это мы черезъ нѣсколько часовъ увидимъ. Мнѣ надо написать еще письмо. Итакъ, до завтра, дорогой Вендлау!

Графъ со смѣхомъ протянулъ ему руку. Вендлау пожалъ ее и откланялся. Погруженный въ думы, вышелъ онъ на мрачную, тихую улицу. Онъ не могъ дать себѣ отчета, почему Парсеновъ казался ему неестественнымъ.

IX.

Лейтенантъ фонъ-Вендлау провелъ очень неспокойную ночь. Въ его юной жизни случилось первое важное событіе.

Дуэли въ офицерскомъ кругу гораздо болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ думаетъ публика. Ему ни разу не приходилось быть участникомъ, если не считать публичнаго состязанія съ товарищемъ въ военномъ училищѣ.

Это было дѣтское упражненіе. Врачъ зашилъ двѣ-три царапины, и оба участника съ недѣльку полежали въ лазаретѣ: тѣмъ все и кончилось, а теперь...

Съ ужасомъ возвращался онъ постоянно къ мысли, что на этотъ разъ дѣло идетъ о жизни и смерти!

Ему случалось не мало читать о дуэляхъ. Онъ зналъ изъ романовъ, что противники раскланиваются «съ холодной вѣжливостью», что послѣ выстрѣла непремѣнно «закаркаетъ воронъ, поднявшись съ отягченной снѣгомъ вѣтки». Онъ былъ готовъ къ тому, что Парсеновъ, выразительно пожимая ему руку, передастъ локонъ и письмо къ возлюбленной. Вендлау, шагая на слѣдующее утро по мрачнымъ и пустымъ улицамъ къ Парсенову, чувствовалъ себя очень серьезно и торжественно настроеннымъ. Графъ сидѣлъ за кофе; на столѣ еще горѣла лампа. Онъ курилъ папиросу и казался совершенно спокойнымъ.

Вендлау сѣлъ возлѣ него и взглянулъ на часы. Лакей подалъ ему кофе. Оба молчали.

— Вы позволите?—спросилъ насмѣшливо Парсеновъ, взявъ со стола рюмку коньяку.

Лейтенантъ поклонился и пробормоталъ согласіе, хорошенько не понимая вопроса.

Онъ былъ свидѣтелемъ первой дуэли и не зналъ, что большая часть дуэлистовъ предпочитаетъ являться на поединокъ навеселѣ. Утромъ, на тощій желудокъ небольшія дозы алкоголя достигаютъ результата.

О Парсеновѣ нечего было безпокоиться.

Онъ выпилъ рюмку и снова молча уставился въ пространство. На столѣ лежали два письма: къ Гильдѣ фонъ-Бранекъ и къ Кракауэру.

Въ полутемной комнатѣ царитъ полная тишина. Съ улицы доносится стукъ колесъ и веселый шумъ. Линейка везетъ служащихъ одной торговой фирмы въ Груневальдъ, гдѣ будетъ справляться юбилей. Тѣсно напиханные въ экипажъ, сидятъ рядомъ мужчины, женщины, дѣвушки и полузаспанныя дѣти. По сторонамъ болтаются пестрые, бумажные фонарики, которые зажгутся на обратномъ пути вечеромъ; подъ экипажемъ качается бочонокъ съ пивомъ, привѣшанный на цѣпи; на переднемъ мѣстѣ, возлѣ кучера, звеня при каждомъ толчкѣ, возвышается шарманка.

Время отъ времени пытаются запѣть хоромъ, но настроеніе еще слишкомъ подавлено холодомъ осенняго утра. И снова водворяется молчаніе. Мужчины передаютъ другъ другу дорожную фляжку и, приложившись къ ней, отираютъ усы; женщины поминутно охорашиваютъ и одергиваютъ дѣтей; пока экипажи катятся по безконечной мостовой, безсознательная, почти глупая радость охватываетъ всѣхъ участниковъ въ ожиданіи полнаго удовольствій дня на свѣжемъ воздухѣ, — великаго дня, о которомъ толковали чуть не за мѣсяцъ въ пыльныхъ, душныхъ мастерскихъ фабрики.

Рядъ экипажей уже ѣдетъ по гладкому шоссе. Ясный, холодный осенній день. Бѣловатый туманъ клочками стелется по полямъ и лугамъ, безконечно вытянувшимся по обѣимъ сторонамъ дороги. Однообразный шумъ и гулъ столицы остался позади. Надъ нимъ еще нависла точно дымящаяся темная туча, но косые лучи солнца уже прорвались сквозь нее и освѣтили куполы и башни Зоологическаго сада. Урывками доноситъ оттуда вѣтеръ рычаніе дикихъ звѣрей и лай шакаловъ.

Скачетъ мимо молодой лейтенантъ въ сопровожденіи денщика, что возбуждаетъ интересъ среди женской фабричной молодежи.

Выбѣжалъ на дорогу заяцъ и, испугавшись, стремглавъ пустился наутекъ, сопровождаемый веселымъ хохотомъ общества.

Запыхтѣлъ паровой трамвай. Лошадь ѣхавшаго навстрѣчу генерала шарахнулась въ сторону; но сѣдой воинъ не сморгнулъ глазомъ, что въ высокой степени поразило путниковъ; хотя молодые люди и отнеслись нѣсколько иронически къ восторгу, съ какимъ дѣвушки провожали достойнаго воина.

Наконецъ, на горизонтѣ показалась темная полоска, которая все приближается и приближается. Это—Груневальдъ. Начинается рядъ виллъ. Всѣ пестрыя строенія, причудливыя дачки, рестораны объяты глубокой тишиной; маленькія волны слегка плещутъ на поверхности искусственнаго озера. Вотъ начинается настоящій сосновый боръ: стройные стволы, огромные, вылѣзающіе изъ песку корни; мѣстами тощая травка, мѣстами густой бархатистый коверъ мху и повсюду разбросанная бумага, скорлупа отъ яицъ, битое стекло.

Экипажи останавливаются передъ изгородью, тянущейся параллельно дорогѣ, и общество съ любопытствомъ принимается разсматривать оленей и сернъ. Въ это время быстро проносится мимо легкій элегантный экипажъ на элластичныхъ рессорахъ. Въ немъ сидитъ смуглый, чернобородый господинъ и молодой гусарскій офицеръ. Экипажъ быстро скрывается за поворотомъ дороги.

— Вотъ это... благородно! —шепчетъ блѣдная блондинка сосѣдкѣ.

Та утвердительно киваетъ. Мрачный молодой человѣкъ, ихъ vis-à-vis, сердито бормочетъ:

— Да, такимъ франтамъ хорошо живется на свѣтѣ!... У нихъ всю недѣлю праздникъ; не знаютъ горя и печали!

Пронзительно раздается изъ близлежащаго загона хрюканье и визгъ кабановъ, да на верхушкѣ дерева однотонно долбитъ невидимый дятелъ; покачиваясь отъ утренняго вѣтерка, скрипятъ верхушки сосенъ.

Стадо ланей, тѣсно сплотившись, пристально смотритъ на кучку людей, которые зѣвая собрались на лужайкѣ. Робко пощипывая траву, переходятъ съ мѣста на мѣсто граціозныя созданія; но вотъ одинъ звѣрокъ, закинувъ голову назадъ, элластично прыгая, бросился въ чащу, и всѣ послѣдовали его примѣру. Ихъ испугалъ неожиданно появившійся на узкой дорожкѣ экипажъ.

Вендлау разсѣянно поглядѣлъ имъ въ слѣдъ, затѣмъ, обращаясь къ Парсенову, робко замѣтилъ:

— Насъ уже ждутъ!

— Ну, что-жъ, тогда можно начинать, — отвѣтилъ графъ, равнодушно взглянувъ на часы.

Князь фонъ-Штейнингенъ не можетъ отдать себѣ вполнѣ яснаго отчета въ томъ, что кругомъ происходитъ! Онъ видитъ около себя нѣсколько человѣкъ, слышитъ шепотъ, механически мотаетъ головой на предлагаемое секундантами перемиріе, потомъ слышитъ короткое, повторяющееся нѣсколько разъ щелканье и вотъ... онъ стоитъ одинъ среди полянки съ оружіемъ въ рукахъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него двѣ пары тонкихъ, воткнутыхъ въ землю палочекъ; за ними въ недалекомъ разстояніи грозное лицо Парсенова. Онъ невольно оглядывается, точно ища помощи и видитъ, что остальные стоятъ длинной вереницей вдоль опушки лѣса; ближе къ нему гусаръ, который мрачнымъ взоромъ оглядываетъ его, нѣсколько дальше безучастный господинъ, высокаго роста, съ сѣдѣющими баками, внимательно слѣдящій за стрѣлкой часовъ.

Глубокое молчаніе. Только гдѣ-то надъ ихъ головами не смущаясь стучитъ дятелъ.

— Готовы ли вы, господа?—доносится откуда-то, точно изъ тумана странный незнакомый голосъ,—тогда прошу начинать!

Въ этотъ критическій моментъ князя занимаетъ одна только мысль: «Ахъ, если бы остаться живымъ!» Она неотступно владѣетъ имъ, пока онъ, медленно передвигая ноги, механически идетъ впередъ. Онъ не собирается стрѣлять. Его образъ дѣйствій представляетъ всецѣло подражаніе тому, что дѣлаетъ противникъ.

Онъ видитъ, что Парсеновъ приближается къ нему, видитъ, какъ мокрая трава склоняется подъ его ногами. Ему представляется, что на губахъ графа играетъ мефистофельская улыбка; фигура его растетъ, растетъ, какъ привидѣніе, а проницательные глаза насквозь пронизываютъ противника. Вотъ оба возлѣ барьера. Какъ загипнотизированный, уставился князь на противника.

Вдругъ что-то сверкнуло, рѣзко просвистѣло надъ ухомъ, почти одновременно раздалось щелканье и затѣмъ позади сухой ударъ о стволъ сосны. На землю упало нѣсколько кусковъ коры и щепокъ, испуганный дятелъ пересталъ долбить дерево. Фонъ-Штейнингенъ, ослѣпленный пороховымъ дымомъ, не прицѣливаясь, выстрѣлилъ передъ собою. Отъ сильнаго возбужденія вѣки его закрылись. Онъ съ усиліемъ приподнялъ ихъ и устремилъ на противника

смущенный взоръ. Ему показалось, что Парсеновъ поспѣшно сдѣлалъ ему насмѣшливый поклонъ... и затѣмъ скрылся. Гдѣ же онъ... ахъ, вотъ! Графъ лежитъ на мокрой травѣ ничкомъ. «Зачѣмъ онъ судорожно хватаетъ руками траву?—думаетъ князь,—и какъ странно болтаетъ въ воздухѣ лѣвой ногой». Но вотъ къ нему подбѣжали секунданты. Князю ничего болѣе не видно; понемногу въ его затуманившемся разсудкѣ всплываетъ мысль, что Парсеновъ раненъ... что дуэль окончена... что самъ онъ остался живъ... живъ и невредимъ. Онъ чувствуетъ, какъ съ его груди медленно сползаетъ тяжесть и падаетъ на землю. Онъ глубоко вздыхаетъ, проводитъ рукой по лбу, гдѣ только что выступили капельки холоднаго пота.

— Опасно?—спрашиваетъ доктора шепотомъ стоящій на колѣняхъ Вендлау.

Тотъ не сейчасъ отвѣчаетъ. Многозначительнымъ взглядомъ указываетъ онъ на растущую кругомъ осоку. Она точно обрызгана вся бѣлымъ киселемъ.

— Поврежденіе мозга почти всегда влечетъ за собой смертельный исходъ, господинъ лейтенантъ!—говоритъ онъ и тоже опускается на колѣни, чтобы изслѣдовать лежащаго. Слышится короткое, тяжелое хрипѣнье... судорожные удары каблука о землю.

— Онъ живъ еще?—хриплымъ голосомъ спрашиваетъ Вендлау.

— Больше десяти минутъ не протянетъ,—врачъ снова наклоняется къ графу.—Самое большее четверть часа. Сознаніе потеряно и больше не вернется.

Все стихло. Князь фонъ-Штейнингенъ тупо смотритъ впередъ; лицо его пепельно-сѣраго цвѣта; онъ весь дрожитъ.

— Милосердый Боже!—произноситъ онъ, наконецъ,—я вовсе не имѣлъ намѣренія... право, Вендлау, я не хотѣлъ...

Но маленькій гусаръ теперь не другъ, а секундантъ.

— Извините, ваше сіятельство,—говоритъ онъ, стараясь придать своему нѣжному голосу суровость,—васъ никто не упрекаетъ. Я думаю,—онъ оглядывается,—всѣ свидѣтели согласны, что правила дуэли были соблюдены.

— Ахъ, какія тамъ правила,—жалобно бормочетъ фонъ-Штейнингенъ,—но когда у тебя надъ ухомъ прожужжитъ пуля.

— И такой стрѣлокъ, какъ Парсеновъ, промахнулся,—серьезно говоритъ молчавшій все время господинъ съ русой бородой.

— Этому не хочется вѣрить!—гусаръ въ смущеніи смотритъ на умирающаго.—Онъ попадалъ въ туза на разстояніи двадцати шаговъ.

— Прошу извиненія, г. лейтенантъ,—прервалъ съ холодной

вѣжливостью секундантъ князя,—намекъ на то, что графъ добровольно подставилъ лобъ подъ пулю...

— Довольно, господа,—рѣзко оборвалъ безстрастный господинъ,—ваши препирательства мнѣ кажутся излишними. Будемъ держаться факта. Графъ Парсеновъ убитъ. Что онъ до того думалъ, чего желалъ, насъ больше не касается!

Присутствующіе замолчали. У всѣхъ осталось твердое убѣжденіе, что графъ Парсеновъ рѣшилъ заранѣе исправить свою судьбу. И снова все стихло. На верхушкѣ сосны, надъ которой медленно ползутъ по блѣдному осеннему небу барашки, стучитъ и долбитъ неутомимый дятелъ; а издали съ шоссе, по которому подвигается въ шарабанахъ веселая компанія, доносится негромкое пѣніе. Донесется звукъ пѣсни, зашумятъ верхушками сосны и снова все стихнетъ.

Майоръ Дѣбельнъ, поздно вечеромъ вернувшійся изъ Потсдама, сидѣлъ на слѣдующее утро въ залѣ ресторана за кофе. Гильда осталась ночевать у подруги; Куртъ былъ на службѣ.

Сердито ворча и злобно улыбаясь, читалъ старикъ въ *Freisinnigen Zeitung* передовую статью, направленную противъ аграріевъ. Въ залъ, позвапивая шпорами, вошелъ лейтенантъ фонъ-Вендлау и представился майору. Оба перешли въ комнату Дѣбельна. Когда нѣсколько времени спустя, они вернулись назадъ, майоръ казался постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ. Онъ медленно двигался, говорилъ шепотомъ и къ великому изумленію хорошо знавшей его нравъ прислуги ограничился кроткимъ замѣчаніемъ, когда на лѣстницѣ неловкій артельщикъ толкнулъ его къ ногу сундукомъ.

Затѣмъ оба поѣхали въ Груневальдъ.

Невдалекѣ отъ оленьяго загона, гдѣ колеса экипажа утопаютъ въ пескѣ, имъ попался открытый экипажъ. Въ немъ сидѣлъ князь фонъ-Штейнингенъ. Къ нему вернулся обычный цвѣтъ лица; на глазахъ блестѣли слезы.

— Скончался четверть часа тому назадъ,—сказалъ онъ тихо Вендлау, который подошелъ къ его экипажу,—я все ждалъ, надѣясь, что онъ придетъ въ сознаніе... Вы понимаете... мнѣ такъ хотѣлось еще разъ пожать ему руку.

Лейтенантъ промолчалъ.

— Войдите въ мое положеніе,—продолжалъ князь. Крупныя слезы покатились по его красному, добродушному лицу.—Вѣдь онъ буквально ударилъ меня перчаткой по лицу. Что-жъ было дѣлать?

Я вполнѣ согласенъ, что онъ былъ блестящій малый... Парсеновъ... Царство ему небесное...

— Что вы теперь намѣрены дѣлать, ваше сіятельство?

— Прежде всего поѣду въ банкъ... потомъ въ полицію.

— Въ такомъ случаѣ, желаю успѣха!

Осторожно объѣзжаютъ другъ друга экипажи.

Сконфуженно смотритъ фонъ-Штейнингенъ на сердитаго старика, который сидитъ рядомъ съ Вендлау. Затѣмъ поворачивается къ кучеру и приказываетъ:

— Скорѣе, я тороплюсь!

И по мѣрѣ того, какъ экипажъ приближается къ Берлину, настроеніе фонъ-Штейнингена становится веселѣе.

Въ сущности онъ прекрасно вывернулся изъ бѣды. Остался живъ, изъ крѣпости скоро выпустятъ, а насколько выше стоитъ его репутація сегодня, чѣмъ вчера!

Вчера его считали ничтожнымъ, добродушнымъ малымъ: теперь же, уложивъ въ поединкѣ Парсенова, онъ доказалъ, что съ нимъ шутки плохи. Мужчины будутъ смотрѣть на него съ удивленіемъ, женщины съ восторгомъ, и самъ онъ впервые за свое безполезное тридцатисемилѣтнее существованіе сознаетъ себя достойнымъ того славнаго имени, которое носитъ, тѣхъ великихъ героевъ, чьи портреты украшаютъ стѣны зала въ родовомъ замкѣ князей фонъ-Штейнингенъ на цвѣтущихъ берегахъ Неккара.

Молча вошелъ майоръ съ своимъ спутникомъ въ маленькую комнатку Груневальдскаго ресторана, гдѣ на время помѣстили тѣло графа. Передъ окномъ покачиваются красноватыя вѣтки буковъ; дальше глазъ безпрепятственно можетъ блуждать вдоль голубоватаго озера, вплоть до едва синѣющаго лѣса. На дворѣ визжали и тявкали собаки; скрипучій голосъ индюка смѣшивался съ кудахтаньемъ куръ. Долго, пристально глядѣлъ старый майоръ на неподвижно вытянутую благородную фигуру. Парсенову положили на голову платокъ, чтобы закрыть рану. Его тонкія черты хранятъ строгую серьезность; черные усы какъ-то особенно рѣзко выдѣляются; здоровое, смуглое лицо уже приняло желтоватый оттѣнокъ.

Молча смотритъ на него честный старикъ и думаетъ: «Какъ перенесетъ этотъ ударъ Гильда!... Какъ ее подготовить... Какъ сообщить ей»... Медленно, туго ползутъ мысли въ его несчастномъ мозгу.

— Я думаю, лучше дождаться сумерекъ,—произноситъ около него гусаръ,—для того, чтобы перевезти его. Тогда будетъ меньше

любопытныхъ и не такъ много будутъ болтать. Я посылалъ за слугой Парсенова. Онъ можетъ сѣсть на козлы экипажа. Мы поѣдемъ впередъ.

Майоръ утвердительно кивнулъ головой.

— Хорошо, что его лакей здѣсь.

Великолѣпный valet de chambre дѣйствительно сидитъ въ общемъ залѣ ресторана за стаканомъ грога и снисходительно бесѣдуетъ съ кельнеромъ. Смерть графа его не особенно трогаетъ. Камердинеръ jeunesse dorée долженъ всегда быть готовымъ къ потерѣ своего господина вслѣдствіе дуэли, самоубійства, женитьбы или другой какой-либо непріятности.

Солнце низко склонилось къ западу, окрасивъ багрянцемъ горизонтъ. Бѣловатый туманъ легкой дымкой поднялся надъ неподвижною водою Гавельзее; пронизывающая, ночная свѣжесть смѣнила теплый осенній день. Два экипажа тронулись шагомъ по мягкой, песчаной, лѣсной дорогѣ и медленно достигли шоссе.

Кругомъ, куда ни глянетъ глазъ, ровная мѣстность; кое-гдѣ лѣниво шевелятъ крыльями вѣтряныя мельницы; вдали среди темной группы домовъ вырисовываются стройныя башни церквей. То тутъ, то тамъ мелькаютъ башенки господскаго имѣнья; влѣво рѣзко выдѣляется на горизонтѣ куполъ Шарлоттенбургскаго королевскаго зàмка. Мѣстами тянутся безконечныя поля, луга и огороды; они въ большинствѣ случаевъ обращены въ пустыри и точно дожидаются, чтобы столица поглотила ихъ. Какъ далеко разрослись на западъ предмѣстья! Во многихъ мѣстахъ то одиноко, то попарно, возвышаются точно крѣпости многоэтажные дома, разбитые на мелкія квартиры. Рядомъ съ ними на большое пространство тянутся деревянные заборы, окружающіе пустые участки. Груды камней и щебня лежатъ на помятой травѣ; огороженные плодовые деревья простираютъ къ небесамъ свои обнаженныя вѣтви.

Вотъ руина: наполовину развалившійся, изъѣденный червями крестьянскій домикъ. Не мѣсто лачужкѣ тамъ, гдѣ каждый квадратный футъ въ цѣнѣ! Здѣсь будетъ домъ для сбора пошлинъ. Появятся мужчины, женщины; дворъ наполнится шумными толпами дѣтей; кабачокъ на углу будетъ привлекать по вечерамъ сосѣднихъ каменщиковъ и рабочихъ.

За этими зданіями послѣдуютъ другія. И всюду, гдѣ пока еще гуляетъ свободный вѣтеръ, размахивая въ воздухѣ развѣшаннымъ на изгородяхъ бѣльемъ, потянутся улицы за улицами, зазвенятъ конки, застучатъ экипажи, хлынутъ потокомъ массы людей.

Ужъ и теперь сѣткою раскинулись проектированныя улицы. Изъѣзженныя проселочныя дороги съ грязными колеями оживились возами съ строительнымъ матеріаломъ. Пеструю картину представляетъ все пространство: развалившіяся изгороди, недостроенные дома, пустыри, груды камня и мусора, грязныя ямы, обрубки деревьевъ. Дикое, полное разрушенія пространство, гдѣ съ заходомъ солнца замираетъ жизнь.

Точно врагъ прошелъ побѣдоносно съ своими войсками; и когда майоръ, проѣзжая мимо, вглядывается въ темные силуэты гигантскихъ домовъ столицы, онъ ясно сознаетъ, кто этотъ врагъ. Блестящій Берлинъ представляется ему хищнымъ звѣремъ, который пожираетъ вокругъ себя все живое; бездушнымъ чудовищемъ, которое губитъ все оригинальное, свѣжее, утонченное, изящное въ сферѣ физической и духовной, подъ гулъ народныхъ собраній и грубый топотъ рабочихъ батальоновъ.

Есть тутъ и другая могучая сила! Майоръ оборачивается къ экипажу, на которомъ везутъ тѣло Парсенова. Вечернее небо на западѣ горитъ полымемъ заката. То тутъ, то тамъ, ярко блестя, отбрасываютъ оконныя стекла лучи солнца, которые длинными красными полосами прорываются сквозь желтѣющую зелень Тиргартена и отбрасываютъ гигантскія тѣни на зеркальную поверхность озера.

Вдали сквозь пеструю листву деревьевъ просвѣчиваетъ сіяющій колоссъ. Они ѣдутъ мимо за́мка Бельвю. Ярко горитъ статуя побѣды въ лучахъ вечерняго солнца. Очертанія фигуры стушевались; нельзя разглядѣть и цоколя; только ярко горитъ вверху неопредѣленная золотая масса, къ которой несутся звуки голосовъ многотысячной толпы, съ своими горестями и радостями, надеждами и упованіями, борьбой и стремленіями большого города.

Золото... да... вотъ истинный властелинъ всего, что здѣсь живетъ и борется! Майоръ съ ужасомъ закрываетъ глаза. Берлинъ ему ненавистенъ.

Около экипажа раздаются звуки музыки и пѣсни. Мимо медленно проѣзжаетъ линейка, увѣшанная пестрыми фонариками. Фабричный персоналъ возвращается съ юбилейнаго торжества.

Въ биткомъ-набитомъ экипажѣ царитъ шумное веселіе. Мужчины слегка подвыпили, дѣвушки раскраснѣлись; у всѣхъ приподнятое настроеніе. Раздаются звуки шарманки, и огромный хоръ подхватываетъ однообразную мелодію:

Люби, пока любить ты можешь,
На берегахъ зеленой Шпрэ!...

X.

Эденъ-театръ закрыли судебнымъ порядкомъ. Приняты всѣ мѣры къ аресту бѣжавшаго директора. Въ мрачномъ партерѣ стаями бѣгаютъ мыши. Толстый слой пыли покрылъ подмостки. Паукъ раскинулъ свои сѣти по всей кассѣ.

Послѣ Рождества тамъ должна гастролировать труппа изъ южной Германіи, намѣревающаяся забавлять публику игрою на цитрѣ, іоделемъ и характерными танцами.

До тѣхъ поръ театръ останется пустымъ. Мертвая тишина царитъ въ коридорахъ, фойэ и уборныхъ. Только по субботамъ поденщицы подымаютъ на нѣсколько часовъ безцѣльную борьбу съ пылью и плѣсенью.

Труппа разлетѣлась во всѣ концы свѣта. Небольшая часть ея, составивъ товарищество, разъѣзжала по маленькимъ городамъ и давала спектакли въ отеляхъ при небольшомъ количествѣ молчаливыхъ представителей города; другіе пристроились на второстепенныя роли въ Берлинѣ или въ провинціи. Многіе оставались еще безъ мѣстъ и обивали пороги агентовъ и антрепренеровъ.

Больше всего посчастливилось женскому хору и балету. Они скоро нашли мѣста на опереточной сценѣ, въ феерiяхъ цирка и кафе-шантановъ.

Скоро Эденъ-театръ и его исполнители отошли въ вѣчность, какъ много другое. Крахъ театра не представляетъ изъ себя крупнаго происшествія въ Берлинѣ.

Эрна Эрнести безутѣшно ходила вдоль роскошнаго салона и смежнаго съ нимъ будуара. По временамъ она нагибалась и сердито поворачивала бархатное кресло или рѣзной столикъ и, грустно покачивая головой, смотрѣла на безобразныя печати, которыя только что наложилъ на невидныхъ мѣстахъ мебели самоувѣренно вошедшій господинъ.

Уходя, судебный приставъ предупредилъ ее, чтобы она не снимала печатей и не перевозила мебель въ другое помѣщеніе, иначе ей придется отвѣчать передъ судомъ.

Суда она смертельно боялась. Читая изо дня въ день въ газетахъ о несчастіи, постигшемъ многія семьи, благодаря банкротству ванъ-Лоока, она чувствовала себя его сообщницей. Нерѣдко въ газетныхъ столбцахъ появлялось и ея имя. Она послѣдняя помогала банкиру мотать деньги его кліентовъ.

Въ довершеніе всего Эрна получила статью изъ *Берлинскаго*

Аргуса. Дворянинъ фонъ-Кроцевичъ прислалъ ей черновой оттискъ, гдѣ обвинялъ ее, что, зная положеніе дѣлъ ванъ-Лоока, она пользовалась случаемъ и тянула изъ него послѣднія деньги. Въ концѣ былъ намекъ, что она едва избѣжала суда. Къ статьѣ былъ приложенъ подписной листъ на газету *Берлинскій Аргусъ*.

Но зарядъ пропалъ даромъ. Эрна, мучимая угрызеніями совѣсти, приняла совсѣмъ неожиданное рѣшеніе. Она собрала всѣ деньги и драгоцѣнности, подаренныя ей банкиромъ, и отправила съ просьбою о распискѣ въ конкурсное управленіе по дѣламъ ванъ-Лоока. Вѣсть объ этомъ поступкѣ скоро проникла какъ въ высшій, такъ и въ полусвѣтъ и возбудила удивленіе передъ геройскимъ подвигомъ Эрнести.

Но ей надо было найти выходъ изъ затруднительнаго положенія. Кредиторы тѣснили ее. Съ портнымъ не было сладу. Онъ досталъ на нее исполнительный листъ и предъявилъ его.

Квартирный хозяинъ, имѣвшій намѣреніе въ счетъ квартирной платы завладѣть мебелью, поднялъ споръ съ судебнымъ приставомъ, описывавшимъ имущество Эрнести.

Эрна вздыхала. Какъ быть? Ей предлагали цѣлый рядъ ангажементовъ внѣ Берлина. Она могла отправиться на гастроли. Что-жъ изъ всего этого выйдетъ? А между тѣмъ ея квартиру, ея изящное, уютно-убранное гнѣздышко опустошатъ дочиста. Хорошо еще, что удалось спасти отъ ненавистнаго чиновника театральные туалеты и все, что имѣло отношеніе къ ролямъ.

Она послала горничную заложить голубую атласную накидку на лебяжьемъ пуху, чтобы имѣть хоть немного карманныхъ денегъ. Когда дѣвушка ушла, Эрнѣ стало жутко въ собственной квартирѣ. Предательскія печати, выглядывавшія изъ-за спинокъ креселъ, не выходили у нея изъ головы.

Она подошла къ окну и безцѣльно уставилась на улицу. Былъ прекрасный, осенній день, такъ и манившій на прогулку въ Тиргартенъ. Эрна взяла зонтикъ и перчатки, повязала вуалемъ легкомысленную шляпочку и, все еще въ подавленномъ состояніи духа, спустилась по лѣстницѣ, оглядываясь по сторонамъ, чтобы не попасться на глаза хозяину.

Медленно ступая по широкой дорожкѣ Тиргартена, на влажномъ пескѣ которой валялись поблекшіе листья съ деревьевъ, Эрна испытывала тяжелую тоску, почти недовольство жизнью. Вдругъ она остановилась и испуганно уставилась на экипажъ, быстро катившійся ей навстрѣчу.

Она знала этотъ экипажъ, запряженный орловскими рысаками.

Съ робкимъ любопытствомъ взглянула Эрна на лошадей, желая узнать, кто теперь ихъ владѣлецъ.

Вдругъ, человѣкъ, сидѣвшій въ экипажѣ, подпрыгнулъ, точно узнавъ ее, и велѣлъ кучеру держать. Лошади еще не успѣли вполнѣ остановиться, какъ онъ выскочилъ изъ коляски и быстрымъ шагомъ пошелъ ей на перерѣзъ.

Эрна никогда не видала князя фонъ-Штейнингенъ такимъ оживленнымъ и самоувѣреннымъ. Со дня дуэли съ Парсеновымъ потомокъ Швабской династіи ходилъ мѣрно, высоко поднявъ голову. Онъ бросилъ легкомысленную юношескую походку, отучился безсмысленно смѣяться и держать ротъ открытымъ. У него явилась потребность вести себя серьезно и съ достоинствомъ, какъ подобаетъ человѣку, у котораго за плечами дуэль съ смертельнымъ исходомъ.

— Прогуливаетесь, сударыня?—сказалъ онъ, любезно снимая шляпу.

Эрна выдернула у него руку.

— Я боюсь васъ, ваше сіятельство. Вы, пожалуй, и меня убьете.

— Нѣтъ, сударыня, я убиваю только мужчинъ!... Очень жалѣю Парсенова... прекрасный малый... Но что же было дѣлать. Пришлось застрѣлить... тяжкое оскорбленіе.

— Вы ужасный человѣкъ! — Эрна взглянула большими влажными глазами на добродушное, красное лицо князя.

Онъ поспѣшно перемѣнилъ разговоръ.

— Что-жъ это пѣшкомъ, сударыня? Въ такую сырость... получите насморкъ.

— Что за бѣда, — жалобно сказала Эрна. — Я теперь не на сценѣ. И какъ же быть, когда нѣтъ экипажа?

— Какъ? Я же знаю вашу маленькую коляску, съ величественнымъ кучеромъ на козлахъ.

— Кучера больше нѣтъ!—вздохнула Эрна.—Коляска продана, лошади проданы... нѣтъ у меня больше драгоцѣнностей... моя мебель... частный приставъ отберетъ у меня все... и ничего съ этимъ не сдѣлаешь!

Она была готова расплакаться.

— Бѣдное дитя мое, — сказалъ князь съ искреннимъ сожалѣніемъ.—Разскажите-ка мнѣ все хорошенько! Знаете что! Поѣдемъ вмѣстѣ въ Шарлоттенбургъ на скачки. Сегодня Grand prix. Флоссгильда себя покажетъ... прекрасныя скачки.

Онъ хотѣлъ уже подозвать экипажъ, но Эрна удержала его.

— За кого вы меня принимаете, ваше сіятельство?—спросила она полухолодно, полуобиженно.—Чтобы я такъ себѣ, здорово живешь, поѣхала съ вами на скачки. Я вообще больше скачекъ не посѣщаю... ни разу въ теченіе всей осени... и, кромѣ того...

— Pardon, pardon,—князь казался нѣсколько смущеннымъ.—Но знаете что,—весело замѣтилъ онъ,—я бы заѣхалъ къ вамъ послѣ скачекъ потолковать, если позволите.

— И разсказать, какъ все было!

Эрна, дружелюбно улыбаясь, протянула ему маленькую ручку.

— Буду рада вамъ, ваше сіятельство. До свиданья!

Долго смотрѣлъ Штейнингенъ на стройную, нѣсколько покачивающуюся граціозную фигурку, быстро удалявшуюся по влажной дорожкѣ. Потомъ онъ сѣлъ въ экипажъ и плотоядная улыбка не сходила съ его губъ, пока лошади направлялись по Шарлоттенбургскому шоссе.

На скачкахъ, въ день grand prix равному 35,000 марокъ, благодаря роскошной осенней погодѣ еще болѣе шуму и суматохи, чѣмъ обыкновенно. Черная волна экипажей движется по направленію къ западу; звенятъ биткомъ набитыя конки, скрипятъ наемные экипажи, пестрѣютъ дамскія платья и мундиры военныхъ; газетчики навязываютъ *Листокъ Спорта*, полицейскіе ругаются, а съ блѣдно-голубого осенняго неба весело смотритъ солнце на правыхъ и виновныхъ.

Медленно пересѣкаетъ дорогу скромный, нагруженный багажомъ экипажъ, къ великому неудовольствію спортсменовъ, которые едва могутъ сдержать своихъ кровныхъ рысаковъ. Элегантная открытая коляска, гдѣ около красивой, статной дѣвушки величественно возсѣдаетъ Кракауэръ, съ недовольной миной попавшейся лисицы, чуть не наскочила на наемный экипажъ. Разсерженный биржевикъ энергично выругался по адресу представительнаго кучера съ окладистою бородой и желѣзнымъ крестомъ на груди.

Одинокій экипажъ потащился дальше по берегу Шпре къ вокзалу желѣзной дороги. Никто не сопровождалъ его. Въ немъ сидѣли— мрачный старикъ съ сѣдыми усами, молоденькій лейтенантъ и блѣдная, окутанная траурнымъ вуалемъ дама, безучастно смотрѣвшая въ пространство. Когда старикъ и дама помѣстились въ купэ вагона и поѣздъ тронулся, Гильда равнодушно кивнула брату.

Затѣмъ снова ушла въ себя и безстрастно, безъ слезъ уставилась въ пространство. Съ мрачнымъ видомъ сидитъ противъ нея

старикъ; оба молчатъ. Медленно тянутся часы за часами, пока поѣздъ останавливается, наконецъ, около маленькой станціи, вблизи имѣнія майора.

Тамъ ожидаютъ ихъ управляющій и вѣчно ворчащій кучеръ Іохимъ. Пріѣхалъ также Крановъ, одинъ изъ сосѣдей-помѣщиковъ. Человѣкъ средняго достатка, вдовецъ, уединенно жившій съ маленькой дочкой въ своей усадьбѣ.

Гильда знала его хорошо. Она не разъ смѣялась, встрѣчая на балахъ и вечеринкахъ его неизмѣнно устремленный на себя взоръ. Безцвѣтный, молчаливый блондинъ такъ не подходилъ къ шумному кругу веселой молодежи.

И вотъ онъ ждалъ ее. Ежедневно въ теченіе недѣли приходилъ онъ въ это время на поѣздъ. Молча проводилъ онъ ее до экипажа и помогъ сѣсть. Затѣмъ поклонился и отошелъ къ своей лошади, которую держалъ невдалекѣ крестьянскій мальчикъ.

Но Гильда, прощаясь, съ благодарностью пожала ему руку; онъ понялъ, что ей пріятно его участіе.

И пока одинокій помѣщикъ направлялся по полямъ, на которыя надвигались сумерки, вдыхая свѣжій вечерній воздухъ, изъ глубины души его подымалось какое-то смутное, радостное чувство. Онъ выпрямился въ сѣдлѣ, взглянулъ на ясное небо, гдѣ заблестѣла первая звѣздочка. Вдали раздавался звонъ вечерняго колокола· медленно надвигалась ночь, принося покой утомленному міру.

Н. К.

VOYAGE DE RECHERCHE.

Изъ «Vers d'un philosophe» М. Гюйо.

Когда я молодъ былъ, мечтою окрыленный,
Въ невѣдомую даль стремился я душой,
И сквозь туманъ внезапно берегъ отдаленный
Въ сіяніи зари вставалъ передо мной.

Рождалися въ душѣ неясныя стремленья
И начинала кровь мнѣ къ сердцу приливать,
Я подвиговъ искалъ, дрожалъ я отъ волненья,
За счастье я считалъ бороться и страдать.

Я возмужалъ въ борьбѣ и помню, какъ съ годами
Перемѣнился мой духовный кругозоръ,
И чудной стороны за дальними морями
Ужъ болѣ не искалъ мой просвѣтленный взоръ.

Мнѣ истина вдали неясно засіяла,
Надежда родилась въ трепещущей груди,
И на землѣ меня ничто не привлекало—
Лишь истина одна мерцала впереди.

Я бросился за ней, и вѣчнымъ обѣщаньемъ
Сверкали надо мной привѣтно небеса,
Но юность вся прошла въ безплодномъ ожиданьи,
И посѣдѣть мои успѣли волоса.

Лишенія меня манили—не пугали,
Я, истина, мечталъ тебя достойнымъ быть.
Я твердо выносилъ и горе и печали,
Страданьемъ я хотѣлъ награду заслужить.

Неслись за днями дни. Я жилъ одной мечтою,
А небо скрылось вдругъ за мглой свинцовыхъ тучъ,
И силы больше нѣтъ—измученъ я борьбою,
Угасъ въ моей душѣ былой надежды лучъ.

И что осталось мнѣ? На всемъ пути пройденномъ
Сорвать не удалось ни вѣтки, ни плода...
На чемъ остановлюсь я взоромъ утомленнымъ?
Безслѣдно протекли всѣ лучшіе года.

А небо все хранитъ молчаніе святое
Въ сомнѣніи душа не можетъ отдохнуть,
Но, ранивъ сердце мнѣ разбитое, больное,
Часть вѣчности нѣмой въ мою проникла грудь.

Е. В. М.

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Збышко и Ягенка жили въ Мочидолахъ, а старикъ Мацько возводилъ для нихъ «каштель» (зáмокъ) въ Богданьцѣ. Усилій онъ долженъ былъ употребить не мало, такъ какъ ему хотѣлось, чтобы капитальныя стѣны были сдѣланы изъ камня и скрѣплены известкой, а сторожевая башня изъ кирпича, котораго трудно было отыскать въ окрестности.

Въ первый годъ онъ выкопалъ рвы, что не представляло особыхъ затрудненій, потому что пригорокъ, на которомъ долженъ былъ возникнуть «каштель», былъ когда-то окопанъ, можетъ быть, еще въ языческія времена. Нужно было только очистить старые рвы отъ деревьевъ и густо разросшагося шиповника, а потомъ соотвѣтственно углубить и укрѣпить ихъ. При новыхъ работахъ докопались до обильнаго источника, который вскорѣ наполнилъ ровъ, такъ что Мацько долженъ былъ подумать о томъ, какъ найти истокъ для воды. Потомъ онъ вдоль вала провелъ частоколъ и началъ готовить матеріалъ для стѣнъ зáмка, — дубовыя балки такой толщины, что трое мужчинъ не въ состояніи были обнять одну, и лиственничныя, не гніющія ни подъ глиняной обмазкой, ни подъ дерновой настилкой. Несмотря на помощь крестьянъ изъ Згожелицъ и Мочидолъ, старый рыцарь приступилъ къ постройкѣ только по прошествіи года, но приступилъ еще съ большею горячностью, потому что передъ тѣмъ Ягенкѣ Богъ послалъ пару близнецовъ. Старый

---

*) *Русская Мысль* 1900 г., кн. II.

рыцарь земли подъ собою не чуялъ, — теперь ему было уже для кого работать и стараться, и онъ зналъ, что родъ Градовъ не угаснетъ, а Тупая Подкова еще не разъ увязнетъ въ крови непріятеля.

Близнецамъ дали имена Мацька и Яська. «Парни, — говорилъ Мацько,—на славу, такъ что, пожалуй, во всемъ королевствѣ не найдешь такихъ, а, кромѣ того, теперь еще и не вечеръ». И онъ возлюбилъ ихъ великою любовью, а въ Ягенкѣ и души не чаялъ. Кто расхваливалъ ее передъ нимъ, тотъ могъ отъ него всего добиться. Но всѣ завидовали Збышку совершенно искренно, не изъ одной только корысти, потому что дѣйствительно во всей округѣ Ягенка сіяла, какъ самый прекраснѣйшій цвѣтокъ среди скромныхъ цвѣтовъ луга. Она принесла мужу большое приданое, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто и большее, чѣмъ приданое,—великую любовь и красоту, ослѣпляющую глаза, и достоинство въ обращеніи, и такую отважность, какою могъ бы похвалиться не одинъ рыцарь. Для нея ничего не значило черезъ нѣсколько дней послѣ родовъ вновь приняться за хозяйство, потомъ ѣхать вмѣстѣ съ мужемъ на охоту или верхомъ утромъ проскакать изъ Мочидоловъ въ Богданецъ, а къ полудню уже вернуться къ Мацьку и Яську. Ее, какъ зеницу ока, любилъ мужъ, любилъ старикъ Мацько, любила челядь, съ которою она обращалась по-человѣчески, а въ Кшеснѣ, когда она въ воскресенье входила въ костелъ, ее привѣтствовалъ шепотъ восторга и почтенія. Ея старинный поклонникъ, грозный Чтанъ изъ Рогова, женатый на дочери крестьянина, сидя послѣ обѣдни въ корчмѣ со старымъ Вилькомъ изъ Бжозовой, обыкновенно говорилъ ему, подпивши: «Мы не разъ изъ-за нея увѣчили другъ друга съ вашимъ сыномъ и хотѣли взять ее себѣ въ жены, но это то же самое, что лѣзть на небо за мѣсяцемъ».

Другіе же громко признавали, что такихъ, какъ Ягенка, найти можно развѣ только при королевскомъ дворѣ въ Краковѣ. Ибо, кромѣ богатства, красоты и величественности въ обращеніи, повсюду почиталась ея крѣпость и сила. И говорилось это въ одинъ голосъ: «вотъ такъ баба! И мѣдвѣдя можетъ подцѣпить на рогатину, и орѣховъ ей грызть не зачѣмъ,—пусть разсыплетъ на скамейку и садетъ на нихъ сразу: всѣ такъ раскрошатся, какъ будто ихъ мельничнымъ жорновомъ придавили». Такъ ее прославляли и въ приходской Кшеснѣ, и въ сосѣднихъ деревняхъ, и даже въ воеводскомъ Серадзѣ. Но, однако, завидуя Збышку изъ Богданьца, удивлялись всетаки не особенно, что онъ добылъ себѣ такую жену, потому что и его осѣняла такая воинская слава, о которой изъ его сосѣдей никто не смѣлъ и думать.

Молодые шляхтичи разсказывали другъ другу цѣлыя исторіи о нѣмцахъ, которыхъ Збышко «налущилъ» въ битвахъ подъ предводительствомъ Витольда и на поединкахъ на утоптанной землѣ. Говорили, что ни одинъ изъ нѣмцевъ никогда и ничего у него не отнялъ, что въ Мальборгѣ онъ сбилъ съ коня двѣнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ брата магистра, Ульриха; наконецъ, что онъ могъ вступать въ состязаніе даже съ краковскими рыцарями и что самъ непобѣдимый Завиша Черный былъ его искреннимъ другомъ.

Иные не хотѣли вѣрить такимъ сказаніямъ, но и тѣ, когда разговоръ заходилъ о томъ, кого околотокъ выберетъ, если польскимъ рыцарямъ придется вступить въ войну съ врагами, говорили: конечно, Збышка, и лишь потомъ называли волосатаго Чтана изъ Рогова и другихъ мѣстныхъ силачей, которымъ въ дѣлѣ рыцарскаго искусства далеко было тягаться съ молодымъ владѣтелемъ Богданьца.

Большое богатство, въ такой же степени, какъ и рыцарская слава, доставляло ему всеобщее уваженіе. Что онъ взялъ въ приданое за Ягенкой Мочидолы и все достояніе аббата, еще нельзя было ставить ему въ заслугу, но онъ самъ передъ этимъ владѣлъ уже Спыховымъ вмѣстѣ съ громадными богатствами, накопленными Юрандомъ, а, кромѣ того, люди шептали, что одной военной добычи, набранной самими рыцарями изъ Богданьца, хватило бы на три или на четыре хорошихъ деревни.

Во всемъ этомъ видѣли какое-то особое Божіе благоволеніе къ роду Градовъ, герба Тупой Подковы. Еще недавно онъ опустился такъ, что не имѣлъ ничего, кромѣ пустого Богданьца, а теперь считался первымъ въ околоткѣ. «Вѣдь въ Богданьцѣ послѣ пожара остался только горбатый домишко,—говорили старые люди,—и самую землю по недостатку рабочихъ рукъ они должны были заложить родственнику, а теперь каштель строятъ». Всеобщее удивленіе было велико, но оно сопровождалось всеобщимъ же инстинктивнымъ сознаніемъ, что весь народъ идетъ также неудержимымъ шагомъ къ неизмѣримому богатству, что такой порядокъ вещей зависитъ отъ воли Божіей, и въ этомъ удивленіи не было ни тѣни злой зависти. Напротивъ, околотокъ хвастался и гордился рыцарями изъ Богданьца. Они были какъ бы очевиднымъ доводомъ, къ чему можетъ привести шляхтича сильная рука въ соединеніи съ мужественнымъ сердцемъ и рыцарскою жаждою приключеній. И вотъ не одинъ шляхтичъ, при видѣ Збышка, чувствовалъ, что ему тѣсно въ родимомъ гнѣздѣ, что за недалекою границей, во вражеской власти великія богатства и обширныя земли, которыя можно добыть

съ неизмѣримой выгодой для себя и для королевства. Это избытокъ силъ, который замѣчался въ отдѣльныхъ родахъ, одушевлялъ все общество, такъ что оно напоминало кипятокъ, который долженъ былъ выкипѣть изъ сосуда. Король, любящій покой, и его мудрые краковскіе совѣтники могли до поры до времени сдерживать эти силы и откладывать войну съ вѣковѣчнымъ врагомъ на долгіе года, но никакое человѣческое могущество не могло подавить ихъ вполнѣ, не могло удержать того размаха, съ которымъ идетъ къ величію всеобщая душа.

II.

Мацько дожилъ до счастливыхъ дней жизни. Онъ не разъ говорилъ сосѣдямъ, что получилъ больше, чѣмъ самъ разсчитывалъ. Даже старость только убѣлила волосы на его головѣ и бородѣ, но не отняла до сихъ поръ ни силъ, ни здоровья. Сердце его было полно такою радостью, которую онъ до сихъ поръ еще не испыталъ. Его суровое лицо теперь становилось все болѣе и болѣе добродушнымъ, а глаза смѣялись людямъ привѣтливой улыбкой. Въ душѣ онъ былъ увѣренъ, что все зло кончилось навсегда, и что никакая забота, никакое несчастіе не смутятъ уже дней его жизни, протекающихъ какъ спокойный, ясный ручей. До старости воевать, на старости хозяйничать и умножать достояніе для внуковъ—это было его самымъ горячимъ желаніемъ въ теченіе всей жизни, и все это въ совершеннѣйшей степени осуществилось. Хозяйство его шло какъ по маслу, лѣса были сильно вырублены, выкорчеваны и засѣяны по нови; благосостояніе увеличивалось; на лугахъ паслись сорокъ кобылицъ съ жеребятами и старый шляхтичъ каждый день осматривалъ ихъ. Богданецъ измѣнился до неузнаваемости: изъ заброшенной усадьбы онъ обращался въ многолюдную и богатую деревню и издали поражалъ глаза приближающагося путника сторожевой башней и неуспѣвшими еще почернѣть стѣнами каштеля, блестѣвшими золотомъ подъ лучами солнца и пурпуромъ при вечерней зарѣ.

И старикъ Мацько въ сердцѣ радовался всему—и достатку, и хозяйству, и удачѣ, и не спорилъ, когда люди говорили, что у него счастливая рука. Спустя годъ послѣ близнецовъ, появился на свѣтъ еще мальчикъ, котораго Ягенка, въ память своего отца, назвала Зыхомъ. Мацько принялъ его съ радостью и ничуть не огорчался тѣмъ, что если такъ пойдетъ и дальше, то богатство, собранное съ такимъ трудомъ и старательностью, должно будетъ раздробиться.

«Что у насъ было? — сказалъ онъ однажды объ этомъ Збышку.— Ничего! А вотъ теперь Богъ послалъ! У старика Пакоша изъ Сулавицъ одна деревушка, а сыновей двадцать два человѣка, а съ голоду все-таки не умираютъ. Мало развѣ земель въ королевствѣ и на Литвѣ? Мало деревень и зàмковъ въ собачьихъ рукахъ у крестоносцевъ? Эхъ, если бы Господу Іисусу было угодно! Зàмки тамъ изъ краснаго кирпича и нашъ милостивый король обратилъ бы ихъ въ каштелянства». Вещь достойная вниманія: Орденъ стоялъ еще на вершинѣ своего могущества, богатствомъ, силою, числомъ обученныхъ войскъ превышалъ всѣ западныя королевства, а тѣмъ не менѣе старый рыцарь думалъ о зàмкахъ крестоносцевъ, какъ о будущихъ жилищахъ своихъ внуковъ. И, должно быть, въ королевствѣ Ягелла не мало людей думало такимъ же образомъ и не только потому, что то были старыя польскія земли, захваченныя Орденомъ,— просыпалось сознаніе могучей силы, которая бурлила въ груди народа и искала выхода.

Но лишь черезъ четыре года, считая со дня женитьбы Збышка, каштель былъ отстроенъ, да и то при помощи жителей не только мѣстныхъ, згожелицкихъ, мочидольскихъ и даже сосѣднихъ, а въ особенности старика Вилька изъ Бжозовой, который, оставшись одинъ на свѣтѣ, сильно подружился съ Мацькомъ, а потомъ обратилъ свое сердце къ Збышку и Ягенкѣ. Мацько украсилъ комнаты военною добычею, которую они сами со Збышкомъ взяли, или унаслѣдовали послѣ Юранда изъ Спыхова, прибавилъ къ этому вещи, оставшіяся послѣ аббата, и то, что Ягенка вывезла изъ дома,—и жилище вышло на славу. Збышко съ женою и дѣтьми перебрался въ зàмокъ однако лишь на пятый годъ, когда и другія постройки, конюшни, амбары, кухни и бани были уже окончены, а вмѣстѣ съ ними и погреба, которые старикъ складывалъ изъ камня на известкѣ, чтобъ они могли просуществовать вѣка. Самъ Мацько, однако, въ зàмокъ не перешелъ,—онъ попрежнему предпочиталъ остаться въ старомъ гнѣздѣ, а на всѣ просьбы Збышка и Ягенки отвѣчалъ отрицательно, объясняя свои мысли такимъ образомъ:

— Я и умру, гдѣ родился. Видите ли что,—во время войны Грималитовъ съ Налэнчами, Богданецъ былъ сожженъ до тла,—всѣ постройки, всѣ службы,—что тутъ говорить!—даже плетни,—остался только одинъ старый домъ. Люди говорили, онъ потому не сгорѣлъ, что на крышѣ было черезчуръ много мху, а я думаю, что въ этомъ видно и милосердіе Божіе, и Его воля, чтобы мы вновь возвратились и вновь процвѣли здѣсь. Во время нашихъ скитаній я не разъ плакался на судьбу, что намъ негдѣ преклонить голову, но

говорилъ я это не истинную правду, потому что хотя и ѣсть намъ было нечего, и хозяйничать не надъ чѣмъ, а голову-то все-таки было гдѣ преклонить. Вы, молодые, дѣло другое, но я такъ думаю, что если этотъ старый домъ не пренебрегъ нами, то и мнѣ не годится пренебрегать имъ.

И онъ остался. Но старикъ все-таки любилъ приходить въ за̀мокъ, чтобы любоваться его размѣрами и великолѣпіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣть на Збышка съ Ягенкой. Все, что онъ видѣлъ тамъ, въ значительной степени было его дѣломъ, но тѣмъ не менѣе преисполняло его гордостью и удивленіемъ. Иногда къ нему наѣзжалъ старый Вилькъ, чтобы «наговориться» съ нимъ у камина, а то Мацько и самъ навѣщалъ его съ тѣмъ же намѣреніемъ въ Бжозовой, и однажды такъ высказалъ ему свои мысли о «новыхъ порядкахъ»:

— Знаете что? Мнѣ по временамъ становится какъ-то чудно! Всѣмъ извѣстно, что Збышко и въ Краковѣ въ королевскомъ за̀мкѣ бывалъ (хорошо бывалъ! ему тамъ чуть головы не отсѣкли!), и въ Мазовіи, и въ Мальборгѣ, и у князя Януша, а Ягенка тоже воспитывалась въ достаткѣ, а собственнаго за̀мка у нихъ все-таки не было... Теперь же они живутъ такъ, какъ будто и всегда такъ жили... Ходятъ, я говорю вамъ, по комнатамъ, ходятъ, ходятъ, все приказанія слугамъ отдаютъ, а какъ утомятся, такъ сядутъ. Настоящій каштелянъ и каштелянша. Комната у нихъ есть, въ которой они обѣдаютъ вмѣстѣ съ лѣсниками, объѣздчиками и съ челядью, а въ этой комнатѣ скамьи, для него и для нея повыше, а другіе сидятъ пониже и ждутъ, пока господа не наложатъ себѣ въ миску сколько слѣдуетъ. Таковъ ужъ придворный обычай, но я-то памятую, что это не какіе-нибудь важные бары, а просто мой племянникъ и племянница, которые у меня, старика, руки цѣлуютъ, сажаютъ на первое мѣсто и величаютъ своимъ благодѣтелемъ.

— Да пошлетъ имъ Богъ за это счастья, — замѣчалъ старый Вилькъ.

Потомъ, грустно покачавъ головою, онъ отхлебывалъ глотокъ меду, поправлялъ въ каминѣ головни желѣзной кочергою и говорилъ:

— А мой парень такъ и сгибъ.

— Воля Божья.

— Конечно! Старшіе братья его, — пять человѣкъ, — тѣ давно уже полегли. Да вы сами знаете. Конечно, воля Божья! Но этотъ былъ крѣпче всѣхъ. Настоящій Волкъ и если бы не погибъ, то можетъ быть теперь тоже сидѣлъ бы въ собственномъ за̀мкѣ.

— Лучше бы Чтанъ погибъ.

— Ну, что тамъ Чтанъ! Онъ и мельничные жернова къ себѣ на плечи взваливалъ, а мой сколько разъ побивалъ его. Мой былъ обученъ по рыцарскому, а Чтана теперь жена по щекамъ лупитъ, потому что онъ парень хотя и сильный, а глупый.

— Да, глупъ, какъ коровій хвостъ! — подтверждалъ Мацько.

И при этомъ случаѣ онъ до неба превозносилъ не только рыцарскія способности Збышка, но и его умъ. Збышко въ Мальборгѣ боролся съ самыми знаменитыми рыцарями, «а съ князьями такъ говоритъ, какъ будто орѣхи грызетъ». Мацько также хвалилъ и его хозяйственныя распоряженія, безъ которыхъ зáмокъ быстро поглотилъ бы все его достояніе. Но не желая, однако, чтобы старый Вилькъ думалъ, что имъ можетъ угрожать что-нибудь подобное, онъ заканчивалъ, понизивъ голосъ:

— Ну, добра-то у насъ всякаго довольно, больше, чѣмъ люди думаютъ; только вы не говорите объ этомъ никому.

Люди, однако, догадывались, знали и разсказывали другъ другу разныя басни, въ особенности о богатствахъ, вывезенныхъ изъ Спыхова. Говорили, что изъ Мазовіи деньги привозились цѣлыми бочонками. Мацько далъ взаймы нѣсколько гривенъ мощному владѣльцу Конецполя, что окончательно удостовѣрило околотокъ въ неизмѣримости его «сокровищъ». Значеніе Богданьца росло, росло и всеобщее уваженіе, и въ зáмкѣ никогда не бывало недостатка въ гостяхъ, на что Мацько, несмотря на свою бережливость, смотрѣлъ благосклонно, зная, что и это можетъ умножить славу рода.

Крестины въ особенности отличались обиліемъ угощенія, а разъ въ годъ, послѣ Успеньева дня, Мацько устраивалъ для сосѣдей большой пиръ, на который пріѣзжали и шляхтянки смотрѣть на рыцарскія потѣхи, слушать бродячихъ пѣвцовъ и при свѣтѣ смоляныхъ факеловъ плясать съ молодыми рыцарями вплоть до утра. Вотъ тогда-то въ глазахъ Мацька выражался полнѣйшій восторгъ при видѣ Збышка и Ягенки. Настоящіе придворные! Збышко возмужалъ, разросся, хотя, несмотря на свой могучій станъ, обладалъ все еще очень моложавымъ лицомъ. Но когда онъ, собравъ волосы пурпурной тесьмою, одѣвался въ блестящую одежду, затканную золотыми и серебряными нитями, то не только Мацько, но и иной шляхтичъ говорилъ про себя: «Господи! точь-въ-точь князь, пирующій въ своемъ зáмкѣ!»

А предъ Ягенкой рыцари, знакомые съ западными обычаями, преклоняли колѣни, прося ее быть дамой ихъ сердца,—настолько отъ нея вѣяло молодостью, здоровьемъ и красотой. Старый владѣ-

тель Конецполя, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ серадзскимъ воеводою, при видѣ ея приходилъ въ изумленіе и сравнивалъ съ солнцемъ, изливающимъ свѣтъ и «даже старыя кости наполняющимъ живительной теплотой».

III.

Прошло пять лѣтъ. Во всѣхъ имѣніяхъ стараго рыцаря былъ водворенъ величайшій порядокъ, надъ законченною сторожевою башней въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ развѣвалось знамя съ тупою подковою, а Ягенка благополучно родила четвертаго сына, котораго назвали Юрандомъ, и вдругъ Мацько сказалъ Збышку:

— Все можетъ случиться, но если бы Господь Іисусъ еще коечто послалъ бы на наше счастье, то я умеръ бы спокойно.

Збышко посмотрѣлъ на него вопросительнымъ взглядомъ и, спустя минуту, спросилъ:

— Вы, должно быть, говорите о войнѣ съ крестоносцами, потому что чего же вамъ нужно еще?

— Я тебѣ скажу то, что говорилъ раньше, — отвѣтилъ Мацько, — пока магистръ Конрадъ живъ, войны не будетъ.

— Развѣ ему вѣчно жить?

— Да и мнѣ не вѣчно, к потому я думаю совсѣмъ о другомъ.

— О чемъ же именно?

— Лучше и не спрашивай! А пока я собираюсь въ Спыховъ, а можетъ быть мнѣ придется навѣстить князей въ Плоцкѣ и Черскѣ.

Збышка этотъ отвѣтъ удивилъ не особенно, потому что старикъ Мацько въ послѣдніе годы часто ѣздилъ въ Спыховъ. Онъ только спросилъ:

— Долго ли вы пробудете тамъ?

— Дольше, чѣмъ обыкновенно, потому что остановлюсь въ Плоцкѣ.

И дѣйствительно спустя недѣлю Мацько уѣхалъ, взявши съ собой нѣсколько возовъ и хорошее вооруженіе, «на случай, не придется ли подраться съ кѣмъ-нибудь». При отъѣздѣ онъ заявилъ, что, можетъ быть, его отсутствіе продлится долго, и дѣйствительно въ теченіе полугода о немъ не было ни слуха, ни духа. Збышко начиналъ безпокоиться и въ концѣ послалъ нарочнаго въ Спыховъ, но нарочный встрѣтилъ Мацька за Серадземъ и возвратился съ нимъ вмѣстѣ.

Старый рыцарь пріѣхалъ какой-то угрюмый, но, разспросивъ Збышка о томъ, что дѣлалось въ его отсутствіе и успокоенный

тѣмъ, что все шло хорошо, немного размякъ и первый заговорилъ о своей поѣздкѣ.

— Знаешь, я былъ въ Мальборгѣ, — сказалъ онъ.

— Въ Мальборгѣ?

— А ты думаешь гдѣ?

Збышко съ минуту смотрѣлъ на него удивленными глазами, потомъ ударилъ себя рукой по колѣнямъ и сказалъ:

— Господи Ты Боже мой! А я уже совсѣмъ забылъ о немъ!

— Тебѣ хорошо было забыть, потому что ты исполнилъ свой обѣтъ,—отвѣтилъ Мацько,—но не дай Богъ, чтобъ я бѣжалъ отъ своей клятвы и чести. Не наше это правило—забывать что-нибудь. Клянусь Святымъ Крестомъ: покуда духъ будетъ держаться въ тѣлѣ, я клятвы своей не позабуду.

Лицо Мацька нахмурилось и стало такимъ грознымъ и неумолимымъ, какимъ Збышко видѣлъ его когда-то давно, то ли у Витольда, то ли у Скирвоиллы, когда приходило время вступить въ битву съ крестоносцами.

— Ну и что-жъ?—спросилъ онъ.

— Ничего не удалось, онъ не принялъ моего вызова.

— Отчего не принялъ?

— Его въ великіе комтуры избрали.

— Куно Лихтенштейнъ великій комтуръ?

— Ну да! Можетъ быть, онъ и въ великіе магистры попадетъ. Кто его знаетъ! Но онъ уже и теперь считаетъ себя наравнѣ съ владѣтельными князьями. Говоритъ, что всѣмъ управляетъ и что всѣ дѣла ордена свалены на его шею, а магистръ безъ него ничего предпринять не можетъ. Куда-жъ ему становиться со мною на утоптанную землю! Людей только насмѣшишь!

— А надъ вами смѣялись?—спросилъ Збышко, и глаза его вдругъ заискрились гнѣвомъ.

— Смѣялась княгиня Александра въ Плоцкѣ: «ты, говоритъ, и римскаго императора вызови. Ему (это значитъ Лихтенштейну), какъ мы знаемъ, посылали вызовъ Завиша Черный, Повала и Пашко изъ Бискупицъ, онъ даже и такимъ мужамъ отказалъ, говоритъ, что не можетъ. Въ недостаткѣ храбрости его обвинить нельзя, все дѣло въ томъ, что онъ монахъ и носитъ такое высокое званіе, что такія вещи не умѣщаются у него въ головѣ, и онъ больше повредилъ бы своей чести, принимая вызовъ, чѣмъ отказавшись отъ него». Вотъ что говорила княгиня.

— А вы что сказали на это?

— Я очень огорчился, но сказалъ, что и такъ долженъ ѣхать

въ Мальборгъ, чтобы сказать Богу и людямъ: «что было въ моихъ силахъ, я все сдѣлалъ». Я попросилъ только княгиню, чтобъ она выдумала бы какое-нибудь порученіе и дала бы письмо въ Мальборгъ, потому что иначе изъ этого волчьяго гнѣзда и головы цѣликомъ не унесешь. А въ глубинѣ души я думалъ такъ: погоди, ты не хотѣлъ обращать вниманія ни на Завишу, ни на Повалу, ни на Пашко, но если я, въ присутствіи самого магистра, всѣхъ комтуровъ и гостей, схвачу тебя за усы и бороду, то на меня-то непремѣнно обратишь вниманіе.

— Ахъ, чтобъ васъ!—съ восторгомъ воскликнулъ Збышко.

— Хорошо?—переспросилъ старый рыцарь.—На все найдется свое средство, нужно только голову носить на плечахъ. Но тутъ Господь Іисусъ отказалъ мнѣ въ своей помощи, потому что Лихтенштейна я въ Мальборгѣ не засталъ. Мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ посломъ къ Витольду. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, ждать ли его, или самому уѣзжать. Но такъ какъ я съ давнихъ поръ знакомъ съ магистромъ и великимъ гардеробмейстеромъ, то довѣрилъ имъ свою тайну, зачѣмъ я пріѣхалъ, а они закричали, что этого быть не можетъ.

— Почему?

— По той самой причинѣ, которую объяснила княгиня въ Плоцкѣ. Магистръ же сказалъ при этомъ: «что бы вы подумали обо мнѣ, еслибъ я принималъ вызовъ каждаго рыцаря изъ Польши или Мазовіи?» Ну, и онъ былъ правъ, потому что иначе его давно не было бы уже на свѣтѣ. Они съ гардеробмейстеромъ долго дивовались, и разсказали это въ столовой за ужиномъ. Вотъ я тебѣ скажу, была потѣха, словно улей растревожили! А въ особенности гости, такъ и поднялись цѣлой кучей. «Куно,—кричатъ,—драться не можетъ, а мы можемъ!» Тогда я выбралъ себѣ трехъ и хотѣлъ драться съ ними поочередно, но магистръ, послѣ долгихъ споровъ, разрѣшилъ мнѣ драться только съ однимъ, тоже Лихтенштейномъ по прозвищу и родственникомъ Куно.

— Ну и что-жъ?—воскликнулъ Збышко.

— Да то, что я привезъ его латы, но до такой степени изрубленныя, что за нихъ никто и гривны не дастъ.

— Такъ побойтесь же вы Бога! Значитъ, вы исполнили свою клятву.

— Сначала и я былъ радъ, и самъ думалъ такъ же, но потомъ подумалъ: «Нѣтъ, это то, да не то, и нѣтъ мнѣ теперь никакого покою».

Но Збышко началъ утѣшать его:

— Вы знаете меня, знаете, что въ такихъ дѣлахъ я ни себѣ, ни другому никакой поблажки не даю, но еслибъ со мной случилось то же самое, то съ меня было бы довольно. И то, что я вамъ говорю, подтвердятъ самые величайшіе краковскіе рыцари. Завиша, который лучше всѣхъ знаетъ, что такое рыцарская честь, конечно, скажетъ то же самое.

— Ты думаешь?—спросилъ Мацько.

— Да вы сами-то подумайте: они, славнѣйшіе рыцари во всемъ свѣтѣ, вызывали его, какъ и вы, но ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ даже и того, что вы сдѣлали. Вы поклялись убить Лихтенштейна и зарѣзали Лихтенштейна.

— Можетъ быть и такъ,—сказалъ старый рыцарь.

А Збышко, который интересовался рыцарскими дѣлами, началъ разспрашивать:

— Ну, разсказывайте, молодой онъ былъ или старый? И какъ это было? На ногахъ или верхомъ?

— Ему было лѣтъ тридцать пять и борода у него была до пояса, а дѣло было верхомъ. Богъ помогъ мнѣ, сначала я помазалъ его копьемъ, а потомъ дошло до мечей. И я говорю тебѣ, кровь у него изо рта такъ хлынула, что сразу смочила всю бороду.

— А вы еще не разъ плакались, что старѣетесь?

— Когда сядешь на коня, или на землѣ разогрѣешься, то еще держишься крѣпко, а ужъ на сѣдло во всемъ вооруженіи не вскочишь!

— Но Куно все-таки не вышелъ бы изъ вашихъ рукъ цѣлымъ?

Старикъ презрительно махнулъ рукою, въ знакъ того, что съ Куно ему было бы легче справиться, и повелъ племянника смотрѣть «бляхи», которыя онъ взялъ только для доказательства своей побѣды, потому что онѣ были всѣ разбиты, да и работы не особенно важной.

— Я предпочиталъ бы, чтобъ это были латы Куно!—угрюмо проговорилъ Мацько.

А Збышко сказалъ на это:

— Господь Богъ знаетъ, что лучше. Куно, если его выберутъ магистромъ, вы не достанете, развѣ вамъ только придется повстрѣчаться въ какой-нибудь большой битвѣ.

— Я прислушивался къ тому, что говоритъ народъ, — отвѣтилъ Мацько.—Одни толкуютъ, что послѣ Конрада будетъ Куно, а другіе, что Конрадовъ братъ, Ульрихъ.

— Мнѣ бы хотѣлось Ульриха,—сказалъ Збышко.

— И мнѣ, а знаешь, почему? Куно болѣе уменъ и хитеръ, а

Ульрихъ человѣкъ запальчивый. Это истинный рыцарь, честью своей дорожитъ, но въ войну съ нами такъ и рвется. Говорятъ, что если они его выберутъ магистромъ, то будетъ такая буря, какихъ на свѣтѣ не бывало. А на Конрада что-то ужъ очень часто начали нападать обмороки. Разъ его схватило даже при мнѣ. Эхъ! можетъ быть и дождемся.

— Дай-то Богъ. А есть какія-нибудь новыя ссоры съ королевствомъ?

— Есть и новыя, и старыя. Крестоносцы—всегда крестоносцы. Хотя они и знаютъ, что ты сильнѣе ихъ и что съ тобою плохо связываться, а всетаки будутъ зариться на твое добро, потому что иначе и быть не можетъ.

— Да вѣдь они думаютъ, что Орденъ сильнѣе всѣхъ государствъ.

— Думаютъ, но не всѣ, а думаютъ многіе, въ томъ числѣ и Ульрихъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, сила у нихъ страшная.

— А помните, что говорилъ Зиндармъ изъ Машкова?

— Помню. И дѣла у нихъ съ каждымъ годомъ все хуже и хуже. Братъ брата не принимаетъ такъ, какъ меня принимали тамъ, когда никакой крестоносецъ не подглядывалъ. Они всѣмъ опротивѣли.

— Значитъ, и ждать недолго!

— Долго или недолго, кто-жъ его знаетъ!—сказалъ Мацько.

И послѣ минутнаго раздумья онъ прибавилъ:

— А тѣмъ временемъ нужно приналечь на себя, собирать запасы, чтобъ достойно выступить на битву.

IV.

Магистръ Конрадъ умеръ спустя годъ послѣ этого. Ясько изъ Згожелицъ, братъ Ягенки, который первымъ услыхалъ въ Серадзѣ вѣсть о его смерти и объ избраніи на его мѣсто Ульриха фонъ-Юнгингенъ, первый же и привезъ ее въ Богданецъ, гдѣ, какъ и въ другихъ шляхетскихъ гнѣздахъ, она до глубины потрясла души и сердца. «Наступятъ времена, какихъ до сихъ поръ еще не было,—торжественно сказалъ Мацько;—Ягенка въ первую минуту привела къ Збышку всѣхъ дѣтей и начала прощаться съ нимъ, какъ будто онъ долженъ былъ завтра же уѣхать. Мацько и Збышко, хотя и знали, что война не вспыхнетъ сразу, какъ огонь въ каминѣ, но тѣмъ не менѣе готовились къ ней. Они выбирали коней, оружіе, обучали военному ремеслу оруженосцевъ, челядь и мелкую шлях-

ту,—та, впрочемъ, и безъ того стремилась къ болѣе крупной. То же самое дѣлалось и въ другихъ усадьбахъ; всюду въ кузницахъ стучали молоты, всюду отчищали старые панцыри, натирали саломъ луки и ремни, оковывали телѣги, готовили запасы крупы и копченаго мяса. По праздникамъ и въ воскресные дни толковали о новыхъ вѣстяхъ и горевали, когда вѣсти приходили успокоительныя,—всякій въ душѣ носилъ глубокое предчувствіе, что съ этимъ страшнымъ врагомъ всего польскаго племени нужно кончить разъ навсегда, и что королевство не зацвѣтетъ въ могуществѣ, спокойствіи и трудѣ, пока, по словамъ святой Бригиды, у крестоносцевъ не будутъ выбиты зубы и не будетъ у нихъ отсѣчена правая рука.

Въ Кшеснѣ народъ особенно окружалъ Мацька и Збышка, какъ людей знающихъ Орденъ и умѣющихъ воевать съ нѣмцами. Ихъ разспрашивали не только о новостяхъ, но также о пріемахъ борьбы съ нѣмцами, какъ лучше на нихъ ударять, какого обычая они придерживаются при одиночной стычкѣ, въ чемъ они превышаютъ поляковъ и въ чемъ уступаютъ имъ, и, послѣ того, какъ копья сломаются, чѣмъ легче разбивать на нихъ латы,—топоромъ или мечомъ?

Мацько и Збышко, дѣйствительно, были знакомы съ этими вещами, понятно, что ихъ слушали съ великимъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что существовало всеобщее убѣжденіе, что война будетъ не легкая, что придется мѣряться съ цвѣтомъ рыцарства всѣхъ странъ, что незначительными побѣдами ограничиваться нельзя, а нужно или уничтожить непріятеля совсѣмъ, или самимъ погибнуть окончательно. Шляхта перешептывалась между собой: «коли нужно, такъ нужно, или ихъ смерть, или наша»! И у поколѣнія, которое носило въ душѣ предчувствіе будущаго величія, это вовсе не отнимало храбрости, напротивъ, она росла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, но люди приступали къ дѣлу безъ суетной похвальбы и хвастливости, а скорѣе съ свирѣпой сосредоточенностью и съ величавою готовностью на смерть.

— Или намъ смерть писана, или имъ!

Но время все протекало и протекало, а войны все не было. Правда, говорили о несогласіи между королемъ Владиславомъ и Орденомъ, говорили о землѣ Добжиньской, хотя она давно была уже выкуплена, и о пограничныхъ спорахъ, и о какомъ то Дрезденкѣ, о которомъ многіе слышали въ первый разъ въ жизни, и изъ-за котораго будто бы спорили обѣ стороны, а войны все-таки не было. Иные начали даже сомнѣваться, будетъ ли она, потому что спо-

ры бывали всегда, но обыкновенно кончалось дѣло съѣздами, договорами и снаряженіемъ посольства. Вотъ и теперь разошлась вѣсть, что какіе-то Орденскіе послы пріѣхали въ Краковъ, а польскіе отправились въ Мальборгъ. Потомъ начали говорить о посредничествѣ королей чешскаго и венгерскаго, и даже самого папы Вдали отъ Кракова никто не зналъ ничего, какъ слѣдуетъ, поэтому среди людей ходили разнообразные, часто чудовищные и неправдоподобные слухи, а войны всетаки не было.

Въ концѣ и самъ Мацько, на глазахъ у котораго прошло не мало военныхъ грозъ и мирныхъ договоровъ, не зналъ, что̀ думать обо всемъ этомъ, и отправился въ Краковъ, чтобы собрать болѣе достовѣрныя извѣстія. Пробылъ онъ тамъ недолго, и черезъ шесть недѣль возвратился уже назадъ, и возвратился съ сильно прояснившимся лицомъ. А когда въ Кшеснѣ его окружила, какъ и всегда, жадная къ новостямъ шляхта, онъ, въ отвѣтъ на разнообразные вопросы, предложилъ тоже вопросъ:

— А наконечники у копій и топоры у васъ отточены?

— Развѣ слышно что-нибудь? да говорите же! Ради самого Бога, говорите! Какія новости? Кого вы видѣли?—сыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Какія новости? А такія, что вамъ, пожалуй, сейчасъ же придется сѣдлать коней. А кого я видѣлъ? Зиндарма изъ Машкова.

— Господи? Ну, такъ какъ же, разсказывайте!

— Вы слышали о Дрезденкѣ?

— Конечно, слышали. Но вѣдь это маленькій замокъ, какихъ много, и земли-то тамъ, кажется, не больше, чѣмъ у васъ въ Богданьцѣ.

— Ничтожная причина для войны, а?

— Конечно, ничтожная, бывали и покрупнѣй, да и то дѣло не оканчивалось войной.

— А знаете, какую мнѣ притчу сказалъ Зиндармъ изъ Машкова по поводу Дрезденка? Сказалъ онъ мнѣ вотъ что: шелъ слѣпой по дорогѣ и споткнулся о камень. Споткнулся онъ потому, что былъ слѣпой, а вѣдь причиной-то всетаки камень. Вотъ и Дрезденко такой же камень.

— Какъ же это такъ? Орденъ еще до сихъ поръ стоитъ на ногахъ!

— Не понимаете? Тогда я вамъ скажу иначе: когда сосудъ черезчуръ полонъ, то достаточно одной капли, чтобъ жидкость пошла черезъ край.

Рыцарствомъ овладѣло такое воодушевленіе, что Мацько дол-

женъ былъ удерживать его, потому что всѣ хотѣли сѣдлать коней и направляться въ Серадзь.

— Будьте готовы,— сказалъ онъ,— но ждите терпѣливо. Не тревожьтесь, о насъ не забудутъ!

Рыцарство было въ готовности, но ждало долго, такъ долго, что иные начали вновь сомнѣваться. Но Мацько не сомнѣвался: какъ по прилету птицъ узнаютъ о приближеніи весны, такъ онъ, человѣкъ опытный, изъ различныхъ признаковъ могъ заключить, что война приближается,—и война великая.

Прежде всего начались охоты во всѣхъ королевскихъ борахъ и пущахъ, охоты въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какихъ не помнили даже и старые люди. Тысячи людей собирались на облавы, на которыхъ падали цѣлыя стада туровъ, оленей, кабановъ и менѣе крупной дичины. Лѣса дымились по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ, а въ дыму коптилось соленое мясо, которое потомъ отсылалось въ воеводскіе города, а оттуда на складъ въ Плоцкъ. Очевидно, собирались запасы для многочисленнаго войска. Мацько хорошо зналъ, что думать объ этомъ, потому что точно такія же охоты устраивалъ на Литвѣ Витольдъ передъ каждымъ большимъ походомъ. Но были и другіе признаки. Крестьяне цѣлыми толпами начали убѣгать «изъ-подъ нѣмца» въ королевство и на Мазовію. Въ окрестностяхъ Богданьца появлялись преимущественно подданные нѣмецкихъ рыцарей изъ Силезіи, но было извѣстно, что и повсюду дѣлается то же самое, въ особенности въ Мазовіи. Чехъ, хозяйничающій въ Мазовіи, въ Спыховѣ, прислалъ оттуда нѣсколько мазуровъ, которые бѣжали къ нему изъ Пруссіи. Люди эти просили, чтобъ имъ позволили принять участіе въ войнѣ «пѣхтурою», потому что имъ хотѣлось вымѣстить свои обиды на крестоносцахъ, которыхъ они ненавидѣли всей душой. Они разсказывали, что нѣкоторыя пограничныя деревни въ Пруссіи почти совсѣмъ опустѣли, потому что крестьяне съ женами и дѣтьми переселились въ мазовецкія княжества. Положимъ, крестоносцы вѣшали всѣхъ пойманныхъ бѣглецовъ, но несчастнаго народа удержать уже ничто не могло, и не одинъ предпочиталъ смерть жизни подъ страшнымъ нѣмецкимъ ярмомъ. Потомъ по всей странѣ зароились «дѣды» изъ Пруссіи. Тянулись они всѣ къ Кракову, а приплывали изъ Гданска, изъ Мальборга, изъ Торуня, даже изъ далекаго Кролевца, изъ всѣхъ прусскихъ городовъ и изо всѣхъ командорій. Между ними были не только нищіе-старики, но и органисты, монастырскіе служки, церковные служители и даже священники. Догадывались, что они приносятъ извѣстія обо всемъ, что дѣлается въ Пруссіи, о военныхъ

приготовленіяхъ, объ укрѣпленіи зáмковъ, о гарнизонахъ, о войскахъ наемныхъ и о гостяхъ. Одинъ другому шепотомъ передавалъ, что воеводы въ воеводскихъ городахъ, а въ Краковѣ королевскіе совѣтники по цѣлымъ часамъ вели таинственные разговоры съ этими бѣглецами, слушали ихъ и записывали ихъ показанія. Иные изъ нихъ тотчасъ же возвращались въ Пруссію, а потомъ снова появлялись въ королевствѣ. Изъ Кракова доходили вѣсти, что король и господа совѣтъ знаютъ отъ бѣглецовъ о каждомъ шагѣ крестоносцевъ.

Въ Мальборгѣ же дѣлалось не то. Одинъ духовный, убѣжавшій изъ Орденской столицы, остановился у владѣльцевъ Конецполя и разсказывалъ имъ, что магистръ Ульрихъ и другіе крестоносцы не заботятся объ извѣстіяхъ изъ Польши и что увѣрены, будто однимъ ударомъ завоюютъ и навѣки вѣковъ разрушатъ все королевство, «такъ, чтобъ послѣ него и слѣда не осталось». При этомъ онъ повторялъ слова магистра, сказанныя на пиру въ Мальборгѣ: «чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ больше въ Пруссіи подешевѣютъ полушубки». Крестоносцы готовились къ войнѣ въ радости и упоеніи, увѣренные въ своей собственной силѣ и въ помощи, которую имъ пришлютъ даже самыя отдаленныя королевства.

Но несмотря на всѣ эти военные признаки и подготовленія, война не приходила такъ скоро, какъ люди желали бы этого. Молодому владѣльцу Богданьца начинало становиться дома «тошно». Все было уже давно готово, душа рвалась къ славѣ и къ бою, ему былъ тяжелъ каждый день проволочки, и онъ часто дѣлалъ за это выговоры дядѣ, какъ будто война или миръ зависѣли отъ него.

— Вы обѣщали навѣрно, что она будетъ,—говорилъ онъ,—а ея нѣтъ и нѣтъ!

Мацько отвѣчалъ на это:

— Уменъ ты, да не больно! А того ты не видишь, что дѣлается?

— А какъ король вдругъ въ послѣднюю минуту примирится? Говорятъ, что онъ не желаетъ войны.

— Не хочетъ! А кто-жъ, какъ не онъ, крикнулъ: «не будь я королемъ, если позволю захватить Дрезденко, а нѣмцы какъ взяли его, такъ до сихъ поръ и держатъ!» Да, король не хочетъ пролитія крови христіанской, но его совѣтники, у которыхъ разумъ быстрый, понимаютъ, что сила на польской сторонѣ и прижимаютъ нѣмцевъ къ стѣнѣ, и я одно скажу тебѣ, что если бы не было Дрезденка, то нашлось бы что-нибудь другое.

— Я слышалъ, что Дрезденко захватилъ еще магистръ Конрадъ, а онъ боялся короля.

— Боялся, потому что лучше другихъ зналъ могущество Польши, но орденской хищности и онъ не могъ преодолѣть. Въ Краковѣ ему говорили такъ: старикъ фонъ-Остъ, владѣтель Дрезденка, когда крестоносцы захватывали Новую Мархію, поклонился королю, какъ ленникъ, потому что эта земля испоконъ вѣка была польская, значитъ, хотѣлъ принадлежать къ королевству. Но крестоносцы заманили его въ Мальборгъ, опоили виномъ и выманили у него запись. Тогда терпѣніе короля истощилось окончательно.

— И понятно, что могло истощиться!—воскликнулъ Збышко.

Но Мацько сказалъ:

— Значитъ, такъ и есть, какъ говорилъ Зиндармъ изъ Машкова: Дрезденко—это камень, на который споткнулся слѣпой.

— А если бы нѣмцы отдали Дрезденко, что тогда будетъ?

— Тогда найдется другой камень. Но крестоносецъ не отдастъ того, что слопалъ одинъ разъ, хоть брюхо ему распори, и дай Богъ, чтобъ мы поскорѣй это сдѣлали.

— Нѣтъ,—воскликнулъ ободренный Збышко,—Конрадъ, можетъ быть, отдалъ бы, а Ульрихъ не отдастъ. Это настоящій рыцарь, котораго упрекнуть ни въ чемъ нельзя, но ужасно горячій.

Пока они разговаривали такъ, событія катились, какъ камень, сдвинутый ногой путника съ горныхъ высотъ, все съ большимъ и большимъ размахомъ стремясь къ пропасти.

Вдругъ по всему краю прогремѣла вѣсть, что нѣмцы напали на старо-польскій городъ Сантокъ, заложенный Іоаннитамъ, и захватили его. Новый магистръ, Ульрихъ, когда польскіе послы прибыли сложить свои благопожеланія по поводу его выбора, нарочно уѣхалъ изъ Мальборга. Онъ же, съ первой минуты своего правленія, повелѣлъ, при сношеніяхъ съ королемъ и съ Польшей, вмѣсто латыни, употреблять нѣмецкій языкъ, и сразу показалъ, кто онъ таковъ. Краковскіе мужи совѣта, которые потихоньку стремились къ войнѣ, поняли, что магистръ стремится къ войнѣ не скрываясь, и не только не скрываясь, но прямо очертя голову и съ такою дерзкою самоувѣренностью, съ которой къ польскому народу магистры Ордена не обращались даже и тогда, когда ихъ могущество дѣйствительно было больше, чѣмъ теперь, а силы королевства меньше, чѣмъ нынѣ.

Однако сановники Ордена, не столь горячіе, какъ Ульрихъ, и отличающіеся большею опытностью, хорошо знавшіе Витольда, старались привлечь его къ себѣ дарами и льстивыми рѣчами, до такой степени превосходящими всякую мѣру, что подобныхъ можно было искать развѣ въ тѣхъ временахъ, когда римскимъ цезарямъ заживо

воздвигали храмы и алтари. «Два благодѣтеля Ордена,—говорили послы-крестоносцы, ударяя челомъ передъ этимъ намѣстникомъ Ягелла,—одинъ Богъ, а другой Витольдъ, поэтому каждое слово и каждое желаніе Витольда свято для крестоносцевъ». Они просили его о посредничествѣ по дѣлу о Дрезденкѣ, въ разсчетѣ, что если онъ, какъ подданный короля, возьмется судить своего государя, то этимъ самымъ оскорбитъ его, и ихъ добрыя отношенія прервутся, если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на продолжительное время. Но господа краковскій совѣтъ знали обо всемъ, что въ Мальборгѣ дѣлается и затѣвается, поэтому король также избралъ Витольда своимъ посредникомъ.

Ордену пришлось пожалѣть о своемъ избраніи. Орденскіе сановники, которымъ казалось, что они знаютъ великаго князя, знали его еще не въ достаточной степени, потому что Витольдъ не только присудилъ полякамъ Дрезденко, но, зная, и вмѣстѣ съ тѣмъ догадываясь, чѣмъ можетъ кончиться дѣло, вновь поднялъ Жмудь и, показывая Ордену все болѣе и болѣе грозное обличье, началъ помогать жмудинамъ людьми, оружіемъ и хлѣбомъ, приходящимъ изъ плодородныхъ польскихъ земель. И когда это случилось, всѣ обитатели огромнаго государства поняли, что пробила послѣдняя минута. Дѣйствительно, она пробила.

Разъ въ Богданьцѣ, когда старикъ Мацько, Збышко и Ягенка сидѣли у воротъ каштеля, наслаждаясь чудной погодой и тепломъ, вдругъ появился какой-то незнакомый всадникъ, бросилъ подъ ноги рыцаря что-то вродѣ вѣнка, сплетеннаго изъ лозины и вербы, крикнулъ: «Вици, вици!»*) и помчался дальше.

Рыцари въ великомъ волненіи вскочили на ноги. Лицо Мацька стало грознымъ и торжественнымъ. Збышко побѣжалъ, чтобъ послать оруженосца съ вѣнкомъ дальше, потомъ возвратился съ горящими глазами и воскликнулъ:

— Война! Наконецъ-то Богъ далъ! Война!

— И такая, какой мы до сихъ поръ не видали, — важно добавилъ Мацько.

Онъ крикнулъ челяди, которая въ мигъ собралась вокругъ господъ:

— Трубить въ рога со сторожевой башни на всѣ четыре стороны свѣта. А вы бѣгите въ деревню за старшинами! Лошадей вывести изъ конюшни и запрягать телѣги! Да живо!

---

*) Въ старой Польшѣ по обычаю шляхта вызывалась на войну при помощи писемъ съ королевской печатью. Письма эти обносили на высокой вѣхѣ или „вици“.— *Прим. перев.*

Слова его еще не успѣли отзвучать, какъ челядь разсыпалась въ разныя стороны исполнять данныя ей приказанія, что, впрочемъ, не представлялось особенно труднымъ, потому что все давно было уже готово,—люди, телѣги, лошади, жизненные припасы,—только садиться и ѣхать.

Но передъ этимъ Збышко еще задалъ вопросъ Мацьку:

— А вы не останетесь дома?

— Я? Съ чего тебѣ это взбрело въ голову?

— По закону, вы можете остаться, потому что вы человѣкъ уже пожилой, да кромѣ того, было бы кому охранять Ягенку и дѣтей.

— Слушай ты меня: я до сѣдыхъ волосъ ждалъ этой минуты.

И достаточно было посмотрѣть на его свирѣпо-холодное лицо, чтобы понять, что всѣ убѣжденія будутъ безполезны. Наконецъ, несмотря на седьмой десятокъ, онъ былъ крѣпокъ какъ дубъ, руки его легко двигались въ суставахъ, а топоръ, когда онъ взмахивалъ имъ, издавалъ свистъ. Правда, онъ не могъ уже въ полномъ вооруженіи вскочить на коня, не опираясь на стремя, но и многіе молодые люди, въ особенности изъ западнаго рыцарства, не могли сдѣлать этого. Зато фехтмейстеръ онъ былъ образцовый, а болѣе опытнаго воина не было во всемъ околоткѣ.

Ягенка, видимо, тоже не опасалась остаться одна, потому что, услыхавши слова мужа, встала, поцѣловала у него руку и сказала:

— Обо мнѣ, милый, не безпокойся, зāмокъ крѣпокъ, да, кромѣ того, ты знаешь, что я и не особенно пуглива и что ни лукъ, ни копье мнѣ не въ новинку. Думать о насъ некогда,—нужно спасать королевство, а защитникомъ намъ здѣсь будетъ Богъ.

И вдругъ ея глаза наполнились слезами, которыя крупными каплями скатились по ея щекамъ. Она указала на кучку дѣтей и добавила взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Эхъ, если бы не эти ребятишки, то я до тѣхъ поръ лежала бы у тебя въ ногахъ, пока ты не взялъ бы меня съ собою на эту войну.

— Ягусь!—воскликнулъ Збышко и обнялъ ее.

А она также обхватила руками его шею и повторяла, крѣпко прижимаясь къ нему:

— Только ты-то возвращайся, золотой мой, милый, ненаглядный!

— И кромѣ того, каждый день благодари Бога за то, что Онъ послалъ тебѣ такую бабу,—басовымъ голосомъ добавилъ Мацько.

Спустя часъ со сторожевой башни было снято знамя, въ знакъ

отсутствія владѣльца. Збышко и Мацько дозволили, чтобъ Ягенка вмѣстѣ съ дѣтьми проводила ихъ до Серадзя, и послѣ обильнаго обѣда всѣ двинулись въ путь, съ людьми и цѣлымъ таборомъ телѣгъ.

День былъ ясный, безвѣтреный, боръ стоялъ въ ненарушимой тишинѣ, стада на поляхъ и пастбищахъ также предавались полуденному отдыху и съ медленною задумчивостью пережевывали жвачку. Въ сухомъ воздухѣ по дорогѣ тамъ и здѣсь поднимались клубы золотистой пыли, а надъ этими клубами виднѣлось безчисленное количество огоньковъ, сверкавшихъ на солнцѣ. Збышко указалъ на нихъ женѣ и дѣтямъ и сказалъ:

— Знаете, что это тамъ блещетъ надъ пылью? Это острія копій. «Вици» дошли, должно быть, повсюду и народъ со всѣхъ сторонъ валитъ на нѣмца.

Такъ оно и было. Недалеко отъ границы Богданьца Збышко нагналъ брата Ягенки, молодого Ястька изъ Згожелицъ, который, какъ зажиточный шляхтичъ, велъ съ собою двадцать человѣкъ.

Вскорѣ потомъ, на распутьѣ, изъ тумана пыли выдѣлилось волосатое лицо Чтана изъ Рогова, и хотя онъ не былъ другомъ богданецкихъ рыцарей, но всетаки крикнулъ имъ издали: «Идемъ на собачьихъ дѣтей!» Тутъ онъ дружелюбно кивнулъ имъ головой, пришпорилъ коня и исчезъ въ сѣромъ облакѣ пыли. Попался навстрѣчу также и старый Вилькъ изъ Бжозовой. Голова у него уже нѣсколько тряслась отъ старости, но и онъ потянулся на войну, чтобъ отмстить за смерть сына, котораго нѣмцы убили въ Силезіи.

По мѣрѣ того, какъ Мацько и Збышко приближались къ Серадзю, облака пыли становились все гуще и гуще, а когда издали показались городскія башни, вся дорога кишѣла вооруженными людьми, которые спѣшили къ сборному мѣсту. Видя эти многочисленныя массы крѣпкаго и здороваго народа, упорнаго въ бою и болѣе всѣхъ прочихъ привыкшаго ко всякимъ неудобствамъ, къ холоду и къ непогодѣ, старикъ Мацько радовался въ душѣ и предсказывалъ себѣ вѣрную побѣду.

V.

И война вспыхнула тотчасъ, спачала неособенно богатая битвами, но въ первое время неблагопріятная для поляковъ. Прежде чѣмъ подошли польскія силы, крестоносцы взяли Бобровники, сравняли съ землею Златорыю, и вновь заняли несчастную, съ такимъ трудомъ недавно отобранную вновь Добжиньскую землю. Но чешское и венгерское посредничество на время угасило военную

бурю. Наступило примиреніе, во время котораго Вацлавъ, король чешскій, долженъ былъ разобрать споръ между Польшей и Орденомъ.

Но враждующія стороны не переставали, однако, собирать войска и придвигать ихъ другъ къ другу во время зимнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ. Король чешскій, подкупленный Орденомъ, рѣшилъ дѣло въ его пользу, и война должна была возгорѣться снова.

А тѣмъ временемъ наступило лѣто, а съ нимъ вмѣстѣ нахлынули «народы» подъ предводительствомъ Витольда. Послѣ переправы подъ Червенскомъ соединились оба войска и «хоругви» *) мазовецкихъ князей. Съ другой стороны, въ лагерѣ подъ Свецемъ, стояло сто тысячъ закованныхъ въ желѣзо нѣмцевъ. Король хотѣлъ переправиться чрезъ Дрвенцу и идти краткою дорогой къ Мальборгу, но когда переправа оказалась невозможною, повернулъ отъ Кужентника къ Дзялдову, и послѣ разгрома орденскаго зáмка Домбровна или Гильгенбурга, основался тамъ же лагеремъ.

Онъ, также какъ польскіе и литовскіе сановники, зналъ, что рѣшительное дѣло должно было наступить скоро, но никто не думалъ, что оно наступитъ черезъ нѣсколько дней. Предполагали, что магистръ, преградивъ королю дорогу, захочетъ дать отдыхъ своимъ полкамъ, чтобъ они вступили въ смертельную борьбу неутомленными и свѣжими. Тѣмъ временемъ королевскія войска остановились на ночь въ Домбровѣ. Взятіе этой крѣпости, хотя оно совершилось не только безъ приказа, но даже вопреки волѣ военнаго совѣта, преисполнило надеждой сердца короля и Витольда, — зáмокъ былъ крѣпкій, окруженный озеромъ, съ толстыми стѣнами и многочисленнымъ гарнизономъ. Тѣмъ не менѣе, польское рыцарство взяло его чуть не въ мгновеніе ока, съ такою неудержимою горячностью, что, прежде чѣмъ подоспѣлъ весь обозъ, отъ города и зáмка остались только дымящіяся развалины, среди которыхъ дикіе воины Витольда и татары Саладина добивали остатки съ отчаяніемъ защищавшихся нѣмецкихъ кнехтовъ.

---

*) Отрядъ конницы, численностью обыкновенно отъ 100 до 200 лошадей и считающійся тактическою единицей въ организаціи войска, въ ягеллоновскія времена, а можетъ быть и раньше, назывался ротой. Впослѣдствіи, когда старинную польскую организацію пѣхоты замѣнили заграничною, и ряды пѣхоты начали называть ротами, кавалерія перемѣнила свое названіе на *хоругвь*, потому что каждая рота имѣла свое отдѣльное знамя или хоругвь, какъ теперь говорятъ штандартъ. Отсюда: служить въ хоругви, ѣхать въ хоругвь, вербовать хоругвь, и т. д. Хоругви были придворныя королевскія, республики и собственныя польскихъ пановъ. Почти всѣ польскіе магнаты на собственныя средства содержали большіе или меньшіе отряды конницы, которые носили названіе ихъ придворныхъ хоругвей и во время войны высылались на защиту страны.—*Прим. пер.*

Пожаръ, однако, продолжался не долго и погасъ отъ короткаго, но страшнаго ливня. Ночь съ четырнадцатаго на пятнадцатое іюля была необыкновенно бурная и измѣнчивая. Вихрь наносилъ одну грозу за другою. По временамъ небо казалось горящимъ отъ потока молній, а громъ съ ужасающимъ грохотомъ перекатывался отъ востока къ западу. Частые удары наполняли воздухъ запахомъ сѣры, а потомъ шумъ дождя снова заглушалъ всѣ другіе звуки. Порою вѣтеръ разгонялъ тучи, и тогда сквозь ихъ растрепанные клочья проглядывали звѣзды и ясный полный мѣсяцъ. И только послѣ полуночи немного стихло, такъ что можно было, по крайней мѣрѣ, развести огни. И, дѣйствительно, черезъ минуту они тысячами вспыхнули въ неизмѣримомъ польско-литовскомъ лагерѣ. Воины сушили при кострахъ промокшія одежды и пѣли боевыя пѣсни.

Король также бодрствовалъ, потому что въ домѣ, расположенномъ на самомъ краю лагеря, куда онъ укрылся отъ грозы, засѣдалъ военный совѣтъ и разбиралъ дѣло о взятіи Гильденбурга. Такъ какъ въ штурмѣ принимала участіе серадзская хоругвь, то предводитель ея, Якубъ изъ Конецполя, былъ вызванъ вмѣстѣ съ другими, чтобъ оправдаться, почему они безъ приказа взяли городъ и не прекратили штурма, хотя король высылалъ для удержанія ихъ своего подвойскаго и нѣсколько подручныхъ слугъ.

Воевода, неувѣренный, не встрѣтитъ ли его выговоръ, а, можетъ быть, даже и кара, захватилъ съ собою нѣсколько знаменитѣйшихъ рыцарей, въ томъ числѣ старика Мацька и Збышка, какъ свидѣтелей, что подвойскій добрался къ нимъ только тогда, когда они были уже на стѣнахъ зàмка и въ минуту самой горячей схватки съ гарнизономъ. А что касается того, что онъ ударилъ на зàмокъ, то «трудно спрашивать обо всемъ, когда войска растянуты на нѣсколько миль». Высланный впередъ, онъ думалъ, что на его обязанности лежитъ сокрушать преграды передъ войскомъ и бить непріятеля, гдѣ онъ ни встрѣтится. Выслушавъ эти слова, король, князь Витольдъ и мужи совѣта, которые въ глубинѣ души радовались тому, что произошло, не только не порицали воеводу и серадзянъ за ихъ поступокъ, но еще восхваляли ихъ, что «они такъ живо покорили зàмокъ и мужественный гарнизонъ». При этомъ Збышко и Мацько могли вдоволь насмотрѣться на величайшихъ людей государства, потому что, кромѣ короля и мазовецкихъ князей, здѣсь находились два предводителя всѣхъ силъ: Витольдъ, который предводительствовалъ литвинами, жмудинами, русинами, бессарабцами, валахами и татарами, и Зиндармъ изъ Машкова «того же самаго герба, что и солнце», и краковскій мечникъ, превышаю-

щій всѣхъ знаніемъ военныхъ дѣлъ. Кромѣ нихъ, на совѣтѣ были великіе воины и сановники: краковскій каштелянъ, Кристинъ изъ Острова и воевода краковскій, Ясько изъ Тарнова, и познаньскій, Сендзивой изъ Остророга, сендомерскій, Николай изъ Михаловицъ, и пробощъ костела св. Флоріана, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подканцлеръ, Николай Тромба, и маршалъ королевства, Збигневъ изъ Бжезя, и Петръ Шафранецъ, краковскій подкоморій и, наконецъ, Земовитъ, сынъ Земовита, плоцкаго князя, единственный молодой человѣкъ среди всего собранія, но удивительно «находчивый въ войнѣ», мнѣнія котораго высоко цѣнилъ самъ король.

А въ сосѣдней обширной комнатѣ ждали, чтобы всегда быть подъ рукою и въ случаѣ надобности, помочь своимъ совѣтомъ, знаменитые рыцари, слава которыхъ широко гремѣла въ Польшѣ и за ея границами.

И вотъ Мацько и Збышко увидали тамъ Завишу Чернаго Сулимца и его брата, Фарурея, и Скарбка Абданка изъ Горъ, и Добка изъ Олесницы, который въ свое время на турнирѣ въ Торунѣ выбилъ изъ сѣдла двѣнадцать нѣмецкихъ рыцарей, и огромнаго Пашка Злодзея изъ Бискупицъ, и Повалу изъ Тачева, ихъ искренняго друга, и Кшона изъ Козьихъ Гловъ, который носилъ великое знамя всего королевства, и страшнаго въ ручной стычкѣ Лиса изъ Тарговиска, который въ полномъ вооруженіи могъ перескочить черезъ двухъ рослыхъ коней.

Было много и другихъ знаменитыхъ «предхоругвенныхъ» рыцарей изъ различныхъ земель и изъ Мазовіи, а «предхоругвенными» ихъ звали потому, что ихъ ставили въ первомъ ряду предъ лицомъ непріятеля. Всѣ знакомые, въ особенности Повала, радостно привѣтствовали Мацька и Збышка и тотчасъ же повели съ ними бесѣду о прежнихъ временахъ и приключеніяхъ.

— Да! — говорилъ Збышку владѣтель Тачева, — у тебя тяжелые счеты съ крестоносцами, но я надѣюсь, что ты теперь заплатишь имъ за все время.

— Заплачу, хотя бы и кровью, какъ и всѣ мы заплатимъ! — отвѣтилъ Збышко.

— А знаешь ты, что твой Куно фонъ-Лихтенштейнъ нынѣ великій комтуръ? — отозвался Пашко Злодзей изъ Бискупицъ.

— Знаю, и дядя знаетъ также.

— Дай Богъ мнѣ встрѣтиться съ нимъ, — прервалъ Мацько, — потому что у меня съ нимъ личное дѣло.

— Ну, — отвѣтилъ Повала, — вѣдь и мы вызывали его, но онъ

отвѣтилъ, что его званіе не дозволяетъ ему драться па поединкѣ. Развѣ теперь, можетъ быть, позволитъ.

Завиша, который всегда говорилъ съ великою важностью, сказалъ на это:

— Онъ достанется тому, кому его Богъ предназначитъ.

Но Збышко изъ одного только любопытства сейчасъ же представилъ на судъ Завиши дѣло дяди и спросилъ, не въ достаточной ли степени онъ выполнилъ свой обѣтъ, вызвавъ и убивъ на поединкѣ другого Лихтенштейна, который выступилъ вмѣсто своего родственника. И всѣ присутствующіе крикнули, что этого вполнѣ довольно. Лишь только самъ свирѣпый Мацько, хотя и утѣшенный всеобщимъ рѣшеніемъ, все-таки сказалъ:

— Да, а все-таки я болѣе былъ бы увѣренъ въ вѣчномъ спасеніи, если бы встрѣтилъ самого Куно!

Потомъ рѣчь пошла о взятіи Гильгенбурга и о будущей большой битвѣ, которую ожидали скоро, потому что магистру ничего другого дѣлать не оставалось, какъ пересѣчь королю дорогу.

Когда рыцари ломали голову надъ тѣмъ, черезъ сколько дней можетъ наступить столкновеніе, къ нимъ приблизился худой и длинный рыцарь, въ черной суконной одеждѣ, съ черной же шапочкой на головѣ, и, раскрывая объятія, проговорилъ мягкимъ, почти женскимъ голосомъ:

— Привѣтъ тебѣ, рыцарь Збышко изъ Богданьца!

— Дё-Лоршъ!—воскликнулъ Збышко.—И ты здѣсь!

И онъ обнялъ его, потому что сохранилъ о немъ самыя лучшія воспоминанія, а потомъ радостно спросилъ:

— Ты здѣсь, на нашей сторонѣ?

— По той сторонѣ находится, можетъ быть, много гельдернскихъ рыцарей,—отвѣтилъ де-Лоршъ,—но я за Длуголясъ обязанъ служить господину моему, князю Янушу.

— Такъ послѣ стараго Николая ты владѣешь Длуголясомъ?

— Да. Послѣ смерти стараго Николая и сына его, который былъ убитъ подъ Бобровниками, Длуголясъ достался очаровательной Ягенкѣ, а она уже пять лѣтъ моя супруга и госпожа.

— Боже Ты мой!—удивился Збышко.—Ну, разсказывай, какъ это случилось.

Но де-Лоршъ, поздоровавшись со старикомъ Мацькомъ, отвѣтилъ только:

— Вашъ бывшій оруженосецъ, Гловачъ, сказалъ мнѣ, что я найду васъ здѣсь, а теперь онъ ждетъ васъ у меня въ палаткѣ

и присматриваетъ за ужиномъ. Правда, это далеко, на другомъ концѣ лагеря, но на коняхъ можно доѣхать скоро,—такъ поѣдемте со мной.

Потомъ, обратившись къ Повалѣ, съ которымъ онъ свелъ знакомство давно, еще въ Плоцкѣ, онъ добавилъ:

— И вы, благородный рыцарь. Для меня это будетъ великая честь и счастье.

— Хорошо,—отвѣтилъ Повала.—Пріятно поговорить со старымъ знакомымъ, а по дорогѣ мы кстати еще осмотримъ лагерь.

Они вышли, чтобы садиться на коней. Слуга де-Лорша накинулъ имъ на плечи плащи, которые, видимо, привезъ нарочно. Потомъ, приблизившись къ Збышку, онъ поцѣловалъ у него руку и сказалъ:

— Поклонъ и привѣтъ вамъ, господинъ. Я вашъ старый слуга, но въ темнотѣ вы не можете узнать меня. Помните ли вы Зандеруса?

— Ты ли это?—удивился Збышко.

И на минуту въ немъ ожили воспоминанія о пережитыхъ скорбяхъ, горестяхъ и прежнихъ несчастіяхъ съ такою ясностью, точно это было недѣли двѣ тому назадъ, когда, послѣ соединенія королевскихъ войскъ съ хоругвями князей мазовецкихъ, онъ встрѣтился со своимъ бывшимъ оруженосцемъ, Главою.

И онъ сказалъ:

— Зандерусъ! Эхъ! Помню и прежнія времена, и тебя! Что-жъ ты съ той поры дѣлалъ и гдѣ шатался? Развѣ ты уже не торгуешь святыней?

— Нѣтъ, господинъ. Вплоть до послѣдней весны я былъ причетникомъ при костелѣ въ Длуголясѣ, но такъ какъ мой покойный отецъ занимался военнымъ ремесломъ, то когда война вспыхнула, звонъ церковныхъ колоколовъ сразу мнѣ опротивѣлъ, зато пробудилась страсть къ желѣзу и стали.

— Что ты говоришь!—воскликнулъ Збышко, который никоимъ образомъ не могъ себѣ представить Зандеруса, являющагося на бой съ мечомъ, рогатиной или топоромъ.

А Зандерусъ сказалъ, подавая ему стремя:

— Годъ тому назадъ я, по приказу плоцкаго епископа, ходилъ въ прусскіе края и оказалъ этимъ значительную услугу, но о томъ я разскажу впослѣдствіи, а теперь садитесь на коня, потому что тотъ чешскій графъ, котораго вы называете Главою, ждетъ васъ съ ужиномъ въ палаткѣ моего господина.

Збышко сѣлъ на коня и поѣхалъ рядомъ съ де-Лоршемъ, чтобы разспросить его объ его похожденіяхъ.

— Я ужасно радъ, что ты на нашей сторонѣ,—сказалъ онъ,— но это удивляетъ меня, потому что ты служилъ у крестоносцевъ.

— Служатъ тѣ, которые получаютъ плату, — отвѣтилъ де-Лоршъ,—а я ея не получалъ. Нѣтъ, я пріѣхалъ къ крестоносцамъ съ тою только цѣлью, чтобъ искать приключеній и получить рыцарскій поясъ, который, какъ тебѣ извѣстно, и получилъ, но только изъ рукъ польскаго князя. Проживъ въ этой странѣ долгіе годы, я увидалъ, на чьей сторонѣ правда, а когда я еще при этомъ женился и поселился здѣсь, то какъ же я могъ бы выступить противъ васъ? Я ужъ совсѣмъ здѣсь освоился и посмотри, какъ выучился вашей рѣчи. Да что тутъ толковать! я даже и свою началъ забывать понемногу.

— А твои гельдернскія помѣстья? Я, кажется, слышалъ, что ты родственникъ тамошняго князя и владѣешь многими зàмками и селеніями.

— Всѣ права я уступилъ своему родственнику, Фулькону де-Лоршу, который заплатилъ мнѣ за это деньгами. Пять лѣтъ тому назадъ я былъ въ Гельдернѣ и привезъ оттуда значительную сумму, на которую купилъ землю въ Мазовіи.

— А какъ случилось, что ты женился на Ягенкѣ изъ Длуголяса?

— Ахъ! — отвѣтилъ де-Лоршъ. — Кто въ состояніи разгадать женщину? Она вѣчно насмѣхалась надо мною, но когда я уже пресытился этимъ и объявилъ, что съ горя поѣду на войну въ Малую Азію и больше уже не возвращусь, то она неожиданно расплакалась и сказала: «Тогда я пойду въ монашки». За эти слова я упалъ къ ея ногамъ, а спустя двѣ недѣли плоцкій епископъ благословилъ насъ во храмѣ.

— Дѣти у васъ есть?—спросилъ Збышко.

— Послѣ войны Ягенка собирается посѣтить гробъ вашей королевы Ядвиги, чтобъ испросить ея благословеніе, — со вздохомъ отвѣтилъ де-Лоршъ.

— Хорошо. Говорятъ, что это самый вѣрный способъ, и что въ такихъ вещахъ нѣтъ лучшей молитвенницы, чѣмъ наша святая королева. Рѣшительная битва разыграется черезъ нѣсколько дней, а потомъ будетъ миръ.

— Да.

— Но крестоносцы навѣрно считаютъ тебя измѣнникомъ?

— Нѣтъ!—сказалъ де-Лоршъ.—Ты знаешь, какъ я оберегаю

свою рыцарскую честь. Зандерусъ ѣздилъ въ Мальборгъ съ порученіями плоцкаго епископа, и я послалъ съ нимъ письмо къ магистру Ульриху, въ которомъ отказывался отъ службы и выяснялъ причины, по которымъ перешелъ на вашу сторону.

— Ахъ, Зандерусъ!—вскрикнулъ Збышко.—Онъ говорилъ, что ему опротивѣлъ звонъ колоколовъ, и что въ немъ пробудилась страсть къ желѣзу, и это меня удивило не мало, потому что сердце у него всегда было заячье.

Господинъ де-Лоршъ отвѣтилъ на это:

— Зандерусъ только тогда и имѣетъ дѣло со сталью или съ желѣзомъ, когда брѣетъ меня и моихъ оруженосцевъ.

— Только то?—спросилъ Збышко и расхохотался.

Нѣсколько минутъ они ѣхали молча, потомъ де-Лоршъ поднялъ глаза къ небу и сказалъ:

— Я просилъ васъ на ужинъ, но попадемъ мы развѣ только къ завтраку.

— Луна еще свѣтитъ,—отвѣтилъ Збышко.—Поѣдемъ.

Они поровнялись съ Мацькомъ и съ Повалой и поѣхали вчетверомъ по широкой лагерной улицѣ, которую всегда по приказанію вождей прокладывали между палатками и кострами, чтобъ оставить свободный проѣздъ. Желая достигнуть до мазовецкой хоругви, расположенной на другомъ концѣ лагеря, приходилось проѣхать по всей его длинѣ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Польша,—сказалъ Мацько,—еще не бывало такого войска, теперь сюда стеклись народы со всѣхъ концовъ земли.

— Ни одинъ король не выставитъ столько войска,—отвѣтилъ де-Лоршъ,—потому что ни одинъ не владѣетъ такимъ могучимъ государствомъ.

А старый рыцарь обратился къ Повалѣ изъ Тачева:

— Сколько, вы говорите, хоругвей пришло съ княземъ Витольдомъ?

— Сорокъ,—отвѣтилъ Повала,—нашихъ польскихъ вмѣстѣ съ мазурами пятьдесятъ, но не такъ многочисленныхъ, какъ у Витольда, потому что у него иногда и по нѣсколько тысячъ людей служатъ подъ однимъ знаменемъ. Гм!.. Мы слышали, что магистръ сказалъ, будто бы эта голь болѣе способна работать ложкою, чѣмъ мечомъ, и дай Богъ, чтобъ онъ вымолвилъ свои слова въ злую для себя минуту, потому что я думаю, что литовскія ложки жестоко окрасятся отъ орденской похлебки.

— А тѣ, мимо которыхъ мы теперь проѣзжаемъ, это кто такіе?—спросилъ де-Лоршъ.

— Это татары, ихъ привелъ данникъ Витольда, Саладинъ.

— Хороши они въ бою?

— Литва умѣетъ съ ними справляться, и подчинила себѣ значительную часть ихъ, и вотъ поэтому-то они и должны были явиться на войну, но западному рыцарству придется отъ нихъ плохо, потому что при бѣгствѣ они страшнѣе, чѣмъ при первомъ столкновеніи.

— Посмотримъ на нихъ поближе,—сказалъ де-Лоршъ.

И рыцари поѣхали по направленію къ кострамъ, окруженнымъ людьми съ совершенно голыми руками и одѣтыми, несмотря на лѣтнюю пору, въ овчинные тулупы шерстью вверхъ. Большая часть этихъ людей спала прямо на голой землѣ или на мокрой и дымящейся отъ жара соломѣ, но многіе сидѣли кучками у пылающихъ костровъ; одни коротали ночное время, распѣвая въ носъ дикія пѣсни и вторя себѣ ударами одной лошадиной кости о другую, что производило странный и непріятный звукъ, другіе наигрывали на бубнахъ или брянчали на натянутыхъ тетивахъ луковъ. Кто не спалъ, тотъ пожиралъ только что снятые съ огня дымящіеся, окровавленные куски мяса, причемъ дулъ на него выдающимися, синими губами. Вообще, они имѣли такой дикій и зловѣщій видъ, что ихъ скорѣе можно было принять за какія-нибудь ужасныя порожденія лѣса, чѣмъ за людей. Дымъ костровъ былъ ѣдокъ отъ капающаго въ огонь конскаго и бараньяго жира, а, кромѣ того, вокругъ расходился невыносимый смрадъ жженой шерсти, просыхающихъ тулуповъ и тошнотворный запахъ свѣже-содранныхъ шкуръ и крови. На другой, темной сторонѣ улицы, стояло нѣсколько сотенъ лошадей, которыя имѣлись подъ руками для ближайшихъ разъѣздовъ. Эти лошади, выщипавъ всю траву изъ-подъ ногъ, теперь грызлись другъ съ другомъ, пронзительно визжа и храпя, а конюхи усмиряли ихъ крикомъ и бичами изъ невыдѣланной кожи.

Въ одиночку кому-нибудь не безопасно было проникнуть къ татарамъ, потому что эти дикари славились своею необыкновенною хищностью. За ними стояли не менѣе дикія ватаги бессарабцевъ, съ рогами на головахъ, длинноволосыхъ валаховъ, вмѣсто панцырей носящихъ на груди и на плечахъ деревянныя доски съ неуклюжими изображеніями упырей, скелетовъ или звѣрей; дальше стояли сербы. Ихъ лагерь, теперь объятый сномъ, въ теченіе дня представлялся какою-то сплошною огромною лютней, такъ много въ

немъ было флейтъ, балалаекъ, дудокъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ.

Костры свѣтили, а на небѣ среди тучъ, которыя разсѣивалъ крѣпкій вѣтеръ, свѣтилась большая ясная луна, и при этомъ-то свѣтѣ наши рыцари осматривали лагерь. За сербами стояла несчастная Жмудь. Нѣмцы источили изъ нея потоки крови, но тѣмъ не менѣе на каждый призывъ Витольда, она рвалась къ новому бою. И теперь, какъ бы въ предчувствіи, что несчастія ея скоро кончатся разъ навсегда, она явилась сюда проникнутая духомъ того Скирвоиллы, одно имя котораго охватывало нѣмцевъ бѣшенствомъ и тревогою. Жмудинскіе костры почти сливались съ польскими, ибо это былъ тотъ же самый народъ, съ тѣми же обычаями и языкомъ.

При въѣздѣ въ литовскій лагерь рыцари наши были поражены печальной картиной: на висѣлицѣ, сбитой изъ кругляковъ, висѣли два человѣческихъ трупа, которые вѣтеръ крутилъ и подбрасывалъ съ такой силой, что столбы висѣлицы качались и жалобно скрипѣли. Лошади при видѣ труповъ захрапѣли и слегка присѣли на заднія ноги, рыцари набожно перекрестились, а когда проѣхали мимо, Повала сказалъ:

— Князь Витольдъ былъ вмѣстѣ съ королемъ, а я былъ при королѣ, когда привели этихъ преступниковъ. Епископы и владѣльцы имѣній еще раньше жаловались, что Литва черезчуръ ужъ свирѣпо воюетъ и даже костеламъ не даетъ пощады. И вотъ, когда привели этихъ (они были люди значительные, только, бѣдняки, провинились въ святотатствѣ), князь до такой степени возгорѣлся гнѣвомъ, что на него и взглянуть было страшно, и приказалъ имъ повѣситься. Несчастные сами должны были устраивать себѣ висѣлицу и сами повѣсились, да при этомъ еще одинъ подгонялъ другого: «ну, поскорѣй, а то князь разгнѣвается еще больше». И страхъ палъ на всѣхъ татаръ и литвиновъ, потому что они не смерти боятся, а княжескаго гнѣва.

— Да, я помню,—сказалъ Збышко,—когда король (это было въ Краковѣ) разгнѣвался на меня за Лихтенштейна, то молодой князь Ямонтъ, который былъ приближеннымъ короля, совѣтовалъ мнѣ сейчасъ же повѣситься. И онъ давалъ мнѣ этотъ совѣтъ отъ чистаго сердца, хотя я вызвалъ бы его на поединокъ на утоптанной землѣ, если бы, какъ вы знаете, мнѣ и безъ того не хотѣли отрубить голову.

— Князь Ямонтъ теперь уже обучился рыцарскимъ обычаямъ, — замѣтилъ Повала.

Разговаривая такъ, они миновали громадный польскій лагерь и три блестящихъ русскихъ полка, изъ которыхъ самымъ многочисленнымъ былъ смоленскій, и въѣхали въ предѣлы польскаго лагеря. Тамъ стояло пятьдесятъ хоругвей,—ядро и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цвѣтъ всѣхъ войскъ. Оружіе здѣсь было совершеннѣе, кони большаго роста, рыцарство лучше обученное, ни въ чемъ не уступающее западному. Эти обитатели Великой и Малой Польши тѣлесною силою, нечувствительностью къ холоду, къ голоду и военнымъ неудобствамъ значительно превышали избалованныхъ воиновъ Запада. Обычаи ихъ были проще, панцыри болѣе грубой работы, зато закалъ ихъ былъ крѣпче, а ихъ презрѣніе къ смерти и неизмѣримое упорство въ бою въ свое время не разъ приводили въ изумленіе прибывавшихъ издалека французскихъ и англійскихъ рыцарей.

Де-Лоршъ, который польское рыцарство зналъ издавна, говорилъ такъ:

— Здѣсь вся сила и вся надежда. Я помню, какъ въ Мальборгѣ не разъ жаловались, что въ битвѣ съ вами каждую пядь земли нужно окупать рѣкою крови.

— Кровь и теперь поплыветъ рѣкою, — отвѣтилъ Мацько,— потому что и Орденъ никогда не собиралъ такой силы.

А Повала сказалъ на это:

— Рыцарь Кожбугъ, который ѣздилъ къ магистру съ письмами короля, разсказывалъ, что крестоносцы говорятъ, будто ни римскій цезарь, ни какой другой владыка не имѣютъ такой силы, и что Орденъ могъ бы завоевать всѣ королевства.

— Да, а насъ больше! — сказалъ Збышко.

— Можетъ быть, но они ни во что не ставятъ войска Витольда, говорятъ, что этотъ народъ вооруженъ чѣмъ попало и что отъ перваго удара онъ сокрушится, какъ глиняный горшокъ подъ молоткомъ. А правда это или неправда, я не знаю.

— И правда, и неправда,—отозвался опытный Мацько.—Мы съ Збышкомъ знаемъ ихъ, потому что воевали съ ними вмѣстѣ. Пожалуй, оружіе у нихъ хуже, кони роста малаго, иногда случается, что они не выдерживаютъ рыцарскаго напора, но сердца у нихъ храбрыя, можетъ быть, даже болѣе мужественныя, чѣмъ у нѣмцевъ.

— Въ скоромъ времени это обнаружится, — сказалъ Повала. — У короля слезы рѣкой текутъ при мысли, что должно пролиться столько христіанской крови, и онъ до послѣдней минуты готовъ былъ бы заключить почетный миръ, но гордыня крестоносцевъ не допуститъ до этого.

— Истинная правда! Я знаю крестоносцевъ, да и всѣ мы зна-

емъ ихъ, — подтвердилъ Мацько. — Богъ наладилъ уже вѣсы, на которые изольетъ нашу кровь и кровь врага нашего племени.

Они были уже не далеко отъ мазовецкихъ хоругвей, среди которыхъ возвышались палатки господина де-Лорша, когда вдругъ посреди «улицы» замѣтили порядочную кучку людей, столпившихся вмѣстѣ и смотрѣвшихъ на небо.

— Стойте! Стойте! — крикнулъ какой-то голосъ изъ середины толпы.

— Кто это говоритъ и что вы тутъ дѣлаете?—спросилъ Повала.

— Клобуцкій пробощъ. А вы кто будете?

— Повала изъ Тачева, рыцари изъ Богданьца и господинъ де-Лоршъ.

— Ахъ, это вы, — сказалъ таинственнымъ голосомъ пробощъ, подходя къ коню Повалы. — Взгляните только на луну и посмотрите, что на ней дѣлается! Вѣщая эта ночь и дивная ночь!

Рыцари подняли головы и начали внимательно смотрѣть на луну, которая уже поблѣднѣла и близилась къ закату.

— Я ничего не могу различить,—сказалъ Повала.—А вы что видите?

— Монахъ въ капюшонѣ сражается съ королемъ въ коронѣ. Смотрите! Вотъ тамъ! Во имя Отца и Сына и Святого Духа! О, съ какимъ остервенѣніемъ они дерутся... Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Наступила тишина, потому что всѣ затаили дыханіе въ груди.

— Смотрите! Смотрите! — восклицалъ ксендзъ.

— Правда! Что-то такое есть! — сказалъ Мацько.

— Правда! правда! — подтвердили другіе.

— А! король повалилъ монаха!—вдругъ крикнулъ пробощъ.— Ногу на него поставилъ! Да будетъ благословенно имя Іисуса Христа!

— Во вѣки вѣковъ.

Въ эту минуту огромная черная туча заволокла луну, ночь потемнѣла и только огонь костровъ кровавыми пасмами, дрожа, перерѣзывалъ дорогу.

Рыцари двинулись далѣе и когда уже отдалились отъ толпы, Повала спросилъ:

— Вы видѣли что-нибудь?

— Сначала ничего, — отвѣтилъ Мацько, — но потомъ я ясно видѣлъ и короля, и монаха.

— И я.

— И я.

— Знакъ Божій, — отозвался Повала. — Да! Видно, несмотря на слезы нашего короля, миру не бывать.

— А битва будетъ такая, какой свѣтъ не запомнитъ, — сказалъ Мацько.

И они ѣхали впередъ въ молчаніи, съ сердцами, преисполненными сознанія важности и торжественности наступающаго дня.

Когда они были уже недалеко отъ палатки господина де-Лорша, вихрь снова рванулъ съ такою силою, что во мгновеніе ока по раскидалъ костры мазуровъ. Въ воздухѣ тысячами носились головни, горящія щепки, искры, и все это было заслонено густымъ дымомъ.

— Охъ, какъ дуетъ! — говорилъ Збышко, поправляя плащъ, который вѣтеръ закидывалъ ему на голову.

— А въ вихрѣ слышатся словно стоны и человѣческій плачъ.

— Разсвѣтъ уже близокъ, но никто не знаетъ, что принесетъ будущій день, — проговорилъ де-Лоршъ.

В. М. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

*
* *

Какъ чисто, какъ свѣжо, какъ тихо утро лѣта!
Съ востока облаковъ клубится череда,
Чуть брезжетъ полоса туманнаго разсвѣта
И неугасшая бѣлѣется звѣзда;
Земля еще кругомъ росистой мглой одѣта.
Привѣтъ тебѣ, о, день заботы и труда,
Привѣтъ тебѣ, зари торжественной явленье—
Залогъ безсмертія и вѣчнаго движенья!

Послушные волы влекутъ мой тяжкій плугъ,
И рыхлая земля взрѣзается браздами,
И пахнетъ зеленью душистою вокругъ,
Землистой сыростью и взрытыми корнями.
Работа тяжела, но сладостенъ досугъ,
Когда, изнеможенъ привычными трудами,
Предамся отдыху заслуженному я
Въ тѣни дуплистыхъ ивъ у соннаго ручья.

Михаилъ Жемчужниковъ.

Главнѣйшіе представители дарвинизма въ Западной Европѣ *).

III.

Эрнстъ Гэккель.

Уже одно то, что среди нѣмецкихъ ученыхъ можно насчитать сотни дарвинистовъ, заставляетъ насъ предположить, что къ принятію этого ученія въ Германіи былъ данъ сильный толчокъ. И дѣйствительно, такой толчокъ былъ данъ Эрнстомъ Гэккелемъ, который своимъ горячимъ словомъ разбудилъ нѣмецкихъ натуралистовъ и двинулъ на путь новыхъ изслѣдованій длинные ряды ихъ грядущихъ поколѣній. Но дарвинизмъ въ рукахъ Гэккеля значительно измѣнилъ свою форму, и не все то, что сдѣлалъ Гэккель на этой почвѣ, можетъ встрѣтить положительную оцѣнку. Однако, какъ мы сейчасъ увидимъ, причину этого надо искать въ исторіи біологическихъ наукъ въ Германіи. Дарвинизмъ долженъ былъ здѣсь привиться и развиться на особой почвѣ, вскормившей свое собственное научное міровоззрѣніе и, какъ ученіе пришлое, конечно, долженъ былъ болѣе или менѣе считаться съ историческими традиціями страны. Эти традиціи остались отъ натурфилософской школы и намъ надо начать съ напоминанія основъ натурфилософіи.

Натурфилософская школа беретъ свое начало въ идеализмѣ Фихте, который, не признавая существованія внѣшняго для насъ міра независимо отъ нашего мышленія, утверждалъ, что если бы не было мыслящаго, представляющаго субъекта, не было *я*, то не было бы и *не-я* (всего для насъ внѣшняго). Слѣдомъ за Фихте пошелъ Шеллингъ, который еще рѣзче выразилъ основную идею Фихте и утверждалъ, что безусловная основа и источникъ всякаго знанія, независимые ни отъ чего, а тѣмъ менѣе отъ внѣшняго міра, есть *я*. При этомъ онъ прибавляетъ, что подъ этимъ *я* должно разумѣть не то или другое мыслящее существо, не тотъ или другой субъектъ, а абсолютное *я*. Вся природа есть только воспроизведеніе,

*) *Русская Мысль*, кн. II, 1900 г.

такъ сказать отпечатокъ, мышленія этого абсолютнаго *я*, абсолютнаго субъекта, и потому, по мнѣнію Шеллинга, философствовать о природѣ, значитъ творить природу. Переводя это на болѣе понятный языкъ, можно сказать, что природа представляетъ собою какъ бы отпечатокъ мышленія творческаго духа, абсолютнаго субъекта. Но такъ какъ конкретный субъектъ, т.-е. каждый изъ насъ, по существу тожественъ съ абсолютнымъ субъектомъ, то, слѣдовательно, для того, чтобы познать природу, вовсе нѣтъ надобности изучать ее путемъ наблюденія и опыта. Достаточно правильно мыслить и то, что является отпечаткомъ мышленія творческаго духа, станетъ нашимъ достояніемъ.

Не трудно видѣть, что это ученіе, вмѣстѣ съ отрицаніемъ наблюденія и опыта, вносило въ науку полный просторъ для фантазіи. Раціональнымъ путемъ познанія природы считался путь чистаго мышленія, и потому даже тѣ натуралисты, которые прежде чѣмъ стали философствовать о природѣ наблюдали ея явленія, старались совершенно отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ познаній и выдавали свои выводы исключительно за такіе, которые были добыты какъ продуктъ чистаго мышленія. Эта игра въ прятки какъ съ самимъ собою, такъ и съ другими повела еще къ новому злу: языкъ такихъ сочиненій сталъ крайне туманнымъ и неяснымъ; начали играть словами и въ этой игрѣ видѣли почти-что сущность науки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это направленіе привело бы къ полному крушенію развитія естественныхъ наукъ въ Германіи, если бы между натурфилософами не сохранилось нѣсколько выдающихся натуралистовъ, которые, не считая эмпирическій путь изслѣдованія за научный, тѣмъ не менѣе не только философствовали о природѣ, но и изучали ее. Таковы были Окенъ, Карусъ и немногіе другіе. Они были всецѣло проникнуты однимъ положеніемъ натурфилософіи—стремленіемъ вездѣ отыскивать единство, но даже и это положеніе дало имъ возможность оставить по себѣ продолжительный слѣдъ въ наукѣ, такъ велики были ихъ спеціальныя познанія. Окенъ считается, между прочимъ, основателемъ такъ называемой позвоночной теоріи черепа, т.-е. теоріи, которая учила, что черепъ состоитъ изъ нѣкотораго числа позвонковъ, и хотя эта теорія теперь совершенно оставлена, однако, она, безъ сомнѣнія, привела къ современному ученію, что головной конецъ тѣла животнаго первоначально является такъ же сегментированнымъ, какъ и туловище. Окенъ оставилъ также послѣ себя «Всеобщую естественную исторію», гдѣ собралъ свѣдѣнія, добытыя его предшественниками, провѣрилъ ихъ критически и даже пополнилъ личными наблюденіями.

Карусъ сдѣлалъ еще больше для науки и далъ много хорошихъ работъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ свою очередь былъ послѣдователемъ Шеллинга и задался, между прочимъ, задачей построить a priori всѣ формы скелета, какъ будто онъ ихъ никогда не зналъ и не видѣлъ. Неизвѣстно, каковы были бы выводы Каруса, еслибъ онъ дѣйствительно не имѣлъ понятія о строеніи скелета; но такъ какъ отрѣшиться отъ своихъ познаній онъ не могъ, то понятно, что его выводы, добытые яко бы чисто-раціональнымъ

путемъ отвлеченнаго мышленія, подошли къ тому, что̀ существуетъ въ природѣ, т.-е. къ тому, что онъ зналъ изъ наблюденія.

Что касается другихъ натуралистовъ той же школы, но не той эрудиціи, какъ Окенъ и Карусъ, то они пустились почти исключительно въ область отвлеченій, довольствуясь самыми малочисленными и поверхностными наблюденіями. Стремленіе не *изучать*, а *строить* природу, не знакомиться съ тѣмъ, какова она есть, а какова должна быть, вошло въ плоть и кровь нѣмецкихъ натурфилософовъ и заразило собою даже такіе сильные умы, какъ В. Гётте. Отсюда тѣ широкіе наброски постепеннаго развитія органическаго міра, въ которыхъ ищутъ начало современнаго эволюціоннаго ученія, забывая, что между этими набросками и современнымъ эволюціонизмомъ лежитъ цѣлая бездна по методу ихъ построенія. Никто не скажетъ, почему Окену пришла мысль о началѣ жизни въ видѣ первичной слизи или о томъ, что углеродъ составляетъ основное вещество органическаго міра. Это было плодомъ именно построенія природы въ четырехъ стѣнахъ кабинета, а не ея изученія. Напротивъ, современный эволюціонизмъ исходитъ изъ фактовъ, опирается на факты и неохотно выходитъ за предѣлы фактовъ.

Къ счастью, натурфилософы зашли такъ далеко въ своемъ философствованіи о природѣ, что это вызвало реакцію, въ результатѣ которой начали опять накопляться фактическія данныя. Реакція въ свою очередь достигла огромныхъ размѣровъ, и въ лицѣ Кювье натуралисты, не подчинившіеся вліянію натурфилософской школы, стали отрицать необходимость и возможность даже обобщенія фактовъ. Девизомъ ихъ стало — nommer, classer et décrire. На почвѣ этой реакціи возникъ споръ между Э. Ж. Ст. Илеромъ и Кювье объ измѣняемости видовъ, и даже идеи Ст. Илера показались столь смѣлыми и выходящими изъ области фактовъ, что ихъ не нашли возможнымъ принять. Все это была, конечно, другая крайность, но пользу ея нельзя отрицать, оглядываясь на эту эпоху безпристрастнымъ взглядомъ: за предѣлами Германіи это похоронило натурфилософское направленіе и дало возможность создаться почвѣ, пригодной для истинно научныхъ теорій.

Къ сожалѣнію, въ Германіи этой почвы не создалось сразу, хотя реакція противъ натурфилософіи и здѣсь выразилась достаточно сильно. Такъ Меккель, сначала находившійся подъ вліяніемъ натурфилософіи, потомъ вполнѣ освободился отъ нея; тѣмъ же путемъ шли Тидеманъ и Боянусъ. Но особенно большимъ значеніемъ пользовался І. Мюллеръ, вліяніе котораго въ Германіи было не меньше, чѣмъ вліяніе Кювье во Франціи, а что касается научнаго значенія, такъ трудно сказать, на чьей сторонѣ было первенство. Если Кювье со своими обширными сравнительно-анатомическими познаніями могъ внести новый, строго научный метотъ въ изученіе ископаемыхъ остатковъ организмовъ и тѣмъ самымъ являлся основателемъ палеонтологіи, то І. Мюллеръ не менѣе сдѣлалъ для экспериментальной физіологіи и сравнительной анатоміи. Подъ его вліяніемъ и отчасти даже подъ его прямымъ руководствомъ воспиталось нѣсколько поколѣній нѣмецкихъ физіологовъ, онъ же былъ, между прочимъ, и учителемъ Э. Гэккеля. Осо-

бенно цѣнные результаты въ области сравнительной анатоміи І. Мюллеръ далъ тѣмъ, что внесъ въ эту науку какъ микроскопическое изученіе строенія тканей, такъ и исторію развитія животныхъ.

Разъ правильный путь научнаго изслѣдованія былъ указанъ, не заставили себя ждать и изслѣдователи. Ратке, Зибольдъ, Лейкартъ, Лейдигъ, Гегенбауръ, изъ коихъ послѣдній еще живетъ и понынѣ, дали цѣлый рядъ работъ въ направленіи, указанномъ І. Мюллеромъ, и въ нихъ нѣтъ и тѣни вліянія натурфилософіи. Но вообще натурфилософія не совсѣмъ вывелась въ Германіи; попутно, въ юные годы, ей и теперь платятъ дань многіе изъ современныхъ нѣмецкихъ натуралистовъ, но особенно сильно сказалась она на Гэккелѣ, къ которому мы теперь и переходимъ.

Эрнстъ Генрихъ Гэккель родился въ 1834 году, получилъ образованіе въ Берлинскомъ и Вюрцбургскомъ университетахъ. Здѣсь онъ слушалъ лекціи и работалъ у І. Мюллера, Генриха Мюллера, Вирхова, Кёлликера и Лейдига; въ Берлинѣ слушалъ, между прочимъ, лекціи и по натурфилософіи (de philosophia naturali). Въ 1857 г. Гэккель защитилъ диссертацію на степень доктора медицины и хирургіи (о гистологическомъ строеніи рѣчного рака), затѣмъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ І. Мюллера, занимавшагося радіоляріями, далъ прекрасную монографію послѣднихъ животныхъ. Эта монографія сразу выдвинула Гэккеля на видное мѣсто среди зоологовъ тогдашняго времени, такъ какъ изслѣдованіе радіолярій было произведено имъ крайне тщательно, несмотря на то, что представляло большія трудности. За этими работами послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, но наблюденія, положенныя въ ихъ основу, становились все поверхностнѣе и поверхностнѣе, и такъ какъ въ то же время Гэккель выступилъ со своими общими дарвинистическими трудами, то можно даже прослѣдить, какъ собственно научныя изслѣдованія этого натуралиста становились все болѣе и болѣе поверхностными съ фактической стороны, по мѣрѣ того какъ общія соображенія брали верхъ надъ частностями. Виноватъ въ этомъ не дарвинизмъ, а то зерно натурфилософіи, которое было брошено въ Гэккеля въ его студенческіе годы. Не говоря уже о «Происхожденіи видовъ» Дарвина, изъ котораго Гэккель долженъ былъ вынести ясное представленіе о методѣ Дарвина, передъ Гэккелемъ было наилучшее для своего времени изложеніе Дарвинова ученія, сдѣланное его соотечественникомъ Роллетомъ. Но все это прошло, такъ сказать, мимо Гэккеля. Скромный тонъ, которымъ Дарвинъ говоритъ въ своемъ «Происхожденіи видовъ», не удовлетворилъ молодого нѣмецкаго ученаго (ему было всего около тридцати лѣтъ); объясненіе Дарвина ему показалось недостаточно широкимъ и вотъ, объявивъ себя послѣдователемъ Дарвина, онъ хочетъ основать и развить дарвинизмъ. Ничего подобнаго не вышло и въ концѣ-концовъ получилась только переодѣтая натурфилософія, то направленіе, которое можно назвать гэккелизмомъ. Направленіе Гэккеля діаметрально противоположно тому, которое имѣется у Дарвина. Послѣдній всегда начинаетъ съ частныхъ фактовъ, опирается на наблюденія, которыя старается расширить сколько возможно, и въ своихъ

выводахъ даетъ только обобщенія извѣстныхъ фактовъ. Идя далѣе фактовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Дарвинъ усиленно подчеркиваетъ границу между теоретической и гипотетической частью своего ученія, отличая вѣроятное отъ достовѣрнаго. Совсѣмъ не то мы находимъ у Гэккеля, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ общія положенія и затѣмъ построеніе природы въ духѣ сошедшей со сцены натурфилософіи.

Вся «Общая морфологія» Гэккеля есть не что иное, какъ нанизываніе другъ на друга ничѣмъ не доказанныхъ общихъ положеній. Прежде всего авторъ приступаетъ къ вопросу о происхожденіи организмовъ и отвѣчаетъ на него, что сначала должно было появиться органическое вещество, изъ котораго должны были образоваться организмы. Какое органическое вещество—на этомъ онъ не останавливается. Но зато онъ говоритъ, что оно должно было образоваться путемъ соединенія простыхъ химическихъ элементовъ. А такъ какъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ органическихъ тѣлъ, является углеродъ, то главную роль въ образованіи органическаго вещества долженъ былъ играть углеродъ. Онъ же долженъ былъ опредѣлять собою и форму органическихъ тѣлъ. И это-то собраніе произвольныхъ и фантастическихъ положеній Гэккель назвалъ *углеродной теоріей*. Почему углероду отведено такое почетное мѣсто въ процессѣ образованія живыхъ организмовъ—сказать трудно. К. Семперъ, представившій въ свое время безпощадную критику гэккелизма, говоритъ, что Гэккель остановился на углеродѣ просто потому, что органическую химію часто называютъ химіею углеродистыхъ соединеній. Проф. Борзенковъ думаетъ, что Гэккель исходилъ въ данномъ случаѣ изъ одного положенія океновской натурфилософіи, гдѣ стоитъ, что основное вещество органическаго міра есть углеродъ. Какъ бы то ни было, теперь мы знаемъ, на основаніи дѣйствительно научныхъ соображеній Пфлюгера, что образованіе бѣлковыхъ молекулъ, а вмѣстѣ съ ними и живыхъ молекулъ, вѣроятно, было связано съ радикаломъ ціаномъ и слѣдовательно углеродъ самъ по себѣ не имѣлъ въ этомъ случаѣ значенія.

Затѣмъ, рѣшивъ вопросъ объ образованіи органическаго вещества, Гэкэль подходитъ къ вопросу о первичномъ появленіи организмовъ. Эти простѣйшія существа, еще не животныя и не растенія, онъ называетъ протистами и предлагаетъ даже выдѣлить ихъ въ особое царство протистовъ. Не должно думать, что всѣ они построены сходно между собою: одни изъ нихъ не заслуживаютъ даже названія клѣточки, такъ какъ не имѣютъ ядра, это такъ называемые монеры; другіе уже имѣютъ ядро. Отъ монеръ черезъ высшихъ протистовъ и начинается генеалогія всѣхъ живыхъ существъ, и какъ свободно Гэккель распоряжается съ построеніемъ этой генеалогіи уже достаточно ясно изъ того, какъ легко онъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи организмовъ.

Чтобы показать, что царство протистовъ въ томъ видѣ, какъ его понималъ Гэккель, не существуетъ, достаточно отмѣтить, что у большинства гэккелевскихъ монеръ, т.-е. безъядерныхъ клѣтокъ, потомъ были найдены

ядра, т.-е. попросту Гэккель проглядѣлъ эти ядра благодаря поверхностному изслѣдованію и еще благодаря предвзятой идеѣ, что такіе организмы должны быть. Точно такъ же предвзятая идея, что все животное царство прошло въ своемъ развитіи черезъ двуслойную стадію, когда организмъ состоялъ только изъ двухъ листковъ, наружнаго и внутренняго, заставила Гэккеля искать такихъ двуслойныхъ животныхъ и онъ думалъ, что нашелъ ихъ въ губкахъ. Между тѣмъ оказалос , что губки вовсе не двуслойны, а трехслойны, что и здѣсь Гэккель опять плохо наблюдалъ. Впрочемъ, монографія губокъ интересна и въ другомъ отношеніи: здѣсь Гэккель описываетъ развитіе известковой губки въ такомъ видѣ, что, читая это описаніе, непремѣнно подумаешь, что онъ прослѣдилъ всѣ стадіи развитія названнаго животнаго. Между тѣмъ, спустя немного послѣ появленія этой работы, Мечниковъ доказалъ, что часть рисунковъ, иллюстрирующихъ развитіе губки, не вѣрна, другая прямо противоположна дѣйствительности и что, слѣдовательно, Гэккель выдалъ за наблюденные факты лишь свои догадки о томъ, какъ должно было идти развитіе губки.

Такимъ образомъ, въ указанныхъ работахъ Гэккель явился всѣмъ, чѣмъ угодно, только не дарвинистомъ, такъ какъ Дарвинъ прежде всего училъ внимательно изучать факты, тщательно подбирать ихъ и отнюдь не мѣшать догадокъ и предположеній съ дѣйствительно извѣстнымъ. Повидимому, завѣты І. Мюллера и его трезвыхъ современниковъ не особенно дороги были Геккелю и онъ съ истиннымъ увлеченіемъ молодости бросился въ построеніе фантастическихъ теорій, стремясь нарисовать общую картину развитія органическаго міра, на что въ его рукахъ не было никакихъ данныхъ. Какъ мы сейчасъ увидимъ, одно изъ созданныхъ имъ положеній еще болѣе облегчало ему эту задачу.

Это положеніе Гэккель вывелъ въ своей «Антропогеніи», которую онъ посвятилъ изученію развитія человѣка. Разъ въ науку вошла идея о кровномъ сродствѣ организмовъ и о постепенномъ развитіи животнаго міра изъ одного общаго корня, естественно, что стало возможнымъ развитіе каждаго животнаго разсматривать съ двухъ сторонъ: 1) со стороны развитія индивидуальнаго, безъ всякаго отношенія къ другимъ животнымъ, 2) со стороны развитія филетическаго, отыскивая въ развитіи каждаго животнаго указанія на его сродство съ другими, низшими формами. Зная индивидуальное развитіе разныхъ животныхъ, можно безъ труда замѣтить, что нѣкоторыя стадіи этого развитія представляютъ извѣстную долю сходства съ взрослыми животными другихъ группъ. Можно даже пойти еще далѣе и замѣтить, что болѣе раннія стадіи напоминаютъ собою и болѣе низко организованныя формы. Само собою разумѣется, все это даетъ драгоцѣнное указаніе на эволюціонную исторію каждаго животнаго отдѣльно и цѣлыхъ группъ. Но пользоваться этими данными надо съ крайней осторожностью. Назовемъ вмѣстѣ съ Гэккелемъ индивидуальное развитіе онтогеніей и эволюціонное развитіе отъ какого-нибудь отдаленнаго предка—филогеніей. Онтогенія, конечно, представляетъ собою нѣчто извѣстное, филогенія—

неизвѣстное, и само собою разумѣется, что если одно объяснять другимъ, то филогенію слѣдуетъ объяснять онтогеніей, какъ все неизвѣстное или мало извѣстное хорошо извѣстнымъ. Но Гэккель пошелъ другимъ путемъ: беря человѣка, исторія развитія котораго не только 40—30 лѣтъ тому назадъ, но и теперь изучена все еще недостаточно, онъ внесъ въ свой трудъ положеніе, что онтогенетическое или индивидуальное развитіе представляетъ собою въ сокращенномъ видѣ повтореніе развитія филогенетическаго или развитія типа. Чтобы судить о томъ, какъ самъ Гэккель смотрѣлъ на это свое положеніе, достаточно сказать, что онъ назвалъ его «основнымъ біогенетическимъ закономъ» и что $^9/_{10}$ всѣхъ работъ Гэккеля построены на примѣненіи этого закона. Между тѣмъ, очевидно, что этотъ законъ совершенно фантастическій: устанавливая его, самъ Гэккель дѣлаетъ замѣчаніе, что только въ рѣдкихъ случаяхъ онтогенетическое повтореніе филогенетическаго развитія бываетъ полнымъ и вѣрнымъ; въ большинствѣ случаевъ оно неполно и испорчено, фальсифицировано, по словамъ самого Гэккеля. Но что же это за фальсификація природы? Возможна ли вообще фальсификація тамъ, гдѣ въ дѣло не замѣшано какое-нибудь разумное существо, гдѣ все должно происходить на основаніи опредѣленныхъ законовъ, проявляющихся въ развитіи какъ органическаго, такъ и неорганическаго міра.

Затѣмъ, извѣстно теперь и извѣстно было въ 60-хъ годахъ, что развитіе зародышей животныхъ представляетъ множество особенностей приспособленія къ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ проходитъ ихъ существованіе. Въ этихъ особенностяхъ лежитъ гарантія сохраненія зародышей, которые еще легче подвергаются вредному воздѣйствію окружающихъ условій, нежели взрослые организмы. Эти особенности приспособленія до того важны для существованія зародышей, что часто въ значительной степени подавляютъ собою наслѣдственныя черты той же организаціи, и потому, говоря словами Дарвина, въ зародышѣ нельзя видѣть ничего больше, какъ крайне несовершенный, потускнѣвшій портретъ предка извѣстнаго животнаго. Не о фальсификаціи долженъ былъ говорить Гэккель, а о несовершенствѣ воспроизведенія зародышевыми стадіями историческаго ряда предковъ. Ему надо было не устанавливать біогенетическій законъ, въ основу коего было положено объясненіе доступнаго для наблюденія недоступнымъ и неизвѣстнымъ, а лишь подчеркнуть наслѣдственную передачу зародышамъ нѣкоторыхъ особенностей ихъ предковъ. Этого было бы совершенно достаточно для упроченія его славы не только какъ хорошаго наблюдателя, но и какъ натуралиста, изучающаго природу строго научнымъ путемъ. Между тѣмъ въ той же «Антропогеніи» Гэккель еще легче относится къ наблюденію и непосредственному изученію явленій природы, нежели въ «Общей морфологіи».

Въ подтвержденіе своего основного біогенетическаго закона онъ даетъ рисунки, иллюстрирующіе развитіе человѣка, и здѣсь на ряду съ изображеніями дѣйствительно наблюдавшихся стадій развитія приводитъ изображенія другихъ, которыя не наблюдались. Мало этого: Гисъ показалъ, что

Гэккель въ «Антропогеніи» даже произвольно измѣнялъ рисунки, обнародованные другими зоологами, въ цѣляхъ приспособленія ихъ къ доказательству справедливости своихъ воззрѣній. Такой безцеремонности до Гэккеля не наблюдалось въ нашей наукѣ и надо радоваться, что его вліяніе было не настолько сильно, чтобы привить тотъ же пріемъ доказательствъ къ болѣе молодымъ натуралистамъ.

Такимъ образомъ, въ двухъ послѣдовательныхъ сочиненіяхъ, долженствовавшихъ объяснить развитіе органическаго міра до человѣка включительно, Гэккель совершенно сошелъ съ пути точнаго, историческаго изслѣдованія и далъ цѣлый рядъ общихъ положеній, не оправдываемыхъ фактами. Помимо ненаучности этого пріема, они въ то же время совершенно для насъ непонятны. Естественно, что тотъ, кто писалъ для большой публики, хотѣлъ дать болѣе полную и цѣльную картину эволюціи органическаго міра. Но картина не пострадала бы, если бы въ ней было сдѣлано рѣзкое различіе между хорошо извѣстнымъ и существующимъ съ одной стороны, и неизвѣстнымъ, но допустимымъ, возможнымъ—съ другой. Никто не можетъ ожидать, что изслѣдованіе органическаго міра закончено теперь, или, тѣмъ менѣе, было закончено во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда «Общая морфологія» и «Антропогенія» Гэккеля вышли первымъ изданіемъ. Даже болѣе того: мы не ждемъ ни въ ближайшемъ, ни въ отдаленномъ будущемъ возможности такого полнаго заключенія біологическихъ изслѣдованій, послѣ котораго останется только написать результатъ произведенныхъ изслѣдованій, сложивъ самыя ислѣдованіи подъ спудъ. Научное изслѣдованіе привлекаетъ именно возможностью исправленія старыхъ ошибокъ и пріобрѣтенія новыхъ свѣдѣній. Мы не можемъ ожидать, чтобы какая-нибудь грань положила предѣлъ нашему постепенному ознакомленію съ законами природы. Если же не искать эти законы, а предписывать ихъ, въ такомъ случаѣ у насъ нѣтъ будущности для науки, какъ не можетъ быть ни настоящаго, ни прошлаго, ни будущаго тамъ, гдѣ царитъ догматизмъ.

Наиболѣе распространенное сочиненіе Гэккеля вышло въ 1868 г. подъ громкимъ названіемъ «Natürliche Schöpfungsgeschichte» и по сіе время выдержало уже девять изданій, увеличась приблизительно вдвое въ объемѣ противъ своего первоначальнаго вида. Въ сущности это рядъ лекцій, отчасти историческаго, отчасти общебіологическаго содержанія, до нѣкоторой степени съ повтореніемъ того, чему особо посвящены «Общая морфологія» и «Антропогенія».

Здѣсь мы встрѣчаемся все съ тѣми же хорошо извѣстными достоинствами и недостатками Гэккеля, которые бросаются въ глаза при чтеніи любой его работы. Къ достоинствамъ относятся искренность убѣжденія и красивое изложеніе, къ недостаткамъ—догматизмъ, вѣра въ свою непогрѣшимость и проистекающій отсюда самообманъ. Нѣсколько странно читать, что авторъ «новѣйшей зоологіи», какъ иронически назвалъ Семперъ гэккелизмъ, свысока и пренебрежительно говоритъ о натурфилософахъ прежняго

времени, предлагая въ свою очередь пополнять пробѣлы въ палеонтологіи «филогеніей». Читая это, можно подумать, что филогенія есть нѣчто столь же положительное, какъ и палеонтологія. Незнающимъ естественныхъ наукъ и въ голову не придетъ, что «филогеніи» какъ отдѣльной отрасли знанія нѣтъ, что говоря о филогенетическомъ развитіи, мы не выходимъ изъ области болѣе или менѣе вѣроятныхъ допущеній и, что главное, всѣ филогенетическія соображенія опираются на палеонтологію. Для всякаго біолога, который въ своихъ изслѣдованіяхъ опирается на индуктивный методъ, это ясно и не подлежитъ сомнѣнію. Путь, которымъ мы идемъ, приблизительно слѣдующій: мы изучаемъ современный міръ организмовъ и убѣждаемся, что въ немъ протянуты иногда совершенно осязательныя, иногда вѣроятныя нити кровнаго сродства; чтобы провѣрить выводы описательной зоологіи, мы обращаемся къ сравнительной анатоміи и она укрѣпляетъ насъ въ мысли, что животный міръ во всѣхъ своихъ представителяхъ обнаруживаетъ нѣкоторыя общія черты, указывающія на общность происхожденія; исторія развитія животныхъ или эмбріологія даетъ еще длинный рядъ подтвержденій, что сложныя формы развились путемъ послѣдовательныхъ измѣненій изъ болѣе простыхъ, наконецъ, палеонтологія учитъ насъ, что чѣмъ древнѣе ископаемые организмы, тѣмъ они проще, тѣмъ менѣе спеціализированы, что эти болѣе простыя формы напоминаютъ собою нѣкоторыя стадіи въ исторіи развитія болѣе высоко стоящихъ животныхъ. Изъ всего этого мы строимъ гипотетичное, но вѣроятное генеалогическое древо животнаго царства и то, что можно назвать филогеніей, есть не что иное, какъ описаніе того, что изображаетъ собою генеалогическое древо. Безъ палеонтологіи нельзя построить генеалогическаго древа, это ясно для каждаго. Но Гэккель все даетъ наизнанку. Идя дедуктивнымъ методомъ, онъ мало считается съ фактами и строитъ природу по своему усмотрѣнію. Для него «филогенія» не только существуетъ, но является настолько же достовѣрной отраслью знаній, какъ любая отрасль біологіи въ общепризнанномъ смыслѣ. Поэтому онъ нисколько не стѣсняясь строитъ генеалогическое древо и дополняетъ отрывочныя данныя палентологіи филогенетическими. Въ чемъ состоятъ эти данныя филогеніи, можно видѣть изъ любой таблицы Гэккеля: если между двумя группами, съ какимъ-либо указаніемъ на существованіе между ними кровнаго родства, нѣтъ прямой связи на основаніи палеонтологическихъ данныхъ, Гэккель устанавливаетъ такую связь: онъ ставитъ здѣсь, смотря по своимъ соображеніямъ, одну или нѣсколько воображаемыхъ группъ, даетъ имъ подходящія названія и все кончено: генеалогическое древо готово, филогенія на бумагѣ выполнила всѣ недочеты палеонтологіи. Какъ ошибется неспеціалистъ при видѣ этихъ генеалогическихъ изысканій Гэккеля, если приметъ такія таблицы не за проблематическія, а за дѣйствительно соотвѣтствующія нашимъ знаніямъ о природѣ. И какъ велико будетъ его разочарованіе, если ему скажутъ, сколько пустыхъ мѣстъ должно быть во всѣхъ этихъ таблицахъ! Такимъ образомъ, догматизмъ ведетъ за собою въ сочиненіяхъ

Гэккеля вѣру въ свою непогрѣшимость, послѣдняя обусловливаетъ пренебрежительное или легкомысленное отношеніе къ изслѣдованіямъ другихъ, а въ результатѣ является фантастическое построеніе природы и разочарованіе со стороны тѣхъ, кто имѣлъ слабость или несчастіе довѣриться этому ученію.

Вѣра Гэккеля въ свою непогрѣшимость такъ велика, что онъ до сихъ поръ не отказался отъ своей углеродной теоріи. Даже теорія гастреи, которая въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее изложилъ сначала, разбита окончательно, пользуется въ его глазахъ прежнимъ престижемъ. Онъ, какъ будто на зло всѣмъ изслѣдователямъ, доказавшимъ, что есть нѣсколько основныхъ формъ зародыша,—говоритъ, что всѣ они сводятся къ одной гаструлѣ, что послѣдняя прототипъ всѣхъ многоклѣточныхъ животныхъ организмовъ и потому повторяется ими на опредѣленной стадіи развитія. Если гаструла такова, что ее не узнаешь, въ такомъ случаѣ достаточно вспомнить, что и въ природѣ есть фальсификація. Такимъ образомъ, сразу защищается и основной біогенетическій законъ и излюбленная теорія гастреи. А если къ этому прибавить, что палеонтологія отъ времени до времени даетъ новыя данныя, которыми заполняются пустыя мѣста между разными группами, гдѣ Гэккелемъ въ его генеалогическихъ таблицахъ были поставлены разныя названія, то почему же Гэккелю не вѣрить и въ непогрѣшимость своей филогеніи? Конечно, съ нашей точки зрѣнія, эти ранѣе поставленныя Гэккелемъ названія ровно ничего не предсказывали и ничего не говорили. Мы думаемъ, что именно потому, что это были только названія, здѣсь и можно было подставить, что угодно. По въ глазахъ Гэккеля названіе то же, что предметъ, къ которому оно относится.

Какъ бы ни были ярки до сихъ поръ приведенные примѣры ошибочности метода изслѣдованія Гэккеля, они все же уступаютъ тому, что даетъ его теорія пластидъ. Въ этой теоріи уже никто не усомнится встрѣтить старую знакомую—натурфилософію. Но чтобы оцѣнить теорію пластидъ, коснемся и того, что вызвало ея появленіе, вспомнимъ, что она должна была замѣнить собою теорію *пангенезиса*, предложенную Дарвиномъ для объясненія явленій наслѣдственности.

Сущность пангенезиса состоитъ въ томъ, что, по мнѣнію Дарвина, размножаются не только сложные организмы, но и ихъ составныя части—клѣточки. При этомъ отъ всякой клѣточки отдѣляются маленькія частички, или *почечки*, способныя при благопріятныхъ условіяхъ развиться въ такую же часть, отъ которой онѣ отдѣлились. Отдѣленіе такихъ почечекъ можетъ происходить во всякомъ періодѣ существованія клѣтокъ, но при однихъ условіяхъ онѣ остаются въ организмѣ не измѣняясь, при другихъ претерпѣваютъ тѣ или другія измѣненія. Переносясь кровью, наприм., къ пораженному мѣсту, эти почечки складываются такъ же, какъ были сложены произведшее ихъ анатомическіе элементы, развиваются въ послѣдніе и въ результатѣ пораненное мѣсто заживаетъ. Въ другихъ случаяхъ на счетъ этихъ почечекъ можетъ происходить возстановленіе утраченныхъ

органовъ (регенерація). Наконецъ, изъ этихъ же почечекъ въ опредѣленныхъ частяхъ сложныхъ организмовъ развиваются половые продукты, яйца и сперматозоиды, изъ коихъ развиваются новые организмы. Такимъ образомъ, по Дарвину, на яйцо можно смотрѣть какъ на соединеніе почечекъ, отдѣлившихся отъ всѣхъ клѣточекъ, которыя входятъ въ составъ сложнаго организма; другими словами, при размноженіи яйцами участвуютъ всѣ клѣточки или элементарныя составныя части сложнаго организма, и отсюда названіе для этой теоріи «пангенезисъ». При развитіи изъ яйца новаго организма всѣ почечки, вошедшія въ его составъ, развиваются въ соотвѣтствующіе анатомическіе элементы, а такъ какъ эти почечки берутъ свое начало отъ элементарныхъ составныхъ частей прежняго организма, то это и объясняетъ сходство потомства съ родителями.

Само собою разумѣется, что эта теорія несовершенна, такъ какъ, съ одной стороны, ее нельзя провѣрить, съ другой—въ ней вопросъ о наслѣдственности не рѣшается, а переносится съ сложныхъ организмовъ на ихъ элементарныя составныя части. Но во всякомъ случаѣ, разъ одну теорію хотятъ замѣнить другой, замѣняющая должна быть сильнѣе и лучше обоснована съ фактической стороны, нежели болѣе ранняя. Что же представляетъ собою съ этой стороны теорія Гэккеля? Во-первыхъ, опубликовывая ее въ 1876 г., онъ заявилъ, что основная идея этой теоріи зародилась въ немъ еще 10 лѣтъ тому назадъ и успѣла созрѣть уже настолько, что, по всей вѣроятности, содержитъ въ себѣ зародышъ многообъемлющей теоріи, которая, быть можетъ, объяснитъ позднѣе чисто-механическимъ способомъ, исходя лишь изъ физико-химическихъ процессовъ, всѣ явленія органическаго развитія. Во-вторыхъ, онъ говоритъ, что прочны только тѣ знанія, въ основу которыхъ намѣчены наблюденія и опыты, что собираніе фактовъ должно предшествовать объясненію ихъ причинъ и т. д.—цѣлый рядъ мыслей и положеній, противъ которыхъ, конечно, нельзя спорить. Но высказавъ все это, Гэккель какъ бы считаетъ свои обязанности въ этомъ отношеніи исполненными и уже не возвращается къ своимъ основнымъ положеніямъ.

Напомнивъ, что онъ еще ранѣе предложилъ называть клѣтки пластидами, онъ предлагаетъ теперь частицы этихъ пластидъ, соотвѣтствующія молекуламъ, называть пластидулами. Въ минимальномъ количествѣ вещества, изъ котораго состоитъ тѣло пластидъ, пластидули находятся въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ, а можетъ быть и сотенъ тысячъ, и при такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, конечно, невидимы даже при сильнѣйшихъ увеличеніяхъ. Однако мы можемъ независимо отъ этого заключить объ ихъ свойствахъ: помимо тѣхъ свойствъ, которыми обладаютъ молекулы и составляющіе ихъ атомы по представленію физиковъ и химиковъ, пластидули должны также обладать способностью ощущать, чувствовать симпатіи и антипатіи, волею (безсознательною) и способностью произвольнаго движенія. Совокупность этихъ свойствъ составляетъ *атомную душу* и послѣдняя должна быть такъ же вѣчна и неразрушима, какъ и матерія, съ которой

она неразрывно соединена. Эта атомная душа составляетъ принадлежность частицъ всякаго вещества, какъ органическаго, такъ и неорганическаго, и ея-то дѣятельностью объясняются всѣ физическія и химическія явленія. Но органическія тѣла, состоящія изъ пластидулей, кромѣ того обладаютъ способностью размноженія или воспроизведенія, что собственно и отличаетъ ихъ отъ неорганическихъ тѣлъ. Слѣдовательно и пластидуламъ принадлежитъ эта способность размноженія или воспроизведенія; но что такое воспроизведеніе, какъ не память? Слѣдовательно пластидули обладаютъ памятью. Съ другой стороны, всѣ процессы, совершающіеся въ природѣ, обусловливаются движеніемъ, суть механическія явленія. Въ органическихъ тѣлахъ молекулы замѣнены пластидулами, а процессы, въ нихъ совершающіеся, зависятъ отъ движенія пластидулей.

До тѣхъ поръ, пока мы имѣемъ дѣло съ простѣйшими организмами, изъ которыхъ каждый морфологически соотвѣтствуетъ одной пластидѣ, мы встрѣчаемся и съ простѣйшимъ видомъ воспроизведенія или размноженія—дѣленіемъ. Благодаря простотѣ процесса, здѣсь легко уловить и самую сущность его: пластида выростаетъ за предѣлы возможной для нея величины и распадается на двое. Каждая изъ дочернихъ частей точно передаетъ особенности материнскаго организма, т.-е. наслѣдуетъ его свойства, и въ этомъ случаѣ наслѣдственность является прямымъ слѣдствіемъ размноженія дѣленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда вытекаетъ, что наслѣдственность есть простая передача движенія пластидулей съ пластиды матери на пластиду дочь.

Однако, вмѣстѣ съ началомъ самостоятельнаго существованія дочернихъ пастидъ каждая изъ нихъ попадаетъ въ болѣе или менѣе отличныя условія существованія; каждый свободно живущій простѣйшій организмъ, каждая пластида сложнаго организма попадаетъ въ болѣе или менѣе своеобразныя условія борьбы за существованіе и эти своеобразныя условія, измѣняя первоначальное питаніе пластидъ, ведутъ къ измѣненію первоначальнаго движенія пластидулей. Это измѣненіе и есть приспособленіе. Слѣдовательно, приспособленіе есть измѣненіе движенія пластидулей, вслѣдствіе котораго пластида пріобрѣтаетъ новыя свойства. Вновь пріобрѣтенныя свойства пластиды передадутъ своему потомству вмѣстѣ съ тѣми, которыя онѣ въ свою очередь унаслѣдовали отъ своей матери.

Установивъ, что всѣ явленія, свойственныя организмамъ, зависятъ отъ молекурярныхъ движеній пластидулей, надо изучить самый характеръ этихъ движеній, дать гипотезу, объясняющую ихъ. Но эти движенія совершенно недоступны непосредственному наблюденію, слѣдовательно мы можемъ опредѣлить ихъ, пользуясь аналогіей. Гипотеза, созданная такимъ образомъ и объясняющая движенія пластидулей, и есть такъ назыв. *перигенезисъ*.

Окидывая общимъ взглядомъ процессы органическаго развитія, мы, по словамъ Гэккеля, приходимъ къ убѣжденію, что біогенетическій процессъ совершается какъ періодическое, слѣдовательно волнообразное движеніе. Наибольшую аналогію съ перигенезисомъ представляетъ такой біогенетическій процессъ, который графически можно выразить въ видѣ древообразно

вѣтвящейся линіи; отсюда вытекаетъ, что и невидимое волнообразное движеніе пластидулей, составляющее сущность жизненныхъ процессовъ, сводится къ тому же вѣтвящемуся волнообразному движенію. Эту истинную причину біогенетическаго процесса Гэккель и обозначаетъ словомъ перигенезисъ.

Упомянутые выше факторы, обусловливающіе собою свойства и особенности пластидулей,—наслѣдственность и приспособляемость,—обусловливаютъ и форму этой вѣтвящейся волнообразной линіи. Но теперь Гэккель выражается уже болѣе рѣшительно, объясняя значеніе этихъ факторовъ: наслѣдственность онъ прямо обусловливаетъ памятью пластидулей, для чего ранѣе и ввелъ слово «воспроизведеніе» въ смыслѣ «размноженіе» и «воспоминаніе»; приспособляемость—способностью пластидулей воспринимать, что онъ теперь употребляетъ въ смыслѣ «понимать». Чѣмъ проще организмы, тѣмъ болѣе въ ихъ пластидуляхъ дѣйствуетъ «память» и тѣмъ менѣе «пониманіе»; чѣмъ сложнѣе, тѣмъ менѣе «память» и тѣмъ болѣе «пониманіе».

Вотъ эта многообъемлющая теорія перигенезиса, благодаря которой, по словамъ Гэккеля, «всѣ многообразныя, запутанныя и удивительныя явленія біогенетическаго процесса могутъ получить простое механическое объясненіе». Какъ можно видѣть изъ нашего краткаго изложенія ея (а въ этомъ изложеніи, смѣю увѣрить, передана вся сущность теоріи), въ перигенезисѣ нѣтъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ и игры словами. Замѣнить слово «наслѣдственность» словомъ «воспоминаніе», «приспособляемость»—«пониманіемъ», все это то же самое, чѣмъ щеголяла въ свое время натурфилософія. И отношеніе къ этой теоріи, надо сказать, проявилось у всѣхъ одинаково: ее совершенно игнорировали, до того мало удовлетворила она даже пламенныхъ поклонниковъ Гэккеля. Къ счастью, дальше этой теоріи Гэккель не пошелъ и на этой брошюрѣ совершился какъ бы переломъ въ его дѣятельности; онъ опять принялся за дѣйствительно научныя изслѣдованія и наблюденія, ограничившись въ общихъ вопросахъ лишь переизданіемъ своихъ болѣе раннихъ сочиненій. Почему это случилось? Потому ли, что онъ самъ разочаровался въ этомъ направленіи своей дѣятельности, или потому, что считалъ, что имъ все сказано? Несомнѣнно, что справедливо послѣднее. Гэккель не отказался ни отъ чего изъ своихъ разъ высказанныхъ положеній, хотя нѣкоторыя изъ нихъ значительно смягчилъ и облекъ въ менѣе догматическую форму, чѣмъ при первой редакціи. Что онъ ни отъ чего не отказывался доказывается и тѣмъ, что на одномъ изъ съѣздовъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, въ 1877 г., уже послѣ опубликованія теоріи перигенезиса, Гэккель требовалъ, во имя свободы преподаванія, чтобы его ученіе въ цѣломъ было введено въ среднія учебныя заведенія. Скажемъ попутно, что указаніе главныхъ основъ этого ученія—углеродной теоріи, ученіе объ атомной душѣ пластидулей и проч., вызвало небывалую форму отвѣта на сдѣланное требованіе въ видѣ неоднократно повторившагося хохота.

Я не отмѣтилъ до сихъ поръ еще одной особенности Гэккеля, обусловливаемой его догматизмомъ, это—пристрастіе къ терминамъ. Рѣдко у кого можно найти такое количество ни на что не нужныхъ терминовъ, какъ у Гэккеля, развѣ только у представителей новѣйшей школы біомехаников. Тогда какъ въ случаѣ обобщенія фактовъ удачный терминъ дѣйствительно даетъ возможность сразу узнать, о чемъ идетъ рѣчь, при догматическомъ изложеніи обиліе терминовъ еще болѣе затемняетъ дѣло и только усиливаетъ игру словами. Къ сожалѣнію, любовь къ терминамъ передалась отъ Гэккеля и его послѣдователямъ, которые безъ всякой нужды творятъ термины, до крайности затрудняющіе пользованіе ихъ трудами.

Всѣ эти ошибки Гэккеля не разъ вели къ нареканіямъ на Дарвина со стороны тѣхъ, кто, не прочтя трудовъ Дарвина и повѣривъ Гэккелю, что онъ является его прямымъ послѣдователемъ по методу и характеру своихъ работъ, считалъ гэккелизмъ за дарвинизмъ. Особенно благопріятствовала такому смѣшенію манера Гэккеля вездѣ высказывать очень хорошія мысли о томъ, какъ надо производить изслѣдованія и что обусловливаетъ прочность научныхъ выводовъ.

Не прочтя работъ Гэккеля, трудно допустить, что человѣкъ можетъ до такой степени говорить одно и дѣлать другое, и такъ какъ это проходитъ черезъ всѣ его работы, то очевидно, что это является для него даже характерною особенностью. Заподозрить автора въ умышленномъ противорѣчіи между исполненіемъ работы и ея планомъ въ этомъ случаѣ нѣтъ основанія. Вѣрнѣе всего, что Гэккель слишкомъ воспринялъ натурфилософію и противъ воли подчиняется тому направленію, которое оказалось наиболѣе подходящимъ для склада его ума. Такой примѣръ къ сожалѣнію не единичный и не мало ученыхъ по разнымъ спеціальностямъ проповѣдуютъ именно тотъ методъ работы, которому сами не слѣдуютъ.

Послѣднимъ трудомъ Геккеля въ излюбленномъ направленіи филогенетическихъ соображеній является его рѣчь о филогенетическомъ развитіи человѣка. Естественно, что сдѣланное Дюбуа открытіе на Явѣ ископаемаго человѣкоподобнаго существа, устанавливающее болѣе опредѣленную связь между человѣкомъ и низшими формами, не могло быть оставлено Гэккелемъ безъ вниманія. Онъ еще ранѣе поставилъ въ числѣ предковъ человѣка проблематичное существо, которому придалъ названіе «питекантропа» и Дюбуа воспользовался этимъ названіемъ, какъ родовымъ для своей находки. Само собою разумѣется, что изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что эта находка была предсказана Гэккелемъ. Сравнительная анатомія и эмбріологія показали тѣсное сходство между организаціей человѣка и другихъ приматовъ и на этомъ основаніи можно было утверждать, что здѣсь существуетъ такое же кровное сходство, какое признается и въ предѣлахъ другихъ группъ. Но никто не могъ, основываясь на этомъ, сказать, что мы найдемъ и, воспользовавшись гэккелевскимъ названіемъ для своей находки, Дюбуа далъ поводъ преувеличенно оцѣнивать филогенетическія соображенія Гэккеля. Впрочемъ, что касается филогеніи человѣка, Гэккель

въ этой брошюрѣ гораздо скромнѣе, чѣмъ этого можно бы ожидать, отводя значительную ея часть чисто-историческому очерку развитія нашихъ свѣдѣній о систематическомъ положеніи человѣка. Во всякомъ случаѣ, эта брошюрка не производитъ такого впечатлѣнія, какъ тѣ сочиненія Гэккеля, гдѣ имъ даются генеалогическія таблицы для цѣлаго животнаго и растительнаго царства, гдѣ произволъ въ генетическомъ сближеніи большихъ и малыхъ группъ допущенъ въ совершенно неограниченномъ размѣрѣ, лишь бы все являлось въ законченномъ видѣ.

Я такъ много говорилъ до сихъ поръ противъ Гэккеля, что у читателя невольно долженъ возникнуть вопросъ: въ чемъ же заслуга Гэккеля въ исторіи дарвинизма? въ чемъ заключаются его положительныя стороны и какъ глядѣть на всю его дѣятельность?

Положительная сторона Гэккеля заключается въ его несомнѣнной и крупной талантливости. Пока онъ остается въ области спеціальныхъ изслѣдованій, не пускаясь въ общія соображенія, онъ даетъ обстоятельныя и цѣльныя описанія, не лишенныя, конечно, недостатковъ, но во всякомъ случаѣ широко охватывающія извѣстный частный вопросъ. Кромѣ уже упомянутой монографіи радіолярій, онъ далъ рядъ хорошихъ работъ по систематикѣ и организаціи медузъ и множество отдѣльныхъ монографій, обнаруживающихъ большую наблюдательность. Въ его дѣятельности, какъ я выше упомянулъ, былъ даже такой періодъ, когда послѣ ряда сочиненій на общебіологическія темы, онъ рѣшительно обернулся въ сторону къ описательной зоологіи, почти слѣдуя девизу Кювье.

Но и какъ дарвинистъ Гэккель оказалъ Германіи огромную услугу, возбудивъ своими общими сочиненіями живой интересъ къ біологіи. Не его вина, что натурфилософія пустила въ него глубокіе корни и что индуктивный методъ изслѣдованія не годился для его увлекающейся натуры. Едва ли можно обвинять его и за то, что какъ одинъ изъ первыхъ защитниковъ новаго ученія, онъ увлекся стройностью системы природы и нарисовалъ ее слишкомъ яркими красками и въ слишкомъ законченномъ видѣ. Можно сказать, что полныя генеалогическія таблицы должны бы закончить собою наше изслѣдованіе природы, а не открывать его, это желаемое, но не достигнутое, и, по всей вѣроятности, недостижимое. Но кто знаетъ, удалось ли бы другому защитнику дарвинизма въ Германіи вызвать къ біологіи такой массовый интересъ, какой вызвалъ Гэккель. И если послѣдній виноватъ въ натурфилософскомъ извращеніи дарвинизма, то несомнѣнно, что въ томъ же виноваты и читатели произведеній Гэккеля, которымъ натурфилософскій догматизмъ былъ такъ же понятенъ, какъ и Гэккелю. Тѣ, кто выливалъ на Гэккеля ушаты холодной воды, какъ это ни странно, сдѣлали менѣе для насажденія дарвинизма въ Германіи, нежели увлекающійся Гэккель. Послѣдній, строго говоря, больше всего виноватъ передъ самимъ собой, такъ какъ бо́льшая сдержанность дала бы ему и большее вліяніе на его учениковъ, тогда какъ при существующихъ условіяхъ послѣдніе, заплативъ дань молодости, обращались отъ Гэккеля къ оригинальнымъ

трудамъ Дарвина и уже въ немъ, въ его методѣ находили собѣ настоящаго руководителя. Насколько Гэккель можетъ влiять на другихъ, лучше всего доказывается тѣмъ, что его влiянiе сказалось даже на Дарвинѣ, который въ «Происхожденiи человѣка» несомнѣнно многое написалъ подъ влiянiемъ «основного бiогенетическаго закона». Позднѣе, когда выяснилось какъ Гэккель распоряжался съ чужими трудами для иллюстрацiи и закрѣпленiя своихъ положенiй, Дарвинъ безъ труда освободился отъ этого влiянiя, давъ трезвую оцѣнку тому, что можно назвать филогенетическими стадiями въ развитiи отдѣльныхъ животныхъ. И въ такомъ видѣ, какъ мы теперь признаемъ связь между онтогенiей и филогенiей, это ничего не приноситъ, кромѣ пользы. Безъ гипотезъ едва ли можетъ идти развитiе науки, и если гипотеза выставляется какъ временное и вѣроятное объясненiе тамъ, гдѣ еще нѣтъ фактическаго объясненiя, она можетъ оказать драгоцѣнныя услуги въ разномъ направленiи. Конечно, Гэккель никогда не давалъ гипотезъ именно въ качествѣ гипотезъ; во временномъ онъ видѣлъ постоянное, въ возможномъ достовѣрное. Но тѣ, кто началъ дѣло съ его взглядами, въ большинствѣ случаевъ правильно оцѣнивали ихъ временное значенiе и, такъ сказать, сквозь дымку гэккелизма умѣли различить истинные принципы дарвинизма. Методъ Гэккеля (дедукцiя) и сущность гэккелизма (построенiе природы) не привились въ Германiи, общая же картина развитiя органическаго мiра мощнымъ потокомъ охватила учащуюся молодежь послѣдняго тридцатилѣтiя и увлекла сотни лицъ на путь изслѣдованiя природы.

Въ семидесятыхъ годахъ влiянiе Гэккеля было довольно велико и у насъ въ Россiи, но къ счастiю оно захватило насъ однимъ краемъ и на ряду съ поклонниками Гэккеля у насъ же были и его серьезные противники. То, что понадобилось въ Германiи,—истолкованiе идей Дарвина примѣнительно къ традицiямъ нѣмецкой интеллигенцiи,—у насъ не могло найти мѣста, такъ какъ поле для научныхъ идей у насъ было чисто и ничто не мѣшало принятiю новаго ученiя въ неизмѣненномъ видѣ. Съ другой стороны, общiй уровень университетскаго преподаванiя въ Россiи по университетскому уставу 1864 г. стоялъ такъ высоко, какъ не стоялъ въ Германiи, гдѣ читались и болѣе краткiе и болѣе общiе курсы. Многочисленные и разностороннiе труды русскихъ зоологовъ по исторiи развитiя животныхъ показали, что теорiя гастреи не можетъ считаться фактически обоснованной, а на этой теорiи были построены всѣ общiя филогенетическiя соображенiя Гэккеля. Съ другой стороны, мы всегда правильно цѣнили значенiе вымиранiя въ процессѣ эволюцiи и потому безъ труда могли оцѣнить должнымъ образомъ стремленiе Гэккеля связать въ общiй ходъ эволюцiонныхъ явленiй всѣ современные организмы. Гэккелю, повидимому, всегда представлялось возможнымъ расположить все животное царство (то же относится и къ растительному) въ видѣ генеалогическаго древа, основанiю котораго соотвѣтствуютъ современные низшiе организмы, тогда какъ разныя современныя же группы, только выше стоящiя въ системѣ, обра-

зуютъ его вѣтви. Отсюда признаніе въ современномъ намъ мірѣ организмовъ протистовъ и множества другихъ переходныхъ формъ, которыя будто бы непосредственно связываютъ другъ съ другомъ разныя группы. Дарвинъ указалъ, что переходныя формы сохраняются лишь рѣдко и въ особенно благопріятныхъ случаяхъ. Съ этой точки зрѣнія даже такъ называемые простѣйшіе организмы современной фауны являются уже болѣе или менѣе измѣненными потомками когда-то существовавшихъ простыхъ формъ, и то же самое надо сказать о всѣхъ другихъ группахъ. Впрочемъ, все это само собою вытекаетъ изъ того положенія, что критеріемъ между видомъ и разновидностью является прерывчатость признаковъ, связанная съ вымираніемъ промежуточныхъ звеньевъ.

Наконецъ, не надо забывать, что Гэккель является во всѣхъ своихъ трудахъ исключительно морфологомъ. Географическое распространеніе организмовъ, давшее столь драгоцѣнные результаты для эволюціоннаго ученія, благодаря изслѣдованіямъ Дарвина и Уоллэса, совершенно не затрогивается Гэккелемъ и вѣроятно это объясняетъ намъ его пренебрежительное отношеніе къ палеонтологіи и самоувѣренное убѣжденіе, что фантастическая филогенія можетъ замѣнить палеонтологію. Но въ качествѣ морфолога Гэккель внимательно слѣдилъ за всѣми открытіями въ этой области біологіи и не разъ перестраивалъ свои генеалогическія таблицы на основаніи новыхъ данныхъ. По его почину большинство морфологическихъ работъ сопровождается такими генеалогическими таблицами, и если мы будемъ помнить, что каждая таблица не есть выраженіе истиннаго соотношенія формъ, а простая передача временнаго состоянія свѣдѣній по данному вопросу, въ такомъ случаѣ нельзя не признать, что морфологія, благодаря Гэккелю, сдѣлала весьма крупные успѣхи, и это снимаетъ съ него значительную долю вины за временное искаженіе дарвинизма. Говоримъ «временное», п. ч. внѣ всякаго сомнѣнія гэккелизмъ не переживетъ своего автора и вмѣстѣ съ нимъ отойдетъ въ область исторіи, оставивъ по себѣ только хорошо подготовленную почву къ дальнѣйшему развитію эволюціоннаго ученія.

М. Мензбиръ.

Современное положеніе Италіи.

(Dott. N. Colajanni. Tumulti e Reazione. L'Italia nel 1898. Milano. 1899).

«O urbem venalem et mature perituram»... могло бы стоять эпиграфомъ всего, что пишется въ настоящее время о судьбахъ Италіи. Въ критикѣ ея теперешняго положенія больше сходятся, чѣмъ отличаются другъ отъ друга и консерваторы, и представители всѣхъ оттѣнковъ лѣвой, и даже Рудини и Пеллу смотрятъ на вещи, что называется mit einem nassen und einem trocknen Auge. Сравните Filippo Ottonieri (L'Italia presente e i suoi fati, Roma, 1897 г. *) и Arturo Labriola **)—людей діаметрально противоположныхъ воззрѣній: картина выступаетъ въ одинаково мрачныхъ красках, у перваго даже мрачнѣе: гдѣ Лабріола говоритъ о «неустойчивомъ равновѣсіи» страны, тамъ консерватору Оттоніери предносится прямо вихрь разрушенія, въ которомъ врядъ ли что уцѣлѣетъ. Но, можетъ быть, ни откуда не видно лучше это столпотвореніе и смѣшеніе языковъ, нежели изъ недавно появившагося памфлета итальянскаго депутата и публициста Колаянни «Смуты и реакція (*Dott. Napoleone Colajanni: Tumulti e Reazione*, Milano, 289 pp., 1899 г.).

Внимательный наблюдатель текущей итальянской политической жизни ***), Колаянни касается здѣсь весеннихъ волненій 1898 года, выясняя поведеніе правительства и мотивы самыхъ событій.

Прологъ ихъ лежитъ еще въ далекомъ сравнительно прошломъ, въ восьмидесятыхъ и даже семидесятыхъ годахъ. Налоги и голодъ, часто прямо ими вызываемый, являлись стимуломъ возстаній—главнымъ образомъ на земледѣльческомъ, и безъ того обнищавшемъ, югѣ. За послѣднее время болѣе острый характеръ принимали смуты въ 1893 году въ Сици-

---

*) См. „Современная Италія“. *Міръ Божій*, 1898 г., № 9.

**) Корреспонденція его изъ Италіи въ № 4 *Жизни* 1899 г.

***) Изъ другихъ его работъ назовемъ *Gli Avvenimenti di Sicilia* 1894, *Settentrionali e Meridionali* (въ сотрудничествѣ съ Чиккоти) 1898 г., *Corruzione politica* 1888 г., 2 изд., *Banche e Parlamento*, 1893 г., *Istituzioni municipali*, 1883 г., *La difesa nazionale e le economie nelle spesi militari*, 1892 г., *Sa questione sociale e la libertà*, 1879 г.

ліи, въ 1897 году спорадически во всей Италіи. Наконецъ, съ 26 апрѣля 1898 года онѣ широкой волной прошли чрезъ всю страну, не миновавъ промышленнаго сѣвера, гдѣ, не въ примѣръ прежнему времени, тревога была наиболѣе сильной. Въ общемъ съ 26 апрѣля по 10 мая бунтовало болѣе 75 городовъ, въ числѣ ихъ почти всѣ болѣе населенные. Арестованныхъ насчитывалось свыше 10,000.

До тѣхъ поръ, пока вспышки не выходили за предѣлы юга, правительство не принимало чрезвычайныхъ мѣръ. Но вотъ, 6 мая очередь дошла до Милана,—capitale morale, какъ его принято называть въ Италіи. Консервативная печать схватилась за историческую реплику Ліанкура: «это не бунтъ—это революція».

А между тѣмъ все дѣло было въ противозаконномъ арестѣ одного расклейщика прокламацій и протестѣ возмущенныхъ этимъ произволомъ свидѣтелей. Расходясь расширяющимися кругами, подогрѣваемое вызывающимъ поведеніемъ войскъ, недовольство населенія на другой день, 7 мая, разрѣшилось пріостановкой работъ въ городѣ и окрестностяхъ и устройствѣ мирныхъ демонстрацій. Съ другой стороны отвѣчали провозглашеніемъ осаднаго положенія и репрессіями оружіемъ. За четыре дня (6—9 мая) было убито 80 и ранено 450 человѣкъ изъ гражданъ, въ войскахъ убитыхъ и раненыхъ оказалось 22 человѣка, изъ которыхъ ничтожный % серьезно. Все это сопровождалось пріостановками газетъ, домашними арестами (даже депутатовъ) и т. д. Наконецъ, настали дни суда—поистинѣ «страшнаго». Судилъ все тотъ же Бава Беккарисъ, который и подавлялъ демонстраціи. Наказанія по нѣскольку лѣтъ тюрьмы были обычными *).

Пылкость южнаго воображенія сказалась на этотъ разъ очень замѣтнымъ образомъ. Въ 1893 году, во время сицилійскихъ волненій, находились сторонники мнѣнія, будто поводомъ ихъ было стремленіе Сициліи отпасть отъ Рима и отдаться Франціи и даже Россіи. Теперь, въ 1898 г., «Perseveranza» увѣряла, что въ Парижѣ знали заранѣе, когда загорится дѣло въ Италіи. «Миланское возстаніе стремится покончить съ самой гражданственностью». Отсюда выводъ, что по праву самообороны, надлежало вытравить всѣ крайніе элементы **).

Значительная часть книги Колаянни посвящена анализу и опроверже-

---

*) Лабріола въ упомянутой корреспонденціи усматриваетъ въ послѣдовавшей уже амнистіи доказательство скрытаго сознанія правительствомъ неправоты своего образа дѣйствій.

**) Между тѣмъ итальянскіе соціалисты держались совсѣмъ особой позиціи. „Ce n'est pas l'existence d'un parti socialiste, mais l'absence d'un semblable parti, d'une bonne organisation prolétarienne qui est une des causes principales de la secousse revolutionnaire qui a, depuis quelque temps, rétabli en Italie un régime disparu depuis cinquante ans",—говоритъ *Adolfo Zerboglio* въ № 6 *Le Devenir Social*, 1898 г., p. 489. Тутъ же цитируются слова другого автора той же партіи, *Prampolini*: „Ces qui fait que la misère est si grande en Italie, si vif le mécontement, si fréquents le troubles, c'est insuffisance, ou pourrait presque dire, l'absence complète d'organisation ovrière".

нію подозрѣній въ комплотѣ и активномъ сопротивленіи миланскаго населенія *). Ограничимся нѣсколькими примѣрами.

Большого шума надѣлало, «разграбленіе» отеля Сапорити въ Миланѣ. Когда настала день разбирательства дѣла, на скамьѣ подсудимыхъ оказалось, во-первыхъ, шесть человѣкъ въ возрастѣ 14—18 лѣтъ; далѣе, лѣта 2-хъ не были установлены, одного—искажены; наконецъ, три женщины обвинялись въ похищеніи изъ Palazzo во время «разграбленія»... бѣлья..: «для постройки баррикадъ»,—говорили свидѣтели.

А имущество Palazzo оцѣнивалось въ 8 милліоновъ лиръ. Колаянни утверждаетъ, что и очутилась въ Palazzo толпа лишь потому, что искала, гдѣ укрыться отъ преслѣдованія солдатъ. Несмотря на то, приговоры содержали по нѣскольку лѣтъ тюремнаго заключенія **).

Другой процессъ. Шестеро обвиняются въ разграбленіи ювелирнаго магазина нѣкоего Амодео. Оказывается, изъ нихъ четверо несовершеннолѣтнихъ, а все дѣло въ томъ, что ювелиръ «пугнулъ» одного жителя на смерть изъ револьвера, а толпа пыталась въ отмщеніе разгромить его имущество; объ инстинктахъ наживы тутъ не было помину.

Наконецъ, пресловутыя баррикады. Надо бы ждать массы обвиняемыхъ, тягчайшихъ приговоровъ (тягчайшихъ даже среди и безъ того невѣроятныхъ) и вдругъ обнаруживается, что обвинено пятнадцать человѣкъ и maximum ихъ наказанія—1½ года тюрьмы, т.-е. чуть ли не minimum налагавшихся наказаній вообще. «Защитниковъ» баррикадъ можно было невозбранно фотографировать даже съ той стороны баррикадъ, гдѣ они должны были оперировать!

Выводъ слѣдуетъ самъ собой. Баррикады были оружіемъ защиты, а не прикрытаго нападенія. Ихъ выдвигали единственно затѣмъ, чтобы хоть сколько-нибудь задержать солдатскія изувѣрства. При всей своей проницательности, «Perseveranza» не могла усмотрѣть въ рукахъ толпы ничего, кромѣ носовыхъ платковъ, палокъ и шапокъ.

Зло «искоренено»; «мятежники» разсѣяны.

Бава Беккарисъ принимаетъ отъ провинціальной депутаціи и нѣсколькихъ миланскихъ политическихъ ассоціацій поздравленія и выраженія признательности за энергію, благоразуміе, возвышенныя патріотическія и

---

*) То же дѣлаетъ и *Lerboglio* въ только что упомянутой статьѣ „Les révoltes et la réaction en Italie“, pp. 484 et suiv.

**) Образчики тогдашняго военнаго судопроизводства. Дѣйствіе происходитъ въ Неаполѣ. *Обвиняемый.* Позвольте сказать полслова. *Предсѣдатель.* Ну, говорите. *Обвиняемый.* Спросите г-на бригадира. *Предсѣдатель.* А! Вы сказали уже цѣлыхъ три слова... Довольно!—Другой примѣръ тамъ же. *Обвиняемый.* Я хотѣлъ бы опровергнуть это обстоятельство. *Предсѣд.* Вы находитесь передъ военнымъ судомъ, съ котораго достаточно того, что онъ знаетъ,—и только. Или. *Предсѣд.* Обвиняемый Маріа, встаньте. Оправдывайтесь, если хотите: но предупреждаю, я не повѣрю ни слову изъ того, что вы скажете. Или: *Обвин...* Но вѣдь у меня есть свидѣтели... *Предсѣд.* О, для меня ваши свидѣтели—нуль. Для меня хорошіе свидѣтели—солдаты и полиція.

гражданскія чувства, проявленныя при освобожденіи Милана отъ разграбленія и анархіи.

Нижеслѣдующій переводъ трехъ главъ изъ книги Колаянни поможетъ намъ оцѣнить ихъ. *Переводчикъ.*

I.

Оглядываясь, говоритъ Колаянни, въ виду весеннихъ событій прошлаго года, на недалекое прошлое, я не могу не воспроизвести заключительныхъ страницъ своей книги «Gli avvenimenti di Sicilia» (del 1893—1894). «Нѣтъ недостатка,—писалъ я тамъ,—въ признакахъ приближенія краха теперешней итальянской политики. Эти признаки аналогичны тѣмъ, какіе предшествовали финалу французскаго вѣка просвѣщенія. Прочтите Токвиля, Тэна и вы убѣдитесь, что и Франція, подобно нашимъ Неаполю, Апуліи, Сициліи 1893—1894 гг., переживала въ ту пору скрытый процессъ, нуждавшійся лишь въ поводѣ для своего обнаруженія, кризиса. Эта страна, еще далекая отъ навыковъ самостоятельной организаціи, уже потеряла къ тому времени довѣріе къ своимъ руководителямъ. Хлѣба, отмѣны налоговъ! То былъ, говоритъ Тэнъ, вопль нищеты, впавшей въ отчаяніе и рванувшейся впередъ съ дикою отвагой. Долой лавки, долой хлѣбные запасы, долой пошлины. Препятствія сломаны; и при возгласахъ «да здравствуетъ король» огонь пожиралъ налоговые регистры, счета, коммунальные архивы.

«Развѣ все это, описанное Тэномъ, не напоминаетъ съ фотографическою точностью итальянскихъ происшествій въ Сициліи? И, однако, не заимствовали же тутъ сицилійскіе и апулейскіе крестьяне у французовъ прошлаго вѣка, прелюдію драмы которыхъ они у себя воспроизводятъ!

«Но это еще не все. Аналогія простирается и на причины, ускорившія кризисъ во Франціи и то же самое дѣлающія теперь въ Италіи, на тягостныя финансовыя затрудненія нашей родины,—затрудненія, замѣчательно удачно выясненныя Гомелемъ для Франціи прошлаго вѣка».

«Конечно, есть небольшая разница въ ходѣ исторіи: когда Жоли де Флери рѣшилъ увеличить налоги, французскіе парламенты запротестовали и потребовали созванія генеральныхъ Штатовъ. У насъ нѣтъ ничего, что въ ходѣ событій напоминало бы французскіе парламенты, а наша палата депутатовъ, которая должна бы соотвѣтствовать генеральнымъ штатамъ, приняла, подъ рискомъ распущенія, налоги, предложенные Соннино, и можетъ еще быть распущена, если не согласится на «послѣднее усиліе»,—«послѣднее», разумѣется, въ шутку, потому что за нимъ потребуются снова и снова дальнѣйшія».

«Кто поручится, что въ Италіи съ распущенія палаты не начинается то, что во Франціи началось съ созыва генеральныхъ штатовъ? Нѣкоторая разница, правда, существуетъ еще въ дѣйствующихъ лицахъ пролога. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Италія видѣла Морена, Верженней, Калоннов, Бріенновъ, Жоли де Флери и даже д'Ормессовъ; она найдетъ еще своего

Неккера; но напрасно было бы искать Тюрго! Гдѣ тотъ министръ, который бы мужественно заявилъ королю, что болѣе невозможно никакое дальнѣйшее увеличеніе налоговъ, никакіе займы, что спасеніе—въ экономіи и реформахъ?

«Все это Тюрго говорилъ Людовику XVI, и не былъ услышанъ. Въ томъ же ли положеніи и Италія?»

«Трудно сказать; но всѣ признаютъ, что искра пожара въ Сициліи,—во всѣхъ отношеніяхъ отставшей отъ ступеней, пройденныхъ французской цивилизаціей и верхне-итальянскими областями, испытавшими на себѣ вліяніе французской революціи, — сможетъ, если объ этомъ не позаботиться своевременно, зажечь пожаръ и въ остальной Италіи».

«Какъ бы то ни было, если неизмѣнность политики или роковыя событія уничтожатъ мирное и постепенное развитіе, я во имя блага родины горячо желалъ бы, чтобы кличъ «morte a li cappedda!» не пріобрѣлъ той печальной извѣстности, какъ французское «les aristocrates à la lanterne!».

Приведенную параллель между Франціей и Сициліей, отодвигающую Италію въ минувшее столѣтіе, можно теперь дополнить другимъ сравненіемъ—съ Англіей.

И по ту сторону Ла-Манша политико-соціальная эволюція не всегда была такъ мирна и постепенна, какъ это, въ общемъ, началось со второй половины настоящаго столѣтія.

Тамъ было два большихъ смутныхъ періода съ репрессіями и реакціей, напоминающими Италію въ послѣднемъ десятилѣтіи: отъ 1799 до 1824 г. и отъ 1837 до 1848 г. Въ промежуткѣ также не было недостатка во вспышкахъ, разрѣшавшихся кровавыми столкновеніями, особенно въ 1819 г., въ 1831, 1832, 1839 и т. д., что не прекратилось совсѣмъ и послѣ 1848 г., не считая Ирландіи, гдѣ характеръ событій не представлялъ сходства съ Италіей, достаточно вспомнить «the bloody sunday» 13 ноября 1887 года.

Еслибъ эти періоды (второй изъ нихъ обнимаетъ чартистское движеніе) перенести въ теперешнюю Италію, то при тѣхъ критеріяхъ, которые руководятъ, составляя незавидную ея славу, представителями итальянской буржуазіи, палачу пришлось бы работать не переставая; годы каторги, назначаемые обвиненнымъ, должны бы были считаться не сотнями, а тысячами лѣтъ, конституція, вмѣсто того, чтобы развиваться въ демократическомъ духѣ, была бы уничтожена и воцарилась бы полнѣйшая, ничѣмъ не обуздываемая реакція, о какой, впрочемъ, и мечтали англійскіе ультра-тори.

Англійскія событія первой половины нашего вѣка ближайшимъ поводомъ имѣли политическія реформы; но сущность ихъ всегда оставалась экономическаго характера. Въ этомъ нѣтъ и сомнѣнія относительно перваго изъ упомянутыхъ двухъ періодовъ; спорить можно бы лишь относительно второго. Дѣйствительно, при первомъ взглядѣ на чартистское движеніе могло бы показаться, что оно было вполнѣ политическимъ. Шесть знаменитыхъ пунктовъ народной хартіи, конечно, были политическаго характера; но по мысли обѣихъ чартистскихъ фракцій они должны были служить *средствомъ* экономическаго улучшенія положенія трудящихся классовъ.

Организаторы движенія потому и имѣли успѣхъ, что экономическое положеніе этихъ классовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ было крайне тяжелымъ. Это сознавали и вожди чартистовъ. Пасторъ Стефенсъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и горячихъ, говорилъ, что чартизмъ, прежде всего, есть *вопросъ ножа и вилки*. Если перейти отъ частностей къ общему характеру англійскихъ политическихъ движеній, то приходится вспомнить слова Роза, одного изъ писателей, предпринявшихъ изданіе такъ называемое «Эры Викторіи», «въ минуты нужды Джонъ Булль крайне упоренъ въ своемъ недовольствѣ, но всегда упорствуетъ, соображаясь съ будущимъ. Когда же онъ утолилъ голодъ и жажду, у него остается мало идей и его чувство удовлетворенности необычайно» («Rise of democracy». London. Blackie aud Son. 1897, p. 129). Въ доказательство сказаннаго, авторъ немного далѣе говоритъ: едва Р. Пиль покончилъ съ вопросомъ о налогахъ, какъ гарантированы были отъ потрясеній и промышленность, и общество, и государственный строй (p. 130) *). 1848 годъ засталъ чартизмъ обезоруженнымъ предшествовавшей реформой, и эхо провозглашенія республики во Франціи, вмѣсто того чтобъ увлечь его къ тріумфу и побѣдѣ, констатировало лишь его смерть. Роль его, однако, не была маловажной: онъ пробудилъ изъ летаргіи господствующіе классы, показалъ имъ опасности, навстрѣчу которымъ шла Англія, и вынудилъ экономическія и политическія реформы, какихъ требовало время.

Шесть пунктовъ хартіи, объявленные вначалѣ неосуществимыми, пережили судьбу многихъ утопій и стали теперь законами. Политическая реформа влечетъ экономическую—рѣже наоборотъ. Изъ этого урока, представляемаго Англіей, многое почерпнутъ не только итальянскіе правящіе классы, но и отчасти передовые элементы, по крайней мѣрѣ, еще недавно низко ставившіе политику. Послѣднимъ отличался въ Англіи и Р. Оуенъ шестьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, благодаря чему сошелъ съ вѣрнаго пути осуществленія своихъ экономическихъ и моральныхъ замысловъ.

Но особенно поучительны наши историческія сопоставленія Италіи съ Франціей и Англіей для итальянскихъ правящихъ классовъ.

Ихъ слѣпота во Франціи привела въ прошломъ столѣтіи къ кризису со всѣми его крайностями, это можетъ повториться, если выродившаяся буржуазія третьей республики не освободится отъ путъ милитаризма. Въ Англіи же они, подражая добрымъ временамъ Рима, всегда умѣли уступать вóвремя. Если тутъ и бывали репрессіи, и даже энергическія, то онѣ не обращались въ систему; возмущенія, коренившіяся въ экономическихъ бѣдствіяхъ, сопровождались экономическими реформами; политическія осложненія кончались политическими реформами. Даже тогда, когда недовольство выражалось въ преступныхъ формахъ, въ Англіи всегда смотрѣли вглубь, въ сущ-

*) Налоговая реформа начата была въ 1842 г. Гигантскій шагъ впередъ она сдѣлала благодаря плодотворнѣйшему участію въ ней Гладстона въ 1845—1846 гг. Имъ же однимъ она, можно сказать, и была завершена въ 1853 и 1860 годахъ.

ность дѣла и устраняли преступленія, уничтожая ихъ причины. Такъ, буржуазія и аристократія, и главнымъ образомъ промышленные слои, обезпокоенные и негодуя по поводу извѣстныхъ шеффильдскихъ событій, предприняли въ 1867 г. большое разслѣдованіе съ цѣлью строгой репрессіи; но едва дѣло выяснилось, образъ дѣйствій мѣняется и являются предупредительныя мѣры въ видѣ законовъ 1870 и 1875 гг., разрѣшавшихъ рабочимъ свободу организацій, стачекъ и «picketing», который показался бы чѣмъ-то необычайнымъ даже многимъ изъ итальянскихъ демократовъ *).

Итакъ, исторія открываетъ предъ правящими классами Италіи два пути совершенно опредѣленныхъ, почти лишенныхъ всякихъ развѣтвленій и обходовъ, вообще нерѣдкихъ въ соціальныхъ явленіяхъ. Надъ однимъ написано: *революція.* Это путь, протоpенный Франціей. Надъ другимъ—*реформа.* Это старинный, римскій девизъ; его впослѣдствіи усвоила Англія, придавъ ему своей исторіей силу убѣдительности **).

Италія, по своему развитію, страна отсталая и предъ Франціей, и предъ Англіей. Это обстоятельство во многихъ отношеніяхъ печально, но имѣетъ одну выгодную сторону: наша страна можетъ воспользоваться результатами политико-соціальнаго опыта другихъ націй.

II.

Политико-соціальное движеніе за послѣднюю четверть вѣка въ Италіи, не въ примѣръ другимъ цивилизованнымъ націямъ, было замедленнымъ. Причиной тому нѣсколько обстоятельствъ, заслуживающихъ спеціальныхъ изслѣдованій; достаточно назвать слабость промышленнаго развитія и относительной концентраціи и организаціи рабочихъ классовъ, безграмотность, бѣдность, недостатокъ свободы и элементарнаго политическаго воспитанія, истощеніе силъ въ долгомъ періодѣ заговоровъ, возстаній и войнъ за національныя единство и независимость, сервилизмъ, проникшій въ плоть и кровь народа въ результатѣ вѣкового угнетенія, мѣстныя различія и распри, парализовавшія массу силъ и мѣстной энергіи, и въ умѣлыхъ рукахъ служившія другъ противъ друга, и т. п.

Отсталость политическаго и соціальнаго развитія отражается во всѣхъ классахъ, какъ правящихъ, такъ и низшихъ. Въ то время, какъ послѣдніе отличаются недостаткомъ сознанія собственныхъ правъ и стремленія къ болѣе высокому уровню жизни, что проявляется въ альтернативѣ то приниженнаго раболѣпія, то дикихъ вспышекъ,—въ правящихъ классахъ

---

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія о важности зак. 1870 и 1875 гг. См. *Howell*: „Trade Unionism, Old and New“; *Webb*: „History of Trade Unionism“; *K. Lavellée*: „Les classes ouvrières d'Europe“, v. III, Angleterre.

**) Позволяю себѣ напомнить, что этотъ взглядъ вкратцѣ выраженъ еще въ 1879 году въ моей брошюрѣ „La questione sociale e la libertà“. Этимъ я хочу доказать читателю, что приведенныя въ настоящей главѣ сравненія не вызваны какими-либо полемическими соображеніями.

наблюдается отвращеніе ко всякимъ новшествамъ и вѣра въ незыблемость своихъ привилегій, представляющихъ не болѣе, какъ феодальный пережитокъ. Эти черты болѣе жизненны на югѣ Италіи и на островахъ; сѣверъ носитъ отпечатокъ большей современности,—не въ такой мѣрѣ, впрочемъ, чтобы сказываться замѣтнымъ образомъ на политикѣ и интеллектуальныхъ качествахъ верхнихъ слоевъ, скорѣе реакціонныхъ, нежели здраво-консервативныхъ.

Консерваторы однако скоро начали выражать глубокія сожалѣнія по поводу сдѣланныхъ жалкихъ уступокъ, особенно избирательной реформы 1882 г. и административной 1889 г. Игнорируя причины, они обрушились и на событія 1898 года. Однако, такіе факты требуютъ болѣе вдумчиваго отношенія. Не только въ интересахъ справедливости, но и благоразумной политики и истинныхъ государственныхъ интересовъ слѣдуетъ обратиться къ анализу причинъ этого конфликта. Онѣ лежатъ въ такихъ случаяхъ, по заявленію одного изъ наиболѣе умственныхъ публицистовъ, не въ отдѣльныхъ лицахъ, но общихъ условіяхъ; и мѣры, направленныя противъ первыхъ, не ведутъ ни къ чему, пока не будутъ затронуты вторыя (Растиньякъ).

Поводомъ послѣдняго конфликта, какъ извѣстно, было сильнѣйшее вздорожаніе хлѣба (тутъ вліяло сокращеніе ввоза вслѣдствіе испанско-американской войны). Но оно было лишь искрой, воспламенившей давно къ тому готовый матеріалъ. Впрочемъ, и одного такого вздорожанія было бы достаточно для вспышки,—размѣры его были, поистинѣ, необычайны: до 54 чентезимовъ за килограммъ въ Сорезинѣ, 50—60 чентезимовъ въ Неаполѣ. Значеніе подобнаго повышенія цѣны главнаго предмета потребленія итальянцевъ, почти исключительнаго среди массъ юга, можно представить, принявъ въ соображеніе: 1) низкіе заработки, 2) слабый спросъ на трудъ, 3) крайне недостаточное потребленіе хлѣба даже до этого вздорожанія. Въ 1895 году ежедневное его потребленіе на жителя составляетъ 330 грамм., въ то же время во Франціи до 533 граммовъ *). Развѣ въ виду этого нельзя было въ 1898 году, когда цѣна хлѣба удвоилась, говорить о настоящемъ голодѣ!

Прямые и коственные налоги, мѣстные и государственные, составляли 42,85% цѣны центнера.

Нельзя утверждать, будто наклонность итальянцевъ къ протестамъ изъза цѣнъ и недостатка хлѣба,—къ чему въ своемъ наиболѣе простомъ и истинномъ видѣ сводится экономическое разстройство, составляетъ ихъ характерную черту: англосаксы поступали точно такъ же, когда переживали ту же нужду. Стóитъ вспомнить, что приведено выше изъ заявленій Стефенса и книги Роза.

Другой писатель, касаясь 1898 года, справедливо замѣчаетъ: «Наша

*) *Giulio Fioretti*: „Pane, governo e tasse in Italie". Napoli, 1898, p. 67. Фіоретти—одинъ изъ наиболѣе образованныхъ и воинственныхъ консерваторовъ юга. Въ слѣдующихъ ссылкахъ я ограничиваюсь упоминаніемъ одного имени автора этой цѣнной книги.

несчастная страна—единственная, гдѣ экономическія явленія, общія для всей Европы, подвергаются такому страшному извращенію; въ другихъ странахъ однородныя съ нашими бѣдствія выдерживаются и переносятся; у насъ они невыносимы и вызываютъ взрывы отчаянія. Экономическій кризисъ вызываетъ внезапно здѣсь массовую нищету, а нищета—мятежныя и безразсудныя потрясенія, которыя вмѣсто того, чтобы уменьшить зло, только увеличиваютъ его и обостряютъ. Гдѣ возможность естественнаго развитія, разъ нарушены и нормальная жизнь, и трудъ, и промышленный оборотъ?»

Говоритъ это депутатъ Олива въ газетѣ *Corriere della Sera* (1898 г., № 122). Онъ могъ бы еще добавить, что возмущеній изъ-за хлѣба не было, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ размѣрахъ, какъ въ Италіи, даже тамъ, гдѣ, несмотря на сильное вздорожаніе, правительства отказывались хотя бы временно уничтожить хлѣбныя пошлины.

Причина, почему экономическіе кризисы, общіе всей Европѣ, у насъ однихъ порождаютъ особыя послѣдствія, ясна и давно извѣстна; у насъ она составляетъ каплю, переполняющую сосудъ: это не кризисъ собственно, но сильнѣйшее обостреніе тяжелой болѣзни, хронической и давно уже появившейся.

О нездоровомъ, дѣйствительно изъ ряду вонъ выходящемъ положеніи Италіи уже издавна говорятъ прямые и косвенные факты: безграмотность, преступность, сокращеніе потребленія, конфискація имущества за неуплату налоговъ, эмиграція и т. д., и т. д., и только наша слѣпота не побудила насъ до сихъ поръ обратить вниманіе на эти грозные признаки, обнаруживавшіеся во всѣхъ оффиціальныхъ статистическихъ изданіяхъ Бодіо.

Не нужно было имѣть въ виду событія 1893—94 гг. въ Сициліи и остальной Италіи, чтобы предвидѣть, что всякое дальнѣйшее ухудшеніе существующей экономической нужды—все, что у націй, живущихъ въ болѣе нормальныхъ условіяхъ, прошло бы незамѣченнымъ, у насъ имѣло бы тяжкія послѣдствія, которыя поверхностному наблюдателю могли бы показаться непропорціональными своимъ причинамъ. Событія послѣдняго времени, начиная съ сицилійскихъ, открыли глаза даже слѣпымъ.

Искренній либеральный консерваторъ, маркизъ Де-Вити-де-Марко, объяснялъ въ октябрѣ 1897 года эти событія общими экономическими бѣдствіями. И этотъ извѣстный римскій профессоръ добавлялъ: «правительство ищетъ подстрекателей, а между тѣмъ само оно—причина грозящихъ опасностей» *). Нищета рабочихъ массъ считалась необычайной, не имѣющей себѣ подобія въ Европѣ, кромѣ развѣ Ирландіи, еще съ тѣхъ поръ, какъ Стефано Ячини написалъ свое замѣчательное «Введеніе» къ аграрной анкетѣ. Съ того времени положеніе, особенно крестьянъ, еще ухудшилось.

До чего дошло дѣло, можно судить по признаніямъ одного оффиціальнаго документа, болѣе цѣннаго, чѣмъ даже «Введеніе» Ячини. Вотъ они: «прогрессирующій постоянный ростъ эмиграціи, достигшей за десятилѣтіе

*) *Giornale degli Economisti*, Ottobre, 1897.

колоссальной цифры 2.391,139 чел., постоянство причинъ, вызывающихъ это соціальное явленіе, т.-е. глубокая язва, разъѣдающая народное хозяйство, общая угнетенность земледѣлія и промышленности, проистекающая изъ условій всемірной конкурренціи и недостатка капиталовъ, могущихъ помѣщаться на удовлетворительныхъ условіяхъ, вслѣдствіе недостаточности національныхъ сбереженій, жалкое обнищаніе части крестьянства, возрастаніе безработныхъ вслѣдствіе распространенія латифундій и прекращенія крупныхъ общественныхъ работъ, чрезвычайное увеличеніе бѣдности вообще—все это факты настолько значительные въ этико-соціальномъ отношеніи, что здѣсь требуется возможно большая внимательность со стороны правительства».

Кто же этотъ опасный агитаторъ, достойный тюремнаго заключенія, кто такъ унижаетъ Италію предъ глазами всего міра? Самъ ди-Рудини! Вышеприведенный отрывокъ—написанное имъ вступленіе къ проекту закона объ «устройствѣ деревенскихъ общинъ» и т. д., представленному палатѣ депутатовъ въ засѣданіи 13 апрѣля 1897 года...

Если бы не опасеніе наскучить, можно бы привести сотни аналогичныхъ цитатъ; ограничусь отрывкомъ изъ рѣчи, произнесенной Джустино Фортунато при глубокомъ вниманіи палаты: «Минувшей осенью,—говорилъ представитель Базиликаты,— я долго пробылъ въ далекомъ углу нашего полуострова, много наблюдалъ, ко многому прислушивался. Вернувшись теперь, я считаю долгомъ заявить, что мы спимъ на вулканѣ! Земледѣльцы юга, которые ничего не знаютъ ни о республикѣ, ни о соціалистахъ, не нуждаются даже въ пропагандѣ крайнихъ партій: среди нихъ вполнѣ достаточно агитируетъ отчаянность ихъ положенія. Они еще молчатъ, не довѣряя пока своимъ силамъ, успѣху протеста противъ режима выжиманія и конфискаціи. Воздухъ зноенъ, что предвѣщаетъ наступленіе бурной непогоды, которой нельзя не бояться и не стараться предотвратить, въ предвидѣніи насилій и классовыхъ конфликтовъ. Экономическое разстройство—вотъ въ чемъ слабость Италіи, придающая силу врагамъ ея. И политика—наука, не настолько проникнутая жалкимъ самомнѣніемъ, чтобы не только оставлять безъ вниманія предупрежденія, но даже игнорировать и высказываемыя мнѣнія.

Слова Фортунато, не оставшіяся безъ впечатлѣнія на слушающихъ, заключали нѣчто пророческое; но слова эти не возымѣли силы, и подверглись той же участи, что и мои, сказанныя 31 января 1893 г., на другой день послѣ кальтавутурской стычки.

Депутатъ Мельфи говорилъ все это въ маѣ 1897 г., когда не было еще помину о необыкновенномъ хлѣбномъ кризисѣ, о возстаніи въ Анконѣ, Магератѣ и т. д.; да этого и не требовалось, чтобы чувствовать, что настало время для каждаго честнаго гражданина и политика поднять тревогу въ виду назрѣвшихъ бѣдствій.

Яснымъ представленіемъ о такомъ положеніи обладали не одни кабинетные ученые, специализовавшіеся на улавливаніи за разъ и частностей, и

цѣлаго; имъ обладало и правительство, которому въ стремленіи видѣть дальше и шире часто недостаетъ знакомства съ дѣйствительностью, знанія тѣхъ небольшихъ недостатковъ, которые иногда внезапно потрясаютъ всю государственную машину.

Чтобы не приводить многихъ примѣровъ, возьму болѣе значительные. Съ положеніемъ вещей хорошо былъ знакомъ Руджеро Бонги, ех-министръ и членъ правой, писавшій слѣдующее: «Опасности для существующаго режима въ Италіи больше, нежели въ Англіи: Италія объединилась какихъ-нибудь треть вѣка тому назадъ; слабо сплоченная, потрясаемая неудовольствіями, очень чувствительными, разстроенная экономически и въ финансовомъ отношеніи, она не тверда въ своихъ гражданско-общественныхъ основахъ и преслѣдуемая разнаго рода неудачами колеблется между поддержаніемъ тяготящихъ ее союзовъ и ихъ разрывомъ подъ рискомъ опасностей съ другихъ сторонъ. А послѣднее, можетъ быть, хуже перваго: явленія, вызванныя въ другихъ мѣстахъ *неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатства,* у насъ имѣютъ подъ собою *равномѣрное распространеніе бѣдности»* *).

Отъ Бонги до Саракко, справа налѣво, отъ одного характера и общественнаго положенія къ другому, столь отличному—переходъ не малый. Но—черезъ четыре года—второй приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, что и первый. Читателя можно избавить отъ приводимыхъ тутъ соображеній, потому что представить ихъ себѣ легко по самому заглавію его статьи: «Бѣдны мы или нѣтъ?» **).

Тотъ же Саракко, забывъ, что былъ членомъ кабинета Криспи, ставшаго, благодаря своему безумному увлеченію милитаризмомъ, главной причиной финансоваго разстройства государства и экономическаго—населенія, въ своей острой критикѣ иллюзій и оптимизма Луиджи Луццати относительно источника обложенія, замѣтивъ, что законы въ Италіи издаются только для того, чтобъ обмануть ближайшее будущее, приходитъ къ слѣдующему убѣдительному заключенію: «Что сказать о серьезности этихъ обѣщаній при существованіи программы, предающей ихъ мирному забвенію? Если сейчасъ краху не будетъ предшествовать *протестъ,* то все же дѣло тутъ не болѣе, какъ *въ отсрочкѣ.* Пока населеніе терпитъ; но выносить долго обманы оно не будетъ въ состояніи» ***).

Такія выраженія, исходи они отъ республиканца или соціалиста, были бы сочтены за призывъ къ мятежу. Но, повторяю, все это совершенно вѣрно.

Иллюзіи относительно государственнаго баланса идутъ объ руку съ иллюзіями по поводу національныхъ сбереженій, основанныхъ исключительно на увеличеніи вкладовъ въ обыкновенныхъ и постовыхъ сберегательныхъ кассахъ. О послѣднемъ вообще надо замѣтить, что это—явленіе,

---

*) „Il diritto del Principe in uno Stato libero". *Nuova Antologia,* 15 dec. 1893.

**) *Nuova Antologia,* 30 нояб. 1897 г.

***) *Nuova Antologia,* 15 янв. 1898 г. Курсивъ—самого Саракко.

зависящее отъ параллельнаго ему роста населенія и духа запасливости въ немъ, начинающаго проникать всюду и побуждающаго многихъ помѣщать въ кассы ради небольшихъ процентовъ тѣ небольшія сбереженія, которыя раньше прятались дома на днѣ кубышки лишь по недовѣрію къ другому помѣщенію. Въ сущности же плюсъ въ обыкновенныхъ сберегательныхъ кассахъ въ 277 мил. лиръ за 1886—96 гг. и въ 205 мил.—въ почтовыхъ за 1886—94 гг. имѣетъ свою печальную оборотную сторону въ минусѣ въ 514 мил. лиръ для другихъ банковъ и кредитныхъ обществъ за время 1876—94, 95 гг.

Въ вышеизложенныхъ заявленіяхъ бывшихъ членовъ правительства можно бы видѣть проявленіе пессимизма, навѣяннаго удаленіемъ отъ власти. Будь такъ, нечего было бы безпокоиться; но предъ нами слишкомъ достаточно объективной статистики Бодіо или Мюльгаля, приводящей все къ тому же заключенію—нашей абсолютной, унизительной бѣдности наряду съ богатствомъ двухъ націй. Такъ, проф. Федерико Флора, рѣшительный противникъ соціализма, опираясь на данныя Бодіо и капитализируя 54-милліардное богатство всей Италіи по 5% получилъ въ среднемъ 350 лиръ годичнаго дохода на каждую итальянскую семью: доходъ, добавляетъ онъ, способный довести до голодной смерти *).

Такое печальное экономическое положеніе внутренно связано—въ значительной мѣрѣ отношеніемъ слѣдствія къ причинѣ—съ итальянскимъ налоговымъ режимомъ, словно предназначеннымъ еще болѣе урѣзать скудные доходы населенія, помѣшать образованію производительныхъ капиталовъ, обезкуражить нарождающуюся промышленность. Бѣглый взглядъ на нашъ финансовый механизмъ и его функціи, характеризуемые немногими цифрами, докажетъ это лучше всякихъ данныхъ разсужденій и утонченныхъ соображеній **).

		Частное богатство.			На одного жителя.	
Пятилѣтіе	1873—77	42,2	милліар. лиръ.	.	1,506	лиръ.
»	1888—92	54	» »	.	1,768	»
Увеличеніе		28%	» »	.	17%	»
		Государственные расходы.			**На одного жителя.**	
Пятилѣтіе	1873—77	1,133	милл. лиръ.	.	40	»
»	1888—92	1,626	» »	.	52	»
Увеличеніе		40%	» »	.	30%	»

*) „La finanza e le questione sociale“. Torino, 1897, p. 93, п. 1. По Delivet ежегодный доходъ былъ бы, за вычетомъ военныхъ расходовъ нѣсколько болѣе 223,11 лиръ на жителя, достигая въ Англіи 802 лиръ. Принимая за нормальную высоту дохода половину англійскаго, окажется, что итальянцу для нормальнаго поддержанія существованія недостаетъ 97,75 лиръ.

**) Цифры и сравн. заимствованы у Фіоретти, *Pane* etc.; кромѣ того изъ очень цѣннаго сочин. *Conigliani*: „La riforma delle leggi sui tributi locali“. Modena, 1898, изъ введенія къ курсу финансовой науки—*О нашей налоговой системѣ* читаннаго въ Женевскомъ университетѣ 6 декабря 1897 г., и изъ статьи *De-Viti de-Marco* „Le recenti sommosse in Italia—Cause e riforme“ (*Giornale degli Economisti*, іюнь, 1898).

Въ Англіи государственные расходы поглощаютъ $^1/_{77}$ народнаго богатства; во Франціи—$^1/_{68}$; въ Италіи же—$^1/_{32}$! Или если взять состояніе въ 10,000 лиръ, то англичанинъ платитъ изъ него государству 130, французъ—147, а итальянецъ—307 лиръ.

Еще на болѣе горькія мысли наводитъ назначеніе налоговыхъ сборовъ, распредѣленіе государственныхъ расходовъ.

Въ бюджетѣ 1895—96 гг. они распредѣлялись такимъ образомъ:

Государственный долгъ	685 мил.	42,5%
Военные расходы.	443 »	27,5%
Издержки по полученію доход.	160 »	10,0%
Внутренніе расходы.	318 »	20,0%

Отсюда видно, что непроизводительные расходы составляютъ 80%, производительные—20%. Такъ какъ въ послѣдней рубрикѣ (вн. расх.) есть расходы окупающіеся, наприм., почта и телеграфъ, то, оказывается, дѣйствительная доля, приходящаяся на внутренніе расходы, ниже вышеуказанныхъ 20%. А въ 1862 г. она составляла 33%. Постоянное ухудшеніе здѣсь поэтому очевидно: сокращеніе расходовъ на внутреннія нужды, особенно на общественныя работы, объясняетъ возрастающую безработицу.

На кого же ложатся преимущественно налоги, представляющіе источникъ столь непроизводительно распредѣленныхъ государственныхъ расходовъ? Это—наиболѣе печальная сторона вопроса. Цифры подтверждаютъ выводъ Джіолитти, что въ Италіи налоги являются обратно прогрессивными. Дѣйствительно, изъ 1,361 милліоновъ налоговъ на земли, фабрикаты, занятія, потребленіе и лоттереи—731 милл. ложится на менѣе состоятельные и рабочіе классы, такъ что нельзя не согласиться съ мнѣніями двухъ выдающихся экономистовъ принадлежащихъ къ двумъ разнымъ школамъ: «противъ *дикой налоговой системы* началось общее оппозиціонное движеніе. Вся противоположность интересовъ правящихъ классовъ пропадаетъ, какъ только дѣло идетъ о переложеніи на массы потребителей кучи безобразныхъ налоговъ и предоставленіи нищимъ рѣшенія патріотической задачи удержать бюджетъ въ равновѣсіи». (De Viti de Marco). Поведеніе этихъ классовъ сдѣлало положеніе трудящихся положительно невыносимымъ. «Въ нашихъ общинахъ можно подъ эгидой законовъ при благоволеніи придержащей власти, потворствовать, благодаря мѣстнымъ связямъ, постыднымъ интересамъ, перенося всѣ тягости налоговъ на болѣе слабыхъ плательщиковъ (Conigliani).

Гдѣ основаны важныя промышленныя заведенія по типу новѣйшей крупной индустріи, тамъ нельзя отрицать относительнаго довольства, несмотря на пріемы фиска, часто заставлявшемъ нарождавшуюся промышленность эмигрировать *). Но въ земледѣльческихъ округахъ господствуетъ

*) *G. Colombo*: „Le industrie meccaniche italiane all'Esposizione di Torina". „Nuova Antologia", 1 окт. 1898.

неописуемая бѣдность; итальянскій фискъ какъ будто избралъ земледѣліе своимъ козломъ отпущенія. Подробности этого обстоятельства прямо скандальны; достаточно, однако, знать, *до чего* доходитъ здѣсь дѣло въ Италіи. Въ то время какъ во Франціи земля несетъ 16% государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ своего продукта, въ Германіи—15% и отъ 13% до 20% въ Англіи, въ Италіи земельные налоги поглощаютъ отъ 30% до 50%.

Въ результатѣ нашей безчеловѣчной системы достался рекордъ по части экспропріацій за неплатежъ налоговъ: съ 1 января 1884 г. до 31 декабря 1895 г. было 64,000 продажъ городской и сельской независимости, т.-е. 567 экспропріацій на каждые 100,000 жит. и на каждые 3,000 собственниковъ экспропріировано 18,9% всего числа послѣднихъ! И эти цифры становятся еще внушительнѣе, если принять въ разсчетъ 1) что въ 1895 г. 76% экспропріированныхъ имуществъ обращены въ государственную собственность за отсутствіемъ желающихъ пріобрѣсти ихъ; 2) что въ 62,49% продажъ цѣна экспропріированнаго имущества назначалась ниже 50 лиръ. Ужасные, постыдные факты!—восклицаетъ Фіоретти.

Тотъ же авторъ справедливо замѣчаетъ, что изъ поземельныхъ налоговъ налогъ на земледѣльческую движимость особенно обнаруживаетъ несправедливости обложенія, потому что въ деревняхъ и незначительныхъ центрахъ ничто не укрывается отъ взора фиска, тогда какъ въ большихъ городахъ можно съ увѣренностью предположить, что по крайней мѣрѣ 50% подлежащаго налогу имущества избѣгаетъ обложенія. Въ этомъ,—добавляетъ онъ,—ихъ единственная выгода: иначе хозяйственная жизнь Италіи могла бы угаснуть со дня на день *).

Все это подтверждаетъ старинное выраженіе де-Лавеле о фискальномъ коллективизмѣ, онъ оказывается не реторической фразой, а мрачной истиной, заставляющей Флору и Фіоретти признать, что настоящій врагъ частной собственности въ Италіи—государство, а не коллективизмъ.

Бо́льшія бѣдствія земледѣлія и земледѣльческихъ классовъ говорятъ, что экономическое разстройство должно быть гораздо значительнѣе на югѣ Италіи и двухъ главныхъ островахъ. Что это такъ, видно изъ: 1) болѣе сильной эмиграціи земледѣльческаго класса; 2) меньшей нормы потребленія; 3) бо́льшаго числа экспропріацій; 4) изъ рѣзкаго различія въ накопленіи сбереженій. Я ограничиваюсь только этими четырьмя показателями экономическихъ условій **); ихъ достаточно, чтобы неопровержимо установить

---

*) *Rivista popolare* (30 октября 1897 г.) въ статьѣ „Протесты плательщиковъ", по поводу фактовъ на Piazza Navona въ Римѣ, замѣчаетъ также, что малые центры обложены въ большей части движимости, чѣмъ большіе города, причемъ первые не сильны участіемъ въ политической жизни и несутъ на себѣ послѣдствія неблагоразумія политиковъ крупныхъ городовъ.

**) Экспропріацій за неплатежъ налоговъ за 1884 — 1895 гг. было 47 — 49 на 100,000 жит. на югѣ, 11,78 въ средней Италіи и 6,9—въ сѣверной. Наоборотъ, къ 31 дек. 1893 г. въ сѣверной Италіи съ 13.630,904 жит. было 1,498 милл. сбереженій,

ужасную бѣдность юга, гдѣ преобладаетъ земледѣліе, и относительное довольство промышленнаго сѣвера—гдѣ, по крайней мѣрѣ, промышленность настолько процвѣтаетъ, что заживляетъ кровавыя раны агрикультуры.

Это различіе экономическихъ условій объясняетъ различіе и соціальныхъ явленій на сѣверѣ и югѣ и болѣе частыя волненія послѣдняго, хотя здѣсь нѣтъ ни соціализма, по крайней мѣрѣ, какъ партіи, ни соціалистической пропаганды, ни того меньше—пропаганды республиканской.

Бо́льшая бѣдность выражается здѣсь въ голодныхъ бунтахъ, а бѣдность эта—результатъ налоговой системы, крайности которой превосходятъ даже тѣ, на которыя жаловался въ свое время Сальвіанъ, даже тѣ, которыя описаны Вобаномъ. И результаты этого будутъ въ Италіи тѣ же, что во Франціи, если мы не пойдемъ по иной дорогѣ. Въ этомъ убѣждаются и консерваторы.

Фіоретти, одинъ изъ наиболѣе стойкихъ изъ нихъ, признаетъ, что на югѣ послѣднія волненія были выраженіемъ глубокаго экономическаго кризиса, терзающаго наше отечество; а кризисъ, въ свою очередь, вызванъ единственно чудовищностью нашей налоговой системы. Въ этомъ, въ теоріи, увѣрены, повидимому, и ломбардскіе консерваторы.

Миланскій *Costituzionale* 7 іюня 1898 г. одобрилъ «порядокъ дня», гдѣ выражалось желаніе *скорѣйшаго возстановленія экономическаго и административнаго порядка въ странѣ въ видахъ уменьшенія удручающаго ее разстройства.*

Въ другомъ собраніи того же общества (17 мая) Коломбо назвалъ *наше экономическое положеніе несчастнѣйшимъ*. Не менѣе строгъ былъ и Принетти, говоря въ «народномъ обществѣ» (*Circolo Popolare*) 20 мая противъ фиска и нашей налоговой системы, тамъ же и тогда же членъ того же общества Альбазини Скросати назвалъ бѣдствія страны глубокими.

Я въ особенности останавливаюсь на мнѣніяхъ ломбардскихъ консерваторовъ потому, что послѣдніе были и еще остаются въ высшей степени преданы репрессіямъ огнемъ, мечемъ и галерами, разъ дѣло идетъ о мятежѣ; они, надо ожидать, наиболѣе должны бы быть заинтересованы въ пріуменьшеніи важности истинныхъ причинъ волненій. И однако очевидность повліяла и на нихъ, вынудивъ признанія, звучащія строгимъ осужденіемъ ихъ же способа управленія—способа, кратко охарактеризованнаго грубымъ, но вѣрнымъ восклицаніемъ Дона Альбертаріо: «А, канальи! Вы угощаете свинцомъ бѣдняковъ, которыхъ заставили наголодаться, и потомъ оставляете въ отвѣтѣ клерикаловъ!» *).

III.

Переходя къ политическому и моральному состоянію Италіи, надо замѣтить, что многіе несправедливо оставляютъ политику и мораль въ прене-

---

тогда какъ въ южной при 11.668,273 жит. ихъ было лишь на 284.172,606 лиръ! Сицилія съ 3.444,394 жит. имѣла 62.752,241 лиръ сбереженій, а Ломбардія съ 4.007,561 жит.—661 милл. лиръ.

*) Osservatore Cattolico, 6—7 мая 1898 г.

бреженіи, выставляя ихъ въ ложномъ свѣтѣ подъ именемъ политическаго идеализма; причемъ всѣ, не исключая и этихъ скептиковъ, симпатизируютъ однако проявленіямъ такого идеализма, когда его приходится встрѣчать не у себя дома или въ отдаленныя эпохи. Такъ, всѣ испытывали чувство удивленія, читая въ замѣчательной «Histoire de dix ans» Луи Блана о тѣхъ политическихъ и моральныхъ причинахъ, которыя вызвали во Франціи событія 1830 и 1848 гг. Джузеппе Цанарделли, порицая въ палатѣ депутатовъ нарушенія конституціи Криспи, въ 1895 году напомнилъ, отдавая дань уваженія, сопротивленіе парламента и французскаго народа произволу Карла X и его министра Полиньяка, поведшее къ іюльскимъ сценамъ въ Парижѣ. Характерно также, что февральскія баррикады вызваны были запрещеніемъ избирательныхъ банкетовъ, въ отвѣтъ на вульгарный матеріализмъ Гизо, кричавшаго изъ елисейскаго дворца французамъ: *обогащайтесь!*—словно затѣмъ, чтобы отвести ихъ глаза отъ политики и морали.

«Если какое ближайшее вліяніе могло благопріятствовать взрыву неудовольствія (въ маѣ 1898 г.),—пишетъ Чикотти,—то искать его слѣдуетъ не въ соціалистической пропагандѣ.

«Лѣтописи итальянской буржуазной революціи полны заговоровъ, волненій, постоянныхъ и бурныхъ возстаній; и тріумфъ ея повлекъ въ апоѳеозѣ всѣ послѣднія событія.

«Въ каждомъ итальянскомъ городѣ встрѣчаются монументы, прославляющіе память ея героевъ.

«Празднованіе въ 1898 году пятидесятилѣтія 1848 года было актомъ оффиціальнаго признанія права возстанія.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ король содѣйствовалъ постановкѣ памятника Джузеппе Мадзини, приговоренному къ смерти современной ему монархіей *).

«Въ текущемъ (1898 г.) память баррикадъ 1848 г. праздновалась и прославлялась въ оффиціальныхъ собраніяхъ сенаторами и консерваторами всѣхъ оттѣнковъ.

Обращаемся къ современной политикѣ Италіи. Передъ нами тотъ случай, когда само экономическое положеніе является продуктомъ политическихъ условій. Угнетающая налоговая система, составляющая такую значительную долю итальянскихъ бѣдъ, довершается наихудшей политикой и администраціей, на половину неблагоразумной, на половину несчастной. Анкеты, восходящія, если не ошибаюсь до 1865 года, констатировали такое опустѣніе государственной казны, что были бы вполнѣ возможны потеря кредита и банкротство государства.

Общій характеръ итальянской политики въ отношеніи къ финансамъ заключался главнымъ образомъ въ абсолютномъ несоотвѣтствіи политики

---

*) Недавно въ Генуѣ поставленъ монументъ въ память братьевъ Руффини. Другіе монументы имѣются въ память Вокіели и прочихъ жертвъ возстанія противъ савойской династіи.

съ экономіей, расходовъ съ національнымъ богатствомъ; настаивать на этомъ нѣтъ необходимости послѣ работъ экономистовъ—за послѣднее время Парето Флоры и Сонильяни и политиковъ, стоящихъ внѣ подозрѣній въ неблагонадежности, начиная отъ Кармине и Коломбо до маркиза Альфіери де Состеньо и Стефано Ячини, который первый протестовалъ противъ подобной политики, какъ маніи величія.

«Экстраординарныя» статьи нашей злосчастной политики—пенсіи, желѣзныя дороги, военные расходы. Пенсіи стали для государства роковой язвой; онѣ поглощаютъ свыше 80 милл. бюджета и растутъ, среди большихъ и малыхъ скандальныхъ фактовъ: то онѣ достаются лицамъ, находящимся еще во цвѣтѣ лѣтъ, то поступаютъ одному за нѣсколькихъ.

Болѣе тяжко отозвалась на бюджетѣ постройка желѣзныхъ дорогъ. Многіе милліарды, которыхъ онѣ стоили, были для ортодоксальныхъ экономистовъ скорѣе предметомъ гнѣва, нежели объективной критики, что особенно надо сказать о Парето и Де-Вити. Часто при этомъ, однако, забывалось, что ложившіеся на бюджетъ желѣзнодорожные расходы бывали причиной національнаго благоденствія. Такой эквивалентъ стòитъ того, чтобы на немъ остановиться. Нельзя забывать кромѣ того, что географическая форма Италіи такова, что неизбѣжно обусловливаетъ малую доходность однѣхъ линій, необходимыхъ въ интересахъ распредѣленія, которыя однако содѣйствуютъ доходности другихъ. Гдѣ критика никогда не можетъ быть слишкомъ строгой, такъ это въ размѣрахъ расходовъ и способовъ добыванія средствъ для нихъ. Рѣчь Равы въ палатѣ показала, что благодаря пріемамъ итальянскихъ финансистовъ въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и другихъ расходахъ явились займы, уплаты по которымъ находятся къ занятымъ суммамъ почти въ отношеніи 100 : 50!

Какъ расходовались деньги, можно убѣдиться изъ немногихъ цифръ: стоимость линіи Новаро-Пино обошлась вмѣсто 20 милліоновъ въ 44; вспомогательной отъ Джіови вмѣсто 21—въ 78; линіи Кунео-Вентимилья вмѣсто 38 милл. въ 91; линіи Фаенца-Фиренце вмѣсто 40—77, Парма-Спеція вмѣсто 46—119... Перечень этотъ можно бы продолжать и разсмотрѣніе дѣла могло бы быть еще пикантнѣе, если припомнить, что нѣкоторыя изъ этихъ линій еще не окончены. Приведенныя цифры говорятъ, что наши желѣзныя дороги могли бы обойтись на $^1/_2$ меньше и что расходы крайне понизились бы, если бы оно производилось съ знаніемъ и благоразуміемъ. Итакъ, заслуживаютъ осужденія не желѣзнодорожные расходы сами по себѣ, потому что результатомъ ихъ, при всей непропорціональности, бываетъ благо, но способъ расходованія.

Военные расходы превосходятъ желѣзнодорожные много болѣе и притомъ съ меньшими результатами. Восемь съ лишнимъ милліардовъ, ушедшихъ за 1871—1897 гг. на флотъ и войско, оставили государство необороненнымъ и не придали ему даже и мнимыхъ выгодъ военной славы: Кустоцца, Лисса и Абба Карима совпадаютъ съ фактомъ горчайшей нужды, ими обусловленной, съ печальнымъ фактомъ, нимало не изглаживаемымъ сла-

вою побѣдъ, одержанныхъ надъ безоруженными сицилійскими крестьянами и миланскими рабочими.

Не кто иной, какъ генералъ Ла-Мармора совѣтовалъ отвергать совѣты тѣхъ, кто думаетъ, будто Италія не должна довольствоваться своей независимостью и свободой, но домогаться *военной славы*: такія мнѣнія преступны, болѣе чѣмъ преступны—безсмысленны...

Это крайнее несоотвѣтствіе между экономическимъ положеніемъ націи, военными расходами и результатами ихъ сотни разъ выяснялось писателями и ораторами всѣхъ партій. Ограничусь упоминаніемъ о Ячини, Карлиме, Коломбо, выдающихся ломбардскихъ консерваторахъ. Послѣдній дважды оставлялъ постъ министра финансовъ въ виду желанія правительства продолжать безумную милитаристскую политику, обусловливаемую тройственнымъ союзомъ и колоніальными затѣями. И пусть не говорятъ, что скупость и «микроманія» Коломбо не могутъ служить критеріями политики великой націи,—политики, осуждавшейся многократно искренними друзьями Новой Италіи, вродѣ Гладстона, Кастеляра.

Въ упомянутой уже однажды статьѣ—*Бѣдны мы или нѣтъ?* Саракко писалъ: «Мы не можемъ, не должны забывать той истины, что всякое расширеніе военнаго могущества, къ которому стремится государство въ видахъ поддержанія своего политическаго авторитета, чтобы не быть призрачнымъ, должно соотвѣтствовать экономическимъ силамъ націи».

Эта цитата очень умѣстна въ тотъ моментъ, когда говорятъ объ ассигновкѣ на флотъ 500 милліоновъ!

Итальянцы при всей неразвитости замѣтили экономическіе результаты военныхъ расходовъ: этимъ-то и объясняются тѣ политическія чувства, которыя въ pendant двусмысленностямъ фиска, удачно характеризуются словами убѣжденнаго монархиста, Де Вити де Марко: «Наша конституціонная монархія должна, кажется, либо стать народной (civile) по образцу англійской, либо въ значительной мѣрѣ уклониться отъ свой миссіи; въ первомъ случаѣ она дѣйствовала бы въ унисонъ съ интересами значительной массы плательщиковъ налоговъ и пустила бы глубокіе корни въ чувствахъ народа, всегда монархическихъ. Военная же монархія противопоставляетъ себя интересамъ націи. Два внѣ парламентскихъ кризиса, имѣвшихъ результатомъ удаленіе изъ состава правительства сперва одного, потомъ двухъ министровъ, стоявшихъ за сокращеніе военныхъ расходовъ, олицетворили и драматизировали въ народномъ воображеніи противоположность между короной и народомъ. Такимъ путемъ антимилитаристскія чувства постепенно перешли въ антимонархическія».

Зло было бы меньше, если бы дѣятельность государства нашла себѣ коррективъ въ дѣятельности мѣстной администраціи, но послѣдняя—копія первой и даже превзошла ее въ своихъ недостаткахъ, увеличивая для *плательщиковъ* налоговъ бѣдствія, созданныя государствомъ. Мѣстныя злоупотребленія, будучи болѣе извѣстны, вызвали тѣмъ большее озлобленіе,

налоги стали ненавистны; мѣстныя страданія сдѣлали еще болѣе чувствительными прежде полученныя раны.

Чѣмъ и насколько содѣйствовала общему экономическому, политическому и моральному разстройству мѣстная администрація неоднократно говорилось въ палатѣ. Но никто не говорилъ объ этомъ лучше и авторитетнѣе теперешняго министра внутреннихъ дѣлъ. Въ циркулярѣ префектамъ (сентябрь 1898 г.) генералъ Пеллу пишетъ:

«Послѣ моего кратковременнаго пребыванія въ Апуліи прошлою весною и нѣсколькихъ мѣсяцевъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, я въ состояніи констатировать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ положеніе вещей заставитъ желать лучшаго... Злоупотребленія администраціи будутъ караться немедленно, безъ послабленія, по всей строгости законовъ... Они проявляются въ многоразличныхъ видахъ, начиная съ потворствъ друзьямъ и близкимъ путемъ созданія для нихъ ненужныхъ должностей, назначенія на мѣста, которыя они не могли бы занимать, передачи имъ ненужныхъ работъ и разрѣшенія лишнихъ расходовъ и доходя до подлоговъ въ избирательныхъ спискахъ, поддѣлокъ налоговыхъ регистровъ въ ущербъ другимъ лицамъ (очень часто — менѣе состоятельнымъ), упущенія съ требованіями платежей отъ близкихъ лицъ, такого веденія отчетности, которое скоро становится прямо непостижимымъ, что маскируетъ всевозможные подлоги и обманы, иногда даже до незаконныхъ присвоеній путемъ уклоненія отъ изданныхъ для государственной службы инструкцій. Если поэтому тутъ не принять мѣръ строгаго обузданія, напрасны останутся надежды воспрепятствовать разрушительнымъ доктринамъ, пропаганда которыхъ облегчается тѣмъ болѣе, что онѣ находятъ для себя благопріятную почву».

Лучше всего этого нельзя было и высказать; что касается дѣла—тутъ другое дѣло: tra il dire e il fare c'è il mare! *).

Это признаніе министра, стоящаго во главѣ необузданной реакціи, направленной противъ передовой части народа, по моему, очень важно: изъ него слѣдуетъ, что настоящіе, прямые виновники волненій не тѣ, кто потерпѣлъ за нихъ гоненія.

Оказывается, на дѣлѣ, что самые низкіе аппетиты, самые низкіе инстинкты на всемъ югѣ раздуваютъ пламя пожара, надѣясь въ то же время извлечь отсюда выгоды. И эти низкіе провокаторы становятся затѣмъ наиболѣе рьяными преслѣдователями.

Коммунальные и провинціальные порядки, реагирующіе, при своихъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ центральной власти, на національный бытъ, усилили благодаря невѣжеству массъ озлобленіе противъ нея; всѣ невзгоды, вызываемыя мѣстными причинами, народъ, не будучи въ состояніи ясно различать обстоятельства, приписалъ государству.

Чтобы помѣшать этому, необходимо присутствіе государственныхъ лю-

*) Итальянская пословица: между словомъ и дѣломъ—цѣлое море.

дей высокихъ духовныхъ качествъ и въ центрѣ, и на периферіи; и, конечно, еслибъ Италія имѣла ихъ, она не очутилась бы въ такомъ плачевномъ, какъ теперь, положеніи. Итальянскіе политики оказались, безъ различія партій,—я даже болѣе склоненъ порицать представителей лѣвой, чѣмъ правой,—непредусмотрительными, пристрастными къ личнымъ или кружковымъ интересамъ, и беззаботными къ дѣламъ національнымъ и общественнымъ. Когда они и проявляли нѣкоторое самоотреченіе, — что бывало, впрочемъ, довольно рѣдко,— то эта жертва приносилась династіи, и только кое-когда—отечеству. Ничего другого за послѣднія сорокъ лѣтъ не случалось.

Я не стану включать въ перечень факторовъ, вызвавшихъ политическое недовольство, многократныя, систематическія нарушенія конституціи, беззастѣнчивую фальсификацію представительнаго режима и сведеніе къ минимуму политической свободы: они слишкомъ извѣстны и достаточно вспомнить, что уже одни они обусловили прежніе взрывы, какъ мы видѣли, нынѣ нимало не порицаемые. Я остановлюсь только вкратцѣ на церковной политикѣ.

Во всѣхъ почти государствахъ клиръ и религія несутъ охранительныя функціи. Совсѣмъ не то въ Италіи и здѣсь не мѣсто говорить, какъ государство у насъ стало во враждебныя отношенія къ господствующей церкви. Въ этомъ именно конфликтѣ обнаружилось,—за исключеніемъ закона о гарантіяхъ (1891 г.),—все неблагоразуміе и грубость итальянской политики, постоянно колебавшейся между принципами Цанарделли и Принетти,—въ противорѣчіяхъ, не зависящихъ отъ однихъ личностей и зачастую выступающихъ черезъ небольшіе промежутки, въ одномъ и томъ же лицѣ, то дѣйствующемъ со всей ортодоксальностью клерикала, то предостерегающемъ папство на другой день послѣ поклоненія богинѣ разума.

Такимъ-то образомъ клиръ и религія, въ другихъ мѣстахъ органы консерватизма, на которые можетъ разсчитывать государство, у насъ обратились въ очень видный элементъ волненій. Хорошо еще, что въ Италіи слабы религіозныя чувства и клерикалы держатся боязливо *).

---

*) Энрико Панцакки, консерваторъ, писалъ о церковной политикѣ слѣдующее: „Въ двойственной формулѣ Кавура мы дистиллировали весь вредоносный сокъ, какой она могла заключать, и создали себѣ снотворное зелье. При столь затруднительной обстановкѣ для новаго королевства со столицей въ Римѣ, мы рѣшили быть пассивными, молчать, уклоняться—и только.

„Ни государство клерикальное, съ его обязанностями, но и съ его правами, ни государство свѣтское въ истинномъ и новѣйшемъ смыслѣ слова. При добромъ желаніи намъ можно бы жить въ ладахъ съ низшимъ католическимъ духовенствомъ; но своимъ пренебреженіемъ, скаредностью, грубостью и открытыми несправедливостями мы возстановили его противъ себя настолько, что лучшее, на что остается здѣсь надѣяться, это—его нейтралитетъ. Исторія передастъ въ поученіе потомству о томъ неумѣньи и нелѣпостяхъ, которыя отличали проекты нашихъ переговоровъ и *modus*'а *vivendi*, отвергнутыхъ высшей католической іерархіей.

„И вотъ, всѣ наши мѣропріятія не привели ни къ чему. Мы упразднили мона-

Экономическое разстройство и неспособность правительства сносны, когда духъ морали проникаетъ и поддерживаетъ и отдѣльныхъ людей, и учрежденія. У насъ же гнилая, ядовитая закваска сказывается и проникаеть всюду, сопровождаемая слѣдами разрушенія.

Она, не щадя ничего, перешла изъ частной жизни и въ общественную, доводя дѣло до опасностей для общественныхъ узъ.

Потому-то въ отношеніи преступности мы занимаемъ въ Европѣ первое мѣсто; и эта преступность въ замаскированномъ видѣ и тѣмъ болѣе разрушительная, что пребываетъ безнаказанной, овладѣла муниципіями, провинціями, органами управленія, всѣмъ сложнымъ государственнымъ организмомъ. Доказательство тому—статистическія данныя. Повседневная исторія съ бѣгствомъ кассировъ, злостными банкротствами и т. п.; исторія слѣдствія по поводу южныхъ желѣзныхъ дорогъ въ 1864 году, съ таинственно исчезнувшимъ слѣдственнымъ матеріаломъ, исторія слѣдствія съ казенными табачными доходами (процессъ Лоббіа), слѣдствія по поводу римскаго банка, рѣчи министровъ и парламентскіе отчеты, за самое послѣднее время Саракко, Принетти, Бруникарди — объ общественныхъ работахъ—и т. д., и т. д., констатируютъ относительно частной преступности плачевнѣйшее pendant къ общественной и дополняютъ мрачную картину общественной нравственности, широкими штрихами, хотя и оффиціальнымъ языкомъ, набросанную въ циркулярѣ генерала Пелу о мѣстной администраціи *).

Кто хочетъ имѣть картину, близкую къ истинѣ, пусть прочтетъ статью Бонги о политическомъ вырожденіи Италіи **). Нужно было бы обладать всѣмъ авторитетомъ Бонги и той небольшой свободой, какая существовала еще въ Италіи въ 1893 году, чтобы изложить другія, болѣе важныя соображенія, чѣмъ его—въ знаменитыхъ статьяхъ «Sull'Ufficio e sul diritto

---

стыри,—а Италія полна монаховъ; конфисковали церковное имущество,—и оно пошло на обогащеніе корыстолюбцевъ дѣльцовъ; собирались за одно со свободой подавить клерикализмъ, а онъ, съ ея помощью, растетъ со всѣхъ сторонъ и становится, при своемъ богатствѣ и удачахъ, грозной силой".

Corriere della Sera, 1898 г., № 133.

*) Относительно всего, что касается проявленій нашего моральнаго вырожденія см. мои сочиненія „Corruzione politica", 1888 г., 2 изд., и „Banche e Parlamento", 1893 г. Доказательства того, что выше говорится, потребовали бы не нѣсколькихъ страницъ, а цѣлыхъ томовъ. Поучительные факты на этотъ счетъ попадаются во всѣхъ журналахъ и газетахъ послѣдняго времени. Болѣзненныя явленія были даже оффиціально констатированы,—наприм., сенаторомъ Негри. На собраніи миланскаго *Costituzionale*, онъ, заблуждаясь въ другихъ случаяхъ, высказалъ слѣдующую драгоцѣнную истину: волненія—результатъ недостатка во всей правительственной и національной дѣятельности сознанія долга, результатъ упадка политической нравственности.

Джуліо Принетти и въ парламентѣ, и въ странѣ пользовался живѣйшей антипатіей, которой я, съ своей стороны, впрочемъ, никогда не раздѣлялъ. Стоило ему только проявить энергію, даже и не въ такой мѣрѣ, какъ было необходимо, противъ нѣсколькихъ крупныхъ мошенниковъ, какъ антипатія перешла въ полнѣйшую симпатію и удивленіе.

**) XX Settembre—„Nuova Antologia" 15 сент. 1895 г.

del Principe in uno Stato libero» *), стоившихъ ему изгнанія изъ Квиринала.

Мы ограничимся поэтому повтореніемъ удачнаго выраженія Джуліо Принетти, заимствованнаго имъ у Гизо: въ новѣйшихъ монархіяхъ не исходящихъ отъ боговъ, суверенитетъ лежитъ въ справедливости **). И вотъ, ея-то какъ разъ абсолютно и недостаетъ въ Италіи.

Уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ говорилъ объ этомъ Мингетти въ книгѣ, ставшей классической; въ настоящее время эта истина никѣмъ не отрицается и не преуменьшается; объ этомъ говорятъ, какъ объ опасномъ, вполнѣ установленномъ, явленіи. А еще при открытіи XIV законодательной сессіи обѣщано было возстановленіе царства справедливости. Безъ нея самое существованіе гражданскаго общества неустойчиво ***).

Населеніе, зная такое печальное положеніе вещей, перестаетъ вѣрить безпристрастію законовъ и обращается къ справедливости *morum barbarorum*.

Это послѣдній политико-моральный фактъ современнаго расшатаннаго состоянія Италіи, на которомъ я считаю должнымъ остановится. Населеніе давно бы уже сумѣло возстановить расшатанное положеніе страны, если бы сознаніе зла и его истинныхъ причинъ не затемнялось грубымъ невѣжествомъ и крайне слабымъ политическимъ воспитаніемъ, если бы энергія не угасла за долгіе годы рабства и болѣе чѣмъ семидесятилѣтнюю борьбу за національное единство и независимость.

Сумма всѣхъ вышеуказанныхъ экономическихъ, политическихъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ факторовъ, признанныхъ и выясненныхъ по поводу послѣднихъ майскихъ волненій писателями всѣхъ партій и оттѣнковъ, вполнѣ объясняетъ причины этихъ волненій ****). Я воспользуюсь тутъ заявленіями трехъ лицъ, стоящихъ внѣ подозрѣній по своей преданности Италіи, династіи и существующимъ учрежденіямъ.

Люди, преданные порядку и желающіе сохранить его для Италіи, мало увѣрены въ самихъ себѣ; эта неувѣренность безпокоитъ ихъ. Таково горькое признаніе Ди-Рудини въ майскомъ (1898 г.) циркулярѣ ко всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ королевства, гдѣ изъявлялось сожалѣніе по поводу постоянныхъ требованій войска, на которое только и возлагались всѣ надежды.

Благопріятныя условія для усиленія всякаго рода разнузданности,

---

*) Напечатаны въ „Nuova Antologia“, 15 янв. и дек. 1893 г.

**) Рѣчь въ миланскомъ Circolo popolare въ засѣданіи 20 мая 1898 г.

***) Страстныя страницы обо всемъ этомъ содержитъ англійская работа. Ouida: An impeachement of modern Italy, Review of Reviews, 15 сентября.

****) Я долженъ былъ оставить первоначальное намѣреніе воспроизвести здѣсь наиболѣе характерные отзывы по поводу мая 1898 г. нашихъ политиковъ и монархической прессы. Въ нихъ содержатся драгоцѣннѣйшія признанія по поводу громадной, если и не исключительной отвѣтственности за случившееся правительства и правящихъ классовъ. Но чтобы привести все это здѣсь понадобилась бы длиннѣйшая глава.

клерикализма и уменьшенія чувства солидарности заключаются въ общественной неурядицѣ, разстройствѣ либеральныхъ учрежденій и увеличеніи безнравственности. Это—мнѣніе Бонги *).

«Нашъ народъ недоволенъ и чувствуетъ отвращеніе къ режиму, обрекающему его на жизнь, полную страданій и лишеній, становящихся подъ часъ невыносимыми». Это—мнѣніе сенатора Джузеппе Саракко, которое можно подкрѣпить сотнею другихъ, столь же прямыхъ, исходящихъ отъ монархистовъ, съ безконечнымъ сожалѣніемъ констатирующихъ уменьшеніе или исчезновеніе довѣрія къ существующимъ учрежденіямъ **).

Долго пришлось бы говорить, чтобы выяснить, какъ и почему ошибки и промахи отдѣльныхъ лицъ могутъ поколебать вѣру въ хорошія учрежденія—а наши учрежденія превосходны! Вмѣсто того приведу авторитетное мнѣніе... Виктора Эммануила. Народы—мудро предупреждалъ онъ въ одной изъ тронныхъ рѣчей — цѣнятъ учрежденія, смотря по получаемымъ отъ нихъ результатамъ.

Къ чему привели современныя итальянскія учрежденія, мы уже видѣли; волненія и анархія—ихъ продукты. Такими фактами Италія обязана политикѣ, продолжавшейся съ 40-хъ годовъ и до сихъ поръ ***), тѣ, кто заслужилъ позорный столбъ и галеры, покарали свои собственныя преступленія въ лицѣ людей, чьей единственной виной было разоблаченіе разрушительной работы, совершаемой надъ общественными устоями!

А. И.

---

*) XX Settembre. „Nuova Antologia", 15 сент. 1895 г. Лицемѣры націонализма и монархизма шумно протестовали, когда я утверждалъ въ палатѣ, что чувство національнаго единства ослабляется. Теперь это—фактъ, признанный всѣми, кому не помѣшало въ этомъ ослѣпленіе страсти или невѣжество. Подробнѣе см. *Colajanni* и *Ciccatti*: „Settentrionali e Meridionali, Bibliot. della Rivista popolare", 1898 г.

**) *Saracco*: „Siamo poveri o non siama"? Борели признался въ *Idea Liberale* отъ 15 іюня, что „въ ропщущей вполголоса массѣ, которая, наблюдая и выжидая, имѣетъ покорный видъ, нѣтъ уже почти ни тѣни вѣры; а гдѣ есть, она уже не походитъ на нашу"...

***) „Учрежденія въ опасности и виновники этого тѣ, кто ими завѣдуетъ или, лучше сказать, кто ими должны бы были завѣдывать". Эта находка сдѣлана мною въ *Corriere della Sera*, 25—26 іюля 1898 г.

Земледѣльческая Франція.

Въ послѣднее время все болѣе и болѣе выясняется значеніе деревенскихъ избирателей въ политической жизни западноевропейскихъ государствъ; ихъ голоса уравновѣшиваютъ или численно подавляютъ голоса городскихъ избирателей и служатъ опорой для господствующихъ политическихъ партій въ большинствѣ конституціонныхъ странъ. Парламентской оппозиціи приходится считаться съ политическимъ настроеніемъ или съ отсутствіемъ таковаго въ средѣ различныхъ слоевъ деревенскаго населенія. Городъ и деревня какъ бы противопоставляются другъ другу въ процессѣ общественнаго развитія, который получаетъ вслѣдствіе этого болѣе сложный характеръ, значительно замедляется въ своемъ движеніи и вызываетъ новые вопросы въ области теоретическаго изслѣдованія общественной жизни. Что касается собственно Франціи, то огромная роль деревни въ ея недавнихъ прошлыхъ и ея настоящихъ судьбахъ не подлежитъ сомнѣнію. Стоитъ только вспомнить о плебисцитахъ Наполеона III, о знаменитомъ *деревенскомъ* національномъ собраніи 1871 г., наконецъ, о хлѣбныхъ законахъ Мелина и его аграрной политикѣ. На современной Франціи особенно замѣтно отражается то осложненіе процесса общественнаго развитія, о которомъ мы только что говорили. Послѣ блестящаго, героическаго періода своей *городской* политической жизни, благодаря которому она долгое время стояла во главѣ цивилизованныхъ націй, Франція въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій какъ бы пріостановилась въ своемъ развитіи и во многихъ важныхъ сторонахъ общественной жизни (какъ, наприм., въ области рабочаго законодательства и въ вопросѣ о подоходномъ налогѣ) значительно отстала отъ другихъ государствъ. Параллельно замедленію въ общественномъ развитіи, замѣчается пониженіе общественнаго настроенія во Франціи со всѣми его неизбѣжными послѣдствіями, такъ рѣзко проявившимися въ нѣсколькихъ, можно сказать, національныхъ катастрофахъ послѣдняго времени. Прежнее величіе Франціи какъ-то потускнѣло, и факелъ свободы, гордо поднятый на ея монументахъ, какъ бы начинаетъ потухать. Возникаютъ даже теоріи, стремящіяся доказать научнымъ путемъ неизбѣжное національное вырожденіе Франціи. Мы не будемъ останавливаться на этихъ теоріяхъ, порожден-

ныхъ новѣйшимъ пессимизмомъ или политическимъ недоброжелательствомъ; но самъ по себѣ вопросъ о причинахъ современнаго общественнаго застоя во Франціи заслуживаетъ полнаго вниманія. Мы уже говорили, что, по нашему мнѣнію, этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ политическою ролью, какую играетъ французское крестьянство; поэтому болѣе или менѣе основательное знакомство съ условіями жизни деревенскаго населенія Франціи можетъ способствовать выясненію ея современнаго общественнаго положенія и кромѣ того представляетъ болѣе общій интересъ, въ виду важнаго значенія, какое получилъ вопросъ о роли крестьянства въ европейской исторіи.

Мы попытаемся въ этой статьѣ познакомить читателя съ главнѣйшими данными, касающимися экономическаго положенія земледѣльческаго населенія Франціи, и тѣми выводами, къ которымъ можно прійти на основаніи сравнительныхъ статистическихъ изслѣдованій. Главнымъ матеріаломъ для этого намъ послужатъ періодически повторяющіяся во Франціи (съ 1852 года) сельско-хозяйственныя анкеты, результаты которыхъ обнародываются министерствомъ земледѣлія. Недавно именно появился обширный томъ, въ которомъ сгруппированы всѣ данныя, собранныя во время послѣдней анкеты 1892 г. *), что даетъ намъ возможность познакомиться съ измѣненіями, происшедшими въ различныхъ областяхъ французскаго земледѣлія за послѣдній десятилѣтній статистическій періодъ.

I.

Земледѣльческое населеніе Франціи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. сельскіе хозяева и сельскіе наемные рабочіе, съ ихъ семьями, составляли по переписи 1891 г. 17.436,000 душъ, т.-е. 45,47% всего французскаго населенія. Эта цифра наиболѣе приближается къ тому году, когда было произведено послѣднее статистическое изслѣдованіе состоянія сельскаго хозяйства во Франціи, т.-е. къ 1892 г., и потому можетъ быть принята за основаніе для нашихъ дальнѣйшихъ разсчетовъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ спеціальною земледѣльческою переписью 1892 г., во Франціи насчитывалось тогда 6.663,000 сельскихъ хозяевъ и сельскихъ рабочихъ и работницъ. Если сопоставить эту цифру съ вышеуказаннымъ числомъ всего земледѣльческаго населенія, то разность въ 10.773,000 душъ укажетъ число членовъ деревенскихъ семействъ; слѣдовательно число работающихъ и способныхъ къ работѣ составляетъ 38,2% всего сельскаго населенія.

Эти 6.663,000 французскихъ земледѣльцевъ распредѣляются на сельскихъ хозяевъ и наемныхъ работниковъ; первыхъ насчитывалось въ 1892 году 3.605,000, вторыхъ—3.058,000.

---

*) *Statistique agricole de la France. Résultats généraux de l'enquête décennale de 1892.* Paris, 1898.

Категорія сельскихъ хозяевъ подраздѣляется въ свою очередь на собственниковъ, обрабатывающихъ лишь одну свою землю, съ помощью, или безъ помощи наемнаго труда, затѣмъ на фермеровъ и половниковъ. Это распредѣленіе выражается слѣдующими цифрами:

Собственниковъ	2.199,000
Фермеровъ	1.062,000
Половниковъ	344,000
	3.605,000

Категорія сельскихъ наемныхъ работниковъ подраздѣляется на управляющихъ, поденщиковъ и годовыхъ батраковъ; при этомъ необходимо замѣтить, что къ числу поденщиковъ отнесены также 589,000 очень мелкихъ собственниковъ, которые вмѣстѣ съ своей землей принуждены обрабатывать также и чужую; это подраздѣленіе выражается слѣдующими цифрами:

Управляющихъ	16,000
Поденщиковъ.	1.210,000
Годовыхъ батраковъ	1.832,000
	3.058,000

Такимъ образомъ число сельскихъ хозяевъ во Франціи превышаетъ число сельскихъ рабочихъ, составляя 54% всѣхъ земледѣльцевъ. Это характерное явленіе обнаружилось уже въ предыдущую десятилѣтнюю сельско-хозяйственную перепись, т.-е. въ 1882 г.; въ 1862 г., къ которому относится еще болѣе ранняя перепись, число сельскихъ рабочихъ превышало число сельскихъ хозяевъ: послѣднее составляло лишь 44%. Пропорція хозяевъ и работниковъ измѣняется по различнымъ департаментамъ, въ зависимости отъ способа обработки земли и формъ культуры: въ департаментахъ съ преобладаніемъ мелкаго хозяйства, какъ, наприм., Верхнихъ и Нижнихъ Альпъ, Верхней и Нижней Савойи и Верхнихъ Пиреней процентъ самостоятельныхъ хозяевъ поднимается до 68 и даже 80; напротивъ того, въ сѣверныхъ и центральныхъ областяхъ, гдѣ преобладаетъ фермерское хозяйство, а также въ департаментахъ, гдѣ существуютъ обширные виноградники и гдѣ многіе мелкіе собственники являются вмѣстѣ съ тѣмъ поденщиками (Herault, Aude), процентъ наемныхъ работниковъ поднимается до 58 и даже 69.

Наиболѣе крупную часть земледѣльческаго населенія составляютъ собственники, обработывающіе лишь свою собственную землю (33%), затѣмъ слѣдуютъ годовые работники, живущіе при хозяйствѣ (27,5%), фермеры составляютъ лишь 15% всего земледѣльческаго населенія Франціи, поденщики 18%, причемъ почти половина послѣднихъ (8,8%) обладаетъ собственнымъ клочкомъ земли, половниковъ насчитывается лишь 5,1%.

Если мы обратимся отъ состава сельскаго населенія Франціи къ вопросу о французскомъ землевладѣніи и распредѣленіи обрабатываемой земли ме-

жду различными категоріями французскихъ сельскихъ хозяевъ, то послѣдпія статистическія свѣдѣнія, собранныя во Франціи министерствомъ земледѣлія, дадутъ намъ на этотъ счетъ слѣдующія данныя.

Изъ всего пространства, занимаемаго Франціей (52.857,000 гектаровъ), въ область сельскаго хозяйства и земледѣлія входятъ 50.468,000 гектаровъ *), изъ нихъ 44.242,000 заняты воздѣланными землями, лугами и лѣсами, а 6.226,000 представляютъ собою еще негодныя для обработки земли (ланды и пр.).

Изъ этихъ 50½ милліоновъ гектаровъ сельско-хозяйственной территоріи, государству принадлежитъ лишь 2,4% (1.220,000 гект.), изъ которыхъ большая часть занята лѣсами (1.089,000 гект.), около 8% (4.431,000 гект.) принадлежатъ коммунамъ, т.-е. самымъ мелкимъ административнымъ единицамъ Франціи, имѣющимъ своего мэра и муниципальный совѣтъ **). Коммунальныя земли состоятъ главнымъ образомъ изъ лѣсовъ (2.149,000 гект.) и пастбищъ (556,000 гект.), а также неудобныхъ для обработки земель (1.449,000 гект.). Все остальное количество земли (за исключеніемъ 0,9% принадлежащихъ благотворительнымъ учрежденіямъ, департаментамъ и пр.), т.-е. 44.363,000 гект. (около 88%), находится въ частномъ владѣніи. Это огромное преобладаніе частнаго землевладѣнія еще болѣе увеличится, если принять во вниманіе лишь годныя для обработки земли: тогда процентъ частнаго землевладѣнія поднимется до 89,8.

Что касается количественнаго распредѣленія этой земли между частными собственниками, то на этотъ счетъ французская статистика не даетъ прямыхъ и точныхъ данныхъ. Мы знаемъ число всѣхъ землевладѣльцевъ во Франціи: оно равняется 2.788,000, если включить въ него и самыхъ мелкихъ собственниковъ, владѣющихъ менѣе чѣмъ 1 гектаромъ земли; мы знаемъ также все количество принадлежащей имъ земли (44.363,000 гект.),

---

*) Напомнимъ читателю, что гектаръ (10,000 кв. мет.) равняется 0,915 десятины.

**) Муниципальные совѣты завѣдуютъ всѣмъ общиннымъ имуществомъ. Они назначаются на 6 лѣтъ собраніемъ избирателей данной коммуны, т.-е. всѣми лицами, пользующимися во Франціи всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Число муниципальныхъ совѣтниковъ мѣняется въ зависимости отъ числа жителей общины. Коммуны съ населеніемъ въ 500 и менѣе человѣкъ выбираютъ 10 совѣтниковъ, при 500—1,500 жителей—12, при 1,500—2,500 жителей—16 и т. д.; коммуны, имѣющія отъ 3,500 до 10,000 жителей, избираютъ по 23 муниципальныхъ совѣтника. Муниципальные совѣты избираютъ изъ своей среды мэра, который предсѣдательствуетъ на ихъ собраніяхъ (въ Парижѣ и городахъ съ населеніемъ болѣе 20,000 мэры назначаются правительствомъ). Муниципальные совѣты собираются 4 раза въ годъ (въ февралѣ, маѣ, августѣ и ноябрѣ), каждая сессія можетъ длиться 10 дней. Всѣхъ коммунъ во Франціи болѣе 37,000. Извѣстно, что коммунальные совѣты играютъ также важную политическую роль, такъ какъ они назначаютъ изъ среды избирателей своей общины делегатовъ для сенатскихъ выборовъ. Число этихъ делегатовъ мѣняется въ зависимости отъ числа совѣтниковъ и установлено конституціей. Эти делегаты отъ общинъ составляютъ большинство въ тѣхъ избирательныхъ коллегіяхъ, которыми назначаются сенаторы и которыя состоятъ, кромѣ того, изъ депутатовъ и генеральныхъ и окружныхъ совѣтниковъ каждаго департамента.

но мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній относительно распредѣленія этой земли между мелкими, средними и крупными собственниками. Мы можемъ судить о размѣрахъ ихъ землевладѣнія лишь на основаніи косвенныхъ данныхъ, достаточно, впрочемъ, опредѣленныхъ, чтобы составить ясное представленіе о характерѣ частнаго землевладѣнія во Франціи. Главное затрудненіе, пока еще непреодолимое для французской статистики, заключается въ данномъ случаѣ въ томъ, что свѣдѣнія относительно распредѣленія частной земельной собственности собираются по отдѣльнымъ коммунамъ, между тѣмъ владѣнія, принадлежащія одному и тому же собственнику, могутъ находиться въ нѣсколькихъ смежныхъ коммунахъ или даже быть разбросанными по разнымъ департаментамъ, вслѣдствіе этого зарегистрированное число участковъ земельной собственности значительно превышаетъ число самихъ собственниковъ, и между этими двумя цифрами не можетъ быть установлено точнаго соотношенія. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, французская сельско-хозяйственная статистика обращаетъ особое вниманіе на способъ *землепользованія,* на число и размѣры отдѣльныхъ *сельскихъ хозяевъ* и на обработку земли непосредственно ея владѣльцами или же фермерами и половниками. Тщательно собранныя данныя въ этой области доставляютъ интересныя свѣдѣнія не только о способѣ землепользованія, но и о самомъ характерѣ французской земельной собственности.

Слѣдующая таблица показываетъ число всѣхъ отдѣльныхъ сельскихъ хозяйствъ во Франціи, раздѣленныхъ на четыре главныхъ категоріи, и соотвѣтствующую поверхность обработываемой ими земли (цифры послѣдняго изслѣдованія 1892 г.).

	Число.	Поверхность обрабатываемой земли (въ гек.).	Поверхность земли негод. для обработ. (въ гек.).	Общая поверхность (въ гек.).
Очень мелкія хозяйства (менѣе 1 гект.). . .	2.235,000	1.243,000	84,000	1.327,000
Мелкія хозяйства (отъ 1 до 10 гект.) . .	2.618,000	10.383,000	861,000	11,244,000
Среднія хозяйства (отъ 10 до 40 гект.) . .	711,000	12.946,000	1.367,000	14.313,000
Крупныя хозяйства (болѣе 40 гект.) . . .	139,000	18.580,000	3.914,000	22.494,000
	5.703,000	43.152,000	6.226,000	49.378,000 *)

Изъ этой таблицы прежде всего выясняется тотъ фактъ, что крупныя хозяйства, составляя лишь 2,4% всего числа хозяйствъ, занимаютъ болѣе 45% общей поверхности; но зато имъ принадлежитъ 63% всей неудобной земли. Если принять во вниманіе лишь одну обработанную землю (вмѣстѣ

*) Эта цифра отличается отъ указаннаго выше всего количества сельско-хозяйственныхъ земель (50.468,000 гек.), потому что изъ данной поверхности выдѣлены государственные лѣса (1.089,000 гект.), составляющіе особое и отдѣльное хозяйство.

съ лѣсами и лугами), то на долю крупныхъ хозяйствъ придется 43%, на долю среднихъ—30%, мелкихъ—24% и самыхъ мелкихъ около 3%.

Таково въ самыхъ главныхъ чертахъ распредѣленіе французской сельскохозяйственной территоріи между различными категоріями *сельскихъ хозяевъ*, но оно, какъ говоритъ Э. Тиссеранъ, авторъ обширнаго введенія къ своднымъ таблицамъ земледѣльческой анкеты 1882 г. *), «въ значительной степени соотвѣтствуетъ распредѣленію частной собственности», и потому можетъ служить надежнымъ руководителемъ при составленіи общей картины французскаго землевладѣнія. Это соотвѣтствіе необходимо вытекаетъ уже изъ того факта, что болѣе 70% французскихъ сельскихъ хозяевъ являются въ то же время собственниками земли, которую они обрабатываютъ; такимъ образомъ владѣніе землею въ значительной степени совпадаетъ съ распредѣленіемъ сельскихъ хозяйствъ, особенно въ области мелкаго землевладѣнія, гдѣ это совпаденіе почти полное. Въ самомъ дѣлѣ, изъ статистическихъ свѣдѣній 1892 г. оказывается, что если разбить французское землепользованіе на двѣ большихъ категоріи, изъ которыхъ первая обнимаетъ *непосредственное* утилизированіе земли ея владѣльцами, а вторая—передачу ея въ чужія руки, то число сельскихъ хозяевъ первой категоріи составитъ, какъ мы уже видѣли, 71% всего числа сельскихъ хозяевъ, число сельскихъ хозяевъ второй категоріи, т.-е. фермеровъ и половниковъ, будетъ равняться лишь 29% (фермеры—22%, половники—7%), кромѣ того, средняя величина каждаго хозяйства первой категоріи будетъ равняться 5,4 гектара, а средняя величина каждаго фермерскаго хозяйства — 21 гектару (половническаго же—10,95 гект.); ясно слѣдовательно, что фермерское хозяйство только незначительной своей частью можетъ входить въ категорію *мелкихъ* сельскихъ хозяйствъ, средняя величина которыхъ, конечно, еще гораздо меньше вышеуказанной средней величины частнаго землевладѣнія, а именно равняется 4,3 гектара. Такимъ образомъ категорія мелкихъ сельскихъ хозяйствъ даетъ довольно точное выраженіе размѣровъ и характера мелкаго крестьянскаго землевладѣнія во Франціи.

Изъ вышеприведенной таблицы видно, что число самыхъ мелкихъ хозяйствъ составляетъ 85% всего числа сельскихъ хозяйствъ; эта же цифра можетъ, слѣдовательно, служить показателемъ относительнаго количества мелкихъ собственниковъ среди всѣхъ частныхъ владѣльцевъ земли во Франціи. Далѣе изъ той же таблицы видно, что эти 85% частныхъ собственниковъ владѣютъ лишь 25,47% всей земли, находящейся въ частныхъ рукахъ. Вотъ эти двѣ цифры и даютъ представленіе о характерѣ земельной собственности во Франціи; онѣ показываютъ, что Франція лишь въ очень относительномъ смыслѣ можетъ быть названа страною мелкаго землевладѣнія; она можетъ быть названа такъ развѣ только по сравнительной зажиточности своего мелкаго крестьянства, которая объясняется плодородіемъ почвы и интенсивной культурой. По мнѣнію Тиссерана, Франція

---

*) *E. Tisserand*: „Statistique agricole décennale de 1882, Introduction“, стр. 292.

могла бы быть всего скорѣе названа страною средняго землепользованія и землевладѣнія, если принять за среднюю норму участки величиною отъ 10 до 50 гектаровъ *).

Если обратить вниманіе на распредѣленіе четырехъ главныхъ категорій сельскихъ хозяйствъ по различнымъ областямъ Франціи, то съ этой точки зрѣнія можно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній, дополняющихъ картину французскаго землевладѣнія.

Очень мелкія хозяйства, величиною менѣе 1 гектара, особенно многочисленны вокругъ большихъ городовъ и въ густо населенныхъ мѣстностяхъ, благопріятствующихъ огородническому промыслу; такъ ихъ особенно много въ департаментахъ Сены и Роны. Затѣмъ они сосредоточиваются также въ департаментахъ, гдѣ процвѣтаетъ винодѣліе и культура дорогихъ промышленныхъ растеній (Пюи-де-Домъ, Нижняя Шаранта, Верхняя Гаронна и пр.); наименѣе распространены самые мелкіе участки въ департаментахъ съ болѣе тощею почвой или занимающихся разведеніемъ скота (Ланды, область Альпъ, Корсика, Майеннъ, Канталь, Лозеръ, Эръ-и-Луаръ, Мэнъ-и-Луаръ, Нижняя Сена, Верхняя Вьенна), а также въ центральной и сѣверо-западной Франціи, гдѣ сосредоточено главное производство хлѣба.

Что касается мелкихъ сельскихъ хозяйствъ, размѣромъ отъ 1 до 10 гектаровъ, то они преобладаютъ въ департаментахъ Сены, Пюи-де-Дома, Роны, Изера, Савойи, Нижней Шаранты, Воклюзы и другихъ южныхъ и восточныхъ департаментахъ, занимающихся культурой винограда.

Наибольшее число среднихъ хозяйствъ, размѣромъ отъ 10 до 40 гектаровъ, встрѣчается въ областяхъ, занимающихся разведеніемъ скота и лошадей, въ Бретани и Нормандіи, въ департаментахъ Роны, Ардеша, Шаранты, а также въ Лиможѣ, Овернѣ и бассейнѣ Гаронны, гдѣ господствуетъ половническій способъ обработки земли.

Крупныя хозяйства встрѣчаются преимущественно въ областяхъ производства пшеницы и другихъ зерновыхъ хлѣбовъ, въ равнинахъ сѣверной и центральной части Франціи, а также въ странѣ овцеводства, на центральномъ плоскогорьѣ. Всего менѣе крупныхъ хозяйствъ въ департаментахъ Сены и восточныхъ: Вогезахъ, Верхней Саоны, Юры, а также въ горныхъ департаментахъ Савойи, Приморскихъ Альпъ, Верхнихъ Альпъ и Верхнихъ Пиренеевъ.

II.

До сихъ поръ мы говорили о земледѣльческой Франціи, какою она являлась въ моментъ послѣдняго статистическаго изслѣдованія (1892 г.); но

*) Слѣдующія цифры показываютъ подраздѣленіе категоріи крупныхъ хозяйствъ:

число	хозяйствъ	размѣромъ	отъ 40	до 50	гект.	=	53,000
„	„	„	„ 50	„ 100	„	=	52,000
„	„	„	„ 100	„ 200	„	=	23,000
„	„	„	„ 200	„ 300	„	=	6,000
„	„	„	болѣе	300	„	=	4,280

чтобы получить болѣе полное представленіе объ интересующихъ насъ фактахъ и отношеніяхъ, необходимо разсмотрѣть ихъ въ ихъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ. Французская земледѣльческая статистика даетъ намъ возможность прослѣдить за движеніемъ приведенныхъ нами цифръ въ теченіе десяти и даже тридцатилѣтняго періода.

Что касается численности земледѣльческаго населенія, то оно непрерывно уменьшается, хотя сравнительно медленно, что вполнѣ соотвѣтствуетъ, впрочемъ, очень медленному приращенію, почти неподвижному состоянію французскаго народонаселенія. Если раздѣлить земледѣльческое населеніе на взрослыхъ рабочихъ и затѣмъ на женщинъ, дѣтей и стариковъ, то оказывается, что за десятилѣтіе отъ 1881 по 1891 г. первая группа уменьшилась на 3,62%, а вторая — на 5,05%; это значитъ, что уменьшеніе населенія касается преимущественно земледѣльческихъ семей, т.-е. прямо связано съ уменьшеніемъ количества ихъ дѣтей; то же явленіе уже было замѣчено въ періодъ отъ 1862 по 1882 годъ; оно вполнѣ согласуется съ извѣстнымъ фактомъ такъ называемой депопуляціи Франціи.

О движеніи въ *составѣ* французскаго земледѣльческаго населенія читатель можетъ судить по слѣдующей таблицѣ:

Различныя категоріи земледѣльцевъ.	1862 г. (число).	1882 г. (число).	1892 г. (число).	Разница между 1862 и 1882 гг. въ %	Разница между 1882 и 1892 гг. въ %
Сельскіе хозяева:					
Собственники . . .	1.813,000	2.151,000	2.199,000	+21,1	+ 2,25
Фермеры	1.035,000	968,000	1,061,000	— 6,4	+ 9,6
Половники.	405,000	341,000	344,000	—15,8	+ 0,76
Итогъ . . .	3.253,000	3.460,000	3.604,000	+ 6,39	+ 4,16
Наемный трудъ:					
Управляющіе. . . .	10,215	17,966	16,091	+75,25	—10,43
Поденщики	2.004,000	1.481,000	1.210,000	—25,29	—18,27
Годовые батраки. .	2.096,000	1.954,000	1.832,000	— 6,75	— 6,24
Итогъ . . .	4.110,215	3.452,966	3.058,091	—16	—11
Общій итогъ . . .	7.363,215	6.912,966	6.662,091	— 6,1	— 3,62

Прежде чѣмъ дѣлать какіе-либо выводы изъ сравнительныхъ данныхъ этой таблицы, необходимо принять во вниманіе потерю Франціей населенія Эльзаса и Лотарингіи въ промежутокъ между 1862 и 1882 гг.; эта потеря опредѣляется для сельскаго населенія въ 1 милліонъ жителей, а для категоріи *земледѣльцевъ* въ тѣсномъ значеніи слова выразится цифрою 370,000 человѣкъ. Этою пертурбаціей въ нормальномъ движеніи состава земледѣльческаго населенія объясняются нѣкоторые скачки и рѣзкія измѣненія въ вышеприведенныхъ цифрахъ, какъ, наприм., въ числѣ фермеровъ

и половниковъ; но она, очевидно, не могла измѣнить направленія главнѣйшихъ общихъ теченій, проявлявшихся за тридцатилѣтній періодъ времени, и лишь очень слабо отразилась на цифрахъ итоговъ.

Главный выводъ, на который указываетъ вышеприведенная таблица, заключается въ томъ, что непрерывное уменьшеніе земледѣльческаго населенія Франціи сопровождается такимъ же непрерывнымъ увеличеніемъ числа сельскихъ хозяевъ и преимущественно собственниковъ. Такъ, наприм., въ то время какъ за періодъ отъ 1882 по 1892 г. общее число французскихъ земледѣльцевъ уменьшилось на 3,62%, т.-е. на 250,000 человѣкъ, а число сельскихъ наемныхъ рабочихъ—на 11%, т.-е. на 395,000 человѣкъ, число хозяевъ-земледѣльцевъ увеличилось на 4,16%, т.-е. на 144,000 человѣкъ. Это значитъ, во-первыхъ, что убыль земледѣльческаго населенія Франціи происходитъ преимущественно насчетъ наемныхъ рабочихъ, менѣе привязанныхъ къ землѣ, т.-е. поденщиковъ и батраковъ; а во-вторыхъ, что болѣе 36% контингента, покидающаго ряды сельскихъ поденщиковъ и батраковъ, переходитъ въ разрядъ самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ. Это не слѣдуетъ, конечно, понимать въ томъ смыслѣ, что весь составъ французскихъ собственниковъ и фермеровъ изъ году въ годъ остается неприкосновеннымъ и лишь пріумножается новыми элементами; несомнѣнно, что нѣкоторая часть его теряетъ свои земли и переходитъ въ разрядъ наемныхъ рабочихъ; но это передвиженіе уравновѣшивается противоположнымъ теченіемъ и слѣдовательно предполагаетъ *еще большее число* новыхъ элементовъ, переходящихъ въ категорію сельскихъ хозяевъ, чѣмъ какое показывается безличной статистической цифрой, такъ какъ оно должно равняться этой цифрѣ плюсъ число хозяевъ, потерявшихъ свое положеніе. Необходимо замѣтить кромѣ того, что къ разряду сельскихъ поденщиковъ въ вышеприведенныхъ таблицахъ причислены и всѣ мелкіе собственники, которые, обрабатывая клочокъ своей земли, принуждены вмѣстѣ съ тѣмъ работать на другихъ въ качествѣ поденщиковъ; такимъ образомъ переходъ части сельскихъ наемныхъ рабочихъ въ разрядъ сельскихъ хозяевъ необходимо предполагаетъ повышеніе экономическаго положенія первыхъ. По мнѣнію авторовъ *Введенія* къ сельско-хозяйственному статистическому изслѣдованію 1892 г., наиболѣе вѣроятное объясненіе увеличенія числа французскихъ самостоятельныхъ мелкихъ сельскихъ хозяевъ таково: извѣстная часть сельскихъ наемныхъ рабочихъ, имѣющихъ собственный клочокъ земли, настолько улучшаетъ свое экономическое положеніе, что перестаетъ работать на другихъ. Этотъ выводъ опирается на тотъ фактъ, что если раздѣлить весь разрядъ сельскихъ поденщиковъ на двѣ категоріи: имѣющихъ свой клочокъ земли и совершенно безземельныхъ, то оказывается, что наибольшая убыль происходитъ въ числѣ первыхъ; между тѣмъ трудно допустить, чтобы бросала деревню и эмигрировала въ города преимущественно та часть поденщиковъ, которая болѣе привязана къ ней имущественно. Нижеслѣдующая таблица иллюстрируетъ это измѣненіе въ численности поденщиковъ:

	1862 г	1882 г.	1892 г.	Разница между 1862 и 1882 гг. въ %	Разница между 1882 и 1892 гг. въ %
Поденщики, обладающіе клочкомъ земли. . . .	1.134,000	727,000	588,000	—35,9	—19
Безземельные.	869,000	753,000	621,000	—13,3	—17,5

Но возможно, конечно, что приростъ самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ происходитъ, до извѣстной степени, не путемъ перехода въ эту категорію наличныхъ деревенскихъ поденщиковъ, а путемъ возврата изъ города въ деревню нѣкоторой части ея прежнихъ обитателей, сумѣвшихъ скопить кое-какія деньжонки для округленія своего маленькаго участка земли или для покупки новаго. Одинъ докторъ, французъ, практикующій въ парижскомъ кварталѣ, набитомъ рабочимъ людомъ, говорилъ мнѣ, что ему часто приходится констатировать такого рода факты и стремленія среди пришлыхъ парижскихъ рабочихъ. Во всякомъ случаѣ, какимъ бы путемъ ни происходило пополненіе и даже усиленіе рядовъ мелкихъ, но самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, «этой существенной основы земледѣльческаго населенія» и этой «опоры Франціи», по выраженію министерскихъ статистиковъ, важно отмѣтить самый фактъ сравнительной устойчивости мелкаго землевладѣнія и землепользованія во Франціи, подтверждаемый приведенными цифрами.

Но является вопросъ: не объясняется ли увеличеніе *числа* мелкихъ собственниковъ и мелкихъ сельскихъ хозяйствъ во Франціи дробленіемъ поземельнаго владѣнія, обусловленнаго законами о наслѣдствѣ? Извѣстно, что, со введенія наполеоновскаго гражданскаго кодекса, воля завѣщателя ограничена во Франціи законодательными постановленіями, требующими, чтобы три четверти имущества, переходящаго къ дѣтямъ умершаго, были подѣлены поровну между ними и чтобы даже всякій изъ нихъ получилъ соотвѣтствующую долю какъ въ движимой, такъ и въ недвижимой части наслѣдственнаго имущества. Этотъ законъ былъ направленъ противъ аристократіи и имѣлъ въ виду раздробить огромныя состоянія знатныхъ родовъ *). Въ настоящее же время ему приписывается значительная роль въ уменьшеніи числа дѣтей въ крестьянскихъ семьяхъ. «Старый порядокъ создалъ старшихъ сыновей; настоящій режимъ создаетъ *единственныхъ,*» — говоритъ одинъ французскій авторъ. «Крестьянинъ, по словамъ М. Гюйо, такъ же не допускаетъ дробленія своего поля, какъ дворянинъ — отчужденія родового за̀мка своихъ предковъ. Оба предпочитаютъ скорѣе коверкать свои семьи,

*) „Введите въ Неаполѣ гражданскій кодексъ, — писалъ Наполеонъ I королю Іосифу въ 1806 г., — и не пройдетъ многихъ лѣтъ, какъ все, что не предано вамъ, будетъ уничтожено; останутся лишь тѣ знатные дома, которыхъ вы сами возведете въ ленныхъ владѣльцевъ“ (эти слова цитированы въ книгѣ Фулье: „Psychologie du peuple français).

чѣмъ свои владѣнія». Этотъ непредвидѣнный результатъ революціонныхъ мѣропріятій конца прошлаго вѣка, подтверждаемый всѣми статистическими данными, касающимися прироста французскаго крестьянскаго населенія, опровергаетъ сдѣланное выше предположеніе. Но вопросъ о дробленіи или концентраціи французскаго землевладѣнія и землепользованія разрѣшается непосредственно тѣми статистическими данными, которыя показываютъ измѣненія, происходящія въ распредѣленіи обработанной земли во Франціи между различными категоріями сельскихъ хозяйствъ. Вотъ въ какомъ видѣ представляются эти сравнительныя данныя за послѣднее статистическое десятилѣтіе:

Категоріи сельскихъ хозяйствъ.	1882 г. Число хозяйствъ въ тысячахъ.	1882 г. Средняя поверхность въ гектарахъ.	1882 г. Общая поверхность въ тысяч. гект.	1892 г. Число хозяйствъ въ тысячахъ.	1892 г. Средняя поверхность въ гектарахъ.	1892 г. Общая поверхность въ тысяч. гект.
Менѣе 1 гектара . .	2,168	0,50	1,084	2,235	0,59	1,327
Отъ 1 до 10 гект. . .	2,635	4,31	11,366	2,618	4,29	11,245
» 10 » 40 » . .	727	20,41	14,846	711	20,13	14,313
Болѣе 40 гектаровъ .	142	156,71	22,296	139	162,21	22,493

По поводу этой таблицы слѣдуетъ напомнить читателю, что въ ней идетъ рѣчь о *сельскихъ хозяйствахъ*, а не объ участкахъ собственности, и что, за неимѣніемъ прямыхъ данныхъ, она можетъ служить лишь косвеннымъ показателемъ движенія въ области землевладѣнія. Поэтому главное значеніе имѣютъ здѣсь не абсолютныя, а относительныя цифры, которыя, при провѣркѣ по отдѣльнымъ департаментамъ, даютъ достаточно правильное представленіе о распредѣленіи поземельной собственности. При первомъ же взглядѣ на вышеприведенную таблицу легко замѣтить, что она указываютъ скорѣе на отсутствіе какой-либо общей причины, которая вызывала бы измѣненія въ размѣрахъ французскаго землевладѣнія, такъ какъ измѣненія въ этой сферѣ, происшедшія за указанное десятилѣтіе, выражаются въ очень незначительныхъ колебаніяхъ въ ту и другую сторону. Что касается первой категоріи самыхъ мелкихъ собственниковъ, которая наиболѣе интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ, то о дробленіи ихъ землевладѣнія не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ вмѣстѣ съ ихъ числомъ повысился и средній размѣръ ихъ участковъ земли. То же самое слѣдуетъ сказать о послѣдней категоріи крупныхъ собственниковъ. Что касается двухъ остальныхъ категорій, то хотя и произошло нѣкоторое пониженіе въ численности и среднемъ размѣрѣ этихъ хозяйствъ, но оно выражается только въ десятыхъ доляхъ процента; при этомъ движеніе въ ту или другую сторону мѣняется, смотря по департаментамъ; такъ, наприм., при общемъ уменьшеніи числа хозяйствъ размѣромъ отъ 1 до 10 гектаровъ, въ 48 департаментахъ (изъ 87) констатировано увеличеніе ихъ числа; точно такъ же, при общемъ пониженіи ихъ средняго размѣра, въ 43 департаментахъ констатировано повышеніе этого размѣра. Очевидно, что такого рода колебанія

приходится объяснять причинами болѣе частнаго характера. Итакъ, незначительность перераспредѣленія земли и отсутствіе какого-либо рѣзкаго и опредѣленнаго теченія въ области французскаго землевладѣнія указываютъ на его сравнительную устойчивость и на то, что даже дѣйствіе такого фактора, какъ законодательство о наслѣдствѣ, парализуется въ жизни французскаго земледѣльческаго населенія другими силами, поддерживающими сравнительную неподвижность данной формы поземельнаго устройства. Мы еще вернемся къ этому вопросу, когда перейдемъ къ сопоставленію данныхъ французскаго землепользованія съ соотвѣтствующими данными другихъ странъ; теперь же займемся категоріей наемныхъ сельскихъ рабочихъ.

Мы уже видѣли, что число ихъ уменьшается во Франціи и что они составляютъ главный контингентъ сельскаго населенія, эмигрирующаго въ города. Изъ приведенной выше таблицы передвиженій, происходящихъ въ этой категоріи земледѣльцевъ, видно, что убыль гораздо замѣтнѣе въ числѣ поденщиковъ, нежели годовыхъ батраковъ: въ 1862 г. число тѣхъ и другихъ было почти одинаково; въ 1892 г. первыхъ оказалось на 600,000 менѣе; за десятилѣтіе отъ 1882 до 1892 г. поденщиковъ убавилось на 18%, а годовыхъ рабочихъ—на 6%. Уменьшеніе числа сельскихъ рабочихъ, конечно, связано съ возрастающимъ примѣненіемъ земледѣльческихъ машинъ. Приводимъ по этому поводу сравнительныя статистическія данныя, касающіяся числа главнѣйшихъ земледѣльческихъ машинъ, употребляемыхъ во французскомъ сельскомъ хозяйствѣ.

	1862 г.	1882 г.	1892 г.
Паровые двигатели	2,849	9,288	12,307
Молотилки	100,733	211,045	234,380
Сѣялки	10,853	29,391	47,193
Косилки	9,442	19,147	38,753
Жатвенныя машины	8,907	16,025	23,432
Конныя ворошилки и грабли	5,649	27,364	51,451

Что касается средней рабочей платы, получаемой какъ поденщиками, такъ и годовыми батраками, живущими на фермахъ, а также и ея измѣненій, то всѣ относящіяся сюда данныя могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ:

Рабочая плата поденщиковъ
(во франкахъ).

	1862 г.			1882 г.			1892 г.		
	1° зимою.			1° зимою.			1° зимою.		
	м.	ж.	д.	м.	ж.	д.	м.	ж.	д.
Раб. на хозяйск. харч.	1,08	0,62	0,43	1,31	0,79	0,52	1,30	0,79	0,47
» » своихъ »	1,85	1,14	0,82	2,22	1,42	0,94	2,04	1,35	0,95
	2° лѣтомъ.			2° лѣтомъ.			2° лѣтомъ.		
» » хозяйск. »	1,82	1,13	0,77	1,98	1,14	0,74	1,85	1,08	0,69
» » своихъ »	2,77	1,73	1,22	3,11	1,87	1,31	2,94	1,78	1,23

Изъ этой таблицы видно, что рабочая плата сельскихъ поденщиковъ повышалась въ промежутокъ времени отъ 1862 до 1882 г. и понижалась въ десятилѣтіе отъ 1882 по 1892 г., хотя колебанія, вообще говоря, довольно незначительны. Вторая таблица касается годовыхъ рабочихъ:

Годовая плата
(во франкахъ).

	1862 г.	1882 г.	1892 г.
Старшіе работники	361	465	493
Пахари и плужники	256	324	360
Погонщики воловъ, пастухи . . .	230	290	310
Служанки	130	235	202

Въ этомъ случаѣ замѣчается непрерывное и значительное повышеніе. Оно объясняется, по всей вѣроятности, слишкомъ низкимъ уровнемъ того положенія, въ какомъ еще недавно находился сельскій рабочій во Франціи по сравненію съ городскимъ; даже и въ настоящее время рабочая плата въ деревнѣ гораздо ниже, нежели въ городѣ; естественно, что по мѣрѣ того, какъ начинаетъ хоть нѣсколько расширяться горизонтъ деревенской жизни, такое положеніе остановится неустойчивымъ и вызываетъ соотвѣтствующее передвиженіе, причемъ, благодаря слабому общему приросту французскаго народонаселенія, уровень рабочей платы гораздо быстрѣе поднимается въ деревнѣ, нежели падаетъ въ городахъ.

Съ вопросомъ о положеніи сельскихъ рабочихъ тѣсно связанъ вопросъ о рабочей пищѣ, такъ какъ значительная часть ихъ работаетъ на хозяйскихъ харчахъ и слѣдовательно получаетъ часть своего заработка въ видѣ того или другого рода пищи; а такъ какъ разница между платой работающихъ на своихъ и на хозяйскихъ харчахъ даже уменьшилась съ 1882 по 1892 гг. (см. таблицу), то интересно знать, улучшилась или ухудшилась вмѣстѣ съ этимъ пища сельскихъ рабочихъ? Самый крупный фактъ, свидѣтельствующій объ ея улучшеніи, мы находимъ въ цифрахъ, показывающихъ значительное повышеніе потребленія мяса во французскихъ деревняхъ: это видно изъ слѣдующихъ данныхъ относительно количества мяса (въ килограммахъ), приходящагося ежегодно во Франціи на каждаго человѣка въ городѣ и деревнѣ:

	Въ городахъ.	Въ деревняхъ.	Во всей Франціи.
1862 г.	53,6	18,57	25,92
1882 »	64,6	21,89	33,05
1892 »	58,12 *)	26,25	35,59

Извѣстенъ также фактъ возрастанія потребленія пшеницы во Франціи, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ. Среднее годовое потребленіе пшеницы во Франціи до 1860 г. равнялось, для каждаго жителя, 7,6 четверика, а послѣ 1882 г. оно уже равнялось 9,5 четверика.

*) Указываемое этою цифрою уменьшеніе потребленія мяса въ городахъ прямо связывается статистикою съ возрастаніемъ потребленія спиртныхъ напитковъ.

Нельзя, конечно, утверждать, чтобы рабочее населеніе деревни, состоящее на хозяйскихъ харчахъ, въ полной мѣрѣ воспользовалось повышеніемъ средняго уровня питанія сельскаго населенія; но несомнѣнно, что это повышеніе должно отразиться и на нихъ. Такіе глубокіе и основные признаки, какъ среднее потребленіе пшеницы и мяса въ странѣ, служатъ показателями общаго, національнаго *Standart of life*.

III.

Чтобы получить еще болѣе ясное представленіе о главнѣйшихъ особенностяхъ, характеризующихъ положеніе земледѣльческаго населенія Франціи, интересно сопоставить относящіяся сюда данныя съ соотвѣтствующими статистическими данными другихъ странъ, болѣе или менѣе приближающихся къ Франціи по формѣ землепользованія. Мы выбираемъ для сравненія Бельгію, причемъ воспользуемся тѣми статистическими матеріалами, которые собраны въ статистическомъ сборникѣ французскаго министерства земледѣлія за 1882 г.,—такъ какъ въ данномъ случаѣ намъ нѣтъ надобности обращаться къ позднѣйшимъ статистическимъ цифрамъ. Мы коснемся лишь распредѣленія землевладѣнія и измѣненій, происходящихъ въ этой области.

Бельгія—также страна мелкаго землепользованія. Если принять за исходную точку сравненія число сельскихъ хозяйствъ, служившее основой для нашихъ выводовъ по отношенію къ Франціи, то оказывается, что въ Бельгіи число мелкихъ хозяйствъ гораздо значительнѣе: въ 1880 г. число хозяйствъ размѣромъ менѣе 1 гектара составляло тамъ 65% всего числа хозяйствъ, тогда какъ во Франціи оно составляло 38%; при этомъ средній размѣръ такихъ хозяйствъ въ Бельгіи равнялся 0,35 гект., а во Франціи—0,5 гект. Хозяйства размѣромъ отъ 1 до 10 гектаровъ составляли въ Бельгіи 30% всего числа хозяйствъ, а во Франціи — 46,5%; хозяйства средняго размѣра (отъ 10 до 40 гектаровъ), въ Бельгіи лишь 4% всего числа, а во Франціи 12,8%; крупныя хозяйства въ Бельгіи ½%, а во Франціи—2½.

Итакъ, Бельгія является страною мелкихъ хозяйствъ по преимуществу; при этомъ очень важно замѣтить, что въ ней число сельскихъ хозяйствъ, обрабатываемыхъ самими собственниками, составляло въ 1880 г. лишь 32% всего числа хозяйствъ, а 68% обрабатывалась фермерами; между тѣмъ, какъ во Франціи 80% всѣхъ хозяйствъ обрабатывались ихъ собственниками. Слѣдовательно, Бельгія является вмѣстѣ съ тѣмъ страною мелкихъ фермерскихъ хозяйствъ. Эмиль Лавелэ въ своей книгѣ объ экономическомъ положеніи земледѣльческой Бельгіи *) замѣчаетъ, что непосредственное пользованіе землею обыкновенно совпадаетъ въ ней съ меньшимъ дробленіемъ хозяйства; самые же мелкіе участки сдаются въ аренду. При вдвое болѣе густомъ населеніи и гораздо высшемъ процентѣ рождаемости, чѣмъ во Фран-

*) *E. Laveleye*: „Economie rurale de la Belgique“, 1875.

ціи, въ Бельгіи идетъ сильная конкурренція между этими мелкими фермерами, и потому арендная плата очень высока. Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, экономическое положеніе земледѣльческаго населенія въ Бельгіи.

Если мы обратимся теперь къ сравнительнымъ таблицамъ, показывающимъ измѣненія въ распредѣленіи бельгійской сельско-хозяйственной территоріи, то увидимъ, что они носятъ гораздо болѣе рѣзкій и опредѣленный характеръ, чѣмъ во Франціи. Въ періодъ отъ 1866 по 1880 г. число хозяйствъ размѣромъ менѣе $1/2$ гект. возросло на 51%, число хозяйствъ размѣромъ отъ $1/2$ до 1 гектара возросло на 13%, а размѣромъ отъ 1 до 2 гектаровъ—на 8%. Число хозяйствъ всѣхъ остальныхъ категорій значительно уменьшилось, при чемъ среднія хозяйства (отъ 10 до 20 гект., отъ 20 до 30 и отъ 30 до 40)—на 16%, 22% и 24%; хозяйства отъ 40 до 50 гектаровъ—на 33%, а хозяйства выше 50 гектаровъ—на 38%. Ясно, что произошло сильное дробленіе земли и съ другой стороны значительное увеличеніе размѣровъ самыхъ крупныхъ хозяйствъ. Размѣры статьи не позволяютъ намъ входить въ бо̀льшія подробности, но уже и изъ приведенныхъ данныхъ достаточно выясняется сравнительная неустойчивость экономическаго положенія бельгійскаго земледѣльческаго населенія.

Эти немногія статистическія данныя относительно Бельгіи еще болѣе оттѣняютъ отличительныя особенности французскаго землевладѣнія, поскольку оно связано съ положеніемъ земледѣльческаго населенія. Это положеніе характеризуется во Франціи двумя существенными признаками: значительнымъ контингентомъ зажиточнаго крестьянства, эксплуатирующаго среднихъ размѣровъ участки земли (отъ 10 до 50 гектаровъ), и сравнительно менѣе бѣдственнымъ положеніемъ мелкаго крестьянства, имѣющаго возможность, если не улучшать, то, по крайней мѣрѣ, поддерживать свое *statu quo*. Если бы послѣднее было сколько-нибудь удовлетворительно съ точки зрѣнія общественныхъ требованій Франціи, если бы оно поддерживалось не цѣною еще слишкомъ низкаго уровня личнаго развитія французскаго крестьянина и не цѣною искусственнаго пониженія роста народонаселенія, то настоящая форма землепользованія во Франціи могла бы служить основой для всесторонняго развитія ея общественной жизни. Въ данномъ же своемъ видѣ она неминуемо должна была отразиться самымъ плачевнымъ образомъ на новѣйшей французской исторіи. Франція—богатая страна, и ея крестьянство, по всей вѣроятности, наименѣе бѣдствующее во всей Европѣ, но это сравнительное благосостояніе таково, что оно несовмѣстимо съ прогрессивнымъ развитіемъ страны. Оно несовмѣстимо даже съ національнымъ могуществомъ Франціи; даже съ узко-патріотической точки зрѣнія многіе французскіе публицисты начинаютъ находить положеніе своего отечества довольно опаснымъ. Застой въ политической и общественной жизни не проходитъ безнаказанно для народа, французское же крестьянское населеніе слишкомъ поглощено своимъ настоящимъ. Вслѣдствіе этого съ начала текущаго столѣтія и до половины семидесятыхъ годовъ французское крестьянство, съ общественной точки зрѣнія, представляло собою мертвую, инертную силу,

служившую опорой для всѣхъ реакціонныхъ партій. Но такъ какъ эти партіи опирались въ сущности вовсе не на дѣйствительные интересы крестьянъ, а лишь на тѣ чисто отрицательныя стороны, съ которыми связывалось ихъ экономическое положеніе: безграмотность, невѣжество и полное непониманіе общественной жизни, то этотъ, повидимому, тѣсный союзъ держался на простомъ недоразумѣніи, которое стало понемногу разсѣиваться, во-первыхъ, въ силу обнаружившихся гибельныхъ для всей страны послѣдствій подобнаго недоразумѣнія, а во-вторыхъ, подъ вліяніемъ уже достигнутыхъ неизгладимыхъ результатовъ городского политическаго развитія. Такимъ образомъ, съ конца семидесятыхъ годовъ деревенское населеніе Франціи быстро превращается въ республиканское и дѣлаетъ сравнительно большой шагъ впередъ по пути школьнаго образованія. Но все это пока еще не затрогиваетъ коренныхъ недостатковъ французскаго крестьянства: изолированности его экономической жизни и отсутствія въ ней общественной идеи, которая связывала бы его существованіе и его судьбы съ общественнымъ развитіемъ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу сравнительно бо̀льшей устойчивости экономическаго положенія французскаго крестьянина, которая, какъ намъ кажется, вполнѣ подтверждается приведенными выше статистическими данными, стихійный экономическій процессъ не проявляется въ его жизни въ рѣзкихъ формахъ и не выбрасываетъ его насильственно изъ его привычныхъ, традиціонныхъ рамокъ; по крайней мѣрѣ, этотъ стихійный процессъ происходитъ во Франціи въ сравнительно малыхъ размѣрахъ. Итакъ, французское крестьянство является неподвижнымъ элементомъ общественной жизни какъ въ силу глубоко-индивидуалистической идеи, положенной въ основу его экономическаго существованія, такъ и въ силу того сопротивленія, какое оно оказываетъ стихійному экономическому процессу. Между тѣмъ политическое развитіе городской Франціи призвало французское крестьянство къ политической жизни и вложило въ его руки могучее политическое орудіе, которое можетъ одинаково служить общественному развитію и общественному застою. До сихъ поръ французское крестьянство пользовалось имъ преимущественно въ послѣднемъ направленіи, подчиняясь закону инерціи, и тѣмъ самымъ способствовало временному упадку французской общественной жизни. Въ глазахъ многихъ это обстоятельство дискредитируетъ даже самое орудіе западно-европейской политической жизни, т.-е. всеобщее избирательное право. Было бы однако совершенно необъяснимо, если бы французскій парламентъ не отражалъ на себѣ указанныхъ условій, функціонируя внѣ времени и пространства. Возникаетъ однако гораздо болѣе серьезный вопросъ: въ чемъ видѣть источникъ движенія и гдѣ искать выхода изъ того положенія, на которое Франція какъ бы обречена инертностью своего крестьянства? Но сколько-нибудь обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса не входитъ въ рамки настоящей статьи. Мы ограничимся нѣсколькими общими замѣчаніями, прямо относящимися къ разсмотрѣннымъ нами сторонамъ дѣла. Прежде всего необходимо замѣтить, что современный французскій оппортунизмъ вовсе не связанъ съ дѣйствительными экономическими интересами

огромнаго большинства французскихъ крестьянъ. Аграрная политика Жюля Мелина и К° преслѣдуетъ исключительно цѣли крупнаго и средняго землевладѣнія, заставляя французскихъ потребителей переплачивать ежегодно около 400.000,000 фр. на одномъ хлѣбѣ и замѣняя подоходный налогъ фиктивными мѣрами, якобы имѣющими въ виду облегченіе мелкихъ собственниковъ. Въ этомъ случаѣ, политическій союзъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ не соотвѣтствуетъ реальнымъ интересамъ послѣднихъ, и потому политическая программа, опирающаяся на большинство городского населенія, не можетъ встрѣтить непреодолимаго противодѣйствія со стороны крестьянскаго большинства. Реакціонно-манчестерская политика, еще недавно господствовавшая во Франціи, опиралась на коалицію съ отживающими политическими фракціями: монархической и католической, борьба съ которыми велась успѣшно во Франціи въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ на почвѣ существующихъ экономическихъ отношеній и которыя непрерывно теряютъ своихъ избирателей. Нѣтъ сомнѣнія, что усиленія одной городской прогрессивной партіи, которая далеко еще не исчерпала своихъ наличныхъ силъ и которая непрерывно возрастаетъ абсолютно и относительно въ силу все возрастающей пропорціи городского населенія, будетъ достаточно, чтобы доставить побѣду въ парламентѣ реформаціонной программѣ (подоходный налогъ, пересмотръ конституціи и пр.), а разъ это будетъ достигнуто, неизбѣжно усилится политическое вліяніе города на деревню, на почвѣ болѣе прогрессивнаго законодательства о союзахъ и синдикатахъ. При такихъ условіяхъ трудно будетъ поддерживаться тому фиктивному союзу, который сливаетъ все деревенское населеніе, со включеніемъ даже наемныхъ сельскихъ рабочихъ, какъ бы въ одну однородную массу, а разъ начавшаяся дифференціація вызоветъ политическую борьбу и выведетъ крестьянство изъ его настоящаго инертнаго состоянія.

П. Б.

Самоотравленіе и самозащита организма.

«Есть много способовъ хворать, но сравнительно немного способовъ сдѣлаться больнымъ». Цѣлый рядъ страданій, совершенно непохожихъ другъ на друга, можетъ быть связанъ общностію причинъ, ихъ производящихъ, и съ этой точки зрѣнія только что приведенный афоризмъ проф. Бушара пріобрѣтаетъ особенный смыслъ. При современномъ направленіи медицины изученіе того или иного страданія признается однимъ изъ главныхъ условій для разумной борьбы съ болѣзнями; можно сказать безъ преувеличенія, что главные успѣхи, достигнутые нами въ лѣченіи заразныхъ болѣзней путемъ животныхъ сыворотокъ, а также такъ называемая органотерапія обязана всецѣло болѣе или менѣе точному знанію нашему о природѣ и характерѣ тѣхъ страданій, которыя до послѣдняго времени считались покрытыми полнымъ мракомъ неизвѣстности. Само собою разумѣется, что стремленіе проникнуть въ тайники природы не можетъ считаться достояніемъ только нашего времени; напротивъ, оно такъ же старо, какъ старъ человѣкъ, и причины страданій и болѣзней, уносившихъ въ былыя времена такія количества жертвъ, о которыхъ намъ и подумать страшно, всегда волновали пытливый умъ человѣка, заставляя его за недостаткомъ положительныхъ данныхъ вдаваться въ цѣлый рядъ крайностей и строить фантастическія гипотезы, лишенныя какой-либо реальной почвы. Только въ нашъ вѣкъ, благодаря колоссальному развитію опытныхъ наукъ, можно было освѣтить научнымъ путемъ весь тотъ матеріалъ, который накопился въ теченіе десятковъ столѣтій и въ видѣ безформенной груды ждалъ приведенія себя въ извѣстный порядокъ; съ этого момента уже ясно начали намѣчаться раціональные пути лѣченія болѣзней и хотя мы стоимъ лишь въ началѣ этихъ путей, тѣмъ не менѣе передъ нами открываются новые и широкіе горизонты, мечтать о которыхъ не могли даже и не особенно отдаленные наши предшественники. Всѣ завоеванія, достигнутыя нами въ дѣлѣ лѣченія болѣзней, несмотря на величайшую ихъ важность, должны тѣмъ не менѣе тушеваться предъ значеніемъ ихъ съ точки зрѣнія предупрежденія болѣзней, и въ этой области все болѣе и менѣе цѣнное достигнуто нами, благодаря знакомству съ причинами и характеромъ происхожденія различныхъ видовъ страданій.

Въ ряду причинъ отдѣльныхъ болѣзней роль внѣшнихъ факторовъ особенно охотно признавалась какъ врачами, такъ и публикой; не далеко еще то время, когда простуда считалась чуть не единственной причиной самыхъ разнообразныхъ болѣзней; да и въ наше время, благодаря быстрому развитію бактеріологіи, микроба ищутъ подчасъ тамъ, гдѣ присутствіе его немыслимо ни съ точки здраваго смысла, ни на основаніи современныхъ научныхъ данныхъ; желаніе свести сложное явленіе къ двумъ-тремъ формуламъ привело къ крайне своеобразному взгляду, когда изъ-за микроба забытъ былъ самъ организмъ. Впрочемъ, мы переживаемъ, повидимому, такое время, когда подобныя крайности становятся немыслимыми: сложному явленію соотвѣтствуетъ разнообразіе причинъ, которыя и располагаются въ извѣстной градаціи, а потому и роль внѣшняго фактора въ происхожденіи болѣзней становится рядомъ съ тѣми условіями, каковыя этотъ факторъ находитъ уже готовыми въ самомъ организмѣ; мало того, нерѣдки случаи, когда въ происхожденіи біологическихъ явленій въ реализаціи, такъ сказать, условій, въ зависимости отъ которыхъ находится здоровье, болѣзнь или смерть, и самъ организмъ становится источникомъ своихъ собственныхъ страданій и безъ вмѣшательства постороннихъ агентовъ или же при самомъ минимальномъ ихъ участіи. Нормальная и патологическая физіологія учитъ насъ, что въ каждый моментъ въ живомъ организмѣ вырабатывается цѣлый рядъ веществъ, которыя далеко не могутъ считаться индифферентными для него самого. Вещества эти, вырабатываемыя въ животной лабораторіи, разнообразныя по своимъ физическимъ, химическимъ и токсическимъ свойствамъ, по интенсивности дѣйствія на организмъ нисколько не уступаютъ извѣстнымъ ядамъ минеральнаго и органическаго происхожденія. Въ нормальныхъ условіяхъ организмъ справляется съ ними или путемъ быстраго удаленія, или же путемъ превращенія въ неядовитыя соединенія; но разъ одинъ изъ органовъ, служащихъ для этой цѣли, почему-либо откажется выполнять возложенную на него функцію, то сейчасъ же на сцену выступаетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе рѣзкихъ уклоненій въ состояніи всего организма, которыя можно бы было отнести къ разряду явленій его самоотравленія. Каково же происхожденіе этихъ ядовъ и какова ихъ природа?

Животный организмъ принято сравнивать съ машиной. Какъ для проявленія того или иного рода энергіи, доставляемой нами машиной, требуется прежде всего питательный матеріалъ въ видѣ хотя бы каменнаго угля, такъ и для совокупности явленій, именуемыхъ жизнью, требуется, чтобы организмъ находился въ условіяхъ достаточнаго питанія, состоящаго прежде всего изъ пищи и питья, вводимыхъ черезъ желудочно-кишечный трактъ, и изъ кислорода, поступающаго въ него черезъ легкія. Впрочемъ, сравненіе организма съ машиной имѣетъ лишь относительное значеніе,—оба они помимо сходства имѣютъ и существенныя различія; нельзя хотя бы забывать того основного факта, что машина, работая только въ цѣляхъ назначеннаго для нея производства, ничего не можетъ сдѣлать для своей собственной сохранности и цѣлости; тогда какъ животный организмъ, заим-

ствуя изъ внѣшняго міра матеріалы для проявленія своей жизнедѣятельности, изъ того же матеріала пополняетъ и вещественныя убыли въ своемъ строеніи, да и самая выработка энергіи совершается гораздо сложнѣе, чѣмъ въ машинѣ, а потому мы можемъ сказать словами проф. Сѣченова: «животное тѣло есть крайне своеобразная машина, непрерывно работающая на счетъ внѣшняго вещества, постоянно разрушающаяся и столь же постоянно возобновляющаяся» *).

Итакъ, съ одной стороны организмъ, съ другой — внѣшняя среда, доставляющая необходимыя для него питательныя вещества, составляютъ начало и источникъ жизни. Съ пищей и вдыхаемымъ кислородомъ животное вводитъ въ свое тѣло извѣстный запасъ энергіи, которая, проявляясь въ различныхъ своихъ видахъ, въ общей своей совокупности характеризуетъ то, что мы понимаемъ подъ словомъ «жизнь». Для того, чтобы энергія, поступающая въ организмъ въ скрытомъ состояніи, перешла въ активную, а сдѣлавшись таковой, модифицировалась то въ одинъ видъ, то въ другой, необходимъ цѣлый рядъ химическихъ и физическихъ процессовъ, происходящихъ въ каждой клѣточкѣ организма. Живая клѣтка, какое бы мѣсто она ни занимала въ іерархіи организованнаго существа, ведетъ самостоятельную жизнь. Она управляетъ своимъ питаніемъ сообразно своей природѣ и своему назначенію; изъ пищи, подвергнувшейся предварительной обработкѣ въ пищеварительныхъ органахъ, она заимствуетъ вещества, необходимыя для ея существованія, перерабатываетъ ихъ извѣстнымъ образомъ, подвергая, такъ сказать, внутриклѣточному пищеваренію, а продукты, получающіеся при этой работѣ въ качествѣ отбросовъ, удаляетъ. Мы не будемъ останавливаться болѣе подробно на характерѣ всѣхъ происходящихъ въ организмѣ процессовъ, достаточно будетъ сказать, что процессы эти крайне сложны и разнообразны, рядомъ съ построеніемъ сложныхъ соединеній идетъ цѣлый рядъ разложеній, рядомъ съ процессами окисленія идутъ процессы возстановленія, и органическія ткани въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представляются намъ при изслѣдованіи, являются результатомъ цѣлаго цикла превращеній; необходимые элементы нашей пищи, не отличаясь по химической своей структурѣ отъ тканей нашего тѣла, не отлагаются въ нихъ уже въ готовомъ видѣ, но чтобы сдѣлаться интегральною частью нашихъ тканей, должны продѣлать рядъ измѣненій, подвергаясь сложной переработкѣ въ пищеварительныхъ органахъ, проходя затѣмъ черезъ сложный аппаратъ лимфатической и кровеносной системы и претерпѣвая, наконецъ, окончательное видоизмѣненіе въ самой клѣткѣ, гдѣ они и фиксируются; но этимъ дѣло не кончается: живая ткань не можетъ быть въ состояніи покоя и накопленный ею матеріалъ тотчасъ же расходуется для проявленія энергіи. При такой сложной работѣ организма въ каждой его клѣточкѣ получается рядъ продуктовъ, уже для него ненужныхъ и подлежащихъ къ удаленію. Продукты эти, поступая изъ клѣтки организма, упо-

---

*) *Сѣченовъ*: „Физіологическіе очерки". Ч. I, стр. 10. Изд. Поповой, 1898 г.

сятся кровью къ тѣмъ органамъ и тканямъ, которые завѣдуютъ выдѣлительными функціями или же способствуютъ такому упрощенію этихъ веществъ, когда выдѣленіе ихъ становится наилучшимъ.

Въ настоящее время уже выдѣленъ цѣлый рядъ такихъ веществъ въ чистомъ видѣ и, какъ показали изслѣдованія, многія изъ нихъ отличаются крайней ядовидостью; отсюда само собою становится понятнымъ, что накопленіе ихъ въ крови выше извѣстнаго максимума не можетъ не отражаться вредно на его здоровьи. Такое нарушеніе баланса въ количествѣ продуктовъ подлежащихъ удаленію можетъ зависѣть или отъ усиленнаго ихъ производства, или отъ уменьшенія въ дѣятельности выдѣлительныхъ органовъ.

Вещества, о которыхъ мы только что говорили и которыя называются вообще лейкомаинами, характеризуются Арманомъ Готье такъ: лейкомаины—это физіологическіе алколоиды (яды) тканей; они образуются на счетъ бѣлковыхъ тѣлъ протоплазмы и ядра въ каждой клѣткѣ, функція которой и возможна лишь при условіи ихъ производства *). Какъ мы уже сказали выше, между лейкомаинами мы встрѣчаемъ не мало крайне ядовитыхъ (какъ, наприм., холинъ, убивающій въ количествѣ 0,1 грама здороваго кролика); съ другой стороны весьма многіе изъ нихъ вполнѣ индифферентны для организма.

Выработка вообще ядовитыхъ веществъ животными и растеніями можетъ считаться фактомъ настолько извѣстнымъ, что не требуется особенно долго на немъ останавливаться. Оставляя въ сторонѣ уже извѣстный каждому фактъ полученія всѣхъ сильнѣйшихъ ядовъ изъ растеній, мы только укажемъ, что и нормальная кровь и ткани нѣкоторыхъ животныхъ отличаются крайней ядовитостью (наприм., кровь ужа, мурены, угря и гадюки). Далѣе мы знаемъ, что змѣиный ядъ есть продуктъ физіологической дѣятельности спеціальныхъ железъ. Наконецъ, такъ называемые токсины или продукты жизнедѣятельности микроорганизмовъ по химической своей структурѣ относятся къ той же бѣлковой группѣ, изъ которой состоитъ большая часть животнаго организма.

Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, какъ часто накопленіе въ организмѣ нормальныхъ продуктовъ его жизнедѣятельности можетъ служить причиной серьезныхъ мѣстныхъ и общихъ разстройствъ, характеризующихъ опредѣленныя клиническія формы; теперь же укажемъ на крайне курьезный фактъ, что вещества, входящія въ составъ нашей обыденной пищи, при извѣстныхъ способахъ введенія ихъ въ организмъ являются несомнѣнно ядовитыми, для чего вовсе не требуется, чтобы они подвергались предварительной порчѣ (объ ядовитыхъ свойствахъ порченнаго мяса, рыбы, колбасы и проч. извѣстно каждому).

Начнемъ съ того, что бѣлки, жиры, углеводы, а въ особенности соли, изъ которыхъ состоитъ наша пища, а также и всѣ ткани нашего тѣла,

*) *Armand Gautier*: „Les toxines animales et microbiennes“, стр. 195—196.

если ихъ вводить непосредственно въ кровяной токъ въ достаточной дозѣ, могутъ служить источникомъ серьезныхъ разстройствъ. Яичный бѣлокъ, введенный прямо въ кровь въ количествѣ одной тысячной всего вѣса тѣла, можетъ повести къ смерти. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ жиры, помимо того, что они могутъ вредить путемъ механическаго закупориванія мелкихъ сосудовъ, являются сильными ядами, разлагаясь на жирныя кислоты и мыла. Еще курьезнѣе тотъ фактъ, что чистая вода, играющая такую важную роль въ обмѣнѣ веществъ, что безъ нея, по выраженію Кл. Бернара, и сама жизнь не была бы мыслима, вода, лишенная минеральныхъ и органическихъ частей посредствомъ дистилляціи, при впрыскиваніи въ вены можетъ вызвать тяжелую картину и даже повести къ смерти, такъ какъ она обладаетъ въ такихъ случаяхъ способностью растворять красные кровяные шарики. Не менѣе курьезно и то обстоятельство, что кислородъ,— этотъ источникъ жизни,—поступая черезъ легкія въ большемъ чѣмъ слѣдуетъ количествѣ, вызываетъ припадки отравленія.

Теперь если мы отъ болѣе или менѣе простыхъ тѣлъ перейдемъ къ цѣлымъ органамъ и тканямъ и будемъ производить опыты съ введеніемъ ихъ въ организмъ тѣмъ же способомъ, какъ это дѣлалось съ водой, куринымъ бѣлкомъ и проч., то увидимъ, что результаты получатся еще болѣе доказательные. Подобнаго рода опыты производились въ большомъ количествѣ Бушаромъ, Шарренномъ и ихъ учениками и на основаніи полученныхъ ими данныхъ можно дѣлать слѣдующіе выводы. Техника этихъ опытовъ чрезвычайно проста: берется какой-либо органъ, обливается водой и полученная такимъ образомъ вытяжка или настой впрыскивается животному въ вены. Поступая такимъ способомъ, Бушаръ нашелъ, что картины отравленія, вызываемыя впрыскиваніемъ вытяжекъ изъ различныхъ органовъ, далеко не одинаковы, значитъ, каждый органъ содержитъ ядовитыя вещества не въ одинаковомъ количествѣ, да и вещества эти не одни и тѣ же въ разныхъ органахъ. Такъ, напримѣръ, водная вытяжка изъ мышечной ткани вызываетъ конвульсіи, поносъ, суженіе зрачка, слюнотеченіе; тѣ же явленія, но въ болѣе рѣзкой степени, получаются при одинаковыхъ количествахъ печеночной вытяжки. Далѣе, если вытяжки эти, согласно указаніямъ Рожера, приготовлять не въ теплѣ, какъ поступалъ Бушаръ, а на холодѣ, то ядовитость ихъ значительно усиливается. Вытяжки изъ почекъ и мозговой ткани вызываютъ неподвижность и сонливость, такъ что по характеру своего дѣйствія послѣднія вытяжки являются антагонистами первыхъ. Усиливая постепенно вводимую дозу, можно получить и картину полнаго отравленія со смертельнымъ исходомъ. Для печеночной вытяжки смертельная доза равняется 14—20 гр. на киллограммъ вѣса животнаго, взятаго для опыта.

Изъ этихъ краткихъ указаній уже видно, что обычныя составныя части нашей пищи, разъ только онѣ не подвергаются предварительному воздѣйствію пищеварительныхъ соковъ, а вводятся непосредственно въ кровь, должны быть признаны далеко не безвредными для организма; только при

полной обработкѣ онѣ воспринимаются организмомъ и ассимилируются имъ. Далѣе оказывается, что и сами пищеварительные соки въ свою очередь вещества не индифферентныя. Вотъ одинъ изъ опытовъ Шаррена, наглядно иллюстрирующій только что выставленное положеніе: кролику вѣсомъ въ 2,000 гр. впрыскивается въ вену желудочный сокъ собаки; при введеніи 38 куб. сант. при рѣзкомъ возбужденіи и крикахъ наступаетъ смерть животнаго. Если вмѣсто цѣльнаго желудочнаго сока экспериментировать съ его составными частями, — соляной кислотой и пепсиномъ, — то симптомы отравленія также проявятся съ большей или меньшей скоростью.

На ядовитость желудочнаго сока вліяетъ масса условій и помимо нормальныхъ ядовъ желудочнаго содержимаго, при тѣхъ или иныхъ заболѣваніяхъ желудка получаются новые ядовитые продукты. Такъ какъ большинство желудочныхъ заболѣваній такъ или иначе задѣваетъ его железистый аппаратъ, то въ производствѣ ненормальныхъ продуктовъ желудочнаго пищеваренія первенствующую роль играетъ разстройство въ выдѣленіи и въ свойствахъ желудочнаго сока; уже какъ слѣдствіе ненормальнаго функціонированія железъ желудка на сцену выступаетъ чрезмѣрное развитіе микроорганизмовъ и долгое пребываніе пищи въ желудкѣ, — оба эти фактора нужно считать особенно благопріятными для выработки ядовитыхъ веществъ. О роли микроорганизмовъ вообще въ процессахъ пищеваренія болѣе подробно будетъ говориться ниже; теперь же мы ограничимся общими указаніями на значеніе ихъ для выработки ядовъ организма. Здѣсь прежде всего нужно будетъ сказать о тѣхъ процессахъ ненормальнаго броженія, а подчасъ и гнилостнаго разложенія, которые сопровождаютъ почти всѣ страданія желудка и которые сказываются нерѣдко очень тяжелыми симптомами. Такъ какъ обычнымъ спутникомъ такихъ процессовъ является образованіе разнообразныхъ газовъ, то первымъ симптомомъ, особенно мучающимъ больныхъ, будетъ отрыжка; выдѣляемые отрыжкой газы пріобрѣтаютъ крайне противный запахъ и по временамъ могутъ воспламеняться; рядомъ съ этимъ въ области желудка появляется крайне тягостное ощущеніе; наконецъ, мучительныя рвоты служатъ однимъ изъ частыхъ и главныхъ симптомовъ болѣзни желудка. Этими мѣстными симптомами, однако, дѣло не ограничивается. Помимо того, что страданія желудка могутъ отраженнымъ путемъ вызвать тѣ или другія нарушенія въ дѣятельности самыхъ отдаленныхъ органовъ, всѣ эти органы могутъ страдать и непосредственно вслѣдствіе поступленія въ кровь ненормальныхъ продуктовъ желудочнаго пищеваренія, иначе говоря, мы будемъ имѣть дѣло съ чистыми явленіями самоотравленія. Съ этой точки зрѣнія возможно будетъ связать въ одно цѣлое всѣ тѣ разнообразныя измѣненія, которыя одновременно мы наблюдаемъ въ различныхъ органахъ при заболѣваніяхъ желудка; намъ станутъ понятными и разстройства въ нервной системѣ, и разстройства со стороны почекъ, со стороны органовъ дыханія и кровообращенія, со стороны кожи и проч. Вотъ какъ объясняетъ намъ картину желудочнаго самоотравленія Шарренъ: «Проникая въ клѣтки мозга или же въ самыя нервныя волокна, эти яды (т.-е. продукты ненормальнаго

кишечнаго пищеваренія) даютъ начало головнымъ болямъ, кошмарамъ, головокруженіямъ, мигренямъ, ипохондріямъ, невралгіямъ, спазмамъ и судорогамъ конечностей; выдѣляясь черезъ почки, они вызываютъ воспалительныя явленія въ нихъ; газообразные продукты, выдыхаемые легкими, обусловливаютъ появленіе бронхитовъ, мучительнаго кашля, усиленнаго отдѣленія слизи; отравленіе мозговыхъ центровъ и нервовъ, завѣдующихъ сердцемъ, а также самой сердечной мышцы, вызываетъ приступы астмы, сердечныхъ трепетаній, перебоевъ, грудной жабы; проходя черезъ кожныя железы, эти вещества служатъ причиной крапивницы, эритемъ, экцемъ и проч. Далѣе, неправильное пищевареніе вліяетъ на печень, вызывая въ ней застои крови, гипертрофію, со всѣми тягостными припадками этихъ страданій. Наконецъ, производство въ увеличенномъ количествѣ кислотъ нерѣдко можетъ быть причиной измѣненій въ костной ткани» *). Однимъ словомъ, мы видимъ, что организмъ становится въ неустойчивое равновѣсіе, и такимъ образомъ борьба съ внѣшними агентами дѣлается все труднѣе и труднѣе; на такой почвѣ уже значительно легче развиться какой-либо инфекціи, жертвой коей и падаетъ организмъ въ концѣ концовъ.

Таковы въ общихъ чертахъ процессы въ желудкѣ, обусловливающіе самоотравленіе организма. Теперь если пойдемъ дальше и посмотримъ, какъ дѣло обстоитъ въ кишечникѣ, то увидимъ, что существенной и качественной разницы не замѣчается; всѣ эти процессы въ кишечникѣ достигаютъ своего максимума и ядовитость кишечнаго содержимаго становится еще демонстративнѣе; кромѣ того, если содержимое желудка пріобрѣтаетъ особенную ядовитость только при нѣкоторыхъ его заболѣваніяхъ, то кишечное содержимое можно считать крайне ядовитымъ и при нормальныхъ условіяхъ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда процессы гніенія и разложенія пищи достигаютъ рѣзкой степени. Бушаръ, дѣлая внутривенныя впрыскиванія вытяжекъ изъ каловыхъ массъ, нашелъ, что взятыя для опыта животныя быстро погибали; что ядовитость такихъ вытяжекъ обусловливается главнымъ образомъ присутствіемъ въ нихъ минеральныхъ солей (амміачныхъ и калійныхъ), а также тѣхъ продуктовъ кишечнаго пищеваренія, которые получаются при разложеніи бѣлковъ пищи. Не перечисляя ихъ здѣсь всѣ, такъ какъ это слишкомъ спеціальный вопросъ, мы укажемъ лишь, что нѣкоторые изъ нихъ, наприм., индолъ, скатолъ, фенолъ или карболовая кислота—отличаются сильною ядовитостью; точно также и микробные токсины занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто въ образованіи ядовитыхъ свойствъ кишечнаго содержимаго. Уже выше намъ разъ приходилось говорить объ участіи микробовъ въ отправленіяхъ желудочно-кишечнаго аппарата; на этомъ предметѣ мы остановимся теперь болѣе подробно и разсмотримъ его съ точки зрѣнія выгодъ и вреда для организма.

Прежде всего отмѣтимъ, что присутствіе микробовъ въ желудкѣ и

*) *Charrin*: „Les poisons du tube digestive“.

кишкахъ есть непремѣнное условіе для правильной дѣятельности нашихъ пищеварительныхъ органовъ и только въ утробной жизни въ желудочно-кишечномъ трактѣ не находятъ микробовъ. Недавними опытами Макса Шоттеліуса установлено то положеніе, что животныя, правильно питающіяся, но поставленныя искусственно въ такія условія, что въ ихъ кишечникъ совершенно не попадаютъ микроорганизмы, развиваются гораздо хуже, чѣмъ въ обычныхъ условіяхъ. Отсюда становится понятнымъ, что присутствіе микробовъ въ органахъ пищеваренія не случайный фактъ и не неизбѣжное зло, а напротивъ является весьма полезнымъ и необходимымъ актомъ природы. Чтобы дать приблизительное понятіе о количествѣ микробовъ, населяющихъ наши пищеварительные органы, мы укажемъ на вычисленія Жильберта и Доминицци, которые нашли, что здоровымъ человѣкомъ выдѣляется ежедневно въ испражненіяхъ до 12 милліардовъ микробовъ! Въ различныхъ частяхъ желудочно-кишечнаго тракта количество микроорганизмовъ опредѣляется не въ одинаковомъ количествѣ, и здѣсь мы встрѣчаемся съ интереснымъ обстоятельствомъ: оказывается, что значительнаго количества микробы достигаютъ въ желудкѣ, гдѣ ихъ находятъ больше, чѣмъ въ испражненіяхъ; затѣмъ еще больше чѣмъ въ желудкѣ находится микробовъ въ слѣпой кишкѣ, въ тонкихъ же кишкахъ ихъ мы встрѣчаемъ всего меньше. Чтобы понять причины такихъ колебаній нужно помнить, что при переходѣ изъ желудка въ тонкія кишки пищевая кашица сильно разбавляется секретомъ печени и поджелудочной железы; реакція изъ кислой дѣлается щелочной, а потому часть микроорганизмовъ, живущихъ только въ кислой средѣ, погибаетъ; кромѣ того и желудочный сокъ, и желчь обладаютъ въ значительной степени антисептическими свойствами; обѣднѣніе толстыхъ кишокъ микробами понятно изъ того соображенія, что кишечное содержимое къ концу пищеваренія постепенно теряетъ свои питательныя вещества и такимъ образомъ часть микробовъ погибаетъ въ борьбѣ за существованіе вслѣдствіе недостатка питательной почвы; этому еще болѣе способствуетъ уменьшеніе кислорода и развитіе газовъ, а также такихъ продуктовъ, какъ карболовая кислота. Значеніе микроорганизмовъ для развитія кишечныхъ страданій настолько общеизвѣстный фактъ, что на немъ нѣтъ надобности особенно останавливаться. Если для нѣкоторыхъ заболѣваній требуется проникновеніе въ кишечникъ специфическихъ микробовъ, то многіе кишечныя разстройства обязаны всецѣло ненормальному развитію обычныхъ обитателей желудочно-кишечнаго канала. Почему микробъ, мирно живущій до поры до времени въ кишечникѣ, вдругъ пріобрѣтаетъ болѣзнетворную способность, не всегда возможно рѣшить. Съ другой стороны, намъ извѣстны такіе факты, когда въ кишечникѣ находились возбудители смертельныхъ заболѣваній, а между тѣмъ самаго заболѣванія не наблюдалось; такъ недавно въ кишечникѣ здоровыхъ итальянскихъ землекоповъ найдены были бациллы столбняка—болѣзни почти всегда смертельной. Факты подобнаго рода какъ нельзя лучше доказываютъ ту мысль, что одинъ микробъ еще не рѣшаетъ во-

проса, быть или не быть въ данномъ случаѣ заболѣванію, а что и состояніе самаго организма играетъ далеко не послѣднюю роль.

Когда мы говорили о полезной роли микробовъ въ процессахъ пищеваренія, мы не указали, въ чемъ же проявляется эта ихъ полезная дѣятельность. Изслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ установлено, что многіе микробы разлагаютъ сахары, бѣлки и такимъ образомъ по своей дѣятельности вполнѣ аналогичны пищеварительнымъ секретамъ нашего тѣла. Такъ, наприм., Tyrothrix claviformis обладаетъ свойствомъ разлагать сахары въ три раза сильнѣе, чѣмъ сокъ поджелудочной железы, а bacillus amylobacter принадлежитъ къ числу немногихъ агентовъ, дѣйствующихъ на клѣтчатку. Такая вспомогательная роль микробовъ въ дѣлѣ пищеваренія особенно становится цѣнной тамъ, гдѣ нормальные пищеварительные соки почему-либо выдѣляются въ недостаточномъ количествѣ. Такъ какъ и секретъ микроба, и секретъ железистой клѣтки будутъ продуктами жизнедѣятельности живого существа, то съ принципіальной точки зрѣнія ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ и тотъ, и другой будутъ дѣйствовать одинаково: пищеварительный сокъ, поступая въ кровь, будетъ дѣйствовать такъ же, какъ микробный ядъ; съ другой стороны микробный токсинъ, выдѣляясь въ кишечникѣ человѣка, будетъ перерабатывать пищу. Чтобы закончить вопросъ о ядахъ, вырабатываемыхъ пищеварительнымъ аппаратомъ, намъ необходимо сказать объ одномъ изъ самыхъ сильныхъ ядовъ организма, именно о желчи. Желчь принимаетъ очень дѣятельное участіе въ процессахъ пищеваренія и въ то же время, не будучи своевременно удаленной и поступивши въ кровяной токъ, вызываетъ картину тяжелаго отравленія, что мы и видимъ при желтухѣ. Главными ядовитодѣйствующими частями желчи считаются ея красящее вещество—билирубинъ—и минеральныя соли, которыя, по Шаррену, растворяютъ красные кровяные шарики, а также и другія клѣтки, а потому картина отравленія, получающаяся въ такихъ случаяхъ, подобна той, которую мы видимъ при впрыскиваніяхъ водныхъ вытяжекъ изъ тканей.

Такимъ образомъ въ дѣлѣ производства ядовитыхъ продуктовъ желудочно-кишечный трактъ вмѣстѣ съ его придаточными органами играетъ одну изъ главныхъ ролей. Но несмотря на то, что въ каждый данный моментъ въ немъ содержится значительное количество ядовъ, могущихъ въ нѣсколько минутъ вызвать картину рѣзкаго отравленія, организмъ остается въ обычныхъ условіяхъ невредимымъ и только при нарушеніяхъ этихъ мы видимъ тѣ или иные припадки желудочно-кишечныхъ заболѣваній, каковые въ большинствѣ случаевъ можно считать слѣдствіемъ самоотравленія. Разъ при обычныхъ условіяхъ присутствіе вредныхъ агентовъ въ кишечникѣ нисколько не сказывается на общемъ состояніи организма, то само собою разумѣется, въ самомъ уже кишечникѣ и нужно искать тѣ приспособленія, посредствомъ которыхъ организмъ справляется съ грозящими ему ежеминутно опасностями. Отъ вопроса о желудочно-кишечномъ самоотравленіи организма мы такимъ образомъ переходимъ къ вопросу

о самозащитѣ его отъ организованныхъ и неорганизованныхъ веществъ, содержащихся въ его пищеварительномъ аппаратѣ. Уже изъ того обстоятельства, что въ этомъ аппаратѣ мы всрѣчаемъ крайнее разнообразіе въ причинахъ, могущихъ повести къ самоотравленію, вытекаетъ естественный выводъ, что такое же разнообразіе мы должны встрѣтить и въ способахъ самозащиты.

Выше мы указывали, что въ выработкѣ ядовитыхъ продуктовъ желудочно-кишечнаго канала очень видное мѣсто занимаютъ микроорганизмы и что чрезмѣрному и ненормальному ихъ развитію можно приписать нѣкоторыя изъ болѣзней этого органа. Какимъ же способомъ организмъ удерживаетъ дѣятельность микроорганизмовъ въ необходимыхъ для него рамкахъ и регулируетъ ихъ развитіе до извѣстной степени? Въ верхнихъ своихъ частяхъ желудочно-кишечный каналъ уменьшаетъ количество микробовъ посредствомъ желудочнаго сока и желчи, которые обладаютъ антисептическими свойствами; въ нижнихъ частяхъ антисептическую функцію принимаютъ на себя продукты бѣлковаго метаморфоза, среди коихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ карболовая кислота. Затѣмъ, какъ мы указывали раньше, часть микробовъ погибаетъ вслѣдствіе разницы въ реакціяхъ тѣхъ или другихъ отдѣловъ желудочно-кишечнаго тракта, а также и вслѣдствіе истощенія питательной среды къ концу пищеварительнаго акта. Далѣе, значительный слой слизи, выстилающей всю желудочно-кишечную полость и особенно увеличивающейся во время заболѣваній этой полости, служитъ отличнымъ механическимъ средствомъ самозащиты. Усиленіе двигательной способности желудка и кишокъ, выражающееся поносомъ и рвотой, должно также отнесено быть къ актамъ самозащиты, такъ какъ такимъ способомъ организмъ старается освободиться отъ вредныхъ веществъ, поступающихъ въ него извнѣ, или выработанныхъ имъ самимъ. Помимо только что указанныхъ способовъ въ кишечникѣ еще происходитъ рядъ химическихъ процессовъ, направленныхъ въ цѣляхъ самообороны организма. Къ числу таковыхъ относится, между прочимъ, связываніе карболовой кислоты сѣрнистыми соединеніями, благодаря чему она всасывается изъ кишечника въ кровь уже въ менѣе ядовитой модификаціи (извѣстно, что карболовая кислота принадлежитъ къ разряду сильныхъ ядовъ). Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности по этому поводу, такъ какъ въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы касаться слишкомъ спеціальныхъ вопросовъ; сказаннаго, полагаемъ, достаточно для уясненія той мысли, что уже въ самомъ желудочно-кишечномъ трактѣ находится крайне сложный механизмъ для самозащиты организма, а такъ какъ главными врагами, прямо или косвенно грозящими ему съ этой стороны, будутъ микробы, то противъ нихъ и направляется по преимуществу его самооборонительная дѣятельность. «Если кишечные микробы многочислены и разнообразны,—говоритъ Шарренъ,—то и способы защиты противъ нихъ одинаковымъ образомъ многочислены и разнообразны. Помимо механическаго удаленія, помимо воздѣйствія на нихъ желчи, секрета поджелудочной железы, а также производныхъ ароматиче-

скаго ряда, аммiачныхъ, протеиновыхъ, помимо борьбы за существованiе и проч., помимо всего этого и сама слизистая оболочка посредствомъ своихъ секретовъ, слизи, иначе говоря благодаря своимъ железамъ, благодаря своей жизненности принимаетъ видное участiе въ дѣлѣ самозащиты организма. («Les défences naturelles de l'organisme». 1898).

Таковы условiя, при которыхъ яды желудочно-кишечнаго тракта становятся уже въ самомъ кишечникѣ безвредными для организма. Но само собою разумѣется, что далеко не все вредное, которое мы находимъ въ кишечникѣ, претерпѣваетъ такую участь. Напротивъ, извѣстно, что значительное количество растворимыхъ ядовъ всасывается въ кровь и разносится ея токомъ по всему организму; тутъ же выступаютъ на сцену новыя приспособленiя, которыми организмъ пользуется въ цѣляхъ самообороны. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ печень. Чтобы понять защитительную роль печени, нужно помнить, что она располагается на пути, по которому кровь изъ желудочно - кишечнаго канала направляется въ общiй кругъ кровообращенiя, такъ что на нее нужно смотрѣть какъ на барьеръ или фильтръ. Способность печени разрушать яды была впервые доказана Шиффомъ, который, вводя различныя ядовитыя вещества однимъ животнымъ въ какую - либо изъ венъ общаго кровообращенiя, а другимъ въ впадающую въ печень воротную, доказалъ, что въ первомъ случаѣ требуется яда въ 2—3 раза меньше, чѣмъ во второмъ; иначе говоря, значительная часть яда, пройдя черезъ печень, разрушалась *). То же самое положенiе вытекаетъ изъ давно подмѣченнаго факта надъ дѣйствiемъ кураре. Ядомъ этимъ пользуются индiйцы для отравленiя стрѣлъ; малѣйшаго пораненiя такими стрѣлами достаточно для того, чтобы жертва навѣрняка погибла; но оказывается, что высасыванiе яда изъ нечаянно нанесенныхъ ранъ не оказываетъ вреднаго влiянiя, даже если часть яда такимъ образомъ будетъ проглочена. Дѣйствительно, какъ доказано было въ дальнѣйшемъ опытнымъ путемъ, черезъ желудокъ можно безо всякаго вреда вводить значительно большiя количества кураре, чѣмъ непосредственно въ кровь, а что именно печень, а не желудочный сокъ разрушаетъ этотъ ядъ, вытекаетъ изъ того, что одновременное введенiе въ кровь и кураре, и желудочнаго сока настолько же губительно, какъ и введенiе одного кураре. Разъ доказано было разрушающее дѣйствiе печени на яды, искусственно вводимые въ организмъ, то уже самъ собой напрашивался выводъ, что подобнымъ же образомъ печень будетъ дѣйствовать и на яды, вырабатываемые самимъ организмомъ. Опыты Рожера вполнѣ подтвердили это предположенiе; имъ было доказано, что кровь, входящая въ печень, въ три раза ядовитѣе, чѣмъ кровь, вытекающая изъ печени. По изслѣдованiямъ Ненцкаго, Зиберъ, Гана и Массена, если путемъ извѣстной операцiи соединить воротную вену съ печеночной и такимъ образомъ заставить кровь, насыщенную желудочно-кишечными ядами, вступать прямо въ общiй токъ,

---

*) *Dujardin-Beaumetz*: Лѣченiе болѣзней печени. 1894 г., стр. 8—9.

не подвергаясь предварительному воздѣйствію печени, то подвергнутое опыту животное быстро погибаетъ въ судорогахъ, а въ его крови открывается ненормальное количество ядовитыхъ продуктовъ бѣлковаго распада. Не останавливаясь далѣе на антитоксической функціи печени, мы укажемъ только, что печень и какъ органъ выдѣлительный принимаетъ участіе въ борьбѣ организма съ вредными для него веществами, какъ какъ съ желчью могутъ выдѣляться многіе лѣкарственныя вещества, а также и яды кишечнаго происхожденія.

Громадное значеніе печени для всего организма далеко не исчерпывается тѣмъ, что нами только что изложено. Органъ этотъ, безъ котораго безусловно не можетъ существовать животное, развиваетъ настолько разнообразную и многостороннюю дѣятельность, что излагать все это въ предѣлахъ настоящей статьи едва ли позволили бы рамки намѣченной нами темы. Недаромъ же Ш. Рише называетъ печень «le grand chimiste de l'économie» *).

Теперь намъ предстоитъ заняться выясненіемъ вопроса объ участіи другихъ органовъ въ разрушеніи ядовъ организма. Мы такимъ образомъ подойдемъ къ одному изъ интереснѣйшихъ вопросовъ физіологіи и патологіи и займемся изученіемъ органовъ, функція которыхъ до послѣдняго времени оставалась темной. Первымъ, давшимъ толчокъ новому направленію, былъ Броунъ-Секкаръ, который совмѣстно съ своимъ ученикомъ д'Арсонвалемъ особенно тщательно установили ученіе о такъ называемыхъ закрытыхъ железахъ (glandes closes) и о внутренней секреціи. Закрытыми железами называются такіе органы, которые, будучи построены по типу обычныхъ железъ, тѣмъ не менѣе не имѣютъ выдѣлительныхъ протоковъ (каковыми для почекъ, напр., будутъ мочеточники, для печени желчный протокъ), и не вырабатываютъ никакого видимаго отдѣляемаго. Къ числу таковыхъ железъ относятся щитовидная железа и надпочечники. Очень долгое время оставался совершенно открытымъ вопросъ, каково же значеніе для организма этихъ органовъ, разъ не было налицо никакого видимаго проявленія ихъ дѣятельности. Ученіе о внутренней секреціи, выдвинутое Броунъ-Секкаромъ, пополнило этотъ пробѣлъ. Уже въ 1869 г. онъ формулировалъ такимъ образомъ свою мысль: «Всѣ железы, имѣющія, а также и лишенныя выводныхъ протоковъ, выдѣляютъ въ кровь вещества, полезныя для организма; отсутствіе этихъ железъ или вслѣдствіе удаленія или вслѣдствіе разрушенія даетъ себя чувствовать цѣлымъ рядомъ болѣзненныхъ симптомовъ **). Способность выдѣлять въ кровь вещества, поддерживающія равновѣсіе всѣхъ функцій организма, какъ выяснилось затѣмъ, присуща не только железамъ, но и всѣмъ вообще органамъ и тканямъ. Это открытіе и послужило поводомъ для установленія новыхъ способовъ лѣченія нѣкоторыхъ болѣзней посредствомъ органическихъ соковъ.

---

*) „La défense de l'organisme. Revue Scientifique. 1894 г., стр. 590.

**) Ch. Eloy. La methode de Browne-Sequard. стр. 14.

Наше изложеніе мы начнемъ со щитовидной железы. Щитовидная железа, расположенная въ видѣ парнаго органа съ перешейкомъ впереди дыхательнаго горла, долгое время считалась органомъ механической самозащиты организма: предполагалось, что железа эта своими мягкими тканями защищаетъ такой важный органъ, какъ дыхательное горло, а съ другой стороны, благодаря своему положенію по пути кровяного тока отъ сердца къ мозгу, служитъ регуляторомъ для кровообращенія; высказывалась даже такая мысль, что значеніе этой железы сводится исключительно на эстетику: своимъ присутствіемъ она придаетъ пріятную округлость шеѣ и сглаживаетъ ея естественные выступы, зависящіе отъ извѣстнаго расположенія косточекъ и хрящей дыхательнаго горла. Но уже въ 1859 г. Шиффъ указалъ, что при удаленіи этого органа у животныхъ наступаетъ рядъ припадковъ и весьма часто дѣло кончается смертію. То же самое, но уже на людяхъ, оперированныхъ по поводу зоба, наблюдали швейцарскіе хирурги Реверденъ и Кохеръ. Послѣдующими наблюденіями установлено было, что только при полномъ удаленіи щитовидной железы наступаетъ та картина болѣзни, которую мы опишемъ ниже; что достаточно оставить на мѣстѣ кусочекъ этого органа или прирастить отъ другого животнаго, чтобы лишенный ея организмъ остался невредимымъ; далѣе у нѣкоторыхъ людей, также у животныхъ найдены были добавочные небольшія железки, берущія на себя функцію главнаго органа при его удаленіи. Важное значеніе щитовидной железы для всего организма еще болѣе выяснилось, когда установлена была связь нѣкоторыхъ формъ врожденнаго идіотизма и кретинизма съ отсутствіемъ этой железы у пораженныхъ указанными заболѣваніями субъектовъ и когда уничтоженію этого органа былъ приписанъ весь комплексъ симптомовъ, характеризующихъ микседему или слизистой отекъ. Болѣзнь эта особенно тщательно была описана Шарко и также какъ то страданіе, которое наблюдали Кохеръ и Реверденъ, выражается слѣдующими припадками. У такого рода больныхъ прежде всего бросается въ глаза глубокое нарушеніе въ интеллектуальной сферѣ, а рядомъ съ этимъ уже самый видъ больного весьма характеренъ: лицо отекаетъ и вслѣдствіе сглаживанія естественныхъ складокъ дѣлается неподвижнымъ и лишеннымъ всякой выразительности; кожа становится сухой, волосы останавливаются въ ростѣ и постепенно выпадаютъ; появляются приступы одышки и сердечныхъ перебоевъ, а также рѣзкія мышечныя боли. При прогрессивно усиливающихся всѣхъ этихъ явленіяхъ больные погибаютъ.

Разъ была доказана несомнѣнная связь между цѣлостью щитовидной железы и состояніемъ всего организма, то явился самъ собою вопросъ, въ чемъ же заключается эта связь и какимъ образомъ этотъ незначительный по объему органъ можетъ вліять такъ сильно на самыя разнообразныя функціи организма.

Изслѣдованіе крови и мочи у лицъ, пораженныхъ слизистымъ отекомъ, показало ихъ бо́льшую, чѣмъ въ нормальныхъ условіяхъ ядовитость и такимъ образомъ весь вопросъ свелся на самоотравленіе организма какими-то

ядами, накопленіе которыхъ въ крови связывается съ цѣлостью щитовидной железы. Что касается способа, каковымъ совершается этотъ процессъ самоотравленія, то здѣсь возможно сдѣлать два предположенія: такъ какъ въ организмѣ вырабатывается рядъ такъ называемыхъ лейкомаиновъ, то всѣ эти вещества, ненужныя для организма, должны быть удалены изъ него, или путемъ извѣстныхъ химическихъ процессовъ переработаны въ безвредныя соединенія; эту послѣднюю работу и беретъ на себя щитовидная железа, которая можетъ дѣйствовать или непосредственно клѣтками своими при прохожденіи крови черезъ нее, или выдѣляя въ кровь какое-то вещество, служащее въ данномъ случаѣ противоядіемъ. Веществомъ этимъ, повидимому, будетъ такъ называемый тироіодинъ, недавно открытый Боуманномъ и названный имъ такъ вслѣдствіе значительнаго содержанія въ немъ іода. Такимъ образомъ всѣ припадки, наблюдаемые нами при отсутствіи щитовидной железы, должны быть приписаны тому обстоятельству, что кровь не очищается своевременно отъ органическихъ отбросовъ, поступающихъ въ нее, а такъ какъ въ обезвреживаніи многихъ изъ этихъ отбросовъ принимаетъ видное участіе щитовидная железа, то, при отсутствіи ея въ организмѣ, приходится прибѣгать къ искусственному введенію ея дѣйствующихъ началъ. До послѣдняго времени употреблялась обычно вся щитовидная железа въ свѣжемъ ли видѣ или въ видѣ порошка и лепешекъ; съ открытіемъ Боуманна, стали пользоваться выдѣленнымъ имъ тироіодиномъ. Многочисленныя наблюденія показали, что изъ всѣхъ предложенныхъ до сихъ поръ способовъ лѣченія слизистаго отека щитовидная железа дала самые стойкіе и замѣтные результаты.

Отъ щитовидной железы вполнѣ естественъ переходъ къ другому органу, столько же замѣчательному по разнообразію своихъ связей съ остальнымъ организмомъ, именно къ надпочечникамъ. Роль ихъ въ общей экономіи организма установлена въ очень недавнее время. Если раньше и высказывались нѣкоторыя соображенія, служившія какъ бы намекомъ на то, что извѣстно намъ теперь, то, за отсутствіемъ экспериментальныхъ данныхъ, эти соображенія оставались не болѣе, какъ остроумными гипотезами, и только съ опубликованія работы Адиссона наши свѣдѣнія объ этомъ органѣ становятся на болѣе или менѣе научную почву. Имъ впервые была описана особенная болѣзнь, названная бронзовою, а затѣмъ его именемъ; причиной этой болѣзни Адиссонъ считалъ разрушеніе надпочечниковъ, которые онъ находилъ разрушенными у умершихъ отъ бронзовой болѣзни. Черезъ годъ наблюденія Адиссона были подтверждены уже опытнымъ путемъ на животныхъ Броунъ-Секкаромъ. Опытами этими было доказано, что прежде всего надпочечники являются органомъ, безусловно необходимымъ для жизни, что съ удаленіемъ ихъ животныя быстро погибаютъ. Что же касается самаго механизма смерти, то въ этомъ вопросѣ полное разногласіе не устранено и въ наше время. Многочисленныя поставленныя для уясненія спорныхъ сторонъ работы раскрыли намъ рядъ крайне интересныхъ и неожиданныхъ данныхъ. Найдено было, что, подобно

щитовидной железѣ, сохраненіе частичекъ надпочечниковъ гарантируетъ животное отъ смерти или во всякомъ случаѣ отдаляетъ роковой исходъ; что также существованіе иногда добавочныхъ надпочечниковъ даетъ возможность животному существовать и безъ главнаго органа; наконецъ, установлена была связь между дѣятельностью надпочечниковъ и женскихъ половыхъ железъ, могущихъ брать на себя нѣкоторую часть труда надпочечниковъ при разрушеніи ихъ. Кровь животныхъ, лишенныхъ этого органа, оказалась содержащею значительно больше ядовитыхъ веществъ, чѣмъ у нормальныхъ животныхъ. Если ткань надпочечника растирать съ никотиномъ или атропиномъ, то яды эти теряютъ часть своей ядовитости. По опытамъ Шаррена и Ланглуа, впрыскиваніе дифтеритнаго яда вызываетъ усиленное кровонаполненіе надпочечниковъ, что указываетъ на усиленіе ихъ функціи. Всѣ эти факты наглядно доказываютъ, что надпочечники принимаютъ большое участіе въ разрушеніи ядовъ, такъ или иначе попавшихъ въ организмъ, а потому не будетъ натяжкой, если мы «Адиссонову болѣзнь причислимъ,—говоритъ проф. Подвысоцкій,—къ самоотравленіямъ отъ прекращенія функціи надпочечниковъ и допустимъ, что въ основѣ этой болѣзни лежитъ отравленіе организма и въ особенности нервной системы какими-то ядами, которые накопляются въ крови вслѣдствіе того, что они не обезвреживаются или въ самихъ надпочечникахъ, или въ крови подъ вліяніемъ поступающихъ въ нее изъ надпочечниковъ противоядныхъ веществъ» *).

Чтобы закончить съ надпочечниками, скажемъ, что вытяжки изъ этихъ органовъ дѣйствуютъ замѣчательнымъ возбуждающимъ образомъ на упадокъ сердечной дѣятельности при хлороформномъ наркозѣ **).

Выше мы уже упоминали, что роль надпочечниковъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ могутъ брать на себя женскія половыя железы, но и самостоятельно половая сфера принимаетъ значительное участіе въ разрушеніи ядовъ организма. Главное въ этомъ смыслѣ значеніе падаетъ на половыя железы. Но если при изученіи щитовидной железы и надпочечниковъ мы убѣдились въ безусловной необходимости этихъ органовъ для жизни организма, то по отношенію къ половымъ железамъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: всѣмъ, конечно, извѣстно, что удаленіе этихъ железъ практикуется съ различными цѣлями и у человѣка, и у животныхъ, тѣмъ не менѣе операція эта не грозитъ организму какими-либо серьезными послѣдствіями, хотя вліяніе ея сказывается довольно ясно особенно на растущемъ организмѣ. Важное значеніе половой сферы на весь организмъ послужило къ установленію Броунъ-Секкаромъ особаго метода лѣченія нервныхъ болѣзней, недавно такъ волновавшаго весь міръ. Повторилась вѣчно новая и вѣчно старая исторія: въ Броунъ-Секкаровскихъ впрыскиваніяхъ и публика, и врачи думали найти панацею или какой-то новый жизненный эликсиръ и пользовались ими безъ всякаго разбора при самыхъ разнооб-

*) *Русскій архивъ патологіи, клинической медицины и бактеріологіи*, т. I, стр. 698.
**) Ib., т. II, стр. 732, и т. IV, стр. 179.

разныхъ страданіяхъ, но, какъ и всегда, скоро пришлось горько разочароваться; терапевтическое значеніе Броунъ-Секкаровскаго открытія оказалось слишкомъ незначительнымъ въ данномъ случаѣ, тѣмъ не менѣе фактъ глубокаго вліянія цѣлости половыхъ железъ на весь организмъ остался непоколебимымъ. Какъ выражается это вліяніе — въ точности мы не знаемъ; можно во всякомъ случаѣ думать, что свести его къ какому-нибудь одному фактору едва ли возможно; надо полагать, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ сложнымъ, частью котораго будетъ и антитоксическое воздѣйствіе половой сферы на яды организма. Веществомъ, дѣйствующимъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, считается сперминъ, открытый проф. Пелемъ и содержащійся въ половыхъ железахъ въ наибольшемъ количествѣ. Вліяніе спермина проф. Пель объясняетъ его способностью усиливать окислительные процессы въ организмѣ и такимъ образомъ переводить ядовитыя вещества въ менѣе ядовитыя соединенія.

До сихъ поръ мы разсматривали всѣ тѣ органы, роль которыхъ въ самозащитѣ организма главнымъ образомъ выражается въ разрушеніи ядовъ. Уже раньше нами указывалось, что у организма, помимо разрушенія ядовъ въ немъ самомъ, есть еще и другіе способы борьбы съ веществами, присутствіе которыхъ является нежелательнымъ съ точки зрѣнія равновѣсія всѣхъ этихъ функцій. Разъ какой-либо ядъ—безразлично, будетъ ли онъ введенъ извнѣ или выработанъ въ самомъ организмѣ—попадаетъ въ кровь, а черезъ нее вступаетъ въ соприкосновеніе съ разными органами, которые тѣмъ не менѣе не могутъ его своевременно разрушить, то удаленіе этого яда изъ организма является для послѣдняго вопросомъ жизни или смерти. Вотъ почему всѣ выдѣлительные органы въ каждый моментъ должны функціонировать правильно и малѣйшее нарушеніе въ ихъ дѣятельности почти никогда не проходитъ безслѣдно для всего организма.

Въ ряду органовъ, завѣдующихъ по преимуществу выдѣлительной функціей, на первомъ мѣстѣ стоятъ почки. Что отдѣляемая почками моча сильно ядовита, извѣстно каждому. Чтобы вызвать очень бурную картину отравленія у кролика, достаточно впрыснуть ему въ вену 10—12 к. сант. мочи. Повтореніе этой искусственно вызванной картины мы, къ сожалѣнію, нерѣдко наблюдаемъ и у человѣка при заболѣваніяхъ почекъ, такъ часто поражающихъ дѣтей послѣ нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзней. Накопленіе въ крови органическихъ отбросовъ отражается на всѣхъ органахъ и тканяхъ, нарушая питаніе ихъ клѣточекъ и ведя такимъ образомъ къ измѣненію разнообразныхъ функцій: со стороны органовъ дыханія мы наблюдаемъ пораженія всѣхъ частей дыхательнаго аппарата, начиная съ отека гортани и кончая воспаленіемъ плевры и легкаго, кровеносная система реагируетъ увеличеніемъ сердца, кровоизліяніями въ мелкихъ сосудахъ и ненормальнымъ пропотѣваніемъ жидкихъ частей крови сквозь стѣнки сосудовъ, что ведетъ къ развитію водянки, со стороны желудочно-кишечнаго тракта мы видимъ поносы и рвоту, каковыми актами организмъ старается вывести часть циркулирующихъ въ немъ ядовъ; кожные покровы, помимо

отековъ, подвергаются всякаго рода сыпямъ, но самые главные припадки, грозящіе всего болѣе жизни, даетъ намъ нервная система: начиная съ головныхъ болей, разстройства чувствительности, сонливости, мы видимъ такія рѣзкія явленія, какъ потерю слуха и зрѣнія, полное безсознательное состояніе, параличи и конвульсіи и, наконецъ, психическія разстройства маніакальнаго характера.

Послѣ всего того, что говорилось раньше объ ядахъ организма, нѣтъ необходимости останавливаться болѣе подробно на тѣхъ веществахъ, которыя, не выдѣляясь во время черезъ воспаленныя почки, обусловливаютъ собою ту картину, которую мы только что описали. Если мы будемъ помнить, что къ почкамъ притекаютъ всѣ отбросы изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ организма, то само собою станетъ яснымъ, что въ ихъ отдѣляемомъ при нормальныхъ условіяхъ дѣятельности мы должны встрѣтить массу разнообразныхъ ядовъ: здѣсь мы увидимъ и лейкомаины, и минеральныя соли, и цѣлый рядъ продуктовъ, получающихся къ концу пищеварительнаго акта, а такъ какъ этотъ актъ можетъ совершаться съ болѣе или менѣе замѣтными отклоненіями отъ нормы, то и продукты, о которыхъ мы только что упоминали, въ разныхъ случаяхъ будутъ различными; кромѣ того, на количество ихъ и свойства можетъ вліять и самый составъ пищи. То или иное состояніе организма естественнымъ образомъ должно отражаться на ядовитыхъ свойствахъ мочи: она будетъ различной во время сна и во время бодрствованія, во время умственной и во время физической работы и т. д Не входя въ дальнѣйшія подробности по этому вопросу, такъ какъ значеніе почекъ, какъ выдѣлительнаго органа, уже достаточно нами выяснено, мы займемся теперь разсмотрѣніемъ тѣхъ способовъ, которыми, помимо почекъ, организмъ удаляетъ вредныя для него вещества.

На-ряду съ почками, а иногда и въ качествѣ замѣстителя ихъ, идетъ кожа; функціи кожи вообще довольно разнообразны, и ея выдѣлительная роль занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто среди нихъ. Въ то время, когда въ силу какого-либо болѣзненнаго процесса почки совершенно прекращаютъ выдѣлять мочу, выдѣленіе органическихъ отбросовъ совершается преимущественно черезъ кожу, съ каковой задачей она можетъ справляться продолжительное время. Но и при цѣлости мочевого аппарата черезъ кожу выдѣляется порядочное количество ядовитыхъ веществъ, открываемыхъ въ потѣ. Подобно мочѣ ядовитость пота можетъ варьировать въ зависимости отъ различныхъ условій и при нѣкоторыхъ болѣзняхъ она можетъ выражаться съ особенной силой.

Въ полной аналогіи съ кожей стоятъ и легкія постольку, поскольку они также дѣйствуютъ въ качествѣ органа выдѣленія. Черезъ легкія, какъ извѣстно, выдѣляется углекислота—газъ, получающійся въ организмѣ, какъ продуктъ сгоранія богатыхъ углеродомъ соединеній, результатомъ чего является животная теплота. Что углекислота ядовита, извѣстно уже очень давно, и долгое время ей одной приписывались тѣ тягостные симптомы, которые обычно наблюдаются въ плохо провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ при

большомъ въ нихъ стеченіи народу. Но въ послѣднее время, благодаря работамъ Броунъ-Секкара и д'Арсонваля, взглядъ на это дѣло измѣнился; есть очень много данныхъ предполагать, что нѣкоторые болѣе летучіе лейкомаины выдѣляются именно черезъ легкія, а если позволительно дѣлать такія предположенія для нормальнаго состоянія организма, то уже ничего не будетъ страннаго въ томъ фактѣ, если для нѣкоторыхъ заболѣваній, въ особенности заразныхъ, мы допустимъ и выдѣленіе микробныхъ ядовъ или же какихъ-либо ненормальныхъ продуктовъ вещественнаго обмѣна въ организмѣ. Впрочемъ, что касается послѣдняго обстоятельства, то здѣсь мы обладаемъ и кое-какими уже фактическими данными; такъ извѣстно, что при сахарной болѣзни черезъ легкія выдѣляется ацетонъ—вещество съ рѣзкимъ запахомъ, могущимъ служить для распознаванія этой болѣзни уже при первомъ взглядѣ на больного.

Чтобы покончить съ вопросомъ о выдѣленіи ядовъ изъ организма, мы должны сказать, что желудочно-кишечный трактъ по временамъ беретъ на себя и роль выдѣлительнаго органа даже и въ тѣхъ случаяхъ, если эти яды поступили въ организмъ, минуя органы пищеваренія, непосредственно въ кровь. Мы уже указывали выше, что поносъ и рвоту при заболѣваніяхъ почекъ нужно трактовать въ смыслѣ такого акта, которымъ организмъ старается удалить изъ своихъ тканей часть задержанныхъ въ немъ органическихъ отбросовъ. Точно такъ же и опытнымъ путемъ можно доказать, что, наприм., сулема, впрыснутая въ кровь животному, выдѣляется отчасти черезъ кишечникъ.

Разсматривая отдѣльно органы съ точки зрѣнія самоотравленія и самозащиты организма, мы такимъ образомъ убѣдились, что оба эти явленія являются естественнымъ результатомъ физіологической дѣятельности всѣхъ его частей; мы убѣдились далѣе, что безъ выработки ядовъ нельзя себѣ представить и правильной физіологической работы органовъ, и хотя каждый изъ этихъ ядовъ грозитъ ежеминутно организму нарушить равновѣсіе всѣхъ его отправленій, зато въ его распоряженіи находится цѣлый рядъ аппаратовъ самозащиты, дѣйствующихъ въ извѣстной гармоніи и обезпечивающихъ организму стойкость съ врагами внутренними и внѣшними. Отсюда уже понятно, что здоровье организма будетъ лишь тогда, когда между обоими родами его физіологической дѣятельности будетъ соблюдаться извѣстное равновѣсіе; стóитъ только какой-либо группѣ клѣтокъ проявить болѣе рѣзкую продуктивность веществъ отброса, и при прочихъ равныхъ условіяхъ мы будемъ имѣть дѣло съ болѣзненнымъ состояніемъ организма; съ другой стороны стóитъ только какому-либо органу, завѣдующему удаленіемъ или разрушеніемъ ядовъ организма, на время уменьшить или прекратить свою дѣятельность, и мы опять столкнемся съ той или иной болѣзнію.

Мы уже знаемъ, что микседэма или слизистый отекъ есть самоотравленіе отъ прекращенія дѣятельности щитовидной железы; что Адиссонова или бронзовая болѣзнь относится къ тому же роду заболѣваній вслѣдствіе не-

дѣятельности надпочечниковъ; далѣе намъ извѣстно, что главные припадки желтухи обусловливаются поступленіемъ въ кровь ядовитыхъ составныхъ частей желчи, что при заболѣваніяхъ почекъ мы имѣемъ дѣло съ поступленіемъ въ кровь составныхъ частей мочи; мы видѣли, наконецъ, насколько разнообразны симптомы желудочно-кишечнаго самоотравленія, но вопросъ этотъ не исчерпывается всѣмъ, что намъ было извѣстно по этому поводу до послѣдняго времени. Въ зависимость отъ кишечнаго самоотравленія нѣкоторые ставятъ, между прочимъ, англійскую болѣзнь; тому же фактору приписываютъ такъ называемый безбѣлковый отекъ—родъ водянки, развивающейся послѣ изнурительныхъ поносовъ, особенно у дѣтей; недавно проф. Черновымъ была высказана гипотеза, что и хлорозъ или блѣдная немочь относится къ болѣзнямъ кишечнаго самоотравленія. По тщательно собраннымъ имъ и проведеннымъ наблюденіямъ оказывается, что у дѣтей, страдающихъ этимъ видомъ малокровія, всѣ его симптомы идутъ параллельно съ разстройствами въ желудочно-кишечномъ трактѣ. Основываясь на этихъ данныхъ, проф. Черновъ такъ резюмируетъ свои выводы: «Хлоротическое измѣненіе крови можетъ наступать отъ весьма разнообразныхъ причинъ, между которыми поносы у дѣтей и различные процессы гніенія въ кишкахъ и съ ними связанное образованіе и всасываніе вредныхъ для организма продуктовъ занимаютъ первое мѣсто. Дѣйствіе этихъ веществъ не ограничивается одной кровью, рядомъ съ измѣненіями въ коей мы видимъ измѣненія и въ другихъ органахъ, какъ, напримѣръ, въ железахъ. Что касается хлороза, наблюдаемаго у дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ безъ разстройства въ кишечномъ трактѣ, то объяснить его можно тѣмъ, что во время полового развитія дѣвушекъ, благодаря быстрому росту ихъ тѣла и развитію новыхъ для нихъ функцій (менструація), въ организмѣ происходитъ усиленный обмѣнъ веществъ, продукты коего, накопляясь въ крови въ обильномъ количествѣ, вызываютъ въ ней хлоротическія измѣненія» *).

Роль самоотравленія въ происхожденіи нѣкоторыхъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней все болѣе и болѣе начинаетъ признаваться невропатологами и психіатрами. Вотъ что по этому поводу говоритъ покойный проф. С. С. Корсаковъ въ своемъ «Курсѣ психіатріи»: «Предположеніе зависимости душевныхъ болѣзней отъ развитія въ головномъ мозгу какихъ-то новыхъ химическихъ продуктовъ заслуживаетъ вниманія, и въ послѣднее время все болѣе и болѣе находится сторонниковъ того взгляда, что многіе психозы обусловливаются развитіемъ въ организмѣ ядовъ, токсиновъ, т.-е. суть слѣдствія аутоинтоксикаціи (самоотравленія). Это предположеніе основывается: 1) на томъ, что между клиническою картиной психозовъ и вліяніемъ нѣкоторыхъ ядовъ, введенныхъ въ организмъ, замѣчается значительное сходство; 2) на томъ, что нѣкоторыя психическія болѣзни развиваются именно при условіяхъ, способствующихъ аутоинтоксикаціи (полиневритическіе психозы, по-

---

*) Клиническія наблюденія надъ хлорозомъ у дѣтей; *Русскій архивъ патологіи, бактеріологіи и клинической медицины* 1897 г., т. III.

слѣродовыя психическія заболѣванія, психозы послѣ тифа, при желтухѣ и т. п.); 3) на томъ, что прямые опыты съ удаленіемъ тѣхъ органовъ, которые считаются нейтрализаторами ядовъ, циркулирующихъ въ крови, какъ, напримѣръ, щитовидной железы, вызываютъ у животныхъ рѣзкія измѣненія въ мозгу; у человѣка же оперативное удаленіе щитовидной железы вызываетъ микседему и глубокое психическое разстройство и, наконецъ, 4) что въ началѣ многихъ душевныхъ болѣзней замѣчаются измѣненія въ составѣ мочи, а нѣкоторые изслѣдователи находили въ нихъ излишнее количество токсиновъ».

Аналогичный взглядъ на развитіе одного изъ тяжелыхъ неврозовъ—эпилепсіи или падучей болѣзни, недавно былъ высказанъ д-ромъ Краинскимъ *).

Уже какъ на курьезное увлеченіе идеей о самоотравленіи организма надо смотрѣть на докладъ Хэга, сдѣланный въ прошломъ году въ психологической секціи британскаго медицинскаго общества. По мнѣнію Хэга, причиной самоубійства нужно считать дурной составъ крови, въ которой накопляется ненормальное количество мочевой кислоты вслѣдствіе діэтетическихъ погрѣшностей. Докладъ Хэга встрѣтилъ массу вѣскихъ возраженій и, по нашему мнѣнію, вполнѣ справедливо: думать, что изъ-за лишняго куска мяса, съѣденнаго не во-время, можно рѣшиться покончить съ жизнію,—не значитъ ли это слишкомъ злоупотреблять біологическими данными для разрѣшенія соціологическихъ проблемъ?

Подобнаго рода увлеченія—увы!—не новость въ исторіи медицины, да и одной ли медицины? Научный прогрессъ не можетъ обойтись безъ крайностей: онѣ порождаютъ духъ скептицизма и болѣе вдумчивое отношеніе къ предмету, и, встрѣчаясь съ такими же преувеличеніями противоположнаго характера, въ конечномъ результатѣ приближаютъ насъ къ истинѣ.

П. Өедоровъ.

---

*) „Обозрѣніе психіатріи“, 1896 г.

Соціально-экономическое развитіе иностранныхъ государствъ къ концу вѣка.

Англія, ставшая по своему національному богатству притчей во языцѣхъ, можетъ особенно гордиться своимъ бюджетомъ. Этотъ бюджетъ заключаетъ въ себѣ элементы, какихъ не найдешь ни въ одномъ изъ бюджетовъ Европы. И главнымъ такимъ элементомъ нужно считать статью, выдѣляемую ежегодно на погашеніе государственныхъ долговъ. Эта-то замѣчательная статья и послужила въ проектированномъ на 1899—1900 г. (съ 1 апрѣля по 31 марта) бюджетѣ поводомъ, изъ-за котораго ломались копья въ печати и въ парламентѣ и который сильно взбудоражилъ общественное мнѣніе англійскаго народа. Дѣло въ томъ, что проектированный бюджетъ предполагаетъ:

Расходы — увеличенными до	112,927	тыс.	ф.	ст.
Доходы — » »	110,287	»	»	»
И, слѣдовательно, дефицитъ »	2,640	»	»	»

Для покрытія этого дефицита министръ Г. Бичъ предложилъ ввести новый налогъ на внѣшнія облигаціи и увеличить пошлины на вино, кромѣ того, и это главное, онъ предложилъ еще сократить вышеупомянутую знаменитую статью погашенія долговъ на 2 милліона фун. ст. И это вызвало взрывъ недовольства среди парламента и газетъ безъ различія направленій.

Но это недовольство и тревога — временны, преходящи; несравненно больше интересуетъ, волнуетъ и безпокоитъ англичанъ ближайшее будущее ихъ родины, какъ экономической единицы, тѣснѣйшимъ образомъ связанной со всемірнымъ рынкомъ. Цифры ввоза и вывоза, взятыя за послѣднія полтора десятилѣтія (1883—1898 гг.), немало должны способствовать такой тревогѣ. Прежде всего, вывозъ возросъ съ 224 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ до 233 мил. фунт. ст., и это въ то время, какъ открываются все новые и новые рынки. Такое возрастаніе не можетъ вызвать восторга, особенно если взять параллельно цифры ввоза. За то же время ввозъ возросъ съ 319 милліоновъ ф. ст. до 409 мил. ф. ст. Увеличеніе гораздо быстрѣе и возможно лишь потому, что разность покрывается фрахтами

англійскихъ транспортныхъ судовъ и %-ами по помѣщеннымъ въ Англіи займамъ другихъ странъ. Съ другой стороны, то же самое увеличеніе ввоза значительно отстаетъ отъ увеличенія населенія и не можетъ возмѣстить уменьшенія площади посѣвовъ (за указанный срокъ на 40%). Впрочемъ, 1899 годъ улыбнулся англійской промышленности. Изъ главныхъ отраслей особымъ оживленіемъ отличалось производство желѣза и стали. Цѣны достигали высоты, которой онѣ не знали съ 1873 года и заработная плата возросла.

Переходя къ движенію соціальныхъ силъ внутри страны, мы остановимся на фактѣ изъ парламентской жизни. Вѣковое рѣзкое дѣленіе парламента на партіи виговъ и тори утратило свою опредѣленность. Сошелъ со сцены великій вигъ Гладстонъ, еще объединявшій либераловъ, — и партія дробится и дробится безъ новой отчетливой формировки вокругъ какихъ-либо твердыхъ принциповъ дѣятельности. Этотъ фактъ важенъ потому, что англійскій парламентъ являлся всегда представителемъ англійскаго народа, отраженіемъ его жизни. Когда классовая жизнь текла по опредѣленному руслу и каждый классъ зналъ, чего онъ хочетъ и кого посылаетъ въ парламентъ защищать свои интересы, тогда парламентскія партіи были рѣзко разграничены. Теперь пограничная линія между вигами и тори исчезаетъ и должна исчезнуть совершенно, а вмѣсто нея уже намѣчается другая, что это значитъ—мы сейчасъ увидимъ.

Конгрессъ трэдъ-юніонистовъ въ Плимутѣ собралъ болѣе 380 делегатовъ отъ различныхъ рабочихъ союзовъ Англіи, насчитывающихъ въ общемъ 1,250 тысячъ членовъ. Резолюціи его таковы: 1) открывается компанія для увеличенія числа представителей рабочаго класса въ парламентѣ; 2) законы объ отвѣтственности предпринимателей должны быть усовершенствованы законодательнымъ путемъ; 3) страхованіе рабочихъ должно быть расширено и всякій рабочій, достигшій 60 л. возраста, получаетъ право на пенсію, не взирая на то, есть ли у него собственныя сбереженія; 4) долженъ быть учрежденъ обязательный судъ, устанавливающій нормы арендной и квартирной платы, какъ въ Ирландіи.

Нѣкоторые англійскіе капиталисты начинаютъ находить невыгоднымъ помѣщать свои капиталы въ дома; тѣ же, кто не можетъ этого избѣгнуть, начинаютъ принимать свои мѣры, чтобы отстоять и тотъ небольшой процентъ, который теперь находится подъ угрозой новаго паденія. Недавно обнаружилось, что англійскіе капиталисты пришли къ соглашенію и соединились въ огромную федерацію. Цѣль, поставленная себѣ этимъ союзомъ—полное уничтоженіе трэдъ-юніоновъ. Средства доставляются всѣми союзниками въ общую боевую кассу, которая будетъ располагать огромными суммами. Члены федераціи подчиняются ея общимъ мѣропріятіямъ, что особенно проявляется во время стачекъ какъ рабочихъ, такъ и самихъ предпринимателей. Стачки послѣдняго рода прямо противоположны первымъ по цѣли; они должны понижать заработную плату. Здѣсь мы приводимъ послѣднія свѣдѣнія о стачкахъ такого рода.

Англійскіе штукатуры, организованные въ «національный союзъ штукатуровъ», выдержали бойкотъ со стороны предпринимателей.

Положеніе строительной промышленности въ Англіи вообще цвѣтуще. Всѣ причастныя къ ней лица хорошо зарабатываютъ. Предприниматели, какъ и рабочіе, организованы. Условія найма и работы опредѣляются и заключаются нотаріальнымъ порядкомъ. Рабочій день сведенъ къ 8—9 часамъ и конкурренція рабочихъ—къ minimum'у. Несмотря на такое нормальное положеніе вещей, предприниматели сильно тяготились возможностью давленія на нихъ со стороны рабочаго союза и по первому незначительному поводу шесть тысячъ штукатуровъ были разсчитаны. (Изъ общаго числа англійскихъ штукатуровъ—15 тысячъ—13 тысячъ организованы въ союзъ.) Предприниматели пригласили штукатуровъ изъ-за границы (французовъ, бельгійцевъ и итальянцевъ). Рабочіе приняли свои мѣры. Четыремъ тысячамъ изъ уволенныхъ найдена работа у мелкихъ подрядчиковъ, 2 тысячи остальныхъ уволенныхъ поддержаны кассою союза. Пріѣхавшимъ штукатурамъ-иностранцамъ предложено уѣхать обратно, что большинство и исполнило. Результатъ этихъ мѣръ былъ благопріятенъ. Предприниматели пригласили третье лицо, устроившее соглашеніе. Созданы спеціальные смѣшанные суды (изъ представителей обоихъ сторонъ поровну) для улаженія могущихъ возникнуть новыхъ конфликтовъ. Прежнія преимущества рабочихъ подтверждены сполна. Иностранцы-штукатуры—поголовно уволены. Рабочіе со своей стороны обязались не прибѣгать къ бойкоту, если условія соглашенія будутъ выполняться хозяевами въ точности. Замѣчательно, что во время этой забастовки потребительныя общества въ Лидсѣ дали бойкотированнымъ хозяевами штукатурамъ средства открыть кооперативное предпріятіе. Будетъ ли оно идти успѣшно — покажетъ будущее. Журналъ *Trade-unionist* замѣчаетъ къ этому, что такого рода эксперименты не переживаютъ обыкновенно вызвавшихъ ихъ конфликтовъ. Журналъ, однако, прибавляетъ, что нѣтъ основаній предсказывать то же и про данный случай, и рекомендуетъ организовать дѣло по принципу паевого участія и пропорціональнаго распредѣленія прибыли. Эта система такова: рабочіе дѣлятся чистой прибылью съ вложеннымъ капиталомъ въ пропорціи со своими заработками. Капиталъ же образуется изъ взносовъ (паевъ) кооператоровъ, не участвующихъ трудомъ. По этому образцу существуютъ въ Лондонѣ уже нѣсколько лѣтъ производительныя общества строительныхъ рабочихъ, прокладающихъ себѣ путь, хотя и безъ особаго шума и блеска.

Профессіональный союзъ бумагопрядильщиковъ, насчитывающій 18 т. членовъ, путемъ простыхъ переговоровъ, не шевельнувъ, такъ сказать, и пальцемъ, добился повышенія заработной платы въ размѣрѣ семи пенсовъ на 1 фунтъ ст.

Профессіональный союзъ ткачей послѣдовалъ его примѣру, требуя 10% надбавки. Эти кончили въ маѣ мѣсяцѣ компромиссомъ, мало для нихъ благопріятнымъ. Они добились только 2½% надбавки. Впрочемъ, надо считать благомъ и то, что дѣло обошлось безъ осложненій, ибо въ противномъ

случаѣ 300 тысячъ ткачей очутились бы на панели (изъ нихъ организованныхъ 40%).

Не то въ дѣятельности англійскаго парламента, поскольку эта дѣятельность захватываетъ область интересовъ пролетаріата. Тутъ столько подводныхъ камней и столько открытыхъ и тайныхъ могущественныхъ противниковъ, что лишь немногіе благіе законопроекты проходятъ благополучно. Даже законы, прошедшіе въ парламентѣ и вступившіе уже въ силу, заднимъ числомъ подвергаются недобросовѣстной софистической критикѣ, хотя бы съ явными натяжками. Такова судьба сравнительно новаго закона о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья и смерть. Газета *Daily News*, довольно произвольно используя цифры, отбрасывая и подчеркивая нужныя для предвзятаго вывода, доказываетъ, что названный законъ способствовалъ умноженію несчастныхъ случаевъ.

	1897—98 г.	1898—99 г.	1897—98 г.	1898—99 г.
	убито.		ранено.	
На жел. дорогахъ. . . .	505	522	12,837	13,992
Въ рудн. и шахтахъ . .	806	678	4,418	4,582
Въ каменоломняхъ. . .	101	135	1,259	1,729
На фабрикахъ.	504	660	38,555	58,628
На разн. др. работ. . .	203	238	6,676	70,892
Итого . . .	2,119	2,233	63,745	149,823

Но, даже принимая эти цифры, мы не рѣшились бы, какъ это дѣлаетъ газета, тутъ же утверждать, что умноженіе числа несчастныхъ случаевъ— слѣдствіе искусственной халатности рабочихъ, полагающихся на «благодѣтельный» законъ. Это утвержденіе ужъ слишкомъ «субъективнаго» характера, и лучше было бы продолжать изслѣдованіе дальше, чѣмъ пристегивать субъективное дополненіе и выводъ. Далѣе, брать одинъ предшествовавшій закону годъ и опускать всѣ остальные — тоже пріемъ объективно-ненадежный.

И вотъ такія-то упражненія продѣлываются надъ законами и ихъ дѣйствіемъ въ жизни. Что же происходитъ съ законопроектами, о томъ можно судить по рѣзкому отпору, какой далъ лордъ Сольсбери и палата лордовъ биллю, долженствовавшему установить обязанность хозяевъ магазиновъ и другихъ торговыхъ помѣщеній Шотландіи имѣть стулья для отдыха приказчицъ, сильно страдающихъ отъ переутомленія ногъ.

Билль, послѣ краткой, но энергичной рѣчи премьера, провалился безнадежно. Такой же отпоръ встрѣтилъ тожественный билль для Ирландіи и Англіи, передъ тѣмъ прошедшій уже въ палатѣ общинъ. Этотъ послѣдній билль не провалился и даже принятъ весьма значительнымъ (73 противъ 28) большинствомъ, лишь благодаря поддержкѣ епископа Винчестерскаго, выступившаго съ фактами въ рукахъ.

Муниципалитеты въ этомъ отношеніи настроены лучше,—да это и понятно: тамъ присутствуютъ представители рабочаго класса. Между прочимъ

отмѣтимъ здѣсь мѣру, принятую бирмингамскимъ муниципалитетомъ по примѣру манчестерскаго.

Создаются должности четырехъ инспектрисъ, дѣятельность которыхъ заключается въ выясненіи санитарнаго состоянія бѣдныхъ кварталовъ и въ распространеніи между матерями-работницами свѣдѣній о кормленіи и одеждѣ дѣтей и поддержаніи жилищъ въ должномъ санитарномъ уровнѣ.

Превосходство Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки надъ Англіей въ производствѣ нѣкоторыхъ важныхъ продуктовъ обратило на себя вниманіе общественнаго мнѣнія.

Въ началѣ 1899 г. директоръ Мидлендской желѣзнодорожной компаніи сообщилъ общему собранію акціонеровъ, что онъ былъ принужденъ передать нѣкоторые заказы на локомотивы американскимъ фирмамъ.

Къ этому его принудила не большая дешевизна, а быстрота выполненія заказовъ. Ни одна англійская фирма не бралась исполнить заказъ скорѣе пятнадцати мѣсяцевъ, американцы же берутся исполнить въ четыре. Это сообщеніе произвело сенсацію и породило газетную войну.

Нѣкоторые спеціалисты указывали на тяжеловѣсность англійскихъ фабрикантовъ, на нецѣлесообразную организацію индустріи. Другіе стали винить профессіональные союзы.

Послѣднему мнѣнію отвѣчалъ Бернсъ, секретарь большого союза машиностроителей. Въ своемъ интересномъ циркулярѣ онъ приводитъ массу цифръ, изъ которыхъ можно видѣть, что производство локомотивовъ въ Англіи находится въ очень благопріятномъ положеніи. Оно даетъ работу большему числу лицъ, чѣмъ въ прежніе годы.

Работа производится и въ сверхурочное время, для выполненія всѣхъ заказовъ въ срокъ. Экспортъ локомотивовъ, какъ и вообще машинъ, увеличился. На большихъ англійскихъ заводахъ для фабрикаціи локомотивовъ были заняты:

Годы:	1893	1894	1895	1899
Число рабочихъ . . .	7420	6600	6220	10,356

Вывезено локомотивовъ:

Годы:	1893	1894	1895	1896	1897	1898
Въ тысячахъ фун. ст.	843	750	798	1078	1006	1483

За первые три мѣсяца 1899 года было вывезено на 341,361 фун. ст., соотвѣтствующія цифры за годы: 1895—198 т. ф. ст., 1896—236 т. ф. ст., 1897—383 т. ф. ст., 1898—203 т. ф. ст.

Словомъ, англійская промышленность въ этой отрасли вполнѣ занята, и если фабриканты отказываются быстро исполнять заказы, то только потому, что они и безъ того ими завалены и исполняютъ ихъ для всѣхъ странъ земного шара.

Это одна сторона вопроса.

Другая заключается въ томъ, что вывозъ локомотивовъ изъ Америки растетъ значительно быстрѣе англійскаго. Американскіе промышленники

черпаютъ нѣкоторую силу, допускаетъ Бернсъ, въ теперешнемъ индивидуалистическомъ духѣ американскихъ рабочихъ, этомъ наслѣдіи прошлаго, когда въ Америкѣ легко можно было пріобрѣсти экономическую независимость; онъ исчезнетъ подъ натискомъ новыхъ условій жизни, и на его мѣсто станетъ духъ прогрессіональный. А пока въ американской промышленности царятъ порядки, подобные англійскимъ начала нынѣшняго столѣтія, и фабриканты тамъ сильно эксплоатируютъ рабочихъ.

Заводъ локомотивовъ Бальдвина-Бротерса въ Филадельфіи заставляетъ рабочихъ проводить въ мастерскихъ по 13 часовъ, съ перерывомъ для принятія пищи лишь въ 20 минутъ.

Такая продолжительность рабочаго дня несовмѣстима съ должнымъ исполненіемъ обязанностей въ отношеніи къ семьѣ и государству съ сохраненіемъ трудоспособности на продолжительное время. «Признавая необходимость стоять въ уровень съ требованіями современности, мы, англійскіе рабочіе, стоитъ въ циркулярѣ, громко заявляемъ, что британскіе машиностроители не согласятся на увеличеніе рабочаго времени, хотя бы это стоило существованія нѣсколькимъ предпріятіямъ». Но есть другія средства поднять производительность и удешевить производство и они въ рукахъ фабрикантовъ. Первое хорошее средство къ этому — болѣе полное использованіе машинъ. Рабочіе и фабриканты поступили бы благоразумно, если бы сообща условились такъ урегулировать рабочее время, чтобы надобность въ перерывѣ на первый завтракъ была устранена и рабочее время въ общемъ укорочено. Второе средство—централизація производства. «Каково бы ни было дѣйствіе американскихъ синдикатовъ (трестовъ, картелей) на положеніе рабочихъ, очевидно, что они привели къ большой экономіи въ работѣ. Ихъ успѣхъ заключается въ удешевленіи производства—плодъ огромности этого производства. Излишній персоналъ уничтоженъ, работа спеціализована и производительность ея возросла. Нѣкоторыя машины примѣняются только въ самыхъ спеціальныхъ операціяхъ. На упомянутомъ заводѣ Бальдвина занято 18 тысячъ человѣкъ—больше, чѣмъ на всѣхъ заводахъ Англіи вмѣстѣ (кромѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ). Заводъ изготовляетъ локомотивы почти исключительно одного типа, и эта спеціализація ведетъ къ новымъ сбереженіямъ. Однимъ словомъ, централизація и спеціализація даютъ американскимъ производителямъ огромное превосходство.

Далѣе, между предпринимателями и рабочими должны воцаряться добросовѣстныя отношенія. И тѣ и другіе до извѣстной степени связаны вкорененными привычками и соціальными условіями.

Но доказано, что даже на почвѣ этихъ данныхъ условій остается много мѣста для преслѣдованія того, что такъ удачно названо политикой дальновиднаго интереса.

Доказательство: заводы Гильса, Метера, Аллена, ведутъ дѣла не прибѣгая къ крайней эксплоатаціи. Будущее принадлежитъ ихъ политикѣ. Упо-

мянутый в цитируемый циркуляръ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что представляетъ панегирикъ самому современному способу производства и даже трестамъ,—и это со стороны англійскихъ трэдъ-юніоновъ. Умѣренный въ тонѣ, но рѣшительный въ сужденіяхъ и выводахъ, онъ вскрываетъ переворотъ въ образѣ мыслей послѣ неудачной стачки 1897 и 1898 годовъ. Въ то время прогрессивныя и стѣснительныя стремленія перемѣшивались. Попытки затруднить введеніе экономирующихъ время машинъ съ одной стороны, требованія, предполагающія для осуществленія своего усиленіе экономіи въ производствѣ, съ другой—этотъ двойственный характеръ борьбы повиненъ отчасти въ пораженіи машиностроителей. Въ циркулярѣ нѣтъ и слѣда такого внутренняго противорѣчія. Все, что говорится въ немъ о преимуществахъ спеціализаціи американскихъ заводовъ, сполна подтверждается спеціальной прессой. Американцы строятъ опредѣленные типы локомотивовъ, такъ сказать «на складъ», а англичане привыкли получать заказы детальные, одно лишь проектированіе которыхъ занимаетъ много времени.

Если, съ одной стороны, мы находимъ въ Америкѣ столь превосходную организацію и концентрацію производства,—обгоняющую даже англійскую, то, съ другой стороны, съ сожалѣніемъ приходится констатировать фактъ значительной отсталости американскихъ рабочихъ. Эти совсѣмъ не похожи на своихъ англійскихъ товарищей: нѣтъ у нихъ той общественной дисциплины, которою могутъ похвалиться англичане. Особенно ярко проявляется это отсутствіе внутренней дисциплины личности при временныхъ нарушеніяхъ въ ходѣ промышленности.

Американскія стачки, въ сравненіи съ англійскими, представляютъ типъ отсталый, устарѣвшій. Забастовали въ Бруклинѣ и Нью-Йоркѣ кондуктора. Выставили свои требованія, и довольно умѣренныя: повышеніе платы до 2 долларовъ и выполненіе закона о 10-часовомъ рабочемъ днѣ.

Затѣмъ вдругъ оказалось, что фактически бастуетъ лишь четвертая часть кондукторовъ, а остальные продолжаютъ работу. Забастовщики такъ раздражились, что пустили въ ходъ средства, какія никѣмъ и ни съ какой точки зрѣнія привѣтствуемы быть не могутъ, да и успѣха еще никому не доставляли. И на этотъ разъ битье стеколъ камнями и свалки на улицахъ завершились полнымъ пораженіемъ стачечниковъ.

Еще болѣе дикая и грустная исторія разыгралась въ Кливлендѣ. Вначалѣ тамъ стачечники вели себя образцово и завоевали себѣ сочувствіе и поддержку горожанъ, бойкотировавшихъ хозяевъ забастовщиковъ—трамвайную компанію. Когда это утомило публику и бойкотъ прекратился, стачечники отчаялись въ успѣхѣ, пустили въ ходъ камни, кулаки и т. д.

Лучше вели свои дѣла «газетные мальчишки» и мальчишки посыльные. Оригинальныя стачки въ двухъ послѣднихъ «производствахъ» привлекли всеобщее вниманіе. Та и другая окончились успѣшно для стачечниковъ. Въ обѣихъ забастовкахъ «забастовщики» вели себя гораздо приличнѣе своихъ старшихъ образцовъ. И тѣмъ не менѣе отзывы прессы по поводу этихъ

явленій выражаютъ скорбь, считая описанныя явленія ненормальными. Издали или съ точки зрѣнія юмористической—это забавные инциденты, а при нѣкоторой близорукости—даже симпатичныя явленія, вѣдь тутъ обнаружилось раннее пробужденіе сознанія своихъ интересовъ и правъ у американца-мальчугана и желаніе защищать эти интересы—куда какъ все это хорошо. Но нѣтъ, это дѣйствительно уродство, дефектъ склада жизни. Это противорѣчіе цивилизаціи и настоящій регрессъ, одичаніе цѣлаго поколѣнія въ борьбѣ за кусокъ хлѣба, начинающейся чуть не въ люлькѣ. И если интересъ какого-нибудь Hearst'а, милліонера, издателя газеты, требуетъ калѣченія юнаго поколѣнія, то вѣдь есть еще государство и общество, которымъ эти мальчишки и ихъ будущее важнѣе и нужнѣе. Наконецъ, Hearst'ы умѣютъ и сумѣютъ защитить себя не только противъ мальчишекъ, хотя бы и американскихъ, но и противъ силы покрупнѣе.

Недавно, напримѣръ, сталелитейщики-заводчики образовали трестъ, располагающій основнымъ и оборотнымъ капиталомъ въ 525 милліоновъ долларовъ, что на наши деньги составитъ сумму за милліардъ рублей.

Сила колоссальная, далеко оставляющая за собой и такой, напримѣръ, крупный по нашему масштабу синдикатъ, какъ образовавшійся также недавно въ Нью-Йоркѣ синдикатъ бумагопрядильный и масляный съ капиталомъ въ 6 милліоновъ долларовъ.

Замѣчательное улучшеніе наступило въ 1899 г. и въ текстильной индустріи Штатовъ, пережившей всемірный кризисъ этой отрасли, еще и теперь продолжающійся во всѣхъ другихъ странахъ. Американскіе предприниматели этой отрасли повысили недавно на 10% плату на бумагопрядильныхъ фабрикахъ, гдѣ занято около 10 т. рабочихъ.

Въ области соціальнаго законодательства можно отмѣтить только законъ, вступившій въ силу съ 1-го іюля, по которому во всѣхъ городахъ штата Иллинойсъ, имѣющихъ свыше 50,000 жителей, учреждаются посредническія бюро. Какъ рабочіе, такъ и работодатели пользуются имъ безвозмездно. Во время стачекъ и lock-out'овъ бюро прекращаетъ свою дѣятельность.

Ходъ промышленнаго развитія Германіи за послѣдніе годы равномѣрно ускорялся. За три первыя четверти 1899 года экспортъ превысилъ цифру экспорта за то же количество мѣсяцевъ 1898 года на 172 милл. марокъ. Между тѣмъ ввозъ увеличился только на 21 милл. марокъ противъ 1898 г., что объясняется сильнымъ увеличеніемъ производства, покрывающаго потребности домашними продуктами.

Между тѣмъ по даннымъ «центральнаго ферейна для пріисканія работы» (въ него входятъ 58 городовъ) за 1898 г. видно, что въ Берлинѣ на 100 свободныхъ должностей приходилось 119,2 претендентовъ. Кромѣ того въ томъ же Берлинѣ число занятыхъ въ различныхъ производствахъ рабочихъ не такъ возросло въ мартѣ 1899 г., какъ это имѣло мѣсто въ мартѣ 1898 г. Доказательство этого доставляютъ данныя берлинскихъ больничныхъ кассъ.

	1898 г.			1899 г.		
	1 мар.	1 апр.	проц.	1 мар.	1 апр.	проц.
Ремесленниковъ . . .	53,306	54,809	102,8	55,006	55,949	101,2
Машиностроителей . .	16,984	16,963	99,9	18,178	18,035	99,3
Плотниковъ	1,893	1,871	98,8	1,977	1,888	95,5
Маляровъ	2,895	3,841	132,7	3,333	3,813	114,4
Жестяниковъ	6,525	6,740	103,3	6,883	6,983	101,5
Столяровъ	19,115	18,425	96,4	19,905	20,225	101,6
Токарей	3,206	3,846	120,0	4,210	4,436	105,4
Скульпторовъ	2,512	2,740	109,1	2,656	2,720	102,4
Шорниковъ	2,261	2,484	109,9	2,330	2,422	103,9
Пивоваровъ	4,135	4,557	110,2	4,703	4,799	102,0
Заним. произв. бѣлья .	19,272	19,531	101,3	19,858	19,746	99,4
Шляпочниковъ . . .	2,180	2,230	102,2	2,357	2,185	92,7
Переплетчиковъ . . .	11,630	11,746	101,0	10,889	10,947	100,5
Служащихъ въ бюро .	2,262	2,312	101,2	4,188	7,237	101,2
Купцовъ и торговцевъ	50,439	51,345	102,8	53,065	53,936	101,6
Трактирщиковъ . . .	14,318	15,175	106,0	17,812	17,973	100,9
Фотографовъ	672	641	99,9	702	729	103,8

Итакъ, число занятыхъ росло въ 1898 г. быстрѣе, чѣмъ въ 1899 г. у ремесленниковъ, маляровъ, жестяниковъ, скульпторовъ, токарей, шорниковъ, пивоваровъ, занятыхъ производствомъ бѣлья, шляпочниковъ, переплетчиковъ, служащихъ въ бюро и трактирщиковъ. Что же касается прилива въ Берлинѣ рабочихъ силъ, то оно сильнѣе въ 1899 г., чѣмъ въ 1898 г., т.-е. въ полномъ несоотвѣтствіи со спросомъ, отчего и произошло переполненіе «пріютовъ для лишенныхъ крова» (въ мартѣ 1899 г.—4,369 лицъ). Вотъ когда дѣйствительно приходится жалѣть объ отсутствіи хорошо организованнаго, централизованнаго и распространеннаго на всю Германію рынка труда, который одинъ можетъ съ успѣхомъ регулировать предложеніе и возстановлять равновѣсіе въ случаяхъ подобныхъ вышеописанному. Пришлось бы еще только понизить желѣзнодорожный тарифъ, чтобы дать бѣднымъ рабочимъ возможность быстро перемѣщаться въ мѣста спроса.

Этимъ вопросомъ занимался, между прочимъ, въ апрѣлѣ 1899 года конгрессъ нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ, собравшійся во Франкфуртѣ на Майнѣ. На этомъ конгрессѣ констатированъ ростъ профессіональнаго движенія. Число организованныхъ рабочихъ поднялось съ 287,659 (1891 г.), до 507,747 человѣкъ (1898 г.). Быстрѣе другихъ разростаются организаціи каменщиковъ и рабочихъ металлургической промышленности: первая—съ 11,842 (1892 г.) до 60,175 (1898 г.) и вторая—съ 26,121 (1892 г.) до 75,431 (1898 г.).

Отчетъ кассы генеральной коммиссіи опредѣлилъ бюджетъ всѣхъ профессіональныхъ союзовъ въ 202,299 марокъ.

Обсуждался вопросъ о выработкѣ профессіональными союзами скалъ заработной платы. Вопросъ этотъ, подвергавшійся прежде рѣзкой критикѣ,

встрѣченъ благосклоннѣе: съ ростомъ вліянія рабочихъ союзовъ на рынокъ труда какъ предприниматели, такъ и сами рабочіе почувствовали потребность въ устойчивыхъ условіяхъ труда. Уже теперь нѣсколько профессіональныхъ союзовъ послѣдовали примѣру первыхъ иниціаторовъ этого дѣла—книгопечатниковъ.

Въ принципѣ противъ скалъ заработной платы возражать нечего. Формы же выработки и сроки дѣйствія должны вырабатываться каждый разъ отдѣльно самими профессіональными союзами.

По упомянутому уже вопросу о коммунальныхъ бюро по урегулированію спроса и предложенія труда мнѣнія на конгрессѣ раздѣлились. Часть стояла за рѣшенія ближайшаго предшествовавшаго конгресса профессіональныхъ союзовъ, отрицательно отнесшагося къ этимъ бюро. Другіе требовали поддержки городскимъ бюро, указывая на то, что до сихъ поръ профессіональные союзы не имѣли большого вліянія на посредничество между спросомъ и предложеніемъ труда, и что все же рѣшенія предшествовавшаго конгресса многими рабочими союзами не соблюдались.

Союзъ приказчиковъ-націоналистовъ въ Гамбургѣ въ началѣ года подалъ союзному совѣту петицію о законодательной регулировкѣ времени закрытія магазиновъ. Петиція покрыта 47 тысячами подписей, собранныхъ въ 642 населенныхъ торговыхъ пунктахъ. Между подписавшимися 11,260 хозяевъ и 32,622 приказчика и приказчицы. Такъ проявляли свою дѣятельность трудящіеся классы Германіи.

Не дремлютъ и предприниматели.

Въ Германіи 17 марта собраніе нѣмецкихъ, австро-венгерскихъ, румынскихъ и швейцарскихъ фабрикантовъ жестяной эмалированной посуды рѣшило основать интернаціональную картель для приданія устойчивости цѣнамъ. Такъ какъ бельгійскіе, французскіе и голландскіе фабриканты принципіально согласились съ этимъ предложеніемъ, то уже въ серединѣ апрѣля собралось главное учредительное собраніе.

Въ это же приблизительно время американскіе проволочные фабриканты вели переговоры съ нѣмецкими фабрикантами той же отрасли для учрежденія такой же картели, какъ у жестяниковъ.

Задачи городского самоуправленія въ Германіи все расширяются и дѣятельность муниципалитетовъ поражаетъ своей разносторонностью и шириной размаха. Ниже мы скажемъ о надеждахъ, возлагаемыхъ на дѣятельность муниципалитетовъ соціалъ-политиками Германіи, а сейчасъ упомянемъ о рѣшеніи коммунальнаго управленія города Эрфурта. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1899 г. имъ было постановлено устроить городскую станцію для эксплоатаціи электрической энергіи. Станція, по проекту, должна развивать токъ на 5 тысячъ лампъ накаливанія. Она обойдется городскому управленію въ 850 тыс. марокъ, издержки по эксплоатаціи предположены въ 138,300 марокъ, а доходъ (валовой)—176,600 марокъ.

На выборахъ въ баварскій ландтагъ националъ-либеральная партія разбита на-голову—это результатъ соглашенія католической партіи съ соціалъ-

демократами. Послѣдствіемъ этого политическаго факта было проведеніе и проектированіе нѣкоторыхъ важныхъ соціальныхъ мѣръ. Съ согласія ландтага, проектъ измѣненія и реформы избирательнаго права въ Баваріи переданъ на разсмотрѣніе особой коммиссіи. Эта реформа имѣетъ большіе шансы на успѣхъ. Въ ландтагъ внесенъ рядъ предложеній по улучшенію жилищъ, въ особенности для рабочаго класса. Эти предложенія переданы также въ коммиссію парламента на разсмотрѣніе. Вотъ ихъ краткій перечень:

1) Открывается дешевый кредитъ имѣющимъ образоваться кооперативнымъ обществамъ для постройки домовъ съ квартирами для членовъ этихъ обществъ. 2) Учреждаются должности квартирныхъ инспекторовъ. 3) Надзоръ и налогъ на дома, воздвигаемые со спекулятивными цѣлями, усиливается. 4) Принимаются мѣры къ облегченію сообщенія между центромъ и окраинами. 5) Для людей, вынужденныхъ родомъ занятій жить въ центрѣ, казна строитъ дома и въ нихъ отводитъ безплатныя квартиры.

Вопросъ о безработицѣ дебатировался горячо на съѣздѣ южно-германскихъ демократовъ. Они желали бы и тутъ дѣйствовать законодательнымъ путемъ: провести законъ о страхованіи отъ безработицы.

Но вожди ихъ не вѣрятъ въ возможность этого при нынѣшнемъ строѣ законодательнаго механизма. Ихъ взоры обращены на муниципалитеты. Ихъ разсужденіе сводится къ слѣдующему: теперь города организуютъ призрѣніе бѣдныхъ, подъ этимъ именемъ оказывается помощь и безработнымъ, такъ не лучше ли выдѣлить безработныхъ и трактовать ихъ какъ особый разрядъ людей, которымъ нужно и помогать болѣе соотвѣтствующимъ образомъ. Подобный опытъ въ малыхъ размѣрахъ уже сдѣланъ въ Кельнѣ.

Если бы нужно было охарактеризовать кратко Швейцарію какъ государство въ цѣломъ, то нельзя выбрать болѣе характернаго явленія, чѣмъ ея референдумъ. Онъ отличаетъ ее отъ другихъ странъ и даетъ твердое основаніе для уразумѣнія и детальной характеристики ея жизни. И въ ближайшемъ будущемъ намъ придется быть свидѣтелями грандіознаго народнаго голосованія не менѣе грандіознаго съ соціальной точки зрѣнія законопроекта.

Рѣчь идетъ объ обязательномъ страхованіи отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ всѣхъ лицъ обоего пола старше 14 лѣтъ, работающихъ у хозяевъ, и о страхованіи военныхъ. Размѣръ страхового налога не превышаетъ 4% заработка лица и всегда опредѣляется мѣстными органами, завѣдующими страхованіемъ. Застрахованный такимъ образомъ на случай болѣзни, заболѣвъ, получаетъ медицинскую помощь и все нужное для лѣченія, а также матеріальныя средства. Сдѣлавшійся вслѣдствіе болѣзни неспособнымъ къ труду, получаетъ 60—100% своего заработка въ теченіе года. Страхующіеся отъ несчастныхъ случаевъ платятъ премію, пропорціональную риску, которому они подвержены. Въ случаѣ болѣзни они пользуются тѣми же правами, что и застрахованные на случай болѣзни. Если же несчастный случай дѣлаетъ ихъ неспособными къ труду, то имъ выдается «инвалидная рента» въ размѣрѣ 60—100% нормальнаго заработка.

Въ случаѣ смерти застрахованнаго, родные получаютъ въ теченіе года ренту въ размѣрахъ, опредѣленныхъ степенью родства отъ 15—30% нормальнаго заработка покойнаго.

Роженицы получаютъ тѣ же права, что и заболѣвшіе,—въ теченіе шести недѣль и 60% нормальнаго заработка. Подобныя же соціальныя мѣры проводятся отдѣльными кантональными правительствами.

Большой совѣтъ кантона Невшатель ввелъ съ 1 января 1899 г. народное страхованіе. Страхованіе обязательно. Оно обезпечиваетъ на случай старости и на случай смерти. Право на страхованіе имѣетъ всякій отецъ семейства, всѣ вдовы и разведенныя жены съ дѣтьми. Для страхованія учреждена специальная контрольная касса, управленіе которой находится въ рукахъ застрахованныхъ, а контроль въ рукахъ кантональнаго правительства. Касса получаетъ ежегодныя субсидіи отъ правительства въ размѣрѣ 85 тысячъ франковъ. Страхующіеся вносятъ преміи ежемѣсячно, а при неспособности ихъ платить, за нихъ платитъ община. Страховая сумма на случай смерти равна 1,000—5,000 фр., а ежемѣсячная пенсія на старость 30—100 фр. Расходы по управленію, врачебному освидѣтельствованію и рискъ неправильнаго страхованія государство беретъ на себя.

Подобный же проектъ, выработанный консерваторомъ Одье, былъ представленъ большому совѣту города Женевы.

Женевское правительство опубликовало въ 1899 г. выработанный государственнымъ совѣтомъ законопроектъ объ охранѣ малолѣтнихъ рабочихъ. Законъ считаетъ учениками всѣхъ несовершеннолѣтнихъ отъ 14 до 21 года безъ различія пола. Законопроектъ встрѣченъ очень одобрительно.

Въ кантонѣ Валлисъ съ 1 февраля вступилъ въ силу новый законъ о бѣдныхъ. Онъ предписываетъ каждой общинѣ учрежденіе соотвѣтствующей ея потребностямъ кассы для бѣдныхъ. Изъ 165 общинъ кантона 100 не имѣли до тѣхъ поръ оффиціальнаго попечительства о бѣдныхъ и соотвѣтственныхъ вспомогательныхъ фондовъ. Вотъ нѣсколько положеній закона. Чтобы предупредить обѣдненіе вслѣдствіе пьянства, посѣщеніе трактировъ воспрещается тѣмъ, которые пользуются пособіемъ отъ общины, а также родителямъ дѣтей, получающихъ вспомоществованіе. Трактирщики, отпускающіе спиртные напитки этимъ лицамъ, штрафуются 2—15 франками.

Какъ извѣстно, швейцарскій союзъ удерживаетъ за собою табачную и винную монополіи. Въ 1899 г. отъ табачной монополіи получено чистаго дохода около 6,5 милліоновъ, а отъ винной за 1898 г.—7,26 милліоновъ франковъ, между тѣмъ какъ въ 1897 г.—6,98 милл. франк. Союзъ много расходуетъ на ремесленное, техническое и коммерческое образованіе. Въ 1898 г. союзъ выдалъ на это дѣло субсидій кантонамъ, общинамъ и ферейнамъ 1,11 милл. франковъ, а въ 1899 г.—на 200 тыс. фр. больше.

Заключимъ обзоръ дѣятельности правительства Швейцаріи сообщеніемъ о послѣднемъ законодательномъ актѣ. Законъ установилъ максимумъ рабочаго дня желѣзныхъ дорогъ—14 часовъ, воспретилъ нанимать женщинъ

для ночной работы, ограничилъ призывъ мужского персонала къ ночной службѣ до 14 разъ въ мѣсяцъ и не болѣе.

Конгрессъ швейцарскихъ профессіональныхъ союзовъ имѣлъ мѣсто въ Люцернѣ въ началѣ апрѣля. Этотъ конгрессъ ознаменовалъ поворотъ въ политикѣ швейцарскихъ федерацій рабочихъ союзовъ. При началѣ занятій (3 апрѣля), присутствовало 318 делегатовъ, представлявшихъ 184,051 члена рабочихъ союзовъ. Изъ этихъ чиселъ на «больничныя кассы» приходился 81 делегатъ и 56,808 членовъ, на профессіональныя общества 80 делегатовъ и 60,284 члена, на Grütlifeгеіn'ы 89 делегатовъ и 45,459 членовъ и на католическія общества 68 депутатовъ и 21,550 членовъ. Первымъ и главнымъ предметомъ обсужденія конгресса былъ вопросъ: какимъ способомъ всеобщая рабочая федерація должна способствовать широкой профессіональной организаціи? Референтъ Гройлихъ и профессоръ Бекъ (представитель католическихъ обществъ) сошлись въ мнѣніяхъ. Предложенная ими резолюція принята. Согласно этой резолюціи надежнымъ путемъ къ цѣли признается соблюденіе нейтралитета въ вопросахъ религіи и политики и сосредоточеніе вниманія рабочихъ на экономическихъ вопросахъ.

Въ своемъ рефератѣ Гройлихъ особенно подчеркнулъ, что швейцарская федерація рабочихъ насчитываетъ только 20 тыс. членовъ, внѣ ея стоящіе союзы—и того меньше. Между тѣмъ какъ швейцарскіе мелкіе предприниматели гораздо лучше понимаютъ значеніе организаціи, Швейцарскій союзъ предпринимателей насчитываетъ 20 тыс. членовъ, и есть отрасли, въ которыхъ всѣ предприниматели поголовно члены своей организаціи. Не менѣе, если не болѣе полно организованы и крупные предприниматели. Предъ такой организаціей тѣхъ и другихъ, организація рабочихъ—почти ничто.

Резолюція конгресса будетъ проведена въ жизнь въ близкомъ будущемъ и если путь выбранъ вѣрный, то вскорѣ въ Швейцаріи останется мало неорганизованныхъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что правительства главныхъ кантоновъ всячески поддерживаютъ рабочія организаціи. Бернское кантональное правительство двумя тысячами франковъ субсидировало Grütliverein, съѣздъ котораго состоялся въ Бернѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Организація потребителей въ Швейцаріи гораздо значительнѣе. Кооперативная федерація насчитывала въ началѣ года 90 потребительныхъ обществъ съ 70,000 членами и 130 сельско-хозяйственныхъ обществъ съ 10,000 членами. Самое большое изъ потребительныхъ обществъ, Базельское, пыталось 17-го декабря расширить, черезъ близкихъ ему депутатовъ Большого совѣта права аптекъ, такъ какъ послѣднія имѣются и у общества.

Бюджетъ Франціи на 1900 годъ уже проектированъ. Мы приведемъ его цифры параллельно съ цифрами предшествующаго года, оговорившись, что въ деталяхъ бюджетъ 1900 года похожъ на своего ближайшаго предшественника.

	1896 г.	1900 г.
Общая цифра расх. . .	3,475 мил. фр.	3.506,5 мил. фр.
Расходы воен. мин. . .	648 » »	660 » »
Расходы морск. мин. .	305 » »	314 » »

Такимъ образомъ, государственные расходы Франціи возросли на $31^{1}/_{2}$ милліонъ, изъ нихъ военные и морскіе—на 21 милл.

Внѣшняя торговля Франціи значительно оживилась. По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ таможеннаго департамента, ввозъ за 1899 годъ достигъ 4.217,150,000 фр. противъ 4.472,552,000 фр. въ 1898 году, а вывозъ 3.899,142,000 фр. противъ 3.510,900,000 фр.

Въ направленіи своей парламентской жизни и дѣятельности Франція, по всей видимости, переживаетъ переворотъ. До сихъ поръ можно было наблюдать, что французскій пролетаріатъ плохо вѣрилъ въ полезность участія въ политической жизни страны и мало ждалъ себѣ пользы отъ законодательства. Теперь это убѣжденіе въ значительной степени поколеблено.

Вступленіе Мильерана въ «буржуазное» министерство поставило ребромъ вопросъ: нужно ли и позволительно ли представителямъ пролетаріата вступать въ правительство? Возникли дебаты. Созванъ конгрессъ французскихъ рабочихъ. Вопросъ рѣшенъ положительно.

А тѣмъ временемъ обнаружились уже результаты дѣятельности Мильерана въ качествѣ члена кабинета. Тактика министерства, въ сравненіи съ тактикой предшествовавшаго, совершенно измѣнилась. Вспыхнувшая эпидемія стачекъ (землекоповъ въ Парижѣ, ткачей въ Ліонѣ, каменщиковъ въ Марсели и многія другія) была прекращена самыми мирными средствами: увѣщаніями и посредничествомъ.

Мильерану же обязано почтовое вѣдомство введеніемъ въ видѣ пробы восьмичасового рабочаго дня (11 сентября 1899 года).

Между тѣмъ, при министерствѣ Дюпюи, въ началѣ мая, въ томъ же почтовомъ вѣдомствѣ одна часть служащихъ—почтальоны Парижа высказали свое сильное недовольство правительству по поводу слѣдующаго событія.

Груссье, секретарь Мильерана, внесъ въ палату депутатовъ и защищалъ противъ помощника почтоваго статсъ-секретаря Мужо, свой проектъ: ассигнуется дополнительныхъ два милліона уже для повышенія окладовъ городскихъ почтальоновъ съ 1,000 до 1,200 фр. Палата депутатовъ приняла проектъ, но коммиссія сената его отклонила. Въ слѣдующемъ засѣданіи сената вопросъ былъ снова поднятъ сенаторомъ Лейде, рекомендовавшимъ утвердить рѣшеніе палаты. Однако Мужо возражалъ: «Нѣтъ основанія создавать привилегію для городскихъ почтальоновъ предъ сельскими» и сенатъ отвергъ проектъ 152-мя голосами противъ 82. Возмущенные почтальоны объявили, что они будутъ бастовать, пока не будетъ возстановленъ вотумъ палаты. Несмотря на чрезвычайныя затрудненія, созданныя этимъ оригинальнымъ конфликтомъ, правительство не уступило, и стачечники потерпѣли пораженіе.

Въ департаментѣ Луары ходъ промышленности остановился. Послѣ ткачей С.-Этьенна забастовали горнорабочіе, ободренные успѣхомъ посредничества Вальдека-Руссо въ недавней стачкѣ въ Крезо. Въ добавокъ ми-

нистръ-президентъ сенатскій депутатъ С.-Этьенпя и рабочіе обратились къ нему съ просьбою быть ихъ третейскимъ судьей. С.-Этьеннскіе ткачи (10,000) своимъ положеніемъ напоминаютъ ліонскихъ. Они работаютъ съ семьею у себя дома. Положеніе ухудшается еще тѣмъ, что это кустарное производство дорогихъ шелковыхъ тканей погибаетъ. За 15 часовую работу они получаютъ 2 фр. 50 сант. до 3 фр. Такой низкій уровень заработка можно отнести, во-первыхъ, на счетъ посредниковъ и коммиссіонеровъ, а затѣмъ на счетъ фабрикантовъ. Углекопы въ свою очередь требовали (въ концѣ декабря) повышенія заработной платы на 50 с. въ день соотвѣтственно росту прибыли предпринимателей.

Въ декабрѣ палата депутатовъ приняла предложенную правительствомъ новеллу къ фабричному закону. Она заключается въ слѣдующемъ. Рабочее время подростковъ моложе 18 лѣтъ, равно какъ всѣхъ женщинъ, должно пока равняться 11 часамъ. Черезъ 2 года оно будетъ сведено къ $10^1/_2$ часамъ, а еще черезъ 2 года къ 10. Ночная работа за немногими исключеніями для названныхъ рабочихъ запрещается.

Въ Бельгіи министръ-президентъ обѣщалъ поставить въ парламентѣ на очередь выработанный уже по его словамъ проектъ страхованія рабочихъ отъ инвалидности.

Другой проектъ закона, въ силу котораго каждый рабочій нотаріальнымъ порядкомъ и при посредствѣ ипотечныхъ конторъ можетъ закрѣпить свою недвижимую собственность за семьей и такимъ образомъ оградить эту собственность отъ взысканія по его личнымъ обязательствамъ, этотъ проектъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ предложенъ депутатамъ на разсмотрѣніе.

Изъ приведенныхъ въ исполненіе мѣръ можно отмѣтить только слѣдующую. По министерскому распоряженію отъ 9 сентября заработная плата желѣзно-дорожныхъ рабочихъ окончательно установлена. Различныя категоріи ихъ получаютъ отъ 130 до 300 фр. въ мѣсяцъ.

Въ экономическомъ отношеніи 1899 годъ принесъ Бельгіи кризисъ въ угольной, а затѣмъ и въ зависимыхъ отъ нея отрасляхъ промышленности. Стеченіе нѣсколькихъ крупныхъ причинъ, изъ которыхъ главная—недостатокъ подвижного состава желѣзныхъ дорогъ и проч., породили сильнѣйшій недостатокъ въ каменномъ углѣ. Цѣны на него, и безъ того росшія за послѣдніе годы, быстро пошли въ гору.

Цѣны въ франкахъ за тонну.

Сорта.	3 авг. 1897 г.	22 мар. 1898 г.	23 авг. 1898 г.	4 мар. 1899 г.
II	7,50— 7,60	8,00— 8,10	8,25	10,15—10,25
III	9,00— 9,25	9,50— 9,75	9,75—10,00	11,75—12,00
IY	9,80—10,25	10,50—10,75	10,75—12,00	12,75—13,00

Для рабочихъ, занятыхъ въ угольной промышленности, такой ростъ цѣнъ не представлялъ секрета. Они обратились къ предпринимателямъ, требуя своей доли въ видѣ надбавки заработной платы на 20%. Органъ предпринимателей *L'Etoile Belge* заявилъ въ одномъ изъ нумеровъ: «Тре-

буемое повышеніе на 20%—невозможно, но можно бы придти къ соглашенію, если бы рабочіе удовольствовались 10—12%», конечно, прибавимъ мы отъ себя, вѣдь отъ одной только сдѣлки 4 апрѣля 1899 г. на поставку 442 тыс. тоннъ каменнаго угля желѣзнодорожному правленію угольные «короли» получили на 1.252,160 фр. больше, чѣмъ въ 1897 году. Словомъ, такъ или иначе, рабочіе и предприниматели не пошли на соглашеніе. Первые получили большую поддержку отъ потребительныхъ обществъ, особенно Vooruit и Maison du Peuple въ Брюсселѣ, посылавшихъ въ каменно-угольный районъ цѣлые вагоны хлѣба. Сравнительно съ 1898 годомъ заработная плата углекоповъ всетаки поднялась въ концѣ года на 10%. Въ 1897 г. она равнялась въ среднемъ 3 фр. 40 с., а въ 1898 году—3 фр. 58 с.

Потребительно-производительная кооперація Maison du Peuple, основанная въ 1884 г. 60-ю лицами съ капиталомъ 700 фр., въ теченіе 15 лѣтъ выросла въ огромное предпріятіе съ 17 тыс. членовъ, 4 милл. фр. годового оборота и 250-ю тыс. фр. чистаго дохода. При такомъ блестящемъ ходѣ дѣлъ былъ выстроенъ для своихъ нуждъ новый огромный домъ изъ стекла и желѣза. Домъ имѣетъ шесть этажей и построенъ замѣчательно изящно. Въ нижнихъ этажахъ помѣщаются магазины и ресторанъ коопераціи, въ прочихъ этажахъ—концертный залъ на 3,000 зрителей и около сорока другихъ залъ для собраній. Имѣется помѣщеніе для библіотеки и большой гимнастическій залъ.

Открытіе дома отпраздновано съ большой торжественностью.

Въ законодательствѣ Голландіи сильно замѣтенъ прогрессивный духъ.

Министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ проводятъ черезъ палаты законопроектъ объ обязательномъ всеобщемъ обученіи и другой—о регламентаціи отношеній между хозяевами и рабочими. Профессоръ Друкеръ внесъ въ палату выработанный имъ проектъ о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья и смерть на работѣ. Министръ финансовъ внесъ законопроектъ объ усиленіи отвѣтственности за ложныя показанія цифръ доходовъ. Эти цифры систематически умаляются плательщиками для уменьшенія суммъ платежа подоходнаго налога.

Въ маленькомъ городкѣ Лѣйвандерѣ въ апрѣлѣ собрался конгрессъ рабочей партіи. Президентъ Флигенъ констатировалъ, что на первомъ конгрессѣ, за 5 лѣтъ до настоящаго, присутствовало всего 14 делегатовъ отъ 14-ти маленькихъ группъ, на этотъ же разъ присутствуютъ 81 делегатъ отъ 47 ассоціацій и 21,888 членовъ. Послѣ всеобщихъ выборовъ 1897 года было 7 частичныхъ выборовъ. Число голосовъ рабочей партіи утроилось менѣе, чѣмъ въ два года; съ 2,385 на 6,997. «Мы еще не составляемъ большой партіи,—прибавилъ президентъ,—но нашъ прогрессъ постояненъ, мы представляли бы уже сегодня большую партію, если бы не ослабляющіе насъ раздоры». Интересный споръ возбудилъ вопросъ о голландскихъ синдикатахъ. Большая часть ихъ не вмѣшивается въ политику. Конгрессъ выработалъ слѣдующую коммунальную программу: расши-

реніе коммунальныхъ владѣній, увеличеніе коммунальныхъ службъ; minimum заработной платы для коммунальныхъ служащихъ и рабочихъ, установленіе maximum'a окладовъ для высшихъ коммунальныхъ чиновниковъ; даровое обученіе, учрежденіе школьныхъ кантинъ *) и осеннихъ колоній, устройство коммуной дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, реорганизацію общественной благотворительности для борьбы съ нищетой, борьбу коммунальныхъ властей противъ алкоголизма; прогрессивный подоходный налогъ за исключеніемъ маленькихъ наслѣдствъ.

Для упроченія своего дѣла рабочая партія считаетъ полезнымъ энергичное насажденіе потребительныхъ обществъ. Наконецъ, конгрессъ занялся разсмотрѣніемъ проекта закона объ инвалидахъ труда, подлежащаго санкціи парламента. По мнѣнію конгресса, законъ принципіальныхъ возраженій вызвать не можетъ, но въ деталяхъ нуждается въ поправкахъ. Равнымъ образомъ одобренъ законопроектъ о регламентаціи отдыха, также стоящій на очереди въ парламентѣ; признаны желательными слѣдующія поправки къ нему: недѣльный отдыхъ долженъ равняться минимумъ 36-ти часамъ; восьмичасовой рабочій день долженъ быть введенъ немедленно въ нездоровыхъ, или требующихъ ночной работы отрасляхъ; инспектора должны избираться самими рабочими и т. д.

Государственный бюджетъ Австро-Венгріи на 1900 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Доходовъ обыкновенныхъ . .	991,007 т. кронъ.
» чрезвычайныхъ . .	62,800 » »
Итого .	1.053,807 т. кронъ.

Расходовъ обыкновенныхъ	948,009 т. кронъ.
» чрезвычайныхъ.	48,800 » »
» экстренныхъ.	55,000 » »
Итого . .	1.051,809 т. кронъ.

Бюджетъ 1899 года показывалъ доходу на 48,9 милл. кронъ, а расходу—на 46,2 милл. кронъ меньше.

Новая тяжесть должна быть возложена на плечи населенія въ видѣ налоговъ на пиво, спиртъ и сахаръ.

Любопытны вновь опубликованныя данныя (оффиціальныя), касающіяся личнаго подоходнаго налога. Они не могутъ еще претендовать на особую точность, въ виду многочисленныхъ случаевъ уклоненія отъ платежа, но опредѣляютъ, все же, распредѣленіе народнаго дохода въ Австріи. Лица, имѣющія доходъ ниже 600 гульденовъ, свободны отъ налога. Остальные распредѣляются по классамъ. По распредѣленіи оказалось:

*) Кормленіе дѣтей при школѣ.

Классы съ доходомъ.	Число плательщиковъ.	Сумма дохода въ милл. гульден.
600— 900 г.	404,044	302,4
900—1,800 »	215,100	305,0
1,000—3,600 »	50,741	139,6
3,600—6,000 »	22,089	100,4
свыше 6,000 »	17,874	310,6
	709,848	1.158,0

Считая, что во всей Австріи (Цислейтаніи) 25,5 мил. населенія, найдемъ, что число плательщиковъ, т.-е. лицъ, имѣющихъ свыше 600 гульденовъ доходу, составляетъ лишь 7,29% населенія. По отдѣльнымъ составнымъ частямъ Австріи этотъ процентъ мѣняется: въ Галиціи — 0,7%, въ Буковинѣ — 3,63%, въ Силезіи — 5,78%, въ Чехіи — 8% и въ Нижней Австріи—20,04%.

Конгрессъ сельскихъ рабочихъ и мелкихъ крестьянъ собрался въ Будапештѣ 5 апрѣля. Присутствовали 133 делегата изъ 92 дистриктовъ. Изъ другихъ 123 дистриктовъ получены письменныя заявленія о причинахъ неприсылки депутатовъ. На конгрессѣ рѣчь шла преимущественно о стѣснительности введеннаго съ 1898 г. закона о сельскихъ рабочихъ: законъ проникнутъ крѣпостническимъ духомъ. Изъ другихъ предметовъ обсужденія отмѣтимъ требованіе урегулированія страхованія отъ старости и инвалидности и пожеланіе національзаціи земли вмѣсто ея парцеллированія. Наконецъ, конгрессомъ выставлено требованіе учрежденія должностей сельскохозяйственныхъ инспекторовъ.

Продолжительное прекращеніе работы шерстопрядильщиками въ Брюннѣ было вызвано тяжелыми условіями труда. При чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня и отдаленности жилищъ отъ фабрикъ, рабочіе совершенно разобщались съ семьями. Тяготясь такимъ образомъ жизни, рабочіе готовы были пожертвовать перерывами въ теченіе работы и лишь просили фабрикантовъ урѣзать число рабочихъ часовъ въ недѣлѣ на 4 часа, лишь бы имѣть возможность жить хоть немного въ семьѣ и для семьи. Впрочемъ, это урѣзываніе могло принести маленькое неудобство владѣльцамъ прядиленъ и послѣдніе повліяли на своихъ товарищей предпринимателей и отвергли сообща требованіе рабочихъ. Девять недѣль выдержали стачечники, ведя себя примѣрно и—добились желаемаго почти въ полной мѣрѣ. Для прядильщиковъ (2 тыс. человѣкъ) выработаны при соглашеніи особыя, спеціальныя условія работы.

Всего бастовало 12,000 человѣкъ, получившихъ на это время кое-какую работу отъ крестьянъ сосѣднихъ селеній или пособіе отъ кооперативнаго «рабочаго дома» деньгами, по 70 крейцеровъ на человѣка въ недѣлю—и припасами. Необходимо отмѣтить, что главная заслуга по улаженію конфликта должна быть признана за мѣстными властями—намѣстникомъ Моравіи, Шпенсъ Боденомъ, и бургомистромъ Брюнна—фонъ-Визеромъ.

Швеція, какъ извѣстно, страна съ развитой добывающей промышлен-

ностью. Особенное значеніе въ ея промышленной жизни имѣетъ горнозаводская дѣятельность. Рудники ея, дающіе ежегодно милліоны тоннъ желѣзной, мѣдной, цинковой, сѣрной и серебряной руды, являются крупными поставщиками какъ для самой Швеціи, такъ, въ значительной степени, и для другихъ европейскихъ странъ (Англіи и пр.).

Обрабатывающая промышленность Швеціи такъ же достигла довольно высокой степени развитія. Импортъ весьма незначителенъ: все, въ чемъ она нуждается, съ успѣхомъ производятъ ея собственные фабрики и заводы. Мало того, она сама экспортируетъ продукты своего труда въ обработанномъ и сыромъ видѣ.

Несмотря на крайне неблагопріятную для земледѣлія почву, Швеція, за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей въ хлѣбѣ, вывозитъ часть въ европейскія страны. Не претендуя на конкурренцію съ Россіей и Сѣверной Америкой, она все же вывезла за послѣдній годъ болѣе милліона пудовъ ржи, ячменя и овса.

Парламентъ становится въ послѣднее время постоянной ареной борьбы рабочей партіи съ ея противниками. Въ 1899 года борьба эта выразилась въ попыткѣ консервативной партіи устранить вредное для нея вліяніе профессіональныхъ союзовъ, «освободить личность отъ тиранніи союзовъ»;— путемъ отмѣны одного изъ старыхъ шведскихъ законовъ, который каждому гражданину предоставляетъ право участвовать въ какихъ угодно политическихъ партіяхъ и ферейнахъ.

Въ вопросѣ объ урегулированіи отношеній между предпринимателями и рабочими консервативное правительство рѣшило держаться политики выжиданія, находя болѣе всего удобнымъ предоставить борющимся сторонамъ свободу въ выработкѣ отношеній. Политики этой правительство держалось не безъ основанія. Съ сѣверной части Швеціи поднялось къ этому времени усиленное, правильно организованное нападеніе на рабочихъ со стороны сплотившихся предпринимателей. Рабочимъ предъявлено подъ угрозой увольненія требованіе не участвовать въ профессіональныхъ союзахъ. Депутатъ Брантингъ сдѣлалъ правительству запросъ насчетъ того, не считаетъ ли оно себя обязаннымъ выступить на защиту интересовъ рабочаго класса.

Но правительство, ссылаясь на законы, предоставляющіе право личной свободы въ установленіи своихъ отношеній, заявило, что не намѣрено врываться въ частную жизнь. Этотъ отвѣтъ встрѣченъ въ палатѣ рукоплесканіями.

Экономическая жизнь Даніи представляетъ въ 1899 году много интереснаго. Крупнымъ фактомъ является грандіозный lock-out, охватившій всю страну и распространившійся на 11 разныхъ ремеслъ и отраслей промышленности и 35,000 рабочихъ. Оригинальной чертой этого явленія представляется то обстоятельство, что забастовка была открыта не рабочими, а предпринимателями. Они были не въ состояніи переносить давленіе, оказываемое на нихъ организованной рабочей массой, которая позволяла

себѣ самовольно прекращать работу, устанавливать произвольно заработную плату, заставлять предпринимателей нанимать тѣхъ, а не другихъ рабочихъ, бойкотировать несимпатичныхъ товарищей. Датскіе рабочіе сумѣли весьма прочно организоваться въ различные союзы и ферейны, черезъ которые и диктовали предпринимателямъ выгодныя для себя условія. Такое зависимое положеніе сильно тяготило послѣднихъ, они рѣшили противупоставить рабочимъ организаціямъ—собственную и открыли почти по всей Даніи lock-out. Началось это такъ. Въ мартѣ 1899 г. въ нѣкоторыхъ ютландскихъ городахъ забастовали столяры. Благодаря вмѣшательству «союза рабочихъ» недоразумѣнія вскорѣ уладились и рабочіе возобновили работы, но вскорѣ сами же нарушили условія соглашенія. Тогда владѣльцы столярныхъ мастерскихъ рѣшили прекратить работы и отказали всѣмъ рабочимъ. «Союзъ рабочихъ», разслѣдовавъ дѣло, нашелъ, что виноваты рабочіе, и подъ угрозой исключенія изъ «Союза» принудилъ ихъ вернуться къ работамъ. Но работодатели не воспользовались этой уступкой и рѣшили держаться другой политики, болѣе для нихъ выгодной. Когда рабочіе явились съ повинной, преприниматели заявили имъ, что прежнее соглашеніе они признать отказываются и предложили новыя и крайне тяжелыя условія, согласиться на которыя «Союзъ рабочихъ» счелъ себя не въ состояніи.

«Общество работодателей» распространило lock-out на плотниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, слесарей и маляровъ во многихъ датскихъ городахъ, выбросивъ, такимъ образомъ на мостовую болѣе 35 тыс. рабочихъ. «Союзъ рабочихъ» рѣшилъ бороться всѣми силами, хотя бы для этого пришлось истратить весь капиталъ «Союза»—полтора милліона кронъ.

Общество отнеслось къ рабочимъ весьма сочувственно. Когда положеніе рабочихъ очень ухудшилось — крестьяне взяли ихъ дѣтей къ себѣ въ деревни и обѣщали кормить ихъ до окончанія lock-out'а. Lock-out продолжался почти полгода. Наконецъ, 7 сентября 1899 г. предприниматели сняли его и возобновили работы на обычныхъ условіяхъ.

Въ сферѣ соціальнаго законодательства весьма важнымъ представляется прошедшій въ апрѣлѣ 1899 года въ законодательномъ собраніи законъ о доставленіи земельныхъ участковъ «для лицъ мужского пола, занимающихся исполненіемъ сельско - хозяйственныхъ работъ въ качествѣ ли постоянно-служащихъ или поденщиковъ».

Законъ этотъ зародился еще въ 1894 г. въ коммиссіи, учрежденной для выисканія мѣръ по улучшенію положенія сельскаго пролетаріата. Коммиссія внесла въ 1896 г. въ риксдагъ законопроектъ, опредѣлявшій условія надѣленія безземельныхъ крестьянъ участками земли съ домомъ, скотомъ (1 корова и 2 овцы), инвентаремъ. Крестьянинъ долженъ выплатить наличными $^1/_5$ стоимости участка, половина стоимости ссужается ему крестьянскимъ кредитнымъ обществомъ изъ $3^1/_2\%$ годовыхъ, а уплату остальной части беретъ на себя государство, отпускающее для этой цѣли впредь въ теченіе пяти лѣтъ по 1 милліону кронъ ежегодно. Фолькстингъ подвергъ

законопроектъ рѣзкой критикѣ, находя необходимымъ увеличить предположенную къ ассигновкѣ сумму съ пяти до двадцати милліоновъ, увеличить проектируемый размѣръ земельныхъ участковъ и понизить выплачиваемую самими крестьянами часть стоимости участка до $^1/_8$ противъ предположенныхъ $^2/_3$. И правительство, и ландстингъ нашли эти требованія несправедливыми и такъ какъ фольстингъ на уступки не пошелъ, то законопроектъ не получилъ санкціи. Въ 1897 и 1898 гг. законопроектъ, благодаря сильнымъ разногласіямъ относительно него между ландстингомъ и фолькстингомъ, также не удалось провести въ риксдагѣ. И только въ прошломъ году парламентскій компромиссъ далъ ходъ законопроекту, значительно измѣненному къ лучшему. Сущность закона такова. Батракъ, желающій пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ участокъ земли, или обращается въ «волостной съѣздъ», который покупаетъ для него участокъ земли у частнаго владѣльца, или у общества, или же батракъ самъ подыскиваетъ подходящій участокъ. Затѣмъ, онъ подаетъ въ «губернскую земскую коммиссію» прошеніе о ссудѣ. Такія коммиссіи учреждаются въ каждой губерніи и состоятъ изъ трехъ членовъ: представителя министерства земледѣлія и двухъ—выбираемыхъ общиной, изъ послѣднихъ одинъ—батракъ. Коммиссія даетъ свое заключеніе о прошеніи, сообразуясь со слѣдующими условіями: проситель долженъ имѣть отъ 25-ти до 50-ти лѣтъ, не состоять подъ судомъ, не пользоваться общественной помощью, заниматься послѣдніе 5 лѣтъ сельско-хозяйственными работами и обладать суммой, составляющей $^1/_{10}$ (по проекту коммиссіи—$^1/_5$) стоимости участка. Участокъ долженъ составлять не менѣе 110 и не болѣе 450 акровъ земли. Рѣшеніе коммиссіи представляется министру земледѣлія и по утвержденіи его министромъ крестьянинъ получаетъ $^9/_{10}$ стоимости участка (не больше, однако, 3,600 кронъ) въ ссуду. Эта ссуда должна быть погашена слѣдующимъ образомъ: въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ должникъ платитъ одни % (3%), въ слѣдующіе 40 лѣтъ должна быть погашена половина ссуды, а за другую половину уплачиваются только %; по истеченіи же этихъ сорока лѣтъ начинается погашеніе другой половины съ уплатой $3^1/_2$% годовыхъ и продолжается 20 лѣтъ. На такую помощь государство отпускаетъ ежегодно въ теченіе пяти лѣтъ по 2 милліона кронъ, которые распредѣляются между всѣми губернскими земскими коммиссіями. Послѣдней сессіи датскаго риксдага предстояло еще обсужденіе законопроектовъ о четырехъ налогахъ. Законопроекты выработаны вышедшимъ въ отставку кабинетомъ Реедти-Тота. Два изъ законопроектовъ имѣютъ большіе шансы на принятіе, ибо очень выгодны для партіи аграріевъ, которая уже давно старается провести ихъ въ риксдагѣ. Одинъ законопроектъ долженъ доставить общинамъ право взимать въ свою пользу нѣкоторые казенные налоги, другой касается подоходнаго налога. Два другихъ закона—о новомъ таможенномъ тарифѣ и о повышеніи акциза на пиво. По предложенію министра внутреннихъ дѣлъ Л. Брамсена риксдагъ долженъ былъ заняться также и разработкой соціальныхъ вопросовъ. Пред-

ложены слѣдующія мѣры: учрежденіе постояннаго третейскаго суда для разсмотрѣнія недоразумѣній и споровъ между предпринимателями и рабочими, распространеніе принятаго въ 1898 г. закона о страхованіи рабочихъ на нѣкоторые другіе классы населенія и пересмотръ наличнаго законодательства относительно работы на фабрикахъ дѣтей и несовершеннолѣтнихъ.

Имѣющее глубокое общественное значеніе и принятое фолькстингомъ предложеніе рабочей партіи: кормить на общинный счетъ бѣдныхъ дѣтей, учащихся въ городскихъ и сельскихъ общественныхъ школахъ,— это благое предложеніе было отвергнуто ландстингомъ. По изслѣдованію выбранной фолькстингомъ коммиссіи видно, что въ городскихъ школахъ Копенгагена 2,700 дѣтей никогда не получаютъ горячей пищи по бѣдности и другимъ причинамъ, и 7,900 получаютъ ее не каждый день. Изъ 82.000 дѣтей, учащихся въ провинціальныхъ городскихъ школахъ, никогда не получаютъ горячей пищи 900 человѣкъ, не каждый день — 4,000, а изъ 228,000 дѣтей сельскихъ школъ — 1,000 никогда не получаютъ горячей пищи, а 6,000 — не каждый день.

Возвращаясь въ концѣ обзора Даніи къ ея рабочему классу, мы упомянемъ, что число организованныхъ рабочихъ доходитъ до 80 тыс. Главная ихъ газета расходится въ 40 тыс. экземпляровъ. Рабочая федерація открыла въ Копенгагенѣ кооперативную пекарню, ежегодно отпускающую хлѣба на 650 тыс. франковъ. Благодаря этому цѣна на хлѣбъ была установлена нормальная. Въ 1899 г. открыта еще кооперативная мясная лавка, прекрасно обставленная: имѣется ледникъ и все прочее. Всего же въ Даніи дѣйствуютъ теперь около 800 потребительныхъ обществъ, насчитывающихъ въ общемъ до 77,000 участниковъ и имѣющихъ оборотъ въ 20 милліоновъ кронъ.

Нельзя коснуться Италіи, не начавъ съ констатированія ея тяжелаго экономическаго положенія.

Бюджетъ изъ года въ годъ сводится съ большимъ дефицитомъ. Такъ, по росписи 1897—98 гг. онъ долженъ былъ завершиться съ дефицитомъ въ 10—12 милліоновъ лиръ (правда, на практикѣ этотъ дефицитъ свелся лишь къ 1 мил.). Въ 1898 и 1899 гг. роспись еще менѣе утѣшительна: получается дефицитъ въ 12—15 милліоновъ.

Населеніе Италіи такъ обѣднѣло, что 10% живетъ милостыней. Ежегодно 7 милліоновъ человѣкъ страдаютъ малярiей и т. п. тифозными лихорадками. Имъ приходится, такъ сказать, питаться хининомъ. А между тѣмъ облѣсеніе страны и осушка болотъ всего менѣе привлекаютъ вниманіе правительства. Государственная казна растрачивается на непроизводительныя цѣли. Къ этому присоединяется повсемѣстное паденіе земледѣлія: хлѣбъ родится самъ-десятъ, а между тѣмъ по климатическимъ условіямъ могъ бы давать урожаи втрое большіе.

Цѣлая армія чиновниковъ, могущая безъ ущерба для страны быть сокращенной наполовину, теперь ложится тяжелымъ бременемъ на населеніе.

Городъ Пиза, напримѣръ, при 60 тысячахъ жителей насчитываетъ одну тысячу коммунальныхъ чиновниковъ и около 1,500 человѣкъ духовныхъ.

Окрестныя земли принадлежатъ большею частью королю и духовенству. Вся тяжесть содержанія управленія ложится на бѣдноту.

Кто зналъ Италію 20 лѣтъ тому назадъ,—удивится быстрому паденію романской расы въ этой чудной странѣ.

Разительный фактъ представляетъ паденіе Сардиніи. Число жителей съ двухъ милліоновъ (во время испанскаго владычества) спустилось до 700 тыс. Эмиграція страшно растетъ, параллельно съ ростомъ безземельнаго крестьянства, выбрасываемаго за бортъ ростовщиками. Трудно повѣрить, но % тамъ доходитъ до 50 и 100%.

Испанія, какъ и Италія, не можетъ похвалиться ходомъ своей экономической жизни. Сходство этихъ двухъ странъ увеличивается еще тѣмъ, что обѣ перенесли въ послѣдніе годы неудачныя колоніальныя войны, тяжело отразившіяся на ихъ финансахъ.

Уже съ 1876 г. бюджеты Испаніи заключаются съ неизбѣжнымъ дефицитомъ въ 20—25 милліоновъ руб. Съ другой стороны, тотъ же бюджетъ заключаетъ въ себѣ статьи расхода, быть можетъ оправдываемыя традиціей, но не оправдываемыя ни логикой, ни какими-либо разумными соображеніями. 21 милліонъ пезетъ съ лишкомъ ассигнуется на высшее духовенство, соборы и монастыри, почти 19 мил.—на приходское духовенство, 15—16 милліоновъ—на «изобрѣтенныя» мѣста и должности высшихъ офицеровъ арміи и флота. Съ другой стороны, мы видимъ дурную постановку санитарной части въ тѣхъ же арміи и флотѣ. Мы узнаемъ, что сельскіе учителя, не получая слѣдуемаго жалованья, закрываютъ школы, а число неграмотныхъ очень велико—50% населенія не умѣютъ ни читать, ни писать. Всѣ эти факты производятъ удручающее впечатлѣніе. Земледѣліе въ странѣ падаетъ и не вознаграждается ростомъ промышленности.

Число профессіональныхъ нищихъ прямо поражающе (доходитъ до 100 тыс.).

Торговыя и промышленныя сферы въ Испаніи наконецъ возмутились испытываемыми стѣсненіями. Онѣ требуютъ «экономическихъ соглашеній», попросту — упорядоченія управленія вообще и введенія областной автономіи; требованія эти весьма обширны и на такія уступки правительство не можетъ согласиться. Оно отвѣчаетъ на упорный отказъ платить налоги—введеніемъ осаднаго положенія.

Въ этомъ хаосѣ знаменательнымъ и характеристичнымъ фактомъ явилось воззваніе губернатора Барселоны, поставившее всѣхъ втупикъ:

«Торговцамъ и промышленникамъ, — пишетъ Санцъ-и-Эскартинъ, — не слѣдуетъ забывать, что въ распредѣленіи богатствъ — продукта людского труда,—классы, попирающіе нынѣ законы государства, пользуются покровительствомъ писаннаго права, а еще неизвѣстно, вполнѣ ли оно согласно съ справедливостью. Дѣйствуя на законномъ основаніи, торгово-промышленныя корпораціи осуществляютъ дѣло истиннаго прогресса; и если на-

ступятъ дни, когда непоколебимое требованіе и сильное движеніе станутъ грозить опасностью накопленнымъ капиталамъ не только со стороны рабочихъ, но и со стороны кооперативныхъ предпріятій, то можно будетъ сказать, что только тотъ заслуживаетъ покровительства закона, кто умѣетъ уважать его...»

Тяжелое, безотрадное впечатлѣніе отъ зрѣлища паденія и обнищанія страны, унаслѣдовавшей величайшія культуры—римскую и арабскую—сглаживаетъ зрѣлище совсѣмъ другое: зрѣлище молодыхъ странъ, быстро идущихъ по пути прогресса и обгоняющихъ и старую Европу, и молодую Америку.

Въ Австраліи, Новой Зеландіи и Японіи создались новые центры цивилизаціи и соціальнаго прогресса, о какомъ въ Европѣ многіе и представленія не имѣютъ.

Извѣстно, что Австралія и Новая Зеландія давно уже (конечно, относительно) имѣютъ широкое соціальное законодательство и довели до конца дѣло эмансипаціи женщины, давъ ей и политическія права.

Теперь въ Новой Зеландіи сдѣлана попытка искорененія пауперизма помощью введенія старческихъ пенсій. Сложность и новизна дѣла долго препятствовали окончательной санкціи законопроекта. Наконецъ, палата депутатовъ выработала по иниціативѣ радикальнаго правительства вполнѣ практичный проектъ, который и утвержденъ законодательнымъ собраніемъ.

Вотъ нѣкоторыя детали закона.

Старческая пенсія однообразна: именно опредѣлена въ 18 фунтовъ ст. въ годъ.

Пенсію получаютъ всѣ нуждающіеся въ ней и достойные ея, безъ различія пола. Пенсіи выплачиваются изъ общихъ государственныхъ доходовъ. Получаютъ пенсію лица, достигшія 65-лѣтняго возраста, проведшія 25 лѣтъ въ Новой Зеландіи и имѣющія ежегоднаго дохода менѣе 52 ф. ст. или имущества на сумму менѣе 270 ф. ст. Для права полученія пенсіи установленъ опредѣленный нравственный цензъ, подробности котораго мы опускаемъ.

Законъ введенъ пока на 3 года. Парламентъ можетъ продолжить срокъ его дѣйствія.

Въ апрѣлѣ новозеландскій парламентъ окончательно узаконилъ 8-часовой рабочій день.

Прогрессъ Японіи виднѣе всего въ ея промышленности, въ развитіи ея транспортировочныхъ средствъ и благосостоянія государственной казны.

Вотъ цифры ея бюджетовъ:

Доходы (въ мил. іенъ).

	1898—99 г.	1899—1900 г.	1900—1901 г.
Обыкновенные	170	190	190
Экстраординарные. . . .	68	59	60

Расходы (въ мил. іенъ).

	1898—99 г.	1899—1900 г.	1900—1901 г.
Обыкновенные	140	150	150
Экстраординарные. . . .	105	97	100

Главнымъ источникомъ обыкновенныхъ доходовъ являются налоги (водка, поземельныя подати и таможенныя пошлины); далѣе слѣдуютъ казенныя предпріятія и имущества (почта и телеграфъ, желѣзныя дороги и табакъ).

Правительству открывается широкая возможность сокращать экстраординарные расходы.

Торговый балансъ Японіи за послѣдніе годы не благопріятствовалъ ей.

	1897 г.	1898 г.
Ввозъ	220 милліоновъ іенъ.	280 милліоновъ іенъ.
Вывозъ. . . .	160 » »	100 » »

Промышленность ея переживала тяжелый кризисъ. Особенно тяжело пришлось хлопчато-бумажнымъ фабрикантамъ. Впрочемъ, на общій ходъ промышленности и національнаго прогресса эта заминка глубоко повліять не можетъ. Въ 1899 г. вывозъ превысилъ ввозъ. Золото перестало отливать изъ страны и всеобщій денежный кризисъ ощущается въ Японіи сравнительно не сильно. Національное богатство непрерывно растетъ—съ 1869 года оно учетверилось. Заработная плата повысилась за послѣдніе годы на 30 проц. И это неудивительно, если вспомнить, что число организованныхъ рабочихъ въ Японіи равняется 300,000. Населеніе страны за 25 лѣтъ возросло на 10 милліоновъ. За тотъ же періодъ страна покрылась 5,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ и всѣ населенные пункты связаны телеграфомъ.

В. Тотоміанцъ.

Иностранцы объ Индіи.

1. Божидаръ Карагеоргіевичъ.

Въ 3-й книжкѣ *Русской Мысли* за текущій 1900 годъ, перечисляя туземныхъ писателей Индіи, изображающихъ современную судьбу этой страны, я упомянулъ, что потомъ перейду къ иностранцамъ, посѣщавшимъ этотъ роскошный отъ природы край и, наконецъ, закончу англичанами, на основаніи судейскаго обычая: подсудимому давать послѣднее слово. А что англичане въ Индіи—подсудимые, это мы видѣли изъ словъ образованныхъ индусовъ; теперь же еще ярче увидимъ изъ показаній совершенно стороннихъ европейцевъ. Сербъ Божидаръ Карагеоргіевичъ стоитъ тутъ на первомъ мѣстѣ: книга его «Замѣтки объ Индіи» только что вышла, а самыя раннія событія, въ ней описываемыя, относятся къ 1897 году, то-есть не старѣе трехъ лѣтъ.

Карагеоргіевичъ объѣздилъ значительную часть Индіи. Начавъ съ Бомбея, онъ посѣтилъ Эллору, Бароду, Ахмедабадъ, Бхавнагаръ, снова Бомбей, Гейдерабадъ, Мадуру, Коломбо и Канди на Цейлонѣ, потомъ Мадрасъ и Калькутту, а изъ нея Шандернагоръ и Дарджиллингъ. Повернувъ изъ этой, крайней къ сѣверо-востоку, мѣстности назадъ, онъ видѣлъ Бенаресъ, Аллахабадъ, Лакноу, Агру, Дели, Лахоръ, Пейшаверъ, Кашмиръ, Когатъ и другія сосѣднія Инду мѣстности; наконецъ, черезъ Дера-Дунъ и Дели, вернулся въ Бомбей. Я не перечислилъ еще многихъ промежуточныхъ пунктовъ; но достаточно напомнить, что онъ былъ въ пути семь мѣсяцевъ, большею частью по желѣзнымъ дорогамъ, причемъ не упустилъ ни одного изъ важнѣйшихъ городовъ Индустана. Учено-литературная его подготовка была подобающая образованному европейскому «князю», занимавшемуся ею въ Лондонѣ, то-есть у центра источниковъ и въ кругу людей практически-свѣдущихъ. Разумѣется, князь хорошо говоритъ по-англійски.

Первый, посѣщенный Карагеоргіевичемъ въ Индіи пунктъ былъ, конечно, Бомбей, теперешнія ворота страны съ запада, какъ прежде бывали Каликуттъ, Суратъ и Гоа. И однимъ изъ первыхъ актовъ остъ-индской или, точнѣе, англо-индійской жизни была подписка, данная британской таможнѣ,

въ томъ, что онъ, Божидаръ, имѣетъ при себѣ всего одни карманные часы и въ галстукѣ всего одну золотую булавку: за большее число угрожала пошлина, которой англичане не любятъ прощать. Затѣмъ слѣдовалъ внимательный личный осмотръ князя двумя солдатами, которые приглядывались, не онъ ли нѣкій бѣглецъ Эдди, который, должно быть, спасался отъ долговъ, но благоразумно пересѣлъ, можетъ быть въ Аденѣ, на другой пароходъ: темноволосаго серба солдаты не рѣшились признать за англичанина. Продолжая далѣе путешествіе по странѣ, Карагеоргіевичъ разъ былъ въ гостяхъ у одного раджи, который отвелъ ему для ночлега флигель. Черезъ нѣсколько времени туда же пришелъ съ охоты британскій солдатъ, унтеръ-офицерскаго ранга. Увидѣвъ въ комнатахъ фортепіано, онъ началъ на немъ играть, хотя не умѣлъ и хотя былъ поздній вечеръ. «Что это вы дѣлаете?»—спросилъ хозяинъ. «А что мнѣ хочется»,—отвѣчалъ британецъ и продолжалъ играть. «Да, но тутъ есть на отдыхѣ европеецъ...» Это заставило британскаго Марса замолкнуть; а раджу, то-есть одного изъ государей Индіи, онъ, очевидно, ставилъ ни въ грошъ.

Въ Бомбеѣ и около него Карагеоргіевичу пришлось близко познакомиться съ крупнымъ народнымъ бѣдствіемъ, чумою, которая господствуетъ тутъ уже нѣсколько лѣтъ. Вотъ какъ состоялось это печальное знакомство. Въ Голабѣ, кварталѣ доковъ, онъ встрѣтилъ поутру нѣсколькихъ рабочихъ съ платками, повязывавшими ихъ рты: это были повязки, предохранявшія отъ заразы; но тщетно!... Утромъ нашли много разбросанныхъ по землѣ труповъ крысъ, потомъ голубей и куръ, и вскорѣ затѣмъ умеръ одинъ человѣкъ. Кто его знаетъ, отчего. За нимъ и другіе. Немножко лихорадки, небольшая опухоль подъ мышкой, у горла, и въ 48 часовъ трупъ готовъ. Болѣзнь таинственная по происхожденію, приписываемая то финикамъ, привозимымъ изъ Сиріи, то пшеницѣ, доставляемой изъ внутренней Индіи. Какъ бы то ни было, это болѣзнь бѣдняковъ. Чтобы бороться съ нею, въ Бомбеѣ, англичане выстроили больницу въ одномъ изъ подгородныхъ кварталовъ, Парелѣ. Высокая желѣзная рѣшетка окружаетъ его; на ней висятъ циновки, которыя жгутъ, чтобы при этомъ сжечь и патогенныхъ микробовъ, прибывающихъ изъ окрестнаго воздуха; но тщетно! Больные мрутъ въ госпиталѣ... положимъ, по всѣмъ правиламъ науки, но неуклонно. Кому удалось пережить страшный кризисъ, того переводятъ въ залу для выздоравливающихъ: эта радость возвѣщается больному прикосновеніемъ докторскаго пальца. Но есть во всякое время въ больницѣ и приговоренные медиками, чувствующими свое врачебное безсиліе: ихъ держатъ до смерти въ одной изъ заднихъ комнатъ для приличія. Если случается заболѣть человѣку богатому, то онъ родного дома не оставляетъ, и тутъ, можетъ быть, причина распространенія заразы изъ одного жилища въ другое.

Въ своихъ странствованіяхъ къ востоку и сѣверо-востоку отъ Бомбея Карагеоргіевичъ останавливался, между другими, у раджи Палитаны, гдѣ былъ хорошо принятъ и получилъ «на память» золотую, осыпанную каменьями, табакерку. Таковъ заведенный англичанами обычай въ Индіи:

знатныхъ европейскихъ гостей, хотя бы прежде незнакомыхъ, одаривать драгоцѣнными вещами. Раджи же, кстати, тщеславны и пользуются этими случаями, чтобы похвастаться своими сокровищами передъ иностранцемъ. Сколько такихъ подарковъ сдѣлано было въ 1877 году принцу Уэльскому, можно отчасти судить по многочисленнымъ предметамъ, выставленнымъ имъ въ Остъ-Индскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Неизвѣстно, чѣмъ именно отблагодарилъ своего гостепріимнаго и щедраго хозяина сербскій ex-prince; но, вѣроятно, ничѣмъ: онъ вѣдь не владѣтельный, и ему Богъ проститъ, не то, что принцу Уэльскому, дававшему гуттаперчевые хлыстики взамѣнъ золотыхъ сабель.

Въ Бавнагарѣ Карагеоргіевичъ былъ гостемъ очень юнаго раджи, Рао́ль-Шри, и встрѣтилъ въ немъ, по одеждѣ, уже европейца, а по вкусамъ—спортсмена, потому что у него есть конный заводъ. Но раджа, повидимому, не богатъ, потому что вокругъ хорошо устроеннаго, но небольшого за̀мка есть много плохонькихъ домишекъ въ развалинахъ. Какіе есть новые дома,—всѣ выстроены просто, безъ архитектурнаго стиля, и нѣтъ въ нихъ ни библіотекъ, ни архивовъ и т. п. Зато есть тюрьма, и порядочно построенная. Арестанты въ бѣлой одеждѣ, но въ цѣпяхъ; изъ нихъ сотня занимается тканьемъ ковровъ. А на базарѣ, въ городѣ, продаются женскія юбки; но и тѣ надо заказывать, потому что готовыхъ нѣтъ. Слуга Божидара купилъ у одной старухи юбку, которая была на ней: это возбудило много смѣха, но бѣдняга отъ условія не отказалась, потому что нуждалась въ деньгахъ. У раджи-спортсмена есть въ составѣ его войскъ уланы, изъ чего слѣдуетъ заключить, что его приготовляютъ въ англо-индійскіе кавалерійскіе генералы; но на торжественномъ обѣдѣ въ Новый годъ ему не позволили участвовать, чтобы онъ какъ-нибудь, по молодости, не проболтался. Его замѣнялъ за обѣдомъ англійскій инженеръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что раджѣ не позволяетъ религія обѣдать за столомъ, гдѣ ѣдятъ мясо...

Много подобныхъ мелкихъ «замѣтокъ» находится въ книгѣ Карагеоргіевича. Онъ съ любовью останавливается на этихъ заднихъ сторонахъ быта англійской Индіи и ея туземнаго населенія. Зато большіе англо-индійскіе города мало его привлекаютъ. Кто повѣритъ, что тамъ, гдѣ Бхавнагару и Палитанѣ посвящены имъ 36 страницъ текста и еще нѣсколько картинокъ, а Коломбо—двѣ страницы и Мадрасу—всего шесть! Калькуттѣ, какъ столицѣ, то-есть предмету общеизвѣстному, отведено полторы небольшія страницы, а нагорному городку Дарджиллингу—двѣнадцать. Тутъ не забыта и природа, правда, Гималаи и въ частности Качинчинга; но не забыта и человѣческая работа—зубчатая желѣзная дорога въ гору. Все это, конечно, было описано прежде; но все еще отзывается новизною, свѣжестью. Предъ возвращеніемъ въ долину Ганга, Карагеоргіевичъ посѣтилъ мѣстныя чайныя плантаціи, среди которыхъ европейская цивилизація возвела мѣстами и фабрики съ высокими трубами—пока рѣдкость въ Азіи.

Само собою разумѣется, что въ долинѣ Ганга путешественника привле-

кали Бенаресъ, Аллахабадъ, Лакновъ, Агра, Дели, Лахоръ и т. д. Первый изъ этихъ городовъ есть духовная столица Индіи браманской, Дели — недавняя еще столица имперіи великихъ моголовъ и, наконецъ, Лакновъ — бывшее мѣстопребываніе послѣдняго національнаго вождя индусовъ, Нена-Саиба. Въ Бенаресѣ, впрочемъ, соприкасаются и живутъ въ добрыхъ отношеніяхъ браманы съ буддистами, изъ земель которыхъ, наприм., изъ Бирмы, сюда пріѣзжаютъ многочисленные богомольцы. Въ городѣ религіозный элементъ населенія такъ многочисленъ, что тамъ имѣется 5,000 храмовъ... Пять тысячъ! Бенаресъ меньше Москвы. Владѣніе Бенаресомъ есть большая находка для Англіи, потому что, господствуя въ немъ, она постепенно пріучаетъ къ своей власти *всѣ* народы Индустана и даже сосѣднихъ ему съ сѣвера и востока земель. Централизація религіозныхъ дѣлъ въ Бенаресѣ дѣлаетъ то, что этотъ городъ есть средоточіе торговли буддійскими и браманистскими святынями всевозможныхъ видовъ. Вы въ немъ найдете даже два крошечныхъ храма изъ мѣди, которые замыкаютъ на базарѣ, съ обоихъ концовъ, улицу мѣдниковъ. Мусульмане тутъ не вздорятъ съ язычниками, и Карагеоргіевичъ видѣлъ своего магометанскаго слугу, Абибуллу, преклонявшимся передъ однимъ браминскимъ святымъ. Этотъ святой далъ обѣтъ ходить всегда голымъ, и только въ день пріема женщинъ надѣваетъ повязку на чресла. Онъ публично ведетъ нѣчто вродѣ дневника аскета, описываетъ свои религіозные восторги и радости своей жизни, состоящія въ воздержаніи и молитвахъ. Религіозное настроеніе, какъ видно, въ Бенаресѣ почитается всѣми.

Оно чувствуется и въ болѣе западномъ Аллахабадѣ, мѣстѣ сліянія Ганга и Джугмы; но тутъ уже начинается область изувѣрства мусульманскаго. Около могилъ султана Пурвеза, его отца и жены есть жертвенникъ, у котораго постоянно молится на колѣняхъ мулла. Очевидно, это молитва заказная, и дать нужныя на уплату деньги могъ только богатый султанъ. Зато въ Аллахабадѣ же находится фортъ, гдѣ возстали сипаи противъ англичанъ въ 1857 году... И нужно же было смазывать свинымъ саломъ бумагу патроновъ!... какъ будто было неизвѣстно отвращеніе мусульманъ къ свиньямъ...

Къ западу отъ Аллахабада пріѣзжаешь въ Лакновъ, бывшую столицу сипаевъ и ихъ вождя, Нена-Сагиба, теперь самый англійскій изъ остъ-индскихъ городовъ, со множествомъ коттеджей, окруженныхъ садами. Вѣроятно, чтобы лучше сохранить память, если не о сипайскомъ возстаніи, то объ усмиреніи его, здѣсь стоятъ еще стѣны обширной залы, въ которой были *разстрѣлены* *), въ 1857 году, *двѣ тысячи* сипаевъ, не хотѣвшихъ сдаться англійскихъ генераламъ... Почва тутъ поросла большими, кроваво-красными цвѣтами, съ мясо-краснымъ оттѣнкомъ. Англичане, убитые сипаями, въ числѣ 927 человѣкъ, похоронены какъ «жертвы измѣны Нена-Сагиба», подъ тѣнью англійскаго флага, на весело-глядящемъ кладбищѣ.

---

*) Разумѣется, безоружными.

Каунпуръ можетъ также напомнить мрачныя стороны событій 1857 года; но зато здѣсь же теперь встрѣчаются печальныя картины нашего времени: не трупы разстрѣленныхъ, а склады полуживыхъ тѣлъ людей, голодающихъ подъ просвѣщенною администраціею британцевъ. Въ бытность Божидара въ мѣстномъ «Домѣ для бѣдныхъ» находились лишь остатки отъ населенія цѣлой деревни Бунделькунда, по большей части разбѣжавшагося отъ голода. Въ послѣдніе часы существованія они питались корнями растеній или гнилыми отбросами, которыхъ не хотѣли брать въ ротъ животныя. Въ «Домѣ для больныхъ» ихъ оставалось всего уже только 18 человѣкъ безъ дѣтей, которыя всѣ померли.

Въ другомъ мѣстѣ, подъ тѣмъ же Каунпуромъ есть «Лагерь Голодныхъ», одинъ изъ множества учрежденныхъ англичанами для туземцевъ, не имѣющихъ пищи. Ихъ заставляютъ копать землю и носить ее на дороги, простыя или желѣзныя: дешевый способъ устраивать дѣла дорожныхъ строителей-акціонеровъ. Женщинъ при этомъ обязываютъ носить землю въ корзинкахъ, на головахъ; и вотъ онѣ, очень молодыми, начинаютъ быстро выглядывать столѣтними старухами... Въ составѣ администраціи, приставленной къ голодающимъ, на первомъ мѣстѣ стоятъ полуобразованные бабу́, которые умѣютъ только удерживать въ свою пользу 20% отпускаемыхъ средствъ.

За Каунпуромъ и Лакновомъ, послѣдними городами бассейна Ганга, является Агра и Дели. Кто не знаетъ ихъ долголѣтней знаменитости, крупнаго мѣста, принадлежащаго имъ въ исторіи Индіи? Дели—столица великихъ моголовъ; Агра—одинъ изъ лучшихъ городовъ страны, съ знаменитымъ памятникомъ-храмомъ, Таджъ-Махаломъ, который ѣздятъ смотрѣть всѣ туристы по Индіи. Карагеоргіевичъ останавливается съ любовью на обоихъ и, конечно, повторяетъ нѣкоторыя легенды о нихъ. Вотъ императоръ Шахъ Жеганъ, соорудившій Таджъ-Махалъ, спрашиваетъ архитектора: «можетъ ли онъ построить другое такое же чудо»? и на отвѣтъ, что «постарается», приказываетъ бросить его въ Джумну, чтобы не могло возникнуть другого, столь же величаваго зданія, которое назначено служить памятникомъ ему, императору. Намъ, русскимъ, это напоминаетъ разсказъ о Іоаннѣ IV, который приказалъ выколоть глаза строителю церкви Василія Блаженнаго, въ Москвѣ.

Дели привлекъ особливо Карагеоргіевича, который посвятилъ этому городу 26 страницъ своей книги и заинтересовался не только исторіею и археологіею этой ex-столицы, но и многими современными сторонами ея быта. Здѣсь доселѣ замѣтно вліяніе персидской цивилизаціи; есть персидскій театръ; персидская литература въ уваженіи, какъ въ Европѣ было съ французскою послѣ Людовика XIV, до послѣдняго времени. Съ углубленіемъ внутрь Пенджаба, на берега Инда, въ Афганистанъ это вліяніе персидской образованности сказывается все болѣе, и пока незамѣтно, чтобы англійская грозила ее вытѣснить. Англійскія газеты тутъ читаются одними британскими офицерами и солдатами. И Пейшаверъ, англійская крѣпость,

населенъ людьми, для которыхъ, послѣ афганскаго, наиболѣе доступный языкъ есть персидскій, употребляемый и въ торговлѣ. Но о земляхъ бассейна Инда, какъ Пенджабъ, Кашмиръ, Балтистанъ, Суатъ, Афганистанъ, лучше говорить въ особой статьѣ; а теперь я заключу эти строки замѣчаніемъ, что книга Карагеоргіевича и тутъ будетъ нелишнею, такъ какъ наблюдательный авторъ многое видѣлъ, чего не видѣли прежніе путешественники-не англичане, вообще рѣдкіе.

2. Карагеоргіевичъ и Фуше въ Пенджабѣ и за Индомъ.

За Дели Карагеоргіевичъ прибываетъ въ Амрицаръ, но только для того, чтобы полюбоваться на «золотой храмъ», который въ сущности есть мраморный, но съ золотою крышею, и живописно расположенъ среди озера Безсмертія. Тутъ какъ бытовую черту, онъ видитъ купанье одной старухи, которая впрочемъ старается скрыть свое лицо. Затѣмъ идетъ переѣздъ въ прежній главный городъ Пенджаба, Лахоръ и болѣе подробное ознакомленіе съ нимъ. Тутъ находитъ онъ то, чего прежде не видалъ въ городахъ Индостана: остъ-индскій музей. Бытовую особенность составляютъ женщины, точнѣе дѣвушки, отдыхающія на улицѣ, на балконѣ, сплетенномъ изъ веревокъ, такъ что ихъ видятъ прохожіе. Есть въ городѣ памятникъ туземной архитектуры, именно фаянсовый дворецъ бывшаго пенджабскаго короля Ренджитъ-Слига, съ разноцвѣтными эмалевыми украшеніями. Большая зала правительственнаго совѣта блеститъ украшеніями изъ разноцвѣтныхъ камней. Въ другой залѣ хранятся драгоцѣнные образцы прежняго оружія, пистолеты, ружья и пр., осыпанные жемчугомъ или украшенные серебряною рѣзьбою. Въ одномъ окнѣ дворца выставлены двѣ пушки, золотая и серебряная, которыми забавлялся послѣдній король Лахора, Дулипъ-Сингъ. Наконецъ, вблизи Лахора и находится могила императора Жегангира, якобы «завоевателя міра». Словомъ, тутъ собраны остатки монархически завоевательнаго величія, попавшіе въ руки торговцевъ.

А за Лахоромъ идетъ непрерывный рядъ лагерей теперешнихъ солдатъ и сипаевъ, расположенныхъ по сторонамъ желѣзной дороги. Мы въ странѣ, гдѣ сосредоточены оборонительные средства Индіи. Карагеоргіевичу удалось присутствовать при привозѣ въ одинъ изъ такихъ лагерей серебра, для уплаты жалованья войскамъ: рупіи считались подъ надзоромъ двухъ англійскихъ офицеровъ и караула изъ сипаевъ. Раваль-Пинди есть средоточіе пенджабской военной администраціи и напоминаетъ совершенно англійскій дачный городъ, изъ коттеджей, расположенныхъ среди садовъ. Населеніе слагается главнымъ образомъ изъ военныхъ, съ ихъ красными мундирами, шотландскими юбками, бѣлыми касками. Много женъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ щеголяютъ модными платьями и туземною прислугою на запяткахъ экипажей: бары и лакеи, англичане и индусы.

По мѣрѣ приближенія къ афганской границѣ число желѣзнодорожныхъ станцій, а съ ними и число лагерей возрастаетъ: видно англичане плохо

довѣряютъ дружбѣ афганцевъ. Въ самомъ Пейшаверѣ гражданскій, т.-е. афганскій элементъ живетъ отдѣльнымъ городомъ, безъ ограды, тогда какъ военный, то-есть англичане и сипаи, собранъ въ цитадели съ глинобитными стѣнами. Эти стѣны сооружены, какъ говорятъ, для охраны жителей отъ воровъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ вѣдь есть базаръ, по нашему гостиный дворъ, съ товарами изъ Бухары и Кабула; но кажется, что стѣны охраняютъ не одни товары, а и солдатъ. Узкія улицы пересѣкаютъ городъ, и рослые отъ природы афганцы на нихъ кажутся еще величавѣе. Въ одномъ домѣ, сосѣднемъ городской стѣнѣ, помѣщается почтовая контора, но это учрежденіе не казенное, а частное и содержится однимъ персіяниномъ. Онъ принимаетъ и отправляетъ письма въ Кабулъ и въ другія мѣста Передней Азіи; но его услуги покупаются недешево: онъ очень важничаетъ передъ отправителями корреспонденцій.

Карагеоргіевичъ недолго оставался въ Пейшаверѣ: на другой же день поутру онъ направился къ Хайберскому проходу, по однообразной равнинѣ, хорошо обработанной. У входа въ ущелье народъ тѣснится, вьючные животные тоже, и происходитъ сумятица. Въ составѣ образующагося каравана есть до тысячи верблюдовъ, принадлежащихъ эмиру афганскому, есть слоны, быки, ослы и другія вьючныя животныя, нагруженныя ящиками съ надписью Манчестеръ или Шеффильдъ. Видно, что англійскіе заводы имѣютъ тутъ хорошій сбытъ для своихъ издѣлій.

Миновавъ проходъ и сдавъ разрѣшительный билетъ, нашъ путешественникъ поворотилъ назадъ: европейцамъ нельзя проникать далѣе.

По возвращеніи въ Раваль-Пинди Карагеоргіевичъ предпринялъ экипажную поѣздку въ Кашмиръ и, стало быть, вступилъ въ гористую область западныхъ Гималаевъ. Дорога шоссейная, со станціями черезъ семь съ половиною верстъ, и хотя лошади плохи, но везутъ хорошо. Утромъ ежедневно туманы; съ подъемомъ въ горы появляются снѣга, падаетъ градъ. Днемъ бываютъ грозы. На переѣздѣ къ Гари встрѣчаются развалины большого буддійскаго храма. Въ Сринагарѣ путешественникъ однако находится среди мусульманъ. На базарѣ является охота сдѣлать покупки: лавочники самый универсальный торговый народъ, ибо одинъ и тотъ же купецъ есть вмѣстѣ торговецъ коврами, золотыми издѣліями, картинками, коробками и проч., а вмѣстѣ и банкиръ. Онъ не выпускаетъ покупателя, не завершивъ какой-нибудь коммерческой операціи. Администрація мѣстнаго магараджи является къ Карагеоргіевичу на утро послѣ его пріѣзда въ видѣ трехъ полицейскихъ, съ требованіемъ паспорта; но слуга ех-князя находитъ это наглостью и спроваживаетъ оскорбителей его *саиба*. Это внушаетъ полиціи такое уваженіе къ особѣ путешественника, что когда потомъ случайно самъ полицеймейстеръ Кашмира встрѣчаетъ его на улицѣ, то не смѣетъ болѣе ничего сказать, какъ спросить Божидара о здоровьѣ... Въ одномъ мѣстѣ Божидаръ и его лакей наблюдаютъ «освѣженіе» изношенныхъ кашмирскихъ шалей, то-есть попросту мытье ихъ для удаленія глянца, наводимаго носкою: лакей-татаринъ замѣчаетъ, что это *Export business*,

дѣло приготовленія для продажи на вывозъ въ Европу. Въ улицѣ мѣдниковъ путешественникъ наблюдаетъ маленькихъ, семи-восьми лѣтнихъ, дѣтей, которыя занимаются съ большимъ искусствомъ полировкой металла: другія дѣти умѣютъ вышивать золотомъ по шелковымъ тканямъ. Это кустарная промышленность въ Кашмирѣ, какъ у насъ въ нѣкоторыхъ приволжскихъ земляхъ, передаваемая наслѣдственно и не требующая ученыхъ профессоровъ и даже школъ. Какъ производство некапиталистическое, оно не пользуется покровительствомъ англичанъ, потому что его трудно купцу захватить въ свои руки.

Изъ Сринагара, столицы Кашмира, Карагеоргіевичъ вернулся, снова на лошадяхъ, на правый берегъ Инда. По дорогѣ, въ Домелѣ, онъ присутствовалъ при слѣдствіи, которое производилъ англійскій судья по дѣлу объ убійствѣ. Во время допросовъ, передопросовъ, очныхъ ставокъ и пр. «порядокъ» въ толпѣ поддерживалъ полицейскій съ плетью въ рукахъ, которую и пускалъ часто въ дѣло. Въ Дервалѣ пришлось испытать грозу съ градомъ и спасаться отъ нея въ казенномъ постояломъ дворѣ (бунгалоу), какихъ англичане много настроили въ Индіи. Бунгалоу эти должны служить для остановокъ лишь офицеровъ и чиновниковъ; но на самомъ дѣлѣ въ нихъ пускаютъ всякаго саиба, т.-е. европейца, имѣющаго джентельменскій видъ, какъ было съ нашимъ путешественникомъ. Только нужно, чтобы не было налицо пріѣзжихъ оффиціальныхъ.

Отъ Когата Карагеоріевичъ повернулъ на югъ, по долинѣ и предгорьямъ праваго берега Инда, чтобы черезъ Дора-Дунъ и Дели вернуться въ Бомбей. Мы не послѣдуемъ за нимъ по этому пути, и вернемся къ сторонѣ Пейшавера и посмотримъ, что за страна лежитъ вокругъ него, на англо-афганской границѣ. Божидару вѣдь удалось видѣть изъ нея лишь Хайберскій пароходъ, да и то на очень короткое время. Мы же возьмемъ въ руководители Фуше, француза, который недавно провелъ тутъ немало времени и проникалъ въ горныя области Бунира, Свата и Баджитра, обставляющія долины Инда и Кабулъ-дарьи съ сѣвера. Свое «путешествіе на индо-афганскія границы» Фуше началъ изъ Хайрабада, деревни лежащей на правомъ берегу Инда, противъ Аттока и особенно извѣстнаго желѣзнодорожнаго моста черезъ великую рѣку, которая передъ этимъ только что удвоилась въ объемѣ отъ притока Кабулъ-дарьи. Въ Хайрабадѣ Фуше, хоть и иностранецъ, былъ помѣщенъ въ мѣстномъ бунгалоу или, точнѣе, бангла̀, и это по протекціи пейшаверскаго вице-губернатора (deputy commissioner); затѣмъ онъ уже считался туземцами за несомнѣннаго саиба, джентльмена, со всѣми подобающими правами. Его сопровождалъ, въ видѣ бабу (помощника), молодой пенджабскій браминъ, который производилъ съемки — особенно развалинъ, довольно многочисленныхъ въ краю, который имъ предстояло посѣтить. Край этотъ исторически принадлежалъ къ владѣніемъ буддистовъ, грековъ и мусульманъ, и памятники его представляютъ слѣды этого тройнаго господства; этнографически же населеніе его состоитъ изъ афганъ-госуфаевъ, послѣдовательно подчинявшихся разнымъ цивилизаціямъ. Тепе-

решніе господа страны, англичане, успѣли учредить *порядокъ*, какого обыкновенно недостаетъ азіатамъ, особенно мусульманамъ. Туземцы, которымъ сохранены родовые правители, слушаются, и пожалуй хорошо дѣлаютъ, потому что въ случаѣ неповиновенія, бунта, ихъ разстрѣливаютъ изъ пушекъ, привязавъ къ жерлу. Замѣчательно, что среди нихъ сохранилось убѣжденіе, что земля ихъ есть дверь Индіи (Dwar-i-Hind); только имѣютъ ли они право и силу запирать и отпирать ее?—этого они не знаютъ, отмалчиваются отъ вопроса о немъ. У мѣстнаго хана на стѣнахъ жилища виситъ портретъ принца Уэльскаго.

Обитатели Бунира, бунирвальцы, лѣтъ тридцать назадъ были въ открытой борьбѣ съ англичанами, теперь, какъ видимъ, они въ мирѣ и подчиняются британскимъ авторитетамъ. По ихъ землѣ, подъ покровительствомъ Англіи, могъ свободно ходить французъ, а англійскіе агенты изъ туземцевъ Индіи проникали туда не разъ. Но это не мѣшаетъ части населенія страны быть независимою. Такимъ, напримѣръ, считаетъ Фуше населеніе деревни Наограма, въ какихъ-нибудь 20-ти верстахъ отъ Инда и въ 40 отъ Аттока. Бунирвальцы вообще считаются лучшими бойцами за свою независимость. Въ 1898 году противъ нихъ былъ высланъ отрядъ изъ шести полковъ и трехъ батарей, тогда они поспѣшили изъявить покорность и заплатить штрафъ, но лишь для того, чтобы видѣть англичанъ поскорѣе удалившимися.

Послѣ Бунира Фуше отправился въ горы, раздѣляющія эту землю отъ другой, на этотъ разъ вполнѣ независимой отъ англичанъ, Свата. Слѣдящимъ за событіями въ Азіи болѣе или менѣе извѣстно, какъ здѣшніе мусульмане, подъ предводительствомъ ахуна, дрались много лѣтъ съ британскими войсками и далеко не всегда оставались побѣжденными. Теперь, повидимому, установились болѣе мирныя отношенія, но Фуше немного углубился въ горы, раздѣляющія Сватъ отъ Баджаура, то-есть долины рѣки Панджкоры, куда и изъ англійскихъ агентовъ проникали немногіе. Мы оставимъ нашего путешественника и, зачисливъ его вернувшимся въ Пейшаверъ и дѣлавшимъ потомъ мелкія поѣздки къ Макмандамъ, племени, пограничному, но тоже независимому отъ англичанъ,—покончимъ съ его реляціею, которая впрочемъ продолжается въ *Le Tour du Monde* и содержитъ много вещей интересныхъ. Волею-неволею, тотъ, кто захочетъ продолжить изученіе страны, южную окраину, которую посѣтилъ Фуше, долженъ будетъ обратиться къ англійскимъ авторитетамъ, начиная съ пресловутыхъ «мирзы» и «сапёра», странствовавшихъ въ 1870-хъ годахъ, до современныхъ Лонгарта и Дьюранда (книга котораго «Установленіе границы» только-что вышла и которою мы воспользуемся, если будемъ продолжать этотъ очеркъ).

М. Венюковъ.

Русскій купецъ-промышленникъ въ XVIII вѣкѣ *).

«Русскія консульства за границей въ XVIII вѣкѣ». Кажется, тема очень мало интереса должна возбуждать. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, многіе ли изъ образованнаго общества интересуются консулами, ихъ положеніемъ даже въ XIX в., развѣ тѣ, пожалуй, кто ѣздитъ за границу. Но авторъ даетъ массу цѣнныхъ свѣдѣній по исторіи русской торговли, свѣдѣній, которыя имѣютъ современный интересъ, можно сказать, даже жгучій интересъ, и эти свѣдѣнія въ нашъ вѣкъ борьбы за рынки могутъ разсчитывать на широкій кругъ читателей, а между тѣмъ авторъ своимъ слишкомъ сухимъ заглавіемъ водрузилъ надъ этими данными очень тяжелую надгробную плиту. И нужно имѣть много смѣлости, чтобы попытаться проникнуть подъ нее, приподнять ее. Чтобъ еще болѣе схоронить свою работу отъ міра, авторъ драгоцѣнные для знатока факты, которые скрыты въ его работѣ, покрылъ еще цѣлымъ ворохомъ никому ни на что не нужнаго балласта, чтобы никакая рука неискусившагося не дерзнула проникнуть въ сокровищницу цѣнныхъ фактовъ: авторъ какъ будто поставилъ своею цѣлью скрыть ихъ отъ всего міра, приберечь для себя... добро бы, еслибъ еще авторъ самъ пользовался этими фактами, но, какъ мы увидимъ далѣе, авторъ не подвергаетъ ихъ переработкѣ, или если и подвергаетъ, то такой первобытной, что эта переработка не можетъ носить этого имени въ научномъ смыслѣ этого слова. Чтобъ использовать тѣ данныя, которыя авторъ даетъ, нужно пройти очень трудный, кочковатый путь, усѣянный далеко не розами.

Авторъ какъ будто бы въ своей работѣ поступалъ такъ,—пользуюсь сравненіемъ одного нашего извѣстнаго общественнаго дѣятеля,—какъ поступаетъ огородникъ, выстроивающій большой заборъ съ зубцами около своего огорода, чтобы всякій дерзкій, прежде чѣмъ перелѣзть въ огородъ, десять разъ изорвалъ себѣ костюмъ. Работа производитъ впечатлѣніе лабиринта фактовъ, гдѣ авторъ все собираетъ—и цѣннѣйшія вещи, и ненужный скарбъ. Авторъ принадлежитъ къ исключительнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ:

*) „Русскія консульства за границей въ XVIII в.“, ч. I и II (приложенія). Изслѣдованіе В. А. Уляницкаго.

обычно у насъ стремятся жать, а не сѣять, авторъ сѣетъ, но не жнетъ. Моя задача при такихъ условіяхъ—спасать эту работу отъ самаго злѣйшаго врага, какого авторъ имѣетъ, это—его самого.

Авторъ подходитъ къ жгучимъ вопросамъ нашей современной промышленной русской жизни, но, подходя, онъ ихъ обходитъ. Такъ, авторъ рисуетъ намъ знакомую фигуру нашего купца-промышленника, домосѣда, неподвижнаго флегматика, къ тому же, вѣчно страдающаго хронической болѣзнью, которая и теперь продолжается — *гипертрофіей* прибыли. Эта фигура прикована къ родному креслу, съ котораго какъ ее ни зови, все равно съ мѣста не сдвинешь, съ девизомъ «не надуешь — не продашь». Авторъ подходитъ такимъ образомъ къ корнямъ, быть можетъ, той болѣзни, которой страдаетъ въ данное время русская промышленность, и его задача была бы углубиться, какъ и почему, при какихъ условіяхъ выросла эта, всѣмъ намъ примелькавшаяся фигура. Замѣчу, что авторъ самъ нигдѣ не даетъ цѣльнаго портрета только что обрисованнаго нами русскаго купца-промышленника XVIII в. Авторъ поступаетъ здѣсь такъ, какъ поступилъ бы художникъ, который, вмѣсто того чтобы рисовать цѣльный портретъ, въ разныхъ углахъ взятаго имъ полотна нарисовалъ бы отдѣльныя черты этого лица: въ одномъ углу носъ, въ другомъ—ротъ, въ третьемъ—глаза, и затѣмъ предоставилъ бы желающему имѣть представленіе о данномъ портретѣ, самому продѣлать сложную операцію синтеза отдѣльныхъ разбросанныхъ частей. Задача не легкая.

Перейду къ фактамъ, которые рисуютъ намъ ту фигуру купца-промышленника XVIII в., которую въ нѣсколькихъ словахъ мы только что обрисовали. Въ 1760 году возникаетъ попытка открыть сношенія съ Гишпаніей. Коллегія иностранныхъ дѣлъ присылаетъ въ коммерцъ-коллегію вѣдомость о товарахъ, которые «въ Гишпаніи годны и почему оные тамъ проданы быть могутъ и о товарахъ гишпанскихъ, расходящихся оттуда на всю Европу». Но вѣдомость относится къ *1723* году. Коллегія вызывала петербургскихъ и иногороднихъ купцовъ, но охотниковъ для торговли съ Гишпаніей не оказалось (ч. I, стр. 296). Коммерцъ-коллегія опять дѣлаетъ вызовъ торгующимъ первостатейнымъ русскимъ купцамъ, но купцы отказались отъ посылки своихъ товаровъ, большинство безъ объясненія причинъ, а двое—подъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ корреспондентовъ и кредиторовъ въ Испаніи и некому поручить товары, а однако, на приглашеніе коммерцъ-коллегіи пожаловать въ коллегію для объясненій по этому вопросу они не явились (стр. 298); опять вызывали купцовъ и опять нѣкоторые совсѣмъ не явились, другіе отказались отправлять товары, и только одинъ согласился отправить 2,000 пудовъ пеньки, но и тотъ поставилъ условіемъ, чтобъ ему за нее выданы были впередъ двѣ трети цѣны. Въ концѣ концовъ въ маѣ 1764 г. коммерцъ-коллегія послала въ сенатъ рапортъ съ доношеніемъ, что она для торга съ Испаніей болѣе купцовъ призывать не будетъ, ибо «сколько призвано ни было, никто охоты не объявилъ» (стр. 301).

Консулъ Бранденбургъ, одинъ изъ очень дѣятельныхъ русскихъ консу-

ловъ XVIII в. въ Кадиксѣ, рекомендовалъ посылать въ Испанію холстъ, полотно парусное на выгодныхъ условіяхъ. Коммерцъ-коллегія постановила справиться, могутъ ли фабриканты дѣлать такія полотна для торговли съ Испаніей. Вслѣдствіе этого мануфактуръ-контора дважды вызывала фабрикантовъ для осмотра присланныхъ Бранденбургомъ полотенъ и холстовъ, но на эти вызовы никто не явился. Также выгодными оказались сообщенныя Бранденбургомъ цѣны на желѣзо, сало и канаты, и Бранденбургъ самъ предлагалъ быть коммиссіонеромъ по продажѣ этихъ товаровъ, но на это предложеніе никто не отвѣтилъ. О желѣзѣ сверхъ того сообщено было заводчикамъ черезъ бергъ-коллегію, но они подъ разными предлогами отказались отъ отправки желѣза въ Испанію. Портовая таможня по приказанію коммерцъ-коллегіи приглашала русскихъ судовладѣльцевъ, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ отправить свои суда въ Испанію, но на вызовъ ея никто не явился (стр. 333—334). Итакъ, Бранденбургъ много разъ обращался къ русскимъ купцамъ съ увѣщаніемъ о выгодѣ для нихъ торговли съ Испаніей, но ни одинъ не отозвался на его предложеніе, «а многіе призывъ его въ смѣхъ обращали» (стр. 339). Одна испанская контора всячески старалась завести съ русскими купцами непосредственную торговлю русскими продуктами, «но черезъ многую съ купцами здѣшними переписку въ томъ не успѣли», какъ она сама доносила. Сама коммиссія коммерціи, видя эти неудачи, выражала только надежду на то, что «ея величество не оставитъ ни единаго опыта, которымъ бы не старались преодолѣть столь заматерѣлое россійскаго купечества многое еще незнаніе, въ чемъ прямая коммерція состоитъ» (стр. 341). Вотъ факты прошлаго, а вотъ такіе же факты изъ настоящаго.

Года два тому назадъ въ оффиціальномъ органѣ нашего министерства финансовъ сообщалось о томъ, какъ одна Пекинская фирма въ Китаѣ пыталась завязать сношенія съ нѣкоторыми русскими фирмами, и на 11 писемъ, которыя она отправила, былъ полученъ отвѣтъ только отъ одной фирмы. Этотъ фактъ перешелъ даже въ западную прессу чрезъ извѣстную очень интересную книгу г-жи Розы Люксембургъ «О промышленномъ развитіи Польши», появившуюся въ прошломъ году и въ русскомъ переводѣ. Такимъ образомъ въ теченіе почти 2-хъ столѣтій по отношенію активности развитія внѣшней торговли нашъ промышленный классъ не сдѣлалъ прогресса.

Итакъ, мы видѣли ту косность русскаго купца-промышленника XVIII вѣка, которую правительству, несмотря на всѣ его старанія, не удавалось разрушить. Можно было бы еще привести много фактовъ, рисующихъ это; такъ, наприм., всѣ старанія Витфота, русскаго консула въ Бордо, побудить русскихъ купцовъ къ открытію непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Франціей, не находили со стороны русскаго купечества почти никакого отклика. Но мы ограничимся этими данными и остановимся теперь на томъ девизѣ, подъ которымъ велась тогда русская заграничная торговля—«не обманешь—не продашь».

Такъ, въ Лиссабонъ за счетъ казны были отправлены канаты, пенька, ревендукъ и фламское полотно, но, вслѣдствіе плохого качества товара, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не былъ распроданъ (стр. 375). Такъ, «въ канаты, отправляемые за границу, вмѣшивали паклю, въ клей загибали сомовину, въ паюсную икру закладывали каменья и дресву, въ соленое мясо вмѣшивали головы и съ рогами, ноги и съ копытами, кишки и съ черевами, въ нихъ же и соли кладутъ весьма мало, отчего оная портится и негодна бываетъ, потому-жъ и съ табакомъ и другими многими товарами не совѣстнѣе поступаютъ». И членъ коммерцъ-коллегіи Межениновъ указывалъ на необходимость «всѣ въ россійскихъ товарахъ бываемые обманы искоренить, дабы они у чужестранныхъ народовъ въ презрѣніи не оставались» (стр. 288).

Бранденбургъ въ 1767 году совѣтовалъ русскимъ канатнымъ фабрикантамъ заботиться о лучшемъ качествѣ отправляемыхъ въ Испанію веревокъ, такъ какъ покупщики жалуются, что онѣ рвутся, а причина этому, вѣроятно, плохое качество пеньки (стр. 335). При освидѣтельствованіи канатовъ въ арсеналѣ въ Испаніи, они оказались изъ подмѣшанной пеньки. На недоброкачественность русскихъ канатовъ жалуются и покупавшіе ихъ корабельщики. Русскій табакъ, поставленный въ Испанію, былъ забракованъ.

Притомъ часто посылаются такіе товары, которые въ данной странѣ вовсе не нужны или относительно которыхъ она держится покровительственной системы. Голицынъ, по поводу присылки ружья въ Испанію для продажи писалъ, «что весьма такое ружье здѣсь годно быть не можетъ, такъ какъ оно слишкомъ тяжело, свыше всего сіе можетъ отбить охоту, ежели бы кто похотѣлъ впредь требовать поставки изъ Россіи какого солдатскаго ружья», такъ какъ могутъ подумать, что въ Россіи не дѣлаются лучше ружья, а въ особенности, говоритъ Голицынъ, «довлѣло привезть хоть малое число хорошаго ружья, только ради показу» (стр. 154). Такихъ примѣровъ относительно дурного качества отправляемыхъ за границу товаровъ, съ которыми мы впервые показывались на иностранномъ рынкѣ, въ книгѣ разсѣяно многое множество. Все дѣлалось какъ-то по-дѣтски: отправляли канифасъ въ Венецію, который тамъ продать было нельзя, въ Испанію— негодныя ружья, плохіе канаты, въ Китай — везутъ шубы, а оттуда пишутъ, что эта вещь у насъ безполезная, «ибо шубы носятъ только зимой, во время стужи, а у насъ и такъ тепло». «Китайцы въ вашихъ мѣхахъ не нуждаются, страна наша очень теплая, мягкой рухляди много не употребляемъ» (стр. 169). А между тѣмъ китайцы должны были по договору провожать русскихъ купцовъ до Пекина, выдавать имъ кормъ, слѣдовательно, русскіе купцы ѣздили въ Китай съ ненужнымъ товаромъ, да еще на счетъ китайскаго правительства (стр. 161). Правда, впослѣдствіи Россія соглашалась, чтобы русскіе купцы ѣздили въ Китай на свое иждивеніе (стр. 168). Вправѣ были китайцы говорить, что «многа лѣтъ ваши торговые люди не бывали, а товару здѣсь много и отъ народу не слыхали, чтобы въ томъ имѣлъ нужду». И китайцы жаловались, что многіе китайскіе купцы, торговавшіе съ русскими, обанкротились (стр. 174).

Повторяемъ, развѣ изъ-за всѣхъ этихъ фактовъ не выглядываетъ очень намъ приглядѣвшаяся фигура современнаго русскаго купца-промышленника. Да вспомните хотя бы—чтобы не ходить далеко за примѣрами—наши хлопчато-бумажныя издѣлія, сбывавшіяся въ Среднюю Азію, изъ которыхъ населеніе не могло дѣлать лучшаго употребленія, какъ красить въ нихъ яйца, настолько они были линючи. Правда, теперь картина начинаетъ мѣняться. Да вспомните хлѣбную торговлю, гдѣ подмѣсь сору доходитъ до 10—15%, чѣмъ и обусловливается въ значительной степени низкая расцѣнка нашего хлѣба на иностранныхъ рынкахъ. Читая эти факты, разсѣянные въ книгѣ г. Уляницкаго, я иногда забывался, не зная, что я читаю, не послѣднія ли газетныя извѣстія, характеризующія современный строй нашей торговли: до того факты, разсѣянные въ книгѣ, будучи сгруппированы въ одну картину, напоминаютъ современное положеніе.

Итакъ, тема очень современная, вѣдь авторъ разсматриваетъ консульскій институтъ, какъ мѣру для развитія внѣшней торговли, по почему консульскій институтъ у насъ не прививается? И мнѣ думается, что авторъ даетъ невѣрное объясненіе неудачи у насъ консульскаго института. Правительство всячески стремится вывести русскаго купца на международный рынокъ, а онъ упирается, то же явленіе мы видимъ и теперь: правительство старается установить свое вліяніе въ Китаѣ, Персіи, съ тѣмъ, чтобы открыть рынокъ для русской промышленности, а между тѣмъ русскій промышленникъ не ударитъ палецъ о палецъ для завоеванія этого рынка. Въ Западной Европѣ со стороны самого торгово-промышленнаго класса производятся много изслѣдованій о положеніи иностраннаго рынка, о возможности сбыта туда продуктовъ туземной промышленности, устраиваются экспортные музеи образцовъ, продуктовъ, годныхъ къ вывозу; у насъ ничего этого нѣтъ.

Обращаемся опять къ консульскому институту въ XVIII вѣкѣ; посмотримъ прежде всего, что это за люди русскіе консулы въ XVIII вѣкѣ? Это все люди, мало пригодные для коммерческой дѣятельности. Такъ, въ Персію назначаютъ «искуснаго въ торговлѣ гвардіи-капитана» (стр. 209), повидимому, больше не для торговли, а для того, чтобы, живя въ Шемахѣ «будто для торговыхъ дѣлъ», могъ всего присматривать, вѣрно осмотрѣлъ бы пути, удобенъ ли. А вотъ каковъ кандидатъ въ консулы въ Лондонъ: при обсужденіи вопроса объ учрежденіи консульства въ Англіи въ кабинетѣ канцлеромъ и вице-канцлеромъ выражено было предположеніе «за долговременную службу и по неотступной докукѣ» одного переводчика коллегіи иностранныхъ дѣлъ «съ пристойнымъ жалованіемъ» опредѣлить агентомъ въ Лондонъ, «дабы онъ тамъ церковь греческаго исповѣданія охранялъ и всякія дѣла по коммерціи и другія поручаемыя ему коммиссіи справлялъ и интересы здѣшняго двора при всякихъ случаяхъ престерегалъ». Но, впрочемъ, это предположеніе не осуществилось, такъ какъ «хотя заслуги (этого кандидата на консульскій постъ) при коллегіи не велики, однако за долговременное его при коллегіи пребываніе и за старость» дана ему была пенсія

и онъ былъ отпущенъ въ Москву. Это было мотивировано тѣмъ, что отъ него «непрестанныя докуки о повышеніи чинятся, то единожды на всегда отъ него такимъ образомъ освободиться» (стр. 234). Таковъ былъ одинъ изъ кандидатовъ на должность консула въ Лондонъ! Консулъ въ Даніи свои донесенія въ Россію пишетъ «очень кратко, темно и невнятно, такъ что о подлинности дѣла и выразумѣть и сообразить невозможно». И потому, пишутъ ему изъ коллегіи, «знатно ты всегда дома сидишь, и вѣдомости получаешь черезъ лакеевъ, а самъ по своей должности къ намъ для подлиннаго развѣдыванія не ѣздишь» (стр. 248). Но если этотъ консулъ датскій такъ халатно относится къ своимъ прямымъ обязанностямъ, то онъ болѣе удачно исполняетъ частныя порученія для двора: покупаетъ канареекъ, голубей, и для разныхъ высокопоставленныхъ лицъ закупаетъ фрукты и водки.

Въ 1774 году фрегатъ съ товарами отправляется во Францію и по возвращеніи его петербургскіе купцы бьютъ челомъ, чтобы съ нихъ не брали пошлинъ: «не брать пошлинъ для новости того торга, понеже они тотъ торгъ начали не своей волей» (ч. 2, прил. № 28). Коллегія высказала мнѣніе, что пошлины съ тѣхъ товаровъ брать не нужно, такъ какъ купцы посылали свои товары во Францію по именному указу, «а не своей волей». А кто же тамъ эти товары, неволей посланные, продаетъ? Флотскій офицеръ, неискусный въ языкѣ и потому, какъ онъ самъ про себя говоритъ, живущій здѣсь не у дѣлъ. «Купцы здѣшніе узнали, что я не купецъ, корреспонденціи, торгу имъ имѣть со мной не въ чемъ, того ради они отъ ближняго обхожденія со мной удаляются (стр. 102), и самъ онъ проситъ отрѣшить себя отъ дѣлъ и хочетъ возвратиться въ прежнюю службу, во флотъ. Куракинъ его призналъ непригоднымъ. Дѣйствительно, всѣ операціи, сдѣланныя имъ, были въ убытокъ. Какъ-то ставится принципіальный вопросъ, есть ли польза вообще отъ консульскаго института и къ кому же обращаются за разрѣшеніемъ этого вопроса? Къ поручику флота, ѣздившему въ Бордо за винами (стр. 103).

Въ Персію назначенъ консуломъ, по протекціи секретаря астраханской губернской канцеляріи, нѣкто Копытовскій, «безпросыпный и прегорькій пьяница», и потому съ пребытіемъ его въ囘 囘ештъ, въ консульской командѣ, не исключая учениковъ и попа, началось повальное пьянство. Посылаются корабли въ Гишпанію, вмѣстѣ съ ними хозяева для обученія торгу, но вотъ объ этихъ посланныхъ оттуда пишутъ, что ихъ нужно вернуть въ Россію, такъ какъ «они къ ученью безнадежны, ибо они языковъ иностранныхъ, ни ариѳметики не знаютъ, а лѣтами весьма не молоды и для того обучаться имъ невозможно (стр. 151).

Часто консулы не знали по-русски и потому нерѣдко по требованію шкипера консулъ сажалъ въ тюрьму матроса, не зная въ точности мотива такого наказанія.

Почему это такъ? Авторъ объясняетъ это неумѣньемъ выбрать хорошихъ консуловъ. Это не объясненіе. Это неумѣнье объяснить данное явле-

ніе. Торгово-промышленный классъ часто жаловался на тѣ или другія невзгоды, постигавшія его въ его промышленной дѣятельности, и пользовался для устраненія ихъ своимъ вліяніемъ, но почему онъ не хотѣлъ оказывать вліянія на постановку консульскаго института, на выборъ консуловъ—вотъ вопросъ. «Консуламъ Россія не сумѣла придать нужный для Россіи по состоянію культуры характеръ» (стр. 166, ч. 3). «Даже въ позднѣйшихъ инструкціяхъ нашимъ консуламъ за границею мы находимъ лишь требованіе торговыхъ свѣдѣній, условія же экономическаго быта той страны, гдѣ пребывалъ консулъ, условія экономическаго и промышленнаго развитія,—все это въ лучшемъ случаѣ отодвигалось на второй планъ». Но, спрашивается, кому могли быть нужны эти свѣдѣнія? Если ужъ свѣдѣнія о выгодахъ, непосредственно касающихся заинтересованныхъ группъ, мало трогали эти послѣднія, то естественно, что свѣдѣнія общаго характера могли разсчитывать еще на меньшую долю вниманія. Впрочемъ, наприм., испанскому нашему консулу предписывается узнавать, какихъ и сколько русскихъ товаровъ нужно, и во-время увѣдомлять объ этомъ—въ маѣ и сентябрѣ, дабы по первымъ готовые товары могли тогда же быть отправлены, а по вторымъ—зимою «исправляться время было» (стр. 123). Даже предписывается узнавать, какіе русскіе товары въ Америку ходятъ. Но разъ русское купечество не хотѣло выступать на международный рынокъ, естественно, что оно не чувствовало потребности въ этой информаціонной дѣятельности консульскаго института.

Торгово-промышленный классъ, не нуждаясь въ иностранномъ рынкѣ, естественно, не хотѣлъ и оказывать вліянія на лучшую постановку консульскаго института, между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ оказывать вліяніе, онъ оказывалъ его: такъ, «ново-торговый уставъ 1667 года былъ преимущественно дѣломъ высшаго московскаго купечества. Онъ показываетъ стремленіе высшаго купечества умножать свои выгоды» (*Костомаровъ:* «Очерки торговли Московскаго государства», стр. 144). Мы видимъ многочисленныя жалобы купечества на крестьянъ, подрывающихъ ихъ торги (*Лаппо-Данилевскій:* «Русскія промышленныя и торговыя компаніи», *Ж. М. Н. Пр.,* 1889 г.). Ослабляется казенная предпріимчивость въ пользу частной: казенныя фабрики, уже заведенныя и тѣ, которыя будутъ заведены, предписывается передавать въ частныя руки (Регламентъ 1711 г.), казна превращается въ банкира, ссужающаго предпринимателя болѣе или менѣе крупными капиталами (*Лаппо-Данилевскій, Ж. М. Н. Пр.,* 1898 г., стр. 338). Наши купцы добиваются запрещенія торга внутри Россіи, но не думаютъ о развитіи внѣшней торговли.

Въ 1760 году они жалуются коллективно, что иностранцы приводятъ ихъ въ убожество, жалуются на то, что иностранцы продаютъ товары высокой цѣной, а покупаютъ у нихъ низкой, и говорятъ о томъ, что слѣдовало бы запретить покупку и выписку черезъ иностранцевъ товаровъ, «тогда-де всѣ прибыли остались бы въ государствѣ, а теперь идутъ за границу».

Они больше думали о созданіи себѣ привилегіи внутри Россіи; такъ еще Посошковъ проектировалъ стачку русскихъ купцовъ съ воли и при содѣйствіи монарха. Вороновъ, нѣкій заводчикъ, предлагалъ повысить и продавать двойной цѣной русскіе товары, такъ какъ иностранцы очень нуждаются въ русскихъ товарахъ и безъ нихъ не могутъ обойтись, «отчего въ Россіи пополнится отъ чужихъ странъ добровольно многое милліонное богатство». Наши купцы думали тогда только о томъ, какъ бы загородить накрѣпко дыру, прорубленную иностранцами въ нашу землю, то-есть почту, чтобы какъ наши русскіе люди о торгахъ и товарахъ не знаютъ, такъ же бы и они о нашихъ товарахъ не знали (стр. 98).

Одинъ путешественникъ писалъ, что Господь Богъ по неисповѣдимымъ причинамъ скрываетъ еще отъ понятія русскихъ и не показываетъ имъ выгоды, которыя могла бы имѣть земля ихъ отъ заведенія торговли (стр. 97). На нашъ взглядъ, тутъ были серьезныя экономическія причины, которыя дѣлали то, что русскій торгово-промышленный классъ не интересовался и не могъ даже интересоваться иностраннымъ рынкомъ, и намъ думается, объясненіе этого явленія—неуспѣха завоеванія внѣшнихъ рынковъ—нужно искать въ общественныхъ отношеніяхъ того времени. «Хозяйственные интересы и торговые,—говоритъ профессоръ Мартенсъ,—имѣютъ такое огромное вліяніе на государственную и международную жизнь, что ими опредѣляются не только характеръ и раздѣленіе общественныхъ слоевъ даннаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ направленіе и послѣдствія современныхъ и международныхъ отношеній» (*Мартенсъ:* «О консулахъ», 1873 г., стр. 24—25).

«Теперь, мы полагаемъ, ясно, — говоритъ тотъ же авторъ, — въ какой органической связи находятся соціальныя стремленія и международныя сношенія. Нельзя понять административныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ государствами, не имѣя въ виду общественныхъ силъ и вліянія общественныхъ группъ въ нихъ существующихъ» (стр. 40). Еще по тому же вопросу въ той же работѣ говорится: «Можетъ случиться, что государственная власть служитъ средствомъ угнетенія всѣхъ общественныхъ элементовъ, и интересамъ только одного лица, которое ею обладаетъ. Хотя исторія показываетъ, что даже и въ подобныхъ государствахъ ни законодательство, ни администрація не могутъ совершенно освободиться отъ вліянія общественныхъ стремленій и классовъ (стр. 40), но степень этого вліянія бываетъ различна. Общественные группы и интересы изъявляютъ постоянное вліяніе на мѣры, принимаемыя государственною властью, иначе быть не можетъ, если жизнь народа имѣетъ содержаніемъ общественныя отношенія и стремленія» (стр. 37).

Но на эту сторону, столь важную при изученіи общественныхъ явленій, г. Уляницкій не обращаетъ вниманія.

Торгово-промышленный классъ въ Россіи вовсе не хотѣлъ оказывать никакого вліянія на характеръ лицъ, назначаемыхъ на консульскіе посты. Даже тамъ, гдѣ консулы прилагали всѣ свои усилія къ развитію русской внѣшней торговли, и тамъ эта послѣдняя развивалась не болѣе успѣшно.

Такъ, наприм., Бранденбургъ долженъ быть отнесенъ по своей толковости и ревности къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей къ числу наиболѣе выдающихся дѣятелей въ ряду русскихъ консульскихъ агентовъ (стр. 346), и между тѣмъ ровно никакого успѣха онъ въ своей дѣятельности не имѣлъ. Намъ думается, что просто ключъ къ объясненію этого явленія лежитъ въ томъ, что въ то время въ Россіи не было условій для развитія внѣшней торговли.

Авторъ склоненъ кромѣ того объяснять эти неудачи консульскаго института тѣмъ, что онъ у насъ являлся совершеннымъ извращеніемъ того, чѣмъ онъ былъ на Западѣ даже въ періодъ XVII—XVIII вѣка и чѣмъ онъ въ дѣйствительности долженъ быть, «и быть можетъ, — продолжаетъ авторъ,—въ этомъ извращеніи его истиннаго значенія кроется даже основная причина неудачи перваго насажденія его въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о пользѣ или безполезности содержанія за границею консульствъ и консуловъ разрѣшался въ первой половинѣ XVIII в. исключительно только съ точки зрѣнія казеннаго интереса. На консуловъ правительство смотрѣло, какъ на государственныхъ купчинъ и торговыхъ коммиссіонеровъ» (ч. 3, стр. 163).

Но едва ли это объясненіе правильно. Самъ авторъ признаетъ на другой же страницѣ, что «первоначально Петръ предполагалъ учредить выгодную внѣшнюю активную казенную и частную торговлю. Завести частную торговлю, однако, не удалось. Тогда онъ ограничиваетъ опытъ этой торговли казенными и лишь отчасти собранными поневолѣ частными товарами» (стр. 164). Итакъ, здѣсь авторъ самъ признаетъ, что правительство вынуждено было ограничить внѣшнюю торговлю лишь казенными товарами или товарами собранными поневолѣ. Между тѣмъ далѣе авторъ опять совершенно обратно утверждаетъ (стр. 176): «русскому правительству чуждо было сознаніе государственнаго интереса въ развитіи «партикулярной» внѣшней торговли».

Какъ говоритъ другой изслѣдователь, казенный торгъ, по признанію самого правительства, былъ плохъ (*Н. Фирсовъ:* «Русскія торговопромышленныя компаніи въ первой половинѣ XVIII стол.» Казань, 1896 г.), «между тѣмъ этотъ плохой казенный торгъ являлся, такъ сказать, *вынужденнымъ* (курсивъ нашъ) торгомъ, ибо частныя лица крайне неохотно ѣхали торговать за море» (стр. 45), «но,—прибавляетъ тотъ же авторъ,— эти правительственныя заботы о торговлѣ въ значительной степени парализовались уже самымъ существованіемъ казеннаго торга». Дѣло въ томъ, что интересъ самой казны требовалъ активныхъ торговыхъ сношеній съ Европою, такъ какъ казнѣ нужно было имѣть капиталъ за границей (*Уляницкій,* ч. 3, стр. 177). Правительство заводило и фабрики само просто потому, что некому было ихъ передать. Такъ, наприм., мануфактуръ-коллегіи было предписано въ регламентѣ на ея имя: «казенныя фабрики уже заведенныя и тѣ, которыя будутъ заведены, передавать частнымъ лицамъ» (*Фирсовъ,* стр. 56), и мы видимъ, что многократно публикуется

объ отдачѣ той или другой фабрики, но охотниковъ не находится, и правительство вынуждается само вести ту или другую отрасль. Такъ, въ 1726 году рѣшено было образовать особую китоловную компанію для передачи ей китоловнаго промысла на Бѣломъ морѣ, для чего баронъ Шафировъ отправляется въ Ярославль, Устюгъ, Вологду, Тотьму въ надеждѣ найти лицъ, готовыхъ вступить въ эту компанію, но во всѣхъ этихъ городахъ баронъ нашелъ «крайнюю нищету, что не токмо кому изъ тамошнихъ жителей въ ту компанію вступить, но и денной пищи, почитай, никто не имѣютъ» (*Фирсовъ,* стр. 71), и правительству пришлось попрежнему вести китоловное дѣло казеннымъ порядкомъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ правительству часто приходилось брать въ свои руки ту или другую отрасль промышленности. Самъ Петръ говорилъ, что наши «купцы не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ, того ради коммерцъ-коллегія дирекцію надъ симъ и управленіе должна имѣть, какъ мать надъ дитятей, во всемъ, пока приневолено не будетъ».

Объясненіе этого явленія, вѣроятно, лежитъ въ томъ же, чѣмъ объясняется теперь фактъ индифферентности русскаго промышленнаго класса къ внѣшнимъ рынкамъ. Именно, тѣми крупными барышами, которые въ то время русское купечество получало внутри государства. Такъ, коммиссія коммерціи говорила, что русское купечество «довольствовалось барышами великими извнутри государства къ портамъ только россійскимъ, не имѣло никакой охоты, ни склонности для пріобрѣтенія вящшей себѣ прибыли собственнымъ своимъ трудомъ и кредитомъ торговать сами, безъ посредства чужестранныхъ здѣсь купцовъ» (стр. 339). На первомъ планѣ здѣсь стояла косность русскаго купечества, поддерживаемая высокой прибыльностью внутренней торговли. Вѣдь совершенно справедливо говоритъ г. Улянидкій, что нельзя придавать особеннаго значенія тому обстоятельству, что русскій торговый флотъ былъ лишь еще въ зародышномъ состояніи, такъ какъ русскіе купцы имѣли возможность отправлять свои товары на иностранныхъ судахъ, если бы они имѣли только какое-либо желаніе къ этому (стр. 338), но въ томъ-то и дѣло, что этого желанія не было.

Въ концѣ уже 18-го вѣка графъ Воронцовъ приписываетъ той же причинѣ, т.-е. высокой доходности предпріятій въ Россіи, малое развитіе русской внѣшней торговли. Въ немногихъ словахъ онъ очень рельефно обрисовываетъ это вліяніе на косность русскаго купечества. Онъ говоритъ: «россійское купеческое водоходство, какъ извѣстно, не очень пространно, да и долго, конечно, пребудетъ въ сихъ предѣлахъ; несмотря на многія поощренія отъ правительства оному дѣлаемыя, пока въ Россіи не умножится народа, оное останется навѣрное въ нынѣшнихъ же границахъ, ибо здѣшніе жители, находя въ домахъ своихъ довольно для себя упражненія, не имѣютъ нужды подвергать себя морскимъ опасностямъ. Сіи обстоятельства тогда побуждаютъ меня полагать, что и консулы въ разныхъ европейскихъ городахъ для торга нашего очень мало нужны, когда они торговыми дѣлами россійскихъ подданныхъ, конечно, немного могутъ

быть озабоченными» (стр. 658). По имѣющимся нѣкоторымъ даннымъ мы знаемъ, напримѣръ, что въ горныхъ заводахъ въ 1738 году прибыль достигала 76,58% (В. Рожковъ, цитирован. по Лаппо-Данилевскій «Русскія промышленныя торговыя компаніи» въ первой половинѣ 18-го вѣка, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1899 г., 2, стр. 372), и по крайней мѣрѣ относительно половины 18-го вѣка, какъ указываетъ Лаппо-Данилевскій, въ архивахъ имѣются свѣдѣнія, по которымъ можно опредѣлить было бы прибыль предпринимателя (стр. 408). И по нашему мнѣнію авторъ долженъ былъ бы взять на себя эту задачу, тогда только онъ нашелъ бы объясненіе интересующаго его вопроса. Года два тому назадъ *Вѣстникъ Финансовъ,* оффиціальный органъ министерства финансовъ, констатируя косность русскаго купечества въ завоеваніи внѣшнихъ рынковъ, объяснялъ это тѣмъ, что у насъ и такъ слишкомъ хорошо на внутреннемъ рынкѣ. Эта-то болѣзнь, о которой мы уже упоминали—гиперотрофія прибыли.

Недавно въ обществѣ для распространенія коммерческихъ знаній (*Торгово-Промышленная Газета*, 1900 г. 5 марта) былъ прочитанъ докладъ о значеніи дѣятельности консула по отношенію къ нашей русской торговлѣ. Авторъ между прочимъ (В. А. Березниковъ) сообщалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ наше консульство въ Кадиксѣ сдѣлало попытку открыть русскимъ спиртозаводчикамъ рынки въ Испаніи. Испанцы для сдабриванія вина пользуются и русскимъ спиртомъ, но получаютъ его черезъ посредство гамбургскихъ и шведскихъ ректификаторовъ, расплачиваясь съ послѣдними трехъ и четырехъ мѣсячными векселями. Наши заводчики соглашались на поставку спирта, но выговаривали себѣ, что они берутъ эту поставку лишь для русскаго порта отправленія, слагая съ себя всякія заботы о дальнѣйшей судьбѣ этого спирта отъ русскаго порта къ испанскимъ, притомъ требовали себѣ права немедленно по отправкѣ товара трассировать на покупателя третью часть цѣны фактуры, а остальныя двѣ трети обезпечить наложеннымъ платежомъ. Такимъ образомъ русскіе спиртозаводчики не только не хотѣли предоставлять никакого кредита испанскимъ винодѣламъ, но еще требовали себѣ впередъ одной трети цѣны фактуры. Кромѣ того иностранныя фирмы, черезъ которыя испанскіе винодѣлы получаютъ спиртъ, имѣя своихъ агентовъ въ испанскихъ портахъ, берутъ на себя издержки и хлопоты по доставкѣ товара и по очисткѣ его въ мѣстныхъ таможняхъ, между тѣмъ русскіе спирто-заводчики ничего этого знать не хотѣли и, конечно, испанскіе вино-торговцы предпочли покупать русскій спиртъ черезъ иностранныхъ посредниковъ.

Авторъ доклада говорилъ, что никакія преобразованія въ нашей консульской части теперь не будутъ въ состояніи произвести существенныхъ улучшеній въ нашей торговлѣ, если дѣлу не поможетъ само наше купечество. Оно должно само работать въ этомъ направленіи и завоевывать иностранные рынки съ боя. Если французское и англійское купечества упрекаются своими консулами въ недостаткѣ иниціативы и за выжиданіе покупателей у себя дома, то что же можно сказать про русскихъ коммер-

сантовъ? И докладчикъ приводилъ яркіе примѣры нежеланія русскаго купечества заводить прямыя сношенія съ иностранными покупателями, несмотря на консульскія рекомендаціи и посредничества. Наше купечество въ большинствѣ отраслей торговли еще не испытало всей остроты заграничной конкурренціи и, чувствуя себя очень хорошо дома, не ищетъ заграничныхъ рынковъ...

При жалобахъ, слышимыхъ на недоброкачественность нашихъ экспортируемыхъ товаровъ, передъ нами невольно встаетъ фигура промышленника 18-го вѣка, восхваляющаго и берущаго себѣ въ образецъ того купца, который сумѣлъ его ловко обмануть и провести. Такъ однажды, по разсказу Марпергера, нѣкоторые московскіе купцы, будучи обмануты на большую сумму однимъ голландцемъ, сами потомъ предлагали ему вступить съ ними въ компанію для совмѣстной торговли, такъ какъ онъ де, говорили они, мастеръ на такія штуки, что съ нимъ вѣрно выгодно будетъ вести торговлю. (См. *Русская Старина*, май, 1896 г.).

Насколько широко поле дѣятельности было для русскаго купечества внутри Россіи, свидѣтельствуетъ фактъ, что русскіе торговые люди не только не заботились о развитіи внѣшней торговли, но даже сами, не заботясь о разработкѣ природныхъ богатствъ, спокойно смотрѣли на переходъ ихъ въ руки иностранцевъ, сами довольствуясь легкими операціями. Такъ, когда англійская торговая компанія обратилась къ московскому правительству съ просьбой дать ей право разрабатывать желѣзную руду, то правительство прежде всего обратилось къ гостямъ съ вопросомъ и гости отвѣтили, что можно разрѣшить англійскимъ людямъ искать желѣзную руду въ пустыхъ мѣстахъ, такъ какъ отъ этого позволенія не будетъ убытку ни великому государю, ни имъ, гостямъ, потому что, если англичане не найдутъ, то они одни убытки потерпятъ, а если найдутъ, то «русскимъ людямъ кормленіе оттого будетъ и желѣзо будетъ дешевле, потому что изъ государевой земли за море желѣзо не идетъ, а идетъ желѣзо въ государеву землю отъ нихъ изъ-за моря». При этомъ гости указывали на бывшій уже примѣръ: «Англійскіе люди завели канатное дѣло и оттого было кормленіе многимъ русскимъ бѣднымъ людямъ, которые у нихъ работали, да и научились у нихъ русскіе люди канаты дѣлать» (Фирсовъ, стр. 63—64).

Интересна параллель между тѣмъ отношеніемъ, какое встрѣчаетъ теперь притокъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію, и какъ относились тогда наши купцы къ разработкѣ нашихъ богатствъ иностранными капиталами.

Вопросъ о доставленіи свѣдѣній, нужныхъ для коммерсанта, теперь усиленно дебатируется въ прессѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ развитія международной торговли, ставится вопросъ о реорганизаціи на Западѣ консульскаго института. Консулы все болѣе и болѣе начинаютъ превращаться въ коммерческихъ представителей своей страны или же, параллельно съ консульскимъ институтомъ стараго типа, создаются особые, такъ на-

зываемые, коммерческіе агенты *) (Соединенные Штаты, Англія), на постъ которыхъ назначаются не люди съ юридической и административной выправкой, а люди со спеціальными коммерческими свѣдѣніями. Вопросъ ставится и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ матеріалъ, собранный такими коммерческими агентами, могъ бы быть наилучше использованъ коммерсантами. Этотъ матеріалъ чрезвычайно объемистъ, поэтому необходимо его классифицировать, теперь же очень трудно коммерсанту разобраться въ кучѣ этихъ, часто весьма цѣнныхъ, консульскихъ донесеній, поэтому въ прессѣ на Западѣ указывается на созданіе особыхъ учрежденій, на обязанности которыхъ лежала бы переработка этого матеріала, собраннаго консулами **).

Въ концѣ прошлаго года въ Германіи печать указывала на то, что нѣмецкіе консульскіе агенты набраны изъ юристовъ, а имъ приходится нести сложныя обязанности коммерческихъ агентовъ и эти жалобы побудили здѣсь правительство приступить къ пересмотру условій поступленія на консульскую службу; именно реформа сводится къ тому, что въ консульскіе агенты будутъ допускаться только лица съ высшимъ образованіемъ, практически и теоретически знакомые съ вопросами торгово-промышленной политики. «Теперь прошли тѣ счастливыя времена, когда консульскія мѣста раздавались людямъ, желающимъ жить за границей, но состоять на дѣйствительной службѣ, получать чины и ордена и ничего не дѣлать» (*Россія*). Теперь на нихъ возлагается масса сложныхъ обязанностей, для выполненія которыхъ нужна сложная подготовка.

Но какъ бы то ни было одно реформированіе консульскаго института не можетъ имѣть успѣха, если предварительно не будетъ потребности въ иностранныхъ рынкахъ, если не будетъ развита предпріимчивость среди коммерсантовъ. Такъ, русскій консулъ въ Персіи, отмѣчая, что наша торговля въ Исфаганѣ и вообще въ Персіи не занимаетъ ей подобающаго положенія, объясняетъ это непредпріимчивостью нашихъ коммерсантовъ (*Биржевыя Вѣдомости* 25 января 1900 г., «Русская торговля въ Персіи»). Мы уже достаточно видѣли примѣровъ, какъ и ревностные консулы въ XVIII вѣкѣ не имѣли успѣха вслѣдствіе отсутствія потребности во внѣшнемъ рынкѣ у нашихъ коммерсантовъ того времени. Мы, конечно, этимъ вовсе не хотимъ отрицать значенія реорганизаціи консульскаго института, но на первомъ планѣ мы ставимъ вліяніе потребности во внѣшнемъ рынкѣ на развитіе внѣшней торговли.

Авторъ «Русскихъ консульствъ въ XVIII вѣкѣ» даетъ много цѣнныхъ фактовъ, но нѣтъ духа, витающаго надъ ними, который оживилъ бы эти факты. Авторъ иногда чувствуетъ это, дѣлаетъ экскурсіи въ область экономіи, торговли. У автора прекрасный матеріалъ, но онъ не лѣпщикъ, не

---

*) De quelques modifications à apporter à l'organisation du corps consulaire et de la création d'agents commerciaux par M. Ern. Lebir въ *Revue de droit inter. et de législ. comparée* 1890, XXII.

**) Handels Museum 1899, № 39. Commercielе Information.

архитекторъ, матеріалъ слишкомъ великъ, а авторъ для своихъ выводовъ пользуется не тѣмъ, что онъ имѣетъ болѣе цѣннаго въ своей работѣ. Авторъ носится по морю фактовъ безъ руля и безъ вѣтрилъ, безъ плана, безъ компаса, вездѣ заглядываетъ, все забираетъ съ собой. Книга напоминаетъ копь неразработанную, на разработку которой нужно потратить много труда, чтобы добраться до золота: оно вкраплено тамъ и здѣсь, но авторъ не беретъ на себя труда собрать его. Вниманіе автора чаще сосредоточивается почему-то на кварцахъ, въ которыхъ вкраплено золото, а не на немъ самомъ. Авторъ, посѣявъ, оставилъ, забылъ добрую, лучшую свою полосу, лучшая полоса на его нивѣ такъ и осталась несжатой, а онъ собираетъ плоды съ худшихъ, менѣе плодородныхъ участковъ. Кто захочетъ разобраться въ тѣхъ матеріалахъ, на собираніе которыхъ авторъ затратилъ огромный трудъ, тотъ пожнетъ плоды и скажетъ большое спасибо автору.

Ив. Озеровъ.

Не отъ міра сего.

«Воскресеніе». Романъ въ трехъ частяхъ графа Л. Н. Толстого. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб.

О, любовь! Гдѣ всѣ твои усилья?
Разумъ! Гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Некрасовъ.

I.

Писатель-романистъ, всѣмъ цивилизованнымъ міромъ признаваемый за геніальнаго, написалъ большой романъ. По свидѣтельству близко стоящихъ къ нему людей, онъ писалъ этотъ романъ съ величайшею тщательностью, многократно передѣлывалъ его, старательно работалъ надъ подробностями, осторожно взвѣшивалъ каждый эпитетъ, каждое слово свое. А по содержанію своему этотъ романъ долженъ былъ явиться квинтъ-эссенціею всѣхъ тѣхъ ученій, идей и взглядовъ, которые до тѣхъ поръ геніальный романистъ развивалъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ и по случайнымъ поводамъ. Какое же, должно быть, это удивительное произведеніе! Чего не сдѣлаетъ геніальный талантъ съ помощью упорнаго труда, да еще въ союзѣ съ тою опытною мудростью, которая достигается сильнымъ умомъ, постоянно и неотступно вопрошавшимъ жизнь объ ея смыслѣ и предназначеніи. Читатели, конечно, были потрясены этимъ романомъ? Литературная критика всѣхъ цивилизованныхъ странъ и народовъ, разумѣется, наговориться не можетъ объ этомъ удивительномъ произведеніи, раскрывая его красоты, разъясняя его глубокій внутренній смыслъ? Умственная сокровищница образованнаго человѣчества обогатилась, конечно, такимъ брильянтомъ, который всегда будетъ однимъ изъ ея лучшихъ украшеній?

Казалось бы, все это должно бы непремѣнно быть, но всего этого однако же на дѣлѣ совсѣмъ нѣтъ. Съ полною увѣренностью можно указать только на *одного* человѣка, который всесовершенно доволенъ романомъ Толстого: это—г. Марксъ, издатель «Воскресенія». Для такого довольства онъ имѣетъ всѣ основанія, потому что *внѣшній* успѣхъ романа вполнѣ соотвѣтствуетъ всемірной репутаціи его автора: романъ читался нарасхватъ, вышелъ въ безчисленныхъ изданіяхъ, переведенъ на всѣ языки и заста-

вилъ говорить о себѣ едва ли не всѣ литературные органы и не всѣхъ литературныхъ критиковъ міра (одна вотъ только *Русская Мысль* запоздала). Но успѣхъ другого рода, успѣхъ внутренній, тотъ, который опредѣляется силою произведеннаго впечатлѣнія и прочностью вліянія? *Этого* успѣха романъ Толстого не имѣлъ, никогда не возымѣетъ, и это не только естественно, въ порядкѣ вещей, но и вполнѣ разумно, и вполнѣ справедливо. Вотъ пунктъ, который необходимо разъяснить.

А впрочемъ, что же особенно разъяснять? Уже въ самомъ заглавіи нашей статьи заключается необходимое разъясненіе. Да, въ своемъ романѣ Толстой такъ далеко отошелъ отъ *міра сего,* смотритъ на нашу жизнь съ такой головокружительной высоты, что намъ, людямъ по землѣ ходящимъ и на землѣ живущимъ, очень трудно войти съ нимъ въ непосредственное общеніе. Съ большой высоты люди кажутся какими-то крошечными букашками, а ихъ дома какими-то спичечными коробками, но это не значитъ, что люди и въ самомъ дѣлѣ букашки и что человѣкъ, наблюдающій ихъ съ высоты, имѣетъ право презирать ихъ за ихъ малость и слабость. Никакого такого права онъ не имѣетъ, потому что ростъ его не больше или чуть-чуть больше нашего роста, и не слѣдуетъ ему забывать, что если съ высоты Монблана, на который онъ взобрался, мы представляемся его взору букашками, то вѣдь намъ-то, стоящимъ у подошвы горы, онъ въ свою очередь представляется тоже не больше булавочной головки. Будемъ ли мы презирать его за это? Въ нашей картинѣ дѣйствительно великъ и грандіозенъ только Монбланъ, но и Монбланъ—ничто, въ сравненіи съ общей массой земли, которая—ничто, въ сравненіи съ нашимъ солнцемъ, а солнце наше—ничто, въ сравненіи съ цѣлой системой солнцъ и т. д., и т. д. Что же затопимъ ли мы всѣ тѣла и всѣ міры вселенной волнами своего презрѣнія за ихъ *относительное* ничтожество? Между тѣмъ, Толстой поступаетъ именно такъ: онъ коритъ насъ и презираетъ насъ за то именно, что мы куда ниже ростомъ, нежели величественный Монбланъ. Платить ему тою же монетой мы, разумѣется, не станемъ, но не можемъ не замѣтить, что влѣзть на Монбланъ не значитъ уподобиться Монблану, не значитъ сравняться съ нимъ ростомъ и величиною.

Аллегорія моя до того проста, что я поручу раскрыть ее одному малограмотному купцу изъ персонажей г. Горькаго. «Х-хе! Учитель! А ты учить-то учи, да и самъ тоже поучивайся, понимай вокругъ-то себя, какъ и что. И долженъ ты, учитель, всегда на такой точкѣ стоять, чтобы человѣку до тебя, не уродуя себя, взобраться можно было. А то—эка вотъ!—вперся со строгостью-то своей выше печной трубы, да и пошелъ оттуда пророчить. Добродѣтели стопудовыя тоже!» Правду говоритъ купецъ: учителю, проповѣднику морали, нужно стоять не на печной трубѣ и не на Монбланѣ, а въ непосредственной близости съ нами, не только затѣмъ, чтобы мы могли ясно слышать поученія, но и затѣмъ, чтобы наглядно убѣдиться, насколько дѣйствительный, собственный ростъ проповѣдника превосходитъ нашъ ростъ. Вооружиться моральными правилами и съ ихъ помощью су-

дить и осуждать насъ—совсѣмъ нетрудно: изъ своего первоисточника эти правила давно уже перешли и въ пословицы, и въ азбуки, и въ прописи, извѣстны всѣмъ и каждому, и вовсе не въ ихъ распространеніи заключается задача морали. Какъ *осуществить* эти правила—вотъ въ чемъ наша задача, задача людей, стремящихся къ нравственному совершенствованію. Левъ Толстой когда-то писалъ: «Сообщите человѣку самую высокую, самымъ яснымъ, сжатымъ образомъ, такъ, какъ она никогда не выражалась, выраженную нравственную истину,—всякій обыкновенный человѣкъ, особенно такой, который не интересуется нравственными вопросами, или тѣмъ болѣе такой, которому эта нравственная истина, высказываемая вами, не по шерсти, непремѣнно скажетъ: «Да кто-жъ этого не знаетъ? Это давно и извѣстно, и сказано». Ему, дѣйствительно, кажется, что это давно и именно такъ сказано. Только тѣ, для которыхъ важны и дороги нравственныя истины, знаютъ, какъ важно, драгоцѣнно и какимъ длиннымъ трудомъ достигается уясненіе, упрощеніе нравственной истины, переходъ ея изъ туманнаго, неопредѣленно сознаваемаго предположенія, желанія, изъ неопредѣленныхъ, несвязныхъ выраженій въ твердое и опредѣленное выраженіе, неизбѣжно требующее соотвѣтствующихъ ему поступковъ. Мы всѣ привыкли думать, что нравственное ученіе есть самая пошлая и скучная вещь, въ которой не можетъ быть ничего новаго и интереснаго; а между тѣмъ вся жизнь человѣческая со всѣми столь сложными и разнообразными, кажущимися независимыми отъ нравственности дѣятельностями,—и государственная, и научная, и художественная, и торговая,—не имѣетъ другой цѣли, какъ большее и большее уясненіе, утвержденіе, упрощеніе и общедоступность нравственной истины». Это написано Толстымъ лѣтъ 15—20 тому назадъ. Но романъ «Воскресеніе» главною своею цѣлью имѣетъ порицаніе и иногда просто вышучиваніе во имя нравственной идеи всѣхъ тѣхъ *дѣятельностей* (государственной, научной, художественной, торговой), которыя, по мнѣнію самого же Толстого, ничего другого не имѣютъ въ виду, какъ *общедоступность нравственной истины*. Романъ, созданный на *такомъ* идейномъ основаніи, можетъ ли пріобрѣсти воспитательное значеніе? Во имя идеи отрицать орудія идеи, посредствомъ которыхъ она выражается въ конкретныхъ формахъ — это значитъ отрицать самую идею или, самое меньшее, осуждать ее на вѣчное безплодіе.

Если читатель вдумается въ приведенныя выше слова Толстого, онъ легко замѣтитъ двойственность взгляда Толстого на мораль. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны всѣ наши «сложныя и разнообразныя дѣятельности», т.-е., говоря короче, вся наша культура имѣетъ конечною цѣлью утвержденіе и осуществленіе нравственнаго идеала. Это—взглядъ, къ которому мы присоединяемся. Для достиженія нравственнаго идеала будемъ стремиться къ улучшенію какъ общественной, такъ и своей личной культуры—вотъ та практическая программа, которая логически обусловливается этимъ взглядомъ. Но тутъ же, рядомъ, въ той же цитатѣ, Толстой обрисовываетъ процессъ нравственнаго развитія совсѣмъ въ иномъ видѣ: процессъ, по его мнѣнію, состоитъ «въ уясненіи, упрощеніи нравственной

истины, въ переходѣ ея изъ туманнаго, неопредѣленно сознаваемаго предположенія, желанія, въ твердое и опредѣленное выраженіе, неизбѣжно требующее соотвѣтствующихъ ему поступковъ». То-есть все дѣло въ томъ, чтобы найти такую категорически-повелительную формулу нравственности, которая не допускала бы никакихъ перетолкованій и никакихъ уступокъ. Именно этимъ дѣломъ Толстой исключительно и занимается. Возьмемъ для примѣра три нравственныхъ повелѣнія—два изъ ветхаго и одно изъ новаго завѣта: «не убій, не укради, люби ближняго какъ самого себя». Кажется, достаточно категорична форма этихъ повелѣній? Нѣтъ, недостаточно, въ этихъ формулахъ нѣтъ той абсолютности, той безпощадной непререкаемости, которой требуетъ Толстой отъ морали. Не убій—*ни въ какомъ случаѣ,* не укради—*ни при какихъ обстоятельствахъ* и люби ближняго—*всякаго* ближняго, *всякаго человѣка,* хотя бы это былъ дикарь зулу, терзающій вашего собственнаго ребенка. Вотъ поправка, которую призноситъ Толстой, вотъ та мораль, которая его удовлетворяетъ и подчиненія которой онъ отъ насъ властно требуетъ. Это именно и есть тотъ Монбланъ, на который онъ взобрался и съ высоты котораго судитъ и осуждаетъ насъ, а вмѣстѣ съ нами и всю нашу культуру, всѣ наши учрежденія, которыя въ нашихъ глазахъ являются гарантіями правды и справедливости, а въ его глазахъ—только орудіями компромисса съ правдой и справедливостью. Я—убилъ; я—укралъ; я—возненавидѣлъ. Читатель, что вы скажете обо мнѣ? Читатель, какъ человѣкъ обыкновенной морали, не абсолютной, не монблановской, отвѣтитъ, безъ сомнѣнія, такъ: ничего я не могу сказать до тѣхъ поръ, пока не узнаю обстоятельствъ и условій, побудившихъ васъ убить, украсть, возненавидѣть. Если, наприм., вы убили, защищая свою жену или дочь отъ насильника, вы совершенно правы и даже болѣе того—достойны уваженія. Если вы украли, спасая своихъ плачущихъ дѣтей отъ голода, вы опять-таки правы и заслуживаете не презрѣнія, а глубочайшаго состраданія. Если вы возненавидѣли и не признаете своимъ *ближнимъ* человѣка, возмущающаго ваше нравственное чувство, вы правы, и поступаете не только благоразумно, но и прямодушно, *нравственно,* не заглушая своей совѣсти, не *натаскивая* себя на чувство, котораго у васъ нѣтъ въ душѣ и въ сердцѣ. Совершенно такъ же разсудитъ меня и судъ государственный, будутъ ли въ немъ участвовать представители общественной совѣсти—присяжные засѣдатели—или онъ будетъ состоять изъ представителей исключительно государственной власти. Но именно потому съ снѣговой вершины Монблана и летятъ въ насъ одинаково ядовитыя стрѣлы: мнѣ—какъ убійцѣ, суду—какъ моему попустителю и укрывателю. И это называется христіанствомъ!

Нѣтъ, это не христіанство, а узкое сектантство, и для познанія Христа мы обратимся къ первоисточнику, оставляя въ сторонѣ всякіе Монбланы. Вотъ, наприм., Евангеліе отъ Матѳея, глава 12, гдѣ мы читаемъ: «Въ то время проходилъ Іисусъ въ субботу засѣянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и ѣсть. Фарисеи, увидѣвши это, ска-

зали Ему: вотъ, ученики Твои дѣлаютъ, чего не должно дѣлать въ субботу. Онъ же сказалъ имъ: развѣ вы не читали, что сдѣлалъ Давидъ, когда взалкалъ самъ и бывшіе съ нимъ? Какъ онъ вошелъ въ домъ Божій и ѣлъ хлѣбы предложенія, которыхъ не должно было ѣсть ни ему, ни бывшимъ съ нимъ, а только однимъ священникамъ? Или не читали ли вы въ законѣ, что въ субботы священники въ храмѣ нарушаютъ субботу, однако, невиновны» (ст. 1—5). Нарушаютъ законъ, однако, невиновны... Такъ, можетъ быть, и я, преступивши шестую и восьмую заповѣди, могу оказаться невиновнымъ? Да, это сказалъ Тотъ, предъ которымъ всякіе Монбланы ничто... Слава Божественному милосердію! Но вѣдь, кромѣ требованій моей человѣческой природы, есть еще требованія внѣшнія, есть условія общежитія, которыя тоже ожидаютъ отъ меня удовлетворенія. «Не убій», но вотъ я солдатъ, и иноземный врагъ подступаетъ къ моему отечеству, а государственная власть напоминаетъ мнѣ о моемъ гражданскомъ долгѣ и возлагаетъ надежды на мое мужество. Обмануть ли мнѣ эти надежды? Во время битвы не спрятаться ли мнѣ въ какой-нибудь ровъ или не притвориться ли раненымъ или убитымъ? Пусть грѣшатъ другіе, слабые духомъ, а я твердъ въ законѣ: сказано *не убій* и не буду я убійцей, что бы ни сталось съ моимъ отечествомъ. Мораль выше государства и отечества, и если между ними произошла коллизія, то мнѣ, моралисту-законнику, нечего колебаться на какую сторону встать. Прочь компромиссы! Такъ ли? А вотъ глава 22 того же Евангелія. Фарисеи подошли къ Іисусу: «скажи намъ, какъ Тебѣ кажется: позволительно ли давать подать кесарю или нѣтъ? Но Іисусъ, видя лукавство ихъ, сказалъ: что искушаете Меня, лицемѣры? Покажите Мнѣ монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарій. И говоритъ имъ: чье это изображеніе и надпись? Говорятъ Ему: кесаревы. Тогда говоритъ имъ: и такъ отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу» (ст. 17—21). На указѣ, призывающемъ меня къ вооруженной защитѣ отечества, чья надпись и что значитъ это изображеніе двуглаваго орла? Это эмблемы государственной власти, которой я обязанъ «отдать» по праву ей принадлежащее. А! ну, такъ ужъ въ ровъ я не буду прятаться во время битвы и исполню до конца свой долгъ, не только гражданскій, но и *христіанскій*, исполню прямое повелѣніе Христа. А заповѣдуя намъ любить ближняго какъ себя, всѣхъ ли въ равной мѣрѣ Онъ признавалъ ближними? Онъ не дѣлалъ различія между національностями—и эллинъ, и іудей были равны передъ Нимъ, не дѣлалъ различія между сословіями — рабъ и свободный были одинаково близки Ему, но между злыми и добрыми Онъ проводилъ рѣзкую разграничительную черту. Что скажетъ Толстой, хотя бы вотъ объ этомъ страстномъ укорѣ: «Порожденія ехиднины! какъ можете вы говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе, а злой человѣкъ изъ злого сокровища выноситъ злое» (гл. 12, ст. 34—35). Или какъ объяснитъ Толстой, съ точки зрѣнія своей *непротивленской* морали, хотя бы этотъ извѣстный эпизодъ: «И вошелъ Іисусъ въ храмъ Божій и выгналъ

всѣхъ продающихъ и покупающихъ въ храмѣ, и опрокинулъ столы мѣновщиковъ и скамьи продающихъ голубей, и говорилъ имъ: написано: домъ Мой домомъ молитвы наречется, а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ» (гл. 21, ст. 12—13).

Да, очень понятно, что погрузившись въ изученіе Евангелія и выработавъ *свою* мораль, Толстой возымѣлъ такое превосходное желаніе, о которомъ онъ торжественно и заявилъ: «я хотѣлъ бы только одного: *запретить толковать ученіе Христа*». Желаніе, повторяю, превосходное, намѣреніе чудесное, но, по нашему мнѣнію, недостаточное: для торжества абсолютной, самодовлѣющей морали гораздо цѣлесообразнѣе *запретить читать* Евангеліе, въ особенности въ ясномъ, для всѣхъ удобопонятномъ русскомъ переводѣ. Кто читаетъ Евангеліе, тотъ даже при слабой воспріимчивости проникается его духомъ, тѣмъ духомъ, который живитъ, въ противоположность буквѣ, формулѣ, которая мертвитъ. Кого съ особенною страстностью изобличалъ Христосъ? Книжниковъ и фарисеевъ, т.-е. именно формальныхъ исполнителей закона, строжайшихъ буквоѣдовъ, для которыхъ отвлеченное моральное правило несравненно дороже и выше живой человѣческой личности. Буква неподвижна и неизмѣнна, а жизнь безконечно разнообразна въ своихъ проявленіяхъ и теченіе ея не останавливается ни на секунду. Какъ примирить ихъ? Это и есть задача нашего духа, который есть отблескъ того духа, о которомъ сказалъ Христосъ: «всякій грѣхъ и хула простится человѣкамъ, а хула на Дýха не простится человѣкамъ». А выраженіемъ нашего духа и поприщемъ для его дѣятельности являются, конечно, наша цивилизація и наша культура во всей совокупности ихъ явленій. Религія, наука, искусство, литература, формы быта и общежитія, начиная съ формы государства и кончая формой семьи, сферы прикладной науки, какъ обработывающая и добывающая промышленность и пр., и пр.— все это созданіе человѣческаго ума и человѣческой воли, то-есть созданіе и проявленіе нашего духа. Какъ читатель видѣлъ, Толстой стоялъ *около* этой простой мысли, точнѣе, около этого очевиднаго *факта*, но простоялъ всего лишь на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ и обратился къ изысканію повелительныхъ нравственныхъ формулъ, которыя *неизбѣжно бы требовали соотвѣтствующихъ имъ поступковъ*. Нѣтъ такихъ всесильныхъ формулъ и не можетъ быть, потому что всякая формула — только слово, звуковое сотрясеніе воздуха. Сколько ни упрощайте формулу (въ чемъ Толстой усматриваетъ главную задачу морали), она оттого не станетъ дѣйствительнѣе и вліятельнѣе. «Не убій», «не укради»,—въ этихъ формулахъ нечего упрощать, но есть надъ чѣмъ поработать. Кражи и убійства прекратятся не прежде, чѣмъ человѣческій духъ въ своемъ саморазвитіи возвысится, наконецъ, до той ступени, на которой онъ сумѣетъ создать регуляторы нашей злой воли не насильственные, какъ это мы видимъ теперь и какъ это было въ несравненно сильнѣйшей степени въ прошломъ, въ глубинѣ исторіи, а регуляторы, основанные на началахъ общей пользы и непререкаемой справедливости. Не убій... Международный третейскій судъ

можетъ ли упразднить войну? Если окажется, что—да, можетъ, подобно тому, какъ государственный судъ устранилъ когда-то повсюду царившее кулачное право, то вотъ вамъ огромный шагъ къ практическому и дѣйствительному осуществленію заповѣди *не убій*. Не укради... Можетъ ли быть найдена такая форма экономическихъ отношеній, при которой каждый трудящійся въ мѣру своихъ силъ и способностей имѣлъ бы полную возможность удовлетворять всѣмъ своимъ законнымъ потребностямъ? Безчисленныя теоретическія и практическія попытки рѣшить этотъ вопросъ указываютъ на возможность его разрѣшенія, и это разрѣшеніе, только оно одно, положитъ конецъ кражамъ, потому что поставитъ ихъ въ разрядъ безцѣльныхъ, безсмысленныхъ дѣяній. Сытый, согрѣтый, одѣтый, обутый зачѣмъ пойдетъ красть?

О, любовь! Гдѣ всѣ твои усилья?
Разумъ! Гдѣ плоды твоихъ трудовъ?

Некрасовъ воскликнулъ это, горько раздумавшись передъ мрачной картиной крымской войны, и мы понимаемъ то нравственное настроеніе, которое вызвало въ поэтѣ этотъ порывъ лирическаго негодованія. Если бы современный поэтъ, созерцая событія, происходящія нынѣ въ южной Африкѣ, нашелъ слова и образы еще болѣе яркіе для выраженія своего отчаянія за человѣчество, за любовь и разумъ, за справедливость и добро,—мы поняли бы и его, раздѣлили бы его чувство, стали бы повторять его жгущіе и клеймящіе эпитеты. Но... и только. Если бы дѣло пошло не на лирику, а на серьезное обсужденіе, мы немедленно измѣнили бы свою позицію. Что вы говорите? Гдѣ усилія любви? Гдѣ, вы спрашиваете, плоды трудовъ разума? Да вотъ хоть бы въ томъ мармеладѣ, которымъ президентъ Крюгеръ полакомилъ однажды плѣнныхъ англичанъ въ Преторіи. Донельзя приторенъ и даже просто неуменъ этотъ мармеладъ, но во сколько всетаки милліоновъ разъ онъ лучше пирамидъ изъ человѣческихъ головъ или—примѣръ посвѣжѣе—наполеоновскаго избіенія плѣнныхъ въ Африкѣ? Генералъ Кронье взятъ въ плѣнъ. А что генералъ Робертсъ не привяжетъ ли его къ хвосту своей лошади и не помчится ли затѣмъ по полю, оглашая воздухъ побѣдными криками? Нѣтъ европейца, который не счелъ бы васъ за сумасшедшаго, если бы выразили ему такое предположеніе. Ну, такъ вотъ въ этомъ самомъ результаты усилій любви и плоды трудовъ разума. То что прежде (и какъ недалеко прежде!) считалось естественнымъ, законнымъ и въ иныхъ случаяхъ даже *нравственно-обязательнымъ*, теперь представляется намъ невозможною нелѣпостью, даже не возмутительною, а просто смѣхотворною. Нѣтъ числа подобнымъ примѣрамъ и каждый изъ этихъ примѣровъ является удостовѣреніемъ въ завоеваніяхъ разума, въ побѣдѣ любви. Пройдетъ 100—200 лѣтъ и европеецъ двадцать второго вѣка, читая исторію нашего времени, будетъ съ изумленіемъ спрашивать себя: «какъ? и ни Европа, ни Америка не вмѣшались? какъ? передъ вопіющимъ насиліемъ они остались только зрителями? Ну, мы безъ дальнихъ разговоровъ прикрутили бы теперь насильнику руки къ лопаткамъ».

Конечно, это сознаніе нравственнаго (и всякаго другого) превосходства своего времени надъ нашимъ не помѣшаетъ тому же европейцу остановить свое вниманіе на какомъ-нибудь фактѣ и съ пылкимъ негодованіемъ, совершенно на нашъ манеръ, воскликнуть:—гдѣ же любовь? гдѣ плоды разума?

Такъ то идутъ дѣла на свѣтѣ, такимъ то вотъ образомъ совершается поступательное шествіе нравственной истины, приближеніе людей къ нравственному идеалу. Вы досадуете и негодуете? Какъ трудно, какъ убійственно медленно подвигается впередъ человѣчество! Досадуйте и негодуйте больше, мечите громы сатиры, разливайтесь въ слезахъ лирическаго вдохновенія—все это прекрасно, нужно, полезно. Но не стройте своего міроразумѣнія ни на лиризмѣ, ни на данныхъ сатиры. Въ минуту сомнѣнія или отчаянія за конечную побѣду любви и разума обратитесь къ исторіи: въ ней утѣшеніе. Она во-очію покажетъ вамъ, что прогрессъ человѣчества не иллюзія, а фактъ, который можно и взвѣсить, и смѣрить, и разсчитать. Историческое существованіе наше не имѣетъ даже полнаго десятка тысячъ. А сколько жить человѣчеству? Никакихъ случайныхъ катастрофъ для него не предвидится, а къ тому трудно-вообразимому времени, когда источникъ нашей жизни—солнце утратитъ свою тепловую и свѣтовую энергію, было бы ужъ слишкомъ преждевременно готовиться. Очень задолго до того времени мы раскуемъ свои мечи на орала и если волкъ не ляжетъ рядомъ съ овцой и тигръ не подойдетъ къ человѣку, ища ласки, то потому лишь, что и хищники, и паразиты давнымъ давно будутъ истреблены начисто. «Ахъ бѣдный тигрушка! Сколь жестокосердъ человѣкъ, уничтожающій живыхъ тварей, которыя вѣдь не меньше его жить хотятъ и не меньше его, разъ онѣ созданы, имѣютъ право на существованіе!» Вотъ и такихъ плакальщиковъ—непротивленцевъ *тогда* не будетъ. Всѣ будутъ понимать тогда, что «борьба за существованіе» была только частнымъ и временнымъ эпизодомъ великой борьбы за идеалъ. «Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь». (Отъ Матѳея гл. 7). Это сказалъ Христосъ, но эти слова повторилъ и Дарвинъ. Это законъ природы, но это же и законъ высшей морали. Борьба добра со зломъ — вотъ наша цѣль; цивилизація и культура, во всѣхъ ихъ выраженіяхъ и формахъ,—вотъ наши орудія борьбы. Мы добыли эти орудія страшными усиліями своей воли и разума — вотъ нашъ успѣхъ и наша заслуга, отъ которыхъ мы не откажемся ради прекрасныхъ глазъ, прекрасныхъ словъ платонической морали. Толстого всѣ слушаютъ, но кто его слушается? Приспѣшниковъ и оруженосцевъ у него множество, но гдѣ его послѣдователи? Единственнымъ послѣдователемъ Толстого является въ современной литературѣ г. Меньшиковъ и посмотрите въ какомъ затруднительномъ положеніи находится этотъ бѣдный молодой человѣкъ: не обладая ни талантомъ, ни прямолинейностью своего учителя, онъ извивается и коробится, какъ береста на огнѣ, чтобы скрыть прорѣхи и прорухи своей логики. Толстому, какъ крупному художнику, это иногда удается, потому что въ его распоряже-

нія образы, любуясь красотою которыхъ можно забыть на время о настоящей сути дѣла. А у г. Меньшикова въ рукахъ только дешевыя метафоры и уподобленія. Культурные люди, всѣмъ обязанные культурѣ, они съ неодинаковымъ упорствомъ твердятъ намъ: ничего не стоитъ ваша культура и нѣтъ въ васъ ничего кромѣ лжи и насилія и пребудете вы въ сквернѣ до тѣхъ поръ, пока не покаетесь, не отречетесь отъ дѣлъ своихъ. Нѣтъ, суровые порицатели наши, не отречемся мы отъ своей святыни, а вы оставайтесь въ одиночествѣ.

II.

Но страшный размахъ руки падалъ волшебно-безсильно... Такъ выразился Толстой о Наполеонѣ въ сраженіи при Бородино и то же самое можно сказать о самомъ Толстомъ въ его сраженіи съ нами, съ культурнымъ обществомъ, въ его романѣ «Воскресеніе». Не «Воскресеніе» а «Погребеніе» слѣдовало бы озаглавить этотъ романъ. Толстой уложилъ насъ въ гробъ, заколотилъ крышку, опустилъ въ могилу и крѣпко вколотилъ въ могилу осиновый колъ.

Толстой начинаетъ съ того, что беретъ быка прямо за рога. Въ недлинномъ ряду свѣтлыхъ явленій нашей современной жизни, тѣхъ явленій, въ симпатіи и уваженіи къ которымъ сходятся всѣ просвѣщенные люди, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ, разумѣется, гласный судъ и въ особенности судъ съ присяжными засѣдателями, какъ представителями общественной совѣсти. «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ»—этотъ прекрасный завѣтъ преподанъ былъ не напрасно. Онъ исполняется въ предѣлахъ возможности, той возможности, которая опредѣляется среднимъ уровнемъ развитія общества. Нашъ русскій судъ, безспорно, стоитъ въ общемъ даже выше этого уровня, и отсюда его благотворное воспитательное значеніе, которое именно и раздражаетъ больше всего противниковъ гласнаго суда, какъ противниковъ гласности вообще. Все это истины, которыя можно назвать *газетными*, до такой степени онѣ распространены и общеизвѣстны. Именно потому Толстой и начинаетъ свой романъ съ сатирическаго изображенія суда, которымъ мы гордимся и который подъ перомъ «великаго писателя земли русской» является... затрудняюсь сказать *чѣмъ*: не то какой-то неумной комедіей, не то какимъ-то организованнымъ обманомъ и самообманомъ, не то какимъ-то спортомъ, за который, не въ примѣръ другимъ видамъ спорта, награждаютъ спортсменовъ жалованьемъ и чинами. Какая тутъ «правда», какая тутъ «милость»—вы только посмотрите какіе ничтожные людишки всѣ эти златомундирные судьи и прокуроры и эти адвокаты-фрачники, съ серебряными значками на груди, для отличія отъ простыхъ смертныхъ. Вотъ точка зрѣнія Толстого. Онъ не либералъ и не обскурантъ, онъ исключительно индивидуалистъ-моралистъ и онъ поэтому нападаетъ не на *организацію* суда, какъ государственнаго учрежденія, а на *дѣятелей* суда, какъ на слабыхъ, несовершенныхъ *людей*. Вотъ, напр., предсѣдатель суда.

«Онъ былъ женатъ, но велъ очень распущенную жизнь, такъ же, какъ и его жена. Они не мѣшали другъ другу. Нынче утромъ онъ получилъ записку отъ швейцарки-гувернантки, жившей у нихъ въ домѣ лѣтомъ и теперь проѣзжавшей съ юга въ Петербургъ, что она будетъ въ городѣ между тремя и шестью часами ждать его въ гостиницѣ «Италія». И потому ему хотѣлось начать и кончить раньше засѣданіе нынѣшняго дня, съ тѣмъ, чтобы до шести успѣть посѣтить эту рыженькую Клару Васильевну, съ которой у него прошлымъ лѣтомъ на дачѣ завязался романъ» (стр. 32). Вотъ они каковы, эти судейскіе господа! Съ засѣданія на любовное свиданіе торопится! А еще предсѣдатель! Какой же ужъ это судъ, если самъ предсѣдатель его ведетъ *распущенную жизнь*? Совершенно ясно, что именно эту мысль внушаетъ Толстой читателю. Но позвольте, какое намъ, обществу, дѣло до личной жизни судебнаго дѣятеля? Намъ нужны его юридическія знанія, его умъ, его опытъ, его тактъ, его безпристрастіе, а куда онъ поѣдетъ послѣ засѣданія, къ законной женѣ или къ беззаконной гувернанткѣ, намъ все равно. «А седьмая заповѣдь»? Не намъ судить, графъ. Какъ члены гражданскаго общества, мы можемъ и должны слѣдить за неприкосновенностью своего и чужого права, но гдѣ нѣтъ правонарушенія, а есть только проступокъ противъ морали, грѣхъ передъ собственною совѣстью, тамъ судьей можетъ быть только Тотъ, кто преподалъ намъ заповѣди. Членъ суда... членъ суда человѣкъ то же обыкновенный, со слабостями, а *стало быть* сарказмовъ строгаго романиста - моралиста ему тоже не избѣжать. «Членъ этотъ, очень аккуратный человѣкъ, нынче утромъ имѣлъ непріятное столкновеніе съ женой за то, что жена израсходовала раньше срока данныя ей на мѣсяцъ деньги. Она просила дать ей впередъ, но онъ сказалъ, что не отступитъ отъ своего. Вышла сцена. Жена сказала, что если такъ, то и обѣда не будетъ, чтобъ онъ и не ждалъ обѣда дома» (стр. 34). Хорошъ баринъ! И послѣ такихъ дрязгъ садится въ судейское кресло и принимаетъ торжественно - безстрастный видъ. Самъ только что—у-у!—съ женой разбранился, а берется другихъ судить. Вотъ такъ судья, вотъ такъ судъ! Что сказать тутъ? Всѣми высокочтимый и мной не меньше другихъ Левъ Николаевичъ! Жена женой, а дѣло дѣломъ. Семья—сама по себѣ, а судебное разбирательство—само по себѣ. Съ женой можно не только побраниться, а хоть поцарапаться и вслѣдъ за тѣмъ, успокоившись, приняться за свое дѣло и очень недурно исполнить его. Это въ жизни случается безпрестанно, ежедневно, съ милліонами людей и, главнымъ образомъ, съ тѣми, кого вы намъ ставили и ставите (въ этомъ же романѣ) въ примѣръ,—съ простонародьемъ. Вѣдь послѣ *такихъ* сатирическихъ изобличеній остается отъ васъ ожидать упрековъ судьямъ за то, что у нихъ желудокъ не въ порядкѣ. Читатель улыбнется и я знаю чему. Онъ прочелъ «Воскресеніе» не одинъ разъ и помнитъ, что другому члену суда Толстой дѣйствительно вмѣняетъ въ вину неисправность его желудка. «Членъ этотъ страдалъ катаромъ желудка и съ нынѣшняго утра началъ, по совѣту доктора, новый режимъ, и этотъ новый режимъ задержалъ его нынче дома

еще дольше обыкновеннаго. Теперь, когда онъ входилъ на возвышеніе, онъ имѣлъ сосредоточенный видъ потому, что у него была привычка загадывать всѣми возможными средствами на вопросы, которые онъ задавалъ себѣ. Теперь онъ загадалъ, что если число шаговъ до кресла отъ двери кабинета будетъ дѣлиться на три безъ остатка, то новый режимъ вылѣчитъ его отъ катара, если же не будетъ дѣлиться—то нѣтъ. Шаговъ было 26, но онъ сдѣлалъ маленькій шажокъ и ровно на 27-мъ подошелъ къ креслу» (стр. 40). Какой жалкій и какой мелкій человѣкъ! Ему сейчасъ предстоитъ человѣческую участь рѣшать, а онъ о своемъ желудкѣ гадаетъ! Прокуроръ и секретарь суда совершенно подъ стать судьямъ: прокуроръ передъ засѣданіемъ «не спалъ всю ночь. Они провожали товарища, много пили и играли до 2 часовъ, такъ что именно дѣло объ отравленіи онъ не успѣлъ прочесть и теперь хотѣлъ пробѣжать его. Секретарь же нарочно, зная, что онъ не читалъ дѣла объ отравленіи, посовѣтовалъ предсѣдателю пустить его первымъ. Секретарь былъ либеральнаго, даже радикальнаго образа мыслей человѣкъ. Бреве же (прокуроръ) былъ консервативенъ; секретарь не любилъ его и завидовалъ его мѣсту» (стр. 36). Когда романъ Толстого только еще началъ печататься, кто-то изъ спеціалистовъ указывалъ на то, что Толстой незнакомъ съ порядкомъ судебнаго дѣлопроизводства, что никакихъ такихъ совѣтовъ секретарь предсѣдателю давать не можетъ, что очередь разбирательства дѣлъ устанавливается и объявляется заблаговременно и т. п. Намъ это все равно. Напуталъ или не напуталъ Толстой, для насъ важно только его очевидное стремленіе подчеркнуть человѣческіе недостатки и слабости судей, хотя бы даже ихъ физическіе недостатки. Впрочемъ, вотъ «судебный приставъ былъ честный человѣкъ, университетскаго образованія». Ну, слава Богу, хоть одинъ нашелся. Погодите радоваться: «но онъ не могъ нигдѣ удержаться на мѣстѣ, потому что пилъ запоемъ» (стр. 37). Часъ отъ часу не легче! Чѣмъ лучше эти судьи, какъ люди, Кати Масловой, которую они серьезно, при торжественной обстановкѣ, собрались судить? Какъ поворачивается у нихъ языкъ на осужденіе, какъ поднимается у нихъ рука на наказаніе? Вотъ главная мысль Толстого. Отсюда его отвращеніе ко всякому человѣческому суду, отрицаніе его необходимости. Однако, неужели не ясно, что судьи собираются не затѣмъ, чтобы мѣряться съ подсудимымъ нравственными достоинствами, а только затѣмъ, чтобы рѣшить вопросъ, совершено или не совершено въ данномъ случаѣ правонарушеніе, и если совершено, то подлежитъ ли оно вмѣненію? Пусть подсудимый будетъ уменъ какъ Сократъ, ученъ какъ Аристотель, краснорѣчивъ какъ Периклъ, честенъ какъ Аристидъ, все-таки его будутъ судить за содѣянное имъ преступленіе люди средняго калибра и съ полнымъ правомъ, потому что ни умъ, ни ученость, ни талантливость и ни честность его будутъ судить судьи, а будутъ рѣшать вопросъ о такомъ-то, строго опредѣленномъ и квалифицированномъ *фактѣ*. Для рѣшенія вопроса о фактѣ нуженъ юридическій разумъ и этому условію удовлетворяютъ судьи, которыхъ вѣдь набираютъ не съ борку же да съ сосенки. Для рѣшенія во-

проса о вмѣненіи—нужна чуткая человѣческая совѣсть, во всей ея непосредственной отзывчивости, и этому условію удовлетворяютъ наши представители на судѣ—присяжные засѣдатели. Нельзя и придумать въ настоящее время болѣе совершенной организаціи суда, болѣе полнаго обезпеченія для личности ея законныхъ правъ. Та организація именно и хороша, которая правильно дѣйствуетъ въ рукахъ обыкновенныхъ, среднихъ людей. Соломоновъ на полуторастамилліонное государство не напасешься и нельзя, да и надобности нѣтъ, требовать отъ судьи, чтобъ онъ непремѣнно былъ «стопудовой добродѣтелью», по удачному выраженію купца г. Горькаго. Именно этого и не хочетъ знать, именно съ этимъ и не можетъ согласиться Толстой. Нѣтъ, говоритъ онъ намъ своимъ романомъ, ужъ коли ты судья и берешься судить другихъ, то «держи себя въ аккуратѣ», а именно: съ женой не ссорься, съ гувернантками не амурничай, вина не пей, табаку не кури, въ карты не играй, мяса не ѣшь, не лѣнись, не интригуй, не завидуй и пр. и пр. Очень все это нужно подсудимому, подумаешь! А кстати: исторія сообщаетъ намъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о нѣкоторомъ судилищѣ и нѣкоторыхъ судьяхъ, вполнѣ удовлетворявшихъ требованіямъ Толстого: это были богобоязненные аскеты, смиренномудрые, елейные, съ опущенными долу или съ возведенными горѣ очами. И вотъ, ради вящшей славы Божіей (ad majorem dei gloriam), эти кроткіе агнцы залили кровью почву родной страны, отравили ея воздухъ запахомъ горѣлаго человѣческаго мяса. Славные были судьи!

Не всѣ однако стрѣлы, пущенныя Толстымъ въ нашъ судъ, оказываются бумажными, игрушечными стрѣлами, есть между ними одна, не только оперенная и заостренная, но и отравленная. Попади эта стрѣла въ цѣль и мы, граждане русскаго государства, почувствовали бы себя очень жутко. Дѣло вотъ въ чемъ. Передъ засѣданіемъ суда, какой-то господинъ изъ публики съ оживленіемъ о чемъ-то разсказывалъ и Нехлюдовъ подошелъ его послушать. «Господинъ этотъ говорилъ о процессѣ, который шелъ теперь въ гражданскомъ отдѣленіи, какъ о хорошо знакомомъ ему дѣлѣ, называя судей и знаменитыхъ адвокатовъ по имени и отчеству. Онъ разсказывалъ про тотъ удивительный оборотъ, который умѣлъ дать дѣлу знаменитый адвокатъ и по которому одна изъ сторонъ, старая барыня, несмотря на то, что она была совершенно права, должна будетъ ни за что заплатить большія деньги противной сторонѣ.

«Геніальный адвокатъ! — говорилъ онъ.

«Его слушали съ уваженіемъ» (стр. 32).

На слѣдующихъ страницахъ этотъ эпизодъ обрисовывается еще ярче, въ лицахъ. «Въ сдѣланный перерывъ изъ залы вышла та самая старушка, у которой геніальный адвокатъ сумѣлъ отнять ея имущество въ пользу дѣльца, не имѣвшаго на это имущество никакого права; это знали и судьи, а тѣмъ болѣе истецъ и его адвокатъ; но придуманный ими ходъ былъ такой, что нельзя было не отнять имущества у старушки и не отдать его

дѣльцу». Немножко подальше, «изъ двери залы гражданскаго отдѣленія, сіяя пластрономъ широко раскрытаго жилета и самодовольнымъ лицомъ, быстро вышелъ тотъ самый знаменитый адвокатъ, который сдѣлалъ такъ, что старушка осталась не причемъ, а дѣлецъ, давшій ему 10 тысячъ рублей, получилъ больше 100 тысячъ. Всѣ глаза обратились на адвоката, и онъ чувствовалъ это и всей наружностью своей какъ бы говорилъ: «не нужно никакихъ выраженій преданности»—и быстро прошелъ мимо всѣхъ» (стр. 36—37).

Старушка, обращаясь къ своему адвокату, восклицаетъ: «Что-жъ это будетъ? Сдѣлайте милость! Что-жъ это?» А что воскликнемъ мы съ вами, читатель? Вѣдь дѣло старушки совсѣмъ не чужое для насъ дѣло. Вѣдь есть же и у насъ съ вами какая-нибудь собственность,—ну, хоть тѣ сюртуки, которые на насъ надѣты,—такъ неужели же возможенъ такой юридическій «геніальный ходъ», въ силу котораго придетъ «дѣлецъ» и на глазахъ суда и прокуратуры сниметъ съ насъ сюртуки, наши *собственные* сюртуки? Что-то какъ будто не такъ... Я не юристъ, никакихъ «правъ» не изучалъ, но, мнѣ кажется, достаточно здраваго смысла, чтобы понимать элементарное право собственности, умѣть различать свое отъ чужого. Такъ судьямъ ли, юристамъ-спеціалистамъ, не понять этого? «Позвольте, однакожъ, бываютъ случаи...» А, перебиваю я, вотъ то-то и есть, что *бываютъ случаи*. Бываютъ случаи, когда право собственности, представлявшееся собственнику совершенно яснымъ, оказывается спорнымъ, сомнительнымъ, каждый изъ такихъ особыхъ случаевъ имѣетъ свою оригинальную окраску, и вотъ эту-то окраску, эти *обстоятельства дѣла* и необходимо выяснить прежде всего. Судьи, будто бы обидѣвшіе милую старушку въ пользу несимпатичнаго «дѣльца», разумѣется, вполнѣ ознакомились съ этими обстоятельствами, но Толстой не удостоиваетъ посвятить въ нихъ своихъ читателей. Онъ говоритъ только, что «судьи знали», что дѣлецъ не имѣлъ на имущество старушки «никакого права»,—знали и все-таки отдали ему спорное имущество. Да почему же, почему? Слѣпота ли на нихъ напала какая-нибудь, или они были подкуплены, или загипнотизировалъ ихъ «геніальный адвокатъ»? Не разъ и не два бывалъ я въ нашемъ судѣ въ качествѣ зрителя и слушателя и, вспоминая то впечатлѣніе, которое я постоянно выносилъ изъ суда,—впечатлѣніе *разумной дѣловитости* (лучше характеризовать не умѣю), не могу теперь безъ улыбки подумать о гипотезѣ какого-то волшебнаго воздѣйствія на судей со стороны адвоката, даже «геніальнаго». Они сами съ усами, эти судьи. Ни на одну минуту не могу допустить и мысли о подкупѣ. Объясненіе тутъ одно: Толстой подразумѣваетъ *нравственное* право старушки на спорное имущество, а процессъ былъ рѣшенъ на основаніи закона. Въ гражданскихъ процессахъ такія коллизіи двухъ разнородныхъ «правъ» (нравственнаго и юридическаго) весьма нерѣдки, присяжныхъ засѣдателей въ гражданскомъ отдѣленіи суда не бываетъ, и что же дѣлать судьямъ, какъ не держаться строго почвы закона, даже буквы закона? Въ своемъ извѣстномъ «Дневникѣ» Никитенко, пом-

нится, разсказываетъ, что одинъ его знакомый оставилъ ему по духовному завѣщанію три тысячи руб., о чемъ и сообщилъ ему. Знакомый умеръ, завѣщаніе было вскрыто, оказалось оно составленнымъ правильно и пунктъ о Никитенкѣ былъ налицо, но... не оказалось подписей свидѣтелей. Что сдѣлалъ бы судъ, если бы безупречный Никитенко явился и крѣпкимъ честнымъ словомъ засвидѣтельствовалъ, что содержаніе духовной вполнѣ соотвѣтствуетъ волѣ покойнаго? Для внутренняго убѣжденія судей слова Никитенка было бы вполнѣ достаточно, но завѣщанія они всетаки не утвердили бы, не имѣли бы права утвердить. Не нужно быть юристомъ, чтобы понимать такія простыя вещи, но Толстой, конечно, и въ этомъ случаѣ воскликнулъ бы: вотъ они каковы, эти судейскіе лицемѣры! Поступаютъ противъ собственнаго внутренняго убѣжденія!

Читатель замѣтилъ, конечно, что я ничего не говорю о психологической сторонѣ романа, сосредоточивъ все вниманіе на его общественныхъ тенденціяхъ. Кто же воскресъ въ «Воскресеніи»? Что за люди Нехлюдовъ и Катя Маслова и въ чемъ выразилось ихъ нравственное обновленіе, если подъ *воскресшими* именно ихъ подразумѣвать? Но дѣло въ томъ, что никакой психологіи въ романѣ нѣтъ, да нѣтъ и никакого вообще романа, а есть страстный соціально-моральный памфлетъ, направленный противъ нашихъ культурно-общественныхъ идеаловъ и стремленій. Нехлюдовъ и Маслова отнюдь не характеры, не типы,—это не болѣе какъ маріонетки, изготовленныя авторомъ для произнесенія нужныхъ *ему* словъ, для совершенія нужныхъ *ему* поступковъ. Конечно, и теперешній Толстой есть всетаки Толстой, тотъ самый, который когда-то написалъ «Дѣтство и отрочество» и «Войну и миръ». Прежняя несравненная глубина психологическаго анализа и прежняя мощь пластическаго изображенія по временамъ вспыхиваютъ искрами у Толстого и теперь, но всетаки не тутъ главная забота Толстого, не тутъ лежитъ центръ тяжести «Воскресенія». А, ну ихъ, и этого великосвѣтскаго шатуна Нехлюдова, и эту потерянную женщину Маслову, съ ихъ паденіями, возстаніями, воскресеніями и пр. Возродятся ли они, нѣтъ ли, это не важно, а важно то, что культурное общество идетъ по ложному пути, въ недалекомъ концѣ котораго—бездна бездонная. Сѣрый народъ пока еще здоровъ, но вѣдь и народъ плетется за образованнымъ обществомъ, слушается его, подражаетъ ему. О, тяжкое горе, о, бѣда великая, неминучая! *Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся* и быть можетъ образумятся люди, проникновенно взглянутъ на свое внутреннее *я,* очистятся отъ всякія скверны и приготовятъ свои души для вѣчнаго воскресенія.

Вотъ что такое послѣднее литературное произведеніе Толстого. Какой же это *романъ?* Это негодующее изобличеніе, это субъективнѣйшее лирическое стихотвореніе въ прозѣ, это взволнованная и карающая рѣчь сураго пророка, но это отнюдь не мирное, спокойное, свѣтлое художественное произведеніе. Конечно, мы отъ того не въ убыткѣ и очень благодарны Толстому за его патетическое произведеніе. Но въ видѣ послѣдняго слова

мы скажемъ ему опять евангельскимъ текстомъ: «Не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ» (отъ Іоанна, гл. 7, ст. 24). А читателямъ я скажу: послѣ выдержанной нами головомойки, пойдемте къ своимъ обычнымъ дѣламъ: вы — въ школу, учить дѣтей грамотѣ, я — за письменный столъ писать новую статью, вы, судья, въ судъ, судить провинившихся. Все остается по старому, такъ, какъ бы и не было намъ никакой головомойки, за которую, однако, мы всетаки благодарны нашему Исаіи, потому что она освѣжила насъ, заставила насъ встрепенуться. Во всякомъ случаѣ, русская литература можетъ гордиться тѣмъ, что изъ всѣхъ міровыхъ литературъ именно на ея долю выпала честь имѣть въ своихъ нѣдрахъ пророка, къ голосу котораго прислушиваются всѣ цивилизованные люди.

М. Протопоповъ.

Сенъ-Симонъ и начатки французскаго позитивизма.

I.

Судьба Сенъ-Симона, какъ личности и какъ философа, одно изъ самыхъ своеобразныхъ явленій въ исторіи европейской мысли. Дѣятельность писателя хронологически принадлежитъ первой четверти XIX вѣка, протекла она въ Парижѣ, въ центрѣ современной публичности, самъ мыслитель отнюдь не принадлежалъ къ числу идеологовъ-отшельниковъ, работающихъ въ ревниво оберегаемомъ уединеніи исключительно для собственнаго удовлетворенія,—напротивъ, Сенъ-Симонъ съ величайшей энергіей старался обратить на себя вниманіе представителей науки и политики, наконецъ, онъ пользовался сотрудничествомъ молодыхъ людей, занявшихъ впослѣдствіи первыя мѣста въ новой наукѣ и философіи. И всѣ эти обстоятельства не только не послужили къ всестороннему и точному выясненію характера Сенъ-Симона и значенія его идей, но именно нѣкоторыя преимущества его положенія способствовали затемненію и усложненію личнаго и идейнаго вопроса. Уже сама нравственная природа философа представляла обильный источникъ недоразумѣній и загадокъ,—личныя отношенія Сенъ-Симона внесли въ эту смуту рядъ едва разрѣшимыхъ данныхъ, и въ результатѣ писатель XIX вѣка является до сихъ поръ болѣе таинственною и двусмысленною фигурой, чѣмъ какой-нибудь дѣятель наиболѣе отдаленной эпохи нашей цивилизаціи. Только развѣ другой Сенъ-Симонъ, по мнѣнію одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса, можетъ нарисовать во всей истинѣ и неприкрашенной натурѣ «странный типъ» нашего философа [1]).

Самъ Сенъ-Симонъ предвосхитилъ это желаніе: онъ не одинъ разъ принимался говорить о себѣ, и его сообщенія, разумѣется, должны быть оцѣнены впереди всѣхъ другихъ, какъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для рѣшенія трудной задачи.

Сенъ-Симонъ оставилъ нѣсколько отрывковъ автобіографическаго содержанія и довольно много писемъ—ярко субъективнаго характера. Онъ уже въ первые годы своей дѣятельности ясно понималъ свое обязательство предъ современниками и потомствомъ—предоставить имъ руководящую нить въ своей исключительной психологіи и въ менѣе всего заурядной жизни.

---

[1]) Paul Janet. *Saint-Simon et le Saint-Simonisme.*

Первый отрывокъ относится ко второй половинѣ 1808 г. Сенъ-Симонъ успѣлъ пережить самые многообразные житейскіе опыты, совершенно обѣднѣть, пройти чрезъ должность писца съ тысячефранковымъ окладомъ въ годъ за девяти часовую ежедневную работу и, что важнѣе всего, потерпѣть полную неудачу у современныхъ ученыхъ со своими научными произведеніями. Сенъ-Симона пріютилъ его бывшій слуга, разбогатѣвшій на службѣ у него, и далъ ему средства на печатаніе его новыхъ трудовъ. При такомъ положеніи дѣлъ Сенъ-Симонъ рѣшается познакомить ученую публику со своею личностью и біографіей и разсказываетъ свою жизнь въ предисловіи къ *письмамъ*, направляемымъ въ ученое учрежденіе—*Lettres au Bureau des Longitudes*.

Разсказу предпослано краткое замѣчаніе,—оно можетъ объяснить намъ побудительныя причины автобіографа. «Такъ какъ,—заявляетъ Сенъ-Симонъ, много людей берутся судить о личностяхъ живыхъ писателей раньше изслѣдованія ихъ идей, я счелъ нужнымъ помѣстить сокращенную исторію своей жизни во главѣ моего труда».

Дальше слѣдуетъ *Исторія моей жизни*. Существуетъ двѣ редакціи,—и вообще у насъ нѣтъ ни одного автобіографическаго отрывка въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона одного точно установленнаго содержанія,—причемъ разногласія касаются самыхъ существенныхъ данныхъ. Въ первомъ отрывкѣ Сенъ-Симонъ разсказываетъ факты за тридцать два года своей жизни,—съ октября 1776 года, когда онъ вступилъ въ военную службу, до іюня 1808 года, когда онъ послалъ въ Бюро долготъ свое сочиненіе *Введеніе къ ученымъ работамъ XIX вѣка*.

Одна редакція отрывка появилась въ печати въ 1832 г. и ея сообщенія подробнѣе. Здѣсь Сенъ-Симонъ обстоятельно объясняетъ, почему онъ во время революціи не принималъ участія въ политической дѣятельности партій, основательно мотивируетъ свое рѣшеніе—тридцати семи лѣтъ начать вновь свое образованіе, вести его въ высшей степени оригинальнымъ путемъ, изучать не только науки, но и самихъ ученыхъ,—именно вліяніе научныхъ занятій на страсти людей, на ихъ умъ и на весь ихъ нравственный складъ. Въ той же редакціи опредѣляется и цѣль всѣхъ подготовительныхъ работъ весьма важнымъ для насъ терминомъ: «Я,—говоритъ Сенъ-Симонъ,—задумалъ проектъ проложить новый путь человѣческому разуму,—путь *физико-политическій*». Наконецъ, издатель отрывка помѣстилъ въ него весьма важную выдержку изъ *другого* документа,—изъ письма Сенъ-Симона не въ бюро долготъ, а къ сенатору Буасси д'Англа. Письмо написано 2 ноября 1807 г. и сообщаетъ, что первоначальнымъ образованіемъ Сенъ-Симона «руководилъ» Даламберъ, и оцѣниваетъ значеніе этого факта [2]).

Второй автобіографическій отрывокъ, именующійся такъ въ раннемъ

---

[2]) *Oeuvres de Saint-Simon*, publiées en 1832, par Olinde Rodrigues. Paris, 1841. *Vie de Saint-Simon écrite par lui meme*. Premier fragment. Болѣе краткій варіантъ въ изданіи *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin*, XV, p. 1868, 64 etc. О письмѣ къ Буасси д'Англа, p. 61—69.

изданіи сочиненій Сенъ-Симона, въ позднѣйшемъ является «второй частью» посланія въ бюро долготъ. Здѣсь нарочито рѣшается одинъ вопросъ—о денежномъ положеніи Сенъ-Симона, разсказывается чисто-фактическая исторія финансовыхъ операцій философа при революціи и его обѣднѣнія. Разсказъ заканчивается сообщеніемъ, что Сенъ-Симонъ послѣ службы писцомъ въ ссудной казнѣ живетъ на иждивеніи у своего бывшаго слуги Діара. Въ позднѣйшемъ изданіи сочиненій Сенъ-Симона исторія сопровождается выраженіемъ сильнаго чувства противъ бывшаго компаньона Сенъ-Симона по операціямъ—прусскаго графа Редерна: «Какой стыдъ для графа Редерна!»... Этого восклицанія нѣтъ въ ранней редакціи, нѣтъ также и *примѣчанія*, сообщающаго о двухъ «наглыхъ письмахъ» Редерна въ отвѣтъ на справедливыя жалобы Сенъ-Симона [3]).

Мы видимъ, какъ произвольно обращались издатели автобіографіи Сенъ-Симона съ ея текстомъ. У насъ нѣтъ возможности точно опредѣлить слово за словомъ заявленія Сенъ-Симона о себѣ и о своей жизни, какія онъ призналъ необходимымъ изложить ученому учрежденію. Издатели считали себя вправѣ составлять *отрывки* по собственному усмотрѣнію, сокращая ихъ содержаніе по личному вкусу и дополняя его изъ постороннихъ рукописей автора. А между тѣмъ, именно при крайне своеобразной и въ общемъ дѣйствительно «странной» психологіи Сенъ-Симона, для насъ существенно знать съ подлинной точностью, когда, что, въ какой формѣ и съ какой цѣлью онъ чувствовалъ потребность сообщить о себѣ публикѣ.

Необходимость такихъ данныхъ является особенно настоятельной при знакомствѣ съ «третьимъ отрывкомъ».

На слѣдующій годъ послѣ сообщеній бюро долготъ Сенъ-Симонъ рѣшилъ написать автобіографію, въ нѣкоторыхъ частяхъ, болѣе подробную, именно касательно своей литературной дѣятельности и болѣе откровенную относительно своей личности. Надо полагать,—именно послѣдній вопросъ являлся главнымъ побудительнымъ поводомъ для Сенъ-Симона снова приняться за свое жизнеописаніе. Предъ нами на этотъ разъ *три* редакціи разсказа и съ еще болѣе существенными варіантами. Различно указывается даже годъ возникновенія отрывка: въ раннемъ изданіи сочиненій Сенъ-Симона—1800 г., въ позднѣйшемъ въ двухъ мѣстахъ двѣ различныхъ даты—1810 и 1809 гг. Въ редакціи подъ 1809 г. послѣ изложенія извѣстныхъ намъ фактовъ до посылки *Писемъ въ Бюро долготъ* Сенъ-Симонъ продолжаетъ разсказъ признаніемъ: онъ «дурно началъ изложеніе своихъ идей», онъ «на опытѣ убѣдился, что еще не былъ достаточно зрѣлъ для того, чтобы составить и проредактировать задуманную работу», т.-е. *Введеніе въ научные труды XIX вѣка*, и рѣшился прибѣгнуть къ формѣ *Писемъ* [4]).

Этого объясненія нѣтъ въ двухъ другихъ редакціяхъ отрывка. Онѣ начинаются одинаково—личною исповѣдью, вскрывающей намъ авторскія

---

[3]) Olindes Rodrigues, XXVI, *Oeuvres de S.S. et d'Enf.* p. 71—74.

[4]) *Oeuvres de S.S. et d'Enf.* XV, 78.

цѣли предпринятой работы и характеризующей вообще положеніе вопроса о личности и жизни Сенъ-Симона.

«Въ обществѣ,—говоритъ онъ,—существуетъ и должно существовать у читателя извѣстное предубѣжденіе противъ меня, потому что предпріятіе, мной задуманное, уже четвертое по счету,—и первыя три не пришли къ благополучному концу».

Сенъ-Симонъ не выражается опредѣленно, какія три его предпріятія потерпѣли неудачу. Мы ихъ увидимъ изъ его біографіи.

«Однимъ словомъ,—продолжаетъ Сенъ-Симонъ,—моя жизнь представляетъ рядъ паденій и всетаки моя жизнь не можетъ быть признана неудачной, потому что я не только не спускался ниже, но напротивъ, постоянно подымался выше, т.-е. ни одно изъ моихъ паденій не ставило меня ниже того положенія, въ какомъ я находился раньше. Предпріятія, мной начатыя и не доведенныя до конца, должны считаться опытами для меня необходимыми. На нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на подготовительныя работы, наполнившія дѣятельную половину моей жизни.

«На поприщѣ открытій я встрѣтилъ борьбу прилива и отлива. Я часто спускался внизъ, но моя подъемная сила всегда одерживала верхъ надъ враждебною ей силой. Доживъ почти до пятидесяти лѣтъ, я нахожусь у той грани, когда люди уходятъ на покой, а я только еще начинаю свой путь. Однимъ словомъ, послѣ длинной и тягостной дороги, я достигъ точки своего отправленія.

«Итакъ, я говорю, что публика не должна своего приговора надъ моимъ поведеніемъ считать окончательнымъ, и я взываю къ ея справедливости и требую пересмотра».

Вслѣдъ за этимъ вступленіемъ, общимъ для всѣхъ трехъ редакцій, слѣдуютъ оправдательные пункты Сенъ-Симона, излагаемые въ разныхъ текстахъ различно. Раннее изданіе сочиненій, сдѣланное однимъ изъ ближайшихъ учениковъ философа, и обладателемъ его рукописей, даетъ текстъ сокращенный сравнительно съ одной изъ позднѣйшихъ редакцій, но въ то же время содержитъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ признаній, не имѣющихся въ наиболѣе пространной редакціи. Можно предположить,—въ основѣ всѣхъ редакцій лежатъ двѣ рукописи; одной пользовался первый издатель сочиненій Сенъ-Симона и составители *Историческихъ свѣдѣній,* предшествующихъ позднѣйшему изданію. Другая рукопись дала матеріалъ редакторамъ сочиненій Сенъ-Симона въ этомъ изданіи.

Изъ первой рукописи взята слѣдующая краснорѣчивая исповѣдь. Упомянувъ объ извѣстномъ намъ денежномъ положеніи, Сенъ-Симонъ продолжаетъ:

«Мое нравственное положеніе, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, еще тягостнѣе, чѣмъ денежное; каждый совѣтъ, какой мнѣ приходится принимать, грозитъ лишить меня мужества. И что же? И при такихъ условіяхъ, я не унываю, я оказываюсь счастливымъ. Во мнѣ живетъ чувство собственной силы и это ощущеніе самое пріятное для меня, какое только я испытывалъ въ теченіе своей жизни. Я спокойно взираю на трудности, какія мнѣ пред-

стоитъ преодолѣть, я съ улыбкой иду имъ навстрѣчу. Я убѣжденъ, что мои ошибки должны быть приписаны скорѣе несовершенству человѣческой природы, чѣмъ моей личной слабости» [5]).

Дальше Сенъ-Симонъ переходитъ къ прямому оправданію своего поведенія. Онъ исходитъ изъ убѣжденія, что писатели, разрѣшавшіе теоретически вопросъ о добрѣ и злѣ и устанавливавшіе правила для образа дѣйствій другихъ людей, сами вовсе не были «образцами мудрости и чистоты въ своей личной жизни». Другая рукопись развиваетъ эту тему съ особенными подробностями. Устанавливается законъ, что «теоретическая и практическая философіи существенно различны. Одинъ и тотъ же человѣкъ не можетъ одинаково преуспѣвать въ обѣихъ областяхъ». Въ доказательство слѣдуютъ ссылки на черты изъ жизни Лютера, Бэкона и Декарта: всѣ три геніальные мыслителя страдали слабостями [6]). Общій выводъ, имѣющійся во всѣхъ редакціяхъ: «Душа тѣмъ доступнѣе страстямъ, чѣмъ она экзальтированнѣе. Но высшая степень экзальтаціи необходима для того, чтобы рѣшать великій научный вопросъ во всемъ его объемѣ. Слѣдовательно не должно изумляться, когда философы-теоретики легче подчиняются игу страстей, чѣмъ всѣ другіе ученые».

Это одно оправданіе для неуравновѣшенной жизни изслѣдователя-философа.

Другое, какъ увидимъ, еще болѣе личное, собственно—прямое обобщеніе собственной жизни автора. Оно находится только въ одной редакціи, въ позднѣйшемъ изданіи сочиненій Сенъ-Симона. Обобщенію предшествуетъ догматическое разсужденіе философскаго характера.

Основой философіи, — говоритъ Сенъ-Симонъ, — служатъ двѣ науки— астрономія и физіологія и всякій, занимающійся *общей наукой*, долженъ изучать вселенную въ *большомъ мірѣ* и въ *маломъ мірѣ*, т.-е. собственно вселенную и человѣка. Они, по мнѣнію Сенъ-Симона, относятся другъ къ другу какъ стѣнные часы къ карманнымъ: это «двѣ аналогичныя машины, хотя и очень различныхъ размѣровъ». Но наука развивается путемъ опытовъ, слѣдовательно мы должны бы подвергнуть опыту вселенную,—этого мы не въ состояніи сдѣлать,—остается человѣкъ. И одинъ изъ важнѣйшихъ опытовъ, какіе можно продѣлать надъ человѣкомъ, заключается въ томъ, чтобы поставить человѣка въ новыя соціальныя отношенія. При этомъ «всякое новое дѣйствіе, являющееся результатомъ подобнаго опыта, можетъ быть признано хорошимъ или дурнымъ только послѣ наблюденій надъ результатами и всѣ попытки этого рода не могутъ быть счастливы. Такимъ образомъ, человѣкъ, отдающійся изысканіямъ въ области высшей философіи, можетъ и даже долженъ въ теченіе своей экспериментальной жизни, совершить много поступковъ, отмѣченныхъ печатью безумія» [7]).

---

[5]) Ol. Rodrigues, XXXI—XXXII, *Oeuvres de S.S. et d'Enf.* Notices historiques, I, 42—3.

[6]) *Oeuvres de S.S. et d'Enf.* XV, 79—80.

[7]) Разсужденіе объ основѣ философіи отсутствуетъ у Rodrigues'а и въ *Notices. Oeuvres* XV, 80—1.

Эти разсужденія приводятъ автора къ четыремъ практическимъ правиламъ: съ ними, очевидно, долженъ считаться всякій, кто вздумаетъ судить жизнь и личность самого Сенъ-Симона. Правила слѣдующія:

1) Въ цвѣтущій возрастъ вести жизнь самую оригинальную и самую дѣятельную.

2) Тщательно познакомиться со всѣми теоріями астрономическими и физіологическими.

3) Перебывать во всѣхъ слояхъ общества; лично становиться въ возможно болѣе многочисленныя и разнообразныя соціальныя положенія и даже создавать для себя и для другихъ отношенія еще не бывалыя.

4) Въ старости свести наблюденія надъ полученными выводами изъ этихъ опытовъ относительно другихъ и самого себя, и объединить эти наблюденія такимъ образомъ, чтобы получилась новая философская теорія».

Окончательный приговоръ надъ человѣкомъ, выполнившимъ эту программу, очевиденъ независимо отъ его личныхъ отдѣльныхъ дѣйствій. Подобному человѣку, заключаетъ Сенъ-Симонъ, «человѣчество должно оказывать величайшее уваженіе. Именно такого человѣка оно должно считать самымъ добродѣтельнымъ, такъ какъ именно онъ самымъ методическимъ и прямымъ путемъ работалъ ради прогресса науки, истиннаго источника мудрости».

Высказавъ столь рѣшительное обобщеніе, Сенъ-Симонъ припомнилъ опасный для своихъ идей случай—жизнь Ньютона. Это воспоминаніе приводится только въ одной редакціи отрывка и заключается въ рѣзкомъ отзывѣ о научной односторонности Ньютона. Онъ умеръ дѣвственнымъ, былъ благороденъ и бережливъ, умѣлъ выполнять всѣ свои обязанности—предъ человѣчествомъ, родиной и семьей, имѣлъ только одну страсть—къ работѣ и вообще во всѣхъ направленіяхъ являлся образцомъ умѣренности.

Сенъ-Симонъ этимъ добродѣтелямъ противопоставляетъ ограниченный умственный кругозоръ Ньютона. Великій астрономъ—онъ вовсе не занимался физіологіей и не можетъ, слѣдовательно, быть признанъ философомъ. Ньютонъ не изучалъ человѣка и своимъ пренебреженіемъ къ наукѣ объ организмахъ даже повредилъ прогрессу знанія, по его винѣ «общая наука», т.-е. философія, «почти заброшена». Декартъ въ этомъ отношеніи выше Ньютона [8]).

Сравненіе между двумя мыслителями не всегда сохраняло у Сенъ-Симона только что выраженную форму,—теперь оно видимо подсказывалось инстинктомъ самозащиты, лично-нравственными соображеніями, а не философскимъ анализомъ. И Сенъ-Симонъ непосредственно обращается къ самому себѣ и уже прямо заявляетъ: его «дѣйствія не должны быть судимы по тѣмъ самымъ принципамъ, какъ дѣйствія обыкновенныхъ людей», «его жизнь до сихъ поръ была курсомъ опытовъ — un cours d'expériences».

---

[8]) *Oeuvres.* XV, 83-4.

Никто не станетъ осуждать физіолога, если онъ занимается вивисекціей съ научными цѣлями,—только вивисекторъ съ жестокими инстинктами достоинъ порицанія. И Сенъ-Симонъ поясняетъ свою мысль вполнѣ откровеннымъ, хотя и безличнымъ разсказомъ о своей изслѣдовательской дѣятельности въ области соціальныхъ отношеній. Разсказъ довольно кратокъ, но неоцѣненъ по богатству фактическаго содержанія и по чрезвычайно краснорѣчивому идейному смыслу.

Сенъ-Симонъ пишетъ:

«Если я вижу человѣка, который не занимается общей наукой и въ то же время посѣщаетъ игорные и развратные дома, не избѣгаетъ со всевозможнымъ стараніемъ общества лицъ завѣдомо безнравственныхъ, я скажу: вотъ человѣкъ, губящій себя, привычки имъ усвоенныя унизятъ его въ собственныхъ глазахъ и слѣдовательно сдѣлаютъ его до послѣдней степени презрѣннымъ. Но если этотъ человѣкъ занимается теоретической философіей, если цѣль его изысканій—точнѣе опредѣлить предѣльную черту между дѣйствіями добрыми и злыми, если онъ ищетъ средствъ избавить человѣческій умъ отъ страданій, постигающихъ людей на невѣрныхъ путяхъ къ счастью,—я скажу: вотъ человѣкъ, идущій путемъ порока къ цѣли, которая непремѣнно приведетъ его къ высшей добродѣтели».

И именно самъ авторъ является такимъ путникомъ. По его словамъ, онъ стремился съ возможной точностью изучить нравы и воззрѣнія различныхъ классовъ общества, при всякомъ случаѣ вступалъ въ сношенія съ людьми разнообразныхъ характеровъ и нравственности. Эти изысканія сильно повредили ему въ общественномъ мнѣніи,—но Сенъ-Симонъ не сожалѣетъ объ этомъ. «Мое уваженіе къ себѣ,—говоритъ онъ,—всегда повышалось сообразно съ ущербомъ, какой я причинялъ своей репутаціи. Я имѣлъ всѣ основанія быть довольнымъ своимъ образомъ дѣйствій, такъ какъ чувствую возможность сообщить своимъ современникамъ и потомству взгляды новые и положительные». Въ благопріятный приговоръ потомства Сенъ-Симонъ твердо вѣритъ.

Здѣсь и заканчивается личная исповѣдь Сенъ-Симона. Редакція позднѣйшаго изданія его сочиненій перепечатываетъ дальше разсужденіе о сходствѣ жизни человѣческаго поколѣнія съ временами года. Разсужденіе не отличается оригинальностью,—конецъ его снова переходитъ въ субъективный тонъ: авторъ восхваляетъ стариковъ, продѣлавшихъ много опытовъ, сумѣвшихъ оцѣнить результаты и сохранившихъ достаточно энергіи, чтобы отдать отчетъ въ своихъ трудахъ *горячо*, *ясно* и *точно*. «Это,—заключаетъ Сенъ-Симонъ,—философы-изобрѣтатели» [9]).

Таковы важнѣйшія автобіографическія повѣствованія, оставленныя нашимъ философомъ. Мы видимъ,—въ общемъ фактическое содержаніе ихъ не можетъ быть признано достаточно богатымъ. Самъ авторъ сознавалъ этотъ недостатокъ своихъ сообщеній. Съ нимъ случалось «много необыкно-

[9]) Ib. XV, 87—8.

венныхъ вещей» и онъ могъ бы разсказать не мало занимательныхъ фактовъ, но ему пока некогда: «Я стану болтать о своей жизни, когда сдѣлаюсь старикомъ» [10]). И Сенъ-Симонъ выбираетъ, можно сказать, отвлеченный способъ самозащиты,—возстановляетъ свое доброе имя и старается обезпечить уваженіе современниковъ и потомства—общими принципіальными разсужденіями. Пріемъ врядъ ли безусловно убѣдительный именно при «необыкновенныхъ» чертахъ жизни и дѣятельности автора. Но онъ, очевидно, не желалъ измѣнять своей програмы. Разныя редакціи только что приведеннаго отрывка могутъ быть объяснены неоднократной обработкой текста самимъ авторомъ. Мы видѣли,—наиболѣе существенная разница между рукописями—въ ссылкахъ на личности великихъ мыслителей, неудовлетворительныя съ точки зрѣнія частной нравственности. Сенъ-Симонъ видимо придумывалъ постепенно все новыя оправдательныя обстоятельства въ виду недоразумѣній общественнаго мнѣнія насчетъ его дѣятельности и нравственныхъ взглядовъ. Эти недоразумѣнія, очевидно, были очень упорны и грозили подорвать писательское имя автора и отнять идейный авторитетъ у его произведеній. Такое заключеніе непосредственно вытекаетъ изъ приступовъ Сенъ-Симона къ автобіографическимъ повѣствованіямъ и подтверждается общимъ правиломъ, какое онъ усиливается установить: изъяны въ личной нравственности философа не только уживаются съ его умственной геніальностью, но даже являются ея естественными спутниками. Подобныя соображенія не могли имѣть рѣшающаго значенія для лицъ, кого поражали оригинальные соціальные опыты Сенъ-Симона и онъ самъ указывалъ на *результаты* опытовъ, какъ основу окончательнаго приговора. Результаты заключались въ «предпріятіяхъ» философа, а они, по его же словамъ, терпѣли одну неудачу за другой. И послѣдняя самозащита Сенъ-Симона совпала съ такой же печальной участью его философскаго произведенія: ученые отнеслись къ нему съ оскорбительнымъ равнодушіемъ, нѣкоторые, какъ увидимъ, даже не потрудились разрѣзать *Введеніе къ научнымъ работамъ XIX-го вѣка*. И авторъ, повидимому, имѣлъ основаніе приписывать такое пренебреженіе къ его труду—предубѣжденію противъ его личности. Оставалось разсѣять это предубѣжденіе, и Сенъ-Симонъ свою новую научную работу сопровождаетъ автобіографіей и исповѣдью. Но всѣ откровенія философа заключали вопросъ въ волшебный кругъ и не могли установить общественнаго мнѣнія—да еще предубѣжденнаго—на желательной почвѣ.

Сенъ-Симонъ, вѣроятно, чувствовалъ свою неудачу и на этомъ поприщѣ. Не находя средствъ преодолѣть враждебную силу,—онъ естественно впадаетъ въ раздраженіе и въ философскія разсужденія переноситъ страстную личную полемику съ виновниками своихъ несчастій. Главнымъ изъ нихъ оказывается знаменитый астрономъ Лапласъ,—надо полагать—потому что Лапласъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Бюро долготъ. Сенъ-Симонъ

---

[10]) Ib. 87.

обрушивается на него съ чрезвычайной запальчивостью вскорѣ послѣ извѣстной намъ автобіографіи. Нападки на Лапласа вставлены въ разсужденіе *Исторія человѣка.* Оно не перепечатано ни въ одномъ изъ изданій сочиненій Сенъ - Симона, было издано Сенъ - Симономъ въ 1810 году [11]). Мы имѣли подъ руками рукопись, хранящуюся въ Арсенальской библіотекѣ въ Парижѣ и ею пользуемся въ нашемъ сообщеніи объ *Исторіи человѣка.* Автобіографическій интересъ представляетъ четвертое прибавленіе, заключающее *Замѣчанія на труды г-на Лапласа.* Сенъ - Симонъ намѣренъ опровергнуть выводы французской астрономической школы и, приступая къ дѣлу, призываетъ на помощь «могущественный геній» «великаго Корнеля», считая именно его геній «героическимъ» и его душу независимой. Призывается также и Бэконъ, какъ ученый. Походъ на Лапласа открывается заявленіемъ, что у этого астронома слова «истина и справедливость»—такое же шарлатанство, какъ надписи на общественныхъ зданіяхъ—*Равенство, Братство* или *Смерть.* Можетъ быть такой пріемъ полемизировать кому-либо покажется слишкомъ рѣзкимъ,—но, говоритъ Сенъ-Симонъ, такова именно должна быть ученая полемика. Языкъ салоновъ долженъ быть языкомъ вѣжливости, «языкъ школъ», т.-е. различныхъ философскихъ направленій, все равно какъ «языкъ лагерей» долженъ быть—сама откровенность. Кто беретъ въ руки перо, обязанъ такъ же вооружиться мужествомъ, какъ и берущій ружье. Трусъ-ученый и трусъ-солдатъ одинаково презрѣнны. Двери въ храмъ славы открываются только смѣльчакамъ. Солдатъ подвергается опасности получить физическія раны, ученый—нравственныя. Результатъ одинъ и тотъ же: и тѣ и другія приводятъ къ смерти, разъ онѣ слишкомъ тяжелы.

Дальше слѣдуетъ извѣстная намъ защита страстныхъ, экзальтированныхъ натуръ. Страстный ученый, по мнѣнію Сенъ-Симона, вполнѣ отожествляется съ идеей, которую онъ защищаетъ, и его мнѣнія по необходимости принимаютъ характеръ личности. «Степень горячности споровъ всегда была и будетъ соразмѣрна съ важностью вопроса, который обсуждается и открытія, которое изслѣдуется. Споръ тѣмъ больше способствуетъ прогрессу науки, чѣмъ онъ оживленнѣе и, слѣдовательно, чѣмъ больше проникнутъ личнымъ характеромъ». И вслѣдъ за этимъ общимъ соображеніемъ Сенъ-Симонъ откровенно заявляетъ, за что онъ сильно возбужденъ противъ Лапласа.

«Въ теченіе десяти лѣтъ я съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ новыя права на ученое почетное положеніе, и съ каждымъ днемъ мое соціальное положеніе ухудшалось, и именно г. Лапласъ отравилъ эти десять лѣтъ моей жизни и я теперь дѣлаю вызовъ г. Лапласу и требую отъ него возмездія за то зло, какое онъ причинилъ мнѣ».

Месть Сенъ-Симонъ думаетъ осуществить прежде всего разгромомъ астро-

---

[11]) Перепечатано только *Avertissement* въ *Oeuvres de S.— S. et d'Enf.,* XV 103–4.

номическихъ идей Лапласа. Но критикъ не въ силахъ сосредоточиться на чисто-теоретическомъ анализѣ, онъ пересыпаетъ свое разсужденіе чрезвычайно сильными обращеніями къ личности Лапласа [12]).

И это предпріятіе Сенъ-Симона не могло имѣть успѣха въ ученомъ мірѣ; отъ своихъ астрономическихъ взглядовъ впослѣдствіи отказался самъ Сенъ-Симонъ, и онъ съ самаго начала не могъ разсчитывать на счастливую борьбу въ области астрономіи съ однимъ изъ значительнѣйшихъ представителей этой науки въ XIX вѣкѣ. Эпизодъ любопытенъ лишь для характеристики вообще личности философа и въ частности настроеній, какія ему пришлось переживать послѣ многократныхъ попытокъ создать себѣ имя ученаго мыслителя.

Эти настроенія въ сильной степени обострялись жестокою матеріальною нуждой, поразившей Сенъ-Симона какъ разъ въ 1810 году, когда умеръ его благодѣтель—Діаръ. Сенъ-Симонъ оказался безъ всякихъ средствъ, съ

---

[12]) *Histoire de l'homme.* 4-e Appendice. *Observations sur les Ouvrages de M-r de Laplace.* Des successions obtenues par la modération, par la prudence et par l'adresse sont à mes yeux de honteux succès: je préfère plus de danger et plus de gloire. Je vais aborder directement et franchement la question, je vais mettre en évidence les erreurs de l'école astronomique française en combattant les préjugés dont son chef est imbu et sur lesquels il a placé son bonnet carré.

Grand Corneille! J'invoque à mon secours ton puissant génie qu'il me serve de guide, qu'il assure mes pas pour descendre du sommet de la pensée jusqu'aux basses régions habitées par l'astronome Laplace. Et toi, Bacon, dont le génie a été plus scientifique et non moins héroique que celui de Corneille,—donne-moi les moyens de lutter avantage contre tous mes contemporains et de faire rentrer les écoles française et anglaise dans la route que tu leur avais tracée et qu'elles ont totalement perdu de vue...

Nous n'avons eu depuis près d'un siècle que des discussions à l'eau rose... Le langage des salons doit être celui de la politesse, le langage des Ecoles comme celui des camps doit être la franchise. A Capoue les armées sont devenues voluptueuses et polies, elles ont laissé flétrir leurs lauriers... Celui qui prend la plume doit s'armer de courage de même que celui qui prend le mousquet. Le Savant et le soldat poltrons sont également méprisables. Les portes du temple de la gloire ne s'ouvrent que pour les braves. Le soldat s'expose au danger des blessures physiques et le savant court le risque des blessures morales. Le résultat est le même, car les unes et les autres conduisent au tombeau, quand elles sont graves.

Il n'y a que les hommes passionnés pour la gloire qui soient en état de bien discuter; le savant passionné est complètement identifié avec la proposition qu'il avance, et ses opinions prennent nécessairement le caractère de la personnalité... Le degré de chaleur des discussions a toujours été et sera proportionné à l'importance de la question qu'on traite et à celle de la découverte que l'on examine... Une discussion contribue d'autant plus aux progrès de la science qu'elle est plus animée et par conséquent qu'elle prend au plus haut degré le caractère de la personnalité. A cette réponse générale je vais ajouter une réponse particulière: je vais dire ce qui m'anime personnellement contre M. de Laplace.

Depuis 10 ans j'ai acquis tous les jours de nouveaux droits à la considération scientifique et tous les jours ma position sociale s'est deteriorée: c'est M. de Laplace qui a empoisonné ces dix années de ma vie et je fais en ce moment defi à M. de Laplace pour obtenir de lui réparation du mal qu'il m'a fait.

безнадежно испорченной репутаціей, въ возрастѣ пятидесяти лѣтъ, съ горькимъ наслѣдствомъ неудавшихся попытокъ на поприщѣ «общей науки». Спокойствіе духа становилось недостижимымъ при такихъ условіяхъ,—и Сенъ-Симонъ общими соображеніями насчетъ необходимости страстной личной полемики, опять рисовалъ только свою личную психологію. И на этотъ разъ не могло быть рѣчи о сколько-нибудь безпристрастномъ и исторически убѣдительномъ анализѣ фактовъ и характера. Сенъ-Симонъ являлся еще болѣе настойчивымъ адвокатомъ въ своемъ дѣлѣ, чѣмъ раньше. Онъ не можетъ сойти съ своего философскаго пути, умственная работа продолжается при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ,—но онъ не въ силахъ въ то же время устранить изъ своихъ отвлеченныхъ произведеній яркихъ отголосковъ своего личнаго положенія. Сочиненія Сенъ-Симона въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ періодъ удручающихъ лишеній, носятъ крайне своеобразный характеръ полуизслѣдованій, полупризнаній. Къ отвлеченной темѣ непремѣнно прибавляется автобіографическій матеріалъ, въ формѣ посвященій, писемъ или откровенныхъ просьбъ о помощи. При всей странности этого пріема—разрабатывать «общую науку»,—мы ему обязаны новыми психологическими и историческими данными для характеристики Сенъ-Симона и его жизни.

II.

Упомянутая нами *исторія человѣка* по ходу работъ Сенъ-Симона представляла «вторую тетрадь» обширнаго труда, первая носила отдѣльное названіе—*Новая энциклопедія* и была издана въ томъ же 1810 году Сочиненіе это Сенъ-Симонъ посвятилъ своему племяннику Виктору Сенъ-Симону. Посвященіе написано во вдохновенномъ наставническомъ тонѣ. Сенъ-Симонъ, считающій родоначальникомъ своей семьи Карла Великаго, напоминаетъ племяннику о «великихъ обязательствахъ», возлагаемыхъ на него высокимъ происхожденіемъ. О себѣ авторъ говоритъ: «Я бросилъ мечъ, чтобы взяться за перо, такъ какъ чувствовалъ, что природа влекла меня къ великимъ цѣлямъ на научномъ поприщѣ». Назначенія мыслителей и героевъ одинаково почетны. Бэконы столь же рѣдки, какъ и Александры. Сенъ-Симонъ рекомендуетъ племяннику свои произведенія. Важному синьору недостаточно владѣть военнымъ искусствомъ, онъ долженъ имѣть здравыя идеи въ политикѣ,—иначе онъ будетъ не достоинъ занимать мѣсто среди представителей націи. Но и это не все. «Ваша душа,—пишетъ Сенъ-Симонъ,—должна всегда быть возвышенно возбужена, она должна парить въ высшихъ областяхъ мысли». Философъ въ 1810 г. находитъ возможнымъ не только взывать къ аристократическому, хотя и безусловно облагороженному честолюбію племянника,—онъ даже основываетъ свое воззваніе на общемъ фактѣ, удостовѣренномъ будто бы исторіей: великія дѣла и великія слова были совершены и высказаны людьми знатнаго происхожденія: Карлъ Великій «нашъ предокъ», Петръ Великій, Фрид-

рихъ Великій и императоръ Наполеонъ родились аристократами,—такъ же какъ и первостепенные мыслители—Галилей, Бэконъ, Декартъ, Ньютонъ. Все это говорится съ цѣлью вдохновить племянника на героическія дѣла. Рѣчь несомнѣнно гордая, и Сенъ-Симонъ согласенъ съ этимъ,—но Сенъ-Симоны должны быть гордыми «до надменности», такъ какъ судьба постепенно низвела ихъ съ вершины монаршаго величія до послѣднихъ рядовъ подданныхъ. У автора помимо генеалогическихъ данныхъ, имѣется еще одно основаніе проявлять наивысшую «научную гордость».

Въ эпоху террора онъ попалъ въ люксембургскую тюрьму. Ночью ему явился Карлъ Великій и сказалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, ни одной семьѣ не доставалось чести произвести и героя, и философа перваго разряда; эта честь выпала на долю моему дому. Мой сынъ, твои успѣхи какъ философа сравняются съ тѣми, какихъ я достигъ какъ воинъ и какъ политикъ» [13]).

Вслѣдъ за посвященіемъ Сенъ-Симонъ обратился къ племяннику съ письмомъ, не менѣе оригинальнымъ, чѣмъ посвященіе. Если надъ первымъ произведеніемъ философа современный журналъ только смѣялся, второе должно было вызвать полное недоумѣніе насчетъ его психологіи и научной цѣнности его идей [14]). Сенъ-Симонъ писалъ племяннику слѣдующее:

«Въ своемъ первомъ письмѣ я употребилъ всѣ усилія восхитить (exalter) вашъ духъ, т.-е. превратить васъ въ безумнаго, потому что безуміе, мой милый Викторъ, не что иное какъ высшая экзальтація и эта высшая экзальтація необходима для совершенія великихъ дѣлъ». Дальше Сенъ-Симонъ подчеркиваетъ: «*Въ храмъ славы входятъ только кліенты сумасшедшаго дома*, но не всѣ кліенты сумасшедшаго дома входятъ въ храмъ славы. Всего одинъ человѣкъ на милліонъ успѣваетъ войти, другіе свертываютъ себѣ шею». И чтобы предотвратить опасность для племянника—Сенъ-Симонъ зажигаетъ предъ нимъ «два маяка», т.-е. объясняетъ ему идеи религіозную и политическую. Письмо заканчивается общимъ философскимъ разсужденіемъ, сжатымъ и яснымъ: оно имѣетъ, какъ увидимъ, большое значеніе въ идейномъ творчествѣ Сенъ-Симона, и вставлено въ личное семейное письмо [15]).

Это послѣднее произведеніе философа, падающее на 1810 годъ,—для Сенъ-Симона — одинъ изъ самыхъ критическихъ періодовъ жизни, и внѣшній кризисъ держалъ его, очевидно, въ непрерывной экзальтаціи. Въ такомъ именно состояніи философъ могъ настойчиво превозносить непрерывное лихорадочное нравственное возбужденіе. Переживая тяжелое время нужды и унизительныхъ лишеній, полный въ то же время жгучей жажды явиться философомъ-изобрѣтателемъ, Сенъ-Симонъ безпрестанно разрывался между ощущеніями личныхъ страданій и кипучимъ потокомъ

---

13) *Oeuvres de S.-S. et d'Enf.* XV, 96—101.

14) Въ *Journal de l'Empire*, 20 апрѣля 1810 г. была напечатана статья, подписавшая на смѣхъ *Nouvelle Encyclopedie*. Ср. *Oeuvres*, Ib. 103.

15) *Oeuvres, Notices historiques*, I, 37—9.

отвлеченныхъ идей. Мысль объ «общей наукѣ» его не покидала ни при какихъ обстоятельствахъ, и ему естественно было увидѣть въ этомъ свойствѣ своей природы исключительное преимущество предъ другими людьми, признать свою неустанную умственную дѣятельность въ тискахъ нищеты героизмомъ, достойнымъ потомка Карла Великаго. Пылкому отъ природы воображенію не представлялось никакихъ препятствій работать въ этомъ направленіи, и Сенъ-Симонъ именно униженный и оскорбленный невниманіемъ ученыхъ и общественнымъ мнѣніемъ—могъ въ силу чисто-инстинктивнаго протеста взывать къ гордости до предѣловъ надменности и изображать свиданіе съ своимъ великимъ предкомъ. Во всякомъ случаѣ *экзальтація*—точное выраженіе для душевнаго состоянія Сенъ-Симона въ то время, когда онъ дарилъ своими признаніями ученыхъ и публику. Почти всѣ они или открыто принимали полемическое направленіе, или во всякомъ случаѣ вызывались необходимостью оправдываться и защищаться. Это фактъ существенной важности и онъ освѣщаетъ истинное значеніе автобіографическихъ сообщеній Сенъ-Симона.

Поиски за дневнымъ пропитаніемъ направили мысль Сенъ-Симона на бывшаго его товарища по финансовымъ операціямъ въ эпоху революціи. Графъ Редернъ жестоко обсчиталъ Сенъ-Симона при дѣлежѣ совмѣстно пріобрѣтеннаго капитала и философъ считалъ графа своимъ должникомъ. Еще при жизни Діара онъ обращался къ Редерну, объяснялъ ему свое бѣдственное положеніе и просилъ пересмотрѣть ихъ счета. Редернъ грубо отвергъ предложеніе. Теперь по смерти Діара Сенъ-Симонъ снова обращается къ Редерну, и въ результатѣ возникаетъ рядъ произведеній смѣшаннаго содержанія,—философскаго и автобіографическаго.

Сенъ-Симонъ принялся за свою задачу примириться съ Редерномъ—чрезвычайно оригинально и даже неожиданно послѣ дѣйствій графа въ денежномъ вопросѣ. Сенъ-Симонъ задумалъ пріобщить Редерна къ своей философской дѣятельности и снова сойтись съ нимъ на этомъ пути. Съ этою цѣлью Сенъ-Симонъ написалъ Редерну рядъ писемъ съ изложеніемъ своихъ идей. Рукописи частью утрачены, но и оставшагося матеріала вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить своеобразную политику философа.

Раньше, въ первой біографіи Сенъ-Симонъ рѣзко разграничивалъ свою психологію отъ стремленій Редерна. «Пути, какими мы шли,—писалъ Сенъ-Симонъ,—были весьма различны; Редернъ направлялся къ тинистымъ болотамъ, гдѣ богатство воздвигло свой храмъ, въ то время, когда я взбирался на безплодную и крутую гору, на вершинѣ которой находится алтарь славы». Именно изъ-за разныхъ направленій Сенъ-Симонъ и Редернъ поссорились [16]).

Теперь Сенъ-Симонъ находитъ, что они оба «получили отъ природы философскую организацію и сохранятъ ее на всю жизнь». Ихъ связываетъ сходство призваній, они два путника къ одной цѣли, только временно от-

---

[15]) *Notices*, I, 18—9.

дѣлившіеся другъ отъ друга. Сенъ-Симонъ по обыкновенію старается въ частномъ фактѣ усмотрѣть общій смыслъ и свои отношенія съ Редерномъ представить въ формѣ психологической теоріи. Въ юномъ возрастѣ встрѣтились два человѣка. Одинъ одаренъ наклонностью къ практической философіи, другой—къ философскимъ открытіямъ. Они будутъ дѣйствовать въ согласіи, пока имъ предстоитъ изслѣдовать уже извѣстные философскіе принципы, но они разойдутся, лишь только достигнутъ исходной точки самостоятельной дѣятельности,—одинъ направится по пути практики, другой—по пути открытій. Достигнувъ «осени жизни», они примирятся: совершившій путь открытій откажется отъ экспериментальной жизни, чтобы воспользоваться своими открытіями ради науки, и Редерну, и Сенъ-Симону предстоитъ «самая пріятная часть пути»: они вѣдь свою жизнь употребили на то, чтобы способствовать развитію просвѣщенія и улучшенію судьбы человѣчества. Теперь они въ полной зрѣлости своихъ талантовъ.

Дальше идетъ одно изъ основныхъ теоретическихъ разсужденій Сенъ-Симона. Философъ въ крайне сжатой формѣ излагаетъ принципъ «позитивной философіи»,—впервые произнося этотъ впослѣдствіи столь знаменитый терминъ. Конецъ разсужденія переходитъ опять на личную почву. Для созданія позитивной философіи необходима совмѣстная дѣятельность двухъ силъ—«пламеннаго и смѣлаго воображенія и души совершенно спокойной, разсудка, въ высшей степени обширнаго и здраваго». Надо, съ одной стороны, много думать и очень мало читать, чтобы создать идеи дѣйствительно новыя, съ другой—необходимо многому учиться и много размышлять надъ прочитаннымъ, чтобы быть въ состояніи свои идеи сравнить съ чужими. Эти способности прямо противоположны другъ другу и не могутъ совмѣщаться въ одномъ человѣкѣ. Союзъ двухъ людей, слѣдовательно, неизбѣженъ,—и этотъ союзъ долженъ состоять изъ Сенъ-Симона и Редерна.

Это разсужденіе, несомнѣнно, было послано Редерну. Но помимо него философъ затѣялъ, съ своимъ предполагаемымъ компаньономъ для развитія позитивной философіи, продолжительную переписку. Она длилась около полутора года, приблизительно со второй половины 1811 года до конца слѣдующаго. Письма къ Редерну Сенъ-Симонъ называетъ «философскими и чувствительными»—*Lettres philosophiques et sentimentales.*

Величайшая, прекраснѣйшая и полезнѣйшая задача, по мнѣнію Сенъ-Симона, «организовать хорошую систему философіи, т.-е. создать хорошую *исторію прошедшаго и будущаго человѣческаго рода*». И задача выполнима, если Редернъ согласится исправить и дополнить работу, какую Сенъ-Симонъ намѣренъ переслать ему. И онъ дѣйствительно начинаетъ ее, подъ заглавіемъ *Histoire du passé et de l'avenir de l'espèce humaine.* Изъ нея мы впослѣдствіи почерпнемъ нѣкоторые основные историческіе взгляды Сенъ-Симона и вообще позитивной мысли,—но философія неизмѣнно переплетается съ чувствительностью, и насколько логичны и ясны философскія идеи, настолько же наивны и странны чувства. Они даже способны бросить весьма невыгодный свѣтъ на самыя идеи, если только достоинство идей не по-

ставить въ полную независимость отъ чувствительныхъ изліяній автора. Но тѣмъ, разумѣется, характернѣе эти изліянія и это противорѣчіе для личности философа.

Второе письмо составлено въ такихъ выраженіяхъ:

«Я не могу выразить вамъ, до какой степени я чувствую себя счастливымъ съ тѣхъ поръ, какъ постигъ образованіе единаго нравственнаго существа, созданнаго изъ вашей души и моей, слитыхъ такъ, что они составляютъ однородное цѣлое. Я живу не въ себѣ самомъ, а въ этомъ именно существѣ, въ образованіи котораго не принимали участія ни мои недостатки, ни ваши несовершенства. Я пережилъ вчера восхитительный день, я испыталъ состояніе, не поддающееся описанію. Это былъ экстазъ, и во время его я наслаждался, ощущая чистое удовлетвореніе мною самимъ и нами. Въ моихъ ощущеніяхъ было нѣчто сверхземное, нѣчто божественное. Я сознавалъ, какъ ваше благоразуміе заступаетъ мѣсто моей непредусмотрительности, ваша бережливость замѣняетъ мою расточительность, я наслаждался покоемъ вашей души, треволненія моей исчезли».

И Сенъ-Симонъ приглашаетъ «друга» принять участіе въ счастьѣ, прочувствовать наслажденіе идейнаго творчества, поисковъ за средствами спасти отъ золъ человѣчество и въ частности европейское общество.

Сенъ-Симонъ не получилъ желаннаго отвѣта на свой призывъ. Ему пришлось продолжать переписку въ крайне грустномъ тонѣ. Онъ пишетъ два письма подъ рядъ 14 и 15 октября, объясняетъ свою любовь къ Редерну, несмотря на его суровость, снова настаиваетъ на просмотрѣ посланнаго графу сочиненія и второе письмо настоящій крикъ отчаянія и трогательная исповѣдь. Оно написано предъ отъѣздомъ Сенъ-Симона изъ Парижа въ Алансонъ, гдѣ жилъ Редернъ.

«Вотъ уже три ночи, какъ я не смыкалъ глазъ, я невольно непрестанно повторялъ: что со мною будетъ, что со мною будетъ! Я уже говорилъ вамъ нѣсколько разъ и опять повторяю, и напишу по пріѣздѣ въ Алансонъ: хлѣба и книгъ,—вотъ все, чего у васъ проситъ вашъ старый другъ, который сознаетъ, что во многомъ погрѣшилъ передъ вами, передъ своей семьей и передъ всѣмъ свѣтомъ, но который чувствуетъ въ себѣ возможность возмѣстить свои прегрѣшенія предъ вами, предъ своей семьей и предъ всѣмъ свѣтомъ, если вы ему дадите необходимыя книги и кусокъ хлѣба».

И на это воззваніе Редернъ отвѣтилъ безъ всякаго снисхожденія. Сенъ-Симонъ въ письмѣ отъ 23 октября заявляетъ о своемъ огорченіи, снова обѣщаетъ остатокъ своей жизни посвятить на то, чтобы загладить свои проступки, и онъ никогда не откажется отъ желанія и надежды вернуть себѣ своего стараго друга и «съ величайшей тщательностью» будетъ избѣгать чѣмъ-либо причинить ему непріятность.

Редернъ отказался прочитать работу Сенъ-Симона, вернулъ ее и приказалъ выдать автору 500 франковъ. Философъ съ этого момента начинаетъ утрачивать терпѣніе. Онъ рѣшается вести открытую войну съ Редерномъ, надо полагать, оскорбленный преимущественно его отношеніемъ къ

представленному ему произведенію. Въ Алансонѣ сочиняется *Вступительная записка Сенъ-Симона о спорѣ его съ Редерномъ.* Здѣсь излагается исторія спора, дѣйствія Редерна, все это въ рѣзкой формѣ, но вторая часть записки опять посвящена отвлеченнымъ вопросамъ, представленъ краткій обзоръ прогресса европейской мысли, объяснено значеніе физіологіи въ общественномъ просвѣщеніи и вообще въ умственномъ развитіи человѣчества, психологія объявляется «вѣтвью» физіологіи и также полагается въ основу образованія, *позитивнаго* человѣческаго знанія и въ заключеніе—позитивной философіи. Попутно сообщается, что Сенъ - Симонъ, благодаря помощи современныхъ представителей физіологіи и медицины, можетъ «организовать воспитательное учрежденіе» на позитивныхъ научныхъ основахъ,—и этотъ именно проектъ имѣлся въ виду ассоціацией его, Сенъ-Симона и Редерна. Дальше на сценѣ опять личный вопросъ. Въ обращеніи Сенъ-Симона къ противнику поучительно слѣдующее разсужденіе. Редернъ предложилъ разрѣшить споръ судомъ, Сенъ-Симонъ отвѣчалъ:

«Нашъ споръ не такого свойства, чтобы его подвергать суду. Сдѣланное вами предложеніе было новымъ плодомъ злополучнаго направленія вашей организаціи и дурного принципа, вами усвоеннаго. Назначеніе суда заключается въ примѣненіи закона. Но не существуетъ закона, который улаживаетъ споры между членами общества, основаннаго для филантропическаго употребленія дохода съ предпріятій. Судъ, слѣдовательно, долженъ бы отказаться. Но самолюбіе помѣшаетъ ему поступить такимъ образомъ и онъ осудитъ меня,—во-первыхъ, потому что онъ взглянетъ на дѣло съ финансовой точки зрѣнія; во-вторыхъ, судъ будетъ судить по формальнымъ даннымъ, а формы за васъ».

Но это не значитъ,—будто Сенъ-Симонъ считаетъ себя правымъ: «мои заключенія,—говоритъ онъ,—не кажутся мнѣ гласомъ верховнаго существа, я думаю, что я очень способенъ впасть въ заблужденіе, особенно когда являюсь судьей въ собственномъ дѣлѣ». И Сенъ-Симонъ готовъ перенести вопросъ на третейскій судъ трехъ лицъ удостовѣренной честности. Сенъ-Симонъ желаетъ доказать общественному мнѣнію, что Редернъ «воспользовался его научной экзальтаціей съ цѣлью ограбить его, лично обогатиться и пріобрѣсти средства подавить промышленность своихъ сосѣдей».

Редернъ отвѣчалъ печатной и крайне дерзкой *Запиской*, уличая Сенъ-Симона во лжи, и пустилъ въ ходъ свое мѣстное вліяніе на администрацію, чтобы воспрепятствовать печатнымъ возраженіямъ противника. Префектъ дѣйствительно запретилъ печатать отвѣтную *Записку* Сенъ-Симона, но она все-таки была напечатана. Для характеристики обоихъ противниковъ и особенно Сенъ-Симона слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее обстоятельство. *Вступительную записку* Сенъ-Симонъ сначала не хотѣлъ пускать въ публику. Онъ только передалъ одинъ экземпляръ Редерну, предлагая третейскій судъ и давая восемь дней на размышленіе. Редернъ въ отвѣтъ напечаталъ *Записку*, хотя Сенъ-Симонъ и послѣ восьми дней все еще ждалъ благосклоннаго отвѣта и придумывалъ новыя средства примириться съ Редерномъ.

Тотъ воспользовался временемъ и печатно отвѣтилъ на исключительно-личное обращеніе. Тогда Сенъ-Симонъ выпустилъ *Вступительную записку* и напечаталъ еще два письма. Второе заканчивалось ядовитой уликой: «Ваши принципы,—обращался Сенъ-Симонъ къ набожному графу,—позволили вамъ ограбить меня, мой мнимый атеизмъ побудилъ меня все вручить вамъ. Вы согласитесь, что лучше имѣть товарищемъ такого атеиста, какъ я, чѣмъ такого богомольца, какъ вы» [16]).

На этомъ письмѣ закончилась полемика и, повидимому, вообще прекратились всѣ отношенія бывшихъ компаньоновъ. Мы не располагаемъ полнымъ текстомъ изложенныхъ документовъ. Обмѣнъ *Записками* происходилъ въ провинціи, для 1811—1812 годовъ имѣлъ значеніе личныхъ счетовъ между двумя общественно-мало замѣтными личностями, и даже позднѣйшіе издатели сочиненій Сенъ-Симона не нашли нужнымъ перепечатать полностью, по крайней мѣрѣ,—*Письма* и *Записки* своего учителя. Корреспонденція была, повидимому, гораздо обширнѣе, чѣмъ она представляется намъ по сочиненіямъ Сенъ-Симона. Онъ, покидая Алансонъ, оставилъ эту корреспонденцію вмѣстѣ съ другими бумагами подъ залогъ своему квартирному хозяину. Онъ не могъ удовлетворить хозяина деньгами и впослѣдствіи не выкупилъ залога. По смерти кредитора бумаги попали въ табачную лавочку, гдѣ ихъ пріобрѣлъ одинъ мѣстный адвокатъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ корреспонденція еще существовала,—намъ приходится довольствоваться отрывками и сообщеніями изъ другихъ рукъ [18]).

Но даже за отсутствіемъ подробностей, у насъ достаточно матеріала, чтобы судить объ оригинальныхъ пріемахъ Сенъ-Симона рѣшать практическіе вопросы. Графъ Редернъ, по словамъ самого философа, воспользовался его *научной экзальтаціей*, т.-е. полнымъ пренебреженіемъ законныхъ формальностей въ денежныхъ отношеніяхъ и выдѣлилъ Сенъ-Симону сумму, какую хотѣлось ему, Редерну, тѣмъ болѣе, что самъ же Сенъ-Симонъ поручилъ раздѣлъ ему. Графъ удалился въ Нормандію и зажилъ большимъ сеньоромъ среди обширныхъ помѣстій. Подачка въ 500 франковъ дополняетъ картину, и все-таки Сенъ-Симонъ находитъ возможнымъ искушать Редерна философскими и просвѣтительными планами и призывать его, благодѣтельствовать родъ человѣческій. Возможна ли такая непослѣдовательность, особенно послѣ столь рѣшительныхъ отзывовъ, какіе Сенъ-Симонъ представилъ о Редернѣ три года назадъ? Какъ Редернъ могъ отнестись къ проектамъ философа—тратить деньги на просвѣтительное учрежденіе, послѣ того какъ, по признанію самого Симона, всѣ его проекты до сихъ поръ терпѣли неудачу и раньше полученная имъ сумма была израсходована на «экпериментальную жизнь», въ которой Сенъ-Симонъ находилъ нужнымъ оправдываться предъ общественнымъ мнѣніемъ? Мы дальше познакомимся

---

[16]) *Oeuvres*, XV, 104—135.

[18]) Ср. *Oeuvres choisies de S.-Simon*, Bruxelles, 1859, III, 384. *Oeuvres de S.-S et d'Enf*. XV, 90.

съ подробностями, какъ тратились философомъ деньги, и ни одна изъ нихъ не могла внушить къ нему довѣрія—какъ разъ человѣку съ «практической организаціей», каковымъ онъ признавалъ Редерна.

Страстную переписку съ Редерномъ послѣ такихъ опытовъ можно объяснить только двумя болѣе или менѣе общепонятными мотивами: жестокой нуждой и все той же не остывающей «научной экзальтаціей». И экзальтація дѣйствовала даже впереди нужды. Она внушала философу обширныя теоретическія разсужденія, заботливо обдуманныя и заключенныя въ ясную и строгую форму, что, какъ мы неоднократно убѣдимся, далеко не было постояннымъ достоинствомъ произведеній Сенъ-Симона, по винѣ той же экзальтаціи. Но Редерну, очевидно, онъ желалъ представить свои мысли въ возможно болѣе отдѣланномъ видѣ и не утруждать его «тягостнымъ чтеніемъ», какъ откровенно выражался Сенъ-Симонъ о своей работѣ [19]). Въ искренности его намѣреній—покорить Редерна идеями, не можетъ быть сомнѣнія, и именно эта искренность выходитъ за предѣлы обычныхъ психологическихъ представленій и граничитъ съ тѣмъ возвышеннымъ «безуміемъ», какое Сенъ-Симонъ рекомендовалъ своему племяннику. Неотступныя лишенія не давали успокоиться духу философа, экзальтація и самая выспренняя вѣра являлись нравственными противовѣсами внѣшнему гнету.

Онъ не прекратился и послѣ неудачной борьбы съ Редерномъ.

Въ раннемъ изданіи сочиненій Сенъ-Симона, его ученикъ помѣстилъ слѣдующее объясненіе своего учителя подъ наименованіемъ «четвертый отрывокъ».

«Уже двѣ недѣли я ѣмъ хлѣбъ и пью воду; я работаю безъ огня и продалъ даже свое платье, чтобы имѣть средства на переписку моего сочиненія. Страсть къ наукѣ и общественному благополучію, желаніе—найти средство, покончить мирнымъ путемъ страшный кризисъ, въ которомъ томится европейское общество,—все это ввергло меня въ бѣдствія. И я не краснѣя могу сознаться въ своей нищетѣ и просить необходимой помощи, чтобы получить возможность продолжать свой трудъ» [20]).

Издатель этотъ «отрывокъ» относитъ къ 1812 году. Но отрывокъ представляетъ часть письма, извѣстнаго намъ въ двухъ редакціяхъ и написаннаго одновременно съ двумя сочиненіями философскаго содержанія: письмо должно было сопровождать эти сочиненія при разсылкѣ разнымъ лицамъ Эти сочиненія *Memoire sur la science de l'homme* и *Travail sur la gravitation universelle.* Письмо возникло въ связи съ этими работами,—намъ необходимо опредѣлить время ихъ появленія.

Въ первый разъ оба сочиненія были напечатаны много лѣтъ спустя по смерти автора, въ 1859 году, но *Мемуаръ* и *Трудъ* были разосланы въ рукописныхъ копіяхъ; копій *Мемуара* было сдѣлано 60, а *Трудъ о всемірномъ тяготѣніи* со вторымъ заглавіемъ *Средство принудить англи-*

---

19) *Memoire sur la science de l'Homme.* Préface. *Oeuvres de S.-S. et d'Enf.* XL,10.
20) Ol. Rodrigues, XXXVIII.

чанъ праздноватъ независимость флаговъ,—посвященъ императору съ помѣткой «декабрь 1813» [21]). Вторымъ заглавіемъ, не соотвѣтствовавшимъ общему теоретическому содержанію разсужденія, Сенъ-Симонъ разсчитывалъ обратить на рукопись вниманіе Наполеона, занятаго вопросомъ о грозномъ морскомъ могуществѣ Англіи. Въ *Трудѣ* Сенъ-Симонъ сообщаетъ, что имъ только что оконченъ мемуаръ—*Наука о человѣкѣ*, и онъ разослалъ его ученымъ [22]). Слѣдовательно, оба произведенія приходится отнести къ 1813 году, а также и «четвертый отрывокъ» [23]).

Онъ входилъ въ письмо, предназначавшееся для многихъ лицъ. Сенъ Симонъ писалъ:

«Будьте моимъ спасителемъ, я умираю съ голоду, мое положеніе лишило меня средствъ представить свои идеи въ достойной формѣ, но цѣнность моего открытія независима отъ формы, какую обстоятельства заставили меня выбрать съ цѣлью скорѣе привлечь вниманіе. Удалось ли мнѣ найти новый философскій путь? Вотъ вопросъ. Если вы возьмете на себя трудъ прочитать мою работу, я спасенъ.

«Отдавшись уже нѣсколько лѣтъ поискамъ за новымъ философскимъ путемъ, я по необходимости долженъ былъ удалиться отъ ученой школы и отъ общества, и въ настоящую минуту, сдѣлавъ въ высшей степени важное открытіе, я долженъ пребывать въ полнѣйшемъ одиночествѣ.

«Занятый единственно общимъ интересомъ, я пренебрегъ своими личными дѣлами до такой степени, что вотъ въ точности мое положеніе».

Дальше слѣдуетъ извѣстный намъ отрывокъ, но въ различныхъ выраженіяхъ: по одной редакціи, Сенъ-Симонъ «больше трехъ недѣль» ѣстъ *сухой* хлѣбъ, по другой—«двѣ недѣли», по одной—онъ продалъ «свое платье», по другой—«продалъ все до послѣдней рубашки», наконецъ, въ единственной редакціи письмо заканчивается припиской: «Я жду помощи съ нетерпѣніемъ человѣка, который ухватился за вѣтку, висящую надъ глубочайшей пропастью» [24]). О «страсти къ наукѣ и къ общему благополучію» говорится только въ «отрывкѣ». Очевидно, Сенъ-Симонъ располагалъ нѣсколькими копіями письма, разнообразя его текстъ по адресатамъ.

Одновременно было послано два особыхъ обращенія: къ государственному совѣтнику барону Жерандо запросъ, въ какой формѣ представить императору *Трудъ о тяготѣніи?* и прошеніе императору о помощи. Въ прошеніи Сенъ-Симонъ сообщалъ о своемъ родствѣ съ знаменитымъ герцогомъ Сенъ-Симономъ, авторомъ *Мемуаровъ*, о своей военной службѣ и о томъ, что теперь онъ умираетъ съ голоду: «Политическія событія меня разорили,

21) *Oeuvres de S.-S. et d'Enf.* XV, 138.

22) *Ib.* L. 277, „un travail que je viens de paraître sur la *science de l'homme*".

23) Это не согласно съ указаніемъ извѣстной *Bibliographie Sain-Simonienne*, изданной сенъ-симонистомъ Фурнелемъ въ 1833 году. Здѣсь *Memoire sur la Science de l'homme* и *Memoire* (а не *Travail*) *sur la gravitation* пріурочены къ 1811 году. Это, какъ увидимъ, не единственное недоразумѣніе *библіографіи*.

24) *Oeuvres de S.-S. et d'Enf.* XV, 142. *Notices.* I, 51.

страсть къ наукѣ довела меня до нищеты. Я уже пятнадцать лѣтъ работаю надъ трудомъ, который скоро былъ бы оконченъ, если бы у меня были средства существованія».

Къ императору Сенъ-Симонъ обратился по совѣту Камбасареса. Совѣтъ пришелся въ смутное время: Наполеону было не до философскихъ сочиненій. Въ концѣ 1813 года войска союзниковъ начинали переходить границы Франціи, имперіи Наполеона грозила близкая и роковая развязка, Сенъ-Симонъ не могъ разсчитывать на его вниманіе къ прошенію о помощи писателю и нашелъ полезнымъ обратиться къ нѣкоторымъ министрамъ. Философъ просилъ ихъ ходатайства предъ императоромъ, а также и ихъ личнаго вспомоществованія,—опять, по обыкновенію, отыскивая общій принципъ въ отдѣльномъ фактѣ. «Богатые и просвѣщенные люди,—писалъ Сенъ-Симонъ,—должны тратить часть своихъ доходовъ на то, чтобы обезпечивать независимость мыслителямъ, работающимъ въ цѣлесообразномъ философскомъ направленіи. Я именно такъ пользовался своимъ состояніемъ, пока оно у меня было. Вы, м. г. просвѣщены и богаты, я—мыслитель, занятый исключительно задачей—указать средства, *перестроить европейское общество.* Такимъ образомъ моя просьба къ вамъ о денежномъ вспоможеніи является только почетной для васъ и для меня».

Дальше Сенъ-Симонъ удостовѣряетъ, что его идеи достаточно выяснились, что онъ можетъ прямо приступить къ рѣшенію вопроса о *переустройствѣ европейскаго общества*, если ему будутъ даны средства существовать. Мемуаръ напишется въ двѣ недѣли. Философъ обѣщаетъ выполнить работу въ самой доступной формѣ, «не пуская въ ходъ ни одной научной идеи» и представить императору полезныя указанія насчетъ борьбы съ Англіей. Письмо заканчивается настойчивымъ выраженіемъ надежды:

«Послѣдняя степень нищеты, нужда въ хлѣбѣ и дровахъ вынуждаетъ меня обращаться къ вамъ съ просьбой о деньгахъ. Полный довѣрія къ благородству чувствъ вашего превосходительства, я осмѣливаюсь надѣяться, что не пройдетъ и двадцати четырехъ часовъ, какъ я получу отъ васъ денежную помощь».

Тонъ этой просьбы, повидимому, до послѣдней степени скромный, и лишенія философа, надо полагать, успѣли настроить его на вполнѣ соотвѣтственный ладъ по отношенію къ власти. На самомъ дѣлѣ, когда вопросъ идетъ о Сенъ-Симонѣ, это не такъ просто. Онъ свои просьбы и жалобы умѣетъ сопроводить совершенно неожиданными философскими разсужденіями, способными отнять у его адресатовъ всякую охоту поощрить его къ дальнѣйшимъ работамъ и помочь ему обработать планъ переустройства европейскаго общества. На взглядъ министровъ и самого Наполеона, лучше бы этого плана не существовало у мыслителя съ такими взглядами. И здѣсь замѣчательны не столько взгляды, сколько рѣшительность и искренность философа при какихъ бы то ни было условіяхъ.

Въ письмѣ къ министрамъ и «богатымъ и просвѣщеннымъ» лицамъ Сенъ-Симонъ свои домогательства основалъ на слѣдующихъ соображеніяхъ:

«Правительство—необходимое зло, оно является благомъ въ томъ отношеніи, что предотвращаетъ величайшее изъ всѣхъ золъ—анархію. Образованные люди должны всегда стремиться къ тому, чтобы низвести силу правительства къ дѣйствіямъ, необходимымъ для поддержанія порядка». Поэтому, совершенно не желательно, чтобы мыслитель разсчитывалъ получать средства существованія отъ правительства: тогда мыслитель будетъ изощрять свой умъ скорѣе на лесть правительству, чѣмъ на поиски за новыми и полезными мыслями. Именно на основаніи этихъ соображеній богатые и просвѣщенные люди должны поддерживать умственныхъ дѣятелей. Идея оградить независимость умственнаго труда отъ всякаго подчиняющаго вліянія государственной власти, одна изъ любимыхъ въ философіи Сенъ-Симона, и философъ нашелъ возможнымъ проповѣдовать ее министрамъ Наполеона.

Но онъ не ограничился проповѣдью слугамъ, — посвящая свой трудъ господину, обращался и къ нему съ поучительной рѣчью, врядъ ли способной побудить Наполеона исполнить просьбу автора о помощи. Возможность ограничить морское могущество Англіи Сенъ-Симонъ ставилъ въ неразрывную связь съ такими условіями: Наполеонъ долженъ отказаться отъ протектората надъ Рейнскимъ союзомъ, долженъ очистить Италію, возвратить свободу Голландіи, перестать вмѣшиваться въ дѣла Испаніи,—однимъ словомъ, «долженъ замкнуться въ естественные предѣлы», отказаться отъ завоевательныхъ плановъ. Если же Наполеонъ захочетъ еще пріумножить собранные лавры, онъ этимъ раздавитъ Францію и въ результатѣ очутится въ прямой и безусловной оппозиціи съ намѣреніями своихъ подданныхъ. Въ заключеніе философъ высказываетъ другую основную задачу своихъ работъ, равную по значенію *позитивной философіи*: «Сообщить политикѣ позитивный характеръ—предметъ моего честолюбія» [25]).

Сенъ-Симонъ увѣрялъ Наполеона, что его «намѣренія чисты» и «что онъ искренне желаетъ славы его величества и счастья своихъ соотечественниковъ», и въ то же время основой этого счастья и доказательствомъ своего интереса къ славѣ императора ставилъ «вѣчный миръ» и естественные предѣлы Франціи. Совмѣщеніе идей, напоминающее переписку съ Редерномъ: способность философа впадать въ самыя наивныя иллюзіи въ практическихъ личныхъ вопросахъ и неуклонное стремленіе по излюбленному теоретическому пути. Научная экзальтація окутывала въ глазахъ философа отдѣльныя явленія дѣйствительности, когда вопросъ шелъ о чужой психологіи и о чужомъ образѣ дѣйствій, — идеалистическимъ туманомъ. Сенъ-Симонъ чистосердечно переносилъ на другихъ свои настроенія, убѣжденный, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ всѣмъ благоразумнымъ и благороднымъ людямъ иначе и нельзя думать и чувствовать. Отсюда безпримѣрно непосредственныя рѣчи, обращаемыя Сенъ-Симономъ къ государственнымъ и ученымъ людямъ, рѣзкая критика поведенія и убѣжденій Наполеона въ произведеніи, къ нему же обращенномъ, и цѣлый курсъ исторіи,

---

[25]) *Oeuvres*, XV, 214—8. Въ *Notices* перепечатанъ отрывокъ, I, 52—3.

читаемый ему же, Наполеону, съ цѣлью научить его истинно-культурной политической дѣятельности. Есть извѣстіе, что въ отвѣтъ на обращенія философа къ императору, полиція принялась наводить слѣдствіе объ авторѣ и только полная непричастность Сенъ-Симона къ политическимъ интригамъ спасла его. Бонапартъ приказалъ не трогать его [26]). Императоръ, надо полагать, отступилъ именно передъ искренностью своего страннаго учителя.

Мы по всѣмъ произведеніямъ Сенъ-Симона встрѣчаемъ многочисленныя ярко-субъективныя отраженія его оригинальной личности. Онъ безпрестанно сбивался съ общаго философскаго разсужденія на личную исповѣдь. Послѣ 1813 г. Сенъ-Симонъ больше не писалъ автобіографическихъ «отрывковъ» и намъ остается обратиться къ сообщеніямъ людей, имѣвшихъ возможность особенно близко наблюдать жизнь и личность философа.

Ив. Ивановъ.

---

[26]) Сообщеніе защитника Сенъ-Симона въ процессѣ 20 марта 1820 г. изъ-за знаменитой *параболы*. Ср. Weill: *Saint-Simon et son oeuvre*. Paris, 1894, 72.

О Волковѣ и волковскихъ торжествахъ.

У насъ театръ любятъ и уважаютъ. По крайней мѣрѣ, публика на спектакли является очень охотно, бенефиціантовъ и знаменитостей «горячо принимаетъ» и «награждаетъ долго несмолкающими аплодисментами», много разговариваетъ о такомъ-то въ такой-то роли и о статьѣ такого-то о новой пьесѣ. Было время, когда, по разсказу Бѣлинскаго, на провинціальныхъ балахъ барышни строго говорили пріѣзжимъ знаменитостямъ: «я съ актерами не танцую!» Теперь провинція за нѣсколько дней волнуется, ожидая гастролей извѣстнаго артиста, встрѣчаетъ его оваціями, носитъ на рукахъ и усиленно кормитъ ужинами и обѣдами.

Мы собираемся говорить о волковскихъ празднествахъ, а вѣрнѣе, о волковскихъ обѣдахъ, завтракахъ и ужинахъ. Прежде всего, позволимъ себѣ вкратцѣ напомнить, кого и за что чествовали. Волкова называютъ основателемъ русскаго театра, между тѣмъ, театръ былъ уже и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Откуда же вышелъ, кто былъ и что сдѣлалъ Волковъ? Намъ придется ограничиться только краткими и немногочисленными біографическими данными, ихъ и вообще не много: самъ Волковъ не оставилъ послѣ себя никакого матеріала для біографіи, его друзья—тоже. Главнымъ и первымъ источникомъ является «опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» Н. И. Новикова. Всѣ послѣдующіе біографы основываются обыкновенно именно на этомъ трудѣ.

Ярославль—не родина Волкова. Ему уже было около семи лѣтъ, когда мать его, вдова костромского купца Григорія Волкова, вышла замужъ за ярославскаго купца Θедора Васильевича Полушкина и вмѣстѣ съ дѣтьми переселилась въ Ярославль. Это было около 1736 г.

Свѣдѣній о раннемъ дѣтствѣ Θедора Волкова мы почти не имѣемъ. Полушкинъ, повидимому, любилъ своихъ пасынковъ и можно предположить, что онъ имѣлъ небольшое вліяніе на Θедора, который въ 1843 г. вмѣстѣ съ братьями былъ принятъ имъ «въ товарищи» по торговымъ дѣламъ. Итакъ, съ 14 лѣтъ «основатель русскаго театра» вступаетъ въ крупное торговое дѣло, а съ 16 лѣтъ уже стоитъ во главѣ его, такъ какъ по ревизской

сказкѣ видно, что Полушкинъ въ 1745 г. «за старостью» передалъ пасынкамъ всѣ свои предпріятія.

Трудно возстановить хотя бы въ общихъ чертахъ картину развитія Волкова. Кто научилъ его грамотѣ, кто первый замѣтилъ способности даровитаго ребенка—мы не знаемъ. Видно только, что отчимъ, человѣкъ, стоявшій по взглядамъ значительно выше своей среды, относился къ пасынку съ любовью и заботился о его образованіи: есть извѣстіе, что до передачи дѣлъ пасынкамъ, Полушкинъ отправилъ его въ Москву, на 2 года въ Заиконоспасскую академію. Время, проведенное въ столицѣ, очевидно, очень благотворно отразилось на развитіи Волкова. Можно смѣло предположить, что именно тогда онъ, посѣщая спектакли въ московскомъ госпиталѣ, полюбилъ театръ такъ, какъ въ то время никто въ Россіи не любилъ его и смутно понялъ свое призваніе.

Въ эти два года онъ много работалъ: научился нѣмецкому языку, занимался живописью и музыкой, читалъ и вернулся въ Ярославль уже *образованнымъ* человѣкомъ. Напомнимъ, что мы говоримъ это о 16—17-лѣтнемъ юношѣ, почти о мальчикѣ, который, по словамъ Новикова, съ раннихъ лѣтъ «пристрастно прилежалъ къ познанію наукъ и художествъ». Очевидно, въ Ярославлѣ, среди своихъ, ему уже стало душно, не съ кѣмъ было подѣлиться всѣмъ, что такъ волновало его, чѣмъ полны были мысли. Но вскорѣ такой человѣкъ нашелся. И посмотрите, какая странная и красивая картина: въ торговомъ русскомъ городѣ, въ толпѣ самыхъ простыхъ людей, спокойно занятыхъ своимъ немудренымъ дѣломъ, сходятся случайно два человѣка—молодой купецъ, «пристрастно прилежащій къ познанію наукъ и художествъ» и одинокій старикъ, ученый нѣмецъ, пасторъ ссыльнаго Бирона. Мы мало знаемъ объ этой встрѣчѣ, но нельзя не считать ее полной глубокаго значенія.

Это—заря жизни Волкова. Скоро наступилъ день. Волкову пришлось еще нѣсколько разъ побывать въ Петербургѣ. Полушкинъ послалъ его учиться торговымъ дѣламъ въ конторѣ какого-то нѣмецкаго негоціанта. Въ это время на придворномъ театрѣ давала спектакли итальянская оперная труппа. Попасть туда было не легко, но съ помощью хозяина Волковъ бывалъ на спектакляхъ, добился доступа за кулисы, познакомился съ артистами. Онъ разузналъ и изучилъ все, что было можно узнать въ этомъ маленькомъ театрѣ, и когда, послѣ смерти Полушкина, пришлось возвращаться въ Ярославль—рѣшеніе было готово.

Въ большомъ кожевенномъ каменномъ сараѣ на дворѣ дома Полушкина весной 1750 года данъ былъ спектакль: шла «Эсѳирь» и пастораль «Эвмонъ и Берѳа». Играли: Ѳедоръ Волковъ, братья его, молодой Нарыковъ (впослѣдствіи Дмитревскій) и еще нѣсколько молодыхъ купцовъ. Это первый русскій частный театръ, первая труппа русскихъ актеровъ, начало великаго дѣла Волкова—созданія русскаго театра.

Спектакли въ сараѣ продолжались. Маленькая труппа все больше при-

вязывалась къ своему дѣлу, совершенствовалась, а Ярославская публика,— смѣло можно сказать,—начинаетъ любить театръ. Приблизительно черезъ годъ Волкову при поддержкѣ воеводы Мусина-Пушкина и помѣщика Майкова удается собрать деньги и устроить большой театръ на тысячу человѣкъ зрителей. Все сдѣлано имъ — онъ и актеръ, и декораторъ, и музыкантъ, и бутафоръ, даже переводчикъ: онъ перевелъ и поставилъ оперу «Титово милосердіе» Метастазіо.

Около 1752 г. изъ Петербурга пріѣхала въ Ярославль коммиссія для изслѣдованія злоупотребленій по виннымъ откупамъ. Разумѣется, пріѣзжимъ прежде всего показали диковинку всего города—новый театръ. Новинка понравилась. Сенатскій экзекуторъ Игнатьевъ, членъ коммиссіи, особенно заинтересовался театромъ, познакомился съ Волковымъ, даже, быть можетъ, подружился. Очень возможно, что именно онъ разсказалъ о ярославскомъ театрѣ въ Петербургѣ какому-нибудь вліятельному лицу. Такимъ путемъ новость дошла до императрицы Елизаветы.

Въ 1752 г. за ярославскими актерами присланъ былъ царскій посланный. 14 молодыхъ актеровъ отправились въ Петербургъ и въ Царскомъ Селѣ на домашнемъ театрѣ императрицы разыграли «Хорева». Спектакль очень понравился. Дѣло Волкова нашло поддержку, вниманіе императрицы обезпечивало успѣхъ. Вся труппа для пополненія образованія отдана была въ сухопутный шляхетскій корпусъ. Сумароковъ и нѣкоторые офицеры, игравшіе раньше на своемъ театрѣ, должны были обучать ярославцевъ всему, что касалось сценическаго искусства.

Черезъ четыре года императрицею данъ былъ правительствующему сенату указъ «объ учрежденіи русскаго для представленія комедій и трагедій театра». Волковъ получилъ званіе «перваго придворнаго актера», а Сумароковъ былъ главнымъ завѣдующимъ труппой, которая состояла главнымъ образомъ изъ товарищей Волкова. Были и средства отъ казны и довольно широкій репертуаръ изъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ и, главное, была сильная энергія, широкая дѣятельность и глубокая любовь Волкова къ театру. Его положеніе упрочилось, къ нему относились съ уваженіемъ, съ почтительнымъ удивленіемъ: если не всѣ, то по крайней мѣрѣ, многіе понимали великое значеніе того, что было имъ сдѣлано— имъ однимъ.

До насъ дошло извѣстіе странное, почти непонятное на первый взглядъ: императрица Екатерина II, вступивъ на престолъ, предложила *ярославскому купцу Ѳедору Волкову* орденъ св. Андрея Первозваннаго и постъ кабинетъ-министра. Это предложеніе становится понятнымъ, если мы вспомнимъ, что Волковъ былъ человѣкомъ выдающихся способностей, сильнаго ума и широкаго образованія. А Екатерина II умѣла выбирать людей.

Однако, Волковъ отказался. Онъ не могъ оставить театръ и, осыпанный милостями, попрежнему весь отдавался своему дѣлу.

Онъ умеръ въ 1763 г. Умеръ 34 лѣтъ внезапно.

Были устроены коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Устройство грандіознаго маскарада, который долженъ былъ, по словамъ Хераскова

...„Мерзость показавъ пороковъ, честность славить,
Сердца отъ нихъ отвлечь, испорченныхъ поправить"...

было поручено Волкову. Это былъ громадный трудъ. Участвовало 4,000 человѣкъ, надо было составить планъ, разучить сцены, выработать обстановку. Маскарадъ удался, современники говорятъ о немъ съ восторгомъ, но Волковъ простудился, устраивая трехдневное шествіе лицедѣевъ—и умеръ. Его могила въ Андроніевомъ монастырѣ—затерялась.

Вотъ кто былъ Волковъ.

Посмотрите на его извѣстный портретъ,—въ тогѣ съ маской. Это красивое, величавое, обаятельное лицо. Это лицо человѣка, отдавшаго свои силы, глубокій умъ и разносторонній, широкій талантъ тому, что онъ любилъ, во что вѣрилъ.

А объ этомъ портретѣ г. Ярцевъ сообщаетъ слѣдующее: М. С. Щепкинъ случайно пріобрѣлъ его и отдалъ въ даръ Демидовскому юридическому лицею. Раньше его купилъ П. Г. Степановъ у слуги графа Шереметева. Слуга уступилъ портретъ дешево—имъ накрывали кадки и онъ не особенно былъ нуженъ.

Итакъ, въ Ярославлѣ праздновалось 150-лѣтіе со дня основанія перваго русскаго частнаго театра. Если праздновали, значитъ, считали это событіе важнымъ; если же оно важно, то *такъ ли* слѣдовало его отпраздновать?

Былъ основанъ *частный* театръ, театръ, въ который впервые сошлись ярославскіе горожане, всѣ, кто только могъ заплатить отъ 3 до 25 к. и желалъ видѣть спектакль. Это праздникъ *всего русскаго общества*. Между тѣмъ, на ярославскихъ торжествахъ были только лица оффиціально причисленныя къ театру, артисты императорскихъ театровъ, мѣстныя, т.-е. ярославскія общества (архивная коммиссія, общество грамотности) и избранная ярославская публика. Въ газетныхъ отчетахъ мы видѣли лишь очень немногія имена изъ тѣхъ, которыя могли бы украсить праздникъ, мало писателей, мало ученыхъ, вообще мало людей, дорогихъ русскому обществу. Это—первая ошибка. Въ чемъ же заключалось празднество? Было засѣданіе архивной коммиссіи, были спектакли для *избранной* публики, прогулки на пароходѣ, *очень много* завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ (очень хорошихъ по свидѣтельству корреспондентовъ). Но больше ничего не было.

Кажется намъ, что 150-лѣтіе съ основанія русскаго частнаго театра—событіе во всякомъ случаѣ не обычное—отпраздновано и слишкомъ обычно—вѣдь во всякую годовщину можно устроить обѣдъ и прогуляться—и слишкомъ не полно. Ярославское общество грамотности, готовясь къ волковскимъ днямъ, задумало было ознаменовать ихъ устройствомъ громаднаго *общенароднаго* празднества и постройкой обширнаго народнаго дома

Были устроены коммиссіи, подкоммиссіи, совѣты, комитеты,—все, что полагается. Работа разомъ началась и совершенно внезапно прекратилась. Очевидно, рѣшили, что не стоитъ. Почистили немного городъ, дождались гостей, потѣшили избранную публику спектаклями; радушнымъ пріемомъ—обѣды и прогулки весьма удались—и затихли.

Не того можно и нужно было ожидать. Не знаемъ, отчего вышла ошибка, но она настолько значительна, что наводитъ на очень невеселыя мысли. И праздновали не всѣ, кому надо было, и не такъ праздновали, какъ надо было. А шума было много. Въ 132 № *Курьера* г. Провинціалъ напомнилъ намъ о праздникѣ въ Германіи въ 1894 году. Это было 400-лѣтіе рожденія перваго германскаго актера—Ганса Сакса. Не было такого захолустья, гдѣ не праздновали бы этотъ день искренне, сознательно и торжественно.

Да. Это было то, что должно.

М. С.

Драмы жалости.

Письмо въ редакцію по поводу спектаклей Сальвини.

Человѣку всегда и все свойственно анализировать. Въ нашемъ мірѣ ничего нѣтъ безусловно совершеннаго—ни добраго, ни злого, и мы, естественно, во всякомъ явленіи стремимся открыть положительную и отрицательную стороны, *разобрать* его и взвѣсить. Поэтому безграничный восторгъ или безповоротное осужденіе считаются обыкновенно неосновательными чувствами. И мы привыкли съ большой осторожностью относиться къ энтузіазму,—тѣмъ болѣе, что онъ, по самой своей сущности, выражается чаще всего мало убѣдительнымъ языкомъ,—преимущественно превосходными степенями, знаками восклицанія и многоточіями,—вродѣ стиховъ въ прозѣ. Разсудительный слушатель или сострадательно и иронически улыбается въ отвѣтъ на подобную словесную бомбардировку, или откровенно бѣжитъ съ поля сраженія: взрослому въ борьбѣ съ несовершеннолѣтними нѣтъ ни чести, ни радости...

Это — общее правило, и въ наше скептическое и реальное время, наслѣдовавшее разочарованія и критику многочисленныхъ, опрометчивыхъ поколѣній, оно, повидимому, не допускаетъ исключеній. И вдругъ — исключеніе,—и притомъ упорное и самое лирическое.

Въ маѣ почти невозможно было встрѣтиться съ просвѣщеннымъ москвичомъ и разойтись съ нимъ безъ вопросовъ или отвѣтовъ о Сальвини. Что иной эстетикъ вмѣсто «здравствуйте», крикнетъ вамъ: «А каковъ Сальвини! Видѣли?» — это неудивительно: раса старыхъ эстетиковъ внѣ конкурса, — имъ до конца дней продолжаетъ сниться маркизъ Поза, сколько бы ни неистовствовали и ни отравляли воздуха «капитализмъ», «символизмъ» и прочіе современные ядовитые *измы*. Но вотъ что не совсѣмъ обычно. Старыхъ эстетиковъ, до сихъ поръ летающихъ въ гости къ Шиллеру, у насъ очень мало, въ театральной толпѣ они совершенно теряются, овацій они не устраиваютъ и даже театральныхъ рецензій не пишутъ. Если бы неосновательное чувство только ими ограничилось,—Сальвини казался бы погребеннымъ въ равнодушіи и въ забвеніи. Очевидно, славу сдѣлала толпа: она «стонала» въ театрѣ, она вынесла свой

восторгъ на улицу, она надолго именемъ Сальвини облагородила атмосферу гостиныхъ и столбцы газетъ.

Итакъ—восторгъ, одинъ восторгъ—безъ тѣни сомнѣнія, безъ намека на оговорку, безъ малѣйшаго покушенія со стороны столь человѣческой черты — влить въ бочку меду ложку дегтю и при общемъ одноцвѣтномъ увлеченіи сыграть на оригинальность — самымъ дешевымъ способомъ: заявить: нѣтъ, мнѣ не все нравится,— вотъ то-то и то-то могло бы быть лучше, реальнѣе... или какъ-нибудь еще, только *иначе*, а не *такъ*.

Но этихъ заявленій ни откуда не слышно. Всѣ удовлетворены до послѣдней степени и, какъ всегда бываетъ съ взволнованнымъ человѣчествомъ, разбиваются старые кумиры и колеблются чуть не вчера воздвигнутые монументы. И мы не знаемъ, чѣмъ спасти кумиры и какъ поддержать монументы. Мы побѣждены—высшей властью, какая только можетъ властвовать надъ человѣкомъ,—*красотой человѣка,* и мы преклоняемся предъ геніальнымъ художникомъ, обольстившимъ наши глаза *прекраснымъ человѣкомъ.* Вы помните, Гоголь такъ чудно изображалъ чарующую силу идеальнаго поэта: нѣтъ ей предѣловъ, при одномъ его имени юныя сердца трепещутъ отъ восторга и кружатся головы у шестнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ...

Да, великое счастье умѣть *правдиво* и *убѣдительно* показать прекраснаго человѣка — въ процессѣ художественнаго творчества. Сколько благодарныхъ и гордыхъ! И какое удивительное чувство остается у нихъ къ своему благодѣтелю! Имъ больно усомниться даже въ малѣйшей частности его творенія: вѣдь это значитъ посягнуть на обаятельную гармонію человѣческаго образа, водворившагося въ собственномъ сердцѣ читателя или зрителя. И они, будто личное достоинство, оберегаютъ ничѣмъ незамѣнимыя впечатлѣнія, и художественныя воспоминанія становятся драгоцѣннымъ звеномъ въ нравственныхъ опытахъ жизни.

И это счастье суждено Сальвини. Полвѣка онъ «окуриваетъ упоительнымъ куревомъ людскія очи», скрывая низкое въ человѣкѣ и ярко освѣщая въ немъ все великое и благородное. И что трогательнѣе всего — на склонѣ лѣтъ онъ остается вѣренъ юношеской идеализаціи человѣка,—и мы въ своей восторженной благодарности невольно артиста отожествляемъ съ человѣкомъ. Вотъ — думаемъ мы — истинный герой, выполнившій завѣтъ маркиза Позы: «оставься вѣренъ идеямъ и грезамъ юности своей, если хочешь быть мужемъ». *Онъ* остался,— иначе откуда старость возьметъ столько искренняго лиризма, столь эффектной рыцарственности, такого изящества повелительной силы?

Какой анализъ здѣсь возможенъ? Совершенное художественное произведеніе то-же, что величественныя явленія природы. Чтобы дать о нихъ возможно точное понятіе, надо описывать не *ихъ*, а *человѣка* подъ впечатлѣніемъ ихъ, надо разсказывать не то, что было, а то, что перечувствовано. Самое живописное и добросовѣстное перечисленіе подробностей не дастъ цѣльнаго представленія о восходѣ солнца, о шумѣ моря, о грозѣ въ горахъ. Все это — своего рода програмная музыка,—и сколько бы нотъ

вы ни называли, какъ бы искусно не воспроизводили мотивы,—вашъ слушатель останется неудовлетвореннымъ. Но если вы были глубоко взволнованы,—разскажите, что внушили, какія думы, какіе образы навѣяли вамъ эти волненія, и слушателю станетъ ясна захватывающая красота явленія.

Такъ и роли Сальвини.

Совершенно безцѣльно перечислять отдѣльные моменты игры. Кто не видалъ ихъ, тому съ чужихъ словъ не представить всего *внутренняго* смысла интонаціи, жеста, едва уловимаго сценическаго пріема. А очевидцы — каждый непремѣнно запомнилъ нѣсколько подробностей, именно его поразившихъ,—и въ общемъ описывать роль Сальвини,—значитъ комментировать слово за словомъ весь текстъ пьесы, и не только строчки, но и между строкъ, не только слова, но и паузы, жесты, даже намеки на жесты, взгляды быстрые, какъ молнія, но краснорѣчивые, какъ цѣлые монологи. Возможно ли это? Даже если бы было возможно,— остался бы еще неописаннымъ и неописуемымъ общій *колоритъ* и рѣчей и взглядовъ.

Все равно, какъ напримѣръ, такая задача. Вамъ захотѣлось разсказать о лунной ночи на неаполитанскомъ заливѣ. Вы будете говорить о серебристомъ свѣтѣ, о мягкихъ, безконечно разнообразныхъ оттѣнкахъ моря, о мрачномъ Везувіи, о сверкающихъ отблескахъ сказочно-игрушечнаго Сорренто. Но гдѣ вы возьмете словъ и красокъ—дать вашему слушателю почувствовать все упоеніе окружающаго міра, разлитое и надъ моремъ, и надъ Сорренто, и надъ вами, это неуловимо-размывающее дыханіе могуче-страстной, но будто затаившей свою страсть природы, это пронизывающее, мучительно-сладостное ощущеніе всего — и воздуха, и нервно вздыхающаго моря, и застывшаго въ истомѣ темнаго неба... Для этого нѣтъ словъ! Развѣ только геніальный поэтъ сможетъ создать поэму, приближающуюся по силѣ воздѣйствія на нашу душу—къ неисчерпаемому творчеству природы.

И мы убѣждены, великія художественныя произведенія не подробностями оставляютъ неизгладимый слѣдъ въ нашей памяти: подробности тускнѣютъ и исчезаютъ съ годами, а общимъ духомъ, общей физіономіей. Это воздѣйствіе не разсудочное, а интуитивное, и что можно анализировать въ одобрительномъ и порицательномъ направленіи, то, навѣрное, не совершенно въ своей художественной гармоніи. Бываетъ даже такъ: иная частность въ художественномъ созданіи, взятая отдѣльно отъ всего цѣлаго, оказывается странной, неумѣстной, вродѣ длинной шеи у Венеры Милосской, фантастическихъ складокъ одежды у Моисея Микель Анжело, кровавыхъ сценъ въ трагедіи Шекспира. Но мы считаемъ вѣрнымъ доказательствомъ малой эстетической впечатлительности и сомнительнаго вкуса—наклонность цѣнителя привязываться къ подобнымъ отдѣльнымъ чертамъ и изъ-за нихъ *не чувствовать* цѣлаго.

Роли Сальвини такія же произведенія искусства. По свѣжей памяти можно бы наполнить множество страницъ восхваленіями моментовъ, разборомъ фразъ, комментированіемъ паузъ, но это было бы все равно, какъ если бы, разсказывая о девятой симфоніи, мы стали бы перечислять ноты

и интервалы, или, описывая Сикстинскую Мадонну, припоминать, какого цвѣта ея плащъ, отдернутый занавѣсъ, какой величины ея руки и ноги. Прочь эстетическая ариѳметика! Она примѣнима только тамъ, гдѣ есть и сильное и слабое, гдѣ нѣтъ *живой* гармоніи вдохновенія, гдѣ искусство *дѣлается*, а не *рождается*.

Сальвини сыгралъ двѣ роли — Коррадо и Отелло. Обѣ одного психологическаго типа. Оба героя—жертвы любовной страсти, точнѣе ревности, вызывающей у нихъ слѣпыя, безумныя вспышки темперамента. Одинъ убиваетъ брата жены, подозрѣвая въ немъ посягателя на свою честь, другой рѣшается совершить два убійства, чужими руками убить соперника и собственными задушить измѣнницу. Драма Коррадо совершенно проста и *вполнѣ реальна*. Неизвѣстно, почему ее принято считать жестокимъ мелодраматическимъ зрѣлищемъ. Нѣтъ ничего естественнѣе событій, разсказанныхъ въ *Гражданской смерти*, они могутъ произойти въ какую угодно эпоху и въ какой угодно странѣ, конечно, съ различными подробностями.

Единственно, что внушаетъ сомнѣніе, добродѣтельная фигура доктора Пальміери, безкорыстно опекающаго молодую женщину. Но неужели ужъ и въ самомъ дѣлѣ надо быть чудовищемъ добродѣтели, чтобы терпѣть рядомъ съ собой чужую жену безъ спеціально-мужскихъ покушеній? Г. Федотовъ, играющій эту роль съ обычнымъ художественнымъ тактомъ и благородной простотой, вполнѣ убѣждаетъ насъ въ естественности и истинно-человѣческой красотѣ подобнаго явленія не въ мелодрамѣ, а въ жизни. О чрезвычайно яркомъ бытовомъ освѣщеніи пьесы нечего и говорить: неизмѣнная популярность драмы въ Италіи краснорѣчивѣе всѣхъ разсужденій.

Но не въ этотъ дѣло. Мы видѣли многихъ Коррадо, между прочимъ Росси и сына Сальвини. Два различныхъ замысла: у Росси—полубандитъ, полублагородный отецъ, въ общемъ роль не изъ удачныхъ, у молодого Сальвини—видимо отцовское вѣяніе. Никакого романтизма, только безгранично-несчастное сердце мужа и особенно отца, это нравственно, физически окончательно надломленный организмъ; смерть отъ сильныхъ волненій, отъ разрыва сердца—вопросъ самаго непродолжительнаго времени, и артистъ всѣ сцены велъ къ этому исходу патологически тонко и артистически-изобрѣтательно. У Сальвини-отца тотъ же образъ, но еще болѣе облагороженный и не нуждающійся въ чисто-сценическомъ реализмѣ. Лишь только Коррадо является на сцену, мы уже видимъ, его невольная вина искуплена—даже, можетъ быть, съ излишкомъ, искуплена *всей* загубленной жизнью, загубленной въ самомъ расцвѣтѣ. Предъ нами жертва того сконцентрированнаго зла, въ которомъ нашъ міръ лежитъ. У нея отравленъ всякій атомъ души, если бы душа состояла изъ атомовъ. Весь организмъ будто наэлектризованъ острымъ хроническимъ недугомъ, и малѣйшее прикосновеніе извнѣ—все равно сочувственное или враждебное—приводитъ его въ трепетъ. Вся драма—агонія осужденнаго на смерть и все еще протягивающаго руки къ свѣту и къ счастью. Громадное искусство артиста обнаружилось именно въ воспроизведеніи безнадежной борьбы едва мерцающаго солнца съ грозными

отовсюду облегающими его тучами. Все живое до послѣдняго вздоха тянется къ жизни и къ свѣту... Этому обезцвѣченному и одряблѣвшему лицу долголѣтняго узника никогда не зацвѣсти румянцемъ, этимъ разбитымъ и изможденнымъ членамъ каторжника не вернуть юной упругости, этой надорванной груди не научиться дышать ровно и сильно, и все-таки «хочется жить!»...

Нѣтъ человѣка, кто бы не могъ во всей истинѣ понять этой драмы. Сальвини вызывалъ у публики слезы, и это были прекрасныя слезы вдохновеннаго сердца, также прекраснаго, по крайней мѣрѣ, въ моментъ волненія.

Здѣсь не можетъ быть ни взглядовъ, ни сомнѣній, ни вообще критики. *Сердце* сказало, и разсудокъ долженъ молчать, и въ данномъ случаѣ, что далеко не всегда бываетъ, молчаніе для него и честь, и радость.

Но вотъ на сценѣ неизмѣримо болѣе популярный герой. Кто не думалъ о немъ и врядъ ли кто изъ видѣвшихъ Сальвини уже не видалъ Отелло какъ роль у другого артиста! Кажется, такая простая исторія. Молодая дѣвица съ горячимъ воображеніемъ увлеклась героемъ, не молодымъ, но и не особенно старымъ. Герой—Мавръ, т.-е. съ пламенной кровью и, естественно, съ могучимъ чувственнымъ темпераментомъ. Онъ не знаетъ и, по природѣ, не можетъ знать злокозненнаго венеціанскаго свѣта,—утонченнаго, культурнаго и жестокаго. Его наивностью ничего не стóитъ воспользоваться именно въ вопросахъ чувства. Онъ загорается ревностью, жаждой мести и мститъ кровью. На востокѣ иначе не понимаютъ развязки любовной коллизіи, и не только на востокѣ. Въ той же Италіи, а по наблюденіямъ современнаго итальянскаго публициста Ферреро—вообще во всей *латинской* расѣ принципъ *tue-la* общепринятый. «Латинская» любовь исключительно чувственная, женщина для француза и итальянца только «милое созданіе», непремѣнно *ниже* человѣка и поэтому способное на всякую пошлую заугольную интригу. «Латинская» любовь часто искренняя и поэтична, но она всегда *тюрьма* и весьма часто инквизиція и убійство. И Ферреро рѣшительно не вѣритъ, чтобы латинская раса когда-либо не додумалась отвлеченно, а дожила чувствомъ и волей до признанія въ женщинѣ нравственнаго и свободнаго существа *).

Послѣ этого философія Яго не кажется ужъ очень своеобразной, а шутки Эмиліи даже очень милы. Отелло не было никакихъ основаній научиться болѣе культурному отношенію къ женщинѣ, чѣмъ относились сами венеціанцы, хотя бы даже отецъ Дездемоны. Отелло извѣстенъ своимъ умомъ и необыкновенной, прямо сверхчеловѣческой выдержкой. Намъ это усиленно подчеркиваютъ,—именно его «твердый нравъ, не знавшій грозы страстей»: ни удары судьбы, ни даже такія происшествія, какъ смерть брата въ сраженіи на его рукахъ, не могли поколебать Отелло. Впрочемъ, достаточно было прожить въ Венеціи хотя бы нѣсколько мѣсяцевъ и остаться такимъ «дикаремъ», какимъ является Отелло, чтобы доказать дѣйствительно небывалую «сдержанность» и «непоколебимость». И вдругъ, полное ослѣпленіе,

*) *L'Europa Giovane*. Studi e viaggi nei poesi di Nord. Milano, 1897.

безпросвѣтное затменіе отнюдь не юношескаго ума и *blood*, *blood*, *blood*! Такъ восклицаетъ Отелло, и онъ хотѣлъ бы убивать своего соперника «девять лѣтъ сряду». Ему измѣнила жена!

Отелло вѣритъ этой измѣнѣ—такъ легко и съ такой стремительностью, что зритель безпрестанно подвергается искушенію воскликнуть, что за глупецъ, хотя и честный! Положимъ, ты не свѣдущъ въ «кудрявыхъ фразахъ», но вѣдь здравый-то смыслъ свойственъ и твоему племени,—а тебѣ въ особенности, геніальному вождю и примѣрному борцу съ самой судьбой. И ты, вѣроятно, знаешь все-таки людей, если такъ часто водишь ихъ къ побѣдѣ и внушаешь имъ такое уваженіе къ себѣ. Посвященъ, надо думать, и въ людскія хитрости: гдѣ же имъ и процвѣтать, какъ не на войнѣ, да еще съ восточными народами!

И вдругъ—ловушка, въ которую свойственно попасться развѣ только какому-нибудь Родриго! Какъ это объяснить?

Съ незапамятныхъ временъ принято одно объясненіе: Мавръ такъ благороденъ и чистъ сердцемъ, что его обмануть ничего не стóитъ. Этотъ взглядъ внушенъ монологами Яго. Но смыслъ ихъ оцѣненъ поверхностно. Мавра дѣйствительно легко провести, но въ какомъ случаѣ? Почему, напримѣръ, Яго не берется прямо клеветать на Кассіо, не замѣшивая Дездемоны, или вообще не выбираетъ другого пути для мести—*мимо* женщины? По двумъ причинамъ,—въ сущности по одной и той же: Оттело именно *относительно женщины* повѣритъ рѣшительно какой угодно мерзости, и самъ Яго также *относительно женщины* заранѣе убѣжденъ въ какой угодно подлости. Оба они одинаково *предрасположены противъ* женской искренности и вѣрности: Отелло инстинктивно, а Яго, кромѣ того, и по своему человѣконенавистническому разсудку. Но это *лишняя* черта и рядомъ съ ней имѣется другая, общая и у Отелло, и у Брабанціо, и у Яго и—говоритъ итальянскій писатель—даже у всякаго француза и итальянца: каждый изъ нихъ готовъ отдать душу черту—лишь бы знать всякую минуту мысли своей жены. Обратите вниманіе, какъ Яго изображаетъ исторію любви и сравните его разсказъ, напримѣръ, съ романами Габріэля Даннунціо или даже скромной Матильды Серао—или лучше съ геніальными отрывками Мопассана и, наконецъ, съ *Письмами женщинъ* Марселя Прево. Вся разница въ степени откровенности,—а смыслъ всѣхъ этихъ «возбужденій», «насыщеній», «томности», «усталости», «голодухи»—всюду одинъ и тотъ же. И благородный Отелло—инстинктивно и заранѣе подготовленъ къ этому анализу женской природы. Разумѣется,—онъ не виноватъ, разъ это инстинктъ,—но вотъ вопросъ: благороденъ ли этотъ инстинктъ? И дѣйствительно ли Оттело явленіе возвышенное и рыцарственное?

Легко вѣрить въ чье-либо преступленіе—значитъ оскорблять мнимаго преступника именно легкостью вѣры въ его преступленіе,—даже глубже, чѣмъ нанося ему прямую обиду. Когда мы говоримъ о человѣкѣ: *съ него все станется*, этимъ самымъ мы его считаемъ *ниже* даже самаго обыкновеннаго уровня порядочности. А вѣдь Отелло начинаетъ вѣрить измѣнѣ

жены прежде всего, потому что эта измѣна *психологически* возможна. Стоитъ Яго представить лишь нѣсколько *общихъ* соображеній,—Отелло ужъ даетъ ему порученіе *смотрѣть за ней*! И Отелло уже убѣжденъ: «все можетъ быть»!...

Почему все? Да потому что вопросъ идетъ о женщинѣ. Что, можетъ быть, подлъ Яго, этого Отелло и допускать не можетъ, но что подла жена Яго — это вполнѣ естественно и до такой степени несомнѣнно, что даже не стоитъ и спрашивать ее насчетъ поведенія Дездемоны и приключенія съ платкомъ. Навѣрное солжетъ: вѣдь дѣло идетъ о любовной интригѣ, а здѣсь женщины всѣ за одно и всѣ прирожденныя лгуньи и грѣшницы.

Предупреждаемъ читателя,—мы отнюдь не намѣрены вдаваться въ чувствительную область женскаго вопроса и говоримъ независимо отъ трогательной участи Дездемоны. Мы только пытаемся взять Отелло внѣ традиціоннаго романическаго освѣщенія, судить о немъ *по-человѣчеству*,—не вмѣшивая въ дѣло ни художественныхъ эффектовъ, ни лирическихъ волненій. И мы видимъ,—Отелло прежде всего не считалъ Дездемону, какъ женщину, за нравственно-сознательное и разумно-управляемое существо. Вы, можетъ быть, припомните, — Отелло готовъ жизнь отдать за вѣрность Дездемоны—въ отвѣтъ на предостереженіе Брабанціо. Сильная, но столь обычная фраза—*до перваго сомнѣнія* въ вѣрности, и особенно при вступленіи въ медовый мѣсяцъ. На самомъ дѣлѣ должно было выйти и вышло совершенно иначе. Отелло не только не поставилъ своей жизни противъ вѣрности Дездемоны, но даже не подумалъ ради все той же вѣрности рискнуть хотя бы мгновеннымъ сомнѣньемъ въ идеальной честности Яго. Другой лирическій мотивъ—Отелло съ поцѣлуемъ убиваетъ Дездемону, совершаетъ будто самоубійство. Эти страданія доказываютъ только то, что мы давно знаемъ,—Отелло страстно любитъ свою чудную красавицу,—и *несмотря ни на какую любовь* все-таки душитъ ее, какъ измѣнницу. Выходитъ, лиризмъ только усиливаетъ освѣщаемую нами черту,—стихійную увѣренность Отелло въ низменныхъ вожделѣніяхъ Дездемоны, какъ женщины. Даже безграничная страсть, клятвы и мольбы Дездемоны, ея до конца ангельски-восторженное обожаніе мужа, нарисованное поэтомъ съ недосягаемо-трогательной поэзіей—ничто не въ силахъ заронить хотя бы искру въ мрачную рѣшимость Отелло. Онъ, какъ фанатикъ, идетъ истреблять врага своей вѣры и не столько изъ ревности—Пушкинъ въ этомъ смыслѣ правъ—сколько изъ мести. «Мнѣ измѣнить!... мнѣ, мнѣ!... Обмануть меня! И съ кѣмъ же? съ моимъ подчиненнымъ»!—кричитъ Отелло, и принимаетъ рѣшеніе: «Я разорву ее въ клочки»! Напрасно только Пушкинъ усмотрѣлъ въ Отелло довѣрчивость, какъ основную черту характера. Она не объясняетъ драмы, и сама по себѣ никоимъ образомъ не могла бы привести къ кровавой развязкѣ. Отелло довѣрчивъ *въ извѣстномъ направленіи* и довѣрчивость нисколько не исключаетъ ревности, напротивъ—ея постоянный спутникъ. Но довѣрчивость Отелло, какъ и всякое сильное чувство въ человѣкѣ, развивается по направленію наименьшаго сопротивленія, т.-е. гдѣ

умъ и воля за одно съ чувствомъ. Отелло довѣрчивъ на все низкое по отношенію къ женщинѣ, въ данномъ случаѣ—къ женѣ, но онъ величайшій скептикъ на все честное и искреннее также по отношенію къ женѣ, никакія впечатлѣнія чистоты и правдивости—ихъ Шекспиръ подчеркиваетъ въ устахъ Отелло чрезвычайно рѣзко—не способны ни на минуту поколебать мстителя, его *скептицизма* предъ лицомъ женщины и, естественно, его довѣрчивости предъ «честнымъ солдатомъ» Яго.

Таковъ, по нашему мнѣнію, первоисточникъ драмы Отелло. Мы могли бы подтвердить свою мысль множествомъ другихъ подробностей, — но, думаемъ, и сказаннаго достаточно, чтобы имѣть право поставить вопросъ: реаленъ ли Отелло Сальвини? О цѣльности сценическаго образа нечего и говорить: гриммъ, тонъ голоса, мельчайшіе жесты, манера смотрѣть на друзей и враговъ—это верхъ совершенства—въ двоякомъ смыслѣ—художественнаго и нравственнаго. Мы всегда считали шиллеровскаго маркиза Позу фигурой чисто-логической, точнѣе *синтетической*—своего рода homunculus'омъ идеализма. И вотъ на насъ повѣяло воплощеннымъ шиллеровскимъ духомъ. Да, иначе не могъ бы дѣйствовать и благородный маркизъ, если бы обладалъ стремительнымъ темпераментомъ и съ такою страстью влюбился въ первую красавицу Венеціи. Какое прекрасное существо человѣкъ, даже когда онъ ревнуетъ, мститъ и убиваетъ!...

Странно, красота и такія ея проявленія! Пришлось, очевидно, *переработать* и слова, и факты трагедіи? Несомнѣнно, Сальвини создалъ *свою* драму и *своего* героя; какъ онъ это сдѣлалъ,—вотъ для примѣра два мелкихъ, но чрезвычайно краснорѣчивыхъ, *сценическихъ* пріема.

Раньше чѣмъ задушить Дездемону, Отелло схватываетъ за горло Яго и бросаетъ его на землю. Сальвини это выполняетъ, но онъ *немедленно* опоминается, протягиваетъ Яго руку, поднимаетъ его и уходитъ въ глубину сцены со стономъ боли и стыда. Одинъ жестъ и нѣсколько звуковъ, но сравните, что говоритъ Отелло тому же Яго послѣ схватки съ нимъ,—и вы будете поражены поистинѣ геніальнымъ внушеніемъ, производимымъ на васъ игрой артиста. Правда, Сальвини сильно мѣняетъ и рѣчь, и ея тонъ, но словъ совсѣмъ нельзя уничтожить, и они блѣднѣютъ предъ вами послѣ протянутой руки, послѣ мучительнаго вопля.

Другой примѣръ, еще болѣе любопытный. На требованія Отелло—представить доказательства измѣны Дездемоны, Яго спрашиваетъ: что же онъ, Отелло, хочетъ видѣть Дездемону и Кассіо въ объятіяхъ другъ друга? Шекспировскій Отелло восклицаетъ: «Deathand domnation! O...», всѣ итальянскіе: *Morte e'inferno!... Oh!...* Что же дѣлаетъ Отелло-Сальвини? Первое его инстинктивное движеніе,—снова броситься на Яго, но снова мгновенный протестъ прирожденной рыцарственности, и Отелло-Сальвини съ ощущеніемъ стыда на благородномъ лицѣ и доблестнаго негодованія на свой дикій порывъ отступаетъ отъ Яго, отворачивается отъ него, будто загорается румянцемъ совѣсти, говоря смущеннымъ тономъ: *No, no, no...* Ничего подобнаго въ пьесѣ нѣтъ, но опять впечатлѣніе такое, что иному зрителю

плакать хочется надъ этой царственно-возвышенной природой, отравленной микробами подлаго людского яда.

И такъ проведена вся пьеса! Судите послѣ этого, почему пропущена сцена съ Бьянкой и устраненъ *подслушивающій* Отелло и какъ артистъ воспользовался вполнѣ подходящими для него моментами, какъ было произнесено прощаніе съ военной славой и особенно знаменитое: «Я не хочу губить твоей души». Кажется, не перестанетъ звучать въ нашихъ душахъ: *Non vorrei uccidere l'anima sua*. Опять не то, что у Шекспира, и Сальвини произноситъ эти слова *въ сторону*, не въ лицо Дездемонѣ, и какъ произноситъ: будто «душа съ тѣломъ разстается», сказалъ бы простой русскій человѣкъ.

Кстати, вспомнился этотъ русскій человѣкъ: онъ дастъ намъ и общую характеристику Отелло-убійцы—*несчастный*. Въ словѣ звучитъ безграничная гуманность, всепрощеніе мягкой русской души. И трудно представить, сколько одобреній и трогательныхъ сочувствій вызвало это національное свойство.

Можетъ показаться, мы ушли далеко отъ Сальвини-Отелло. Напротивъ. Все это непосредственно примыкаетъ къ толкованію геніальнымъ артистомъ шекспировскаго героя. Это—*Othello posticcio*, выражаясь роднымъ языкомъ артиста, поддѣльный или, вѣжливѣе, преображенный Отелло. Вся роль свидѣтельствуетъ, какого предѣла можетъ достигать великій артистическій талантъ. Нѣчто подобное показалъ намъ и сынъ Сальвини, въ роли Петруччіо, врядъ ли шекспировской комедіи-фарсѣ *Укрощеніе строптивой*. Трудно было ожидать, чтобы «укротитель» во всеоружіи бича и отборной словесности могъ выйти такимъ симпатичнымъ, даже серьезнымъ и чрезвычайно изящнымъ забавникомъ. Прямо чудеса можетъ творить эта на диво одаренная художественными талантами нація.

Но чудо — непремѣнно должно имѣть нравственный смыслъ, иначе въ немъ не будетъ складу. Смыслъ чуда сына Сальвини—самый безобидный, только художественный: отталкивающая пьеса превращена въ увлекательное сценическое зрѣлище. Но что такое чудо Сальвини старшаго?

Пусть не думаетъ читатель, будто мы питаемъ даже хотя бы отдаленное желаніе укорить артиста за отступленія отъ шекспировскаго текста или даже отъ шекспировскаго психологическаго замысла. Мы преклоняемся предъ поразительнымъ созданіемъ артиста: величественная красота сценическаго Отелло—самодовлѣющее оправданіе во всѣхъ вольностяхъ его творца. Мы только предлагаемъ читателю вникнуть въ культурную и нравственную сущность Отелло-Сальвини. На взглядъ самого артиста—истиннаго сына своей расы—убійство жены-измѣнницы можетъ казаться явленіемъ вполнѣ цѣлесообразнымъ и закономѣрнымъ. Мы думаемъ иначе.

Искусство и геній внушаютъ лирическія чувства и трогательную вѣру, но намъ приходится не только чувствовать и волноваться, но жить и неустанно бороться. А для борьбы нужна не *жалость*, а *справедливость*.

И. И.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Есть ли у насъ теперь подраздѣленіе на податныхъ и не податныхъ?—Пониженіе налога на керосинъ.—Къ вопросу о пересмотрѣ торговаго договора Россіи съ Германіей.—Какія мѣры могутъ содѣйствовать развитію нашей промышленности?—Какъ завоевываются рынки иностранцами? — Проектъ „ловли“ рабочихъ. — Высочайшій указъ 28 апрѣля и его значеніе.—Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній.—Охрана дѣтства.—Вопросы средней школы.—Судебные процессы Карповыхъ—Тальмы и братьевъ Скитскихъ.—Литературные нравы.

Проектъ фиксаціи земскихъ смѣтъ выставлялся иногда въ литературѣ и какъ средство для облегченія налогового бремени, лежащаго на крестьянахъ. Указывали, что будто бы земства, увеличивая свои бюджеты, чрезмѣрно напрягаютъ платежныя силы крестьянскаго населенія.

Мы воспользуемся поднятымъ вопросомъ и отмѣтимъ одну его сторону, не задаваясь пока болѣе подробнымъ анализомъ. Мы уже не говоримъ про гнетъ косвеннаго обложенія. Не такъ давно *Русскія Вѣдомости*, а затѣмъ въ самое послѣднее время *Россія* посвятили рядъ статей вопросу о коренномъ преобразованіи налоговой системы путемъ введенія въ нашу систему обложенія подоходнаго налога. Та и другая газета отмѣчали и эластичность новаго источника, а слѣдовательно особую его пригодность при современномъ строѣ нашей русской экономической жизни, и большую равномѣрность его, какъ масштаба для распредѣленія налогового бремени среди населенія. Такая перестройка нашей налоговой системы, несомнѣнно, дала бы средства для того, чтобы сбросить съ плечъ крестьянъ часть бремени, гнетущаго ихъ теперь. Но къ этому вопросу мы впослѣдствіи вернемся и поговоримъ болѣе подробно. А пока мы остановимся на одной аномаліи, существующей въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ, именно на аномаліи въ сферѣ волостного финансоваго хозяйства и финансоваго хозяйства сельской общины. Эта несообразность состоитъ въ томъ, что почти всѣ сборы по покрытію расходовъ волости и сельскаго общества лежатъ исключительно на однихъ крестьянахъ, а между тѣмъ начальство волости и сельскаго общества выполняетъ массу функцій общегосударственнаго характера. И болѣе справедливое распредѣленіе налогового бремени въ волости и сельскомъ обществѣ среди всѣхъ лицъ, пользующихся услугами волостнаго и сельскаго начальства, повело бы къ облегченію крестьянскаго населенія.

Этотъ вопросъ уже поднимался въ литературѣ и недавно къ нему опять возвращается г. К. Одарченко въ книгѣ: «Организація и задачи земскаго самоуправленія» (М., 1900 г.). «Силою вещей,—совершенно справедливо говоритъ г. Одарченко,—съ самаго начала введенія земскихъ учрежденій, волость постепенно превращается въ общую исполнительную инстанцію, гдѣ стекаются дѣла всѣхъ вѣдомствъ: судебныхъ, земскихъ и административныхъ; всякія распоряженія, откуда бы они ни исходили, пройдя чрезъ многочисленное письменное и канцелярское производства, сходятся въ волости. Волость, содержимая на средства *однихъ крестьянъ*, становится въ сущности низшею инстанціей, завѣдующею всѣми дѣлами внутренняго управленія...» (стр. 98).

Сельскій староста, избираемый исключительно крестьянами, приписанными къ извѣстному сельскому обществу, обязанъ принимать мѣры въ территоріи, прилегающей къ извѣстной деревнѣ или селу, для охраненія благочинія, порядка и безопасности лицъ, ихъ имущества отъ преступныхъ дѣйствій, для предупрежденія потравъ, пожаровъ, обязанъ распоряжаться подачею помощи въ случаѣ пожаровъ, наводненій, повальныхъ болѣзней и т. д. И сельскій староста охраняетъ безопасность и благочиніе и лицъ другихъ сословій. Но матеріальное содержаніе сельскаго старосты и другіе расходы, наприм., по предупрежденію и тушенію пожаровъ, при появленіи болѣзней, падаютъ на то сельское общество, представителемъ котораго является этотъ сельскій староста (стр. 101).

Конечно, такой порядокъ очень невыгоденъ для крестьянъ. На сельскія общества отнесено содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, проточныхъ водъ; содержаніе ихъ стоитъ иногда обществамъ большихъ издержекъ, а между тѣмъ по этимъ дорогамъ ѣздятъ, пользуются водопоемъ и лица, не принадлежащія къ составу даннаго сельскаго общества, однимъ словомъ, нельзя перечислить всѣхъ случаевъ, неудобствъ и несправедливостей, проистекающихъ отъ безпорядочности и неудобства нашего сельскаго быта (стр. 102).

Такимъ образомъ, что же получается?

Крестьяне того или другого сельскаго общества несутъ массу расходовъ, назначеніе которыхъ общегосударственнаго характера—задачи общаго управленія,—или такихъ, выгодами отъ которыхъ пользуются и другія сословія или другія категоріи лицъ, не участвующія вовсе въ несеніи налогового бремени даннаго сельскаго или волостного общества.

Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло, можно сказать, съ податными и неподатными слоями населенія. Одни несутъ все налоговое бремя, другіе не несутъ его, но однако пользуются выгодами отъ затратъ средствъ, полученныхъ съ первыхъ группъ населенія. Не такъ давно у насъ было то же самое и въ строѣ нашего государственнаго финансоваго хозяйства, когда подушный налогъ падалъ только на податное сословіе. Эта стѣна, отдѣляющая податное населеніе отъ неподатного, въ государственномъ хозяйствѣ пала, но она осталась и *до сихъ поръ остается* въ финансовомъ

хозяйствѣ меньшихъ общественныхъ организмовъ: волости и сельскаго общества.

Между тѣмъ мірскіе сборы представляютъ очень крупную сумму и тяжело отзываются на карманѣ крестьянина. На нашъ взглядъ крайне необходимъ пересмотръ организаціи финансоваго хозяйства волости и сельскаго общества въ смыслѣ болѣе уравнительнаго распредѣленія налоговаго бремени и привлеченія къ послѣднему и тѣхъ группъ, которыя до сихъ поръ не участвуютъ въ немъ. Пора и здѣсь разрушить ту стѣну, которая до сихъ поръ создаетъ въ этой области податное сословіе. Сельскій староста смотритъ, наприм., за порубками, потравами и т. д. и, конечно, здѣсь всего болѣе приходится ему удѣлять своего труда и времени для частныхъ владѣльцевъ.

Если мы съ чувствомъ самоудовлетворенія говоримъ теперь объ отсутствіи у насъ податныхъ классовъ, то это, какъ мы видѣли, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и происходитъ только отъ нашей близорукости: стоитъ спуститься поглубже, вглядѣться въ хозяйство волости и сельскаго общества, и мы найдемъ старое клеймо, уничтоженію котораго мы такъ радуемся. Нѣтъ, оно еще не исчезло, оно тяготѣетъ надъ нами и теперь ждетъ твердой руки, которая бы такимъ же сильнымъ движеніемъ вытравила его въ волости и сельскомъ обществѣ, какимъ покойный Н. Х. Бунге смылъ его въ государственномъ хозяйствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уже упомянули, слѣдуетъ понизить для облегченія налоговаго бремени крестьянъ косвенное обложеніе, и за послѣднее время въ прессѣ начинаютъ съ этой цѣлью указывать еще на одинъ предметъ (помимо чая, сахара и многихъ ввозныхъ ставокъ), а именно на керосинъ. Въ самомъ дѣлѣ, керосинъ—источникъ свѣта—является предметомъ первой необходимости, особенно у насъ, въ Россіи съ ея длинными зимними вечерами. Это обложеніе тѣмъ болѣе нераціонально, что, какъ совершенно справедливо отмѣтили *Новости,* болѣе состоятельные классы, пользующіеся теперь для освѣщенія газомъ и электричествомъ, не несутъ никакого налога, такъ какъ ни газъ, ни электричество обложенію не подлежатъ.

Приближается время пересмотра нашего торговаго договора съ Германіей. Удивительно, какъ безучастно заинтересованныя лица относятся у насъ къ этому важному моменту; между тѣмъ въ Германіи уже появился рядъ работъ о нашемъ торговомъ договорѣ и объ его значеніи для Германіи; такъ, одна работа напечатана въ *Studien,* издаваемыхъ Brentano и W. Lotz'омъ, другая — въ *Forschungen* Smoller'а. Отъ этого замалчиванія получается такое впечатлѣніе, какъ будто заинтересованныя лица боятся у насъ поднять этотъ вопросъ; боятся, что вмѣстѣ съ обсужденіемъ этого вопроса встанутъ детали, мало пріятныя для нихъ или же и вовсе непріятныя... Вѣдь тотчасъ же поднимется вопросъ о значеніи покровительственныхъ пошлинъ для роста нашей промышленности: точно ли ужъ это такое

единственное средство для выращиванія послѣдней? Не должны ли и сами представители промышленности что-нибудь сдѣлать, чтобы дѣйствительно протекціонизмъ принесъ свои плоды? Не пора ли, наконецъ, понизить таможенныя ставки? Вѣдь изъ заинтересованныхъ круговъ сплошь и рядомъ теперь слышишь, что высокій уровень нѣкоторыхъ таможенныхъ ставокъ имъ сильно вредитъ.

Интересныя сообщенія сдѣланы объ Аргентинѣ въ недавно вышедшемъ консульскомъ отчетѣ (Diplom. and Cons. Rep. Annual Series № 2381 Finances of the Argentine Republic for the years 1898—99. Febr. 1900). Несомнѣнно, что и въ Аргентинѣ протекціонизмъ способствовалъ развитію промышленности, но за послѣднее время среди населенія раздается много голосовъ въ пользу пониженія таможенныхъ ставокъ. Правительство въ прошломъ году, въ іюлѣ, въ отвѣтъ на эти протесты объявило: «мы не находимся въ положеніи старѣйшей и богатѣйшей изъ монархій, которая, достигнувъ конечнаго пункта экономическаго развитія, могла смѣло объявить свободную торговлю (Англія). Но мы и не въ положеніи богатѣйшей и могущественнѣйшей изъ республикъ всего міра, которая, давъ великій толчокъ развитію ея промышленности, можетъ освободить себя отъ спроса на иностранные продукты и запереться за стѣнами абсолютнаго протекціонизма (Америка). Въ этомъ отношеніи наше положеніе похоже на положеніе другихъ странъ свѣта. Мы уже имѣемъ теперь наши собственныя традиціи и извѣстную систему экономической политики, отъ которой мы не можемъ сразу отказаться, такъ какъ подъ вліяніемъ ея выросли очень цѣнные (very valuable) интересы, и такъ какъ милліонъ людей добываютъ себѣ средства существованія при этомъ режимѣ (англійскій консулъ, приводя эту рѣчь, отмѣчаетъ нѣкоторую преувеличенность цифры). Національная промышленность, главнымъ образомъ являющаяся результатомъ покровительственной политики, которая велась за послѣднее время, является теперь великой силой. Она представляетъ теперь значительный капиталъ и трудъ. И то, и другое правительство должно цѣнить, такъ какъ они соединены съ жизнью и развитіемъ страны. Но необходимо умѣрить эту систему и вычеркнуть изъ нея все то, что является въ ней преувеличеннымъ (to moderate the system and to remove whatever is exaggerated therein). *Протекціонизмъ долженъ быть разуменъ* и справедливъ (курсивъ нашъ), иначе другіе интересы, въ такой же степени заслуживающіе вниманія, будутъ нарушены, *и промышленность направится на ложный путь къ ея собственной гибели* («Protection should be reasonable and fair, otherwise interests equally worthy of respect would be injured and industry would be driven into wrong channels to its own detriment», стр. 12). Въ этой рѣчи аргентинскаго правительства выразительно подчеркивается все значеніе протекціонизма для развитія промышленности въ Аргентинѣ, но въ то же время признается, что этотъ протекціонизмъ долженъ быть разуменъ, иначе другіе существенные интересы страны будутъ нарушены, и промышленность направится на лож-

ный путь къ своей собственной гибели. И правительство прокламируетъ необходимость смягченія таможенной защиты.

Мы отмѣчаемъ это движеніе въ Аргентинѣ, какъ поучительный фактъ. Онъ подсказываетъ намъ, что и у насъ есть существенные интересы изъ области сельскаго хозяйства, такъ и изъ области промышленности, которые настоятельно требуютъ пониженія нѣкоторыхъ таможенныхъ ставокъ. Наприм., высокія таможенныя ставки на машины удорожаютъ оборудованіе нашихъ фабрикъ и т. д. Мы не хотимъ въ данное время вдаваться въ подробности,—мы желали бы только поставить вопросъ, публично обратиться къ заинтересованнымъ кругамъ и лицамъ съ пожеланіемъ, чтобы они сами заранѣе высказались по поводу нашей покровительственной системы: насколько она при существующихъ условіяхъ содѣйствуетъ росту нашей промышленности и насколько тормозитъ его, и въ какихъ именно ея частяхъ. Было бы очень интересно услыхать мнѣнія изъ компетентныхъ источниковъ. Правда, у насъ, къ сожалѣнію, мало развита общественная и научная жизнь; но всего болѣе было бы желательно, чтобы отдѣльныя заинтересованныя группы произвели болѣе или менѣе обстоятельныя анкеты, по разнымъ пунктамъ, интересующимъ ихъ, что дало бы большій вѣсъ и авторитетъ ихъ мнѣніямъ. Вѣдь это потребовало бы не такъ много средствъ, а между тѣмъ выяснило бы намъ вопросъ о значеніи протекціонизма у насъ въ настоящее время съ разныхъ точекъ зрѣнія и дало бы обширный матеріалъ.

Помимо этого вопроса о вліяніи таможенныхъ ставокъ на судьбы нашей промышленности, было бы интересно, если бы заинтересованныя лица высказались вообще, что̀, по ихъ мнѣнію, можетъ содѣйствовать росту нашей индустріи.

Недавно (въ апрѣлѣ этого года) появился другой англійскій консульскій отчетъ *), свидѣтельствующій объ огромныхъ промышленныхъ успѣхахъ Германіи. Вся торговля Германіи въ 1872 г. сводилась къ суммѣ въ 279 милл. ф. ст. (163 милл. ф. ст.—импортъ и 116 милл. ф. ст.—экспортъ). Въ 1890 г. она достигла 374 милл. ф. ст., въ 1899 г.—уже 459.421,500 ф. ст. (259.850,500 ф. ст.—импортъ и 199,571,000 ф. ст.—экспортъ). Главнымъ базисомъ, на которомъ покоится теперь сила Германіи, является,—говорится въ томъ же отчетѣ,—торговля и промышленность (trade), и въ меньшей степени земледѣліе. Конечно, этого никоимъ образомъ нельзя сказать про Россію. Мы должны больше удѣлить вниманія нашему сельскому хозяйству: урожай или неурожай у насъ имѣютъ огромное значеніе. Но что интересно и что не разъ подчеркивалось въ литературѣ, это то, что на это промышленное развитіе Германіи огромное вліяніе имѣло развитіе образованія. Такъ еще въ 1872 г. по министерству народнаго просвѣщенія въ одной Пруссіи было израсходовано 1,076 тыс. ф. ст., т.-е. 10 милл. руб., а на 1900 г. назначено

*) Dipl. and Cons. Rep. An. Series № 2400, „Economic position of the German Empire in 1900“.

уже 6,979 тыс. ф. ст., т.-е. чуть не въ *семь* разъ болѣе. На элементарное образованіе въ 1871 г. израсходовано 197,000 ф. ст., а на 1900 г. назначена огромная сумма 4.103,000 ф. ст., т.-е. 40 милл. руб. на наши деньги (и это въ одной Пруссіи!), т.-е. бюджетъ *элементарнаго образованія увеличился въ 20 разъ!* Параллельно съ развитіемъ народнаго образованія идетъ и промышленное развитіе Пруссіи. Вотъ одна изъ причинъ промышленнаго развитія Германіи.

Другой рядъ причинъ, который все болѣе и болѣе оказываетъ теперь на исходъ промышленной борьбы одной націи надъ другой, это — самый характеръ промышленника. Такъ, въ недавно вышедшемъ отчетѣ о торговлѣ Италіи *) преимущества иностранцевъ, главнымъ образомъ нѣмцевъ, надъ англійскими промышленниками сводятся къ особой ревности или даже жадности нѣмцевъ брать заказы (Zeal in taking orders), готовности угодить вкусамъ потребителей относительно качества, размѣровъ, вида, упаковки товаровъ и т. д. Своеобразная система англійскихъ мѣръ и вѣсовъ очень вредно отзывается на ихъ торговлѣ, и отсюда англійскій консулъ выводитъ необходимость перехода къ децимальной системѣ.

Англійскій консулъ изъ Риги жалуется на недостатокъ англійскихъ коммивояжеровъ въ Россіи, передавая при этомъ и слова нѣкоторыхъ русскихъ фирмъ, что послѣднія охотно стали бы покупать англійскіе товары, если бы только къ нимъ являлись англійскіе коммивояжеры, но послѣднихъ нѣтъ, а заказы идутъ къ другимъ фирмамъ. Одно лицо, по словамъ того же консула, путешествуя по Россіи, встрѣтило только одного англійскаго коммивояжера и, по крайней мѣрѣ, 30 нѣмцевъ, 3 австрійцевъ и 2 французовъ **).

Отсюда видно огромное значеніе коммивояжеровъ для пріобрѣтенія рынковъ. Между тѣмъ русскіе коренные предприниматели крайне неподвижны въ этомъ отношеніи, и русскій коммивояжеръ—rara avis. Мы не говоримъ о Царствѣ Польскомъ: здѣсь фабриканты давно уже успѣли оцѣнить значеніе коммивояжера, чѣмъ и вызываютъ противъ себя жалобы со стороны московскихъ купцовъ.

Англійскіе товары за послѣднее время все болѣе и болѣе вытѣсняются со своихъ рынковъ. Конечно, это должно было обратить вниманіе англичанъ на причины указаннаго явленія, и Чемберленомъ было произведено обширное изслѣдованіе по данному вопросу. Кромѣ того, Board of trade недавно опубликованъ сводъ мнѣній англійскихъ консуловъ по этому вопросу (Foreign Trade Competition. Opinions of H. M. Diplom. and Cons. Officers). Это—въ высшей степени интересное изслѣдованіе и, какъ справедливо говоритъ о немъ *Handels-Museum* (1899, № 7), оно имѣетъ значеніе не только для

*) „Trade of Italy for the years 1898 and 1899, March 1900“ (Dipl. and Cons. Rep. № 2390).

**) „Trade of Riga and district for the year 1897“, Ann. Series Dipl. and Cons. Rep. № 2185, стр. 5.

англійскаго купца, но и для всякаго экспортера, который хочетъ расширить свой вывозъ. Въ указанномъ номерѣ *Handels-Museum* знакомитъ съ содержаніемъ этого интереснаго англійскаго изслѣдованія и утверждаетъ, что тѣ же недостатки, которые консулами подмѣчены въ пріемахъ англійской торговли, встрѣчаются и среди австрійскихъ купцовъ и фабрикантовъ.

Если австрійскіе фабриканты и экспортеры не свободны отъ этихъ недостатковъ, то еще съ большимъ правомъ мы можемъ это сказать о нашихъ русскихъ. Слѣдуетъ полагать, что изъ печальнаго опыта Англіи, за который она такъ дорого платится, и мы можемъ извлечь для себя хорошій урокъ,—тѣмъ болѣе цѣнный, что за послѣднее время мы направляемъ много усилій на развитіе у насъ крупной индустріи.

Упомянутая сводка мнѣній англійскихъ консуловъ видитъ недостатки въ пріемахъ англійской торговли въ слѣдующемъ: англійскіе купцы 1) не склонны брать заказы на мелкія суммы; 2) не соглашаются доставлять дешевые сорта товаровъ; 3) не хотятъ изучать вкусовъ своихъ покупателей; 4) не соглашаются усвоить метрическую систему; 5) недостаточно пользуются услугами коммивояжеровъ и т. д.

Англійскій консулъ въ Норвегіи, отмѣчая, что въ Христіаніи патенты на коммивояжерскій промыселъ взяты были 861 лицами, посланными нѣмецкими и австрійскими фирмами, и только 129 англійскими фирмами, говоритъ, что норвежцы въ этомъ отношеніи, какъ и всякая другая иностранная нація, скорѣе станутъ имѣть дѣло съ людьми, которые у нихъ находятся подъ бокомъ, чтобы дать нужныя объясненія, чѣмъ входить въ переписку съ Англіей о присылкѣ имъ образцовъ и товаровъ, которыхъ они никогда не видѣли *).

Между тѣмъ у насъ, подъ вліяніемъ сторонниковъ старой торговой техники даже въ новое промысловое обложеніе была введена боевая статья (57), имѣющая цѣлью затормозить развитіе коммивояжерскаго промысла. Правда, теперь она пересматривается и, вѣроятно, будетъ измѣнена.

«Въ значительной степени австрійскій купецъ,—говорится въ отчетѣ англійскаго консула о положеніи торговли въ Австро-Венгріи—долженъ самъ себя винить за то непріятное положеніе, въ которомъ находится теперь его торговля. Какъ правило, австрійскій купецъ путешествуетъ мало, и въ рѣзкой противоположности съ его соперниками, другими націями, не считаетъ своимъ долгомъ изучать требованія иностранныхъ колоніальныхъ рынковъ. Въ Австріи сыновья богатыхъ купцовъ и фабрикантовъ рѣдко обнаруживаютъ склонность вести дѣло ихъ отцовъ. Они предпочитаютъ карьеру въ арміи или гражданскую службу. Здѣсь ощущается недостатокъ у молодого поколѣнія любви къ коммерческой карьерѣ, а безъ нея никакого прочнаго улучшенія для торговли нельзя ожидать, какую бы поддержку правительство ни оказывало ей **).

---

*) „Trade of Norway for the year 1897“, Annual Series Dipl. and Cons. Rep. № 2119, 1898 June, стр. 14.

**) Trade of Austria-Hungary for the year 1897. Annual Series Dipl. and Cons. Rep. № 2160, 1898. July (Foreign Office), стр. 30.

Теперь заблаговременно, въ виду пересмотра торговаго договора съ Германіей, слѣдовало бы взвѣсить вліяніе всѣхъ этихъ вышеуказанныхъ и многихъ другихъ факторовъ на промышленное развитіе Россіи, по возможности учесть ихъ вліяніе и при установленіи новаго тарифа принять во вниманіе добытые результаты. На нашъ взглядъ, слѣдовало бы опять произвести особое обслѣдованіе въ Россіи о вліяніи этихъ факторовъ на завоеваніе рынковъ: вѣдь Россія такъ велика, въ ней царятъ столь разные порядки среди промышленнаго міра, что за матеріаломъ дѣло не станетъ, а средствъ на это жалѣть нечего...

Тормозомъ къ развитію нашей промышленности является и недостатокъ рабочихъ. За послѣднее время особенно много жалобъ идетъ съ юга Россіи. «Отсутствіе сколько-нибудь значительнаго количества профессіональныхъ рудокоповъ, читаемъ мы, составляетъ слабое мѣсто нашего горнозаводскаго дѣла на югѣ Россіи, куда хотя и направляется ежегодно масса рабочихъ, но изъ нихъ на копи идутъ далеко не лучшіе рабочіе и ихъ не хватаетъ для расширенія дѣла соотвѣтственно увеличивающемуся спросу. Если же и попадаются порядочные рабочіе, то они, будучи природными земледѣльцами черноземныхъ губерній, остаются у насъ временно—только на зиму и при первой возможности или нанимаются лѣтомъ здѣсь же на сельско-хозяйственныя работы, или уходятъ домой» (*Горнозаводскій Листокъ* 1900 г. № 9. «Гдѣ можно взять рабочихъ»)?

«При такомъ, да еще въ добавокъ, читаемъ мы далѣе, постоянно перемѣнномъ составѣ рабочихъ только съ большимъ трудомъ можно найдти среди нихъ людей опытныхъ, заслуживающихъ довѣрія, на знаніе и опытность которыхъ можно было бы вполнѣ положиться»...

И авторъ высказываетъ увѣренность, что если бы были въ распоряженіи горнозаводчиковъ вполнѣ дисциплинированные и опытные рабочіе, то наше горное дѣло сдѣлало бы большой шагъ впередъ...

Но какъ достать такихъ рабочихъ? Какъ ихъ прикрѣпить къ рудникамъ, къ нашимъ заводамъ и фабрикамъ? Удивительное дѣло: въ странѣ, страждущей избыткомъ сельскохозяйственнаго населенія, въ странѣ, періодически подвергающейся голодовкамъ, гдѣ люди буквально умираютъ отъ голода, не находится лицъ, желающихъ работать на горныхъ заводахъ... И авторамъ разныхъ проектовъ по обезпеченію нашей промышленности рабочими руками приходится рекомендовать примѣненіе «принужденія» (г. Штейнфельдъ) по отношенію къ населенію, просто заставляя его насильно идти на рудники и заводы...

Г. Романчукъ, авторъ цитированной нами статьи: «Гдѣ можно взять рабочихъ?» рекомендуетъ вербовать рабочихъ среди сельско-хозяйственнаго населенія или вполнѣ безземельнаго или, если и обладающаго землей, то неимѣющаго уже лошадей, чтобы обрабатывать свою землю...

Авторъ дѣлитъ, напр., населеніе Тверской губ. на 4 группы: а) вла-

дѣющіе землей: 1) имѣющіе коровъ и лошадей; 2) неимѣющіе только коровъ; 3) неимѣющіе никакого скота и Ь) 4) безземельные.

«Самыми подходящими для насъ,—говоритъ авторъ этой статьи,—являются рабочіе послѣднихъ трехъ группъ». Но, къ сожалѣнію, рабочіе сами изъ Тверской губ. не идутъ на югъ на работы... И авторъ предлагаетъ самимъ горнозаводчикамъ отправиться и ловить рабочихъ, а для этого «удобнѣе всего, по его словамъ, начать пріисканіе рабочихъ съ Тверской губ., гдѣ уже закончено подробное статистическое изслѣдованіе, могущее послужить лучшимъ указателемъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ навѣрное можно разсчитывать на успѣхъ»...

Такимъ образомъ, по мысли автора, горнозаводчикамъ слѣдуетъ воспользоваться статистическими изслѣдованіями земскихъ губерній какъ показателемъ, гдѣ царитъ наибольшая нужда, и затѣмъ они уже могутъ намѣтить себѣ мѣста для ловли рабочихъ съ наибольшими шансами на успѣхъ... Авторъ надѣется встрѣтить въ этомъ содѣйствіе со стороны земства: «не откажется вѣроятно оказать въ этомъ дѣлѣ свое посильное содѣйствіе мѣстное земство, заинтересованное какъ въ обезпеченіи своему населенію возможно бо́льшаго заработка, такъ и главнымъ образомъ въ выселеніи безхозяйственныхъ семей, не платящихъ никакихъ земскихъ сборовъ, а лишь обременяющихъ земскую смѣту, увеличивая расходы на медицинскую помощь и школы»...

Но, замѣтимъ, если на заводахъ будетъ только рабочій, загнанный нуждой, то, очевидно, что онъ тамъ не останется долго. Чтобы удержать рабочаго на заводѣ, сдѣлать его опытнымъ, снабдить знаніемъ, срастить, такъ сказать, съ новымъ дѣломъ, для этого нужно сдѣлать для него самую заводскую жизнь привлекательной, обезпеченной. Рабочій не идетъ у насъ на заводъ, а разъ попалъ на него, стремится поскорѣе вырваться отсюда, потому что условія жизни очень тяжелы. У насъ рабочій бѣжитъ съ заводовъ, въ Германіи—съ сельско-хозяйственныхъ экономій, и по тѣмъ же самымъ причинамъ. Неприглядное положеніе нашихъ горнозаводскихъ рабочихъ общеизвѣстно. Необезпеченность ихъ жизни наглядно выступаетъ изъ недавно опубликованной работы Пресса «О страхованіи рабочихъ въ Россіи», по вычисленіямъ котораго оказывается, что у насъ только 10,5% всѣхъ горнорабочихъ застраховано, каковой процентъ ниже процента застрахованныхъ въ другихъ отрасляхъ нашей промышленности. Притомъ страховая сумма очень незначительна: въ среднемъ, по Россіи при потерѣ даже полной трудоспособности пенсія всего въ 90 руб. въ годъ.

Совершенно справедливо поэтому говорила коммиссія въ своемъ докладѣ прошлогоднему съѣзду горнопромышленниковъ юга Россіи: «При громадномъ развитіи горнозаводской промышленности на югѣ Россіи, когда необходимость въ привлеченіи рабочихъ является вопросомъ первостепенной важности, неурегулированное положеніе увѣчныхъ и безпомощное положеніе ихъ семействъ несомнѣнно служитъ значительнымъ тормозомъ для прилива рабочихъ. Видъ увѣчнаго и осиротѣвшей семьи дѣйствуетъ крайне удручающе

на рабочихъ какъ на мѣстахъ работы, такъ и на родинѣ и, конечно, не располагаетъ ихъ безъ крайней нужды рисковать на горнозаводскихъ работахъ своимъ здоровьемъ и жизнью».

Въ нефтяной промышленности застраховано 62%, въ химическихъ производствахъ—53,6%, въ обработкѣ животныхъ продуктовъ—11,8%, а въ горнозаводской только 10,5% всего числа рабочихъ.

На экстренномъ съѣздѣ горнопромышленниковъ въ Харьковѣ, открывшемся 5 мая сего года, обсуждался вопросъ объ обезпеченіи участи горнорабочихъ. Былъ представленъ проектъ, выработанный особой коммиссіей, который послѣ подробнаго обсужденія на съѣздѣ и былъ единогласно принятъ послѣднимъ: было постановлено ходатайствовать объ утвержденіи устава новаго общества. «Сущность проекта (*Торгово-Промышленная Газета* отъ 12 мая) заключается въ обязательномъ (пока только для каменноугольныхъ предпріятій) участіи горнопромышленныхъ предпріятій Донецкаго бассейна путемъ взноса пропорціонально добычѣ согласно ежегодной раскладкѣ для составленія капитала общества, который идетъ для обезпеченія увѣчныхъ горнорабочихъ и семействъ погибшихъ. Опредѣлены нормы вознагражденія и условія дѣятельности общества. Ежегодно, согласно точнымъ статистическимъ даннымъ, опредѣляется число возможныхъ пенсіонеровъ на предстоящій годъ и раскладка опредѣляется въ восьмикратномъ размѣрѣ (примѣрно 40 коп. съ вагона) и такая раскладка будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока капиталы общества не достигнутъ такого размѣра, чтобы представлять изъ себя капитализированныя пенсіи пострадавшихъ или ихъ семействъ. Рабочіе не лишены права требовать обезпеченія и по суду, но въ виду того, что самое общество не есть учрежденіе коммерческое, преслѣдующее свои частныя выгоды, и не заинтересовано въ уменьшеніи пенсіи пострадавшимъ, надо предполагать (говоритъ *Торгово-Промышленная Газета* отъ 12 мая), что случаи обращенія къ суду едва ли будутъ. Общество взаимнаго страхованія будетъ одной изъ главныхъ мѣръ къ улучшенію быта рабочихъ».

Мы думаемъ, что только такимъ путемъ,—мѣрами улучшенія положенія рабочихъ, — могутъ горнопромышленныя предпріятія юга Россіи создать себѣ достаточный контингентъ постоянныхъ рабочихъ.

---

28 апрѣля текущаго года послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя министра финансовъ, которымъ приказывается «для окончательнаго погашенія долга государственнаго казначейства государственному банку по выпущеннымъ кредитнымъ билетамъ уплатить государственному банку изъ свободной наличности государственнаго казначейства весь остатокъ сего долга, пятьдесятъ милліоновъ рублей».

Въ то же время Высочайшій указъ 28 апрѣля создаетъ твердую увѣренность въ населеніи, что впредь не будетъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ для нуждъ государственной казны: «Мы находимъ необходимымъ

выразить непремѣнную волю Нашу, дабы выпускъ кредитныхъ билетовъ производился на точномъ основаніи Именного указа Нашего 29 августа 1897 г. и не служилъ впредь источникомъ воспособленія государственной казны».

Этимъ Высочайшимъ указомъ, наконецъ, окончательно уничтоженъ плодъ интимной незаконной связи государственнаго банка съ государственнымъ казначействомъ. Государственное казначейство привыкло смотрѣть на государственный банкъ, какъ на свой собственный карманъ, по своему произволу распоряжаясь печатнымъ станкомъ для изготовленія кредитныхъ билетовъ.

Какъ мы видимъ, Высочайшій указъ подтверждаетъ, чтобы на будущее время выпуски кредитныхъ билетовъ производились не иначе, какъ на точномъ основаніи указа отъ 29 августа 1897 г., и въ то же время выразительно запрещаетъ выпускать кредитные билеты для воспособленія государственной казнѣ. Эта чрезвычайно важная мѣра не можетъ не остаться безъ вліянія на довѣріе къ устойчивости нашей денежной реформы и къ желанію держаться разъ избраннаго пути.

И. О.

Съ 12 по 18 мая въ Москвѣ засѣдалъ V съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній. Изъ многочисленныхъ докладовъ и рѣчей участниковъ съѣзда довольно подробно выяснилось, въ какомъ положеніи находится у насъ имѣющее такое важное государственное значеніе дѣло воспитанія и исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. Особенно интересны въ этомъ отношеніи были доклады гг. Духовского и Микляшевскаго. Оказывается изъ доклада г. Духовского, что во всей Россіи имѣется только 45 исправительныхъ заведеній, могущихъ вмѣстить 1,945 малолѣтнихъ преступниковъ. Между тѣмъ число дѣтей, осуждаемыхъ къ заключенію въ пріюты, доходитъ ежегодно до 4,000 человѣкъ. Если принять во вниманіе, что каждый осужденный проводитъ въ пріютѣ три года, то окажется, что свыше 83% малолѣтнихъ преступниковъ не находятъ себѣ мѣста въ пріютахъ и препровождаются въ тюрьмы. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ этотъ процентъ еще выше. Такъ, въ Тверской губ. онъ свыше 90, въ Орловской—94, а въ Пермской—даже 95. Такое печальное положеніе вещей объясняется крайней скудостью средствъ, какими располагаютъ исправительные пріюты, существующіе, главнымъ образомъ, на частныя пожертвованія. Правительственныя и общественныя учрежденія принимаютъ до сихъ поръ слишкомъ мало участія въ дѣлѣ устройства исправительныхъ заведеній. На предыдущихъ съѣздахъ не разъ поднимался вопросъ о необходимости болѣе широкаго участія въ этомъ дѣлѣ какъ правительства, такъ и земскихъ, городскихъ и сословныхъ учрежденій, но вопросъ этотъ до сихъ поръ остается открытымъ. Исправительно-воспитательныхъ заведеній для дѣвочекъ у насъ имѣется еще меньше, чѣмъ для мальчиковъ. По вычисленіямъ проф. Микляшевскаго, представителя варшавскаго общества, для удовлетворенія существующей потребности слѣдуетъ открыть еще 46 прію-

товъ: 6 для дѣвочекъ до 13 лѣтъ и 40 для дѣвочекъ отъ 13 до 16 лѣтъ. Въ настоящее же время у насъ имѣется лишь 4 подобныхъ заведенія, куда поступаетъ только 3 процента осуждаемыхъ дѣвочекъ.

Каковы же результаты такого индифферентнаго отношенія къ судьбѣ малолѣтнихъ преступниковъ? Разумѣется, самые печальные. Почти ежедневно, въ теченіе круглаго года, въ любомъ окружномъ судѣ можно видѣть 18—19-лѣтнихъ подростковъ, отданныхъ суду присяжныхъ за третью кражу. Огромное большинство ихъ познакомилось въ первый разъ съ тюрьмой еще въ 15-лѣтнемъ возрастѣ. Приговоренные за первую, чаще всего ничтожную кражу къ заключенію въ исправительномъ заведеніи, они, за неимѣніемъ мѣста, препровождались въ тюрьмы. Здѣсь, въ этой «школѣ разврата и преступленій», какъ называется наша тюрьма даже въ оффиціальныхъ докладахъ, формируется изъ малолѣтняго будущій преступникъ. Здѣсь, среди всякаго рода отверженцевъ и подонковъ общества, глохнутъ въ ребенкѣ тѣ добрые задатки, которые могли бы еще развиться въ немъ при надлежащемъ режимѣ и воспитаніи, и юная душа жадно впитываетъ заразительные, глубоко развращающіе примѣры, которые представляютъ все окружающее. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ этой мрачной клоакѣ достаточно для того, чтобы навсегда отравить ядомъ преступности и развращенности душу малолѣтняго, иногда попадающаго сюда лишь по несчастной случайности. За первой кражей быстро слѣдуетъ вторая, затѣмъ третья, и вотъ мы имѣемъ въ лицѣ 18—19-лѣтняго мальчика профессіональнаго преступника, для котораго ужъ, такъ сказать, навсегда очерченъ жизненный кругъ. Предъ нами готовый отверженецъ, вся жизнь котораго проходитъ въ борьбѣ съ закономъ, — борьбѣ, въ которой побѣжденнымъ приходится поистинѣ жестоко. А между тѣмъ стоило во̀-время принять цѣлесообразныя мѣры, поддержать малолѣтняго, впервые споткнувшагося на скользкомъ жизненномъ пути, подвергнуть его надлежащему воспитательному режиму въ хорошо устроенномъ и поставленномъ исправительномъ заведеніи, и человѣкъ, можетъ быть, былъ бы спасенъ отъ паденія и гибели, а общество вмѣсто того, чтобы въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ нести расходы на содержаніе его въ разныхъ тюрьмахъ, имѣло бы въ его лицѣ честнаго и полезнаго работника. Эти слова диктуются намъ не оптимизмомъ, а опытомъ Западной Европы, доказывающимъ, что раціонально поставленныя исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ даютъ лишь ничтожный процентъ рецидивистовъ. Если у насъ подобнаго явленія не наблюдается и если наши заведенія, наоборотъ, даютъ довольно большой процентъ рецидивистовъ, то это объясняется лишь неудовлетворительной пока постановкой у насъ этого дѣла.

Отсюда видно, что увеличеніе числа исправительныхъ заведеній и улучшеніе ихъ постановки составляетъ предметъ огромной важности. Нужна энергичная совмѣстная дѣятельность общества и правительства для того, чтобы поставить это дѣло на ту высоту, какой оно заслуживаетъ по своему значенію. На Западѣ не жалѣютъ никакихъ средствъ для устройства об-

разцовыхъ исправительныхъ заведеній. Въ этомъ отношеніи для насъ могъ бы быть поучителенъ не только примѣръ Англіи, а хотя бы маленькой Даніи.

Не излишне замѣтить, что устройство исправительныхъ заведеній отвѣчаетъ не только государственной потребности, но и требованіямъ простой справедливости. Для каждаго ясно, что 12-лѣтній мальчикъ, совершившій преступленіе, нуждается не въ *наказаніи,* а въ *воспитаніи,* такъ какъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи о такомъ сознательномъ отношеніи къ своимъ дѣйствіямъ, какое требуется для уголовно-наказуемаго дѣянія.

Выше мы упомянули о неудовлетворительной постановкѣ дѣла воспитанія въ нашихъ исправительныхъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ обратилъ на себя слишкомъ мало вниманія на съѣздѣ. Онъ свелся, главнымъ образомъ, къ вопросу о нормировкѣ наказаній для воспитанниковъ и воспитанницъ пріютовъ. Бюро съѣзда, предварительно занявшееся этимъ вопросомъ, предложило установить максимумъ заключенія въ темный карцеръ на однѣ сутки, а въ свѣтлый—на семь сутокъ, причемъ провинившійся долженъ первый день пробыть безъ занятій, а остальное время отправляться въ мастерскія. Противъ этой системы возстали представители исправительныхъ заведеній изъ врачей. Они находили, что заключеніе малолѣтнихъ въ темный карцеръ дурно отзывается на состояніи духа маленькихъ арестантовъ. Съѣздъ высказался противъ заключенія въ темный карцеръ, но принялъ предложеніе бюро относительно заключенія въ свѣтлый карцеръ. Довольно страстныя пренія возбудилъ предложенный главнымъ тюремнымъ управленіемъ вопросъ о нормировкѣ наказанія сокращеніемъ пищи. Большинство ораторовъ было противъ этого наказанія. Въ концѣ преній предсѣдатель съѣзда г. Рукавишниковъ заявилъ, что по соглашенію съ главнымъ тюремнымъ управленіемъ онъ находитъ возможнымъ снять этотъ вопросъ съ очереди. Вообще къ чести представителей съѣзда слѣдуетъ сказать, что всякія предложенія, клонившіяся къ усиленію наказаній и установленію сугубо-строгаго режима въ исправительныхъ заведеніяхъ, встрѣчали дѣятельную и горячую оппозицію. И дѣйствительно, опытъ показываетъ, что гуманное отношеніе къ воспитанникамъ, лишенное, конечно, излишней мягкости и слабости, даетъ самые лучшіе результаты. Въ недавно вышедшей книгѣ г. Ганзена «Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ», гдѣ, между прочимъ, описываются скандинавскія исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ, можно найти много примѣровъ тому, какое благодѣтельное вліяніе оказываетъ на воспитанниковъ заведеній гуманное отношеніе окружающихъ. Основными принципами воспитанія считаются тамъ воздѣйствіе на воспитанниковъ добромъ и проявляемая не на словахъ только, а на дѣлѣ вѣра въ хорошіе задатки, заложенные даже въ душѣ испорченнаго ребенка. Вотъ почему такъ много значенія имѣетъ въ исправительныхъ заведеніяхъ личность воспитателя, его педагогическій тактъ, опытность и любовь къ дѣлу. И на Западѣ, дѣйствительно, обращаютъ много вниманія на выборъ подходящихъ руководителей для

исправительныхъ заведеній, которыя, кстати сказать, тамъ называются не исправительными, а *воспитательными* заведеніями.

Впрочемъ, и изъ докладовъ нѣкоторыхъ представителей нашихъ исправительныхъ заведеній члены съѣзда также могли убѣдиться въ благодѣтельности гуманитарнаго начала въ дѣлѣ воспитанія малолѣтнихъ преступниковъ. Такъ, директоръ вятскаго исправительнаго пріюта г. Беклешовъ сообщилъ, что способы исправленія, практикующіеся въ пріютѣ—развитіе самодѣятельности, самосознанія и самообладанія. Дядьки-унтеры замѣнены лицами, обладающими сельско-хозяйственными знаніями, подъ руководствомъ которыхъ воспитанники занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Средства воздѣйствія въ воспитательномъ отношеніи—ласковость, довѣріе и уваженіе. Одного изъ самыхъ «закоренѣлыхъ» преступниковъ директоръ взялъ въ свою семью, и преступникъ оказался хорошимъ мальчикомъ. Для воспитанниковъ часто устраиваютъ чтенія съ туманными картинами, спектакли, подвижныя игры и т. д.; нерѣдко ихъ отпускаютъ изъ пріюта на продолжительный срокъ, и воспитанники всегда возвращаются обратно. Много вниманія обращено на школу; для окончившихъ устроены воскресные классы.

Такой же характеръ носило сообщеніе директора калужскаго пріюта г. Морозова. Въ пріютѣ нѣтъ ни карцера, ни «угловъ», нѣтъ замковъ и заборовъ, нѣтъ нашивокъ и петличекъ за благонравіе. Тѣмъ не менѣе поведеніе воспитанниковъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. За все время существованія пріюта бѣжало только двое: одинъ психически-разстроенный, нынѣ помѣщенный въ сумасшедшій домъ, и другой, которому товарищъ передалъ, что родители возьмутъ его изъ пріюта,—слѣдовательно, бѣжалъ онъ отъ родителей. На вопросы, какъ поступаютъ въ пріютѣ, если воспитанникъ совершитъ крупный проступокъ, если систематически крадетъ и т. д., г. Морозовъ отвѣтилъ, что смотря по обстоятельствамъ: за воспитанникомъ устраивается внимательное наблюденіе, усиливается доброе отношеніе къ нему, довѣріе и уваженіе. Кражъ въ пріютѣ вовсе нѣтъ, развѣ кто иногда не досчитается гостинца, принесеннаго родными, да и то виновный самъ приходитъ съ повинной. Вообще все дѣло воспитанія въ пріютѣ основано на довѣріи и сердечномъ отношеніи воспитателя къ воспитанникамъ.

Изъ другихъ вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ, заслуживаетъ вниманія возбужденный г. Гернетомъ вопросъ объ устройствѣ особыхъ пріютовъ для неисправившихся преступниковъ, достигшихъ 18-лѣтняго возраста. Въ первое время послѣ устройства исправительныхъ заведеній въ Россіи суды, вслѣдствіе неправильнаго взгляда на пріюты, какъ на карательныя учрежденія, присуждали малолѣтнихъ преступниковъ на слишкомъ кратковременное содержаніе въ нихъ, иногда, наприм., лишь на нѣсколько дней. Такой порядокъ былъ найденъ неудобнымъ исправительными заведеніями и вслѣдствіе ихъ указаній былъ изданъ 27 апрѣля 1892 г. законъ, въ силу котораго малолѣтнихъ преступниковъ стали присуждать къ заключенію впредь до исправленія. Опытъ, однако, показалъ, что и задержаніе до

18-лѣтняго возраста часто оказывается слишкомъ недостаточнымъ для исправленія юныхъ преступниковъ. Всѣ колоніи указываютъ на несовершенство и неудобства дѣйствующей системы, заявляя, что теперь весьма часто приходится исправительнымъ заведеніямъ выпускать на свободу своихъ питомцевъ въ то время, когда исправленіе ихъ еще далеко не достигнуто и они не успѣли обучиться какимъ-либо ремесламъ. Всѣ единогласно признаютъ необходимымъ дальнѣйшее задержаніе воспитанниковъ, достигшихъ 18-лѣтняго возраста. Что же касается выбора мѣстъ для задержанія такихъ лицъ, то мнѣнія раздѣляются. Одни общества считаютъ возможнымъ такое задержаніе въ стѣнахъ своихъ заведеній, другія признаютъ необходимымъ устройство особыхъ центральныхъ пріютовъ, а въ принятіи или оставленіи у себя взрослыхъ воспитанниковъ справедливо видятъ полнѣйшую ломку дѣла воспитанія преступной молодежи. Согласно предложенію докладчика съѣздъ постановилъ ходатайствовать предъ правительствомъ о распространеніи права на воспитательное исправленіе и на тѣхъ лицъ (свыше 18-лѣтняго возраста), которыя не пользуются этимъ правомъ, но имѣютъ въ немъ существенную необходимость. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ, по предложенію докладчика, призналъ необходимымъ устройство для неисправившихся преступниковъ, достигшихъ 18-лѣтняго возраста, особыхъ пріютовъ или отдѣленій при существующихъ пріютахъ съ особымъ режимомъ. Вопросъ о режимѣ заведеній для оставленныхъ воспитанниковъ переданъ на разсмотрѣніе бюро.

Въ послѣднемъ засѣданіи съѣзда обсуждался вопросъ о томъ, какъ быть съ воспитанникомъ пріюта, если онъ совершитъ уголовно-наказуемый проступокъ: подлежитъ ли онъ суду уголовному или суду пріютскаго начальства. Коммиссія, предварительно обсуждавшая этотъ вопросъ, пришла къ единогласному выводу, что желательно и необходимо, насколько это возможно, полное устраненіе изъ жизни вмѣшательства властей полицейскихъ, административныхъ. Съѣздъ единогласно принялъ слѣдующія заключенія коммиссіи: 1) дѣла по обвиненію находящихся въ исправительныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ не возбуждать въ общемъ порядкѣ судебнаго преслѣдованія; 2) по каждому такому дѣлу какъ въ случаѣ обвиненія воспитанника въ совершеніи законопротивнаго дѣянія до поступленія въ исправительное заведеніе, такъ и во время пребыванія въ немъ (при побѣгѣ, во время отпуска, на прогулкѣ), о существѣ обвиненія доводится подлежащею властью до свѣдѣнія начальства даннаго исправительнаго заведенія, которое въ засѣданіи правленія, комитета или совѣта (при непремѣнномъ участіи директора заведенія), по собраніи потребныхъ свѣдѣній, рѣшаетъ вопросъ о томъ, надлежитъ ли передать воспитанника въ распоряженіе суда, или представляется желательнымъ ограничиться по отношенію къ нему мѣрами исправленія, находящимися въ распоряженіи заведенія; 3) въ послѣднемъ случаѣ судебное мѣсто прекращаетъ возникшее въ немъ производство о воспитанникѣ исправительнаго заведенія безъ вызова его; 4) Въ случаѣ поступленія въ исправительное

заведеніе не обращавшагося къ исполненію судебнаго приговора о воспитанникѣ того заведенія, коимъ онъ присуждается къ какому-либо наказанію (тюрьма, монастырь), вопросъ о томъ, подлежитъ ли онъ исполненію въ виду нахожденія осужденнаго въ исправительномъ заведеніи, разрѣшается порядкомъ, указаннымъ въ пунктѣ 2-мъ; 5) вызовы судебными органами находящихся въ исправительныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ въ качествѣ свидѣтелей по дѣламъ уголовнымъ дѣлаются путемъ возможно заблаговременнаго доставленія повѣстокъ на имя начальства заведеній, причемъ воспитанники доставляются въ судъ исключительно средствами заведенія, но могущіе быть по означенному предмету расходы возмѣщаются заведеніямъ, и 6) полицейскія власти при необходимости спроса воспитанниковъ исправительныхъ заведеній не вытребываютъ ихъ, а производятъ опросъ или дознаніе въ самомъ заведеніи и непремѣнно въ присутствіи начальства заведенія.

Постоянному бюро съѣзда поручено представить принятыя заключенія правительству и возбудить соотвѣтствующее ходатайство. Много дѣльнаго было высказано на съѣздѣ по вопросу о патронатѣ для выпускаемыхъ изъ исправительныхъ заведеній воспитанниковъ.

Надо надѣяться, что работа съѣзда не пропадетъ даромъ и что многія изъ принятыхъ имъ резолюцій найдутъ себѣ выраженіе въ соотвѣтствующихъ законоположеніяхъ. По крайней мѣрѣ, предыдущіе четыре съѣзда оказали сильное вліяніе на наше законодательство о малолѣтнихъ преступникахъ. Но требуя гуманныхъ мѣръ и заботливаго отношенія къ малолѣтнимъ преступникамъ, мы не можемъ при этомъ не вспомнить о тѣхъ несчастныхъ заброшенныхъ, уличныхъ дѣтяхъ, изъ которыхъ и формируются кадры будущихъ малолѣтнихъ преступниковъ. Вотъ на этихъ-то уличныхъ дѣтей общество и должно обратить самое серьезное вниманіе. Нужна цѣлая сѣть различнаго рода убѣжищъ, гдѣ могли бы найти себѣ пріютъ и воспитаніе несчастныя дѣти, оставленныя безъ надзора родителей или служащія предметомъ ихъ эксплуатаціи, или находящіяся въ неблагопріятной для своего развитія обстановкѣ. Нужно улучшить и положеніе тѣхъ дѣтей, которыя находятся въ многочисленныхъ ремесленныхъ заведеніяхъ, обстановка и условія жизни въ которыхъ также нерѣдко вліяютъ развращающимъ образомъ на юную душу. Среди малолѣтнихъ преступниковъ можно встрѣтить не мало бывшихъ ремесленныхъ учениковъ, убѣжавшихъ отъ побоевъ, истязаній и непосильнаго труда. Общество должно помнить, что гораздо легче пріучить къ труду и направить на честный путь дѣтей, еще не дошедшихъ до преступленія, чѣмъ такихъ, которыя уже успѣли сдѣлать первый шагъ по этой покатой плоскости. И не только легче, но и гораздо дешевле, такъ какъ содержаніе заведеній предупредительнаго характера обходится дешевле содержанія заведеній исправительныхъ.

Къ безпризорнымъ, заброшеннымъ дѣтямъ, нуждающимся во вниманіи общественной благотворительности, относятся, между прочимъ, малолѣтніе

«артисты», служащіе въ циркахъ и различнаго рода увеселительныхъ заведеніяхъ. Недавно *Нижегородскій Листокъ* описывалъ положеніе такихъ артистовъ въ трактирныхъ труппахъ, распространенныхъ на нижегородской ярмаркѣ. Условія жизни этихъ дѣтей просто ужасны.

«На ярмаркѣ,—говоритъ газета,—дорожатъ каждымъ аршиномъ жилого помѣщенія и артисты обыкновенно набиваются въ комнатѣ такъ же плотно, какъ селедки въ боченокъ. Если войти утромъ въ ихъ помѣщеніе, то кромѣ груды тѣлъ ничего не найдешь. Спятъ вповалку, спятъ вездѣ и всюду: на кроватяхъ, на полу, въ узенькомъ проходѣ, остающемся между кроватями, и даже на столахъ и подъ столами. Конечно, дѣтворѣ и подросткамъ нечего и мечтать о такомъ комфортѣ, какимъ здѣсь является постель съ жиденькимъ блиномъ въ видѣ мочальнаго тюфяка. Дѣтвора спитъ на полу, на разостланной одеждѣ, порой безъ подушки. На возрастъ не обращается никакого вниманія: дѣти, подростки, взрослые и пожилые — всѣ перемѣшаны въ одной кучѣ».

Обычными внѣшними признаками малолѣтнихъ артистовъ являются впалыя груди, бѣлыя губы и втянутыя щеки. О нравственности этихъ дѣтей нечего и говорить. Дни и вечера имъ приходится присутствовать при оргіяхъ и кутежахъ, вращаться въ обществѣ пьяныхъ саврасовъ и проститутокъ. «Лучше на три года въ арестантскія роты пойду, чѣмъ дольше оставаться здѣсь», — пишетъ одинъ малолѣтній артистъ своимъ родственникамъ.

Теперь представьте себѣ, читатель, что малолѣтній, получившій воспитаніе въ такого рода клоакѣ, смрадныя испаренія которой загрязнили всѣ чистые источники въ его душѣ, совершилъ уголовно-наказуемый поступокъ. Неужели же можно признать, что не условія жизни и среда, а онъ самъ виновенъ въ своемъ паденіи, и со спокойной совѣстью отправить его въ тюрьму? Развѣ не ясно, что такой преступникъ нуждается не въ наказаніи, а въ заботливомъ къ себѣ отношеніи и воспитаніи? Развѣ не ясно, что заключеніе въ тюрьмѣ явилось бы по отношенію къ этому обойденному судьбой человѣку лишь новой и, можетъ быть, горьчайшей изъ всѣхъ несправедливостью? А между тѣмъ эту несправедливость общество совершаетъ на каждомъ шагу.

Положеніе малолѣтнихъ артистовъ недавно обратило на себя вниманіе петербургской думы, которая постановила ходатайствовать о примѣненіи къ этимъ дѣтямъ статей фабричнаго устава, регулирующаго работу дѣтей на фабрикахъ и заводахъ. На основаніи этихъ статей дѣти моложе 12 лѣтъ не могутъ быть занимаемы на фабричныхъ работахъ, а съ 12 до 15 лѣтъ могутъ быть занимаемы лишь въ теченіе 8 часовъ, и то съ промежуткомъ, такъ чтобы кряду имъ приходилось работать не болѣе 4 часовъ. Послѣ 9 часовъ вечера работа воспрещена.

Читатель видитъ, что правила фабричнаго устава очень мало подходятъ къ дѣятельности малолѣтнихъ артистовъ. Какое, въ самомъ дѣлѣ, облегченіе могутъ они принести этимъ дѣтямъ? Непригладность ихъ положе-

нія заключается вѣдь не въ продолжительности труда, по крайней мѣрѣ, не главнымъ образомъ въ ней, а въ дурныхъ условіяхъ жизни и вредной, развращающей обстановкѣ. Кромѣ того, малолѣтніе артисты, какъ и взрослые, заняты, главнымъ образомъ, по вечерамъ. Примѣненіе къ нимъ статьи, воспрещающей работу послѣ 9 часовъ вечера, равносильно совершенному воспрещенію труда ихъ. Ясно, слѣдовательно, что статьи фабричнаго устава непригодны для регламентаціи труда малолѣтнихъ артистовъ. Для этой регламентаціи нужно создать спеціальныя правила, въ которыхъ должны быть приняты во вниманіе особыя условія дѣятельности и положенія малолѣтнихъ артистовъ. При этомъ слѣдовало бы вовсе воспретить участіе малолѣтнихъ артистовъ въ циркахъ и въ особенности па кафешантанныхъ сценахъ, въ трактирныхъ труппахъ и другихъ подобныхъ вертепахъ. Нравственное чувство наше не мирится съ самымъ существованіемъ такихъ учрежденій, тѣмъ болѣе нельзя мириться съ участіемъ въ нихъ дѣтей.

Заговоривъ о защитѣ малолѣтнихъ, мы должны отмѣтить новый проектъ опекунскаго устава, въ которомъ, хотя и слабой степени, также проведена идея охраны дѣтства. Такъ, на основаніи 26 ст. устава: при явномъ небреженіи с воспитаніи несовершеннолѣтнихъ дѣтей или жестокомъ съ ними обращеніи отца, а равно въ случаѣ порочнаго его поведенія, могущаго имѣть пагубное вліяніе па нравственность или здоровье дѣтей, съѣздъ можетъ помѣстить дѣтей на счетъ отца въ какое-либо семейство, въ учебное заведеніе или въ пріютъ, передать опеку матери и даже назначить къ дѣтямъ опекуна, если предоставленіе опеки матери недостаточно ограждаетъ дѣтей отъ вреднаго вліянія на нихъ отца.

Мѣру эту опекунское учрежденіе принимаетъ, выслушавъ отца и выяснивъ обстоятельства дѣла непосредственно или чрезъ опекунскаго начальника.

Точно также опека родителей прекращается «присужденіемъ родителя къ наказанію, влекущему за собою по уложенію о наказаніяхъ лишеніе родительской власти, равно какъ признаніемъ по судебному приговору родителя виновнымъ въ сводничествѣ своихъ дѣтей (ст. 998 ул. о нак.) или въ злоупотребленіи родительской властью (ст. 1586—1590 ул. о нак.), а также ссылкою родителя, если дѣти за нимъ не послѣдовали» (ст. 33 уст.).

Разумѣется, примѣненіе этихъ статей, особенно первой, будетъ сопряжено съ огромными затрудненіями, такъ какъ не легко будетъ обнаруживать случаи небреженія отца о воспитаніи дѣтей или порочнаго его поведенія. Жестокіе, вѣдь, у насъ нравы и притомъ жестокіе не сами по себѣ только, а еще тѣмъ, что ихъ проявленіе рѣдко вызываетъ дѣятельное негодованіе окружающихъ, оправдывающихъ себя поговорками: «моя изба съ краю—ничего не знаю», или «наше дѣло—сторона» и тому подобными произведеніями «народной мудрости». Много ли, въ самомъ дѣлѣ, у насъ доходитъ до суда случаевъ дикаго родительскаго произвола? Но статьи опекунскаго устава получаютъ особенное значеніе какъ доказательство того, что идея охраны дѣтства начинаетъ получать признаніе и въ правитель-

ственныхъ сферахъ. До сихъ поръ идея эта дѣятельно пропагандировалась въ литературѣ, теперь она начинаетъ пробивать себѣ дорогу и въ законодательствѣ. Остается пожелать ей дальнѣйшихъ, болѣе крупныхъ успѣховъ.

Разговоры о средней школѣ, недавно столь страстные и горячіе, почти совершенно замолкли въ печати. Сверхъ всякаго ожиданія въ общество совсѣмъ не проникаетъ извѣстія о занятіяхъ учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссіи для обсужденія вопроса о школьной реформѣ. Объ этомъ нельзя, конечно, не пожалѣть, такъ какъ широкое и свободное обсужденіе вопроса ничего кромѣ пользы дѣлу не принесло бы. Но если въ печати и замолкли разговоры о школѣ, если коммиссія, призванная искоренить бюрократизмъ изъ средней школы, предпочла облечь свои занятія въ бюрократическую тайну, то отсюда не слѣдуетъ, что общество съ меньшимъ интересомъ относится къ ожидаемой реформѣ. Наоборотъ, этотъ интересъ нисколько не ослабѣлъ, неизвѣстность же относительно того, въ какомъ положеніи находится дѣло въ настоящее время, лишь порождаетъ нѣкоторую тревогу и опасенія.

О томъ, что интересъ общества къ вопросу о реформѣ средней школы нисколько не ослабѣлъ, свидѣтельствуетъ хотя бы письмо, посланное изъ далекой Перми министру народнаго просвѣщенія. Въ письмѣ этомъ, какъ сообщаютъ *Русскія Вѣдомости*, обстоятельно мотивируются слѣдующія положенія. 1) Средняя школа, безплатная и общедоступная, должна составлять связующее звено между низшей и высшей школой. 2) Система преподаванія должна имѣть общеобразовательный гуманитарный характеръ, чуждый псевдоклассицизма въ видѣ обязательнаго изученія древнихъ языковъ. 3) Съ курсомъ наукъ средней мужской школы необходимо согласовать курсъ женскихъ гимназій для предоставленія женщинамъ доступа въ высшія учебныя заведенія. 4) Самое преподаваніе слѣдуетъ освободить отъ излишней регламентаціи, придающей ему бюрократическій характеръ. 5) Школа должна преслѣдовать исключительно просвѣтительныя задачи, чуждыя какихъ бы то ни было постороннихъ тенденцій. 6) Воспитательный режимъ не долженъ вызывать антагонизма между семьей и школой; при благожелательномъ отношеніи къ семьѣ школа должна вліять на учащихся исключительно своимъ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ. 7) Школа должна быть открыта для общественнаго контроля и вообще имѣть живую связь съ обществомъ. 8) Необходимо предоставить возможно полную самостоятельность педагогическимъ совѣтамъ, въ составъ коихъ должны входить, въ качествѣ равноправныхъ членовъ, и представители мѣстнаго общества; необходимо также обезпечить большую устойчивость служебнаго положенія преподавателей, назначеніе и увольненіе которыхъ должны производиться при участіи и съ согласія педагогическихъ совѣтовъ.

Въ заключеніе представители пермскаго общества, пославшіе это письмо, выражаютъ пожеланіе, чтобы проектъ реформы средней школы былъ пре-

доставленъ свободному обсужденію печати, общественныхъ учрежденій, мѣстныхъ педагогическихъ обществъ и совѣщаній.

Читатели видятъ, что пермскій проектъ лишь кратко формулируетъ взгляды, высказанные лучшею частью нашей печати. Оригинальна лишь форма непосредственнаго обращенія къ министру письмомъ.

Кстати, о школѣ. Въ № 8699 *Новаго Времени* помѣщена интересная статья г. Розанова подъ заглавіемъ «Возрасты и школа». Г. Розановъ пользуется въ литературѣ репутаціей нѣсколько страннаго писателя. Репутація эта вполнѣ имъ заслужена, но это не мѣшаетъ ему высказывать иногда очень мѣткія и дѣльныя замѣчанія, особенно по педагогическимъ вопросамъ, съ которыми онъ знакомъ изъ собственнаго учительскаго опыта. Въ настоящей статьѣ онъ касается вопроса о возрастѣ въ отношеніи его къ школѣ. Г. Розановъ справедливо указываетъ, что возрастъ ученика пока совершенно выброшенъ изъ соображеній учебной системы. «Въ первомъ классѣ ученикъ учится совершенно такъ же, какъ въ восьмомъ, безъ малѣйшаго видоизмѣненія пріемовъ дѣйствія на него и воспріятія имъ. Онъ просиживаетъ урокъ; спрошенный—онъ встаетъ и отвѣчаетъ заданное или выходитъ къ доскѣ и рѣшаетъ задачу; отмѣчаетъ въ учебникѣ задаваемое преподавателемъ и, придя домой, выучиваетъ заданное, во всѣхъ этихъ фазахъ учебнаго дня повторяя въ точности въ восьмомъ классѣ то, что дѣлалъ восемь или десять лѣтъ назадъ въ первомъ. Если что измѣнилось теперь для ученика, то—количество выучиваемаго. Прибѣгая къ сравненію, мы можемъ сказать, что здѣсь перемѣны не больше, какъ между маленькимъ шагомъ лошади; жеребенокъ выросъ, теперь онъ лошадь и шагъ ея шире; такъ и урокъ, задаваемый восемнадцатилѣтнему молодому человѣку, длиннѣе, чѣмъ задаваемый 10-лѣтнему мальчику. Наконецъ, нѣсколько больше уроковъ: въ восьмомъ классѣ пять, въ первомъ—четыре. Но уже въ третьемъ классѣ четырнадцати-лѣтній мальчикъ высиживаетъ буква въ букву всѣ тѣ часы, какіе и его старшій девятнадцати-лѣтній братъ. Но, кончивъ съ количественною стороной и переходя къ качественной, къ методу, къ способу, мы уже не находимъ никакой разницы между классами первымъ и восьмымъ».

Рѣзкую перемѣну и притомъ падающую какъ снѣгъ на голову, безъ приготовленія и безъ постепенности перехода, представляетъ лишь университетъ. «Въ гимназіи ученикъ все дѣлаетъ «на вытяжку», въ университетѣ, во всемъ итогѣ занятій и поведенія онъ «разваливается», «сидитъ облокотившись». Въ гимназіи «ружье на караулъ»; въ университетѣ «ружье вольно».

Такимъ образомъ въ основѣ нашей учебной системы въ средней школѣ лежитъ «урокъ» отъ четырехъ до пяти часовъ въ день и приготовленіе уроковъ вечеромъ дома. Въ чемъ же происхожденіе этой системы? Г. Розановъ даетъ на это не лишенный остроумія отвѣтъ.

«Если вдуматься,—говоритъ онъ,—гдѣ ея прототипъ (т.-е. прототипъ учебной системы), то мы найдемъ, что онъ—въ службѣ, вообще въ госу-

дарственной службѣ: «присутственные» утренніе часы, только разрѣзанные четырьмя промежутками—перемѣнами, суть «классное время», «классныя занятія» дѣтей, а вечеръ, когда чиновникъ беретъ «бумаги на домъ» и тамъ ихъ разсматриваетъ, обдумываетъ, рѣшаетъ, пишетъ—эти вечерніе и менѣе оффиціальные часы чиновнической службы послужили прототипомъ времени и формы приготовленія уроковъ. Чиновники министерства народнаго просвѣщенія не столько вглядывались ва жизнь учениковъ и организовали ихъ занятія, сколько методъ и формы своихъ должностныхъ занятій просто перенесли на школу или, пожалуй, приноровили къ ихъ образцу школу; директоръ есть министръ, а ученики—писцы; учителя—начальники... не отдѣленій, но предметовъ, отвѣтственные за трудолюбіе и вообще занятія, занятость «служащихъ»—учениковъ. Кто помнитъ старую бурсу съ ея консулами, аудиторами и прочими диковинками, невообразимыми въ гимназіи, тотъ согласится, что и тамъ также заимствовали, и очень легко согласится, что и въ гимназіяхъ мы имѣемъ не занятія, вытекающія изъ природы ученика, но занятія оформленныя по образцамъ какихъ-то другихъ занятій. И какъ эта прототипичная форма была одна, то на всѣ возрасты, отъ перваго класса до восьмого, она и была наложена».

Курсъ гимназіи считается восьмилѣтнимъ, но на самомъ дѣлѣ онъ рѣдко проходится менѣе, чѣмъ въ 10 лѣтъ. Причина этого—чрезмѣрное обремененіе гимназическихъ программъ, которыя необходимо подлежатъ сокращенію.

«Тотъ простой и абсолютно непререкаемый фактъ, что безъ подготовки подведенный къ экзаменаціонному столу не выдержитъ по всѣмъ девяти предметамъ «испытанія зрѣлости» самъ заслуженный докторъ римскаго права, и не выдержитъ таковаго ни одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ,—эта бросающая въ глаза аксіома зачеркиваетъ всѣ возраженія противъ огромнаго сокращенія программъ.

«Нѣтъ сомнѣнія и доктора римскаго права, и попечители округовъ суть общечеловѣчески развитые и совершенно образованные люди; а претензіи, требуемыя «уставомъ гимназій и прогимназій», чтобы гимназисты были свѣдующѣе докторовъ права въ наукахъ, едва ли не достаточно случайнаго происхожденія. Просто уставъ составлялся, программы вытягивались «спеціалистами наукъ», изъ коихъ каждый въ засѣданіяхъ такой-то коммиссіи хотѣлъ отличиться передъ другими, не желалъ уронить свою науку передъ представителями другихъ наукъ: историкъ не хотѣлъ дать «шагъ впередъ» филологу, новая филологія—древней, физикъ—«батюшкѣ», а «батюшка»—физику. И винегретъ научныхъ соперничествъ былъ скрѣпленъ и сведенъ воедино. А дальше «прошло» по всѣмъ инстанціямъ и послѣдовали отзывы: «согласенъ», «согласенъ», «согласенъ же».

Въ концѣ концовъ ученикъ изъ этого «винегрета» забываетъ три четверти, а между тѣмъ это механическое удлиненіе программы массой свѣдѣній, не увеличивающихъ ни развитія, ни образованія учениковъ, лишь

мѣшаетъ правильной организаціи учебныхъ занятій, которыя должны быть приноровлены къ различнымъ фазамъ развитія учениковъ.

Обращаясь къ опредѣленію этихъ фазъ, г. Розановъ дѣлитъ годы ученья на три періода: отъ 9 до 16 лѣтъ, отъ 16 до 18 и отъ 18 до 22 лѣтъ. Первый возрастъ—періодъ довѣрія и наивности, второй—періодъ перелома, третій—отъ 18 до 22 л. самый прекрасный возрастъ, когда юноша пылаетъ жаждой подвига, дѣятельности. Въ эти годы во время попавшаяся книга, случайная встрѣча, умная бесѣда могутъ на всю жизнь оставить неизгладимый слѣдъ въ душѣ человѣка. Вотъ этотъ-то счастливый возрастъ необходимо, какъ выражается г. Розановъ «подцѣпить педагогическою лесою» и перенести въ университетъ. Въ это время умъ безконечно воспріимчивъ, но не къ «долбежкѣ», а къ бесѣдѣ, лекціи, книгѣ.

«Этотъ алмазъ возраста давать гранить гимназическимъ учителямъ—безразсудно. Тутъ долженъ быть университетъ; непремѣнно университетъ, въ чудно довѣрчивыхъ формахъ, съ абсолютною свободой много или ничего не дѣлать, безъ раздражающихъ «педелей», но съ профессорами, мудро и внимательно выбранными. Тутъ должны быть Сократы; ибо всѣ люди этихъ лѣтъ—Федры».

Г. Розановъ не указываетъ, какимъ образомъ нужно измѣнить учебныя программы въ зависимости отъ возраста учащихся; онъ предоставляетъ наукѣ педагогіи «художественно и философски прочитать возрасты». Но нѣкоторые общіе выводы и сейчасъ можно сдѣлать изъ его статьи: необходимо сильное сокращеніе гимназическихъ программъ, такъ чтобы окончаніе курса въ 8 лѣтъ было не исключеніемъ, а правиломъ; сокращеніе это должно быть сдѣлано на счетъ предметовъ, нисколько не способствующихъ развитію и образованію учениковъ; возрастъ отъ 18 до 22 лѣтъ долженъ быть посвященъ университетскому образованію; въ эти годы сидѣнье въ гимназіи отзывается крайне вредно на развитіи учащихся; учебныя программы должны быть разумно приспособлены къ возрасту учениковъ, но не только въ количественномъ смыслѣ, какъ теперь, а, что гораздо важнѣе, въ качественномъ,—иначе говоря, онѣ должны считаться съ особою психологіей каждаго возраста.

Послѣдняя задача очень трудна, но отсюда не слѣдуетъ, что ею можно пренебрегать. Добавимъ еще, что при отсутствіи педагоговъ не поможетъ никакое приспособленіе программъ къ психологіи возраста. Поэтому улучшеніе преподавательскаго персонала въ нашихъ гимназіяхъ составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ школьной реформы.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ закончились два судебныхъ процесса, давно уже занимавшихъ вниманіе нашего общества. Мы говоримъ о дѣлѣ Карповыхъ-Тальмы и дѣлѣ Скитскихъ. Первое изъ нихъ вызвало особенно много шума и споровъ. Обстоятельства его извѣстны, и мы только вкратцѣ напомнимъ ихъ. Въ 1895 году въ Пензѣ была убита въ собственномъ домѣ вдова генералъ-лейтенанта Болдырева. Въ убійствѣ былъ заподозрѣнъ и затѣмъ об-

вленъ близкій родственникъ покойной, Александръ Тальма. Нельзя сказать, чтобы ужъ тогда не было сомнѣній въ виновности Тальмы. Старшина присяжныхъ засѣдателей, вынесшій приговоръ, разрыдался и не могъ его прочесть, такъ что приговоръ былъ прочитанъ другимъ присяжнымъ засѣдателемъ. Видно было, что между присяжными засѣдателями происходила жестокая борьба раньше, чѣмъ было составлено необходимое для обвинительнаго приговора большинство. На судѣ было обнаружено множество промаховъ и недостатковъ предварительнаго слѣдствія. И если тѣмъ не менѣе Тальма былъ обвиненъ на основаніи однѣхъ только косвенныхъ уликъ, то безъ сомнѣнія на приговоръ этотъ оказало вліяніе много постороннихъ обстоятельствъ, не имѣвшихъ отношенія къ дѣлу, но хорошо извѣстныхъ присяжнымъ засѣдателямъ, какъ пензенскимъ жителямъ. Домъ генеральши Болдыревой пользовался въ Пензѣ плохой репутаціей. Достаточно сказать, что обвиняемый Тальма считался одновременно сыномъ и внукомъ убитой.

Скоро послѣ осужденія Александра Тальмы сынъ убитой, полковникъ Тальма, предпринялъ цѣлый рядъ ходатайствъ о пересмотрѣ дѣла на томъ основаніи, что преступленіе будто бы совершено другимъ лицомъ. Одно изъ указанныхъ просителемъ лицъ даже созналось въ убійствѣ, но затѣмъ покончило съ собою самоубійствомъ. Наконецъ, съ годъ тому назадъ въ Пензѣ были обнаружены билеты убитой у жившаго во время убійства въ домѣ ея мѣдника Карпова. Привлеченный къ дознанію, Карповъ сознался въ убійствѣ Болдыревой и объяснилъ, что преступленіе совершено имъ самимъ безъ чьего-либо участія. Отецъ и мать Карпова были привлечены по обвиненію въ укрывательствѣ убійства. Казалось, что дѣло вполнѣ разъяснилось и что по обвиненіи истиннаго убійцы Болдыревой приговоръ по дѣлу Тальмы будетъ отмѣненъ. Между тѣмъ присяжные засѣдатели признали всѣхъ Карповыхъ, въ томъ числѣ и сознавшагося въ убійствѣ Карпова-сына, виновными лишь въ укрывательствѣ.

Приговоръ этотъ вызвалъ много недоумѣній.—Что за странная гуманность? — разсуждаютъ недовольные, — человѣкъ сознается въ томъ, что убилъ, а ему говорятъ: нѣтъ, ты не убилъ, это ты напраслину на себя взводишь,—и оправдываютъ его. Какимъ образомъ могли присяжные засѣдатели повѣрить увѣреніямъ защиты, что Карповъ подкупленъ? Гдѣ-жъ это видано, чтобъ можно было покупать людей на каторжныя работы?

Всѣ эти разсужденія кажутся намъ довольно легкомысленными. Прежде всего, очень трудно со стороны найти правду въ уголовномъ процессѣ. Нужно знать всѣ мельчайшія детали дѣла, для того чтобъ составить себѣ о немъ правильное представленіе. Газетные отчеты никогда такого знанія дать не могутъ. Притомъ же въ уголовномъ дѣлѣ очень важно вынести непосредственное личное впечатлѣніе отъ показаній свидѣтелей. Показаніе, прочитанное на судѣ или напечатанное въ газетѣ, совсѣмъ не то, что показаніе выслушанное, данное на перекрестномъ допросѣ сторонъ. Вотъ почему насъ всегда удивляла поспѣшность тѣхъ людей, которые, пробѣжавъ газетные отчеты, не задумываются бросить тяжкій укоръ людямъ, которые послѣ вни-

мательнаго личнаго изученія дѣла, часто послѣ тяжелаго раздумья и съ полнымъ сознаніемъ огромной отвѣтственности, лежащей на нихъ, выносятъ тотъ или иной приговоръ.

Говорятъ о странной гуманности. Но именно гуманность въ *этомъ* дѣлѣ могла только усилить строгое отношеніе присяжныхъ засѣдателей къ обвиняемымъ. Вѣдь они хорошо знали, что за спиной Карповыхъ стоитъ Тальма, невинно-осужденный, какъ предполагаютъ, Тальма, судьба котораго тѣсно связана съ осужденіемъ Карповыхъ. И этотъ человѣкъ страдаетъ за вину другихъ, которые дали совершиться ужасному неправосудію, спокойно наслаждались плодами своего преступленія, и лишь случайно изобличенные предстали предъ судомъ. Слѣдовательно, они виновны не только въ убійствѣ Болдыревой и ея горничной, но и въ еще болѣе, можетъ быть, ужасномъ убійствѣ Тальмы. Могла ли быть при такихъ условіяхъ рѣчь о той гуманности, которая заставляетъ присяжныхъ засѣдателей говорить «нѣтъ, не виновенъ», даже тогда, когда совершеніе преступленія обвиняемыми несомнѣно? Конечно, нѣтъ. Мы увѣрены, что тѣнь осужденнаго Тальмы, томящагося въ каторгѣ, ни на минуту не оставляла присяжныхъ, судившихъ Карповыхъ, и если они при такихъ исключительныхъ условіяхъ оправдали Карпова-сына въ убійствѣ, значитъ, они *не могли* его обвинить.

Правда, Карповъ сознался. Но давно уже прошли тѣ времена, когда сознаніе обвиняемаго считалось самымъ совершеннымъ доказательствомъ по дѣлу, и когда вслѣдствіе этого щепетильные судьи добывали сознаніе подъ пыткой. Теперь сознаніе потерпѣвшаго такъ же подлежитъ судебной повѣркѣ, какъ и показанія свидѣтелей, и принимается за доказательства лишь тогда, когда оно вполнѣ согласно со всѣми обстоятельствами дѣла. Въ данномъ случаѣ, сознаніе подсудимаго не было полное. Еще на предварительномъ слѣдствіи онъ сталъ давать противорѣчивыя показанія. Той же системы онъ держался на судѣ, гдѣ даже не желалъ давать объясненій по многимъ возбудившимъ сомнѣніе пунктамъ. При такихъ условіяхъ сознаніе подсудимаго не могло быть принято присяжными засѣдателями за рѣшительное доказательство и подлежало тщательной провѣркѣ.

Между тѣмъ, какъ видно даже изъ газетныхъ отчетовъ, въ дѣлѣ было достаточно данныхъ для того, чтобъ усомниться въ правдивости полнаго умолчаній и противорѣчій сознанія Карпова. Выяснялось, что онъ еще до убійства Болдыревой взялъ на себя чужую вину по дѣлу о кражѣ у той же Болдыревой и даже отбылъ за это наказаніе. Затѣмъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ имѣло то обстоятельство, что первоначально составленный прокуроромъ пензенскаго суда обвинительный актъ, въ которомъ обвиненіе въ убійствѣ предъявлялось не только къ Карпову-сыну, но и къ Карпову-отцу, былъ измѣненъ обвинительной камерой саратовской судебной палаты въ томъ смыслѣ, что къ послѣднему было предъявлено обвиненіе лишь въ укрывательствѣ.

Поддерживая въ указанныхъ палатой предѣлахъ обвиненіе противъ подсудимыхъ, прокуроръ, однако, по ходу дѣла вынужденъ былъ доказывать,

что убійство совершено не однимъ, а двумя лицами; причемъ, выразилъ убѣжденіе, что этимъ вторымъ лицомъ былъ Карповъ-отецъ. Такимъ образомъ прокуроръ самъ нанесъ тяжкій ударъ обвиненію, предъявленному къ Карпову-сыну. Если присяжные засѣдатели согласились съ нимъ, что убійство совершилъ отецъ совмѣстно съ сыномъ, то какимъ образомъ они могли наказать сына, которому во время убійства было лишь 16 лѣтъ, сильнѣе, чѣмъ отца, который, конечно, являлся въ ихъ глазахъ главнымъ виновникомъ? Не должно ли было имъ показаться единственно справедливымъ выходомъ изъ такого положенія обвинить и сына только въ укрывательствѣ, разъ ужъ нельзя измѣнить постановки обвиненія по отношенію къ отцу? Безъ сомнѣнія, они даже знали заранѣе, что при такой постановкѣ вопроса малолѣтній сынъ будетъ подвергнутъ низшему наказанію, чѣмъ отецъ, что̀, можетъ быть, вполнѣ совпадало съ ихъ желаніемъ. И дѣйствительно, Карповъ-отецъ былъ приговоренъ судомъ за укрывательство къ 6 годамъ каторги, а сынъ лишь къ 2 годамъ тюремнаго заключенія. Мы лично думаемъ, что вѣроятнѣе всего присяжные или пришли къ убѣжденію въ виновности обоихъ, причемъ главнымъ виновникомъ считали отца, а сына лишь второстепеннымъ пособникомъ, или даже сочли виновнымъ въ убійствѣ лишь одного отца, а сына только въ укрывательствѣ.

Говорятъ, что присяжные могли отвергнуть сознаніе Карпова, лишь повѣривъ баснѣ о подкупѣ. Ничуть. Развѣ сыновнее чувство и желаніе выгородить отца не было достачно сильнымъ стимуломъ для того, чтобы Карповъ далъ ложное показаніе. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что Карповъ-сынъ могъ знать, что онъ будетъ подвергнутъ меньшему наказанію, чѣмъ отецъ, въ виду несовершеннолѣтія его во время совершенія преступленія.

Были и другія обстоятельства въ дѣлѣ, которыя не могли не смущать присяжныхъ засѣдателей. Таковы тѣ попытки замѣнить Тальму другимъ лицомъ, о которыхъ мы упоминали выше, таковъ и отказъ въ пріобщеніи къ дѣлу Карповыхъ дѣла Тальмы. Хотя на судѣ рѣшалась судьба Тальмы, но дѣла его не было; Тальма даже не былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что просили о пріобщеніи дѣла Тальмы защитники Карповыхъ, а повѣренные гражданскаго, истца, представлявшіе интересы прежде осужденнаго Тальмы, вмѣстѣ съ прокуроромъ возражали противъ этого ходатайства. Такое полное изолированіе прежняго дѣла отъ настоящаго, можетъ быть, и было правильно съ формальной точки зрѣнія, но по существу должно было вредно отозваться на разсмотрѣніи дѣла Карповыхъ. Присяжные засѣдатели должны были встрѣтиться съ множествомъ вопросовъ, среди которыхъ они могли оріентироваться правильно лишь при ознакомленіи съ прежнимъ дѣломъ. Но прежняго дѣла не было, не было и самого Тальмы. При такихъ условіяхъ присяжнымъ засѣдателямъ пришлось, можетъ быть, разсуждать слѣдующимъ образомъ: совершена ли судебная ошибка въ дѣлѣ Тальмы, мы не знаемъ; но зато мы навѣрное знаемъ, что если мы осудимъ за убійство Карпова-сына, то есть много вѣроятія, что мы совершимъ судебную ошибку.

Отсюда видно, что если приговоръ по дѣлу Карповыхъ и страдаетъ неполнотою, оставляя открытымъ вопросъ объ истинномъ виновникѣ убійства Болдыревой, то въ этомъ менѣе всего можно винить присяжныхъ засѣдателей. При тѣхъ условіяхъ, въ какія они были поставлены, они сдѣлали все, что могли для того, чтобъ оградить интересы правосудія.

Приговоръ по дѣлу Карповыхъ вызвалъ толки по поводу того, даетъ ли онъ основанія къ пересмотру дѣла Тальмы. Собственно говоря, по точному смыслу 935 ст. Уст. угол. суд. такихъ основаній къ пересмотру дѣла Тальмы, по нашему мнѣнію, въ настоящее время нѣтъ. Они могутъ явиться лишь при кассированіи приговора, если при новомъ расмотрѣніи дѣла Карповыхъ, одинъ или оба, будутъ обвинены въ убійствѣ. Но, какъ слышно, прокуроръ не собирается подавать кассаціоннаго протеста. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что просьба осужденнаго Тальмы или его родственниковъ о возобновленіи его дѣла имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ. Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ и всей обстановки настоящаго дѣла правительствующій сенатъ, надо надѣяться, дастъ въ настоящемъ случаѣ широкое толкованіе 935 ст. Уст. угол. суд. и признаетъ приговоръ по дѣлу Карповыхъ за то открытіе доказательствъ невинности осужденнаго, о которомъ говорится во 2 п. этой статьи.

Такое толкованіе, можетъ быть, будетъ нѣсколько грѣшить съ формальной стороны, но зато оно будетъ отвѣчать высшимъ интересомъ правосудія и удовлетворитъ общественную совѣсть. Общество можетъ мириться съ тѣмъ, что не открыты истинные виновники убійства Болдыревой или что они понесли наказаніе ниже того, какое они заслуживали, но оно не можетъ помириться съ мыслью о томъ, что за убійство Болдыревой отбываетъ на Сахалинѣ каторжныя работы, можетъ быть, совершенно неповинный въ этомъ дѣлѣ. Только пересмотръ дѣла Тальмы можетъ разсѣять усилившіяся теперь сомнѣнія въ его виновности и тѣмъ успокоить общественную совѣсть.

Много шума вызвало также и дѣло братьевъ Скитскихъ, обвинявшихся въ убійствѣ секретаря полтавской консисторіи Комарова. Дѣло это, дважды кассированное сенатомъ, разсматривалось первый разъ въ Полтавѣ особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты, второй разъ въ Харьковѣ особымъ присутствіемъ той же палаты и затѣмъ третій опять въ Полтавѣ особымъ присутствіемъ кіевской палаты. Такой исключительный характеръ дѣло приняло вслѣдствіе того, что оно сразу было постановлено на неправильную почву. Скитскіе были арестованы сейчасъ послѣ убійства Комарова еще до того, какъ противъ нихъ были собраны какія-нибудь серьезныя улики. Затѣмъ началась обычная въ нашемъ слѣдственномъ производствѣ исторія подбора уликъ для доказательства заранѣе уже составленнаго обвиненія. Мы не станемъ вспоминать всѣмъ извѣстныхъ недостатковъ этого производства по настоящему дѣлу, ни тѣхъ пріемовъ, которые были пущены въ ходъ для того, чтобы получить какую - нибудь прямую улику противъ Скитскихъ. Особенно отличилась при этомъ полтав-

ская полиція, которая поистинѣ обнаружила усердіе свыше разума. Замѣтимъ только, что въ погонѣ за уликами противъ Скитскихъ слѣдствіе совершенно упустило изъ виду цѣлый рядъ слѣдовъ, по которымъ, можетъ быть, оно и могло бы въ свое время дойти до открытія истинныхъ убійцъ Комарова. Теперь эти слѣды, вѣроятно, давно уже потеряны. Въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ свои усилія, слѣдствіе ничего кромѣ косвенныхъ уликъ противъ Скитскихъ не могло найти. Особое присутствіе харьковской палаты, при первомъ разборѣ дѣла, не только не нашло возможнымъ обвинить подсудимыхъ на основаніи этихъ уликъ, но и выразило твердое убѣжденіе, что убійство Комарова не было дѣломъ рукъ Скитскихъ. Къ сожалѣнію, при вторичномъ разборѣ дѣла палата отступила отъ того строго-критическаго отношенія къ даннымъ слѣдствія, которое было проявлено первымъ особымъ присутствіемъ, и допустила цѣлый рядъ существенныхъ нарушеній процессуальныхъ правилъ. Между прочимъ, палата пользовалась въ совѣщательной комнатѣ фотографическими снимками мѣстности, не непредъявленными сторонамъ. Любопытно еще, что считая необходимымъ имѣть ясное представленіе о мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ трупъ Комарова, палата, однако, отказала защитѣ въ просьбѣ объ осмотрѣ и предпочла пользоваться плохими фотографическими снимками. По жалобѣ защитниковъ обвинительный приговоръ, постановленный при второмъ разсмотрѣніи дѣла, вновь былъ кассированъ сенатомъ, и дѣло, какъ уже выше было указано, перешло на разсмотрѣніе кіевской судебной палаты. На этотъ разъ оно вновь слушалось въ Полтавѣ, такъ какъ палата имѣла въ виду произвести осмотръ мѣстностей. Осмотръ этотъ и былъ произведенъ при условіяхъ небывалыхъ въ лѣтописяхъ нашего уголовнаго суда. Палата вмѣстѣ съ сторонами и подсудимыми пѣшкомъ прошла предполагаемый путь Скитскихъ, а также осмотрѣла мѣста убійства. Подсудимые были одѣты въ ту одежду, въ которой они были въ день убійства для того, чтобы свидѣтелямъ, видѣвшимъ ихъ тогда и разставленнымъ теперь въ соотвѣтственныхъ пунктахъ, легче было провѣрить свои впечатлѣнія. Свидѣтелей этихъ тутъ же на мѣстѣ и допрашивали. Вообще палата выполнила свою трудную задачу съ огромнымъ тактомъ и безпристрастіемъ, предоставивъ сторонамъ широко пользоваться своимъ правомъ доказывать виновность или невиновность подсудимыхъ и тщательно провѣряя какъ доводы обвиненія, такъ и доводы защиты.

Какъ извѣстно, въ результатѣ этого третьяго разсмотрѣнія дѣла состоялся опять оправдательный приговоръ,—надо надѣяться, уже окончательный. Приговоръ этотъ былъ встрѣченъ бурными привѣтствіями въ Полтавѣ, и съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія во всей Россіи. Если несправедливые судебные приговоры могутъ считаться общественнымъ бѣдствіемъ, то актъ правосудія, преодолѣвшаго огромныя затрудненія, долженъ считаться общественнымъ торжествомъ.

Отъ судебныхъ драмъ перейдемъ къ комедіи, въ которой, впрочемъ, читатель, можетъ быть, найдетъ и свою печальную сторону. Какъ извѣстно, нѣсколько времени тому назадъ редакторъ *Свѣта* и постоянный поставщикъ романовъ для этой газеты г. Гейнце былъ изобличенъ въ томъ, что печатавшійся въ фельетонахъ газеты романъ его «Тайна любви» представляетъ собою почти дословную перепечатку повѣсти Гюисманса «Марта—исторія погибшей», переведенной потомъ на русскій языкъ. Г. Гейнце объяснилъ, что онъ написалъ свой романъ по запискамъ, купленнымъ имъ за 50 руб. у какого-то молодого человѣка, и что о Гюисмансѣ онъ ни малѣйшаго представленія не имѣетъ. Скоро послѣ раскрытія «Тайны любви» вышла на свѣтъ еще одна тайна изъ *Свѣта*; оказалось, что напечатанный тамъ извѣстной поэтессой Чюминой романъ «За грѣхи отцовъ» также передѣланъ изъ какого-то англійскаго романа. Г-жа Чюмина, съ свойственнымъ поэтамъ изяществомъ выраженій, объяснила, что въ виду ничтожнаго гонарара, полученнаго ею отъ редактора-издателя *Свѣта* Комарова, она сочла возможнымъ «опереться на готовый сюжетъ». Г. Комаровъ оба раза благоразумно промолчалъ. Оказывается, однако, что онъ не только зналъ про литературныя кражи, совершаемыя его сотрудниками, но и самъ принималъ въ нихъ участіе въ качествѣ интеллектуальнаго виновника и подстрекателя, выражаясь юридическимъ языкомъ. Недавно г. Гейнце помѣстилъ въ *Россіи* обширное письмо, въ которомъ приноситъ чистосердечное покаяніе предъ публикой. Въ письмѣ этомъ онъ сообщаетъ, что пять романовъ написаны имъ «по запискамъ», иначе говоря составляютъ перепечатку чужихъ произведеній. О томъ, какъ составлялись имъ остальные, «собственные» романы, г. Гейнце не говоритъ, но судя по тому, что онъ самъ же разсказываетъ о двухъ другихъ своихъ романахъ «Малюта-Скуратовъ» и «Первый русскій Самодержецъ», надо полагать, что они также заимствованы, но не изъ «записокъ», а прямо изъ чужихъ романовъ. Обо всемъ этомъ г. Комаровъ зналъ, а для нѣкоторыхъ романовъ самъ покупалъ г. Гейнце «записки» и доставлялъ ему «источники». Мало того, если г. Гейнце указывалъ иногда въ подстрочномъ примѣчаніи «источники», то г. Комаровъ эти ссылки зачеркивалъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему усна щивать романъ ссылками на источники? Это хорошо только для научныхъ сочиненій.

Между г. Комаровымъ и его сотрудникомъ царило полное согласіе и дружба и, можетъ быть, г. Гейнце и сейчасъ благополучно печаталъ бы въ *Свѣтѣ* свои «собственные» романы по разнымъ запискамъ и источникамъ, если бы г. Комаровъ послѣ несчастнаго случая съ «Тайной любви» не измѣнилъ къ нему отношеній настолько, что онъ вынужденъ былъ отказаться отъ сотрудничества въ *Свѣтѣ*. Вотъ это-то больше всего и возмущаетъ г. Гейнце. Онъ 7 лѣтъ былъ редакторомъ *Свѣта*. Въ теченіе семи лѣтъ онъ одинъ составлялъ нумера *Свѣта*, улучшилъ газету, а четыре года редактировалъ ее, безъ участія В. В. Комарова, который былъ занятъ въ то время городскими дѣлами, подготовленіемъ своего избранія въ го-

родскіе головы, политическими поѣздками, славянскимъ обществомъ, подготовленіемъ выбора своего въ предсѣдатели, своимъ домомъ, гончарнымъ заводомъ, всѣмъ чѣмъ угодно, только не газетою *Свѣтъ*,— и въ награду за все это отставка!... Этого г. Гейнце не можетъ перенести. Онъ обращается къ «чуткимъ сердцамъ» читателей за справедливостью.

Мы не станемъ критиковать здѣсь исповѣди г. Гейнце. Онъ самъ себя такъ уничижаетъ, что совершенно обезоруживаетъ читателя. Лежачаго не бьютъ. Но есть въ этомъ дѣлѣ, какъ справедливо указываютъ *Петербургскія Вѣдомости*, вопросъ гораздо интереснѣе личности г. Гейнце: «Въ чьихъ же собственно рукахъ находится дѣло искренняго отстаиванія и выясненія государственныхъ принциповъ и завѣтовъ, за мнимо-недостаточное проникновеніе которыми гейнцевскій патронъ и соразбойникъ по перу, а съ ними въ трогательномъ единодушіи всякіе грингмуты, покрываютъ инсинуаціями, когда вѣтеръ дуетъ не въ ихъ сторону, малѣйшее безпристрастное отношеніе къ окраинамъ, иновѣрію и націонализму?»

А. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Телеграфъ приноситъ все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти о положеніи дѣлъ въ Китаѣ. Тайное общество *Большого кулака* получило широкое распространеніе въ народѣ и грозитъ смертью какъ иностранцамъ, такъ и обращеннымъ въ христіанство китайцамъ. Разрушаются христіанскія миссіи, желѣзныя дороги, ведущія въ Пекинъ, сжигаются села. Европейскія державы и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты вынуждены вмѣшаться на защиту жизни и собственности европейцевъ и американцевъ. Когда пишутся эти строки, въ Пекинѣ и Тьенцъ-Дзинѣ положеніе угрожающее. Телеграфныя сообщенія прерваны, европейскія посольства подвергаются опасности, соединенный флотъ великихъ державъ послѣ семичасового артиллерійскаго боя разрушилъ часть фортовъ въ Таку, остальные были взяты штурмомъ. Предстоитъ, повидимому, движеніе англійскихъ, германскихъ, русскихъ, французскихъ и японскихъ отрядовъ въ Пекинъ.

Событія въ Китаѣ имѣютъ большую важность въ международномъ отношеніи и существеннымъ образомъ затрогиваютъ русскіе интересы. Въ газетѣ, въ которой русскій консерватизмъ доходитъ до граціи, было высказано глубокое сочувствіе китайскому *Большому кулаку* и живѣйшее пожеланіе столь же самобытнаго развитія такого *кулака* на нашей родинѣ вмѣсто всякихъ земскихъ учрежденій, суда присяжныхъ и т. д. Нельзя, конечно, искренно не поблагодарить *Гражданина* за то, что онъ ясно и точно договариваетъ тѣ *идеи*, которыя не безъ осторожности и даже робости высказываютъ другія наши «охранительныя» изданія.

Итакъ, *Большой кулакъ* самобытнаго Китая огнемъ и мечомъ истребляетъ начатки христіанско-европейской цивилизаціи. Сколько китайцевъ, до сихъ поръ въ точности неизвѣстно. Вѣроятно, около 400 милліоновъ, масса, во всякомъ случаѣ, грозная. Но если между европейскими державами, Японіей и Соединенными Штатами не возникнетъ разногласія, спокойствіе можетъ быть возстановлено и безопасность европейцевъ и немногочисленныхъ христіанъ-китайцевъ обезпечена. Нынѣшнее китайское правительство съ энергичною вдовствующею императрицею во главѣ сочувствуетъ антиевропейскому движенію и подъ рукой даже поддерживаетъ мятежниковъ *Большого кулака.* Темные инстинкты самобытно-невѣжественной народной массы такимъ образомъ разнуздываются и поощряются. Китай, очевидно, переживаетъ тяжелый кризисъ. Благомыслящій, но слабый волею императоръ, который хотѣлъ было, послѣ несчастной войны съ Японіей, вывести родную страну на путь европейскаго прогресса, лишенъ власти и престола и, ка-

жется, лишается жизни. Вмѣшиваться во внутреннія дѣла Китая, до послѣднихъ кровавыхъ событій, Россіи, конечно, не представлялось необходимости. У насъ на рукахъ громадная культурная задача: продолженіе великаго сибирскаго желѣзно-дорожнаго пути до Портъ-Артура и полное обезпеченіе этого пути среди манджуро-китайскаго населенія. Задача такъ велика, городъ Дальній такъ далекъ отъ срединной Россіи, что ввязываться въ серьезную войну съ сотнями милліоновъ Небесной Имперіи для насъ представляется большой опасностью. Англійскія газеты то указываютъ на русскія интриги, на желаніе Россіи имѣть господствующее положеніе въ Пекинѣ, то призываютъ наше правительство къ совмѣстной энергичной дѣятельности съ Англіей и другими великими державами во имя защиты цивилизаціи и важныхъ торговыхъ и экономическихъ интересовъ.

Телеграфъ, какъ мы уже сказали, принесъ извѣстіе, что война въ Китаѣ началась. Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (7 іюня) напечатано: главнымъ морскимъ штабомъ получены по телеграфу изъ Портъ-Артура отъ вице-адмирала Алексѣева нижеслѣдующія извѣстія:

«Утромъ 4 іюня форты Таку заняты дессантомъ послѣ ночного семичасового боя съ фортами, начатаго китайцами. Въ этомъ дѣлѣ участвовали лодки «Кореецъ», «Гилякъ», «Бобръ», французская «Lion», англійская «Algerine» и германская «Iltis» подъ общимъ начальствомъ старшаго изъ командировъ капитана 1-го ранга Добровольскаго. Потери наши заключаются: убитъ лейтенантъ Бураковъ; ранены лейтенанты: Деденевъ — смертельно, Титовъ—тяжело, Богдановъ—легко; нижнихъ чиновъ убито шестнадцать, ранено шестьдесятъ семь. Потери эти понесены лодками «Гилякъ» и «Кореецъ». Лодка «Гилякъ» потерпѣла серьезныя повреженія, требуетъ исправленія въ докѣ вслѣдствіе подводной пробоины снарядомъ. Лодка «Кореецъ» получила шесть надводныхъ пробоинъ, каютъ-компанія разрушена. Лодка «Бобръ» не понесла потерь въ людяхъ и поврежденій не имѣетъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, что при единодушномъ дѣйствіи державъ сопротивленіе Китая будетъ сломлено, но какъ упрочить въ этой громадной имперіи порядокъ и спокойствіе, представляется въ высшей степени труднымъ. Раздѣлъ Китая вызоветъ такія разногласія между Россіей, Франціей, Англіей, Германіей, Японіей и Соединенными Штатами, которыя могутъ повести къ вооруженному столкновенію. Нашему отечеству, повторяемъ, можно только бояться новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, но размежевать интересы государствъ, стремящихся упрочить за собою въ Китаѣ торговые рынки, будетъ задачею, достойною дипломатіи конца вѣка. Наши интересы, во всякомъ случаѣ, поддержаны на дальнемъ востокѣ значительными сухопутными и морскими силами.

Событія въ Китаѣ заслонили отъ вниманія европейскаго общества приближающуюся развязку англо-трансваальской войны. Маленькій героическій народъ продолжаетъ мужественно защищаться, но британская армія по численности превосходитъ все мужское населеніе Оранжевой республики и Транс-

ваала. Въ англійскомъ обществѣ и печати раздаются дикіе голоса даже такихъ людей, какъ извѣстные писатели Киплингъ и Джеромъ. Требуютъ чуть ли не поголовнаго истребленія буровъ, установленія въ обѣихъ республикахъ, присоединяемыхъ къ англо-африканскимъ владѣніямъ, военной диктатуры и т. д.

Война съ бурами, благодаря побѣдамъ Робертса, оживила имперіалистическія стремленія въ Англіи. Къ этому времени подоспѣлъ проектъ австралійской федераціи (Викторія, Новый Южный Валлисъ, Квинслендъ, Западная Австралія и Южная Австралія). Парламентъ принялъ этотъ билль. Разногласіе возбуждаетъ только статья 74 проекта федеральной конституціи. Эта статья имѣетъ въ виду ограниченія британскаго верховнаго суда быть послѣднею инстанціею во всѣхъ спорахъ между частными лицами и федераціей или между колоніями изъ-за толкованія новой конституціи. Австралійскіе депутаты, прибывшіе въ Лондонъ, остались недовольны въ данномъ случаѣ образомъ дѣйствія Чемберлена. Онъ съ несомнѣнною ловкостью, похожею на жонглерство, доказывалъ въ парламентѣ, что общественное мнѣніе въ Австраліи въ этомъ отношеніи далеко не единодушно, что нѣкоторые банки и торговыя палаты, а также частныя петиціи не раздѣляютъ мнѣнія законодательныхъ собраній въ Австраліи. Парижская газета *Temps* справедливо замѣчаетъ, что въ этотъ знаменательный историческій моментъ Англіи недостаетъ ея великаго парламентарія—Гладстона.

Въ европейской печати появились извѣстія, что англійское правительство, въ виду осложненій въ Китаѣ, предлагаетъ Италіи возобновить свои домогательства и захватить какой-нибудь портъ на китайскомъ побережьѣ. Съ другой стороны, пронырливая политика консервативнаго англійскаго кабинета не теряетъ надежды поссорить Россію съ Японіей.

Въ Кореѣ русскіе и японскіе интересы до извѣстной степени дѣйствительно сталкиваются. Пріобрѣтеніе нашимъ отечествомъ Мазампфо или какого-либо другого корейскаго порта обезпечивало бы морской путь отъ Владивостока до Портъ-Артура. Римская *Tribuna* (22 Maggio) уподобляетъ современное положеніе Россіи въ Манджуріи по отношенію къ Кореѣ положенію Франціи въ Алжирѣ по отношенію къ Марокко. Почти роковая сила увлекаетъ иногда европейскія державы къ присоединенію земель въ другихъ частяхъ свѣта. Военные французскіе отряды заняли важный въ стратегическомъ отношеніи оазисъ Игли и вообще обнаруживаютъ въ этомъ направленіи большую предпріимчивость. Это задѣваетъ политическое честолюбіе и торговые интересы Италіи, которая никакъ не можетъ примириться съ мыслію, что господствующее положеніе на Средиземномъ морѣ принадлежитъ не ей, а Франціи. Италія не забыла, что французы легко овладѣли Тунисомъ, и опасается, что то же самое можетъ случиться съ Триполи. Недавнее посѣщеніе русскою эскадрою грознаго порта Бисерты, сооружаемаго французами въ Тунисѣ, и любезный тостъ, который былъ при этомъ произнесенъ русскому адмиралу губернаторомъ Бисерты, возбудили оживленные толки въ нѣмецкой и итальянской печати.

Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи попрежнему въ высшей степени затруднительное, *Tribuna* находитъ, что это положеніе болѣе критическое, чѣмъ когда-либо, и что всѣ усилія примирить чешскія и нѣмецкія требованія потерпѣли жалкую неудачу. Предположеніе римской газеты оправдалось. Чехи, которымъ угрожалъ въ парламентѣ законопроектъ министра-президента Кёрбера, имѣвшій цѣлью нарушеніе чешскаго государственнаго права (вопросъ объ языкахъ), рѣшили прибѣгнуть къ крайней обструкціи. Когда при графѣ Таафе къ этому средству прибѣгали австронѣмецкіе депутаты-централисты, бывшіе въ меньшинствѣ, мы указывали, что это орудіе обоюдоострое, что къ нему при другихъ обстоятельствахъ могутъ прибѣгнуть и политическіе противники австронѣмецкой централистической партіи. Такъ это и случилось. Младочехи превзошли даже нѣмецкихъ обструкціонистовъ. Въ парламентѣ, благодаря имъ, господствовалъ такой безобразный шумъ, что министръ-президентъ долженъ былъ ночью два раза ѣздить къ императору и получилъ наконецъ его согласіе на неопредѣленную отсрочку засѣданій палаты депутатовъ.

Это, конечно, не рѣшеніе, а лишь отсрочка кризиса. *Neue Freie Presse* (20 Маі) говоритъ, что чехи сражаются современными средствами изъ-за устарѣлой политики, что они никогда не достигнутъ осуществленія своего государственнаго права. Газета считаетъ, что коалиціонное большинство правой должно распасться и что австронѣмцы могутъ спокойно смотрѣть на событія. Мы не видимъ основаній для такого спокойствія и не теряемъ надежды, что такой просвѣщенный, высокодаровитый и энергичный народъ, какъ чешскій, добьется, наконецъ, осуществленія своихъ законныхъ правъ.

Большое значеніе имѣютъ парламентскіе выборы, которые произошли въ Италіи и Бельгіи. Въ Италіи значительное большинство осталось за кандидатами правительственной партіи, потерпѣла значительный уронъ умѣренная оппозиція и имѣла относительно большой успѣхъ партія крайней лѣвой и соціалисты.

Иными словами—наиболѣе просвѣщенныя области государства (Сѣверная Италія) все сильнѣе высказываются противъ милитаристической политики Криспи и его продолжателей.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенную въ этой книгѣ *Русской Мысли* статью о современномъ положеніи Италіи. Выборы въ бельгійскій парламентъ не разрушили реакціонно-католическаго большинства, но сильно его поколебали. Ждать серьезныхъ законодательныхъ реформъ при такихъ условіяхъ, конечно, невозможно, но гнетъ католической реакціи несомнѣнно ослабѣетъ.

Министерство Вальдека-Руссо продолжаетъ оставаться у власти и одерживать парламентскія побѣды, несмотря на ожесточенныя нападенія республиканцевъ—сторонниковъ Мелина и соединенныхъ группъ реакціонеровъ. Тѣмъ не менѣе во Франціи продолжаютъ существовать и серьезныя и непримис-

римыя разногласія. Если, съ одной стороны, монархисты и бонапартисты безуспѣшно нападаютъ на республиканскую форму правленія, то съ другой стороны, не безъ успѣха ведется агитація въ пользу конституціонныхъ реформъ. Недавно газета *Temps* возвращалась къ вопросу о всеобщей подачѣ голосовъ. Этотъ весьма вліятельный республиканскій органъ говоритъ, что истинные демократическіе принципы сводятся къ слѣдующему: 1) каждый гражданинъ имѣетъ право и долженъ имѣть возможность участвовать въ общественныхъ дѣлахъ; 2) вопросы рѣшаетъ большинство. При современномъ распредѣленіи голосовъ во многихъ избирательныхъ округахъ большинство оказывается ничтожнымъ, и въ общей сложности меньшинство населенія, оставшееся безъ представителей, можетъ достигнуть весьма значительной цифры. *Temps* справедливо говоритъ, что необходимо ввести систему пропорціональнаго представительства. Это дѣло всѣхъ партій, потому что это дѣло справедливости и распространенія соотвѣтственнаго вліянія между всѣми факторами общественно-политической жизни. Такая система, по мнѣнію *Temps*, осуществитъ въ выборахъ максимумъ распредѣлительной справедливости. Эти разсужденія газеты вызвали живой обмѣнъ мнѣній во французской печати. Реакціонеры объясняли статью *Temps* неудовольствіемъ, которое вызвалъ среди республиканцевъ исходъ парижскихъ муниципальныхъ выборовъ. *Temps* рѣшительно возражаетъ противъ этого предположенія. Если три депутата представляютъ 15,000 избирателей въ то время, когда 12 или даже 14 тысячъ избирателей не имѣютъ ни одного депутата, то это будетъ въ равной мѣрѣ несправедливо, къ какой бы партіи ни принадлежали депутаты большинства.

Нельзя не признать разсужденія парижской газеты правильными, но какъ отстаетъ политическая жизнь отъ политическихъ идей! Полвѣка тому назадъ мысль о необходимости представительства меньшинства была предложена Томасомъ Героиъ и блистательно развита Джономъ Стюартомъ Миллемъ.

Въ ожиданіи реформъ избирательной системы Франція однако мало развиваетъ свое законодательство, въ особенности въ области экономическихъ и финансовыхъ отношеній. Французская буржуазія упорно сопротивлялась до сихъ поръ законопроектамъ введенія подоходнаго налога. Та же участь можетъ ожидать и проектъ нынѣшняго министра финансовъ Калльо. Онъ имѣетъ въ виду создать общій налогъ на доходы и въ то же время освободить отъ тяжести податей незастроенныя владѣнія (на триста тридцать одинъ съ половиной милліоновъ). Мы не будемъ покуда входить въ подробности этого законопроекта и сообщимъ своевременно объ его участи въ парламентѣ. Издали странное впечатлѣніе производитъ современная Франція и обогащающій ее *мирный праздникъ труда*—парижская всемірная выставка, въ то время какъ и въ Африкѣ, и въ Азіи гремятъ пушки и льется кровь.

Правительственный законопроектъ о флотѣ, т.-е. объ его весьма значительномъ увеличеніи прошелъ въ германскомъ рейхстагѣ, противъ голо-

совъ свободомыслящихъ и соціалистовъ. Это слѣдовало предвидѣть потому, что центръ пошелъ на компромиссы и очевидно выговорилъ себѣ уступки за голосованіе въ пользу правительства.

Иной исходъ имѣли парламентскія пренія о такъ называемомъ законѣ Гейнце. Правительство и католическій центръ имѣли въ виду обуздать этимъ законопроектомъ безнравственныя злоупотребленія въ области искусства и литературы. Не трудно догадаться, что въ рукахъ нынѣшняго нѣмецкаго правительства и въ особенности римско-католической церкви этотъ законопроектъ сдѣлался бы орудіемъ величайшей нетерпимости и духовнаго гнета. По всей странѣ начались протесты. Знаменитѣйшіе ученые, писатели и художники выступили съ энергическими заявленіями противъ покушенія на то, чѣмъ такъ справедливо гордится Германія,—на свободу изслѣдованія и духовнаго творчества. Въ данномъ случаѣ отъ правительства и отъ центра отдѣлилась значительная группа національ-либераловъ. Свободомыслящіе и поддерживающія ихъ въ данномъ случаѣ другія парламентскія партіи рѣшили прибѣгнуть къ обструкціи, но обструкція эта велась съ замѣчательнымъ тактомъ и достоинствомъ. Главнымъ маневромъ было то, что противники законопроекта передъ голосованіемъ статей покидали залъ засѣданія и рейхстагъ оказывался не правомочнымъ. Правительство и центръ уступили, и изъ законопроекта были исключены параграфы, противъ которыхъ особенно возставали либеральныя партіи.

Frankfurter Zeitung называетъ день 20 мая несчастнымъ для Швейцаріи. Швейцарскій народъ посредствомъ референдума отклонилъ обязательное страхованіе больныхъ, военныхъ и въ несчастныхъ случаяхъ. Законопроектъ былъ единодушно принятъ представительными собраніями и національнымъ совѣтомъ, а народъ отвергнулъ его громаднымъ большинствомъ: триста тридцать семь тысячъ пятьсотъ семьдесятъ пять человѣкъ противъ ста шестидесяти четырехъ тысячъ шестисотъ двадцати девяти голосовъ (всѣхъ, имѣющихъ право голоса, въ Швейцаріи насчитывается 680 тысячъ человѣкъ). Мы никогда не принадлежали къ числу поклонниковъ референдума. Можно печалиться, но нечему удивляться и въ данномъ случаѣ. То, что становится яснымъ и несомнѣннымъ послѣ обсужденія въ кругу компетентныхъ депутатовъ, то можетъ быть вполнѣ превратно истолковано избирателемъ, которому приходится сказать рѣшительное *да* или *нѣтъ* по вопросу, до тѣхъ поръ, быть можетъ, ему вовсе неизвѣстному. Несомнѣнно, что страхованіе на случай болѣзни или несчастій является благодѣтельною и разумной мѣрою, въ особенности для малосостоятельныхъ лицъ, для народныхъ массъ. И эти-то массы Швейцаріи отвергли законопроектъ больше чѣмъ двумя третями голосовъ.

Когда были написаны эти строки, телеграфъ принесъ неожиданное извѣстіе о кончинѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ графа М. Н. Муравьева. Въ послѣдніе три года, послѣ смерти князя Лобанова-Ростовскаго,

онъ занялъ мѣсто главы нашей дипломатіи. При немъ упрочились наши союзныя отношенія съ Франціей, создано прочное положеніе на дальнемъ Востокѣ, пріобрѣтены важныя уступки со стороны Персіи. При его содѣйствіи созвана была гаагская мирная конференція, покуда платоническая по результатамъ, но чрезвычайно важная въ принципіальномъ отношеніи. Утрата такого испытаннаго дѣятеля особенно тяжела вслѣдствіе угрожающихъ осложненій въ Китаѣ.

Мы уже высказывались о томъ образѣ дѣйствій, котораго всего цѣлесообразнѣе и справедливѣе держаться Россіи по отношенію къ Небесной имперіи. Приведемъ сходное мнѣніе *Русскихъ Вѣдомостей* (9 іюня). «Какое положеніе,—спрашиваетъ газета,—должна занять Россія теперь, послѣ битвы при Таку, въ которой пролилась русская кровь? Слѣдуетъ ли ей держаться прежняго пути, или же для нея настало время прибѣгнуть къ инымъ средствамъ и способу дѣйствій? Высказываются различныя мнѣнія. Во всякомъ случаѣ едва ли можно согласиться съ тѣми, кто уже теперь принимаетъ воинственный тонъ, кто думаетъ, что прискорбное столкновеніе при Таку непремѣнно требуетъ быстраго возмездія. Столкновеніе это и тѣ прискорбныя потери, которыми оно сопровождалось, является однимъ изъ печальныхъ инцидентовъ, къ которымъ державы должны были заранѣе приготовиться, когда онѣ ввели свои войска въ Китай. Не должно забывать также, что кромѣ Россіи и другія державы понесли жертвы людьми. При настоящемъ положеніи дѣлъ для Россіи еще нѣтъ серьезныхъ основаній отступать отъ того спокойнаго и осторожнаго, но рѣшительнаго и увѣреннаго образа дѣйствій, котораго она держалась и раньше и который доставилъ ей исключительно счастливое положеніе въ Китаѣ. Положеніе это настолько благопріятно и прочно, что едва ли слѣдуетъ желать того, чтобы Россія поставила его на карту. Въ настоящій моментъ больше чѣмъ когда-либо Китай является ареной ожесточеннаго соперничества державъ, и война на дальнемъ Востокѣ, предпринятая одной изъ державъ, легко можетъ перейти въ европейскую войну. Въ виду выгодности той позиціи, которую занимала за послѣднее время русская дипломатія въ Пекинѣ, Россія пользуется особымъ недружелюбнымъ вниманіемъ со стороны державъ, которыя считаютъ, что усиленіе русскаго вліянія на дальнемъ Востокѣ грозитъ ихъ интересамъ. По преимуществу это слѣдуетъ сказать объ Англіи и Японіи. Германія держится очень корректно въ настоящемъ вопросѣ, но и она едва ли была бы очень огорчена ссорой между Россіей и Англіей. Ко всѣмъ слухамъ о завоевательныхъ планахъ Россіи, распускавшихся англійской печатью, теперь присоединился новый—о предстоящемъ будто бы соглашеніи между Россіей и Японіей, направленномъ противъ остальныхъ державъ. При такомъ взаимномъ недовѣріи заинтересованныхъ сторонъ первый рѣшительный шагъ можетъ имѣть самыя неожиданныя и нежелательныя послѣдствія для того, кто его сдѣлаетъ, и въ выигрышѣ можетъ оказаться tertius gaudens».

В. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Іюнь 1900 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„На побывкѣ". Романъ. *Н. А. Лейкина.*—„Патріархъ Никонъ". Историч. романъ. *М. А. Филиппова.*—„Повѣсти и разсказы". *В. Сѣрошевскаго.* — „Этюды, эскизы и наброски". *Р. Р. Якобовскаго.* — „Смута". Драма. *Л. Бѣлавскаго.* — „Стихотворенія гимназиста и нѣкоторыя данныя относительно процесса ихъ творчества". Состав. *В. Склифософскій.*—„Дни грёзъ". *Кенетъ Кремъ.*

На побывкѣ. Романъ изъ быта питерщиковъ въ деревнѣ. Ц. 1 р. Н. А. Лейкина. Петербургскій половой пріѣхалъ къ себѣ въ деревню, плѣнилъ своихъ односельчанъ полированностью и въ самомъ непродолжительномъ времени женился на дочери деревенскаго тысячника—тоже полированнаго человѣка, который не выдалъ ему всего обѣщаннаго приданаго. Затѣмъ молодые отправились въ Петербургъ открывать трактиръ.

Тема не грандіозная, какъ видите, но сдѣлать изъ нея романъ можно, и даже недурной романъ, колоритный, интересный и оригинальный. А „На побывкѣ" г. Лейкина — вещь отмѣнно длинная, скучная, натянутая и пошловатая. Получается такое впечатлѣніе, точно авторъ набралъ очень топорно сдѣланныхъ маріонетокъ, кое-какъ размѣстилъ ихъ на 375 страницахъ плохо изданной книги и заставилъ говорить такимъ отвратительнымъ языкомъ, какимъ не говорятъ никакіе „полированные питерщики". Не угодно ли маленькій образчикъ. Герой дѣлаетъ героинѣ предложеніе.

— Я, Елена Парамоновна, прилетѣлъ къ вамъ на крыльяхъ Амура...

— Что? Говорите погромче. Фу, какъ несносно кинарейки трещатъ!

— Я прилетѣлъ къ вамъ на крыльяхъ Амура — повторилъ Флегонтъ.—Прилетѣлъ, чтобы признаться вамъ въ любви...

— Что вы! что вы! — замахала руками вдова и отодвинулась отъ него на диванѣ.—Развѣ такъ можно!

— Отчего же-съ? Я человѣкъ полированный, петербургскій и желаю все это руководство сдѣлать какъ въ романахъ, на современный манеръ. Вы тоже дама полированая"... и т. д.

Это даже не смѣшно. У г. Лейкина когда-то былъ свой грубоватый

юморъ, но его, повидимому, не хватило на 43 большихъ книжки, вмѣщающихъ всего до 14,000 страницъ. Однако, „На побывкѣ“ будутъ читать и даже съ интересомъ. Будутъ читать сидѣльцы, лавочники, „полированные питерщики“—вся та не „большая“, а даже громадная публика, которая полагаетъ, что г. Лейкинъ и самому г. Пазухину не уступитъ—„очень ужъ у него это занозисто выходитъ“. Бѣдная громадная публика!

Патріархъ Никонъ. Историческій романъ. М. А. Филиппова. Въ двухъ томахъ. Ц. 1 р. 50 к. Въ предисловіи г. Филипповъ утверждаетъ, что исторія дорога человѣчеству „не только какъ наука, изображающая постепенность и законы развитія цивилизаціи, но она указываетъ также тѣ ошибки и промахи, какіе дѣлали народы или отдѣльныя личности на томъ или иномъ поприщѣ. Въ послѣднемъ смыслѣ исторія преподаетъ намъ, такимъ образомъ, и практическіе примѣры: какъ въ жизни общественной, при такихъ или иныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ поступать“. Изъ этой неуклюжей фразы г-нъ Филипповъ дѣлаетъ выводъ, что „исторія должна каждымъ народомъ популяризироваться (дѣлаться общедоступной и общеприложимой), что, по его мнѣнію, удобнѣе всего достижимо посредствомъ историческихъ романовъ. Вотъ причина появленія двухтомнаго романа „Патріархъ Никонъ“, въ которомъ г. Филипповъ хочетъ сдѣлать „общедоступной и общеприложимой“ русскую исторію XVII вѣка.

Съ перваго дня рожденія Никонъ у г. Филиппова показываетъ признаки непреклоннаго характера: еще *въ люлькѣ* онъ вступаетъ въ словесныя пререканія со своимъ отцомъ (стр. 17). Впрочемъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ намъ уже извѣстенъ подобный фактъ ранняго развитія изъ разсказа Марка Твэна „о геніальныхъ дѣтяхъ“. Какъ жизнь всякаго великаго человѣка, жизнь Никона сопровождается предзнаменованіями и прорицаніями. Но надъ Никономъ въ этомъ отношеніи просто тяготѣетъ какой-то фатумъ: ни одинъ человѣкъ, встрѣтившись съ нимъ, не можетъ удержаться, чтобы что-нибудь не предсказать ему. Въ первомъ томѣ мы насчитали шестнадцать прорицаній по его адресу и все вѣрныхъ.

Различныя историческія справки г. Филипповъ вводитъ въ разсказъ очень просто: онъ заставляетъ дѣйствующихъ лицъ пересказывать Никону наизусть цѣлыя страницы изъ Иловайскаго, а иногда для разнообразія Никонъ повторяетъ ихъ еще самъ про себя.

Въ видѣ бытовыхъ подробностей г. Филипповъ разсказываетъ, какъ испытывали царскую невѣсту Хлопову „на счетъ желудка“. Сперва она постилась цѣлую недѣлю, а потомъ ей подали обѣдъ, состоявшій изъ кулебяки, кислыхъ щей со свинымъ саломъ, бараній бокъ съ кашей, жаренаго гуся съ кислой капустой и съ яблоками, и жаренаго поросенка съ кашей. „Каждая порція была двойная, то-есть миска съ верхомъ, обратно она возвращалась пустая“. „Врачи-нѣмцы ей дали аттестатъ: что она можетъ быть истинной царской невѣстой, такъ какъ послѣ каждаго подобнаго обѣда она еще больше забавлялась: рожками, яблоками, мочеными, сушеными грушами и сливами, винными ягодами, изюмомъ, орѣхами и пряниками различныхъ сортовъ и величинъ и все это запивалось квасомъ: хлѣбнымъ, клюквеннымъ, яблочнымъ, и заѣдалось вареньемъ: малиновымъ, вишневымъ, смородиннымъ и крыжовникомъ, пастилы же разныхъ сортовъ шли не въ зачетъ“. И несмотря на это дѣвица, обладающая такимъ прекраснымъ аппетитомъ, черезъ нѣсколько страницъ скоропостижно умираетъ отъ безнадежной любви.

Всего вышесказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы рѣшить—къ какому сорту литературныхъ издѣлій слѣдуетъ отнести обширный трудъ г. Филиппова.

Повѣсти и разсказы. Вацлава Сѣрошевскаго. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 80 к. Г. Сѣрошевскій писалъ немного, но его имя уже извѣстно и отчасти даже близко намъ. Отъ его произведеній вѣетъ запахомъ лѣса, простотой и величіемъ природы, съ которой онъ сливаетъ все свое существо въ широкомъ и пантеистическомъ настроеніи.

Въ трехъ изъ своихъ разсказовъ онъ описываетъ картины кавказской природы, бытъ интеллигентныхъ поселянъ—простые этнографическіе очерки, если бы они не были такъ художественно написаны и если бы подъ этими описаніями вы не слышали, какъ бьется горячее сердце убѣжденнаго, много вынесшаго на своемъ вѣку, но все же горячо любящаго жизнь человѣка. Даже сама борьба человѣка съ природой, такъ ярко нарисованная въ послѣднемъ его разсказѣ *Риштау,* не заставляетъ его противопоставить суровую инертную природу живому человѣческому духу. Для него все сливается въ одномъ прекрасномъ аккордѣ, для него живо все живое, и все находитъ отзвукъ въ его чутконастроенной душѣ поэта.

Впрочемъ, лучшую характеристику своего таланта даетъ онъ самъ въ слѣдующихъ яркихъ и красочныхъ словахъ, которыми мы и заканчиваемъ нашу рецензію:

„Я научился охватывать взглядомъ весь міръ, весь этотъ сонмъ разноязычныхъ и разноцвѣтныхъ народовъ, весь потокъ разнообразныхъ живыхъ существъ, копошащихся, алчущихъ, терзающихъ другъ друга и замирающихъ то въ страхѣ, то въ нѣгѣ... Я вижу весь шаръ земной—серебристый у полюсовъ, зеленый и золотой у тропиковъ, омытый голубыми морями, испещренный желтыми пятнами пустынь и сѣрыми прожилками горныхъ хребтовъ... Радужный покровъ дня съ розовыми крыльями двухъ зорь и темная тѣнь ночи скользятъ по нимъ безсмѣнной чередой...

„Я понялъ, что страданіе съ одинаковой силой пронизываетъ всякое существованіе, все живое, и все живое, все чувствующее волненіе жизни стало мнѣ равно понятнымъ, равно жалкимъ, но не одинаково... близкимъ. Есть страданія порочныя, есть пустячныя, но вѣдь надъ всѣми ими тяготѣетъ... рокъ!“

Этюды, эскизы и наброски. Р. Р. Якобовскаго. Кіевъ, 1900 г. Ц. 50 к. Отчего бы и не „этюды, эскизы и наброски“? Миніатюра, концентрирующая все содержаніе воспринятаго образа и разсчитанная на скоро-преходящее, но интенсивное настроеніе, еще не получила въ русской литературѣ права гражданства. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ, такъ сказать, классическихъ образцовъ въ этомъ родѣ, если не считать нѣкоторыхъ „Стихотвореній въ прозѣ“ Тургенева. Поэтому хотѣлось бы отнестись серьезно и къ г. Якобовскому.

Книжка въ 100 маленькихъ страничекъ содержитъ 21 произведеніе: 6 этюдовъ, 6 эскизовъ, 2 элегіи въ прозѣ, 2 наброска, маленькій разсказъ, святочную сказку, силуэтъ, фантазію-картинку и одну fantasia capriccioso.

Первое, что васъ непріятно поражаетъ при простомъ перелистываніи книжечки, это—искусственная экзотичность ея содержанія, достигаемая довольно наивными средствами: князь Serge, графиня, таинственный полумракъ грота, одуряющій ароматъ цвѣтовъ, водяныя лиліи, широко

раскрывшія свои бѣлоснѣжныя чашечки, *какая-то* торжественная тишина, царившая въ темномъ лѣсу, исполинъ-дубъ, темная зеркальная гладь моря, мандолина рядомъ съ увядающей розой, трепетное сіяніе луны, старый запущенный паркъ, страстная трель соловья, молодая дѣвушка, склоняющая свою головку на плечо юноши, таинственная тишь ночи и т. п., и т. п...

Ахъ, всѣ эти аксессуары такъ затасканы и такъ мало убѣдительны! Эти избитые эпитеты нагоняютъ смертельную скуку! Невольно приходятъ въ голову слова Мефистофеля:

... eben wo Begriffe fehlen,
Da steht ein Wort zur rechten Zeit sich ein.

Надо быть большимъ мастеромъ слова, чтобы читатель не замѣчалъ *словъ;* а для этого надо быть большимъ художникомъ,—это не только вопросъ техники. Скрипачъ, разыгрывающій съ изумительной чистотой труднѣйшія пьесы, никого не удовлетворитъ, если онъ не обладаетъ чистотой и красотой тона. И это благородство стиля не вырабатывается техникой, а подсказывается художественнымъ чутьемъ артиста.

Вотъ этого-то *стиля* и нѣтъ въ произведеніяхъ г. Якобовскаго. И вмѣстѣ съ тѣмъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ хотѣлось бы сказать г. Якобовскому что-нибудь и „хорошее“. Г. Якобовскій не лишенъ чего-то; его „этюды, эскизы и наброски“—не абсолютная пустыня. Почти въ каждомъ произведеніи его есть крохотный оазисъ въ 3—4 строчки, интересный, или по крайней мѣрѣ позволяющій думать, что изъ этого могло бы выйти что-нибудь и интересное. Наприм., лягушка разсказываетъ лиліямъ, какъ во время вчерашней грозы утопилась дѣвушка *(Nocturne):* „съ трепетомъ внимая всѣмъ тѣмъ ужасамъ, которые происходили надъ нами, мы вдругъ замѣтили, что къ намъ опускается какая-то большая чудовищная масса...“ Когда бросается въ воду другая дѣвушка *(Цвѣты яблони),* „розовыя почки (бывшіе свидѣтели ея счастья) широко раскрыли свои чашечки и въ смертельномъ ужасѣ поблѣднѣли, а изъ ихъ чашечекъ полились капли дождя, точно слезы...“

Что же это значитъ?

Г. Якобовскій, очевидно, глубоко чувствуетъ природу и воспринимаетъ ее оригинально и интересно. Но мало этого, мало! Намъ пришлось гдѣ-то найти между строкъ какого-то романа одно цѣнное наблюденіе, такъ сказать, по физіологіи таланта: авторъ говоритъ тамъ, что его герою въ мечтахъ все представлялось такимъ яркимъ и сильнымъ, а на бумагѣ оказывалось такимъ блѣднымъ, сухимъ и вымученнымъ. Это—признакъ крайней скудости таланта. Такъ и нашъ авторъ „этюдовъ“, одаренный способностью чутко воспринимать, лишенъ божественнаго дара творчества.

Да проститъ намъ г. Якобовскій, если мы, въ нашемъ желаніи сказать ему что-нибудь хорошее, договорились до такихъ непріятныхъ для него вещей.

Смута. Драма въ 5 д. Л. Бѣлавскаго. Одесса, 1900 г. Ц. 75 к. Югъ начинаетъ оживать! Въ 1896 году юго-западный промышленный районъ послѣ Петербурга и Москвы съ Владиміромъ занималъ первое мѣсто по суммѣ производства; за періодъ времени съ 1863 до 1896 г. на юго-западныя губерніи падаетъ наибольшій процентъ прироста населенія (свыше 100%)... Такое оживленіе экономической и общественной жизни вызвало нѣкоторыя непріятныя для рецензента послѣдствія: южане стали много писать, печатать и издавать.

Хотите полюбоваться на героя г. Бѣлавскаго въ моментъ наибольшаго подъема его героизма? Этотъ герой, наполовину демонъ, наполовину Чацкій, является въ домъ къ одной генеральшѣ, и когда та уговариваетъ своего сына поздороваться съ гостями, какъ она учила, яростно набрасывается на бѣдную женщину, даетъ ей пощечину и эффектно произноситъ:

Князь, князь! Зажегся свѣточъ гнѣва. Князь!
Я чувствъ своихъ не уступлю другому.
Самъ совершилъ надъ гнусностью я казнь,
Всѣ дѣйствія мои, не ваши (?), князь
Ударъ веселье, князь! Солдатъ попалъ
Въ соломенное чучело и радъ.
Онъ мѣткостью руки доволенъ, князь.
Мы всѣ какъ на стрѣльбѣ, коварный (?) князь,
Стремимся точно пулей въ цѣль попасть.
Не нужно разговоровъ больше. Будетъ. (Уходитъ).
Женскіе голоса.
Какъ онъ ее! Какой онъ страшный! Ужасъ!

И вѣдь все это у г. Бѣлавскаго „въ серьезъ"! Подлинная смута!... Гдѣ только?...

Стихотворенія гимназиста и нѣкоторыя данныя относительно процесса ихъ творчества. Состав. и издалъ В. Склифосовскій. М., 1899 г. Г. Склифосовскій собралъ всѣ свои гимназическія стихотворенія, начиная съ III класса. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ дѣлаетъ самъ себя объектомъ очень обстоятельнаго и серьезнаго научнаго изслѣдованія, съ благоговѣніемъ къ собственной геніальности прослѣживаетъ въ своемъ творчествѣ слѣды разныхъ семейныхъ и общественныхъ вліяній. Все это настолько поучительно и характерно, что мы рѣшаемся войти въ нѣкоторыя подробности. „Родители автора—*западно-русскіе* люди. Отецъ—*малороссъ* съ темно-карими очами, мать—*великороссіянка*". „Авторъ родился въ Малороссіи весной, раннимъ утромъ". „У дѣтей были всегда игрушки: оловянные и бумажные солдатики, змѣи, лошадки, волчки, паровозики, пушки, заводныя и другія машинки, трубы, гармоники, скрипки, дудочки, свистки, кнутики, трещотки, возжи, шнурки, шприцы, барабаны, кегли, мячи, обручи, карты, лото, чучела, куклы, дѣтскіе театры, комическіе костюмы, ордена, звѣзды, фонари, флаги, значки, ленты. Въ комнатѣ цвѣли тропическія растенія, пѣли канарейки, на кухнѣ жили собаки разныхъ породъ. Гостили и другіе *звѣри*: медвѣжонокъ, волчонокъ, лисичка, морскія свинки, жеребеночекъ, кроликъ, *рыбки*, *ящерицы*, *попугаи*, чижъ, сова, куры, пѣтухи, утки, гуси, голуби, копчики, ежъ, черепахи".

Задача будущихъ біографовъ нашего геніальнаго младенца такимъ образомъ облегчена, не нужно будетъ впослѣдствіи производить тщательныхъ детальныхъ изслѣдованій: всѣ факторы развитія, вплоть до „звѣрей"—„рыбокъ", намъ подробно и обстоятельно перечислены.

„Ребенокъ... выражалъ даже намѣреніе сдѣлаться архіереемъ". „Потомъ его больше стали занимать шлемы, панцыри, пики, палки, копья, луки и стрѣлы, ружья, пистолеты, пули, пращи, камни, сабли, кинжалы, мечи и *другія бездѣлушки* въ томъ же родѣ. Онъ часто игралъ въ войну съ своими сверстниками. Выражалъ желаніе сдѣлаться знаменитымъ генераломъ".

Ребенокъ рано выучился читать и считать, но занимало его, къ сожалѣнію, сначала не чтеніе, а переплеты, заголовки, печать, приложенія, рисунки".

„Первыми прочитаны буквари, молитвословы, сказки, учебники, но не книги, окружающая жизнь и природа были главными просвѣтителями. Близость границы, морскія суда подъ цвѣтными флагами, пестрая сѣть одеждъ и лицъ, племенъ, религій, состояній, разговоры на иностранныхъ языкахъ, музыка и пѣсни разныхъ народовъ, вѣсти изъ первыхъ рукъ о кругосвѣтныхъ путешествіяхъ—все это развивало воображеніе и умъ". Затѣмъ „Викторъ (г. Склифосовскій) выдержалъ экзаменъ, одѣлъ (?) мундиръ и сталъ оффиціальнымъ лицомъ въ городѣ—ученикомъ классической гимназіи, которая наполнила собой все его существованіе, весь его рабочій день. Наклонность къ собиранію предметовъ, которая зародилась въ мальчикѣ еще на берегу моря, получила въ гимназіи болѣе серьезное направленіе". „Маленькій гимназистъ мечталъ сдѣлаться богатымъ человѣкомъ, путешественникомъ, ученымъ, философомъ, профессоромъ. И онъ, и его братья, и сестры не любили бѣдности и безденежья: они бредили роскошью и богатствомъ и ярко расцвѣчивали ими свою будущность".

Въ старшихъ классахъ „мальчикъ становится сосредоточеннѣе... выражаетъ желаніе сдѣлаться писателемъ, ученымъ, литераторомъ, критикомъ, публицистомъ, философомъ, но прежде всего студентомъ какого-либо *не труднаго* факультета, какой-либо живой науки".

Вообще „выборъ сюжетовъ, гармонія риѳмы, манеръ письма—все это вытекаетъ какъ слѣдствіе изъ большихъ и малыхъ посылокъ его прошлаго и тѣхъ элементовъ русской культуры, которые положили начало литературному „я" маленькаго гимназиста".

Какъ знаменательны для переживаемой нами эпохи безвременья, „и всякой пошлости и прозы", это благоговѣйное преклоненіе предъ собственною геніальностью, безсильныя потуги самолюбиваго и самонадѣяннаго ничтожества, стремленіе носиться и возиться со всякими пустяками, имѣющими хоть какое-нибудь отношеніе къ обожаемому собственному „я",—желаніе заставить и другихъ войти въ его ничтожные интересы!

Возьмемъ первыя попавшія стихотворенія.

Въ 1882—3 гг. западноруссъ малорусско-великорусскаго происхожденія писалъ:

Еврейскій хитренькій умокъ
Въ четвертомъ классѣ подъ шумокъ,
Коллегу сдѣлалъ ужъ не шутомъ,
А страхованій парашютомъ.
Или: Подъ добротой притворной
У этой личности затворной
Любовь коварная хранится,
Ей по ночамъ все папа снится.

Въ 1890 г. онъ же пишетъ:

Іюды (sic) вѣчное лобзанье
Уста народовъ обошло;
Востока знойнаго сказанье
Съ нимъ къ намъ на сѣверъ перешло.
Оно недаромъ пережило,
Какъ лунь, сѣдыя времена,
Въ сказаньи мудрость заложила
Глубокой мысли сѣмена.
Но юды (sic) нынѣшніе глухи
Къ завѣтамъ темной старины,
Изъ водъ они выходятъ сухи,
И гибнутъ Божьи лишь сыны.

Пусть не боится нашъ „Божій сынъ“, что смерть его „изъ грядокъ жизни скоро выполетъ живьемъ“ (стр. 78): подобные стихи несомнѣнно принесутъ ему безсмертіе...

Дни грезъ. Кенетъ Креемъ. Переводъ съ англійскаго. А. Баулеръ. Спб., 1900 г. Герои „Дней грезъ“—дѣти младшаго возраста мальчики и дѣвочки, и потому предметомъ содержанія книжки служатъ дѣтскія грезы, горести и печали, небольшія приключенія и яркія впечатлѣнія трехъ дѣтей. Оригинальность разсказа заключается въ томъ, что авторъ изящно и съ рѣдкимъ талантомъ ведетъ разсказъ отъ лица мальчика, и въ то же время постоянно переплетаетъ дѣтскія впечатлѣнія и разсужденія съ своими впечатлѣніями и разсужденіями взрослаго человѣка. Вотъ почему это книга для взрослыхъ, а не для дѣтей. Больше всего авторъ останавливается на описаніи дѣтскихъ грезъ: мнимыхъ путешествіяхъ, приключеніяхъ, битвахъ и разсказываетъ большую сказку про дракона. Иногда онъ добродушно подшучиваетъ надъ взрослыми, вкладывая шутку въ уста ребенка, иногда, какъ въ сказкѣ о драконѣ, проводитъ простую аллегорію. Книжка Кенетъ Креемъ прочтется всякимъ съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ, и всякому припомнятся его собственные воздушные замки изъ дней далекаго прошлаго.

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

„Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“. Подъ редакц. *С. А. Венгерова.*— „Милитаризмъ“. *Г. Ферреро.*

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. I. Спб., 1900 г. До сихъ поръ еще мы не имѣемъ даже сноснаго изданія сочиненій великаго критика. То, что давали прежнія изданія, было крайне неполно, неточно и даже мѣстами искажено. Какъ извѣстно, изданіе Щепкина было варварски „выправлено“ Кетчеромъ, а всѣ послѣдующія перепечатки (кромѣ „семи статей“ въ изданіи Сабашниковыхъ) только искажали этотъ текстъ.

Г. Венгерову принадлежитъ честь инициативы перваго научнаго изданія *всѣхъ* сочиненій Бѣлинскаго. Первый томъ содержитъ всѣ ранніе литературные опыты В. Г. до „литературныхъ мечтаній“ включительно. Впервые введены переводы, стихотворенія, списанныя и написанныя В. Г., мелкіе критическіе и библіографическіе отзывы. Все это сопровождено подробнымъ и очень интереснымъ комментаріемъ. Къ первому тому приложены: снимокъ съ бюста Бѣлинскаго, портретъ Надеждина и Станкевича, нѣсколько статей Надеждина (съ этюдомъ о вліяніи его на Бѣлинскаго).

Съ внѣшней стороны изданіе исполнено прекрасно. Въ немъ мы замѣтили только нѣсколько мелкихъ промаховъ. Г. Венгеровъ совершенно справедливо заподозрилъ обычное мнѣніе о слабомъ знаніи Бѣлинскимъ французскаго языка, но не сдѣлалъ даже и попытки сличить его переводы и подлинники, что сдѣлать было не трудно. На стр. 3 повторено ошибочное предположеніе г. Рыбкина, что стихотвореніе „Дѣвушкѣ, которой имя Аврора“, подписанное Б—ій, можетъ принадлежать Бѣлинскому: это извѣстное стихотвореніе Баратынскаго Аврорѣ Шернваль. Въ факсимиле ясно можно разобрать (стр. 6) „Сукалкинъ“, но г. Венгеровъ почему-то ставитъ на первомъ мѣстѣ невѣрное чтеніе „Супал-

книгъ". На стр. 209 болѣе существенный промахъ: въ письмахъ къ брату Бѣлинскій называетъ своимъ переводъ одной статьи. По справкѣ оказалось, что подъ нимъ подписано названіе англійскаго журнала, и г. Венгеровъ исключаетъ этотъ переводъ, такъ какъ Бѣлинскій не зналъ англійскаго языка. Но зачѣмъ бы ему дѣлать невѣрныя указанія? Вѣроятнѣе всего, что онъ переводилъ съ французскаго перевода и оставилъ обозначеніе первоисточника. Такъ какъ онъ указываетъ на французскіе журналы, изъ которыхъ переводилъ, то сдѣлать справку было легко.

Милитаризмъ. Гильома Ферреро. Перев. съ итальянск. А. Ф. Грейтманъ. Изданіе А. А. Никитина. Ц. 1 руб. 50 коп. Наше время, особенно послѣдніе годы истекшаго столѣтія—эпоха небывалаго до сихъ поръ развитія международнаго права и идеи всеобщаго мира. Гаагская конференція возбудила живой интересъ; литература по вопросу о мирѣ разрастается, и каждая новая книга, каждый авторъ вноситъ въ разработку этого вопроса новое освѣщеніе, новые пріемы анализа, новую мысль. Особенно много появляется книгъ, разсчитанныхъ на вниманіе средняго читателя, написанныхъ не строго-научно, а по возможности сжато и доступно для каждаго.

Среди такихъ книгъ *Милитаризмъ* Г. Ферреро—явленіе во всякомъ случаѣ интересное. Это десять публичныхъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ 1897 г. въ Миланѣ, по порученію „ломбардской лиги мира". Цѣль Г. Ферреро указать на полную несостоятельность милитаризма, какъ элемента государственной системы, и доказать, что „роль войны сыграна и *поэтому* она становится все рѣже". Несмотря на то, что со времени прочтенія этихъ лекцій прошло три года, очень важныхъ въ исторіи современнаго международнаго права, прочтенная нами книга является далеко не устарѣлой или отсталой; это мы постараемся показать въ изложеніи ея содержанія.

Первая лекція озаглавлена такъ: „Миръ и война въ концѣ XIX вѣка". Основнымъ стимуломъ войны авторъ считаетъ врожденную человѣку воинственность и жестокость, которая подъ вліяніемъ цивилизаціи становится все болѣе пассивной и скрытой. Исторія сохранила намъ характеры, нравственную физіономію завоевателей. Это были несчастные люди, неудовлетворенные, тоскующіе, инстинктивно сознающіе свою неправоту, люди вѣчно угрюмые, отравленные гнѣвомъ и горечью. Они—разрушители, а „счастливъ лишь тотъ, кто создаетъ",—говоритъ авторъ. Все это примѣнимо и къ народамъ. Можетъ быть болѣе справедливое, лучше устроенное государство—и менѣе справедливое. Послѣднее всегда легче найдетъ предлогъ къ войнѣ, къ частымъ конфликтамъ съ сосѣдями; оно стремится къ завоеваніямъ и насилію. Анализируя состояніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Испаніи, авторъ доказываетъ, что государствомъ второго „менѣе справедливаго" типа является именно Испанія, которой, въ силу неустойчивости своей структуры, приходится вести войну тяжелую, обезсиливающую, почти гибельную. Въ „несправедливомъ" государствѣ, при „несправедливой" войнѣ, солдаты не одушевлены мыслью, а собраны и сплочены искусственно—чувствомъ страха предъ дисциплиной, военными опасностями, дикой экзальтаціей жестокости. Итакъ, возникновеніе войны, ея характеръ и послѣдствія зависятъ отъ духа государства, отъ правды или лжи въ основѣ его жизни.

Вторая лекція изслѣдуетъ „Военное общество варваровъ—орду". Война—грубая иллюзія счастья, обѣщающая блага жизни, легкое прі-

обрѣтенiе, обогащенiе, могущество, славу. Эта иллюзiя, быстро разрушаясь, даетъ не то, чего ждутъ отъ нея, даетъ лишенiя, безсилiе, обѣдненiе, и въ результатѣ во многихъ случаяхъ является деспотическая олигархiя, могущество и богатство которой выростаетъ на развалинахъ. Эти положенiя авторъ развиваетъ и доказываетъ на яркомъ, даже нѣсколько грубомъ примѣрѣ. Онъ анализируетъ недавнiя событiя въ Суданѣ, войну орды дервишей и ея послѣдствiя. Мы знаемъ эти событiя. Не трудно вспомнить, въ какомъ отчаянномъ положенiи оказались послѣдователи Махди. Экзальтацiя исчезла, иллюзiи разрушились и дѣйствительность въ лицѣ калифа Абдуллахи довела Суданъ до полнаго разрушенiя.

Это—судьба орды. Далѣе слѣдуетъ лекцiя о „Цивилизацiи военнаго типа“, распадающейся въ свою очередь на аристократическую и бюрократическую. Въ нихъ развивается нравственная сторона войны, истинная ея сущность. Предстоитъ разобрать эту нравственность, ея природу, характеръ и, наконецъ, плоды ея. Авторъ доказываетъ, что мораль военныхъ цивилизацiй далеко не высока, бѣдна идеалами и груба. Героическiй идеализмъ, если признать его существованiе какъ порожденiе военнаго духа, при ближайшемъ разслѣдованiи оказывается созданiемъ средняго класса, въ которомъ еще живетъ мысль, идея, идеалъ. Правящiй классъ живетъ на счетъ труда управляемыхъ, развращая ихъ, создавая изъ нихъ рабовъ своего грубаго вооруженнаго превосходства. Вредная энергiя воинственности становится не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ факторомъ, разрушающимъ сознанiе справедливости, человѣческаго достоинства и права. Такимъ образомъ создается цѣлая система притѣсненiй и униженiй, причемъ даже такой цѣной не прiобрѣтается развитiе (интеллектуальное и нравственное) правящаго военнаго класса, и военное общество живетъ „въ состоянiи настоящей нравственной анархiи“. Такъ было во Францiи XVI и XVII в., то же видимъ мы и въ современной Турцiи. И только въ нашъ вѣкъ, при ослабленiи воинственности, воспитались и опредѣлились тѣ свѣтлыя стороны общества, которыя грезились намъ въ прошлыхъ вѣкахъ военной цивилизацiи.

Четвертая лекцiя посвящена характеристикѣ „Общественной жизни въ цивилизацiи военнаго типа“. Здѣсь можно прослѣдить нѣкоторый историческiй процессъ. Военное общество, развиваясь постепенно, вначалѣ носитъ характеръ крайней простоты, граничащiй съ бѣдностью. Даже правящiй, могущественный классъ ведетъ жизнь самую скромную: первые калифы Ислама питаются лишь финиками, не позволяютъ себѣ ни малѣйшаго излишества. Но съ теченiемъ времени, когда военная олигархiя начинаетъ сознавать свою силу—для нея является возможность жить богаче, удобнѣе, не трудясь и не заботясь. Появляется все разростающаяся роскошь—основная черта жизни этого класса. Она влечетъ за собой грубость и лѣность мысли, развращенность чувства, распущенность и развратъ. Работы нѣтъ, времени много: небольшая часть этого безпрерывнаго досуга заполняется эстетическими наслажденiями, гораздо большая часть уходитъ на погоню за самыми грубыми чувственными удовольствiями. Итакъ, громадный трудъ и нужда въ низшихъ слояхъ общества, трудъ и полузадавленная, но жизнеспособная работа мысли въ среднемъ; роскошь, бездѣлье и развратъ въ правящемъ—основные тона этой грустной картины. Такой строй ведетъ къ неминуемому упадку и погибели высшихъ государствъ (лекцiя V). Примѣромъ служитъ Турцiя, ея кризисъ, созданный непреодолимымъ

внутреннимъ разложеніемъ. Главныхъ признаковъ кризиса четыре: истощеніе почвы, распущенность бюрократіи, манія преслѣдованія, руководящая внутреннею политикой, и соціальное разложеніе, какъ слѣдствіе общаго лихоимства. Авторъ шагъ за шагомъ прослѣдилъ весь строй Турціи, всю ея политику. Получается картина, ярко иллюстрирующая его теоретическія положенія: крестьяне, совершенно изнеможенные неимовѣрными поборами, стоящіе по развитію почти не выше животныхъ—обратили прежній „рай“ въ голую безплодную пустыню; чиновники продаютъ все, что можно продать, купцы (армяне и греки) все покупаютъ и наживаютъ колоссальныя состоянія; войско, собраніе голодныхъ и тупыхъ оборванцевъ, кое-какъ держится благодаря жалкимъ остаткамъ былого фанатизма; правитъ „ея величество взятка“, а султанъ строитъ дворцы, тщательно пополняетъ комплектъ гарема, содержитъ цѣлыя стада дворцовыхъ паразитовъ и ассигнуетъ громадныя суммы на пропаганду Ислама. Турція разлагается заживо.

Г. Ферреро шестую лекцію посвятилъ цѣликомъ Наполеону. Это—безпристрастная, трезвая и простая оцѣнка жизни знаменитаго завоевателя. Вниманіе автора сосредоточивается главнымъ образомъ на тѣхъ типичныхъ чертахъ завоевателя, о которыхъ говорилось въ первой лекціи. Разумѣется, Наполеонъ является въ характеристикѣ Г. Ферреро человѣкомъ мрачнымъ, заносчивымъ, рѣзкимъ, человѣкомъ съ болѣзненнымъ самолюбіемъ, съ презрительнымъ и жестокимъ взглядомъ на людей, съ умомъ смѣлымъ, быстрымъ, но не глубокимъ. Это, собственно говоря,—разбойникъ, только болѣе одаренный и отважный, чѣмъ прочіе. Его войны—набѣги, хищничество. Онѣ, правда, иногда способствовали прогрессу какого-либо народа, но не были полезны для Франціи и заставили ее тяжко расплачиваться за подвиги своего вождя. Его исторія можетъ увлекать читателей, какъ эпопея военнаго героизма, но историкъ видитъ въ ней не свѣтлую, а темную эпоху, которая неизбѣжно отразилась на жизни Франціи, привила ей „милитаризмъ и цезаризмъ“ (VII лекція).

Авторъ подробно и тщательно критикуетъ современную Францію, какъ страну крайне неустойчиваго политическаго и соціальнаго равновѣсія. Онъ приходитъ къ убѣжденію, что „мнѣніе и чувство образованной Франціи неподдѣльно воинственны и мало смягчены нравственными соображеніями“, что Франція видитъ въ побѣдоносной войнѣ неоспоримое величіе для побѣдившей націи. Это коллективное настроеніе общества; само по себѣ оно существовать не можетъ. Его причины кроются въ общемъ строѣ, именно—въ цезаризмѣ, которымъ проникнута вся администрація, вся широкая и многочисленная бюрократія. Франція управляется олигархіей, преданной цезаризму, оберегающей его всѣми силами и создающей „бюрократически-парламентарный деспотизмъ“. Среди общества господствуетъ симпатія къ чиновничеству и арміи: эти симпатіи прививаются школой, всѣмъ общественнымъ порядкомъ—и даже церковью. Отсюда всѣ недостатки государственнаго строя, неуравновѣшенность политики, шовинизмъ, недовольство и слабость. Съ одной стороны, стремленіе къ свободѣ, съ другой—увлеченіе войной и тяжкій гнетъ безличнаго цезаризма; съ одной стороны, страсть къ чиновничеству, съ другой—глухое недовольство порядкомъ управленія и складомъ жизни. Тяжелыя противорѣчія, характеризующія упадокъ страны! Выразителями шаткости и недовольства французскаго духа являются журналисты; среди нихъ особенно характерны Рош-

форъ, Кассаньякъ и Дрюмонъ, которыхъ авторъ съ внезапною рѣзкостью называетъ „мошенниками пера“.

Причины тяжелаго положенія Италіи Г. Ферреро видитъ въ увлеченіи французскимъ цезаризмомъ (лекція VIII „Итальянскій милитаризмъ“) въ сдѣланной попыткѣ ввести французскую систему. Этимъ чуждымъ вліяніемъ, а также и идеей обновленія Италіи объясняется внезапное развитіе тенденцій милитаризма, которыя, однако, быстро гаснутъ и затихаютъ: абиссинская война ясно доказала ихъ непрочность, такъ какъ у итальянскаго народа нѣтъ страсти къ завоеваніямъ. Онъ видитъ въ войнѣ лишь простую несправедливость, инстинктивно не сочувствуетъ правительству, которое стремится культивировать идею милитаризма на чуждой ему почвѣ; военныя традиціи Италіи слишкомъ слабы, а средній классъ за послѣднее пятидесятилѣтіе обѣднѣлъ, не можетъ и не хочетъ поддерживать стремленія правительства. Населеніе страны растетъ, средствъ мало, администрація безпорядочна и непрочна. Италія настолько непригодна для войны, что даже одинъ изъ самыхъ увлекающихся поборниковъ милитаризма—де-Амичисъ отрекся отъ него. Зло и опасность слишкомъ велики—пора „возстановить равновѣсіе“ и для этого прежде всего необходимо послѣдовать примѣру де-Амичиса.

Между тѣмъ, судьба и вліяніе милитаризма въ иныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи и Англіи—другое (лекція IX) и объясняется это просто тѣмъ, что тамъ милитаризмъ гораздо слабѣе, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи. Дѣйствительно, Германія съ Фридриха Великаго и до Бисмарка вела лишь оборонительныя войны; съ 1815 по 1863 г. ея политика была непритязательна до послѣдней степени. Бисмарку почти силой пришлось заставить дворъ, рейхстагъ и народъ начать войну 1866 г., да и то она не вызвала никакихъ проявленій восторга, о ней быстро забыли, ея двадцатипятилѣтіе прошло почти незамѣченнымъ въ Германіи. Можно даже сказать, что побѣжденные французы гораздо больше шумѣли о войнѣ, чѣмъ побѣдители. Все это доказываетъ, что „Германія—нація военная, но не воинственная, потому что нигдѣ въ Европѣ буржуазный духъ не силенъ до такой степени“.

Въ Англіи милитаризмъ доведенъ до минимума. Военная служба тамъ не создаетъ касты,—это самая обычная профессія, къ которой относятся такъ же, какъ и ко всякой иной. Въ Англіи милитаризмъ не властитель, какъ во Франціи, а простое орудіе въ рукахъ сильнаго средняго класса.

Въ послѣдней лекціи Г. Ферреро подводитъ итоги всему сказанному, въ краткихъ чертахъ повторяя выводы предыдущаго. Теперь вѣкъ не войны, а промышленности, колоссальнаго ея роста, гигантскихъ торговыхъ операцій и даже, если угодно,—войны промышленной. При современныхъ соціальныхъ условіяхъ милитаризмъ гибнетъ, а „настоящая, истинная война умерла“, стала призракомъ. Она, быть можетъ, появится еще—но лишь „какой-нибудь припадокъ безсилія“ можетъ поднять ее. Грубыя формы отжили.

Вотъ наше возможно подробное изложеніе книги Гильома Ферреро. Его, конечно, недостаточно для полнаго представленія о ней. Со многимъ можно не соглашаться, но многое уясняетъ сущность вопроса, будитъ критическое отношеніе къ дѣйствительности, намѣчаетъ самостоятельные пути анализа.

Намъ не всегда нравилось изложеніе. Оно проникнуто искренностью, но иногда какъ бы нѣсколько впадаетъ въ цвѣтистый сантиментализмъ и не совсѣмъ ясно. Отчасти это вина переводчика: переводъ удовлетворителенъ, но не безупреченъ.

ИСТОРІЯ, МЕМУАРЫ.

„Исторія революціи въ Англіи". *Штерна.*—„Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка". *Бернштейна.*—„Сборникъ Императорскаго русскаго истор. общ". Томы 102, 105 и 106.—„Жизнь, служба и приключенія мирового судьи". Изъ записокъ и воспоминаній. *И. Н. Захарьина* (*Якунина*).

Исторія революціи въ Англіи. Штерна. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія Львовича. Изд. Пантелѣева. Спб., 1900 г.—Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Бернштейна. Перев. съ нѣм. Изд. Пантелѣева. Спб., 1899 г. По исторіи англійской революціи, кромѣ успѣвшаго уже нѣсколько устарѣть прекраснаго труда Гизо, у насъ есть еще не такъ давно вышедшій переводъ книжки Гардинера *Пуританская революція,* въ свое время разобранный на страницахъ *Русской Мысли.* Теперь къ нему присоединяются двѣ вышеназванныя книги. Первая изъ нихъ принадлежитъ ученому, доказавшему свое спеціальное знакомство съ эпохой составленіемъ обширной монографіи о Мильтонѣ и его времени. Настоящій трудъ Штерна входитъ въ составъ извѣстной коллекціи Онкена *Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen* и выдержалъ въ оригиналѣ уже два изданія. Онъ представляетъ собою довольно сжатое изложеніе политической исторіи Англіи съ 1625 до 1660 года, основанное на широкомъ знакомствѣ со всей литературой предмета. Объ этомъ свидѣтельствуютъ частыя указанія на новѣйшія монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ. Въ общемъ книга можетъ служить надежнымъ пособіемъ для изученія политической собственно исторіи эпохи, а указанныя въ ней монографіи даютъ возможность продолжать и углублять его. Изложеніе особеннымъ блескомъ не отличается, но не страдаетъ и сухостью.

Иной характеръ носитъ книга Бернштейна. Это собственно переводъ одного отдѣла изъ I тома коллективнаго труда *Geschichte des Sozialismus in Einzeldarstellungen,* составленнаго подъ редакціей извѣстныхъ теоретиковъ марксизма Бернштейна и Каутскаго. Характерно уже подзаглавіе I тома: *Предшественники новѣйшаго соціализма.* Оно показываетъ, что излагаемыя здѣсь теоріи и движенія разсматриваются не столько въ ихъ отношеніи къ современнымъ имъ условіямъ, сколько въ качествѣ провозвѣстниковъ новѣйшихъ теорій и теченій; и это, съ одной стороны, усиливаетъ интересъ къ предмету изложенія, а съ другой—вноситъ въ него много постороннихъ элементовъ, легко искажающихъ былую дѣйствительность. Изложеніе становится болѣе увлекательнымъ, но и менѣе надежнымъ; оно постоянно требуетъ контроля и сопоставленія съ трудами, пожалуй, менѣе талантливыми, но и болѣе спокойными. Авторъ разсматриваемой книги изучалъ эпоху не въ цѣломъ ея объемѣ и не во всемъ разнообразіи ея проявленій, а приступилъ къ ней съ извѣстными интересами и цѣлями, и эта предвзятость не могла не отразиться на книгѣ въ извѣстныхъ случаяхъ невыгоднымъ образомъ. Онъ, правда, какъ видно, пользовался очень хорошими пособіями, производилъ даже по временамъ розыски въ матеріалѣ, ускользнувшемъ отъ вниманія прежнихъ изслѣдователей, и находилъ

при этомъ любопытныя вещи и параллели, предъявлялъ небезоснова-тельныя возраженія своимъ предшественникамъ. Но при всемъ томъ страстность и полемичность изложенія невольно возбуждаютъ въ читателѣ недовѣріе: многое ему представляется преувеличеннымъ или недоказаннымъ, параллели съ послѣдующими движеніями кажутся иногда натянутыми, все вообще—недостаточно спокойнымъ. Въ общемъ книгою можно пользоваться,—но подъ условіемъ осторожности,—для выясненія нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ общественнаго движенія въ Англіи XVII вѣка, недостаточно выясненныхъ въ сочиненіяхъ, излагающихъ больше ея политическую исторію.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томы 102-й, 105-й и 106-й. Спб., 1898 и 1899 гг. Юрьевъ, 1899 г. Первый изъ указанныхъ томовъ содержитъ донесенія и письма англійскому правительству пословъ и уполномоченныхъ при русскомъ дворѣ въ 1744 и 1745 гг. Во внѣшней русской политикѣ этотъ періодъ слѣдуетъ непосредственно за миромъ въ Або, по которому Россія получила отъ Швеціи Кюменогорскую область. Подкупленный французскимъ дворомъ Лестокъ вмѣстѣ съ посломъ Шетарди старались склонить Россію къ союзу съ Франціей и Пруссіей противъ Австріи и Англіи, но старанія ихъ остались безъ успѣха, такъ какъ канцлеръ Бестужевъ, убѣжденный противникъ этого союза, перехватилъ переписку французскаго посла, довелъ все до свѣдѣнія императрицы, и замыселъ Лестока былъ разрушенъ. Англійскимъ посламъ трудно было получать непосредственно свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ, такъ какъ пріемы ихъ у императрицы были рѣдки, непродолжительны и всегда безуспѣшны; это они объясняли своему правительству, между прочимъ, тѣмъ, что русскій дворъ былъ поглощенъ приготовленіями къ предстоявшей свадьбѣ великаго князя. Поэтому въ ихъ донесеніяхъ гораздо больше слуховъ,—правда, весьма характерныхъ для эпохи,—чѣмъ свѣдѣній о фактахъ. Особенно интересны извѣстія о той великой роли Россіи въ дѣлѣ мирныхъ начинаній, которая была заявлена въ послѣдніе годы указомъ, давшимъ начало гаагской конференціи. А именно, въ своемъ письмѣ отъ 24 января 1743 года лордъ Картеретъ говоритъ о состоявшемся соглашеніи между копенгагенскимъ и стокгольмскимъ дворами относительно всеобщаго разоруженія (reciprocally disarming). Конечно, Франція этимъ не могла остаться довольной и всѣми силами готова была вызвать новыя замѣшательства на сѣверѣ и ослабить силы Россіи (of exhausting the forces of Russia). Смѣнившій этого посла лордъ Тироули въ донесеніи своемъ отъ 20 августа 1744 года передаетъ свой разговоръ съ канцлеромъ, который сказалъ ему, что русскій дворъ намѣренъ отправить своему послу въ Гаагѣ предложеніе посредничества императрицы для достиженія общаго мира (the mediation of the Empress for a general pacification). Черезъ мѣсяцъ онъ же пишетъ, что Бестужевъ склоняется къ мысли о посредничествѣ Россіи и мѣстомъ для конгресса указываетъ, какъ на самый удобный городъ, Гаагу, гдѣ уже есть русскій посолъ и потому не потребуется особенныхъ для этого расходовъ (the Hague would be the properest place for the congress). Разсказывая далѣе о своихъ бесѣдахъ съ императрицей, посолъ англійскій отмѣчаетъ чрезвычайно характерное мнѣніе своей высокой собесѣдницы о Фридрихѣ Великомъ; она называетъ послѣдняго монархомъ, который не боится Бога, надъ всѣмъ святымъ смѣется и въ церковь не ходитъ (and has not the fear of God before him и т. д.). Припомнимъ, что это было незадолго до семилѣтней войны.

Томъ сто пятый содержитъ дипломатическую переписку маркиза Шетарди и д'Аллiона съ королемъ Людовикомъ XV и другими высокопоставленными особами въ 1743—1745 гг. Д'Аллiонъ находился среди самыхъ неблагопрiятныхъ условiй и не имѣлъ возможности говорить съ императрицей. Избѣгая посредничества могущественнаго тогда Бестужева, онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ Лестокомъ, который долженъ былъ внушать русскому двору самое лестное мнѣнiе объ отношенiяхъ къ Россiи Францiи, но и этотъ путь оказался безъ всякихъ результатовъ. Не больше успѣха въ дипломатическихъ переговорахъ имѣлъ и преемникъ его маркизъ Шетарди. Какъ извѣстно, французское правительство долго не желало признать за царицей Елизаветой императорскаго титула, несмотря на то, что онъ былъ признанъ главными державами за отцомъ ея Петромъ Великимъ. Такимъ образомъ, терпя неудачу за неудачей, Шетарди рѣшилъ низвергнуть Бестужева, который казался ему виновникомъ его неуспѣха. Онъ сталъ неблагопрiятно отзываться о немъ въ бесѣдахъ съ императрицей, старался его очернить въ ея глазахъ, но добился только того, что прiемы дѣлались рѣже и рѣже. Слѣдившему за его кознями Бестужеву удалось перехватить переписку его съ французскимъ дворомъ. Ключъ былъ найденъ и Бестужевъ прочиталъ въ письмахъ Шетарди о подкупахъ Лестока французскимъ правительствомъ, о мрачныхъ пророчествахъ для Россiи и далеко не лестныхъ отзывахъ о личности самой императрицы. Шетарди былъ высланъ изъ Россiи въ двадцать четыре часа, а Лестокъ сосланъ въ Угличъ, а затѣмъ въ Устюгъ. Такъ окончились попытки французскихъ дипломатовъ склонить на свою сторону Россiю. Россiи приходилось дѣйствовать очень осмотрительно для того, чтобы сохранить нейтралитетъ, выполнять—хотя бы изъ приличiй—свои обязательства по отношенiю къ Англiи и Пруссiи и не вмѣшиваться во враждебныя столкновенiя другихъ державъ. Впрочемъ, у Россiи и не было никакихъ прямыхъ интересовъ во всѣхъ распряхъ, наполнявшихъ эти годы, такъ какъ она еще не оправилась отъ шведской войны и ожидала надвигавшуюся грозу со стороны Пруссiи.

Томъ сто шестой, изданный профессоромъ Юрьевскаго университета А. П. Филипповымъ, содержитъ бумаги кабинетъ-министровъ императрицы Анны Iоанновны 1733 года, замѣнившихъ верховный тайный совѣтъ въ перiодъ 1731—1740 гг. Сравнительно съ первыми годами существованiя этого учрежденiя, дѣятельность кабинетъ-министровъ de facto можно отмѣтить более широкимъ развитiемъ; напримѣръ, министры сами дѣятельно переписываются съ различными лицами и учрежденiями. Во-вторыхъ, въ указанномъ году попадается нѣсколько высочайшихъ именныхъ указовъ, подписанныхъ двумя министрами, графомъ Остерманомъ и княземъ Черкасскимъ. Изъ более интересныхъ мѣръ правительства объ улучшенiи внутренняго состоянiя Россiи, укажемъ слѣдующiя. Къ 30 апрѣля относится указъ „о представленiи при отпускѣ воеводъ въ кабинетѣ“. Этимъ императрица думала ослабить злоупотребленiя воеводъ, которые каждые два года должны были являться въ Петербургъ и отдавать отчетъ въ сенатѣ, причемъ ихъ могли утвердить на новое двухлѣтiе, если ихъ правленiе сенаторы считали безукоризненнымъ. Эта мѣра была, повидимому, временной, такъ какъ ожидалось приготовленiе въ законченной редакцiи Уложенiя. Другая мѣра предшествовала цѣлому ряду постановленiй о шляхетной службѣ, а именно: недоросли изъ дворянъ опредѣлялись въ военную службу, а мало способные къ ней—въ гражданскую; секретарямъ вмѣнялось въ прямую обязанность

обучать недорослей приказной службѣ, знанiю уложенiя и государственнаго строя, а также и нѣкоторымъ общимъ предметамъ. Интересенъ докладъ сената отъ 4 iюня о командированiи въ сибирскую и камчатскую экспедицiи, кромѣ капитана Беринга, астронома Делилъ-де-ля-Крое и историка Миллера, еще профессора минеролога Гмелина и о выдачѣ имъ и посылаемымъ съ ними пяти студентамъ московской латинской школы философiи и реторики усиленнаго жалованья, вмѣсто назначенныхъ пяти рублей въ мѣсяцъ. Нѣсколько постановленiй касается Лифляндiи, между прочимъ, относительно порядка наслѣдованiя лицами женской линiи, при отсутствiи прямыхъ наслѣдниковъ-мужчинъ. Отмѣтимъ также донесенiя о рудокопныхъ дѣлахъ, объ откупныхъ сборахъ, о пошлинномъ и уставномъ тарифѣ, о китайскихъ и сибирскихъ товарахъ, о сочиненiи „геодезистами ландкартъ“ городовъ и селъ, о монетной системѣ и проч. Изъ дѣлъ внѣшней политики находимъ только рѣшенiе отъ 29 iюня не допускать на польскiй престолъ Станислава Лещинскаго, основанное на „декларацiи отъ доброжелательныхъ членовъ Рѣчи Посполитой“.

Такимъ образомъ, разобранные три тома этого солиднаго изданiя касаются вопросовъ мало затронутыхъ въ русской исторической наукѣ и представляющихъ значительный интересъ для будущихъ изслѣдователей.

Жизнь, служба и приключенiя мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминанiй. И. Н. Захарьина (Якунина). Спб., 1900 г. Ц. 1 р. Г. Захарьинъ претендуетъ дать „изображенiе различныхъ общественныхъ слоевъ, соприкасавшихся въ извѣстные годы (1878—1881) съ камерою судьи“ въ западныхъ губернiяхъ, преимущественно въ Подолiи.

Г. Захарьинъ—нацiоналистъ, но это не бѣда; г. Захарьинъ любитъ потравить „жида“ и поляка, и г. Захарьинъ хочетъ при всемъ томъ остаться прекраснымъ человѣкомъ,—это ужъ напрасно.

Странный публицистъ г. Захарьинъ! Его „записки и воспоминанiя“ написаны съ цѣлью изобличить еврейское кровопiйство, польскiй гоноръ и недостойное поведенiе „батюшекъ“ (?). Но, во-первыхъ, самъ же г. Захарьинъ свидѣтельствуетъ, что дѣятельностью ростовщиковъ, „которою занимались, къ сожалѣнiю, не одни евреи“ (стр. 66), „обязывалась болѣе всего бѣднота—хмѣльникскiе мѣщане и *евреи*“, а во-вторыхъ, несмотря на то, что „евреи въ массѣ своей—народъ невыносимый“, „главную отличительную добрую черту еврейской расы составляетъ чистота ихъ семейной жизни, любовь къ семьѣ и къ своимъ дѣтямъ, отсутствiе разгуловъ и пьянства... Затѣмъ евреи имѣютъ еще одну добрую характерную черту, которая, къ сожалѣнiю, отсутствуетъ у насъ, русскихъ: они, какъ и поляки, не забываютъ ни малѣйшаго добра, имъ оказаннаго“ (стр. 209). Да, а вотъ г. Захарьинъ не таковъ! Несмотря на собственное сознанiе: „когда со мной случилось большое несчастiе, евреи, а послѣ и поляки, явились единственными лицами, принявшими теплое участiе въ моемъ бѣдствiи“ (стр. 210),—несмотря на это, г. Захарьинъ и въ своихъ „запискахъ“ не измѣнилъ присущаго ему враждебнаго отношенiя къ еврейской и польской нацiональностямъ.

То же надо отмѣтить и въ отношенiи г. Захарьина къ „батюшкамъ“, которыхъ онъ обличаетъ, повидимому, какъ типичныхъ представителей извѣстнаго общественнаго слоя и которые въ концѣ-концовъ „являются лишь печальнымъ исключенiемъ въ общей массѣ,—не болѣе“. И пусть не подумаетъ читатель, что эта оговорка сдѣлана страха ради iудейска; нѣтъ, она очень характерна для автора; таково и его искреннее убѣжденiе или искренняя путаница, если хотите.

СТАТИСТИКА.

„Статистическій ежегодникъ въ Тверской губ. за 1899 г.".

„Статистическій ежегодникъ въ Тверской губ. за 1899 г.", Тверь, 1900 г. Ежегодникъ, издаваемый тверскимъ губернскимъ земствомъ, составленъ съ обычнымъ интересомъ. Здѣсь мы находимъ специальныя статьи, посвященныя промышленности, винокуренію, мобилизаціи земельной собственности и т. д. Какъ и въ предыдущихъ изданіяхъ, мы находимъ здѣсь очень интересныя краткія, но краснорѣчивыя данныя относительно бѣдности Россіи, въ особенности русской деревни, почтовыми учрежденіями. Такъ, въ среднемъ оказывается, что въ Тверской губерніи одно почтовое отдѣленіе приходится на 144 селенія, а на 10 тысячъ жителей приходится 0,4 почтовыхъ учрежденій, т.-е. относительно обслуживанія Россіи почтовыми учрежденіями мы стоимъ не выше Китая, гдѣ приходится на 10 тысячъ жителей 0,3 почтовыхъ учрежденій, въ Болгаріи же и Сербіи—0,5, т.-е. больше, чѣмъ въ Тверской губерніи. Если такимъ образомъ во всей Тверской губерніи одно почтовое учрежденіе приходится на 144 селенія, то въ 3-хъ уѣздахъ эти отношенія еще болѣе поразительны: въ Калязинскомъ уѣздѣ одно почтовое учрежденіе приходится на 237 селеній, въ Осташковскомъ—на 261 селеніе, въ Ржевскомъ—на 276 селеній (48). При такихъ условіяхъ, говорится въ „Ежегодникѣ", населенію положительно нѣтъ возможности самому получать денежныя и простыя корреспонденціи, вотъ почему оно по необходимости должно прибѣгать для этой цѣли къ посредничеству торговцевъ и волостныхъ правленій.

Въ „Ежегодникѣ" приводится между прочимъ интересный циркуляръ управляющаго акцизными сборами, гдѣ между прочимъ управляющій касается вопроса попечительствъ о народной трезвости. Обрисовывая ихъ дѣятельность, сообщеніе говоритъ, что если правительство берется за это дѣло, то не потому, что предполагаетъ отсутствіе такихъ общественныхъ дѣятелей, но наоборотъ, потому, что разсчитываетъ на ихъ поддержку, оказывая въ то же время со своей стороны всевозможную помощь данному дѣлу денежными субсидіями. Успѣхъ дѣятельности комитетовъ, говорится въ томъ же сообщеніи, зависитъ всецѣло отъ поддержки ихъ начинаній со стороны мѣстнаго общества... и далѣе управляющій высказываетъ пожеланіе объ установленіи дѣятельнаго отношенія общества къ попечительствамъ. Въ значительной степени попечительства страдаютъ отъ бюрократическаго состава и такое сообщеніе управляющаго нельзя не привѣтствовать.

МАТЕМАТИКА.

„L'enseignement mathématique". *Revue internationale.*

L'enseignement mathématique. Revue internationale paraissant tous les deux mois. Directeurs: C. A. Laisant, Docteur ès sciences, Répétiteur à l'École polytechnique de Paris. H. Fehr, Privat-docent à l'Université de Genève, Professeur au Collège et à l'École professionnelle. 1-re Année 1899. Paris. Georges Carré et C. Naud, Éditeurs. Conditions d'abonnement. France et Suisse. Un an. 12 fr. Union postale. Un an. 15 fr. Prix du Numéro, 2 fr. 50. Въ своей вступительной статьѣ „L'enseignement mathématique" (стр. 1—5), редакторы указываютъ какъ на главныя цѣли изданія: 1) на собираніе

свѣдѣній о состояніи преподаванія математики во всѣхъ странахъ и 2) на установленіе солидарности и постоянныхъ сношеній между дѣятелями математическаго преподаванія различныхъ странъ. Въ виду этихъ цѣлей они приглашаютъ къ сотрудничеству въ изданіи всѣхъ интересующихся преподаваніемъ математики къ какой бы странѣ или націи они ни принадлежали. Дѣлая такимъ образомъ свое изданіе международнымъ, редакторы не находятъ однако же возможнымъ допустить въ немъ употребленіе нѣсколькихъ, хотя бы и самыхъ распространенныхъ языковъ, какъ это вошло въ обычай въ другихъ международныхъ періодическихъ изданіяхъ. Они рѣшили остановиться на одномъ языкѣ и именно французскомъ. Въ случаѣ если бы кто-нибудь изъ авторовъ затруднился въ переводѣ своей статьи на этотъ языкъ, редакція беретъ трудъ перевода на себя подъ условіемъ, конечно, чтобы статья была написана на одномъ изъ болѣе распространенныхъ европейскихъ языковъ.

Журналъ состоитъ изъ пяти отдѣловъ. Но число ихъ можетъ быть увеличено, если въ этомъ окажется надобность. Первый назначенъ для статей общаго характера, второй—для педагогическихъ этюдовъ, третій—для хроники, четвертый—для корреспонденціи и пятый—для библіографіи. Статьи перваго отдѣла раздѣлены на двѣ группы. Къ одной относятся занимающіяся исторіею или современнымъ состояніемъ организаціи въ разныхъ странахъ математическаго преподаванія какъ во всемъ его объемѣ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Къ другой—труды философскаго характера, къ какой бы отрасли математики они ни относились. Первенствующее значеніе въ отдѣлѣ признается за первой группой. Что же касается второй, то составляющія ее статьи могутъ даже и не имѣть прямого отношенія къ преподаванію, такъ какъ, по мнѣнію редакціи, для опредѣленія взаимныхъ отношеній методовъ преподаванія и ихъ усовершенствованія достаточно уже одного изслѣдованія общихъ идей. Въ оглавленіи первая группа названа „Histoire; organisation de l'enseignement“, а вторая—„Doctrine“. Второй отдѣлъ назначается, главнымъ образомъ, для теоріи преподаванія, разсматриваемой во всемъ ея объемѣ или въ отдѣльныхъ частяхъ. Кромѣ этой теоріи здѣсь отводится мѣсто также и статьямъ, занимающимся частными доказательствами или критическимъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ частей теоріи. Къ этому же отдѣлу редакція относитъ программы, отчеты объ экзаменахъ и конкурсахъ и статьи, посвященныя разсмотрѣнію механизма процессовъ преподаванія. Очень большое значеніе имѣетъ въ глазахъ редакціи отдѣлъ корреспонденціи, такъ какъ въ немъ можетъ не только предстать передъ ученымъ міромъ всякая идея, но и подвергнуться обсужденію людей науки. Въ библіографическомъ отдѣлѣ даются краткіе разборы новыхъ явленій въ области математической литературы и библіографическіе указатели. Въ послѣднихъ главное вниманіе обращается на періодическую литературу въ области математики.

Группа исторіи и организаціи преподаванія состоитъ изъ четырехъ статей. *Z. G. de Galdeano* изъ Сарагоссы—„Математика въ Испаніи“ (стр. 6—21). Представляетъ краткое обозрѣніе учебной математической литературы въ Испаніи преимущественно за послѣднія десятилѣтія XIX вѣка. *В. В. Бобынинъ* изъ Москвы—„Очеркъ исторіи математическаго преподаванія въ Россіи“ (стр. 77—100). *Его же*—„Современное состояніе низшаго математическаго преподаванія въ Россіи“ (стр. 420—446). *W. W. Beman* изъ Соединенныхъ Штатовъ—„Глава изъ исторіи ма-

тематики" (стр. 162—184). Посвящена разсмотрѣнію сочиненій, впервые введшихъ въ науку геометрическое представленіе мнимыхъ величинъ.

Другая группа представлена болѣе значительнымъ числомъ статей. Къ ней, кромѣ упомянутаго уже выше вступленія редакціи, относятся еще слѣдующія: *C. A. Laisant* изъ Парижа—„Вопросы терминологіи" (стр. 22—28). *R. Baron* изъ Парижа—„Объ одномъ парадоксѣ нашей (французской) словесной нумераціи. Этнографическая и лингвистическая замѣтка" (стр. 101—105). *H. Poincaré* изъ Парижа—„Логика и интуиція въ математической наукѣ и въ преподаваніи" (стр. 157 — 162). *R. de Montessus* изъ Мулена—„Основанія новой ариѳметики" (стр. 185—195). *Z. G. de Galdeano*—„Нѣкоторые общіе принципы въ математическомъ преподаваніи" (стр. 195—203). *C. A. Laisant*—„Раціональная механика и практическая механика" (стр. 237—246). *C. Burali-Forti* изъ Турина—„О равенствѣ и о введеніи производныхъ элементовъ въ науку" (стр. 246—261). *W. Franz Meyer* изъ Кёнигсберга въ Пруссіи—„Объ экономіи мысли въ элементарной математикѣ" (стр. 261 — 268). *Ch. Berdellé* изъ Ріоза въ департаментѣ Верхней Саоны—„О словесной нумераціи съ международной точки зрѣнія" (стр. 269—272). *Raoul Baron*—„Понятіе, природа и преподаваніе правилъ умноженія" (стр. 317—333). *Jules Tannery* изъ Парижа—„О методѣ въ геометріи по г. Жаку Гадамару" (стр. 333—338). *C. A. Laisant*—„Размышленія о первоначальномъ преподаваніи геометріи" (стр. 339—343). *W. Franz Meyer*—„О нѣкоторыхъ отношеніяхъ интегральнаго исчисленія къ геометріи" (стр. 343—350). *H. Laurent* изъ Парижа—„Основные принципы человѣческихъ знаній" (стр. 381—419).

Второй отдѣлъ содержитъ слѣдующія статьи. *Alfred Binet* изъ Парижа—„Научная педагогія" (стр. 29—38). *H. Laurent*—„Соображенія о преподаваніи математики въ классахъ спеціальной математики во Франціи" (стр. 38—44). *H. Fehr.*—„О преподаваніи элементовъ тригонометріи" (стр. 45—49). *G. Fontené* изъ Парижа — „О преподаваніи теоріи векторовъ" (стр. 50—52). *H. Poincaré*—„Дифференціальное обозначеніе и преподаваніе" (стр. 106—110). „Пріобрѣтеніе званія agrégé по математическимъ наукамъ во Франціи. Конкурсъ 1898 г. и программа 1899 года" (стр. 110 — 120). *C. A. Laisant* — „Выборъ предметовъ письменной работы" (стр. 121—123). *G. Fontené*—„Объ употребленіи знаковъ въ геометріи" (стр. 123—132). *Dott. G. Candido* изъ Пизы—„О сліяніи планиметріи и стереометріи въ преподаваніи элементарной геометріи въ Италіи" (стр. 204—215). *G. Fontené* — „О знакахъ разстояній въ геометріи" (стр. 272—278). *A. Poussart* изъ Парижа—„Классификація линій и поверхностей второго порядка" (стр. 279 — 286). *G. Budelot* изъ Мелюна—„Первый урокъ начертательной геометріи" (стр. 286—297). *Ern. Pasquier* изъ Лувена — „О номографіи и необходимости ея введенія въ преподаваніе" (стр. 350—357). *Gino Loria* изъ Генуи—„Замѣчанія о полярныхъ координатахъ" (стр. 357 — 364). *H. Fehr.*—„О математической подготовкѣ лица, посвящающаго себя страховому дѣлу" (стр. 447—452). *D-r G. Kilbinger* изъ Мюльгаузена—„Кругъ и эллипсъ. Концентричные круги и гомотетичные концентричные эллипсы" (стр. 452—458). *G. Fontené* — „Геометрическое представленіе послѣдовательныхъ дифференціаловъ функціи одного перемѣннаго" (стр. 458—460).

Отдѣлъ „Хроники" состоитъ изъ трехъ подраздѣленій. Къ первому отнесены отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности съѣздовъ и ученыхъ

обществъ. Въ составъ его входятъ слѣдующія статьи: *D-r Maurer* изъ Дюссельдорфа—„Съѣздъ (70-й германскихъ естествоиспытателей и врачей) въ Дюссельдорфѣ. Сентябрь 1898 г." (стр. 53 — 54). *F. Giudice* изъ Генуи—„Итальянское общество Mathesis" (стр. 54—55). Международный съѣздъ математиковъ 1900 года" (стр. 57 и 219—220). „Французское математическое общество" (стр. 61). *C. A. L.*—„Проектъ академическаго союза" (стр. 136—137). „Международная ассоціація распространенія метода кватерніоновъ и методовъ съ нимъ связанныхъ" (стр. 137 и 216—217). „Съѣздъ германскихъ математиковъ" (стр. 216 и 365—366). *O. Lang* изъ Ганновера—„Протоколъ восьмого годичнаго собранія германской ассоціаціи преуспѣянія преподаванія математическихъ и естественныхъ наукъ" (стр. 298—301). „Съѣзды въ Булони и Дуврѣ" (стр. 301—2). „Французская ассоціація преуспѣянія наукъ; Булонскій съѣздъ въ 1899 году" (стр. 461—463).

Второе подраздѣленіе назначено для „Конкурсовъ" на преміи по математическимъ наукамъ. Оно доставляетъ читателямъ свѣдѣнія о темахъ и другихъ условіяхъ соисканія премій этого рода при тулузской академіи (стр. 220—21) и при обществѣ Яблоновскаго (стр. 366). Кромѣ того оно сообщаетъ также и о результатахъ конкурса на математическую премію 1897 года при мадридской академіи (стр. 303).

Наконецъ, къ третьему подраздѣленію, названному „Articles divers", отнесены слѣдующія статьи: „Программы внутренняго преподаванія парижской политехнической школы" (стр. 58—56), „Новые учебные трактаты геометріи въ Италіи и во Франціи" (стр. 56 — 57). „Физическія средства въ счисленіи" (стр. 57 — 58). *D-r Hultmann* изъ Парижа—„Математическая библіотека дѣятелей науки" (стр. 58—60). „Привилегія высшаго среднеучебнаго преподаванія въ Пруссіи" (стр. 60 — 61): *H. F.*—„Математическое преподаваніе въ Страссбургскомъ университетѣ" (стр. 133—136). „Парижская національная консерваторія искусствъ и ремеслъ" (стр. 138). „Программа элементарной математики, которой слѣдовалъ Я. Штейнеръ" (стр. 217—219). „Диссертаціи на докторскую степень" (стр. 221). „Экзамены французской политехнической школы" (стр. 303). „Гриссъ. Некрологъ" (стр. 303). „Модели для преподаванія математическихъ наукъ" (стр. 365). *C. A. Laisant*—„Ежегодникъ" математиковъ" (стр. 463—464). *C. A. Laisant.*—„Одно исходящее отъ автора предложеніе" (стр. 465). Къ этому же подраздѣленію долженъ быть отнесенъ и помѣщенный почему-то отдѣльно отъ „Хроники" некрологъ Софуса Ли (стр. 156).

Отдѣлъ корреспонденціи состоитъ изъ слѣдующихъ шести писемъ *L. Ripert* изъ Парижа—по вопросамъ обозначенія (стр. 139). *Prof. Can. P. Raganti* изъ Сарцаны—о своемъ очеркѣ ариѳметики (стр. 139—140). *Joaquim d'Azevedo Albuquerque* изъ Порто—о своихъ сочиненіяхъ по предмету математическаго преподаванія (стр. 140). *Edmond Maillet*—о предметахъ изученія (стр. 222). *G. Budelot*—о роли математики въ общемъ воспитаніи (стр. 223). *L. Ripert*—о классификаціи поверхностей второго порядка (стр. 367).

Въ отдѣлѣ библіографіи даны 30 рецензій и 6 библіографическихъ указателей. Въ послѣднихъ сообщаются свѣдѣнія о 19 французскихъ періодическихъ изданіяхъ, 11 нѣмецкихъ, 9 итальянскихъ, 2 голандскихъ, 1 американскомъ, 1 португальскомъ, 1 датскомъ и 1 шведскомъ. Въ составъ этихъ свѣдѣній вводятся весьма нерѣдко также и перечни статей, помѣщенныхъ во вновь вышедшихъ журнальныхъ книжкахъ. Въ тѣхъ же указателяхъ даны, кромѣ того, библіографическія описанія

19 французскихъ книгъ, 12 итальянскихъ, 7 нѣмецкихъ, 2 португальскихъ, 1 голландской, 1 американской, 1 датской и 1 испанской.

Изъ приведеннаго перечня статей новаго журнала видно, что его содержанiе отличается богатствомъ, интересомъ и разнообразiемъ. Но всѣмъ этимъ его возможное значенiе еще далеко не исчерпывается.

Господство въ педагогiи апрiорныхъ теорiй, выросшихъ на почвѣ метафизики, и игнорированiе указанiй исторiи математики являются для прогресса математическаго преподаванiя главнѣйшими препятствiями. Благодаря имъ, оно и теперь остается въ томъ же неудовлетворительномъ состоянiи, въ какомъ находилось съ древнѣйшихъ временъ. Сознанiе этого печальнаго положенiя въ современной перiодической литературѣ, занимающейся вопросами преподаванiя математики, однако же почти совсѣмъ отсутствуетъ. Ближайшею причиною этого страннаго, повидимому, явленiя, кромѣ традицiй и привычекъ, является недостатокъ знакомства съ исторiею математики у большинства преподавателей и другихъ дѣятелей въ той же области. Все свое вниманiе упомянутая литература обращала до сихъ поръ на исправленiе частностей и ничтожныхъ мелочей, которое совершилось бы само собою, если бы были усовершенствованы основы. Другого болѣе цѣлесообразнаго отношенiя къ дѣлу при существующихъ условiяхъ можно ждать только отъ международныхъ перiодическихъ изданiй, какъ менѣе связанныхъ традицiями и имѣющихъ болѣе широкiе кругозоры и болѣе обширное поле для чрезвычайно плодотворнаго въ настоящемъ случаѣ сравнительнаго изученiя состоянiя математическаго преподаванiя у разныхъ народовъ. Появленiе спецiально-посвященнаго этому преподаванiю международнаго журнала и притомъ въ рукахъ такого энергичнаго дѣятеля, какъ д-ръ Лезанъ, оказавшiй уже наукѣ важную услугу основанiемъ журнала *L'intermédiaire des mathématiciens*, не можетъ не возбуждать большихъ надеждъ.

Фактическое основанiе питать эти надежды доставляетъ уже помѣщенiе въ № 1 статьи „Научная педагогiя“ знаменитаго директора лабораторiи физiологической психологiи въ Сорбоннѣ, Альфреда Бине. Въ примѣчанiи въ этой статьѣ, выражая за ея доставленiе большую благодарность автору, редакторы журнала говорятъ: „Нѣкоторые читатели найдутъ, можетъ быть, что, помѣщая работы этого рода, нашъ сборникъ удаляется отъ области математики. Но, по нашему мнѣнiю, этотъ взглядъ ошибоченъ. Такiя прекрасныя изслѣдованiя достойны самаго серьезнаго вниманiя математиковъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, математическое преподаванiе, какъ требующее на всѣхъ своихъ ступеняхъ большихъ мозговыхъ усилiй отъ учениковъ, прямо заинтересовано въ усовершенствованiи педагогическихъ методовъ, имѣющихъ конечною цѣлью достиженiе максимума результатовъ при минимумѣ утомленiя. Во-вторыхъ, духъ математики можетъ быть съ большою пользою призванъ къ содѣйствiю успѣхамъ разсматриваемыхъ методовъ. Если мы имѣемъ нужду въ физiологахъ и психологахъ, то и они нуждаются въ насъ. А изъ взаимнаго сотрудничества могутъ произойти большiя выгоды для прогресса какъ преподаванiя, такъ и науки“.

Свою статью Бине начинаетъ съ опредѣленiя ея предмета. „Термины: *научная педагогiя, экспериментальная педагогiя, педологiя*, — говоритъ онъ, — употребляются въ настоящее время въ одномъ и томъ же смыслѣ, именно для обозначенiя того совершенно новаго направленiя изслѣдованiй, которое обнаружилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ педагогическомъ мiрѣ. Это направленiе, въ началѣ робкое и неизвѣстное, получило въ послѣднiе годы очень большое распространенiе въ Америкѣ

и Германіи. Италія и Англія также не отнеслись къ нему безразлично. Что же касается Франціи, то ея участіе въ немъ, насколько мнѣ извѣстно, представляется пока еще только моею лабораторіею въ Сорбоннѣ... Новая педагогія отличается отъ старой главнымъ образомъ тѣмъ, что даетъ широкій просторъ наблюденію и опыту. Она старается замѣнить утвержденія a priori точными результатами и цифрами. Этотъ переворотъ, если онъ совершится, будетъ только логическимъ слѣдствіемъ такого же переворота, уже произведеннаго въ психологіи и находящагося на пути къ осуществленію во всѣхъ такъ называемыхъ нравственныхъ наукахъ. Въ нихъ, дѣйствительно, періодъ словоизверженій замѣтно смѣняется, хотя и мало-по-малу, періодомъ наблюденій. Я думаю даже, что въ очень близкомъ будущемъ станутъ съ удивленіемъ читать тѣ изъ издающихся въ настоящій моментъ педагогическихъ журналовъ, которые содержатъ въ качествѣ интересныхъ для науки воспитанія документовъ рѣчи министровъ. Въ настоящее время нельзя прочесть курсъ педагогіи, не обладая нѣкоторымъ ораторскимъ талантомъ. Это ли не доказательство бѣдственнаго положенія? Наука должна удовлетворяться сама собою и не прибѣгать для своего преподаванія къ помощи краснорѣчія“.

Для математическаго преподаванія исторія математики служитъ неистощимымъ источникомъ строго обоснованныхъ и точныхъ наблюденій и опытовъ. Нужно только не игнорировать его, а пользоваться имъ. Будемъ надѣяться, что въ новомъ международномъ органѣ математическаго преподаванія, статья Бине не будетъ послѣднею въ своемъ родѣ, что, напротивъ того, за нею послѣдуетъ рядъ статей, стоящихъ ближе ея къ спеціальности журнала, но проникнутыхъ тѣми же идеями. Если направленіе этихъ статей сдѣлается направленіемъ самого журнала, то ему, можетъ быть, удастся произвести тотъ, давно желаемый переворотъ въ преподаваніи математики, который только одинъ въ состояніи вывесть это преподаваніе на настоящій путь и затѣмъ сообщить ему истинное прогрессивное движеніе, а не призрачное, какое наблюдается теперь.

Книги для дѣтей.

„Міръ въ разсказахъ для дѣтей“. *В. Э. В.*

Міръ въ разсказахъ для дѣтей. В. Э. В. Книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Съ 66-ю рисунками въ текстѣ. Москва, 1900 г. Цѣна 40 коп. Книжка г. В. Э. В. увеличиваетъ число существующихъ хрестоматій для начальныхъ училищъ, но не вноситъ улучшенія въ эту область нашей учебной литературы. Уже самое предисловіе къ книгѣ, благодаря своему рекламному характеру, какъ-то невольно поселяетъ въ читателѣ чувство недовѣрія къ труду неизвѣстнаго автора, взявшагося, очевидно, за непосильную работу. Такъ, изъ предисловія мы узнаемъ, что каждая статья, помѣщенная въ книгѣ, предварительно *провѣрялась* *) авторомъ „съ дѣтьми второго года обученія въ народныхъ школахъ“. Кромѣ того, статьи научнаго содержанія просматривались профессорами-спеціалистами. Очень жаль, что авторъ, скрывшись за таинственными иниціалами, самъ не назвалъ фамиліи тѣхъ профессоровъ, которые, сообразно своей спеціальности,

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

просматривали статьи послѣ того, какъ онѣ были уже *провѣрены* (?) авторомъ „съ дѣтьми второго года обученія въ народныхъ школахъ".

Въ наше время реклама вообще получила довольно широкое распространеніе; словомъ „профессоръ" еще такъ недавно злоупотребляли лишь составители различныхъ „Черныхъ магій" и „Самыхъ полныхъ оракуловъ", издававшихся на Никольской улицѣ; теперь это слово уже можно встрѣтить и на банкахъ съ мозольнымъ пластыремъ, и на пузырькахъ съ патентованными средствами отъ загара. Г-нъ В. Э. В., очевидно, идетъ дальше: онъ утилизируетъ слово „профессоръ" и въ предисловіи къ составленной имъ хрестоматіи. Мы сильно сомнѣваемся въ необходимости профессорскаго контроля надъ тѣми статейками съ элементарнымъ содержаніемъ, которыя предназначаются для чтенія 8—9 лѣтними дѣтьми, и на заявленіе объ этомъ автора не можемъ смотрѣть иначе, какъ на рекламу самаго дешеваго сорта. Къ такому заключенію приводитъ насъ также и то обстоятельство, что большинство научныхъ статей въ книгѣ г. В. Э. В. по своей запутанности и неясности изложенія скорѣе говоритъ за то, что онѣ были лишь провѣрены учениками второго года обученія и вовсе не просматривались профессорами-спеціалистами. Чтобы не быть голословными, беремъ нѣсколько выдержекъ изъ статей IX, X и XI отдѣловъ книги. Такъ, на стр. 140 авторъ увѣряетъ юнаго читателя, что „въ нашемъ тѣлѣ есть жилы, а по жиламъ течетъ кровь". Между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, жилы служатъ для прикрѣпленія мускуловъ къ костямъ, кровь же течетъ по кровеноснымъ сосудамъ, которые только невѣжественными людьми называются жилами. Далѣе, на стр. 144 говорится, что пищеварительный каналъ начинается во рту и идетъ внизъ *черезъ все тѣло*. Авторъ, очевидно, смѣшиваетъ *тѣло* съ *туловищемъ*, благодаря чему у дѣтей можетъ получиться неясное представленіе о мѣстонахожденіи пищеварительнаго канала. Желая наглядно показать (стр. 145), какое значеніе имѣетъ для пищеваренія желудочный сокъ, г. В. Э. В. прибѣгаетъ къ слѣдующему странному сравненію: „мы еще не знаемъ, — говоритъ онъ,— надъ чѣмъ работаетъ желудочный сокъ. Вотъ какой фокусъ продѣлываютъ фокусники. Фокусникъ беретъ яйцо, разбиваетъ его и изъ яйца вылетаетъ маленькая птичка. Конечно, фокусникъ обманываетъ наше зрѣніе: птичка вылетаетъ на самомъ дѣлѣ не изъ яйца, а изъ рукава фокусника. *Но то же самое, только безъ обмана, дѣлается въ природѣ*. Когда насѣдка посидитъ недѣли три на яйцѣ, изъ него выскочитъ цыпленокъ. Изъ чего могли образоваться крылышки, ножки, головка и другія части цыпленка? Въ яйцѣ былъ только бѣлокъ и желтокъ. Несомнѣнно, что цыпленокъ могъ питаться только желткомъ и бѣлкомъ. Итакъ, вотъ превосходная пища — желтокъ и бѣлокъ". Въ такомъ же родѣ авторъ распространяется и дальше на цѣлой страницѣ и только потомъ уже, безъ всякой связи съ предыдущимъ, говоритъ, что „желудочный сокъ перевариваетъ твердые бѣлки". Для чего понадобился тутъ фокусникъ, обманывающій зрителей, птичка, вылетающая изъ рукава, цыпленокъ, выскакивающій изъ яйца? Всѣ эти *фокусы* со стороны автора, несомнѣнно, только затемняютъ суть дѣла, а не разъясняютъ ее. Къ числу курьезовъ слѣдуетъ отнести разсказъ автора о томъ, какъ ученые узнали, что происходитъ въ желудкѣ человѣка. „Одного человѣка,—читаемъ на стр. 146,—ранили на охотѣ, и въ его желудкѣ образовалось отверстіе. Черезъ это отверстіе ученымъ можно было видѣть, что происходитъ въ желудкѣ". Какъ все это просто дѣлается у г. В. Э. В. Сокъ поджелудочной железы авторъ сравниваетъ (стр. 147)

съ работникомъ Балдой въ сказкѣ Пушкина. Сравненіе, хотя и смѣлое, но неудачное. На той же страницѣ авторъ говоритъ, что „сокъ поджелудочной железы *приготовляетъ изъ жира мыло*". Омылять жиры, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, и приготовлять мыло, думается намъ, далеко не одно и то же. Мы долго не кончили бы, если бы захотѣли выписать всѣ курьезы и несообразности изъ книги г. В. Э. В.,—такъ ихъ много. Ограничимся еще одной только выпиской, едва ли не самой интересной. На стр. 149 въ статьѣ „Нашъ вкусъ" авторъ говоритъ: „Въ большихъ домахъ есть дворники. Дворникъ обыкновенно осматриваетъ каждаго гостя. Если гость человѣкъ хорошій, дворникъ сейчасъ же любезно и съ почтеніемъ пропускаетъ его въ домъ. Если же гость покажется ему подозрительнымъ человѣкомъ, если дворникъ подумаетъ, что у гостя злыя намѣренія, дворникъ не впуститъ его въ домъ. У нашего желудка тоже есть дворникъ — это нашъ вкусъ. Нашъ вкусъ пробуетъ каждый кусокъ пищи. Если пища хороша, вкусъ ласкаетъ и лижетъ ее *своимъ* языкомъ, а во рту обильно, какъ говорятъ, „текутъ слюньки". Такую пищу вкусъ охотно пропускаетъ въ желудокъ. Если же пища вредна, нашъ вкусъ выталкиваетъ ее изо рта *своимъ* языкомъ. Авторъ, вѣроятно, не принялъ во вниманіе того, что деревенскимъ ребятамъ едва ли знакомъ тотъ типъ дворника-сыщика, съ которымъ онъ такъ неудачно сравниваетъ нашъ вкусъ. Кромѣ того, какимъ образомъ вкусъ можетъ *лизать*, *ласкать* и *выталкивать* пищу *своимъ* языкомъ? Вотъ до какихъ нелѣпостей можно договориться при неумѣломъ пользованіи сравнительнымъ методомъ! Повторяемъ, что такіе курьезы встрѣчаются почти во всѣхъ статьяхъ, принадлежащихъ перу самого г. В. Э. В. и предназначаемыхъ имъ для дѣтей второго года обученія, т.-е. для 8—9-лѣтнихъ малышей. Что касается литературнаго отдѣла хрестоматіи, то онъ страдаетъ односторонностью въ подборѣ матеріала. Въ большинствѣ случаевъ героями разсказовъ являются сироты, нищіе, плѣнные, больные и т. п. обездоленные люди; между тѣмъ почти совсѣмъ отсутствуютъ статьи, въ которыхъ рисовались бы характеры положительные, люди съ сильною волей, энергичные. Мы считаемъ большою ошибкой стремленіе развивать въ дѣтяхъ чрезмѣрную чувствительность и сантиментализмъ. Жизнь гораздо чаще требуетъ стойкихъ борцовъ съ твердою волей, а не плаксивыхъ людей, готовыхъ проливать слезы надъ каждой букашкой. Историческій отдѣлъ въ книгѣ слишкомъ отрывистъ, кромѣ того, матеріалъ, вошедшій въ этотъ отдѣлъ, не всегда по силамъ дѣтямъ на второмъ году обученія. Укажемъ на статью Алмазова „Мученики за вѣру", „Родину" Плещеева и нѣкоторыя другія.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Указатель къ „Опыту россійской библіографіи" В. С. Сопикова". *В. Н. Рогожина.*

Указатель къ „Опыту россійской библіографіи" В. С. Сопикова. В. Н. Рогожина. (Къ книгамъ гражданской печати). М., 1900 г. Обращаемъ вниманіе читателя на обширный, серьезный и добросовѣстный трудъ г. Рогожина. „Опытъ" Сопикова до сихъ поръ еще является единственнымъ наиболѣе полнымъ библіографическимъ пособіемъ для изученія изящной и научной литературы XVIII и начала XIX вѣковъ: онъ даетъ перечень почти всего напечатаннаго за этотъ періодъ. При справкахъ относительно печатныхъ произведеній этой эпохи постоянно приходится обращаться къ Сопикову, но онѣ очень затруд-

нены отсутствіемъ указателя къ книгамъ гражданской печати, а мѣстами промахами и пробѣлами въ указаніяхъ. Книга г. Рогожина и исправляетъ указанный недостатокъ. Она даетъ указатель сокращенныхъ заглавій, авторовъ, переводчиковъ, издателей и редакторовъ,—собственныхъ именъ, преимущественно историческихъ, встрѣчающихся въ заглавіяхъ книгъ,—книгъ рѣдкихъ, печатанныхъ въ провинціальныхъ городахъ и за границей,—проданныхъ академіей на вѣсъ. Все, что было только возможно, провѣрено по оригиналамъ, разъяснено на основаніи разнообразныхъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ: разъяснены многіе псевдонимы и анонимы, сдѣланы библіографическія указанія относительно авторовъ и переводчиковъ и проч.

Скромная задача составленія указателя къ чужой книгѣ, такимъ образомъ, привела къ самостоятельному библіографическому труду, спрятанному въ „примѣчанія, дополненія и поправки“. Особый интересъ представляетъ „списокъ книгъ, заглавія которыхъ измѣнялись при послѣдующихъ изданіяхъ и перепечаткахъ“. Въ „доброе старое время“, какъ оказывается, на книгахъ залежавшихся часто мѣняли обложку и титулъ. Нѣкоторые случаи особенно характерны: „Новый Спб. Вѣстникъ“ измѣнено въ „Описаніе послѣднихъ землетрясеній въ Калабріи и Сициліи“, „Произведеніе разума“—„Подарокъ пріятный для дѣтей“, „Садіевы повѣсти“—„Ѳеатръ для любовниковъ“, „Свойство дружества“—„Зеркало открытое для всѣхъ“ и проч. Не даромъ Сопиковъ возмущался: „Въ книжной нашей торговлѣ недавно появилось нѣкоторое непохвальное ремесло, возбуждающее негодованіе читателей. Оно состоитъ въ легкомъ способѣ старыя книги превращать въ новыя, и изъ одной вдругъ дѣлать двѣ, а именно: къ старой книгѣ припечатывали совсѣмъ новое, съ другимъ годомъ заглавіе“.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, *апрѣль*.—„Міръ Божій“, *май*.—„Русскій Вѣстникъ“, *апрѣль*.—„Вѣстникъ Европы“, *май*. — „Дѣтское Чтеніе“ 1900 г., №№ 1—5. — „Родникъ“, №№ 1—4.—„Дѣтскій Отдыхъ“, №№ 1—3.

На одной изъ самыхъ послѣднихъ страницъ повѣсти г-жи Барвенковой *Раздолье*, окончаніе которой помѣщено въ апрѣлѣ *Русскаго Богатства*, одно изъ дѣйствующихъ лицъ, и именно „представитель славнаго рода“ Анатолій Павловичъ Одобаровъ выражаетъ между прочимъ слѣдующую сентенцію: „Да что! лишь бы жизнь была—не лоскъ жизни—Богъ съ нимъ,—а смыслъ, просторъ. Побольше воздуху, свѣту“! Этой сентенціей, повидимому, опредѣляется значеніе произведенія г-жи Барвенковой, эта же сентенція даетъ возможность читателю хоть нѣсколько разобраться во всѣхъ подробностяхъ чрезвычайно растянутой и достаточно запутанной повѣсти. Г-жа Барвенкова съ самаго января и вплоть по апрѣль пытается изобразить что-то очень интересное и знаменательное, но что именно, читатель въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ никакъ не могъ догадаться, пока, наконецъ, въ апрѣлѣ дѣло не объяснилось: оказалось, что г-жа Барвенкова своей повѣстью желаетъ показать, что такія вещи, какъ „жизнь, просторъ, воздухъ и свѣтъ“ дѣйствительно весьма цѣнны. Для доказательства такой довольно общеизвѣстной истины г-жѣ Барвенковой понадобилось многое множество страницъ, длинная вереница лицъ и подробное описаніе жизни *Раздолья*, т.-е. имѣнія „со старымъ барскимъ домомъ, холоднымъ и

угрюмымъ". Въ повѣсти есть люди, стремящіеся и къ „простору", и къ „воздуху", и ко всему прочему въ этомъ родѣ, есть и противоположные имъ, а есть и такіе, которые занимаютъ срединное мѣсто между тѣми и другими. Однако центральной фигурой является нѣкая Фреда, барышня въ первой половинѣ произведенія г-жи Барвенковой представляющая собой далеко не то, во что она перерождается во второй подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ „свѣтлыхъ личностей". Родилась Фреда „въ полуанглійской, полунѣмецкой семьѣ учителя музыки Георга Нейсли", больного, бѣднаго и обремененнаго семьей, но скоро попала за свой „серебристый голосъ, шелковые волосики и плутоватую бойкость" на житье къ богатой барынькѣ, гдѣ и воспитывалась въ роскоши и довольствѣ. Повидимому, ей въ будущемъ предстояло безпечное существованіе безъ всякихъ матеріальныхъ затрудненій: у нея явился женихъ „изъ хорошей семьи и на хорошей дорогѣ", а ея благодѣтельница собиралась щедро удѣлить ей въ ея замужней жизни нѣчто отъ своихъ богатствъ. Но благодѣтельница почти скоропостижно умерла, не оставивъ завѣщанія, свадьба разстроилась, а Фреда должна была уѣхать въ *Раздолье* въ качествѣ компаньонки. Тутъ-то она прошла тяжелую школу превращенія. До сей поры цѣнившая только „лоскъ жизни", она тутъ уразумѣла суть жизни, просторъ, воздухъ и свѣтъ. Разумѣется, это превращеніе совершалось очень долго и съ большой постепенностью. Первое время Фредѣ бросались въ глаза только причуды ея патронессы, Ларисы Павловны Мирневской, эгоизмъ и деспотизмъ матери Мирневской, Одобаровой, кривлянія Раты, сестры Мирневской, чудачества изучающаго философію и астрономію Анатолія Павловича Одобарова и все прочее въ такомъ родѣ, но мало-по-малу вниманіе компаньонки обращается на дочь г-жи Мирневской Мари, къ которой ходятъ учиться крестьянскіе дѣти и которая близко принимаетъ къ сердцу всѣ крестьянскія невзгоды, на внука няни Алены Никаноровны механика Николая Осиповича, который могъ считаться представителемъ интеллигентной молодежи и который ратовалъ за крестьянскіе интересы, а главнымъ образомъ, на доктора Хмарова, который, будучи на видъ безшабашнымъ студентомъ, отличался на самомъ дѣлѣ серьезными добродѣтелями: онъ состоялъ домовымъ врачомъ у владѣльцевъ *Раздолья*, тѣмъ не менѣе усердно „лѣчилъ мужиковъ, работая съ завидной энергіей. Дальше-больше, и, наконецъ, Фреда окончательно переходитъ на сторону всѣхъ симпатизирующихъ деревнѣ и крестьянамъ, влюбляется въ Хмарова, также полюбившаго ее съ своей стороны, и честно отказывается отъ Анатолія Павловича Одобарова, который успѣлъ настолько заинтересоваться ею, что готовъ былъ жениться на ней, чѣмъ, конечно, возмутилъ бы всѣхъ своихъ барствующихъ родственниковъ. Анатолій Павловичъ, по своимъ взглядамъ, занимаетъ срединное положеніе между приверженцами барства и приверженцами крестьянства, но въ былое время явился бы завидной партіей для Фреды, послѣ же ея превращенія онъ для нея—ничто: она выходитъ замужъ за Хмарова, солидарна съ Мари Мирневской и вмѣстѣ съ ними будетъ „тянуться къ свѣту, солнцу, къ небу". Что касается до Мари Мирневской, то эта послѣдняя почти съ самаго начала повѣсти любитъ взаимно внука няни Алены Никаноровны, вышеупомянутаго механика Николая Осиповича, однако, несмотря на уговоры всѣхъ сочувствующихъ ей, не выходитъ за него замужъ, чтобы не тормозить жизнь Николая Осиповича осложненіями, къ числу которыхъ она относитъ свои нервы и будущихъ больныхъ, по всей вѣроятности,

дѣтей. Какъ бы то ни было, но „лоскъ жизни“, которымъ раньше такъ дорожила Фреда, и настоящая жизнь, открывшаяся ей послѣ сближенія съ Мари Мирневской, Хмаровымъ и прочими, не могутъ идти въ сравненіе. „Лоскъ жизни“ та же пустота и не болѣе какъ призракъ счастья, настоящая же жизнь предполагаетъ свѣтъ, просторъ, здоровый трудъ и прочее. Чтобы смѣнить „лоскъ жизни“ на настоящую жизнь, слѣдуетъ попасть въ деревню гдѣ „старыя сѣмена догниваютъ и гдѣ набираются соковъ ростки новые и жизненные“. Этимъ послѣднимъ соображеніемъ, конечно, руководится г-жа Барвенкова, потому что и эпиграфомъ для своей повѣсти она выбираетъ слѣдующіе стихи изъ Некрасова: „Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ душу вольную отдай. Человѣческимъ стремленіямъ въ ней проснуться не мѣшай“. Эту прекрасную мысль, не менѣе прекрасно выраженную Некрасовымъ, авторъ *Раздолья* затемнилъ и запуталъ до чрезвычайности, такъ что если читатель и понимаетъ тутъ что-нибудь, то только, какъ сказано выше, благодаря собственнымъ разъясненіямъ г-жи Барвенковой.

Во всякомъ случаѣ вовсе не стоило городить такой огромный огородъ. Разныя, конечно, бываютъ превращенія и перерожденія, но почему кажется г-жѣ Барвенковой характернымъ именно превращеніе Фреды. Зачѣмъ это превращеніе должно было совершиться при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя описываются въ *Раздольѣ*, и по какимъ причинамъ въ русской повѣсти, съ претензіями на русскую современность, фигурируетъ не то англичанка, не то нѣмка въ лицѣ героини? Прибавимъ, что повѣсть изобилуетъ не только массой ненужныхъ и томительно-скучныхъ страницъ, но и цѣлыхъ главъ, причемъ и дѣйствующія лица и самый ходъ событій обрисованы въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно неправдоподобно. Чтобы убѣдиться въ такомъ неправдоподобіи, достаточно всего двухъ-трехъ примѣровъ. Любопытно хотя бы, что Фреда еще въ періодъ увлеченія своего „лоскомъ жизни“ пишетъ письмо родственникамъ, въ которомъ такъ мѣтко, такъ полно и такъ ярко характеризуетъ окружающее ее положеніе вещей, что вызываетъ своей характеристикой полное недоумѣніе. Авторъ, очевидно, пускаетъ здѣсь въ ходъ извѣстный литературный пріемъ при помощи письма Фреды— онъ хочетъ установить ясный взглядъ на всѣхъ дѣйствующихъ въ повѣсти лицъ, и это, можетъ быть, ему и удается, но за то приходится удивляться, откуда у Фреды-то столько пониманія, наблюдательности, опыта и умѣнія быстро войти въ суть дѣла и къ чему же въ такомъ случаѣ ей понадобилось перерождаться. Замѣчательно далѣе, что та же самая Фреда не можетъ понять, что Мари Мирневская любитъ вовсе не Хмарова, а Николая Осиповича, и передъ такой ея ошибкой читателю снова представляется разводить руками и пожимать плечами, какъ передъ какимъ-то роковымъ заблужденіемъ. Непонятно и поведеніе Хмарова: нѣсколько разъ въ повѣсти г-жа Барвенкова все старательно подстраиваетъ къ тому, что вотъ вотъ Хмаровъ объяснится съ Фредой въ любви и ошибка Фреды устранится, но какъ только онъ соберется сдѣлать это, непремѣнно случится что-нибудь такое, что помѣшаетъ объясненію, и повѣсть опять тянется и тянется безконечно.

Итакъ, повѣсть г-жи Барвенковой оставляетъ желать многаго, но эпиграфъ ея остается прекраснымъ. Да, хорошо отдавать „душу вольную“ „жизни вольнымъ впечатлѣніямъ“, хорошо не мѣшать „человѣческимъ стремленіямъ“ проснуться въ этой душѣ“, но, къ сожалѣнію, это не всегда возможно, мало того: бываютъ даже такія положенія,

при которыхъ едва ли не лучше было бы, если бы „человѣческія стремленія“ вовсе не просыпались. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто прочтетъ повѣсть изъ жизни прокаженныхъ В. Сѣрошевскаго, подъ заглавіемъ *Предѣлъ скорби*, оконченную въ маѣ *Міра Божьяго*.

На дальнемъ сѣверѣ, въ царствѣ озеръ, есть мѣста, гдѣ царитъ „безпредѣльная печаль“, безпредѣльная скорбь, и одно изъ этихъ мѣстъ описывается въ повѣсти В. Сѣрошевскаго. Тутъ живетъ нѣсколько человѣкъ якутовъ прокаженныхъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, всѣми отверженныхъ и всѣми забытыхъ. Эти люди тоже мужья, жены, братья и сестры, среди нихъ есть и дѣти. Всѣмъ имъ хочется того же, что цѣнно и дорого человѣку вообще. Но имъ отказано во всемъ. Даже пища далеко не всегда дается имъ, такъ какъ ее зачастую забываютъ привезти имъ, и если они не сумѣютъ наловить себѣ достаточно рыбы въ теченіе краткаго лѣта въ своихъ озерахъ, то имъ приходится голодать или питаться примѣсью къ остаткамъ пищи „древесной заболони, стружекъ и обрѣзковъ кожи“; отправляться же на добычу къ незараженнымъ проказой людямъ они рискуютъ только въ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, потому что тѣ или въ ужасѣ бѣгутъ отъ нихъ, или же гонятъ ихъ, стрѣляютъ по нимъ и даже мѣста, гдѣ они садятся для отдыха на землю, выжигаютъ. Юрты, въ которыхъ ютятся прокаженные, сыры и холодны. А сердца ихъ все-таки бьются и трепещутъ, и имъ хочется и любить и надѣяться, они не лишены понятія о волѣ, о счастіи, о свѣтѣ. Между тѣмъ нѣтъ имъ не только счастья и свѣта, но просто покою. Мало того: мѣсто, гдѣ живутъ прокаженные, служитъ мѣстомъ ссылки. Сюда, какъ разсказываетъ въ своей повѣсти В. Сѣрошевскій, сослана была одна изъ женщинъ якутокъ—Мергень, совершенно здоровая, но виноватая только тѣмъ, что у нея не было дѣтей. Мужъ Мергень, опасавшійся, что безъ дѣтей онъ останется „точно пень безъ вѣтвей, точно обгорѣлый столбъ“, отвезъ жену къ прокаженнымъ, откуда для человѣка нѣтъ уже возврата къ жизни, и благодаря этому женился на другой. Мергень, такимъ образомъ, очутилась, по ея выраженію „въ живомъ гробу, и одаренная, на горе себѣ, довольно богатой и страстной натурой, является бичомъ для себя и для другихъ. Въ юртѣ, гдѣ помѣстилась она, жили больные старикъ со старухой, не старый еще, но уже совсѣмъ больной якутъ, прозванный за свою медленную рѣчь и неуклюжія движенія „Теченіемъ“, другой якутъ Грегорей, почти еще здоровый, хотя уже зараженный, и дѣвочка Бытерхай. Въ любви къ Грегорею, также дарившему ее своимъ вниманіемъ, Мергень нашла нѣкоторое утѣшеніе и кое-какъ мирилась съ своей новой жизнью, хотя окружающимъ въ минуты ея вспышекъ приходилось далеко не легко: вспышки эти были слишкомъ неудержимы. Отъ Грегорея Мергень даже ждетъ себѣ ребенка, какъ вдругъ въ юрту приходитъ совершенно неожиданно новое лицо, жена Грегорея—Анка. Эта послѣдняя вполнѣ здорова, но частію изъ любви къ мужу, частію же благодаря тяжелой жизни безъ мужа, полной гоненій, насмѣшекъ и мученій, рѣшилась раздѣлить участь Грегорея. Анка, такимъ образомъ, совершаетъ какъ бы геройскій поступокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поселяетъ среди прокаженныхъ великую смуту. Мергень, съ приходомъ Анки, лишается своего послѣдняго утѣшенія—Грегорея, въ ней просыпается ревность, и она не можетъ выносить рядомъ съ собой жены Грегорея. Ее душитъ злоба и мало-помалу ею овладѣваетъ чувство мести за себя. Только когда у нея родился ребенокъ отъ Грегорея, для нея выпадаетъ минута просвѣтленія,

и она горько жалуется Анкѣ же на свою безпріютность. Но такая минута больше не повторяется. Напротивъ того, съ каждымъ днемъ все больше неистовствуетъ и ругается Мергень и, наконецъ, послѣ смерти ребенка и вовсе изчезаетъ изъ юрты, чтобы поселиться на крошечномъ островкѣ большого озера и оттуда изливать на прокаженныхъ всю силу своей мести. Она воруетъ сѣти для рыбной ловли у прокаженныхъ, портитъ у нихъ всѣ снаряды для той же ловли, крадетъ и рыбу, а когда мужчины вздумали было пробраться къ ней, чтобы отнять у ней лодку, она пустила въ нихъ стрѣлу,—для нея однимъ словомъ не было другихъ названій у прокаженныхъ, кромѣ „вѣдьмы" и „людоѣдки". Однажды она попробовала было переманить къ себѣ Грегорея, котораго не переставала любить, и всячески стала соблазнять его, но тотъ устоялъ противъ соблазновъ; зато черезъ нѣкоторое время къ Мергени изчезъ изъ юрты „Теченіе". Случилось однако, что въ особенно ненастную погоду съ „урасы", т.-е. жилища Мергени съ „Теченіемъ" на островкѣ, совсѣмъ смыло глину, и они должны были искать себѣ пріюта въ юртѣ у прокаженныхъ. Домъ во всей якутской землѣ есть собственность всѣхъ тѣхъ, кто нуждается въ убѣжищѣ, и потому никто не возражалъ противъ новаго появленія Мергени въ юртѣ, впрочемъ сопротивляться было бы и опасно: Мергень все еще была сильнѣе всѣхъ прокаженныхъ. Вмѣстѣ съ Мергень въ юртѣ воцарилась „угрюмая мрачность", а сама „вѣдьма" злобствовала па все и при всякомъ удобномъ случаѣ. Наконецъ, наступила и страшная развязка. Надо сказать, что Анка въ періодъ отсутствія Мергени ходила съ дѣвочкой Бытерхой къ „людямъ", т.-е. непрокаженнымъ якутамъ, разжалобила ихъ и тѣ не только выдали для прокаженныхъ запасъ пищи, но отдали также и принадлежащую нѣкогда Анкѣ корову. Мергень во время одного изъ приступовъ бѣшенства предложила совсѣмъ выбросить корову вонъ изъ юрты, а это повело къ постройкѣ новой небольшой юрты, гдѣ помѣщались теперь вмѣстѣ съ коровой Грегорей съ Анкой. Такъ какъ въ этой маленькой юртенкѣ было гораздо веселѣе, благодаря отсутствію въ ней Мергени, то туда собирались всѣ прокаженные, и Мергень оставалась въ полномъ одиночествѣ и ея мученіямъ не было тогда конца. Разъ, когда „Теченіе" разсказывалъ тамъ сказку, а Грегорей запѣлъ ту самую любовную и милую пѣсню, которую онъ въ былое время пѣлъ Мергени, чаша страданій Мергени переполнилась, и въ эту ночь, подъ наплывомъ воспоминаній о прежнихъ радостяхъ съ Грегореемъ и отъ представленія того, какъ наслаждается теперь вблизи Грегорея Анка, жизнь показалась ей настоящимъ адомъ. Она оставила свою постель и въ полномъ изступленіи съ помощью сѣна подожгла обѣ юрты. Всѣ сгорѣли, не убереглась и Мергень, и уцѣлѣла только дѣвочка Бытерхай да старуха. Послѣдняя отъ испугу умерла черезъ нѣсколько дней, а Бытерхай, оставшись одинокой и безпомощной, досталась въ лапы медвѣдю. Такимъ образомъ, „на томъ мѣстѣ, гдѣ жили прокаженные, остались только двѣ обгорѣлыя площади, куча пожарнаго мусора и немного скотскихъ и человѣческихъ костей".

Такъ жили и умерли нѣсколько прокаженныхъ. В. Сѣрошевскій причину ихъ ужасныхъ страданій, т.-е. проказу, называетъ „плѣсенью жизни" и съ горечью замѣчаетъ, что эта „плѣсень жизни не была убита вмѣстѣ съ послѣдними ея жертвами и вновь явится гдѣ-нибудь на тѣлахъ, способныхъ страдать", причемъ опять „заселятся и застонутъ проклятыя пустыни". Какая же жестокая насмѣшка скрывается въ „плѣсени жизни" надъ живыми людьми, которые обладали „человѣче-

скими стремленіями", могли бы обнаружить „вольную душу" и наряду со всѣми прочими людьми имѣли полное право на „вольныя впечатлѣнія" жизни. Разумѣется, „плѣсень жизни" можно лѣчить, но кажется невозможно пока вылѣчить и стало быть человѣческія существа, случайно подпавшіе подъ власть этой плѣсени, обречены на существованіе, равносильное дѣйствительно существованію въ аду, какъ и думаетъ Мергень. Злобствующая Мергень, безотвѣтная Анка, непорочная дѣвочка Бытерхай—за что мучаются, терпятъ и страдаютъ всѣ онѣ? Вѣдь и Мергень, какъ ни много зла принесла она окружающимъ, въ сущности безъ вины виновата или виновата только тѣмъ, что даровитѣе, живѣе и ненасытнѣе другихъ, вслѣдствіе чего душа ея особенно способна быть „вольной" и чуткой къ „человѣческимъ" стремленіямъ; что же касается Анки, то она, какъ сказано, была жертвой собственнаго добросердечія и безпріютности, а дѣвочка Бытерхай, родившаяся среди прокаженныхъ, прямо-таки производитъ трогательное впечатлѣніе своей невинностью и чистотой. Мучениками являются и Грегорей съ „Теченіемъ": зла въ нихъ нѣтъ никакого, а между тѣмъ, какъ ни безпросвѣтно ихъ будущее, они если и ропщутъ, то только тогда, когда раны и боль въ костяхъ заявляютъ о себѣ слишкомъ громко. Можетъ быть, будь всѣ эти Мергени, Анки, Грегореи и проч. цивилизованнѣе и просвѣщеннѣе, они уберeглись бы какъ-нибудь отъ проказы, но вѣдь другіе якуты, при томъ же уровнѣ просвѣщенія остаются невредимыми, стало быть жестокость судьбы прокаженныхъ очевидна сама собой. Во всякомъ случаѣ жестокость эта у В. Сѣрошевскаго изображена съ рѣдкимъ талантомъ: читатель не только видитъ передъ собой совершенно живыми всѣхъ этихъ прокаженныхъ, но и живетъ во время чтенія повѣсти *Предѣлъ скорби* обрисованною здѣсь жизнью, а послѣ чтенія ему не можетъ не прійти въ голову мысль, что бываютъ на свѣтѣ такія безысходныя положенія, при которыхъ нѣтъ мѣста какимъ бы то ни было „вольнымъ впечатлѣніямъ" и проявленіямъ „вольной души".

Само собою разумѣется, что изреченія вродѣ некрасовскаго, которое поставлено г-жей Барвенковой въ видѣ эпиграфа, сохраняетъ все-таки свое глубокое значеніе, и если повѣсть изъ жизни прокаженныхъ противорѣчитъ до нѣкоторой степени ему, то не является же за то она, такъ сказать, общимъ правиломъ. Совершенно напротивъ: истины, подобныя той, которая взята у Некрасова, заслуживаютъ вниманія, конечно, бо̀льшаго, чѣмъ истины примитивныя, а вѣдь и эти послѣднія служатъ отъ поры до времени темами для беллетристическихъ произведеній. Къ разсказамъ именно на такіе темы принадлежатъ разсказы *На порогѣ жизни* г. Ольнемъ и *Снѣгурочка* г. Елпатьевскаго въ апрѣльской книгѣ *Русскаго Богатства*. Первый описаніемъ эпизода, послужившаго причиной самой искренней дружбы между двумя подругами, имѣетъ въ виду доказать, что „не умретъ, не исчезнетъ безслѣдно все юное и хорошее, потому что юность такъ же безконечна, какъ и жизнь; второй—передаетъ силу любви *Снѣгурочки* къ родинѣ, т.-е. Сибири: *Снѣгурочка*, или нѣкая Евфросинія Степановна, такъ любила свою родную Сибирь, что способна была въ буранъ и непогоду по-долгу сидѣть въ тайгѣ и прислушиваться, что происходитъ кругомъ, а когда умирала, то взяла съ своей дочери клятву, что та „вернется въ Сибирь, гдѣ бы ни училась, и останется и будетъ работать въ ней".

Отъ разсужденія объ истинахъ хотя бы самаго примитивнаго свойства, конечно, довольно рѣзокъ переходъ къ хитро и ходульно выду-

манному произведенію, но такое произведеніе можетъ въ извѣстной мѣрѣ оттѣнить всѣ тѣ же истины, а потому немедленное разсмотрѣніе закончившагося въ апрѣлѣ *Русскаго Вѣстника* романа кн. Голицына (Муравлина) *Вавилоняне* слѣдуетъ считать вполнѣ естественнымъ. Для этого разсмотрѣнія существуютъ, впрочемъ, и другія основанія: во-первыхъ, кн. Голицынъ (Муравлинъ) когда-то былъ признанъ за даровитаго писателя, во вторыхъ, его романъ *Вавилоняне* представляетъ собой крупное произведеніе текущаго года въ такомъ толстомъ журналѣ, каковъ *Русскій Вѣстникъ*, въ-третьихъ, наконецъ, подобныхъ романовъ появляется достаточно много на нашемъ литературномъ рынкѣ. Прежде всего о *Вавилонянахъ* можно было бы выразиться словами Фамусова: „Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана". Начало романа имѣетъ отношеніе къ Черногоріи, куда попало одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ *Вавилонянахъ*—Зволынцевъ, увлекающійся славянофильскими идеями, восхищающійся Черногоріей и утверждающій, что эта страна „всегда жертвовала для Россіи". Но да не подумаетъ читатель, что Черногорія или славянофильскія идеи, о забвеніи которыхъ въ началѣ романа такъ сожалѣетъ Зволынцевъ, и составляютъ главный предметъ произведенія кн. Голицына. Правда, о славянофильствѣ здѣсь иногда заходитъ рѣчь, правда, въ романѣ есть и убѣжденный славянофилъ Вересковъ, пострадавшій за свое славянофильство изъ-за сына знаменитаго славянофильскаго писателя Арнаутова, котораго тотъ пригласилъ было къ себѣ жить безвозмездно, но который оказался пьяницей и кутилой, правда, наконецъ, авторъ все содержаніе романа хлопочетъ свести къ тому же славянофильству и славянофильствомъ, какъ увидимъ ниже, объясняетъ самое заглавіе произведенія; однако все-таки славянофильство только предлогъ, только плохо сдѣланная рамка, на самомъ же дѣлѣ кн. Голицынъ занятъ всѣмъ, кромѣ славянофильства.

Не стѣсняя себя правдоподобіемъ изображенія, авторъ переполняетъ свой романъ всякими „страхами" и, повидимому, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду подѣйствовать на воображеніе читателя и возбудить въ немъ сильныя ощущенія, причемъ не забываетъ однако, что не слѣдуетъ лить черезъ край, вслѣдствіе чего въ концѣ романа все приводится къ желанной „справедливости" и благополучію. Въ романѣ параллельно идутъ двѣ интриги: съ одной стороны, описываются всѣ тревожныя и мятежныя перипетіи незаконной любви и связи Александра Петровича Зволынцева и жены директора банка Ольги Васильевны Шарановой, съ другой, изображается злодѣйское покушеніе чиновника Бориса Адамовича Миновера овладѣть кассой милліонерши Олимпіады Павловны Зволынцевой, тетки Александра Петровича, при помощи ея воспитанницы Ани. Какъ случилось, что Зволынцевъ полюбилъ Шаранову, объ этомъ, вѣроятно, не могъ догадаться ни одинъ читатель; кн. Голицынъ просто заставляетъ вспомнить того и другую, что они когда-то танцовали на балу мазурку, и эта мазурка была первою бальною мазуркой для Шарановой. Тѣмъ не менѣе танцовавшіе въ свое время мазурку полюбили другъ друга, а полюбивъ, кромѣ наслажденій, должны испытать и всѣ муки незаконной любви; обоимъ необходимо скрывать свою связь отъ мужа, обоимъ приходитъ въ голову по временамъ, что необходимо Ольгѣ Васильевнѣ искать развода, Шарановой, сверхъ того, очень жаль своего законнаго сына, а Зволынцевъ боится сплетенъ. Любовь ихъ остается однако страстной, горячей, безумной и читателю предоставляется слѣдить за развитіемъ и ослож-

неніями этой любви съ замираніемъ сердца; но кн. Голицынъ, какъ сказано, знаетъ чувство мѣры и въ самую патетическую минуту спѣшитъ ослабить натянутыя струны. Пріятель славянофильскаго сына Арнаутова, Прохуровъ является къ Зволынцеву и требуетъ у того 10 тысячъ рублей, угрожая, если Зволынцевъ не дастъ денегъ, довести объ его связи съ Ольгой Васильевной до свѣдѣнія ея мужа. Зволынцевъ съ негодованіемъ выгоняетъ вонъ Прохурова, а этотъ послѣдній дѣйствительно сообщаетъ Шаранову объ отношеніяхъ его жены къ Зволынцеву. Читатель трепещетъ: что-то будетъ, но по милостивой волѣ кн. Голицына, Ольга Васильевна раскаивается, получаетъ прощеніе у мужа, любовь ея мгновенно превращается въ презрѣніе, она стыдитъ Зволынцева, а Зволынцевъ вспоминаетъ о своей любви, какъ о чемъ-то давно прошедшемъ. Все кончается, однимъ словомъ, торжествомъ добродѣтели и позоромъ порока. Не менѣе посрамленъ и другой порокъ въ лицѣ Мановера. Само собой разумѣется, что Мановеръ, будучи негодяемъ, долженъ быть евреемъ и евреемъ истымъ со всѣми традиціонными свойствами, отличающими ненавистную кн. Голицыну націю. Какъ истый еврей, Мановеръ долженъ обнаружить безпримѣрную алчность къ деньгамъ: онъ ее и обнаруживаетъ. Тонко обдумавъ положеніе вещей, онъ поселяется въ домѣ милліонерши Зволынцевой, овладѣваетъ до нѣкоторой степени ея довѣріемъ, внушаетъ опять страстную любовь къ себѣ воспитанницы Зволынцевой Анѣ, дѣлаетъ ее своей сообщницей и вѣрными шагами все ближе и ближе подходитъ къ кассѣ милліонерши. У читателя снова, пожалуй, могутъ стать волосы дыбомъ на головѣ, но кн. Голицынъ опять выручаетъ: когда все было подстроено, чтобы, чуть только Зволынцева уѣдетъ по дѣламъ, захватить ея деньги и вмѣстѣ съ Аней скрыться куда-нибудь въ чужія страны, Аня, что называется, ни съ того ни съ сего называетъ Мановера воромъ и гонитъ его вонъ изъ дому, заявляя, что если онъ не уйдетъ, она сейчасъ разскажетъ обо всемъ Зволынцевой. Вѣдь извѣстно, что непостижимыя иной разъ дѣла творятся на землѣ, и кн. Голицынъ, очевидно, твердо помнитъ объ этомъ.

Является однако вопросъ: почему же романъ названъ *Вавилонянами*, и какое отношеніе къ такому названію имѣютъ преступная любовь Зволынцева съ Шарановой и преступное же поведеніе Мановера? На первую часть этого вопроса отвѣчаетъ кн. Голицынъ устами Зволынцева. „Мы,—говоритъ онъ одному черногорцу,—вавилоняне, безсмысленно толпящіеся у недостроенной башни. Я самъ въ этомъ отношеніи не лучше другихъ. Когда вы сюда вошли, я вспомнилъ все то, что зародилось въ душѣ моей въ бытность мою въ Черногоріи, и я вижу, какъ все это было мною забыто. Мы здѣсь живемъ, смѣемся, волнуемся, тоскуемъ, видимъ только себя, потому что забываемъ о васъ. Мы велики и сильны, у насъ имѣются великіе интересы. Вы малочисленны и почти безчисленны, а у васъ великія страданія. И я только тогда и чувствовалъ себя дѣйствительно живущимъ, когда былъ среди васъ, когда слышалъ ваши рѣчи...“ Выходитъ какъ будто, что всякій русскій, который занимается или воровствомъ, или преступною любовью, или еще чѣмъ-нибудь въ томъ же родѣ, занимается всѣмъ этимъ только на томъ основаніи, что онъ не помнитъ своего настоящаго дѣла въ Черногоріи. Нельзя не признаться, что подобный выводъ можно назвать достаточно неожиданнымъ, а между тѣмъ изъ романа кн. Голицына ничего другого извлечь рѣшительно невозможно объ отношеніи поведенія Зволынцева и Мановера къ заглавію *Вавилоняне*. Если Зво-

лынцевъ и признается тому же черногорцу, что онъ, какъ и всѣ петербуржцы „очень испорченъ“, а ниже приходитъ къ заключенію, что его любовь къ Шарановой тоже „недостроенная башня“, то въ чемъ таится смыслъ этого признанія и этого заключенія, сказать чрезвычайно мудрено. Или, можетъ быть, кн. Голицынъ хотѣлъ доказать своимъ произведеніемъ, что мы подчасъ потому и ведемъ себя дурно, что не можемъ „достроить башни“, т.-е. задаемся несбыточными цѣлями? Возможно, все возможно въ романахъ, подобныхъ *Вавилонянамъ*, но нѣтъ ничего несомнѣннаго. Несомнѣнно впрочемъ то, что такихъ романовъ у насъ много, что все нагороженное и нагроможденное въ нихъ очень далеко отъ какой бы то ни было истины и среди другихъ беллетристическихъ произведеній они являются въ своемъ родѣ *вавилонскимъ столпотвореніемъ*.

Въ майской книгѣ *Вѣстника Европы* обращаютъ на себя вниманіе *Очерки изъ далекаго прошлаго* г. Н. Крылова. Это прошлое—канунъ освобожденія крестьянъ; авторъ, какъ видно изъ его *очерковъ*, сознательный наблюдатель того, что происходило въ русской жизни и обществѣ не задолго до великаго событія освобожденія. Запасъ его наблюденій чрезвычайно обширенъ, и факты, которые передаетъ онъ изъ этого запаса, крайне цѣнны, а кромѣ того и не лишены самаго широкаго, чисто беллетристическаго интереса, такъ какъ въ нихъ много прямо комическаго, на что уже не разъ указывали за послѣдній мѣсяцъ ежедневныя газеты и журналы. Любопытно и то общее замѣчаніе г. Н. Крылова, которое онъ дѣлаетъ въ концѣ своей статьи. „Разъединенность общества,—говоритъ онъ здѣсь,—„моя хата съ краю“ до такой степени была тогда въ модѣ, что даже про явныхъ уголовныхъ преступленіяхъ и хорошіе помѣщики не рѣшались вступаться за крестьянъ противъ своихъ сосѣдей. Но, можетъ быть, даже эта самая дряблость, бездушность и безхарактерность цѣлаго сословія и понудила не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, ибо лучше начать освобожденіе сверху, чѣмъ дожидаться, что оно само начнется снизу“.

„Дѣтское Чтеніе“ 1900 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5. „Родникъ“, №№ 1, 2, 3, 4. „Дѣтскій Отдыхъ“, №№ 1, 2, 3. Въ пяти книжкахъ *Дѣтскаго Чтенія* напечатаны: Повѣсть К. С. Баранцевича „Къ свѣту!“ Разсказы: Д. Н. Мамина-Сибиряка „Сумасшедшій звонарь“, „Неудача“, „Странный человѣкъ“; Марко Вовчка „Воришка“; Ѳ. Ѳ. Тищенка „Три гербовыя марки“; К. Д. Носилова „Зося“; В. М. Лаврова „Бѣдный мальчикъ“; П. А. Левицкаго „Въ сочельникъ“, „Выручила“; В. А. Мордовцевой „Братъ и сестра“; Е. И. Муратовой „Къ мамкѣ“; С. В. Зенченка „Пожертвованіе“; О. Р. „Свѣтлый день“. Миніатюры: В. М. Сысоева „Ледяное поле“, „Утесъ“; І. Любича-Кашурова „Остапъ и Марко“, „Фея пана Кострики“; К. Максимова „Конка“; В. А. Вагнера „Ландышъ и Орхидея“. Переводы—повѣсть „Маленькая королева“ съ англійскаго, „Подарки Тессы“, „На своемъ посту“ съ нѣмецкаго. Стихотворенія: В. П. Авенаріуса, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, А. В. Круглова, Л. М. Медвѣдева, Е. Е. Нечаева, В. К. Ракитина, И. А. Бѣлоусова. Изъ этого подробнаго перечня содержанія перваго отдѣла *Дѣтскаго Чтенія* видно, насколько разнообразны эти книжки. Въ нихъ преобладаетъ оригинальная беллетристика не только численностью матеріала, но и своей внутренней содержательностью, и художественной обработкой выведенныхъ и обрисованныхъ персонажей, характеровъ и типовъ, не только у такихъ талантливыхъ авторовъ, какъ Маминъ-Сибирякъ, Марко Вовчекъ, Баранцевичъ, въ выше названныхъ ихъ разска-

захъ, но и у нѣкоторыхъ упомянутыхъ молодыхъ, начинающихъ писателей, изъ произведеній которыхъ выдаются своей трогательностью по содержанію: „Три гербовыя марки“, „Къ мамкѣ“, „Въ сочельникъ“, „Выручила“, „Братъ и сестра“. Разсказъ „Бѣдный мальчикъ“ выдѣляется по своей цѣлостности настроенія, мягкости мотива, теплотѣ, искренности и задушевности тона. Изъ миніатюръ выдаются и трогаютъ сердце читателя: „Остапъ и Марко“, „Фея пана Кострики“. Изъ переводныхъ произведеній сильно захватываетъ повѣсть „Маленькая королева“. Это выдающееся произведеніе по мысли, по направленію, гдѣ выводится королева-ребенокъ сознавшая рано все тяжелое, отвѣтственное положеніе правительницы и глубоко страдающая отъ борьбы партій ея двора и отъ войнъ, которыя всею силою своей впечатлительной души она стремится прекратить. Второй отдѣлъ обиленъ хорошимъ историческимъ матеріаломъ, тутъ вы встрѣчаете разсказы изъ русской исторіи: „Начало удѣловъ на Руси“ М. Н. Ремезова, а также яркія, историческія картинки изъ жизни народа временъ царей, Д. Д. Солодовникова „Про удалого скомороха Василія Тропу“ и „Недоѣда“; А. А. Ѳедорова-Давыдова „Грозный царь Иванъ Васильевичъ“ народныя пѣсни, сказки и былины въ стихахъ. Къ историческому отдѣлу относятся поучительныя статьи, по своему содержанію вполнѣ доступныя и занимательныя по изложенію „Дѣти каменнаго вѣка“, Д. А. Коропчевскаго „Испанцы въ странѣ золота“; М. Н. Каваленскаго „Огонь просвѣтитель“,—изъ серіи историческихъ разсказовъ, составленныхъ историческимъ обществомъ при Императорскомъ московскомъ университетѣ, подъ редакціей проф. В. И. Герье. По географіи обстоятельная статья въ простомъ изложеніи „Разсказы о подземномъ огнѣ“ Н. А. Рубакина, съ массою рисунковъ огнедышащихъ горъ и ихъ изверженій. По естественному отдѣлу прекрасныя статьи проф. В. А. Вагнера „Въ чужомъ домѣ“, „Личиночные органы и повадки“, біологическій экскизъ „Общественная жизнь подъ микроскопомъ и невидимые друзья и враги человѣчества“ д-ра медиц. Н. Пясковскаго. Затѣмъ идетъ рядъ біографическихъ очерковъ, хорошо и занимательно обработанныхъ, это „Дѣтство и юность В. А. Жуковскаго“ Б. Б. Глинскаго; „Чарльзъ Диккенсъ“ Д. А. Алферова; „Д. В. Григоровичъ“, „К. П Брюловъ“ Л. М. Довольно занимательно обрисованы въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ поэты „А. М. Жемчужниковъ“, „Е. А. Баратынскій“, „И. З. Суриковъ“ W., гдѣ сжато представлена характеристика этихъ поэтовъ и сообщены біографическія данныя. Очень поэтична и глубоко содержательна грузинская легенда „Ардашъ и Элизбаръ“ А. Д. Солодовникова, по греческой миѳологіи хорошая статья „Персей“ Кингслея, переводъ съ англійск. Л. П. Никифорова, интересны также „Сказки сѣверо-американскихъ индѣйцевъ“, изъ сборника Кнорца, въ пересказѣ Д. А. Коропчевскаго. По исторіи русской литературы любопытна статья „Сатирическій журналъ XVIII вѣка“ В. П. Авенаріуса. Очень разнообразенъ отдѣлъ мелочей подъ заглавіемъ: „Странички изъ исторіи, литературы и жизни“, куда вошли: „Георгъ Вашингтонъ“, „Императоръ Александръ II за плугомъ“, „Взятіе въ плѣнъ Шамиля“, „Царское багренье на Уралѣ“, „Зимній Никола“, „Богатый вечеръ“, „Мартъ мѣсяцъ въ простонародныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ“, Всѣмъ праздникамъ Праздникъ“. Въ отдѣлѣ „По бѣлу свѣту“ встрѣчаемъ интересное описаніе изъ личныхъ воспоминаній авторовъ „Сицилія“ Е. Т., „На дальнемъ востокѣ“ С. Бродовича. Отдѣлъ „Смѣхъ не грѣхъ“ представляетъ рядъ народныхъ сказовъ, шутокъ, загадокъ, басенъ, живыхъ сценокъ, картинокъ въ стихахъ и прозѣ;

тутъ легкій, доступный дѣтямъ юморъ можетъ оживлять читателей, наводить ихъ на раздумье и давать имъ возможность посмѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ смѣяться не грѣшно. Дѣти, перечитывая эти книжки журнала, должны почувствовать, что на нихъ вѣетъ русской простотой, жизнью, искренностью, что онѣ возбуждаютъ ихъ любознательность въ доступной ихъ пониманію формѣ, даютъ уму ихъ много знанія, пробуждаютъ въ сердцѣ любовь ко всему родному, русскому, къ состраданію и добрымъ чувствамъ, безъ всякой, несвойственной русскому человѣку наигранной сантиментальности. Короче скажемъ словами нашего геніальнаго поэта: „здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!“ И все это далеко отъ того, что отзывается „кваснымъ патріотизмомъ“.

Въ составъ четырехъ книжекъ журнала *Родникъ* входятъ: „Сынъ атамана“, повѣсть изъ быта запорожцевъ, В. Авенаріуса; „Похожденіе одного матроса“, подлинная исторія, ч. II, К. М. Станюковича. Правдивые разсказы: I) „Синичка“, II) „Ѳедька и я“, III) „Кегли и булочникъ“ Л. Л. Толстого-сына; „На Кавказѣ“, въ гостяхъ у горцевъ и казаковъ, Н. Каракаша, „Разсказы стараго рыбака“ Ростислава Маркова. Сказки: „Про живую голову въ сундучкѣ“, „Про Гуссейна и чудесное зеркало“ В. Живаго. „Абрсхилъ“ абхазская легенда К. Горбунова. Стихотворенія: „Нищій“ К. Горбунова; „Колосья бѣдныхъ“ Н. Новича. „Мальчикъ тетушки Ребеки“ съ англ., „На свѣжемъ воздухѣ“ изъ разсказовъ Эдена Филпотъ, десять названій оригинальныхъ произведеній, два стихотворенія и два переводныхъ произведенія, количествомъ не обильно, но изъ нихъ двѣ выдающихся повѣсти старыхъ, опытныхъ и талантливыхъ писателей. „Похожденіе одного матроса“ шло весь прошлый годъ, идетъ теперь уже второй годъ, написана эта повѣсть съ тѣми же достоинствами, съ той же словоохотливостью стараго мариниста, какими обладаетъ этотъ авторъ. „Сынъ атамана“, повѣсть законченная въ этихъ книжкахъ. Фабула ея взята изъ временъ перваго самозванца. Содержаніе ея не сложно: молодой князь Михаилъ Курбскій, сынъ извѣстнаго Андрея Курбскаго, ѣдетъ посланцемъ отъ мнимаго царевича къ запорожскимъ казакамъ, чтобы поднять ихъ на Московію, съ нимъ преданный казакъ Данило, бывшій запорожецъ изъ Старой сѣчи. Конь князя, степной аргамакъ, въ пути вывихнулъ ногу (внѣшняя и случайная беллетристическая постройка для развитія фабулы въ дальнѣйшемъ ея теченіи). Данило направляетъ князя къ ночи въ извѣстный ему монастырь, гдѣ братія изъ бывшихъ казаковъ; тутъ онъ встрѣчается съ типичнымъ игуменомъ Серапіономъ, когда-то пушкаремъ служившимъ при отцѣ Курбскаго и взорвавшимъ по приказанію своего героя начальника казанскія стѣны (новая случайность); тутъ же оказывается и тринадцатилѣтняя дѣвочка Груша, дочь казацкаго атамана Самойлы Кошки, переодѣтая мальчикомъ; она направляется къ отцу въ Сѣчь, куда не допускаются женщины и дѣвушки, почему, видите ли, и пришлось прибѣгнуть къ этому маскараду, съ внѣшней стороны; внутренняя же сторона этого переодѣванья нужна здѣсь для романтизма, для любви потомъ этой тринадцатилѣтней дѣвочки (какъ-то, кажется, немного рано) и молодого князя, который затѣмъ окажется женатымъ. Здѣсь фигурируютъ при переѣздѣ героевъ повѣсти Днѣпровскими порогами: гайдамаки, изображенные въ видѣ морскихъ бандитовъ, здѣсь и картинное описаніе Сѣчи, жизнь тамъ казаковъ, выборъ новаго атамана, открытіе тайны дѣвочки-мальчика, волненіе отъ того всей Сѣчи, приговоръ всѣхъ виновныхъ и бывшаго атамана Самойлы Кошки, молодого князя, слуги его Данилы и Груши къ смертной казни. Все

кончается, какъ и надо было ожидать отъ подобныхъ работъ, благополучно, всѣ остаются живы и невредимы. Бывшiй атаманъ Самойло Кошка уходитъ изъ Сѣчи на покой съ дочерью, съ нимъ уѣзжаетъ молодой казакъ-проводникъ, который, какъ говорится „въ одночасье", полюбилъ Грушу, изъ-за нея бросаетъ Сѣчь и черезъ два года женится на ней. Князь Курбскiй ведетъ казаковъ къ самозванцу. Изворотливый Данило спасается отъ казни тѣмъ, что уходитъ въ монахи къ игумену Серапiону. Повѣсть написана живо, но очень напоминаетъ французскую манеру письма съ разными заманчивыми перипетiями, приключенiями, той фатомарганой, гдѣ много миражнаго, что завлекаетъ читателя, но не даетъ ему глубокаго содержанiя, мало касается исторiи и далеко не освѣщаетъ историческихъ явленiй. Вмѣстѣ съ тѣмъ и у этого опытнаго писателя, по какой-то странной случайности, вкралось въ его произведенiе много небрежности въ языкѣ какъ въ отдѣльныхъ выраженiяхъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи и мѣстами довольно странной образности, наприм.: „на врага *перъ*", „*окаракую*" (стр. 5), „*грянулъ*, т.-е. сказалъ въ лицо настоятелю", „*окинулъ изъ своихъ глазъ* взглядомъ (стр. 12 и 14), „*зааминилъ* (!)", „*безбородыя* губы" (стр. 131), „*густой* храмъ" (стр. 142), „*я трясусь за тобой, какъ хвостъ за бараномъ*" (стр. 145) и т. д., красотъ подобныхъ въ повѣсти разсѣяно не мало. Разсказы „Синичка", „Ѳедька и я", „Кегли и булочникъ" написаны съ цѣлью назиданiя читателей: 1) не слѣдуетъ ловить птицъ; 2) не слѣдуетъ дружиться съ плохими товарищами, которые могутъ научить звонить безъ нужды къ сосѣдямъ, за что городовой можетъ забрать въ участокъ, или привести за шиворотъ къ родителямъ; 3) не слѣдуетъ играть страстно въ азартныя игры и выигрывать у бѣдныхъ семейныхъ людей послѣднiй рубль, необходимый имъ на хлѣбъ; а въ концѣ-концовъ стремленiе къ добродѣтели, побуждающее героя умышленно проиграть обратно выигранныя деньги. Конечно, все это назидательно, правдиво съ этической стороны, но не художественно, натянуто и не интересно для читателя. Авторъ этихъ произведенiй Л. Толстой, сынъ генiальнаго писателя, видимо, не лишенъ дарованiя, но лишенъ того великаго дара творческой художественной мѣры, обаятельной правды жизни, которыя захватываютъ въ великихъ произведенiяхъ его отца. Въ стремленiи Толстого-сына къ морализацiи и внѣшнемъ пониманiи этическихъ началъ, проводимыхъ въ жизнь его отцомъ,—начала эти являются жалкими шаблонами, ходячей прописной моралью, скучной, однообразной, никогда никого не научившей ничему доброму. Нельзя ни на минуту забывать, что только для истиннаго, проникновеннаго художника всѣ темы, всѣ фабулы хороши, и онъ можетъ за нихъ браться властною рукою; писатель же, лишенный этого высокаго дара, долженъ быть особенно остороженъ въ обращенiи съ темами обыденной морали, ибо онъ помимо своей воли можетъ принести вредъ,—не привлечь, а оттолкнуть отъ хорошей мысли неумѣлымъ, неискуснымъ ея освѣщенiемъ и разными натяжками въ обобщенiи: не всякому дано научить и расположить сердце къ доброму; не всегда приводятъ къ тому и хорошiя намѣренiя, которыми, какъ говорили когда-то, „весь адъ вымощенъ". Сказки—„Про живую голову въ сундукѣ" и „Про Гуссейна и про чудесное зеркало",—обѣ мало интересны, первая очень шаблонна и избита по содержанiю, это о трехъ братьяхъ, двухъ старшихъ—жадныхъ и третьемъ—добромъ; послѣднiй и побѣждаетъ зло—семиглаваго медвѣдя и царя-златолюбца, доставляетъ благополучiе другимъ, достигаетъ своего личнаго счастiя. Вторая сказка—по темѣ болѣе содержательна и проще

по изложенію, шире и выше по мысли. Мораль ея: заботы прежде всего о ближнихъ, гдѣ проводится, что свѣтъ очей человѣческихъ дастъ больше счастья, чѣмъ всѣ блага земныя, и что насиліе и жадность получаютъ наказаніе. „Абрсхилъ"—поэтическая абхазская легенда, гдѣ изображенъ богатырь, герой Абхазіи, доставляющій счастье, радости и богатства своей странѣ, который въ концѣ-концовъ наказанъ Богомъ за гордыню и самомнѣніе; онъ какъ Прометей прикованъ цѣпями въ темной пещерѣ, гдѣ вѣчно и страдаетъ, какъ нераскаянный грѣшникъ, а съ нимъ вмѣстѣ страдаетъ и вся страна его. „На Кавказѣ"—этнографическій очеркъ, гдѣ рисуется, въ беллетристической формѣ, жизнь, нравы и обычаи горцевъ; изложенъ онъ очень живо, жаль только, что мѣстами страдаетъ неправильностями русской рѣчи. Стихотвореніе: „Нищій" очень трогательно по мысли: нищій опускаетъ принятое подаяніе въ кружку „для слѣпыхъ", оно мягко выдержано и по тону стиховъ. Стихотвореніе „Колосья бѣдныхъ" очень содержательно по темѣ, здѣсь разсказано, какъ герой, Сидъ, важное лицо въ странѣ, ѣдетъ при королѣ, по узкой полоскѣ обрыва, подвергаясь опасности, чтобы не затоптать на прилегающемъ полѣ ни одного колоса бѣдныхъ; онъ говоритъ своему королю, предостерегающему его объ опасности: „*Поѣзжай себѣ, гдѣ хочешь, я же ѣхать буду съ краю, пусть рискую я свалиться, страха смерти я не знаю. Кто заботится о бѣдныхъ, тотъ о страхѣ пусть забудетъ: тьму архангеловъ на стражѣ за собой имѣть онъ будетъ!*" Научныя статьи: „Какъ дѣлаютъ стекло", Александра Альмедингина, большая интересно и популярно написанная статья, съ массой рисунковъ, дающая обильныя свѣдѣнія о стеклянномъ производствѣ и „Письма натуралиста": 1) „По слѣду", 2) „Весна идетъ"—Павла Вольногорскаго; послѣднія двѣ маленькихъ статейки хотя и написаны фельетонно, но живо, знакомятъ, первая со слѣдами животныхъ и звѣрей, вторая—съ весеннимъ пробужденіемъ природы, съ прилетомъ къ намъ птицъ, вообще съ жизнью ранней весною, травъ, лѣса и животныхъ, съ таблицей состоянія погоды съ 25 матра по 10 апрѣля. Въ нынѣшнемъ году въ *Родникѣ* очень разнообразенъ отдѣлъ мелкихъ сообщеній,—такъ въ четырехъ книгахъ его ихъ представлено до тридцати: тутъ и „Синій крестъ", и „Самоѣдская школа", и „Майскій союзъ въ городѣ Сѣвскѣ", и „Корельская школа", и „Елка у глухонѣмыхъ", и „Воскресная школа въ Харьковѣ", и „Какъ проводятъ зиму дѣти на дальнемъ Сѣверѣ", и „Штормъ на Черномъ морѣ", и „Землетрясеніе на Кавказѣ", и „Странствующіе учителя и чтецы", и „Народный садъ въ Петербургѣ", и „Вогульская школа", и „Этнографическій музей въ Гельсингфорсѣ", и „Дѣтскіе и сельскіе пріюты" и многое другое, дающее свѣдѣнія о современныхъ явленіяхъ. Изъ этого мы видимъ, что *Родникъ* внялъ правдивому голосу современныхъ требованій, послѣ долгаго его отчужденія отъ современныхъ явленій, пошелъ имъ навстрѣчу.

Дѣтскій Отдыхъ. Три вышедшихъ книжки его въ нынѣшнемъ году очень бѣдны беллетристикой и по количеству, и качеству; въ нихъ всего только четыре произведенія четырехъ авторовъ: „Сара Гальборгъ"—П. Засодимскаго, „Прощальный вечеръ"—С. Загорскаго, „Два брата", изъ волчьей жизни—С. П., „Сказки дѣдушки Спиридона"—В. Сысоева,—и все. Произведенія „Прощальный вечеръ", „Сказки дѣдушки Спиридона" настолько бѣдны и незначительны, и по содержанію, и по языку, что напоминаютъ собой гимназическія сочиненія на темы, какъ-то случайно попавшія въ этотъ изящный по внѣшности журналъ. Повѣсть г. Засодимскаго „Сара Гальборгъ" драматична и идейна по

своему содержанію, главныя лица ея—еврей закладчикъ и дочь его. Старое, ветхое начало наживы сгруппировано въ яркихъ краскахъ въ отцѣ; новое, живое начало состраданія и любви къ людямъ вложено въ сердце дочери; обстановка, жизнь закладчика, его дочери при немъ, написаны съ большими подробностями; драма разрыва дочери съ отцомъ, затѣмъ жизнь и смерть ея въ подавляющей нуждѣ и лишеніяхъ нарисованы со свойственной любовью этого автора, вообще, къ тяжелымъ драматическимъ сценамъ. Перерожденіе стараго еврея въ добродѣтельнаго человѣка, раздающаго деньги по пріютамъ и бѣднымъ людямъ, представляетъ картину ветхихъ мѣховъ, въ которые авторъ влилъ новое вино. Правда это жизни, художественное созданіе ея, или надуманная идейность? Невольно является вопросъ по прочтеніи этого произведенія, которое, благодаря сгущенности красокъ, дѣйствительно подавляетъ душу читателя, но далеко не умиляетъ и не трогаетъ его, и не вызываетъ презрѣнія къ пьющимъ кровь изъ бѣдныхъ людей, ветхимъ жизнію, безсердечнымъ закладчикамъ. „Два брата",—это жизнь двухъ волчатъ въ неволѣ и печальный конецъ ихъ. Написано живо, бойко, но бѣдно содержаніемъ. Бѣдны книжки журнала и научными статьями, которыя мало имѣютъ внутренней связи другъ съ другомъ, не представляютъ и большого разнообразія, такъ какъ число ихъ незначительно, это П. П. Ершовъ и его „Конекъ Горбунокъ"; „По пути въ Кулунду", „Игрушечное производство", „Въ далекихъ странахъ", „Азія", „Въ царствѣ черточекъ и точекъ",—все это какіе-то кусочки свѣдѣній, сообщенныхъ хотя и въ живой формѣ, но отрывочно, о П. П. Ершовѣ, о работѣ телеграфа съ черточками и точками; въ той же формѣ и отрывочности представлено и игрушечное производство. Въ книжкахъ напечатано и нѣсколько стихотвореній,—лучшее изъ нихъ „Пѣснь про короля и розу"—Сергѣя Клейнмана. Тянется переводъ „Приключенія Питера Марица" изъ романа А. Пимана, есть и передѣлка для театра изъ сказки Перро и комедіи г-жи Дюпюи „Мальчикъ съ пальчикъ". Бѣдны книжки и сообщеніями изъ современной жизни.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1900 г.

Абрамовъ, Я. Разводъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 25 к.

Александръ Өедоровичъ Голубевъ. Біографическій очеркъ. Омскъ, 1900 г.

Армстронгъ, Г. Эвристическій методъ обученія или искусство предоставлять дѣтямъ самимъ доходить до познанія предметовъ. М., 1900 г.

Блюмъ, Ф.-Боррисъ, Баркгаузенъ. Подвижной составъ и мастерскія жел. дор. Т. I. Паровозы. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1900 г. Ц. 9 р.

Богдановскій, М. Подпорныя стѣны. Съ 16 чертеж. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1900 г. Ц. 80 к.

Брандтъ, Р. Выписки изъ старопольск. словесн. со словарикомъ. М., 1900 г. Ц. 1 р.

Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь. Вып. 57-й. Спб., 1900 г.

Велецкій, С. Земская статистика. Съ предисл. проф. А. И. Чупрова. Ч. II. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1900 г. Цѣна за 2 ч. 7 р.

Верещагинъ, В. 1) Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. 2) Шіиты въ Карабахѣ. 3) Батчи и опіумоѣды въ Средней Азіи. 4) Оберъ-Амергау въ горахъ Баваріи. М., 1900 г. Ц. 60 к.

Виндельбандъ, В. Платонъ. Пер. А. Громбаха. Изд. ред. журн. „Образованіе“. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.

Волынскій, А. Леонардо-да-Винчи. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб., 1900 г. Ц. 12 р.

Гауссратъ, А. Средневѣковые реформаторы. Т. II. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1900 г. Ц. 2 р.

Головнинъ, Ор. Басни. Переводныя, подражательныя и оригинальныя. М., 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.

Горталовъ, Н. Молодые паломники въ Святой землѣ. Спб., 1900 г. Ц. 35 к.

Горькій, М. Разсказы. Т. IV. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.

Guide scientifique sommaire de la Section pédologique russe à l'Exposition universelle de 1900 à Paris. St.-P., 1900.

Демченко, Я. 1) Образованіе и сочетаніе словесныхъ звуковъ. Ц. 25 к. 2) О наводненіи Арало-Каспійской низменности для улучшенія климата прилежащихъ странъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1900 г. Ц. 80 к.

Дукмасовъ, А. Вопросы права и закона. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Е—въ, А. Н. Борьба и любовь. Жизнь и произведенія Ады Негри. М., 1900 г. Ц. 50 к.

Елисѣевъ, А. Львиныя ночи. Изъ путешествія по Сѣверной Африкѣ. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.

Егеръ, Х. Лѣкарственныя растенія многолѣтнія. Изд. К. Тихомирова. М., 1900 г. Ц. 25 к.

Жарновскій, И. Отчетъ по дѣтскому пріюту Нижегор. губ., земства для подкинутыхъ младенцевъ. Н.-Новгородъ, 1900 г.

Журналъ опытной агрономіи. Подъ ред. П. Коссовичъ. Книга I. Спб., 1900 г. Подп. цѣна 6 р.

Иллюстрированный сборникъ кіевскаго литературно-артистическаго общества. Кіевъ, 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.

Карпелесъ, Г. Всеобщая исторія литературы отъ начала ея до настоящаго времени. Вып. I. Кишиневъ, 1900 г. Ц. 30 к.

Коппе, Франсуа. Жертвы любви. Изд. Д. П. Ефимова. М., 1900 г. Ц. 60 к.

Котляръ, Д. Герои Южной Африки. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1900 г. Ц. 60 к.

Красновъ, А. Индія и Цейлонъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1900 г. Ц. 40 к.

Кживицкій, Л. Физическая антропологія. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1900 г. Ц 80 к.

Крестовскій, Вс. Вл. Собраніе сочиненій. Т. VIII. Изд. т-ва „Общественная польза“. Спб., 1900 г.

Куклинъ, Ив. Мотивы Крыма. Стихотворенія и переводы. Севастополь, 1900 г. Ц. 50 к.
Лейкинъ, Н. По всюду. Разсказы. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
Лондъ, А. Практ. рук. проявленія. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
Ляфаргъ, П. Экономическая роль биржи. М., 1900 г. Ц. 40 к.
Майръ, Георгъ. Статистика и обществовѣдѣніе. Т. II, вып. I. Спб., 1900 г.
Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегор. губ. Экономическая часть. Вып. XIV. Изд. Нижегор. губ. земства. Н.-Новгородъ, 1900 г.
Мензбиръ, М. Охотничьи и промысловыя птицы Европ. Россіи и Кавказа. Вып. 1, 2, 3, 4. Съ 4 атласами. М., 1898—1900 г.
Нохратскій, В. Русская азбука. Съ прил. письм. упражненій и церковнославянск. букваря. Казань, 1900 г. Ц. 20 к.
Орловъ, Е. И. Катехизисъ химическихъ производствъ. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1900 г. Ц. 80 к.
Отчетъ правленія общества пособія бѣднымъ жителямъ г. Козельска за 1899 г. Калуга, 1900 г.
Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ г. Сѣвскѣ, Орловск. губ. (3 годъ существованія). Орелъ, 1900 г.
Отчетъ совѣта орловскаго благотворительнаго общества, состоящ. подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны за 1899 г. Орелъ, 1900 г.
Отчетъ совѣта общества распр. начальн. образованія въ Нижегор. губ. и комитета по постройкѣ зданія народнаго театра за 1899 г. Н.-Новгородъ, 1900 г.
Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности черниговскаго городск. общ. банка. 1875—1900 г. Черниговъ, 1900 г.
Павловъ, А. Общепонятныя бесѣды о химическихъ явленіяхъ. Съ 7 рис. въ текстѣ. 2-е изд. М., 1900 г. Ц. 25 к.
Памяти Н. И. Храмцовскаго, историка Н.-Новгорода. Н.-Новгородъ, 1899 г.
Пантюховъ, И. Кобулеты, какъ приморскій курортъ. Тифлисъ, 1900 г. Ц. 30 к.
Пермская губернія въ сельско-хозяйств. отношеніи. Вып. I. Пермь, 1900 г.
Подоводскій, К. Стихотворенія. Т. I. Одесса, 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
Пожары въ Херсонской губ. за 1868—1894 гг. Изд. губ. земск. управы. Херсонъ, 1900 г.
Постановленія костромской очеред. губ. земск. собранія сессіи 1899 г. Кострома, 1900 г.
Прево, Марсель. Женское движеніе. М., 1900 г. Ц. 1 р.
Проектъ мастерскихъ для душевно-больныхъ при Алексѣевской психіатрической больницѣ. М., 1900 г.
Пуршикевичъ, В. Даровыя столовыя аккерманскаго земства. Вып. II. Ноябрь, декабрь, январь. Аккерманъ, 1900 г.
Путеводитель по Парижу. Описаніе всемірной выставки 1900 г. (по Бедекеру). Спб., 1900 г.
Романовичъ, П. Отчетъ о состояніи начал. народ. училищъ г. Саратова въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1898—1899 учеб. годъ. Саратовъ, 1900 г.
Сборникъ свѣдѣній по Саратов. губ. за 1899 г. Вып. I. Саратовъ, 1900 г.
Сборникъ статист. свѣдѣній по Уфимск. губ. 1) Стерлитамакскій уѣздъ. Ц. 3 р. 25 к. 2) Бирскій уѣздъ. Ц. 3 р. 25 к. Уфа, 1900 г.
Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностр. городовъ. Вып. XI. М., 1900 г.
Смирновъ, В. 1) Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Ц. 1 р. 50 к. 2) Воспит.-образов. значеніе поэзіи Пушкина для русск. об—ва. Ц. 25 к. Пермь, 1900 г.
Соколовъ, Аѳ. Методическая грамматика. Изд. М. Д. Наумова. М., 1900 г. Ц. 25 к.
Сосницкій, Арк. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Изд. М. А. Оксаковской. М., 1900 г. Ц. 25 к.
Спасовичъ, В. Д. Сочиненія. Т. IX. Спб., 1900 г. Ц. 2 р.
Strack, H. Das Blut im Glauben und Aberglauben der Menschheit. München, 1900. 2 Mark. 50 Pfennig.
Суходольскій, А. Значеніе для государства торгово-промышл. счетоводства. Спб., 1900 г.
Таліевъ, В. Руковод. къ сознательной гербаризаціи и ботаническимъ наблюденіямъ. Съ 71 рис. въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 75 к.
Тихановъ, Н. Практическія замѣтки по изысканіямъ для желѣзныхъ дорогъ и каналовъ. Изд. 2-е К. Л. Риккера. Спб., 1900 г. Ц. 80 к.
Тома, Ф. Воспитаніе чувствъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 80 к.
Труды педагогическаго общества, состоящаго при Импер. моск. университетѣ. М., 1900 г.
Турскій, М. Лѣсоводство. 2-е изданіе. М., 1900 г. Ц. 2 р. 30 к.
Уставъ харьков. об—ва взаимн. вспом. занимающихся ремесленнымъ трудомъ. Харьковъ, 1900 г.
Чириковъ, Евг. Очерки и разсказы. Кн. 2-я. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
Шкапскій, Ор. Аму-Дарьинскіе очерки. Ташкентъ, 1900 г.
Ярцевъ, А. Основаніе и основатель русскаго театра (Ѳ. Г. Волковъ). М., 1900 г. Ц. 50 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1900 г.

Типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.

рена). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Его же. Маленькій приходъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ пересылк. 1 р. 20 к.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Афонсъ Доде. Пардо Базанъ. Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Ц. за I вып. 50 к., за II и III вып. по 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Ц. 30 к. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Ц. 30 к.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идилія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II: Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 к. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 частяхъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Ц. 2 р.

Ремезовъ, М. Н. (М. Анютинъ. Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идилія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Особымъ отдѣломъ Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е удешевленное изд. Ц. 1 р.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Юнбша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 3-е издан. Ц. 1 к. Особ. отд. Учен. Комит. Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена для безплатныхъ народныхъ читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. 1½ к.

Сенкевичъ. Янко музыкантъ. Ц. 1 к.

— Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 4 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 коп.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ, на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

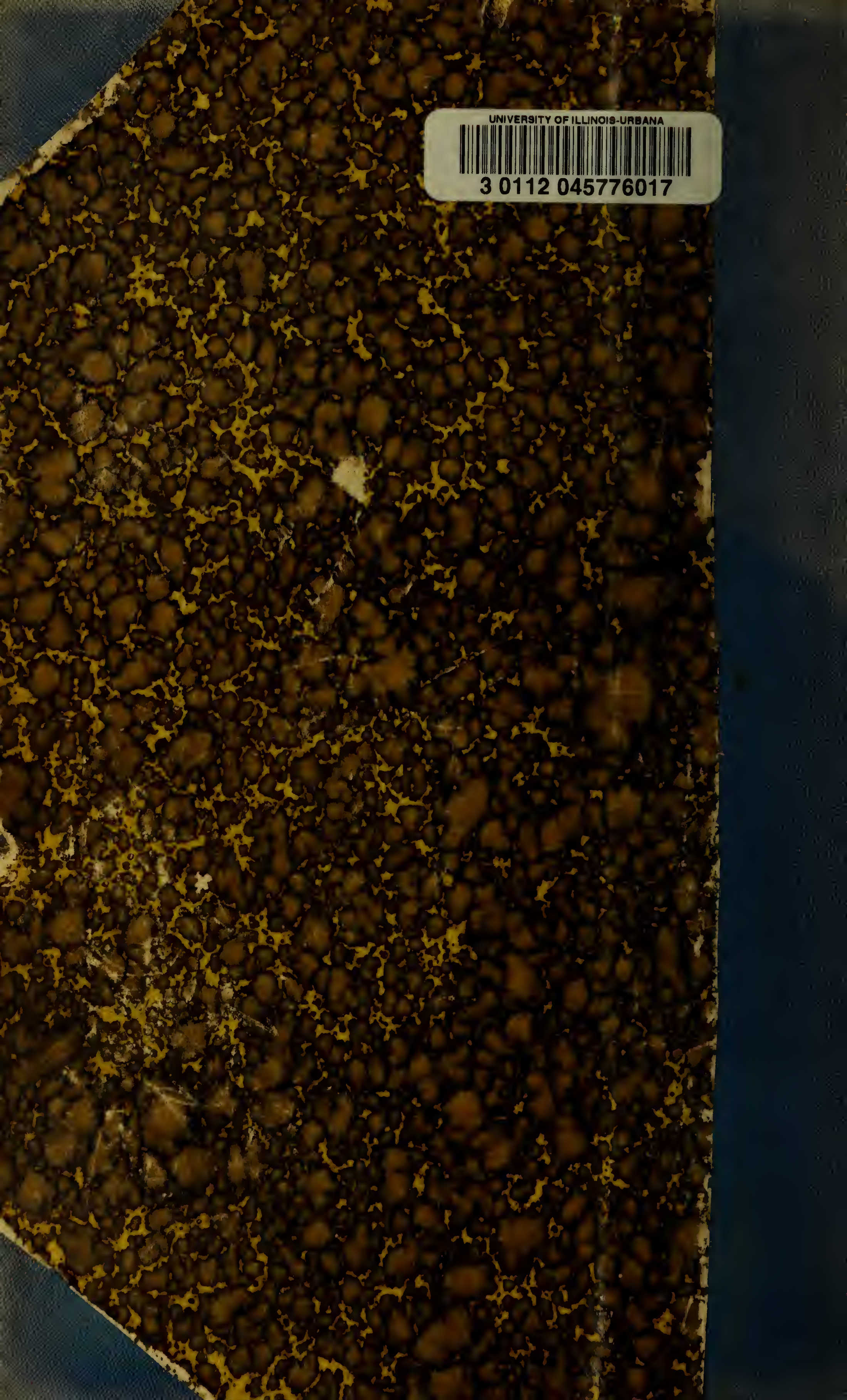
Сенкевичъ. Бартекъ-Побѣдитель. Ц. 12 коп.

Подписчики „Русской Мысли" на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко Москва.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва, Пименов. ул., соб. д.

Цена 2 руб


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045776017